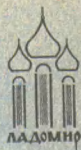

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Journal des Voyages

ET DES AVENTURES DE TERRE ET DE MER

N° 347. — Prix : 15 centimes. — JOURNAL HEBDOMADAIRE — Bureaux : 7, rue du Croissant.

Abonnements. PARIS, 8 fr. — DÉPARTEMENTS, 10 fr. — ÉTRANGER, 12 fr. — Dimanche 2 Mars 1884.

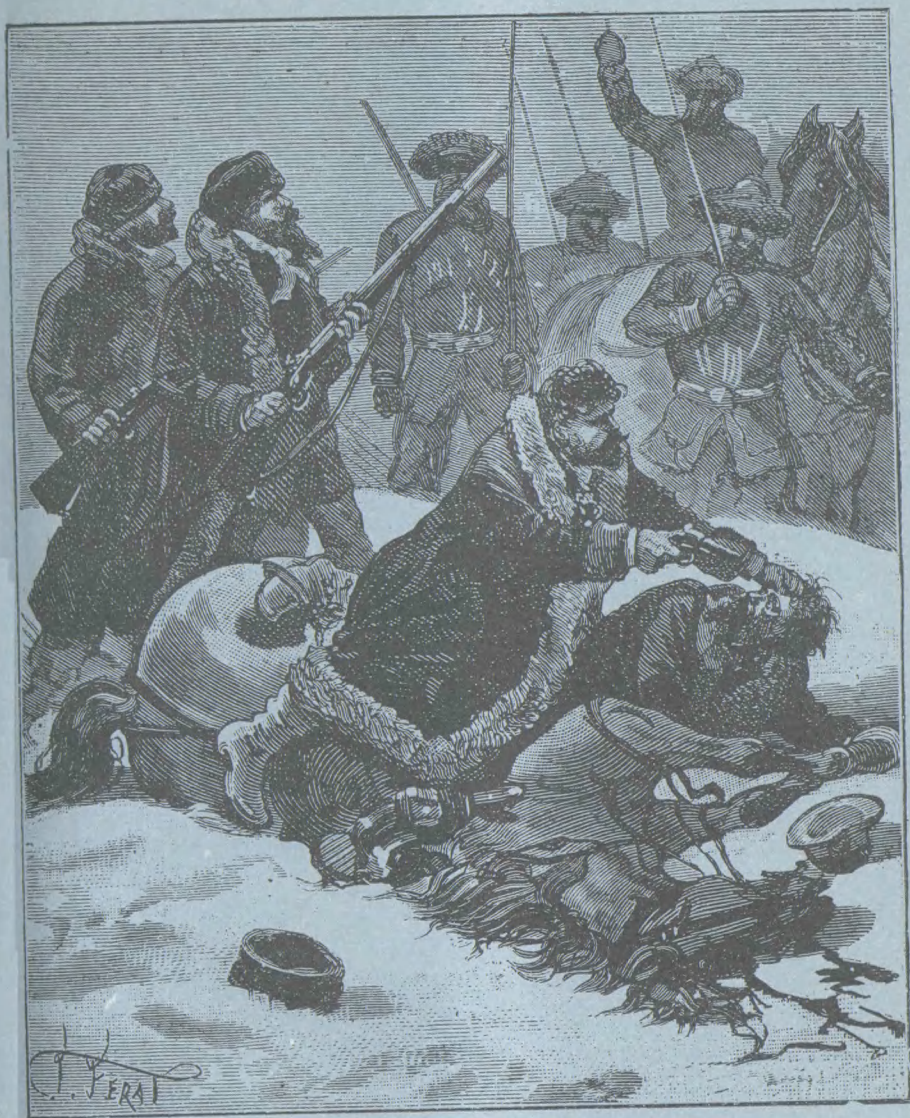
TEXTES. — De Paris au Brésil par terre. — Le Coq Rouge, aventures de deux petites Parisiennes en Russie (suite). — Sociétaires russes déportés en Sibérie. — Les Itobiosos marseillais (suite) : A la pêche, un saumon, plantations projetées, les chairs du tapir boucanées, le métairio, l'atelier, le Crocodile et l'Ilot du Salut. — Chronique des voyages et de la géographie.

ILLUSTRATIONS. — De Paris au Brésil : Les Cosaques se ruent sur le traineau; — L'officier les dévies à tour de rôle. — Sociétaires russes déportés en Sibérie : Un spectacle affreux s'offre aux regards de Véra. — Les Itobiosos marseillais : Grâce à ses efforts et à son adresse il sut capturer son poisson; — La société vint examiner les chairs du tapir.

DE PARIS AU BRÉSIL PAR TERRE

Par LOUIS BOUSSENARD

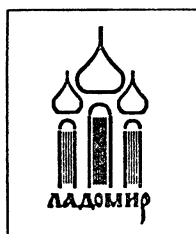

Луи Буссенар

ŒUVRES ROMANESQUES

**LOUIS
BOUSSENARD**

**De Paris
au Brésil par Terre**

MOSCOU • 1994

Луи Буссенар

СОБРАНИЕ РОМАНОВ

Из Парижа в Бразилию по суше

Перевод с французского

МОСКВА • 1994

ББК 84.4 Фр
Б92

Переводы
Т. Балашовой, Е. Морозовой, Р. Родиной

Примечания
А. Москвина

Художник
А. Махов

Б **4703010100-004**
593(03)-93 **Без объявления**

ISBN 5-86218-083-4 (серия 2, т. 1)
ISBN 5-86218-002-8

© Т. В. Балашова. Перевод, 1994.
© Е. В. Морозова. Перевод, 1994.
© Р. А. Родина. Перевод, 1994.
© Ю. Н. Маслов. Примечания,
1994.
© А. С. Махов. Иллюстрации,
1994.
© НИЦ «Ладомир». Оформление,
литературная правка текстов,
1994.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается.*

Из Парижа в Бразилию по суше

Часть первая

ЧЕРЕЗ ЕВРОПУ И АЗИЮ *

ГЛАВА I

Внезапная остановка.— Смелый поступок капитана Еменова.— Водолазы в скафандрах.— Чудовищный приказ.— Каторжники под конвоем.— Ссылные.— Отверженные.— Песня русских каторжан.— На допрос.— Пристрастие в суждениях.— Упоминание о Бразилии.— Путешественники или заговорщики? — Русские или французы?

— Стой! — Повелительный голос рассек, словно хлыстом, серую мглу.

— Что там еще? — долетело из саней, мчавшихся во весь опор. И хотя кучер не знал языка, на котором была произнесена эта фраза, интуитивно он тотчас схватил ее смысл.

— Да ничего, — ответил возница, продолжая нещадно гнать лошадей. — Эй, залетные!

— Стой! — повторил угрожающе тот же голос.

— А ну, смелей, голубчики! — кричал ямщик, надеясь проскочить мимо.

Но тут грянули выстрелы, и сквозь тяжелые хлопья падавшего снега блеснули стволы ружей. Сани едва не наткнулись на штыки стоявших полукругом людей. Перепугавшись, кучер попытался притормозить, переходя, как и все русские мужики в таких случаях, на странное тремоло: **

— Тпру-у-у!

* В старом переводе (издание П. Сойкина) роман выходил под названием «Из Парижа в Бразилию».

** Тремоло — быстрое повторение одного звука или чередование нескольких звуков.

Вожжи, которые извозчик натянул что есть мочи, лопнули. Казалось, катастрофа неминуема, но наперерез коням бросился высокий человек, в длинном тулупе и меховой шапке, сдвинутой на лоб.

Обычно в русские сани запрягают тройку лошадей: посередине, меж оглоблями,— сильного и быстрого коренника, по обе стороны от него — лошадей помельче, но идущих тем же аллюром. Оглобли соединены высокой подковообразной дугой с подвешенным в центре колокольчиком, оглашающим своим звоном многие километры. Крепко охваченному упряжью, крепящейся к оглоблям и дуге, и вынужденному при натянутых вожжах держать морду вверх, кореннику не повернуть шею ни вправо, ни влево, тогда как пристяжные могут, обернувшись, увидеть кучера.

Внезапно появившийся незнакомец, похоже, хорошо знал поведение животных в упряжке: не колеблясь ни минуты, он железной хваткой сжал кореннику ноздри — самое чувствительное место у лошади, и тот упал на колени.

Сани, продолжая движение по инерции, подпрыгнули и перевернулись, несмотря на специальные брусья, приделанные по бокам для устойчивости. Извозчик, сидевший, как обычно, на облучке, полетел в снег.

— Ну что, ребята?! — произнес тем же командным, но уже с примесью иронии, тоном смельчак, остановивший коней.— Вздумали улепетнуть от самого капитана Еменова?! Слишком молоды еще, ангелочки! Да-да, слишком молоды, чтобы объегорить старого сибирского волка! Ну а теперь выбирайтесь — и ко мне! Живо!

Из-под саней раздавались стоны. Ездокам непросто было выполнить приказ грозного капитана.

— Ну а вы что стоите? — бросил он солдатам.— Чем пялить глаза, разберитесь с колымагой! Вытащите бедолаг, войдите в их положение!

Солдаты, из казаков, стоявшие полукругом, тотчас накинулись на повозку: били прикладами, руша каркас, сдирали плотную внутреннюю обивку из фетра, швыряли на снежный ковер поклажу. Именно так, очевидно, поняли они приказ «разобраться с колымагой».

Капитан Еменов бесстрастно взирал на валявшиеся в причудливом беспорядке чемоданы из мягкой кожи, тулупы, подбитые каракулем шубы, валенки, подушки, матрасы, мешки и кулечки, консервные банки, конусовидные головки сахара, колбасы, бутылки водки, коробки

с печеньем и чаем, топоры, молотки, веревки и распротертые недвижно тела приезжих, выглядывавшие из-под кладь, припасенной в расчете на длительное путешествие по бескрайним студеным просторам.

Мы сознательно не касаемся пола горемык, поскольку определить его в тот момент не представлялось возможным: путники были столь заботливо укутаны в меха, что стали толще по меньшей мере вдвое и напоминали, скорее всего, водолазов в скафандрах.

— Ни рукой, ни ногой не шевелят! — пробормотал офицер. — Неужто преставились?

Но тревога оказалась ложной: казаки хорошенько встряхнули злосчастных ездоков, распахнули им одежды, растерли снегом лица и руки, и бедняги, громко чихнув, возвестили о своем возвращении из небытия.

— Где мы? Что, черт возьми, происходит?! — воскликнул кто-то по-французски.

— Право, понятия не имею, — раздалось в ответ.

Увидев, что сани разломаны, вещи разбросаны, а взмыленных лошадей, мелко дрожавших от холода, держат под уздцы солдаты, первый из пострадавших возмутился:

— Опять все не так! Ну и страна! И где этот кучер? Я пожалуюсь властям! Кто здесь за главного?

— Заткнись! — оборвал его капитан Еменов, переходя на французский. Держась строго, хотя происходившее явно его забавляло, офицер обратился к солдатам: — Отведите мерзавцев на постоялый двор. За них отвечаете головой, ясно? Если в мое отсутствие попытаются бежать или заговорить с заключенными — стреляйте. И помните, за каждого убитого — награда в пять рублей.

Не обращая более внимания на подчиненных, капитан повернулся и пошел прочь. Ножны его сабли слегка позвякивали, задевая о голенище сапога.

Снег падал тяжелыми хлопьями. И без того сумрачный день стал еще темнее. Надвигалась ночь.

Не успев оправиться после падения с саней, путешественники оказались в плену. Совершенно сбитые с толку, они шли в окружении солдат и ничего не понимали, кроме того, что последствия ареста могли оказаться самыми плачевными.

Сквозь вьюгу, бившую в лицо, виднелись шесты, расставленные на некотором расстоянии друг от друга, чтобы не сбиться с пути. Ужасная, изрезанная глубокими обледенелыми колеями дорога вела к однообразным бревенчатым домикам — избам, построенным в строгом соответ-

ствии с архитектурными сибирскими традициями. Утопанный снег хранил множество следов: недавно здесь явно прошла многочисленная группа людей.

Казак ускорили шаг, повернули направо и минут через пятнадцать, миновав овраг, вышли на площадь, по одну сторону которой виднелась разрушенная церковь, по другую — мрачного вида здание.

У путешественников от жгучего морозного воздуха захватило дыхание, хотелось немного отдохнуть. Но суровые конвоиры, помня о приказе командира, не дали им остановиться. Было ясно, что, если пленники сами не пойдут, их поволокут силой.

Едва французы со стражниками направились к зловещему строению, как на дороге появилась рота вооруженных солдат. Одетые в длиннополые шинели, они четко печатали шаг, глубоко вдавливая в снег кованые каблуки. Следом, едва держась на ногах, колонной шли бедные, измученные люди.

— Каторжники, — шепнул один из пленников своему товарищу. Тот как раз, чтобы не упасть, вцепился, ища опору, в торцы бревен, выпиравших из придорожной избы.

Повстречавшихся арестантов московские судебные власти приговорили к каторжным работам в Забайкалье, обрекая на муки и безвременную смерть в ледяном аду, именуемом Восточной Сибирью. Серые армяки, легкая обувь, наполовину обритые головы, обмороженные лица. На ногах кандалы с цепью, прихваченной у пояса веревкой. Кое-кто из заключенных обернул железные кольца тряпьем: этим счастливицам удалось собрать милостыню, и кузнец за соответствующую мзду изготовил им оковы чуть пошире. Ножные кандалы дополнялись наручниками, соединенными столь короткой цепочкой, что держать руки можно было только спереди. Находившихся в одном ряду — от шести до восьми человек — приковали друг к другу. Стоило кому-то оступиться, как общий ритм движения нарушался и оковы впивались в кожу, покрытую язвами от постоянного соприкосновения с металлом, заставляя заключенных корчиться от жгучей боли. Жестокость, с какой этих обездоленных заковали в железо, преследовала вполне определенную цель — отвлечь даже мысль о побеге.

За скорбной партией каторжан в таких же серых кафтанах, только с желтым квадратом на спине, брели ссыльные, или, как их еще называют, поселенцы, осужден-

ные на бессрочное жительство в Сибири. Желтый ло-
скут — единственное, что отличало одну категорию отвер-
женных от другой, поскольку у ссыльных — те же канда-
лы, так же разбитая в дороге обувь и те же муки.

По обе стороны колонны выстроились два ряда солдат. Они шли, посвистывая или напевая, и не задумываясь пристрелили бы каждого, кто отклонился бы с пути. Тем более что пять рублей, положенные за убитого при попытке к бегству, представляли собой солидное состояние, вполне достаточное, чтобы в течение месяца-утолять вечно мучающую казаков жажду.

В обозе плелись отобранные у крестьян из соседних деревень низкорослые сибирские лошадки — худые, измученные, с грязной шерстью — и натужно волокли за собой повозки с жалким скарбом поселенцев, а то и с умирающим, чье источенное хворью тело подпрыгивало на каждой рытвине, приумножая страдания несчастного.

За повозками тащились жены поселенцев, согласившиеся следовать в этот горестный край. Кое-кому из них посчастливилось за особую мзду пристроиться среди клади рядом с больными, которых знобило от холода и недомогания. Большинство же шли пешком. Женщины вели за руку детей.

Бедные малыши спотыкались, падали. Тогда матери — отцы ведь не могли выйти из колонны — брали их на руки и несли то на спине, то на плечах, пока сами не валились от усталости.

Замыкала шествие еще одна группа военных. Конвоиры со свойственной российской солдатне грубостью подгоняли отстававших ударами приклада. Поднадзорные хрипели от изнеможения и, то и дело оступаясь, продолжали покорно брести по обледенелым рытвинам, пока в их телах еще теплилась жизнь.

Брошенные по дороге трупы быстро укрывались снежным саваном, и было ясно, что с наступлением темноты их разорвут на куски оголодавшие волки.

Прижавшись к избе, испуганные, потрясенные чужеземцы наблюдали зловещую картину, не отваживаясь высказать вслух мучившую каждого из них мысль: «И я могу оказаться среди этих страдальцев!»

Колонна — пятьсот обреченных на муки человек — остановилась на площади, и к небесам внезапно взмыла мелодия — скорее рыдание, нежели песня: это каторжники и ссыльные затянули известную всем русским узникам «Милосердную» — своего рода моление о помощи.

Раз услышав сию душераздирающую, наподобие мизерере *, жалобу, исполненную под зловещий аккомпанемент кандального звона в торжественно-возвышенной манере псалмопения, ее уже не забудешь. Простые, неоднократно повторяющиеся слова, по-детски наивно повествующие о постоянно испытываемых каторжниками муках, не могут оставить равнодушными крестьян из расположенных окрест деревень. Заслышав горькую песню, сибиряк тотчас откликается на нее всей душой, не задаваясь вопросом, за что понес узник столь жестокое наказание. Ему, всю жизнь гнувшему спину в суровом северном краю, по собственному опыту знакомы невыносимые тяготы, обрушившиеся на бедных заключенных. Одни обездоленные внимают мольбе других. И то старик инвалид, то широкоплечий рабочий, а то и полунищая вдова с низким поклоном подносят узнику скромную милостыню — медяк или кусок черного хлеба.

Солдаты, в точном соответствии с приказом, запрещавшим общение задержанных с осужденными, растолкали прикладами каторжников, с удивлением поглядывавших на странных подконвойных, и привели путешественников к дому, где их ждал офицер.

На улице уже совсем стемнело, и капитан Еменов, готовясь к встрече, осветил свою скромную обитель на полную мощь, что вообще-то не принято в этих краях. Сбросив енотовую шубу, он остался в синем мундире с золотыми пуговицами, туго подпоясанном ремнем. На ногах — сапоги со шпорами. Одетый как на парад, офицер стоял возле огромной, основательно сложенной печи, в которой потрескивали круглые сосновые поленья. Рядом на огромном столе лежали бумаги, прижатые за неимением пресс-папье тяжелым револьвером.

Солдаты, стянув с пленных шубы, подтолкнули чужеземцев в широко распахнутую дверь и, сами оставшись в прихожей, опустили ружья. Даже не кивнув в ответ на вежливое приветствие, начальник конвоя, словно полицейский, видящий людей насквозь, пронзил задержанных взглядом своих бледно-голубых глаз. Вопреки ожиданию, лица приезжих, небольшого роста, но крепко скроенных и далеко не первой молодости, излучали искренность и доверие.

* Мизерере — католическое церковное песнопение на латинский текст пятидесятого псалма.

Прежде всего капитан обратил внимание на их бороды — такие же, как у мужиков, с той, однако, разницей, что аккуратно ухожены: у одного — белокуро-золотистая, у другого — черная как смоль. Видно было, что оба привыкли к опрятности — первому условию комфорта. Тонкие, «аристократические» руки, элегантные, сшитые по фигуре дорожные костюмы. В общем, пленники явно были не из простонародья.

Какое-то время капитан пребывал в задумчивости. Несколько раз провел рукой по сидящим бакенбардам, касавшимся, как у всех казаков, пышных усов. Потом, картинно развернув плечи, сказал по-русски в свойственной ему грубоватой манере:

— Кто вы?

— Месье,— твердым голосом, но почтительно произнес по-французски блондин,— я имею честь сообщить вам, что ни я, ни мой друг не знаем русского. И поэтому вынуждены просить вас обращаться к нам на нашем языке, которым вы, как и многие ваши соотечественники, превосходно владеете.

— Ого, а вы хитрее, чем я думал! — воскликнул офицер.— Ну что же, буду задавать вам вопросы по-французски, хотя мне ничего не стоит научить вас правильной русской речи: достаточно лишь призвать в учителя Ивана. У него одно средство обучения — кнут, которым солдат владеет отменно!

— Кнут, сказали вы?! — побледнев от возмущения, переспросил блондин, его же товарищ, не такой смелый или более впечатлительный, растерялся.

— Да, кнут!

— Похоже, я сплю или вижу сны наяву. Сколь бы ни были склонны к злоупотреблению властью российские служащие, ваша угроза представляется мне неуместной шуткой, если только...

— Если — что?

— Если только мы не стали жертвами недоразумения.

— Неплохо вошли в роль! Ни один подданный его императорского величества не решился бы говорить так со мной, его скромным представителем, а посему слова ваши заставляют меня задуматься, кто же вы на самом деле. Может, действительно иностранцы, за коих выдаете себя?

— Я уже сказал и повторяю: мы — французы. В этом легко убедиться, заглянув в наши документы, которые в саквояже. Не набросься на нас ваши люди со свойствен-

ной казакам грубостью, мы бы давно уже предъявили вам паспорт.

Капитан молча вытащил из-под револьвера одну из бумаг и ровным, беспристрастным голосом принялся читать, обильно уснащая письменный текст личными комментариями:

— «Среднего роста»... Так и есть... «Оба с бородой. Блондин и брюнет. Весьма активны, особенно блондин. Исключительно хитры... В равной степени превосходно владеют несколькими иностранными языками...»

Покончив с описанием примет, офицер сказал самому себе:

— Это, конечно, они, голубчики! Интересно, надолго ли им хватит выдержки? Но вначале позабавимся: ведь развлечения так редки в этом проклятом краю! — Затем он промолвил как можно мягче: — Итак, согласно вашему заявлению, вы — французы?

-- Я уже сказал вам это.

— И как же вас зовут?

— Меня — Жюльен де Клене, его — Жак Арно.

— Прекрасно! И путешествуете вы ради удовольствия?

— Не совсем так. У Жака Арно дела. Я же действительно сопровождаю своего друга для собственного — и надеюсь, и для его — удовольствия.

— Неплохо у прохвоста подвешен язык! — пробурчал капитан себе в усы. — Но хорошо смеется тот, кто смеется последний! — И снова обратился к Жюльену: — Не будет ли нескромностью узнать, куда вы направляетесь?

— Что ж тут нескромного? В Бразилию!

Капитан ждал любого ответа, но только не такого. Собеседник вроде бы находился в здравом уме и твердой памяти, и разговор происходил не где-нибудь, а в сибирской избе, недалеко от города Томска, на 56° северной широты и 82° восточной долготы. Словом, капитан буквально онемел. И неудивительно: название далекой солнечной страны слишком уж контрастировало с этой пышущей жаром печью, у которой пытались, хотя и без особого успеха, отогреться трое пришедших с мороза мужчин.

— В Бра... в Бразилию?! — заикаясь, произнес офицер. — Но в Бразилию не едут...

— По суше? Конечно! Тем более что Азию от Америки отделяет Берингов пролив — пятьдесят с чем-то километров. Но мы пересечем его зимой, по льду. Мой друг не переносит морской качки, почему и занесло нас в самый

центр Сибири, где нам и представилась возможность познакомиться с вами.

Все это было сказано с чарующей легкостью, свойственной парижанам, всюду чувствующим себя как дома.

Капитан, долго сдерживавший себя, взорвался:

— Хватит, негодяй! Я люблю посмеяться, но шутки мои, как у медведя, с когтями и клыками! Не выношу, когда из меня дурака делают! Нет, довольно уж! Не удался вам маскарад! Ты, так называемый Жюльен де Клене,— Алексей Богданов, студент из Риги. А ты, Жак Арно,— Николай Битжинский, студент из Москвы! И оба вы — из кружка нигилистов *, участвовали в заговоре против родимого нашего царя-батюшки! Приговоренные к пожизненной каторге, вы неделю назад бежали из Томска. Ну как, неплохо осведомлен я обо всем, касающемся вас?

На крик прибежал унтер-офицер — на всякий случай.

— Это ты, Миша? — взяв себя в руки, бросил капитан Еменов.— Забери голубчиков да отправь по этапу. Поскольку здесь у нас нет ни цепей, ни кузнеца, свяжи их покрепче по рукам и ногам, а уж в Красноярске их закуют в железо. И предупреди старосту: он головой ответит за них.

ГЛАВА 2

*Ужасная дорога в Сибирь.— Два года в пути.— Две тысячи лье ** пешком и в цепях.— Забота русской администрации о ссыльнокаторжных.— На этапе.— Неистовое усердие капитана Еменова.— Подобие ада.— Староста.— Полковник Сергей Михайлов.— Соккрытие побегов начальниками конвоя.— Солидарность несчастных.— Копилка нищих.— Проблеск надежды.*

Не собираясь специально описывать зловещий сибирский путь по этапу, мы, со ссылкой на вполне достоверные источники, коснемся только тех данных, которые необходимы для ясности нашего повествования.

Двадцать лет тому назад осужденные на каторгу или ссылку весь путь от Москвы до места отбывания наказания

* Нигилист — здесь: противник существующего строя, отрицающий общепринятые нормы поведения и привычный образ мыслей.

** Лье — французская мера длины, равная в описываемое в романе время примерно четырем километрам.

проходили пешком. А это ни много ни мало — две тысячи лье до Забайкалья и две тысячи двести — до города Якутска. Вы не ошиблись, даже самое короткое расстояние — две тысячи лье, или восемь тысяч восемьсот километров, составляет едва ли не четвертую часть земного экватора! Одни партии арестантов находились в дороге два года, другие — два с половиной. Но с тех пор администрация произвела кое-какие изменения, к несчастью, скорее видимые, чем подлинно положительные. Согнанных отовсюду заключенных отправляют теперь на пароходиках вверх по Каме, одному из притоков Волги, везут из Перми до Екатеринбурга через Урал по железной дороге и затем на повозках доставляют в Тюмень, откуда начинается нескончаемо долгий речной путь на баржах — сперва по реке Тобол до города Тобольска, далее по Иртышу до Самарского — места впадения этой реки в Обь — и, наконец, вверх по Оби до Томска.

Услышав о таких переменах, некоторые могут подумать, что осужденные избавлены от дорожных мук, поскольку их доставляют на транспортных средствах поближе к месту изгнания. Какой-нибудь умник, демонстрируя неуместный оптимизм, может даже воскликнуть: «Им остается пройти лишь последнюю часть пути — уже после Томска!» На самом деле до поселений вдоль реки Кара — три тысячи восемьдесят километров, или девять месяцев пешего пути. Если же место назначения — Якутск, то пройти придется еще больше — четыре тысячи шестьсот восемьдесят километров. Воистину, бескрайние пространства России то и дело заставляют нас удивляться.

Но, по мнению администрации, и Якутск еще слишком близок от Москвы, и политических заключенных отправляют теперь в Верхоянск и Нижнеколымск — в край полярной ночи. Следовательно, к вышеприведенным четырем тысячам шестистам восьмидесяти километрам, отделяющим Томск от Якутска, надо прибавить еще две тысячи триста двадцать километров — от Якутска до Нижнеколымска. Приплюсовав к 4680 километрам 2320 километров, получим семь тысяч километров, или 1750 французских лье, что примерно совпадает с названной вначале цифрой в две тысячи лье. Для того чтобы преодолеть подобное расстояние пешим строем, требуется два года.

Разве мы неправы, отмечая, что улучшение условий доставки заключенных к месту их постоянного пребывания скорее видимое, чем истинное? Да и можно ли вообще

говорить о каком бы то ни было улучшении после прочтения книги русского писателя Максимова? * Три тома его сочинений, рассказывающие о поселениях в Сибири, стали надежным источником сведений, хотя он лишь приподнял завесу над реальным положением дел.

Максимов подробнейшим образом описывает ту часть пути, которую преодолевают на повозках. Он сообщает, как каторжане в один голос называют это транспортное средство машиной, словно специально придуманной, чтобы мучить людей и тягловых животных. Попадая то в одну рытвину, то в другую и словно перебирая колесами клавиши пианино, повозки громяхают то по белым, то по черным переброшенным через топкую болотистую жижу бревнам. Телеги медленно плетутся от одного арестантского барака до другого, выматывая душу из осужденных, которым, едва прикрытым лохмотьями, приходится в любую погоду просиживать неподвижно прикованными друг к другу на узкой скамейке по восемь — десять часов.

Что же касается плавучих тюрем — барж, доставляющих осужденных из Тюмени в Томск, — то они не лучше повозок. Каким бы ни был хорошим сам замысел сократить пеший путь, его реализация не дала ощутимых результатов, особенно с точки зрения гигиены: из-за невыносимой тесноты баржи становятся настоящими рассадниками заразы.

По прибытии в Томск, откуда и начинается пеший путь протяженностью в два года, каторжников и ссыльных в течение нескольких дней разбивают на отдельные группы — в зависимости от конечного пункта их назначения.

Одна из партий таких осужденных, вверенная усердному, но туповатому капитану Еменову, двадцать шестого ноября 1878 года выступила в направлении к Якутску. Этот солдафон, прослуживший в армии до седых волос и привыкший за долгие годы к ужасам этапирования ссыльнокаторжных, был в отвратительном настроении — худшем, чем обычно. Дело в том, что двум приговоренным к каторжным работам участникам заговора нигилистов, которых побаивался сам царь, обманув бдительность старого служаки-исправника, удалось бежать из томского

* Максимов Сергей Васильевич (1831 — 1901) — русский писатель, этнограф, почетный член Петербургской Академии наук, автор книги «Сибирь и каторга» (1871).

острога*, а поиски их до сей поры ничего не дали. И перед тем как отправиться в путь, капитан Еменов получил от исправника — начальника уездной полиции — предписание принять участие в розыске государственных преступников и задерживать всякого, кто покажется подозрительным. А по дороге из Семилужного в село Ильинское Еменова нагнал примчавшийся на взмыленном коне вестовой с известием о том, что беглецы движутся тем же маршрутом, что и колонна.

Документы у задержанных были в полном порядке. При въезде в село Ишимское путешественники даже представили подорожную** с печатью. Но разве не бывает так, что злоумышленник, стараясь скрыться от правосудия, заранее обзаводится всеми необходимыми документами? Пометка в паспортах этих так называемых французов действительно подтверждала их заявление о том, что они направляются к самому северному мысу восточного побережья Сибири. Но кто поверит, что французы, изнеженные существа, отважились вдруг пересечь бескрайний континент, да еще зимой! Прямо курам на смех!

Чего ждешь, тому и веришь! И после краткого допроса у начальника колонны, как казалось ему, появились достаточно веские основания для ареста подозрительных лиц, и при этом Еменова не мучили угрызения совести, если таковая еще у капитана имелась.

Потрясенные неожиданным поворотом судьбы, не оправившиеся еще от падения, от резкой смены жары в избе и холода на улице, напуганные до смерти, путешественники сразу же были отправлены в арестантский барак. Подобные заведения тюремного типа — деревянные строения за высоким забором — располагаются по пути следования колонны приблизительно через каждые пятнадцать километров и служат для этапников местом дневного или ночного отдыха.

В Ишимском селе своеобразный придорожный острог, сооруженный более тридцати лет назад, измочаленный непогодой и повидавший на своем веку многие тысячи ссыльнокаторжных, прогнил от пола до потолка. Снег, подтаивая, сочился с крыши изо всех трещин, образуя на полу зловонную лужу, в которой толклись не менее пяти-

* Острог — здесь: тюрьма; ниже это же слово встречается и в другом значении — населенного пункта, обнесенного частоколом.

** Подорожная — проездное свидетельство, дававшее ее обладателю право требовать у станционных смотрителей лошадей.

сот заключенных, хотя барак был рассчитан только на сто пятьдесят человек.

Распахнув дверь грубым ударом, казак увидел направившегося к нему навстречу высокого, обнаженного по поясу старика.

— Ты староста?

— Да.

— Капитан велел вручить тебе этих двоих. Присмотри за ними. Главное, чтоб не сбежали. Хотя капитан тебе доверяет, но велел все же сказать, что ты отвечаешь за них головой.

— Ладно.

Сильная рука втолкнула задержанных в зловонное помещение, и дверь захлопнулась. На них тотчас пахнул сырой горячий воздух, густо пронизанный смрадом от массы людской — от гнойных ран и грязных лохмотьев. Голову словно стянуло обручем, в глазах помутилось, легкие отказались дышать ядовитыми миазмами *, и не успели путешественники сделать и шага, как неловко взмахнули руками и, потеряв сознание, повалились на лежавшие недвижно тела ссыльнокаторжных.

Когда несчастные открыли глаза, то пришли в ужас: столь невероятной казалась представшая их взору картина. Вдоль стен по обе стороны от входа располагались нары — сбитые из сырых, осклизлых досок полати. На грубых лежаках валялись вповалку этапники. Те, кому не хватило места на убогом настиле, устроились в грязи под нарами или в проходе. Руки и ноги их были стерты в кровь. Из-за жуткой жары бедняги сбросили с себя влажную одежду, заменившую им матрас. Тяжело, со свистом, вздымалась и опускалась их грудь с резко выступавшими ребрами и иссиня-бледной кожей. Сморенные длительным переходом, одурманенные испарениями, они за редким исключением забылись тяжелым сном, так похожим на беспамятство. Тяжелое дыхание и стоны сливались воедино в зловещем агонизирующем концерте.

Свинцового цвета лица с запавшими глазами, ввалившимися щеками. Огромное скопление тощих как скелеты тел с кровоточащими ранами и железными оковами, от которых, пребывая в кошмарном сне, пытаются инстинктивно освободиться несчастные...

— Где мы?.. Кто вы? — забыв, что он в России, спросил Жак по-французски, увидев склоненное над ним сим-

* Миазмы — ядовитые гнилостные испарения.

патичное лицо старосты, смотревшего на арестанта с грустью во взоре.— Я хочу выйти! Как не поймете вы, что я умираю! Помогите кто-нибудь!

В ответ — лишь кандалный звон и жалобные стелания.

— Тише, браток, тише! — так же по-французски проговорил ласково староста.— Пожалейте тех, кого мучает боль! Пожалейте и тех тоже, что просто спят!

Жюльен — более крепкий и не столь впечатлительный, как Жак,— сумел овладеть собой и, стараясь не обращать внимания на зловоние, обратился к старику, чье аскетичное лицо выражало глубокое сострадание, с тем же вопросом, что и Жак:

— Кто вы?

— Такой же ссыльный, как и вы, дорогие мои ребята. Впрочем, хуже, чем ссыльный: я — каторжник...

— Мы ведь с другом не русские, а французы,— произнес Жюльен, пытаясь унять дрожь в голосе.— И вдруг нас арестовывают без всяких на то оснований. Мы не знаем ни ваших порядков, ни ваших законов. И не участвовали ни в каком заговоре. Так что оказались попросту жертвами чудовищного недоразумения: офицер, приказавший бросить нас сюда, полагает, будто мы — русские студенты, члены кружка нигилистов.

— Из томской тюрьмы сбежали два молодых человека — Богданов и Битжинский, приговоренные московским судом к каторжным работам,— сказал, собравшись с силами, Жак.— Я понял во время допроса: этот палач-офицер собирается наградить нас не только их именами, но и тем тюремным сроком, к которому приговорили этих бедняг. Поверьте нам, месье! Даем вам честное слово!

— Верю вам, ребята! — мягко произнес староста.— И глубоко огорчен этой вольной или невольной ошибкой.

— Вы сказали — вольной или невольной?

— Да, именно так. По-видимому, у негодя свой расчет. Понимаете, начальник колонны, получив определенное число ссыльнокаторжных, отвечает за каждого из них. Если кто-то умер в пути, то составляется протокол, в котором по всем правилам фиксируется смерть. Ну а в случае побега вина за это ложится в той или иной мере на начальника конвоя, которого непременно ждет наказание: выговор или задержка в продвижении по службе. Среди конвоиров встречаются и неплохие ребята — такие, что не стали бы прятаться от наказания. Но капитан Еменов не из них. Он попытается любыми правдами и неправдами

арестовать первого встречного и заменить им сбежавшего. В данном же случае, возможно, он старается выручить исправника, раз побег совершен из Томска.

— Но это же подло! Это — преступление!

— Вы правы. Это тем более ужасно, что у работающих в рудниках нет имени — один только номер. И там, полностью обезличенные, без паспорта и прочих удостоверений, они трудятся под землей до конца дней своих.

— Это же ждет и нас?

— Да, если только кто-то не отважится пойти наперекор лиходею.

— Кто-то?

— Скажем, я.

— Вы?! — вскрикнули в один голос друзья. — Но кто же вы? Кто?

— Обычный каторжник, вот уже больше двух лет. А до этого был полковником. Позвольте представиться: Сергей Михайлов, преподаватель Петербургского военного училища.

Жюльен де Клене не мог сдержать удивления:

— Полковник Михайлов? Знаменитый ученый, одаривший когда-то меня своим вниманием? Но тогда вы должны помнить Париж и вечера, проведенные нами вместе у мадам П. Там был еще и ваш знаменитый соотечественник Тургенев. А лекции в Географическом обществе! Вы знаете меня, я — Жюльен де Клене.

— Жюльен де Клене! — произнес сквозь душившие его слезы староста. — Прославленный путешественник, исходивший Мексику, аргентинскую пампу*, побывавший на неизведанных островах Океании... Бедный мальчик, вот в каком аду довелось нам встретиться! — Потом, сумев преодолеть волнение, старик проговорил: — Если, не зная еще, кто вы, решил я попытаться спасти вас от чудовищной несправедливости, то с тем большей радостью сделаю это для друзей... Ну как вы, приходите понемногу в себя? Привыкаете к этой жаре и зловонию?

— Дышать — дышу, но без особого энтузиазма, — ответил присущим парижанам шутивым тоном Жюльен и заставил себя улыбнуться.

— А я, — молвил Жак, по бледному лицу которого стекали крупные капли пота, — слышу вас с трудом и вообще еле жив.

*Пампа — здесь: равнина в Южной Америке с преобладанием травянистой растительности.

— Вот вам водки,— предложил староста, доставая откуда-то бутылку.— Только она одна сможет помочь вам дожидаться, пока откроют двери.

— А вы?

— Не беспокойтесь, я уже научился почти не спать, мало есть и вдыхать воздух лишь время от времени. К тому же мои обязанности, пусть скромные и неоплачиваемые, требуют от меня немало внимания. Так что о себе я не успеваю думать.

— О каких обязанностях идет речь?

— Я — староста этой партии ссыльнокаторжных. Вы, наверное, не знаете этого слова и всего, что с ним связано. Так что поясню вкратце. Традиционный для России дух коллективизма сохраняется и среди заключенных. Свои деньги они складывают вместе: можно считать правилом, что ни один политический, ни один уголовник копейки не истратит на себя одного. Готовясь к дороге, они выбирают кого-нибудь из своего числа, чаще всего пожилого, и вручают ему все деньги с просьбой использовать эти средства, чтобы хоть как-то облегчить участь заключенных. Сейчас я уточню. Стража в арестантских бараках привыкла взимать с заключенных некоторые, так сказать, поборы, и отвертеться от этого отнюдь не просто. Я не осуждаю этих людей: жизнь охранников тоже не сладкая, почти как у нас. Подумать только, им выделяют на весь год лишь четыреста кило муки и три рубля деньгами, что составляет в общей сложности семь франков пятьдесят сантимов. Поэтому они в постоянных поисках «моркови», как шутливо выразился один служака-француз. Скажем, приходит партия в придорожный острог. Заключенные промокли до мозга костей. А стражник им: «Печь не работает, ее не разжечь». Вот тут староста и вынимает из общей копилки небольшую сумму. Иногда с той же целью специально выставляют окна: «Рамы взяли на ремонт. Придется так и спать — без стекол». Староста опять платит — чтобы вставили окна. И так за все — за доски с ветошью вместо постели, за охапку сена, чтобы заткнуть щели, за тряпки, которые засовывают в железные кольца, за водку, чтобы взбодрить несчастных, совсем окоченевших от холода. Не забывает староста и про кузнеца, кующего кандалы. Кроме того, он же подбадривает слабого, утешает отчаявшегося, отпускает грехи умирающему. На определенных условиях ему удастся уговорить начальника конвоя закрыть глаза на незначительные отступления от отдельных правил, выполнение которых сделало бы путь по этапу еще тяжелее.

— На определенных условиях?

— Да. Если начальник проявляет терпимость, то заключенные через своего старосту дают ему слово не бежать в дороге. Это обещание обычно строго соблюдается вплоть до прибытия на место. Ну а там они считают себя свободными от обещания, которое каждый из них давал ради всех. Позавчера я тоже от имени всех дал капитану Еменову такое обещание... Не беспокойтесь, к вам это не относится. Я хочу, чтобы вы ушли отсюда с гордо поднятой головой, как люди, чья невиновность полностью доказана, а не бежали бы тайком, словно испугавшись законного возмездия... Становится совсем темно, скоро ночь. Постарайтесь немного поспать. Я попрошу у охранника две охапки сена, а ваши товарищи по несчастью немного потеснятся для вас. И запомните: вы можете полностью рассчитывать на меня.

ГЛАВА 3

*Встреча на углу Больших бульваров и улицы Фобур-Монмартр.— Американский дядюшка.— Человек, не знающий, куда деть миллионы.— Письмо с бразильской фазенды * Жаккари-Мирым.— Представления американского дядюшки о смысле существования.— Родственные чувства скептика.— Страхи канцелярской крысы.— Боязнь морской качки.— Неудачная прогулка.— Морская болезнь.— В Бразилию по суше!*

— Боже милостивый, что случилось? Загорелся Люксембургский дворец? ** Мельницу Галетт *** окружили китайцы или во Франции восстановлена монархия? — воскликнул весело некий гражданин, повстречав неожиданно на углу знаменитых парижских Больших бульваров и улицы Фобур-Монмартр своего приятеля.

— Привет, Жюльен! Как дела, дружище?

— Это у тебя надо спрашивать, как дела! На тебе, милый Жак, лица нет!

Жак вздохнул, крепко пожал другу руку, еще раз вздохнул и ничего не ответил.

* Фазенда — крупное поместье в Бразилии.

** Люксембургский дворец — архитектурный ансамбль в Париже.

*** Мельница Галетт — одна из сохранившихся старых мельниц на Монмартре, бывшем пригороде, а с 1860 года — районе Парижа.

— Послушай,— продолжал Жюльен,— ты что, проценты потерял на последних облигациях? Или остался без гроша в кармане? А может, женился или заболел? Или орден получил? При виде тебя меня встревожили сразу две вещи: во-первых, ты чем-то озабочен, и, во-вторых, в эти часы — и не на работе!

— Боюсь, Жюльен, что ждет меня дорога к черту на кулички!

— Ну уж этого-то никак не случится: черт далеко, а путешествовать ты не любишь.

— Последнее-то обстоятельство и приводит меня в отчаяние: мне, вероятно, придется все же отправиться...

— Куда?

— В Бразилию.

Жюльену не удалось сохранить серьезность, и он разразился громким хохотом:

— Теперь я понимаю, почему у тебя сегодня такая кислая физиономия. Ведь это подлинное несчастье! Настоящее бедствие, лишаящее префектуру * Сена примерного служащего!.. Итак, ты держишь путь в Бразилию! Бордо **, Лиссабон, Дакар ***, Пернамбуку ****, Рио-де-Жанейро — путешествие приятное и непродолжительное. Двадцать три дня на пароходе — совсем пустяк! — и ты уже в солнечной стране, среди тропической зелени!..

— Мне наплевать, как там — пусть будет хуже, чем даже в катакомбах... Но море, море! — плаксиво произнес Жак и умолк, не в силах продолжать.

— Послушай, ты так и не сказал, что же заставило тебя отказаться от привычного ритма жизни. Со времени нашей последней встречи прошло полгода — срок достаточно большой, чреватый многими неожиданностями для нервных парижан — правда, теперь нас называют не парижанами, а невропатами! *****

— До вчерашнего вечера жизнь моя была спокойна,

* Префектура — во Франции административный округ, управляемый префектом — правительственным чиновником.

** Бордо — портовый город во Франции, расположен на реке Гаронна, впадающей в Бискайский залив.

*** Дакар — портовый город в Западной Африке, на полуострове Зеленый Мыс, столица Сенегала.

**** Пернамбуку (в настоящее время — Ресифи) — портовый город в Бразилии.

***** Невропат — человек, страдающий расстройством нервной системы.

словно вода в пруду. Но с утра я — как на углях! Я почти архимиллионер *, но радости — никакой!

— Надо же! Наследство?

— Да.

— От какого-нибудь дядюшки?

— Да.

— Наверное, из Америки: только там такие серьезные дяди живут.

— Отгадал.

— Ну что ж, тем лучше! А то говорили, что они уже все перевелись. Я рад, что эта порода людей еще не вымерла, и счастлив за тебя... Да что мы стоим в этой толчее? Уже половина двенадцатого, я умираю от голода. Пойдем-ка к Маргери. Проглотим дюжину устриц, отведаем рыбки из Нормандии **, полакомимся молодой куропаткой, запьем все это старым вином «бон-дез-опис»! А за десертом ты расскажешь мне о своих тревожнениях. Это тем более интересно, что начало похоже на очерк из «Журнала путешевий».

— Ладно, пошли. Тем более что на работу сегодня все равно не пойду.

— Да уж скорее всего! — заметил Жюльен, посмеиваясь.

Полчаса спустя друзья, удобно расположившись в отдельном кабинете ресторана, с удовольствием уплетали блюда, подаваемые им Адриеном, славным малым, преклонившимся перед исследователями и, кажется, тщетно мечтавшим тоже отправиться в настоящее путешествие. Пища была, как водится, изысканной, вино — отменным.

За едой о горестях ошастливленного Жака не говорили. И только когда Адриен принес кофе, Жюльен, закулив сигару, облокотился на стол и приступил к расспросам:

— Так ты сказал, что дядюшка...

— Умирая, объявил меня единственным наследником. Со мной письмо от него, полученное с утренней почтой. Вот, смотри! — Жак достал из кармана и протянул Жюльену толстый конверт с адресом, написанным крупными печатными буквами, и с профилем Педру д'Алькантара *** на почтовых марках.

* Архимиллионер — обладатель многих миллионов (приставка «архи» означает высшую степень чего-либо).

** Нормандия — область на севере Франции.

*** Алькантар Педру д', или Педру II (1825 — 1891) — император Бразилии с 1831 по 1889 год.

- Да это же целый трактат!..
- Прочти, здесь немало любопытного.
- И денежного!
- Ты все смеешься. Дядюшка писал не так часто.
- Но если уж писал...
- То и за час не прочитаешь.
- А у нас есть время?
- Что касается моей работы...
- Ясно! Итак, приступаю!

Жюльен не торопясь разгладил листки, пригубил шар-трез * и начал вдумчивым голосом:

— «Фазенда Жаккари-Мирим, двадцать один градус тридцать минут южной широты и сорок девять градусов западной долготы от Парижского меридиана (Бразильская империя **)

*Двадцать первое июня
тысяча восемьсот семьдесят восьмого года*

Дорогой мой племянничек!

Некоторые замшелые моралисты считают, что нельзя следовать первому движению сердца: оно, мол, излишне сентиментально. Со мной же — в том, что касается вас, — получилось как раз наоборот. Первым моим побуждением было лишить вас наследства, но я заглушил это желание и решил объявить вас своим единственным наследником. Ну, хорошо я сделал, отказавшись от первого побуждения, которое явно было злым? Не буду объяснять мотивы, которые побуждают меня так действовать. Мое решение непоколебимо, хотя я вас совсем не знаю или знаю исключительно по письмам, посылаемым хорошо воспитанным молодым человеком стафику, который может обернуться для него американским дядюшкой. Я долго на вас обижался. Это началось еще с того времени, когда вы закончили пресловутый юридический факультет — еще одна глупость Старого Света! — и искали место в жизни, как обычный Жером Патюро. Ваша умница-мать, моя сестра, оказала мне честь посоветоваться со мной по этому поводу. Справедливо или нет, но на меня в семье смотрели как на смышленного человека — из-за того, что, покинув страну в два

* Шар-трэз — ликер, изготовлявшийся в Гренобле (Франция) и Таррагоне (Испания) картезианцами — монахами ордена (религиозной общины), возникшего в XI веке в исторической области Франции — Шар-трэз (по-латыни Каргузья).

** Бразилия с 1822 по 1889 год называлась официально империей, с 1889 года — федеративной республикой.

дцатилетнем возрасте в одних сабо*, я сумел, как нынче говорят, сколотить кругленький капитал. Я ответил ей, что хорошо бы отправить вас на фазенду Жаккари-Мирум, где моего племянника ждал бы хороший кованный сундучок размером с канонерку и где его встретили бы с распростертыми объятиями, прижав к сердцу, которому незнакома торговля чувствами. Ваша матушка колебалась, она боялась. Ее я не буду за это бранить: мнение матери диктуется ее любовью. Вы же, дорогой племянничек, явили пример малодушия, даже страха, и это было неприятно. Вы отказались от моей помощи с отчаянной энергией труса, вынужденного что-то объяснить в свое оправдание, и в качестве последнего мотива выдвинули свой ужас перед обычным морским путешествием протяженностью в двадцать три дня.

Я поклялся забыть вас, и это мне удалось без особого труда. Тем временем вы взяли за правило регулярно писать мне, делая вашими прожектами** и тем самым позволяя мне разделять ваши надежды. Вам было двадцать пять лет, а посему предстояло, как и положено молодому человеку, воспитанному по буржуазной мерке, добиться скромной и бесполезной должности супрефекта*** и гордо представлять администрацию в таких городах, как Лодев**** или Понтиви*****.

Вы могли бы также, закончив изучение юриспруденции, рассчитывать на сомнительную честь добиться личного преуспеяния в обществе. Например, вам не возбранялось надеяться по завершении образования на получение должности заместителя прокурора, что позволило бы работать в суде высшей инстанции города, носящего звучное имя Понтодмер или Брив-ла-Гайард*****. Но занимающие столь блестящие посты чинуши вынуждены нередко менять место обитания, что совершенно неприемлемо для вас, привыкшего к оседлому образу жизни. И вы предпочли галунам супрефекта и мантии заместителя прокурора место канцелярской крысы. Bravo! Поздравляю вас с этим выбором: ведь не так просто быть всегда последовательным в реализации своих принципов! Возможно, вы заняли кресло ответственного служащего или даже заме-

* Сабо — башмаки на деревянных подошвах или выдолбленные из дерева.

** Прожект — здесь: неосуществимый проект, фантастический план.

*** Супрефект — во Франции представитель префекта в административном округе.

**** Лодев — город на юге Франции.

***** Понтиви — город на западе Франции.

***** Брив-ла-Гайард — город на юге Франции.

стителю начальника при зарплате в три тысячи пятьсот франков. И, вероятно, сибаритствуете * в просторном кабинете, затянутом зеленым репсом,— это, кажется, последний крик моды официозной ** элегантности. Служащие, что пониже, вам, наверно, завидуют, коллеги уважают, а портье *** в ливрее низко кланяются. А что вам еще надо? Глупец!..»

— Ну, это уж слишком! — прервал чтение Жюльен, раскуривая сигару.— Впрочем, не будем придирааться к словам. Твой дядюшка, видать, был истинным философом.

— Продолжай же,— произнес смиренно Жак, готовый еще и не то услышать.

— «Глупец! Ведь здесь я обеспечил бы вам жизнь, какой умеют наслаждаться только землевладельцы Нового Света.

Представляю себе улицу Дюрантен на Монмартре, где вы живете: душные, темные комнаты вплотную к четырем другим квартирам! Вы ходите из дома на работу и обратно с ритмичной последовательностью приступов хронического ревматизма. Вас душит галстук, костюм тесен, вы дрожите от холода, шлепая под зонтом по грязным лужам, или же — в иное время года — задыхаетесь, как астматик ****, в облаке ядовитой пыли. Вот и все пути-дороги вашей идиотской жизни, от которой только растет живот и выпадают волосы.

В общем, вы строго отмеряете и удовольствия и заботы, аппетит подчиняете заработку, сон — обязанностям, комфорт — приработку, знакомство — выгоде. Вы вынуждены помнить цену на яйца и просите служанку разогреть остатки вчерашнего ужина. В театр вы ходите два раза в месяц, а сигары курите дешевенькие. При этом вы должны улыбаться своему начальнику, хотя вам хотелось бы послать его к черту, пожмаете руку этому проходивцу только потому, что он вхож к министру, и кланяетесь помимо своей воли ничтожествам, занимающим по очереди должность заведующего отделом кадров.

Итак, распрощавшись с иллюзиями, свойственными каждому молодому человеку, вы проводите дни среди взяточников,

* Сибаритствовать — вести жизнь сибарита — богатого, праздного, изнеженного роскошью человека.

** Официозный — полуофициальный.

*** Портье — привратник, швейцар.

**** Астматик — человек, страдающий астмой — приступами удушья.

крикунов, завистников, эгоистов и придурков, растрачивая то там, то здесь частицы своего сердца,— и так будет до тех пор, пока сами не станете таким же, как они. Это все не за горами, чернильная вы душа!

А здесь вам бы принадлежали пятьсот квадратных километров земли и жили бы вы на свежем воздухе, купаясь в солнечных лучах и полностью удовлетворяя свои потребности, фантазии, желания, капризы. Вашему образу жизни могли бы позавидовать монархи и президенты обоих земных полушарий!

Пожелаете бифштекс или просто котлету — прикажете забить быка: у меня их десять тысяч. А когда насытитесь, слуги выбросят остатки пиришества бродячим собакам или в реку на корм рыбам.

Вы любите охоту? Тогда ничто не помешает вам подстрелить ламу*, страуса или... А вздумаете помчаться по степи — выбирайте любую из двух тысяч моих лошадей, например, возьмите скакуна, при виде которого потекут слюнки у ваших расфуфыренных спортсменов или жокеев, разодетых, как попугаи.

Соскучились по концертам? Так усладите свой слух чарующей симфонией, исполняемой величайшим музыкантом — природой!

Захотели золота или драгоценностей, пожалуйста: земля наша имеет все, чтобы удовлетворить любые прихоти.

Придет вам в голову загадать невыполнимое — попробуйте испытать свои силы, и я верю — вы всего добьетесь.

Если же однажды нападет на вас ностальгия** по Старому Свету,— человек ведь несовершенен! — то кто запретит вам провести несколько месяцев в Париже, тратя по десять тысяч франков в день и делая одного счастливым, а у другого вызывая злобу? Будут среди тех, кого встретите вы, и признательные вам за помощь, и неблагодарные, и откровенные завистники.

Такое путешествие помогло бы вам сравнить электрический свет с экваториальным солнцем, витрины Пале-Рояля — с драгоценными ларчиками феи цветов, рукотворные памятники — с готическими*** арками в девственном лесу.

* Лама — здесь: южноамериканское животное рода верблюдовых, одомашненное индейцами и разводимое ими преимущественно ради шерсти.

** Ностальгия — тоска по родине.

*** Готический — здесь: относящийся к особому архитектурному стилю, развившемуся первоначально (в XII в.) в северо-западной Франции и характеризующемуся, в частности, стрельчатыми арками и сводами.

Вы сможете оценить по достоинству очарование свободы, которую получите здесь, в то время как в Европе приходится ежесекундно натываться на преграды, воздвигаемые вашей цивилизацией — злобной и догматической.

Да, племянничек, я мечтаю одарить вас благополучием, защищенным от недобрых ветров окружающего мира.

Я решил было завещать свое кругленькое состояние государству. Но в последний момент во мне шевельнулись угрызения совести, причину которых мне трудно определить. Перед моими глазами возник тот уголок Турени *, где родились мы, нежное, ласковое лицо моей бедной сестры, преждевременно ушедшей из жизни. Я представил себе и вас — сначала упитанным карапузиком, потом юношей, которого я рад был бы прижать к сердцу и назвать своим сыном. Одним словом, мне трудно было противиться голосу крови.

Поэтому, милый мой племянник, настоящим письмом я объявляю вас единственным своим наследником.

Вам — поля моей Жаккари-Мирум! Вам — мои леса, луга, пастбища, залежи золота и бриллиантов! Вам — мои табуны лошадей, стада коров, овец! Вам — мои плантации табака, кофе, какао, сахарного тростника! Вам — все мои запасы — дома и в магазине! Вам — серебряные слитки и бриллианты, хранящиеся в Имперском банке Рио-де-Жанейро! Одним словом, вам — все, чем я владею. И при этом я ставлю только одно условие: чтобы вы лично приехали сюда, на фазенду Жаккари-Мирум, в Бразилию, принять все это состояние. В противном случае наследником будет государство, а вы так и останетесь жалкой канцелярской крысой.

Я кончил, и счастливого вам путешествия, дорогой племянничек!

Ваш американский дядюшка
Леонар ВУАЗЕН.

Р. С. Вы получите это письмо, когда мой управляющий, славный малый, которого я вам рекомендую, похоронит меня в моих владениях, но достаточно далеко от дома, чтобы не смущать живых.

Могила — зрелище печальное. Приходите иногда меня навестить».

— Жак,— задумчиво сказал Жюльен, закончив чте-

* Турень, или Турен — историческая область на западе Франции, в бассейне реки Луары.

ние,— я только что признал, что ваш дядюшка — философ, теперь я бы добавил, что у него золотое сердце. За строками письма, в каждом слове — переливающаяся через край сентиментальность, желание нести тепло и ласку. Этого не скрыть даже изящной иронией. Буду откровенен с тобой, ты совершил большую глупость, отказавшись тогда навестить этого прекрасного человека. Что теперь ты думаешь делать?

— Если бы я знал! Меня охватывает ужас при одной мысли о том, чтобы подняться на корабль!

— Ты что, болен?

— Это хуже, чем обычная болезнь. Хуже всего на свете.

— Трусишь? Впрочем, не может этого быть, я видел тебя в драках. Ты сражался как лев. Уж я-то помню!

— А что бы ты сделал на моем месте?

— Проще простого! Побежал бы в транспортное агентство и заказал билет на первый же пароход, идущий в Бразилию. А там бы уж возложил цветы на могилу, что вдали от дома.

— Я знаю, что умру в пути.

— Фу-ты, мокрая курица!

— Ты не знаешь, что такое морская болезнь!

— А ты знаешь?

— Увы! Однажды, себе на беду, я решил совершить прекрасную водную прогулку из Гавра * в Кан ** и по возвращении рассказать моим коллегам об этом путешествии. Но едва я ступил на сходни, со мной начало твориться нечто невероятное — как при холере или белой горячке. А когда пароход отправился в путь, стало совсем худо.

— Обычная морская болезнь!

— Наверное. Но такой силы, что и матросы и пассажиры, глядя на меня, испытывали не только сочувствие, но и отвращение. Не в силах подняться, истерзанный непрерывными рвотными позывами, лежал я, словно грязное животное, в собственных нечистотах, уверенный в том, что конец мой близок.

— Потом к морю привыкаешь.

— Это так говорится. От Гавра до Кана не более трех часов, но, поскольку штормило, мы проплыли целых во-

* Гавр — портовый город на севере Франции, в устье реки Сены.

** Кан — здесь: портовый город на севере Франции, к югу от Гавра.

семь. И с каждой минутой мучения мои становились все нестерпимее. Меня рвало кровью, я потерял сознание. Сам капитан, старый морской волк, говорил, что никогда не видел ничего подобного.

— Ну и ну!

— Я терпел эту качку восемь часов, возможно, выдержал бы и все двенадцать, но ведь от Бордо до Рио-де-Жанейро не двенадцать часов, а двадцать три дня! Уверен, что я окочурюсь по пути.

— А давно совершил ты ту прогулку?

— Лет двенадцать тому назад.

— Может быть, твой организм за это время перестроился? Такое случается. Многие, страдавшие в юности морской болезнью, в зрелом возрасте смеются и над килевой, и над бортовой качкой.

— Уверен, все будет, как и прежде. При одном лишь взгляде на деревянных коней карусели или на качели у меня начинает кружиться голова. Недавно я решил прокатиться на пароходике по Сене. Все повторилось, да так сильно, что пассажиры пришли в негодование, предполагая, что я хлебнул лишнего. Меня даже чуть не забрали в полицию за злоупотребление спиртными напитками в общественном месте. Морская болезнь — на Сене! А тут ведь надо Атлантический океан пересечь.

— Ну что же делать?

— Я не побоялся бы отправиться в Африку, к самому экватору, на Камчатку, куда угодно. Я силен как бык, моей выносливости, необычайной для типичной кацелярской крысы, любой бы мог позавидовать.

— Неужели?

— Да. Когда я начал полнеть, то решил заняться фехтованием и гимнастикой. И стал одним из лучших учеников Паса.

— Bravo!

— Если бы я знал, как добраться до той фазенды, не подвергая себя отвратительному недугу, я бы ни минуты не колебался.

— Прекрасно! А если я подскажу тебе такой путь?

— То сразу же поеду.

— Ловлю на слове!

— Ну что ж, если пообещаешь не обречь меня на морскую болезнь.

— Обещаю!

— Итак, что же ты надумал?

— Просить у официанта счет и бумагу с ручкой.

— А бумагу-то зачем?
 — Чтобы ты смог написать на имя префекта округа Сены прошение об отставке.
 — Ты всерьез?
 — Я люблю пошутить, но не в таких делах!
 — Ну что ж, сжигаю свои корабли! *
 — И тем самым спасаешь себя от морской болезни? — обыграл слова Жака Жюльен. — Чтобы осуществить задуманный мною план?
 — Какой именно?
 — А это пусть станет для тебя сюрпризом! — ответил Жюльен, а про себя подумал: «Ты называешь экватор и Камчатку, словно речь идет о прогулке в Аньер **. Ну что ж, на Камчатке ты побываешь. И еще во многих других местах! Я буду не я, если не заставлю тебя добратсья до Бразилии по суше!»

ГЛАВА 4

*Друзья по коллежу. — Печальная участь Жюльена. — На-
 смешки над новичком. — Надежный защитник. — Портреты
 друзей. — Преисполненное почтения прошение Жака об отстав-
 ке. — Первые приготовления к долгому путешествию. — Пись-
 мо государственного секретаря ее величества королевы. — По-
 следствия обильных возлияний. — На Северной железной доро-
 ге. — Сорок минут, не считая суток. — Кошмарное пробужде-
 ние. — В Петербург.*

Дружба Жака Арно и Жюльена де Клене началась еще в школьные годы. Жюльен осиротел в двенадцать лет, и опекун поспешно поместил его в коллеж Святой Варвары, чтобы без помех управляться с солидным капиталом своего подопечного. В интернате мальчик был лишен всего — и встреч с родственниками в большой гостиной, и редких долгожданных прогулок за стенами учебного заведения, и даже каникул, проведенных под родимым кровом. Всякий раз, когда веселый рой воспитанников коллежа разлетался по своим домам, маленький миллио-

* Сжигать свои корабли — здесь: делать невозможным воз-
 врат к прежнему, отрезать себе путь к отступлению (образное выраже-
 ние).

** Аньер, или Аньер-на-Сене — город в окрестностях Парижа.

нер, более несчастный, чем остальные, вместе взятые, оставался в интернате с детьми из Бразилии, Египта и Румынии, которые за сравнительно короткие каникулы просто не успели бы добраться до родины и вернуться назад.

Лишенный тепла семейного очага, не представляя себе, что такое домашнее обучение, Жюльен, однако, не стал лентяем, как многие его сверстники. Наоборот, упорно, со всем пылом юного, жаждущего знаний интеллекта овладевал он науками и прослыл блестящим учеником.

Шел уже третий год пребывания Жюльена в коллеже Святой Варвары, когда однажды после каникул он заметил в толпе растерянных, неловких новичков высокого, краснощекого, нескладного и, судя по всему, насмерть перепуганного увальня. Деревенские манеры и свойственный жителям Турени акцент заранее предполагали, что скоро этот недотепа станет жертвой боевой группировки, державшейся всегда во дворе особняком: задиры то обсуждали скачки на ипподроме, то делились новостями из жизни какого-нибудь известного артиста,— короче, готовя себя к высшему свету, набирались друг от друга массы бесценных сведений, без коих нечего и соваться в парижскую жизнь.

Сим бедолагой и был Жак Арно. Непосредственный, не знакомый с условностями, он уже в силу одного этого становился объектом издевательств со стороны подростков, озлобленных, словно маленькие, измученные возрастными недугами старички. Решив, что простак превосходно подходит к роли мальчика для битья, юные истязатели, изошряясь, старались как можно больнее уколоть беззащитного паренька хлесткими эпиграммами весьма сомнительного вкуса, передававшимися из класса в класс как заразная болезнь. Однако Жак был совершенно равнодушен к едким насмешкам, по-видимому, не вполне понимая их суть.

Стараясь вывести Жака из себя, шалунишки становились все беспощаднее и творили над ним жестокие проказы, к счастью, теперь позабытые в наших школах. А бедный мальчишка, затаившись в углу, как побитая собачонка, заливался горячими слезами.

— А ну, хватит! — раздался как-то раз, когда сорванцы снова напали на мальчугана, громкий решительный возглас, и на мучителей обрушился град мастерски нацеленных ударов — и ногами и кулаками. И уж не сосчитать подбитых глаз, рассеченных губ, окровавленных носов.—

А ну, смелей! — прозвучал тот же голос. — Делай как я! Бей! Сильней! Еще! Еще!

Жак, сильный от природы, расхрабрился, ощутив поддержку, и принялся наносить не очень ловкие, но весьма чувствительные удары, пока наконец с помощью неожиданного защитника, которым оказался Жюльен де Клене, не обратил противника в постыдное бегство.

Отважного защитника, крепкого, отличавшегося бесстрашием, побаивались. И в то же время завидовали ему, поскольку он был богат, и восхищались им, как первым учеником. В общем, во дворе, где прогуливались средние классы, он пользовался довольно высоким авторитетом. И одного его вмешательства в драку было достаточно, чтобы Жака навсегда оставили в покое.

— Чего ты плачешь? — бросил Жюльен с грубоватой нежностью.

— Больно...

— При мне можешь поплакать, но нельзя, чтобы и они видели твои слезы. Тебе обидно, да? Ничего, это пройдет. Если хочешь, давай дружить, и тогда никто тебя больше не тронет. Они все трусы, и стоит только показать им зубы, как сразу же поджимают хвосты.

Жак проникся к Жюльену безграничной симпатией, как случается с бесхитростными душами, встречающими доброго человека. Со своей стороны и Жюльен привязался к нему: обычно ведь любишь того, кого опекаешь.

К ближайшим каникулам Жак приготовил для Жюльена замечательный сюрприз. Впервые распрощавшись на два месяца со стенами коллежа, Жюльен отправился в гости к мадам Арно, в очаровательный уютный домик, расположенный в Монлуи, на левом берегу Луары, в самом сердце Турени. Описать восторг, который охватил сироту, когда он оказался в домашней обстановке, просто невозможно, да, наверное, в том и нет особой нужды. С этого времени для мальчика началась новая, богатая впечатлениями жизнь, и им овладела неодолимая тяга к свободе.

Шли годы. Жюльену доставались лавры за лаврами, Жака награждали похвальными листами за сочинение или стихи на латинском. По окончании коллежа оба друга получили дипломы бакалавра: Жюльен — с отметкой «отлично», Жак — «удовлетворительно», но на большее он и не претендовал.

Жюльен, вступив в восемнадцать лет в права наследования, смог самостоятельно распоряжаться фантастическим богатством. Глубокое презрение, которое он питал

к легкомысленным соученикам, довольно на них насмотревшись, предохранило его от ошибок, столь свойственных молодым людям, бросающимся безрассудно в водоворот парижской жизни. Высоко ценя свободу и словно опасаясь, что его вновь заключат в тесные стены коллежа, он отправился в странствие по пяти частям света.

Сначала им двигала исключительно любознательность, желание повидать другие земли и другие народы. Но затем юношей овладела и страсть исследователя. И скитания в трудно доступных краях, сопряженные с научным поиском, позволили Жюльену занять почетное место среди путешественников, которыми по праву гордится Франция. В Гуаякиле * его настигла печальная весть о смерти мадам Арно, которую он оплакивал, как родную мать.

Время от времени, неожиданно, как метеор, Жюльен возвращался ненадолго во Францию, обнимал Жака, выступал на конференциях, писал отчеты для научных обществ, пожимал дружески протянутые руки и снова устремлялся в неведомые дали.

Что же касается образа жизни Жака, то читатель уже получил достаточно полное представление о нем из письма американского дядюшки.

Когда началась описываемая история, друзьям было по тридцать пять лет. Жюльен де Клене, среднего роста, блондин, как и положено сынам Галлии **, сохранил стройность двадцатилетнего юноши. Широкий в плечах, узкий в бедрах, он был бесстрашным и выносливым путешественником, не ведавшим ни усталости, ни болезней. Человек придирчивый нашел бы, что у Жюльена слишком правильные и безукоризненные черты лица. Действительно, безупречной формы орлиный нос, пухлые губы и белокурая, аккуратно подстриженная бородка могли бы позволить нам отнести его в разряд салонных *** красавчиков, если бы не темный загар и настойчивый, внимательный и жесткий, чуть ли не суровый, взгляд исследователя-землепроходца, готового в любой миг отразить нападение хищника или бандита.

Жак, напротив, был сутулым brunetом с наметившейся

* Гуаякиль — город в Эквадоре.

** Галлия — здесь: образное наименование Франции, по названию древней области на юго-западе Европы, вошедшей в состав этой страны.

*** Салонный — здесь: чопорный, жеманный (от слова «салон» в значении «гостиная», где, в частности, занималась пустым времяпрепровождением определенная часть молодежи из состоятельных семей).

ся лысиной, пухленькими руками, выпиравшим брюшком и приветливой улыбкой на несколько оплывшей физиономии.

Теперь, познакомив читателя с героями, продолжим наш рассказ.

Жак, не привыкший к спиртному, во время роскошной трапезы по рекомендации друга отведал восхитительное бургундское *, а затем и несколько рюмочек ликера, услужливо подвинутых к нему Жюльеном, преследовавшим определенную цель. Последствия такой хитрости не замедлили сказаться: Жак разругался, развеселился, глаза его горели, и все уже представлялось ему в совершенно ином свете.

— Подумаешь, отставка! — беспечно изрек он, закинув ногу на ногу. — Раз ты считаешь, что так надо...

Официант принес бумагу, чернила и ручку.

— Я предпочел бы бумагу получше. Чтобы выглядело солиднее, — произнес Жак.

— И так сойдет!

— И что же напишу я уважаемому префекту? Я в этом ничего не понимаю. Есть, наверное, какая-то форма. Излагать ли ему причины?

— Зачем! Заверши уведомление об уходе с работы формулой вежливости и подпиши.

— Но объяснение мотивов было бы знаком уважения не только к начальнику, но и к моим коллегам.

— Делай как знаешь.

Жак устроился поудобнее.

— Так вот: «Имею честь, господин префект, объявить вам о своей отставке... Примите, господин префект, заверения в моих почтительных чувствах».

— Да что ты распинаешься в своей почтительности! К чему этот стиль примерного секретаря?

— Милый мой, — серьезно ответил Жак, — когда мне приходилось раньше писать начальству, я всегда кончал заверениями в том, что рад ему служить... Теперь же действительно я могу писать по-другому. Миллионер, отправляющийся путешествовать, — это уже не канцелярская крыса!

— Вот как?

— Да, друг мой, с прежним Жаком покончено, пора

* Бургундское — вино, названное так по имени исторической области Бургундии, во Франции, в бассейне реки Сены, где оно стало впервые изготавливаться.

в путь! Я чувствую, что преобразился и способен теперь, Бог мне судья, отправиться хоть на Луну.

— Ну, он дошел! — шепнул сам себе Жюльен. — Воспользуемся же с толком его настроением: куй железо, пока горячо! — И затем обратился к другу: — Ну что ж, пошли!

— Куда?

— Вручать заявление.

— А потом?

— Я займусь покупками, а ты мне поможешь.

— Идет!

Жюльен нанял кучера, красовавшегося в белой фуражке, и тот в предвкушении хороших чаевых помчал двух друзей через весь город. Когда дилижанс * остановился вскоре у дверей правительственного учреждения, Жак, задремавший было после богатого пиршества, открыл глаза и был несказанно удивлен, увидев здание с охраной перед ним.

— Мне мерещится? — произнес он в недоумении. — Постой, это же не моя контора! Ты ошибся! Ко мне надо ехать до Люксембургского сада!

— Сейчас туда и отправимся! Здесь же надо уладить некоторые формальности.

— Какие?

— Да с паспортами.

— Тогда побыстрее — одна нога здесь, другая там!

— Хорошо. А ты прикорни пока — на то ведь и подушки в дилижансе. Управляюсь за пятнадцать минут. Здесь служит один мой друг. Он моментально все уладит. Приметы твои я знаю и сам смогу продиктовать их.

Жюльен торопливо ушел и через двадцать минут вернулся уже с двумя документами, которые тут же бережно вложил в свою папку.

— Паспорта готовы! Теперь займемся твоей отставкой.

Еще одна остановка — уже у Люксембургского дворца. Жюльен снова все взял на себя и, вернувшись из здания префектуры, сказал:

— Дело сделано! Твое послание я вручил дежурному. Он и передаст «твои почтительные чувства» патрону. А теперь ко мне... Бульвар Осман, дом пятьдесят два, — крикнул он вознице, тотчас взбодrivшему лошадь резким ударом кнута.

— Мне нужно полчаса, — выходя из дилижанса, обра-

* Дилижанс — многоместный крытый экипаж.

тился Жюльен к снова задремавшему Жаку.— Поднимешься со мной?

— Нет, мне и здесь хорошо.

— Ладно.

Жюльен де Клене, которому не раз приходилось отправляться внезапно в дальнюю дорогу, всегда держал дома и золотые монеты, и бумажные купюры. Деньги и банковские чеки он вложил в папку. Потом извлек из секретера членский билет Географического общества и несколько писем от известных ученых — на всякий случай, как свидетельство того высокого положения, которое занимал он в научном мире. Взял также несколько официальных уведомлений, представлявших его как исследователя, выполняющего во Франции и за ее пределами важное задание, и карту со своими пометками и в заключение вытащил из большого конверта исписанный каллиграфическим почерком лист и с видимым удовольствием прочел вслух текст, который наверняка знал наизусть:

— *«Министрам, консулам и военачальникам ее величества королевы Великобритании — в Европе, Азии, Африке и обеих Америках*

Господа!

Граф Жюльен де Клене, гражданин Франции, которому я вручаю это письмо,— ученый, посещающий с научными целями самые разные точки земного шара.

Прошу оказывать ему всяческое содействие, как если бы он был подданным ее величества королевы Англии. Буду благодарен вам за все, что вы сделаете для него».

Под обращением следовала подпись: *«Лорд Б., государственный секретарь» **.

— Для нас эта бумага важнее всех прочих рекомендаций: представители британской власти весьма внимательно относятся к просьбам своего правительства! — удовлетворенно произнес Жюльен по прочтении послания.

Вызвав своего единственного слугу, он вручил ему годовое жалованье и попросил отнести в дилижанс две длиннополые меховые шубы и пару одеял. Затем, закинув на плечо ремень своей сумки, быстро оглядел уютную

* Государственный секретарь в Англии — министр, член правительства.

экзотическую квартиру путешественника-космополита *, спустился к консьержу ** и уплатил ему также за год вперед.

— Господин опять уезжает? А как же быть с почтой?

— Не беспокойтесь: ее будут пересылать по указанному мною адресу,— ответил привратнику Жюльен и обратился к Жаку, машинально гладившему пышный мех на одной из шуб. — Теперь я в твоём распоряжении. Вот только повидаю банкира. Это в двух шагах отсюда, на Шоссе д'Антен.

— А что ты собираешься делать с этими балахонами и одеялами? Середина сентября, пока что тепло.

— Однако ночи прохладные.

— Но ночью мы в постели.

— А если не будет постели?

— Ты шутишь?

— Я серьезен, как факир ***. Путешествуя, никогда не знаешь, где будешь ночевать и будешь ли вообще ночевать...

— Это мы отправляемся в путешествие?

— А ты что думал?

— Не может быть! — Жак был вне себя от радости: местоимение «мы» означало, что друг решил сопровождать его. — Значит, и ты со мной?

— Я буду показывать тебе дорогу, которая в зависимости от того, как ты пожелаешь, может быть короче или длиннее.

— Жюльен, ты настоящий друг! — растрогался Жак.

— А ты не знал? Ну, хватит комплиментов! Обговорю все с банкиром и сразу же пошлю за каретой. Прокатимся по лесу, отужинаем в «Английском кафе» и завершим последние приготовления в дорогу.

— Не завершим, а начнем, хочешь ты сказать. Для такого путешествия потребуется масса вещей.

— Возможно,— загадочно произнес Жюльен.

Вторая половина дня прошла, как и было намечено. Друзья славно закусили. Жак, подчиняясь воле своего радушного хозяина,пил те же вина, что и в прошлый раз, и не заметил, как Жюльен предательски накапал в послед-

* Космополит — здесь: человек, свободный от националистических предрассудков и считающий своим домом весь шар земной.

** Консьерж — привратник, швейцар.

*** Факир — здесь: фокусник, демонстрирующий чудеса.

ний фужер какой-то темной жидкости из маленького флакончика.

В полвосьмого друзья покинули ресторан. Экипаж быстро домчал от «Английского кафе» до Северного вокзала. Оглушенный чередой событий, обильными возлияниями, Жак, держа машинально друга за рукав, пересек зал ожидания и, тяжело опустившись на мягкий диван спального вагона, сразу же отключился.

Когда же проснулся, то услышал разговор на незнакомом, гортанном языке. Открыв глаза, потянулся лениво и тут же, взглянув на хитро улыбающегося Жюльена, резко вскочил:

— Где мы, черт возьми?

— В вагоне.

— А который час?

— Без двадцати девять.

— Но мы же выехали в восемь. Что, я спал всего лишь сорок минут?

— Прибавь еще сутки!

— Как?

— Ты дрых беспробудно около двадцати пяти часов.

— С ума ты, что ли, сошел?

— Да нет, скорее, это ты еще не пришел в себя.

— Значит, мы уже далеко от Парижа?

— Не далее тысячи километров. Слышишь, как хлопают двери и проводники кричат по-немецки, что пора выходить?

— Значит, мы в Германии?

— Да, в Берлине.

— В Берлине?!

— Да-да! Первый отрезок нашего пути в Бразилию — позади. И пока второй, намного длиннее первого, еще не начался, пройдем в ресторан. Наверное, желудок у тебя от голода присох к спине.

Жак, с затуманенной головой, растерянным взглядом, помятым лицом, не нашел даже, что ответить, и послушно поплелся за Жюльеном, чувствувавшем себя как дома, — во многом благодаря тому, что понимал тот варварский язык, на котором здесь говорили.

— Нет, я, наверное, сплю, — промолвил Жак, уцепив себя. — Это из-за письма погрузился я в какой-то кошмар. С минуты на минуту сон пройдет, я снова окажусь на улице Дюрантен, и служанка принесет мне чашку какао или кофе.

Увы, вместо служанки появился огромный тевто-

нец * — с рыжими бакенбардами, в короткой куртке и широком белом переднике. Ловко расставляя посуду с богатой закуской и огромные кружки с пенившимся мюнхенским пивом, он бросил Жюльену, что на Петербург отправление через час с четвертью.

Расслышав среди немецких слов название русской столицы, Жак сказал сам себе: «Итак, кошмарный сон продолжается». И, чтобы проверить свою догадку, произнес непринужденно и твердым голосом, как человек, окончательно проснувшийся:

— Кажется, мы отправились на прогулку в Петербург?

— Да,— как ни в чем не бывало ответил Жюльен.

— А что нам делать у его величества царя?

— Искать спасения от морской болезни.

ГЛАВА 5

Явь.— От Диршау до Петербурга.— Желание вернуться в Париж.— С картой по Азии и по двум Америкам.— Через Берингов пролив, но не по морю.— Обетованная земля.— Человек-посылка.— Впечатление Жака от русской цивилизации.— От Москвы до Перми через Казань в тарантасе.— Снова поездом — от Перми до Екатеринбурга.— Непочтительное отношение Жака к Уральским горам.— Граница между Европой и Азией.— Владимирка.

Жак Арно ел машинально, не проронив ни слова, как бы во сне. Но пронзительный паровозный гудок, известивший об отходе поезда по направлению к немецко-русской границе, убедил его, что все это — не грезы, а явь. Вслушиваясь в постукивание колес о рельсы, он глубоко вздохнул, решив, что при таком шуме ему не заснуть. Хочешь не хочешь, подумал он, а путешествие началось! Хорошее настроение, посетившее его вчера, испарилось, тем более что мюнхенское пиво не шло ни в какое сравнение с нектаром из нашей Бургундии.

Когда друзья вернулись в купе, Жюльен, стараясь не обращать особого внимания на Жака, которому, как он считал, требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от потрясения, вызванного внезапным отъездом из Парижа, лег поудобнее, чтобы поспать.

* Тевтонец — здесь: немец (ироническое словообразование от названия древнегерманского племени тевтонов).

— Значит,— произнес Жак упавшим голосом,— мы отправились?

— Именно так.

— В Петербург?

— Я сказал тебе об этом еще в ресторане.

— Это столь необходимо?

— Да, если, конечно, тебе не захочется вернуться в Кельн * и оттуда добраться до Гамбурга **, чтобы сесть там на первый пароход, направляющийся в Бразилию по маршруту Гамбург — Лондон — Лиссабон — Санта-Крус-де-Тенерифе *** — Пернамбуку — Рио ****.

— Ни за что!

— Тогда позволь мне отдохнуть. Ночью я глаз не сомкнул, пока ты спал как убитый. И желал бы теперь наверстать упущенное. Завтра в половине седьмого утра мы будем уже в Диршау, в пятистах километрах отсюда. День предстоит долгий, и мы вдоволь наговоримся по пути в Кенигсберг ***** , откуда поезд домчит нас до Эйдкунена — населенного пункта на немецко-русской границе в восьмистах километрах от Берлина и всего лишь в двух километрах до Вирбаллена ***** — первого города Российской империи, куда мы прибудем в два часа дня. А сейчас — спокойной ночи!

С этими словами Жюльен решительно, подобно заядлому путешественнику, твердо знающему, что сон так же необходим организму, как и еда, смежил веки и через две минуты уже спал, оставив друга наедине с его думами, далеко не веселыми, судя по глубоким вздохам Жака. А ровно в шесть утра, словно моряк, просыпающийся всегда в одно и то же время, за несколько минут до пробудки, он снова открыл глаза.

— Привет землепроходцу! — весело обратился Жюльен к приятелю, еще более озабоченному и мрачному, чем накануне. — Кончай дуться! А то нагоняешь тоску, как больничная дверь.

* Кельн — портовый город в Германии.

** Гамбург — портовый город в Германии.

*** Санта-Крус-де-Тенерифе — город на Тенерифе, одном из Канарских островов.

**** Рио — здесь: сокращенное название Рио-де-Жанейро.

***** Кенигсберг — старое, применявшееся до 1946 года, название города Калининграда.

***** Вирбаллен — город на территории современной Литвы, до 1917 года именовавшийся официально Вержболово, а затем получивший сохраняющееся до сих пор название Вирбалис.

— Я думал всю ночь напролет.

— Лучше бы уж ты спал!

— Послушай, взвесив все, я предпочитаю вернуться в Париж и отказаться от наследства.

— А твоя отставка?

— Заберу заявление обратно. Влиятельные друзья помогут мне восстановиться на работе.

— Но ты же будешь притчей во языцех в своей префектуре!

— Лучше так, чем это путешествие!

— А как доберешься ты отсюда до дома? Держу пари, у тебя нет ни гроша с собой! — Жак открыл портмоне и увидел там всего лишь семнадцать франков и сорок пять сантимов *. — Или ты полагаешь, что администрация железных дорог предоставляет кредиты?

— Но ты же одолжишь мне денег на обратный путь!

— Нет, нет и нет! Ты сам обещал мне отправиться в путешествие, если только я не обреку тебя на морскую болезнь. Поскольку я не собираюсь нарушать данного условия, ты поедешь со мной — по своей ли воле или против нее, не имеет значения. Впрочем, если тебя это не устраивает, можешь выходить в Диршау и возвращаться пешком, вымаливая у немцев подаяние — картофельный суп или кислую капусту. Вот и все, что я могу тебе предложить.

— Но подумай, Жюльен, у меня ни багажа, ни денег! Запасных воротничков — и тех не взял!

— Зато в моей сумке свыше сорока тысяч франков, с такими подъемными не пропадем! Что же до непредвиденных расходов в столь длительном и нелегком путешествии, то я договорился со своим банкиром, чтобы он высылал чеки в каждый из наиболее крупных городов на нашем пути.

— Но я не заплатил за квартиру. Хозяин отправит все мои вещи на распродажу.

— Ничего подобного. Я и об этом условился с банкиром. Так что не беспокойся ни о квартире, ни о служанке. Что же касается твоего внезапного исчезновения, согласишься, будет забавно, если квартальному ** вздумается вдруг искать тебя в морге.

* Сантим — здесь: мелкая монета, равная одной сотой французского франка.

** Квартальный — здесь: участковый полицейский.

— У тебя на все есть ответ. И тем не менее мне не по себе.

— Встряхнись же! Веселей, черт возьми! Придется, видать, посвятить тебя в мой план. Правда, я решил хранить его до поры до времени в тайне, чтобы ты заранее не заныл и не возмечтал так и остаться канцелярской крысой. Потому-то я и умыкнул тебя, что не хотел заранее раскрывать карты. Ну и как, правильно сделал?

— Пока боюсь что-то сказать. Я не готов...

— Когда я все расскажу, тебе придется со мной согласиться.

Жюльен достал из сумки карту на матерчатой основе, аккуратно ее развернул и, разложив на сиденье дивана, ласково оглядел орлиным взором оба полушария, многие точки которых были ему знакомы.

— С этим подспорьем Меркатора * я путешествую повсюду. Взгляни на мои маршруты по морям и континентам, сделанные мною пометки, слова, написанные когда карандашом, а когда и кровью. На реки, которые я переплывал. На вершины, покоренные мною. И на леса, через которые я пробирался. О, какое пьянящее наслаждение — это свободное существование под открытым небом!.. Двигаться навстречу новым горизонтам, восторгаться неожиданным чудесам, всматриваться в неизведанную даль, обходить ловко расставленные западни, оставлять в пути частицы своего сердца и обретать, приобщаясь к простому бытию, всю полноту своей индивидуальности — что может быть прекраснее! Какую всепоглощающую радость дарует людям такая жизнь!

Жак, растерявшись от столь внезапной лирической исповеди, не решался вставить хоть слово.

— Взгляни на карту, окинь ее взором — оба полушария: ведь мы с тобой отправились в кругосветное путешествие.

— В кругосветное? — испуганно воскликнул Жак. — И не думай об этом: ведь часть такого пути проходит по воде!

— Позднее мы это обсудим. Скажу только, что я твердо намерен выполнить намеченную программу — добраться до Бразилии по суше!

— Через Петербург?

— Да.

— Станный маршрут!

* Меркатор Герард (1512 — 1594) — фламандский математик, географ, картограф, чье имя ставилось долгое время на справочниках и картах, выпускавшихся учеными его школы.

— У него есть одно преимущество, очень важное для тебя,— полное отсутствие килевой и бортовой качки. Мы увидим Петербург, Москву, Казань, Екатеринбург, Тюмень, Колывань, Томск, Красноярск, Иркутск...

— Ничего себе путешествие! Через всю Сибирь!

— От Тюмени до Байкала и от Байкала до крайней северо-восточной точки Азии — на санях.

— Я не имею ничего против саней и не боюсь мороза, но...

— От Иркутска мы пройдем берегом Байкала и спустимся по Лене до Якутска.

— По реке? Ни за что! Никакой воды, ты же обещал! С ужасом вспоминаю прогулку по Сене.

— Лена к тому времени покрывается таким толстым слоем льда, что станет надежнее любой мощеной дороги.

— Тогда другое дело.

— От Якутска мы будем двигаться все время на северо-восток. Пересечем невысокий Верхоянский хребет, подойдем к реке Колыме и будем следовать вниз по течению до места ее впадения в океан. В Нижнеколымске, где кончаются многие дороги, которыми идут каторжники, мы пополним продовольственные запасы. Но это уже за Полярным кругом, у шестидесяти восьмого градуса северной широты.

— Бр-р! Давай дальше...

— Ты уже входишь во вкус?

— Один вопрос: а как обстоят там дела с лошадьми для саней и постоянными дворами?

— Не волнуйся: у нас будет все — не только лошади, но и олени и собаки! Насчет же постоянных дворов ничего не скажу, ибо и сам толком не знаю. На Чукотке мы доберемся до Восточного мыса*, крайней точки Азии, отделенной от Америки Беринговым проливом. И незаметно перейдем в другое полушарие.

— Так же незаметно, как пересекали здесь границы?

— Ширина пролива — каких-то пятьдесят километров, или двенадцать с половиной лье.

— Вот тут ты и попался: суда по условиям нашего договора исключены, друг мой... Ни пятьдесят километров, ни пять, ни даже пятьдесят сантиметров. Это мое последнее слово!

— Но Берингов пролив будет покрыт льдом, как и реки Лена, Колыма, да и весь тот край, и ты даже не почувствуешь, что под тобой океан. Не успеешь и охнуть, как окажешься уже на Американском континенте — у мыса Принца Уэльского, в краю, где живут эскимосы.

* Восточный мыс — старое название Мыса Дежнева.

Эта территория — бывшая Русская Америка — принадлежит сейчас Штатам * и известна как Аляска **. Оставив позади Аляскинский хребет и добравшись, не без трудностей, до Скалистых гор, мы возьмем курс на юго-запад. Продуктами же будем запасаться на станциях.

— Что ты называешь станциями?

— Базы, принадлежащие или правительству Соединенных Штатов, или «Компании Гудзонова залива»... А потом попадем мы в Британскую Колумбию *** — область вполне цивилизованную.

— Наконец-то!

— Рад, что ты уже свыкаешься с мыслью о путешествии. Из штата Вашингтон мы едем по железной дороге, которая, начинаясь в Такоме, южнее сорок девятой параллели, недалеко от острова Адмиралти, проходит по штатам Вашингтон и Орегона до самого Канонвиля, приблизительно у сорок третьего градуса северной широты. Четыреста сорок пять километров в поезде — право же, не так уж плохо! На сорок второй параллели — граница Калифорнии. Возможно, к нашему приезду уже закончат прокладку железнодорожного пути, и тогда мы сможем пересечь по нему Калифорнию с севера на юг, что займет у нас совсем немного времени, если, конечно, ты не захочешь где-нибудь остановиться.

— Там видно будет.

— Города Сакраменто и Стоктон вполне заслуживают того, чтобы провести в них несколько дней. А оттуда — снова железная дорога. Вперед, вперед! И да здравствует Америка! Время — деньги! Не успеем оглянуться, как мы уже в штате Аризона, граничащем с Мексикой.

— Ура! Но дай передохнуть. А то голова закружилась от столь резких переходов от мороза к жаре и обратно.

— Нет, немедленно на лошадей! Аризона, Эрмосильо, Гуаймас, Кульякан, Сан-Луис, Потоси! По тропам, которые зовутся в Мексике дорогами, а потом еще небольшую часть пути по железной дороге, чтобы не отвыкать от цивилизации. Проезжаем Гватемалу, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рику, Панамский перешеек и прибываем в Федеративную Республику Колумбию. Привет тебе, Южная

* Штаты — сокращенное название Соединенных Штатов Америки.

** Автором допущена неточность: в состав Русской Америки, как неофициально назывались в XVIII — XIX веках русские владения в Северной Америке, помимо Аляски, входили также часть Северной Калифорнии и Алеутские острова.

*** Британская Колумбия — провинция на западе Канады, на побережье Тихого океана.

Америка! Взгляни на эти просторы, расчерченные широкими, огромными по протяженности реками. Самая крупная из них — Амазонка. Это и есть земля твоя обетованная — богатый край фазенд, где живут дядюшки-миллионеры. Правда, прежде чем добраться туда, придется пересечь четыре страны — Колумбию, Эквадор, Перу, Боливию. К сожалению, там нет, а если и есть, то крайне мало, железнодорожных линий. Эх, если бы ты не страдал водофобией *, мы выбрали бы одну из этих рек и добрались по ней прямо к цели!

— Ни слова о плавании — даже в бассейне Люксембургского сада! Или же доставь меня назад на улицу Дюрантен!

— Есть — ни слова!.. Но вот наконец мы прибываем на фазенду Жаккари-Мирим, раскинувшуюся по берегам одноименной речушки, впадающей в один из притоков реки Параны. Ну как? Сдержал я свое обещание? Попали мы в Бразилию по суше?

В Петербург Жак прибыл с намерением ничем не интересоваться, не смотреть ни на что, ничего не делать. Он демонстративно закрывал глаза на все, что могло показаться новым, необычным. И говорил Жюльену, упрекавшему его за апатию:

— Я ведь — лишь человек-посылка, которую ты везешь по суше вокруг света.

— Неужели ты совершенно равнодушен к той новой цивилизации, которая предстает перед нами в облике Петербурга?

— Да, совершенно. Это такой же город, как и другие: красивые дома, нарядная публика, много военных... Единственное, пожалуй, его отличие — церковные купола, позолоченные, как у нас усыпальница Наполеона, да бородастые кучеры. Я зайду с тобой в посольство, пройдуся по магазинам, а вечером сходим в театр. Но большего не жди. И вообще, предоставь меня самому себе.

— Ничего, пройдет немного времени, и ты станешь отличным попутчиком!

— Только в том случае, если меня вдруг охватит энтузиазм или во мне пробудится любознательность, в чем я, впрочем, сильно сомневаюсь. Послушай, сделай так, чтобы мы поскорее уехали отсюда. Если уж необходимо путешествовать, то поспешим в Сибирь. В городе я скучаю, там же хоть подышим свежим воздухом.

— Дня через два будет столько свежего воздуха, что хватит его тебе до конца жизни!

Проведя в столице России десять дней, друзья сели

* Водофобия — нелюбовь к воде.

в поезд, проехали, не задерживаясь, Москву, прежнюю царскую столицу, и двинулись к Нижнему Новгороду, где кончалась железная дорога.

Несмотря на равнодушные, частично наигранные, Жак все-таки посетовал, что они не взяли с собой ничего, кроме небольшого чемодана с вещами и шуб.

— Не волнуйся,— улыбнулся Жюльен,— у нас, напротив, всего так много, что нам мог бы позавидовать любой губернатор. Я купил красивые, добротные сани, меховую одежду, снаряжение, оружие, продукты питания, книги и различные предметы, которые можно будет пустить на обмен. Список того, что нам требуется, изумил бы тебя.

— И где же эти сани?

— С нами, на платформе в голове состава.

— Понятно. Но ты сказал, что железная дорога кончается в Нижнем Новгороде. Что же делать нам там с санями: снег ведь выпадет еще не скоро?

— Весь багаж мы отправим пароходом «Днепр», курсирующим между Нижним Новгородом и Пермью, сами же доберемся до Перми тарантасом.

— А сколько от одного до другого города?

— Шесть-семь дней пути, если не спешить.

— Ну что ж!

Расставшись с железной дорогой, Жак послушно сел в коляску, не сулившую, судя по ее виду, комфорта и способную обликом своим вызвать презрение даже у нормандских крестьян. Однако, грубо сколоченная, на четырех огромных колесах, соединенных деревянной осью, лишенная легкости и элегантности, она обладала одним бесспорным достоинством — надежностью, проверенной при быстрой езде по рытвинам, высокопарно называемым здесь почему-то дорогами. У тарантайки оказался к тому же весьма удобный, опускавшийся клеенчатый верх для защиты пассажиров от дождя и пыли.

Как ни сильна была тряска, Жак не жаловался. Вообразив, будто ему действительно отведена роль бездушной посылки, перемещаемой по чужой воле, он запретил себе высказывать свои чувства, машинально выходил из колямаги и, перекусив,— правда, с аппетитом,— снова садился в экипаж, даже взглядом не удостоив Волгу, по правобережью которой тарантас катил до самой Казани. Упрямец отказался от прогулки по этой древней столице Татарского ханства и через семь дней быстрой езды был с Жюльеном уже в Перми, так и не подумав восхититься густыми зелеными лесами, через которые пролегал их путь, но удовлетворенный тем, что уже начал привыкать к сидячему положению, в результате чего перестали неметь руки и ноги.

— Здесь мы сядем на поезд,— сказал Жюльен, насла-

ждавшийся путешествием со всей страстью экзальтированного * дилетанта.

— Жаль. Я уже привык к тарантасу.

— Не беспокойся. Это совсем короткая линия, только что проложенная от Перми до Екатеринбурга. А дальше — снова телега.

— Ну и прекрасно!

Жюльен проверил, как погрузили на платформу сани, давно доставленные пароходом «Днепр» и дожидавшиеся их на станции. Затем друзья прошли в свой вагон.

Через несколько часов Жюльен показал Жаку на сероватый хребет, протянувшийся вдоль горизонта с севера на юг:

— Смотри, Уральские горы!

— Горы? — презрительно повторил Жак. — Как же тогда называть склоны Сюрени и Монморанси? Вершины, которые ты величаешь горами, едва ли выше громоотвода на холме Валерьен — хотя бы на длину зонтика.

— Согласен с тобой, хотя я и не столь категоричен. Уральские горы — сохраним это название, которое мало что меняет, — действительно не поднимаются выше тысячи пятисот метров над уровнем моря. Это скорее гряда холмов, пролегающая от реки Кара до Каспия. В них нет ничего грандиозного или живописного, хотя деревья здесь красивы, стройны и могучи. Но, скажу прямо, на меня этот край производит все же определенное впечатление.

— Как легко впадаешь ты в пафос!.. ** Ты даже восхищался домами в Перми, а они ведь — словно деревянные ящики, накиданные как попало. Объясни, чем можно восторгаться при виде этих земляных куч?

— Не забывай, «эти земляные кучи» отделяют Европу от Азии. Пройдет каких-то несколько минут, и мы вступим в область, которая была колыбелью человечества. Видишь вон тот каменный столб?

— Ну и что?

— Он отмечает границу между двумя мирами — утонченной, высокоинтеллектуальной цивилизации и диких беспредельных просторов.

— Азия! — с притворным испугом воскликнул Жак. — Я, никогда не ездивший далее административного центра департамента Кальвадос***, — и вдруг в Азии!..

— Сибирь, — Жюльен продолжал развивать свою мысль, не обратив внимания на прозаическую реплику

* Экзальтированный — находящийся в восторженно-возбужденном состоянии.

** Пафос — страстное воодушевление, подъем, энтузиазм.

*** Административным центром департамента Кальвадос, на северо-западе Франции, является город Кан.

друга,— это область, занимающая огромную территорию — четырнадцать миллионов квадратных километров! Хвойные леса, березовые и осиновые рощи, лоси, олени, медведи и волки! Драгоценные камни и льды, золото и ссыльные, гигантские реки и бескрайние степи, поселения на Крайнем Севере и полярные ночи!

Продлав шестичасовой путь по железной дороге, путешественники прибыли в Екатеринбург и там пересели в тарантас.

— А знаешь ли ты, как называется дорога, по которой мы едем? — спросил Жюльен у друга, тщетно пытавшегося подсчитать количество километров, оставленных позади.

— Понятия не имею.

— Владимирка *.

— Обычное русское имя, просто оканчивается оно не на типичное «кин» или «ов», а на «ка».

— Русские не могут без содрогания говорить об этом тракте: ведь он ведет туда, откуда не возвращаются. Это дорога ссыльных!

Через восемь дней, прошедших без приключений, французы были в Омске, столице Западной Сибири *.

ГЛАВА 6

Столица Западной Сибири.— Пребывание в Омске.— Восхищение Жака степью.— Море без качки.— Первые холода.— Одевание сибиряков.— Сани.— Отправление.— Шампанское на дорогу.— Прибытие в село Ишимское.— Письмо губернатору.— Переговоры с охранником.— Трехрублевая мзда.— Николай Чудотворец и Казанская Божья мать.— Клятвopфреступление.— Благодарность капитана Еменова.— Подосланный казак.

Расстояние от Москвы до Омска было преодолено быстро, и Жюльен де Клене надеялся, что у его друга больше не появится трусливого желания вернуться назад: путешественник, даже не будучи натурой увлекающейся, по мере продвижения по бескрайним пространствам Сибири ворчит все реже и, закалившись, меньше чувствует усталость.

* Здесь автор допускает неточность: Владимиркой на самом деле назывался лишь пролегавший от Москвы до Владимира отрезок пути, по которому следовали ссыльнокаторжные в Сибирь.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар возражает тем географам, которые ошибочно, как считает он, называют Тобольск, «обычный уездный город», столицей Сибири, в то время как в действительности столицей Западной Сибири является Омск, а Восточной — Иркутск.

Предположения Жюльена сбывались. Казалось, что одно только прибытие на конечную железнодорожную станцию и появление на облучке тарантаса нового кучера рассеяли мучившую Жака ностальгию. Чем дальше углублялись они в незнакомую страну, тем плотнее становилась воображаемая завеса, отделявшая их от европейской цивилизации. Своеобразные человеческие типы, странные обычаи и необычайные пейзажи вызывали у Жака множество различных ассоциаций. Перемены в настроении друга, вызванные внезапным погружением в атмосферу края, непохожего ни на какой другой, радовали Жюльена: он надеялся, что Жак прекратит наконец представлять себя в роли безвольной посылки и станет приятным спутником.

Вскоре Жак и не вспоминал о своей отставке. Решительно позабыв о прежней работе и искренне радуясь, как настоящий русский, встрече с каждым новым кучером, он, обращаясь к сибирякам, при всяком удобном случае произносил по-русски несколько слов, подхваченных где-то на лету. Вот в таком настроении и приехал в столицу Западной Сибири бывший помощник префекта округа Сена.

Расположенный по обеим берегам Оми и по правому берегу Иртыша, в месте слияния этих рек, Омск оказался хорошеньким городком с восемнадцатью тысячами жителей — чиновников, купцов, рудокопов. Омская крепость, построенная в 1760 году и выглядевшая уже порядком пообветшалой, оставалась тем не менее главным военным сооружением в Западной Сибири.

Имея на руках рекомендательные письма от влиятельных персон, друзья надеялись, что в течение долгих дней, которые им предстояло провести в элитарном обществе этого сибирского города, они не станут скучать.

Продумав все заранее, Жюльен хотел, чтобы путь от Парижа до Омска Жак проделал при хорошей погоде и еще до того, как устремятся они за Полярный круг, успел привыкнуть к холодам, местным обычаям и к умыванию на морозе. Попав в Москву зимой, считал Жюльен, Жак категорически отказался бы следовать дальше и провести несколько месяцев в санях. Приспосабливаясь же к морозам постепенно и помня о тысячах километров, отделявших Омск от столицы Российской империи, он понял бы, что следовать дальше или возвращаться домой — по расстоянию это уже одно и то же.

Жюльен был очень удивлен, увидев, как понравилась его другу окружавшая город и простиравшаяся невесть

куда степь. Жак готов был без устали смотреть на это поражавшее воображение своей безграничностью пространство, менявшее, словно море, свой облик в зависимости от того, ветрено или спокойно, светит солнце или надвигается гроза. Иногда трава, по которой бежала зыбь, становилась темной, почти черной, и казалась тогда затягивавшей в глубь свою бездной. Когда же облако, скрывавшее солнце, вдруг разрывалось на клочья, то игра света причудливо преображала всю эту ширь, и степь начинала отливать всеми оттенками зеленого цвета.

Отважный французский исследователь Виктор Меньян, проехавший и Сибирь и Монголию, отмечал, что степь для жителя Омска то же, что горы для горца, море для матроса, пустыня для бедуина * Сахары и небо для воздухоплователя. Каждое утро бросают на нее омичи свой взгляд, чтобы по ее состоянию определить, какая будет погода в текущий день, и соответственно решить, какими работами следует заняться в первую очередь. Им по-настоящему дорогá эта безбрежная ширь, где пасутся стада и прячутся звери — объекты азартной охоты. В степи устраиваются народные празднества, и там же просто гуляют. В общем, жизнь омичей неразрывно связана со степью, и, увидев ее хоть раз, легко понимаешь привязанность к ней местного населения.

Жак, полюбивший степь, как истый сибиряк, мог часами, словно зачарованный, наслаждаться ее лицезрением. Жюльен с радостью наблюдал, как пробуждается и крепнет у его друга любовь к природе.

— Наверное, вполне естественно,— говорил ему Жак,— что я, парижанин, чей горизонт был до недавнего времени ограничен декорированными зеленым репсом стенами рабочего кабинета, не могу оторвать взора от бескрайнего пространства, от этого зеленого моря. Подумать только, море — и без кораблей и качки! Что может быть лучше!

Дни проходили быстро: охота сменялась рыбалкой, пешие прогулки — ездой в коляске или верхом на коне, вечера протекали в приятной обстановке.

Потом пришли первые заморозки. Раза два выпал снег, температура упала внезапно до минус четырнадцати градусов.

— Ну вот,— сказал Жюльен другу, умиротворенно созерцавшему степь, столь же прекрасную и под снежным

* Бедуин — араб-кочевник.

покрывалом,— если морозы продержатся, недели через две тронемся в путь.

— Не возражаю,— послушно, но без особого энтузиазма ответил Жак.

Жюльен как в воду глядел. В тот год зима оказалась ранней. Всю неделю термометр показывал минус девятнадцать. Землю укрыл плотный, не менее чем сорокасантиметровый слой снега.

Узнав, что санный путь от Омска до Иркутска открыт, друзья решили выезжать. С вещами, которые собрали заранее, не было никакой мороки. Их быстро погрузили в сани, и отважным землепроходцам осталось лишь облачиться в соответствующую одежду — и вперед! Правда, задача эта не из легких, но зато путешественник в надлежащей экипировке * может выдержать и дневные и ночные морозы, которые даже представить себе невозможно, пока не испытаешь их сам.

Друзья от души посмеялись и изрядно попотели, прежде чем обрядились как надо. Натянув три пары хлопчатобумажных чулок и одну — из тонкого фетра, они обули длинные меховые сапоги с раструбами, как у водосточных труб. На тело надели легкую, но отлично сохраняющую тепло рубашку из искусно выделанной оленьей шкуры, а поверх нее — мягкий шерстяной костюм и две меховые шубы: одну — мехом внутрь, другую — мехом наружу. Длиннопольный тулуп из лосиной шкуры — не очень красивый, но отменно теплый, укрыл путешественников с ног до головы, увенчанной шерстяной шапкой, запрятанной под башлык ** из верблюжьей шерсти.

Если предстоит пробыть на морозе несколько часов, в такой одежде, возможно, и нет особой необходимости. Но без нее не обойтись, если путь в страшной стуже рассчитан на много дней и тем более ночей.

У возка, обитого изнутри роскошным ковром, а снаружи — плотным, непромокаемым фетром, был откидной верх — также из фетра. Равные по длине и ширине парижскому омнибусу ***, высотой чуть ли не в два метра и исключительно легкие, несмотря на размеры, сани были удобны и тем, что путешественники свободно могли разместить здесь свой багаж — мешки, легкие кожаные чемо-

* Экипировка — здесь: снаряжение, обмундирование.

** Башлык — суконный теплый головной убор с длинными концами, надеваемый поверх шапки.

*** Омнибус — многоместная карета.

даны, пакеты с консервами. Умело уложенный груз оставлял еще место для двух матрасов, расстеленных с легким наклоном.

Впряженные в кибитку кони, подрагивая от нетерпения, били копытом и хватали губами снег. Кучер вспрыгнул на облучок, и тройка рванулась стрелой. А следом за ней помчались еще двадцать повозок — с друзьями и знакомыми, пожелавшими проводить путешественников-французов. Когда позади осталось не менее двадцати пяти верст*, санный поезд остановился, и провожающие вылезли из возков. И, как того требовал сибирский обычай, гостеприимные омичи, с бутылкой шампанского у каждого в руке, выстроились цепочкой вдоль зимнего тракта перед санями с французами. С шумом выскочили пробки, и пенящуюся жидкость торжественно вылили на дорогу, по которой несколько минут спустя предстояло продолжить свой путь нашим друзьям.

Первые дни санного пути были полны невыразимого очарования. Житель теплых стран, где подобный способ передвижения неизвестен, чувствует себя наверху блаженства, скользя вперед с необыкновенной скоростью, мягко, без толчков и подбрасываний на рытвинах, не слыша даже ударов копыт. И Жак Арно и Жюльен де Клене тоже наслаждались редкостным комфортом, дарованным им сибирской зимой.

Три дня спустя французы прибыли в Томск, искренне веря, что все прекрасно в этом прекраснейшем из миров. Нанеся визит генерал-губернатору, принявшему их со всеми почестями, они сразу же отправились в дальнейший путь и, проехав без всяких приключений Семилужское, вихрем влетели в село Ишимское, где и произошли уже известные читателю неприятные события.

Вы помните, как Жак и Жюльен были внезапно задержаны капитаном Еменовым, отвечавшим за партию ссыльнокаторжных, каким издевательствам подверг их этот солдафон. Знаете вы и о допросе, учиненном офицером, который думал или делал вид, будто полагал, что они — русские студенты, члены кружка нигилистов, сбжавшие из томской тюрьмы, и не забыли о перенесенных ими страданиях в грязном бараке, куда их втиснули вместе с арестантами, и о встрече со старостой, или старейшиной, колонны, подбодрившим их и пообещавшим помочь.

Нетрудно представить себе душевное состояние фран-

* Верста — русская мера длины, равная 1,06 километра.

цузов, чей путь от Парижа до злосчастного селения мы проследили с вами буквально шаг за шагом. Жюльен, несмотря на всю его энергию, лишенный не только возможности действовать, но и воздуха, света, кожей ощущавший соседство этапников, совсем приуныл. О Жаке же и говорить нечего: его охватило такое отчаяние, что он впал в полную прострацию*.

Когда заключенные забылись тяжелым, каталептическим** сном, полным кошмаров, староста, верный данному им слову, осторожно распорол подкладку своего армяка, достал оттуда маленький кожаный футляр, вытащил из него лист бумаги и быстро набросал несколько строк. Перечитав текст, сложил листок и надписал адрес. Потом, пройдя тихо в соседнюю комнату, нарушил чуткий сон охранника, возлежавшего на печи. Солдат при виде старика почувал поживу.

— Хочешь три рубля? — спросил едва слышно староста — он же полковник Михайлов.

Трояк! Да это же жалованье за целый год!

— Конечно! — подскочил стражник. — А что требуется?

— Ты человек честный?

— Когда мне платят...

— Само собой, — проговорил ссыльный, не скрывая своего презрения.

— Правда, с варнаков*** я беру дороже.

— Вот я и даю тебе три рубля.

— Прекрасно, за такую мзду можно и потрудиться. Но деньги вперед.

— Поклянись Николаем Чудотворцем и Казанской Божьей матерью, что не обманешь.

Стражник заколебался, выбирая между чувством долга и жадностью, но только на миг. Верх одержала алчность. Повернувшись к иконостасу, он отвесил низкий поклон и трижды перекрестился:

— Клянусь Николаем Чудотворцем и Казанской Божьей матерью, покровительницей странников!

* Прострация — угнетенное состояние, сопровождающееся полным упадком сил и безразличным отношением к окружающему.

** Каталептический — слово, производное от «каталепсии» — состояния, характеризуемого расстройством двигательного аппарата.

*** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Варнаками чиновники презрительно называют ссыльных, народ же зовет их несчастными».

— Вот так,— сказал удовлетворенно староста, будучи убежден, что православные никогда не нарушат подобной клятвы.— Видишь это письмо?

— Да.

— Его надо доставить генерал-губернатору, в Томск.

— Прямо сейчас?

— Совершенно верно.

— Давай трояк.

— Бери.

— Но если капитан увидит, что меня нет, то розог мне не избежать!

— Глупости! Ты выйдешь сию минуту, колонна же выступит только на рассвете.

— Твоя правда! Но ведь и от генерал-губернатора можно склопотать взбучку.

— Напротив, он только отблагодарит тебя.

— А не обманываешь?

— Нет, честное слово.

— Этого я не понимаю. Поклянись на иконе.

«Несчастный прав,— молвил про себя полковник,— его ведь не учили языку чести». И произнес вслух:

— Клянусь!.. А теперь в добрый час!

— Дай письмо, я уйду.

— Возьми. И помни о своей клятве и о том, что послание это — во спасение несчастных узников.

Стражник молча нахлобучил шапку, надел овчинный полушубок мехом внутрь, перекинул через плечо ремень с наполненной водкой флягой, засунул за пояс длинный острый нож, взял посох, распахнул дверь и исчез.

— Господи,— взволнованно произнес полковник,— помоги ему побыстрее добраться! На него — вся надежда моя на спасение невинных!

Но вместо того, чтобы круто свернуть влево на тракт и, миновав две почтовые станции, добраться до Томска, служилый остановился в глубокой задумчивости. Обращение ссыльного непосредственно к генерал-губернатору переворачивало все его представления о социальной иерархии. Солдат стал искать выход из того сложного положения, в которое попал. Он поклялся лишь доставить письмо, и, следовательно, важно только одно: чтобы оно дошло по адресу. Однако фетюк * не потребовал от него не

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает, что фетюк, как и варнак,— презрительная кличка каторжника.

показывать послания никому, кроме генерал-губернатора. Так не лучше ли передоверить грамоту капитану Еменову — единственному тут представителю власти, к тому же влиятельному? Начальник наверняка вознаградит его за услугу. Ну а что касается Святого Николая и Казанской Божьей матери, то они ведь не запрещают брать воздаяния из двух рук сразу.

Успокоив таким образом свою совесть, стражник направился к избе, где расположился его командир.

Капитан, вырванный неожиданно из объятий сна, был не любезнее медведя, у которого волки отнимают добычу. Однако бумага, извлеченная стражником из-под шапки, остановила поток ругательств.

— Кто тебя ко мне послал?

— Никто. Я сам пришел.

— Кому это письмо?

— Его превосходительству генерал-губернатору.

— Откуда оно у тебя?

— От старосты.

— Ого! Давай сюда.

— Но я поклялся пред ликом Божьей матери и Николая Чудотворца, что доставляю письмо по адресу.

— Чем тебе переть туда пешком, я лучше pošлю казака, и он мигом вручит послание его превосходительству. Давай же!

— Но...

— А, ждешь на водку! Так получай!

Еменов отвесил вымогателю такую оплеуху, что тот едва не упал. Потом, удачно выбрав момент, когда стражник повернулся к нему спиной, капитан сильным пинком в зад отшвырнул его к двери. Та распахнулась от толчка, и незадачливый лихоимец врезался в группу солдат, дежуривших в соседней комнате. Офицер же, не в силах сдерживать охватившее его волнение, приблизился к лампе и начал вполголоса читать послание старосты, предусмотрительно написанное по-французски: этого языка, которым свободно владела лишь избранная часть общества, здесь почти никто не знал, и, попади письмо в чужие руки, его бы вряд ли смогли прочесть. И действительно, из военных, сопровождавших узников, только начальник колонны был обучен французскому.

В письме сообщалось следующее:

«Дорогой генерал!

Увидев мою фамилию в списке ссыльных, ты сразу же вспомнил своего давнего товарища и, придя ко мне в острог, спросил, не смог бы быть полезен мне чем-нибудь. Я считал достойным отклонить всяческую помощь, но память о твоём благородном поступке сохраняю до конца дней своих. Вспоминание о наших юных годах позволяет мне воззвать сегодня к твоей воинской чести и, выказывая полнейшее доверие к моему старому другу, ходатайствовать о предотвращении грубейшего нарушения прав человека.

Два путешественника-француза, по неведению или злому умыслу выданные за преступников, бежавших из тюрьмы, только что задержаны начальником отряда, конвоирующего партию ссыльнокааторжных, избравших меня своим старостой. Несчастных иностранцев взяли под стражу, и утром они вместе с заключёнными пойдут по этапу.

Друг мой, дабы не запятнать славы государства Российского, необходимо как можно быстрее восстановить справедливость.

Когда-то ты заметил, что мы с тобой по-разному смотрим на пути, ведущие к процветанию нашей родины, но незапятнанное имя Отечества одинаково дорого всем нам — от императора до каторжника.

Сергей МИХАЙЛОВ».

— Ничего себе! — зловеще воскликнул капитан Еменов. — Сильно сказано! Этот варнак-этапник решил потягаться со мной! Пишет государеву представителю! Нет, поистине, царь наш слишком добр! Славные старые традиции уходят! В дни моей юности Сибирь действительно была краем, откуда не возвращаются. — Он помолчал с минуту, затем, нахмутив брови и сжав кулаки, произнес с еле сдерживаемой яростью: — Вот уж посмеемся! Черт возьми, еще немного, и попал бы я в интересное положение, дойди письмо до адресата. А я тут колебался к чему-то, не зная точно, как поступить с этими злыднями, теперь же, что бы ни случилось, они навсегда останутся варнаками. — Позвав унтер-офицера, находившегося с солдатами в прихожей, начальник конвоя спросил: — Где стражник?

— Мы задержали его.

— И правильно сделали! Свяжите по рукам и ногам и заткните рот кляпом, чтобы до выступления колонны он словом ни с кем не смог перемолвиться, особенно со старостой.

— Слушаюсь, господин капитан!

— А к старосте приставишь кого-нибудь из своих, кому полностью доверяешь. Пусть не отходит от него ни на шаг и проследит, чтобы он не заговорил с задержанными нами вчера. Понял?

— Так точно! — ответил служака, вытянувшись по струнке — пятки вместе, носки врозь — и пожирая командира глазами.

— Ступай!.. Ну, полковник Михайлов, держись теперь!

Пять минут спустя казак, подсланный унтер-офицером, открыл дверь арестантского барака, кликнул старосту и пошел с ним в комнату, где тот только что вел переговоры с охранником. Понимая, что за ним могут наблюдать, солдат положил пистолет с взведенным курком на стол рядом с собой и, сев на грубо сколоченную скамью, подал старосте знак присесть рядом.

— Что случилось? — спросил ссыльный, томимый дурным предчувствием.

— Молчать! — гаркнул казак и затем, к великому удивлению полковника, прошептал: — Слушай, отец, письмо у капитана. Гонец твой предал тебя.

ГЛАВА 7

Пробуждение каторжан.— Бессмысленность сопротивления.— Царский запрет.— Беседа капитана Еменова со старостой.— Великолепие природы.— Снова арестантский барак.— Страдания женщин и детей.— Сочувствие.— Клеймо.— Ночь в снегу.— Удар кнутом.— Бесстрашие Жюльена.

Звон кандалов и гул человеческих голосов вывели друзей из состояния, которое лишь с большой натяжкой можно было назвать сном. Французы с ужасом оглядывались по сторонам.

Сквозь щели в крыше, дверях и деревянных ставнях пробивались тусклые лучи красноватого солнца и, как бы застывая в плотной пелене стоявших в бараке миазматических испарений, придавали помещению еще более удручающий вид. Заключенные, полуголые, в поту, с измощенными, сведенными судорогой лицами, машинально, тяжело дыша, одевались. Вытащив из ручных и ножных оков тряпки, они выворачивали их наизнанку и возвраща-

ли на прежнее место: заменить эту ветошь было нечем, а охранник, которого можно было бы попросить добыть новые обмотки в обмен на деньги, бесследно исчез.

Когда наконец все эти истощенные тела, закованные в кандалы руки и ноги были кое-как прикрыты смрадными арестантскими лохмотьями, несчастные узники, с трудом распрямляясь, начали строиться у двери, которую скоро должны были открыть.

Жак и Жюльен, не видя старосты, перепуганные, стояли молча, не в силах осознать до конца, что же с ними произошло на самом деле.

Снаружи слышались громкие шаги, раздался скрежет отмыкаемого замка, и дверь широко распахнулась, впуская в мрачный каземат яркое солнце. Ссылнокааторжные облегченно вздохнули: для горемык морозный воздух улицы и холодные лучи светила были чуть ли не пределом мечтаний. Не думая о том, насколько опасен быстрый переход из вонючего, но жаркого, словно парилка, помещения в сибирскую зимнюю стужу, этапники рванулись гурьбой к двери, как хищники за добычей. Но наружу не вышли: путь им преграждали солдаты с заряженными, как всегда, ружьями, готовые в любой момент открыть огонь по конвоируемым.

В барак внесли несколько грязных баков склизкой каши из недоваренной ржи, и каждому узнику выдали, кроме того, по горсти сухарей из высушенного на сибирский лад черного хлеба.

После короткой и скорбной утренней трапезы унтер-офицер, как обычно, провел в присутствии капитана Еменова переключку, и колонна вновь побрела по дороге.

Жака и Жюльена, словно преступников, связали по рукам и ногам крепкими веревками, которые в Красноярске, как пообещал капитан, заменят кандалы. Но сделать это удалось только после отчаянного сопротивления, оказанного насильникам друзьями. Первые же казаки, которые приблизились к ним с путами, по достоинству оценили силу их кулаков. Капитан Еменов, поигрывая с сатанинской усмешкой револьвером, уже собрался было отдать солдатам приказ стрелять, как вдруг раздался громкий голос:

— Смиритесь, ребятки! Сопротивление равнозначно самоубийству!

Это был староста.

— А ну заткни рот, негодяй! — Офицер занес над смельчаком плеть, чтобы заставить его замолчать. — Тебе-

то какое дело, живы они или нет?! — А про себя добавил: «По мне, так лучше, чтобы они сдохли. Сосчитаешь трупы — и никаких хлопот!»

Старческие веки ссыльного дрогнули, и взгляд блеснувших глаз пронзил как клинок солдафона.

— Опустит плетку! — возмущенно крикнул узник, снова становясь на краткий миг полковником Михайловым. — Ты не имеешь права бить, слышишь? Или забыл, что царь запретил телесные наказания?!

Существует ряд правил, которых никому не дано нарушать на территории России, даже когда речь идет о ссылокаторжных.

— Да-да, так распорядился наш царь-батюшка! — загалдели узники. — Староста правильно сказал!

Прямое обвинение в пренебрежении императорским указом ошеломило капитана. Побледнев, он опустил плетку и, до крови закусив губу, устремил на полковника бешеный взгляд.

А тот безбоязненно продолжал:

— Не забывай к тому же, что я как дворянин имею право требовать, чтобы меня доставили к месту заключения без оков и в телеге или на саних. — И закончил с горькой усмешкой: — Ибо только там, в конечном пункте моего назначения, но не ранее, кончаются привилегии, которые имеет мое сословие

— Ты — дворянин?! — поразился капитан. — Так как же ты очутился здесь?

— Я отказался от привилегий, поскольку решил сопровождать этих несчастных, впавших, как и я, в немилость к власти предрежающим, дабы, деля с ними страдания, подбадривать их, служить им примером и следить, чтобы никто не злоупотребил властью. Понятно теперь?

Начальник колонны не нашел, что ответить на эти произнесенные с чувством собственного достоинства слова, и лишь пробурчал что-то невнятное. Потом, оправившись от изумления, спросил старосту, перед тем как приказать ему занять свое место среди заключенных:

— Ответь мне, где тот казак, кого я прислал к тебе этой ночью?

— Разве обязан я шпионить за твоими солдатами? — саркастически * воскликнул бывший полковник. — Своими людьми занимайся сам! С меня же достаточно других хлопот.

* Саркастически — язвительно, со злой насмешкой.

— Ладно, но я имею право запретить тебе разговаривать с двумя задержанными вчера незнакомцами.

— Согласен! Но мне уже не о чем больше говорить с ними, поскольку они прекратили сопротивление.

И в самом деле, оба француза, надеясь, что старик что-то предпринимает для их освобождения, молча, но с гордо поднятой головой, стояли в окружении солдат. Правда, они еще ни о чем не знали — ни о планах их нового друга, ни о подлом предательстве охранника.

Колонна уныло, под аккомпанемент кандального звона, зашагала по смерзшемуся снегу.

Так как к утру снегопад прекратился, день стоял ясный, и на прозрачном голубом небосводе ярко светило морозное солнце. Было около двадцати пяти градусов ниже нуля. Из труб деревянных строений вертикально, словно металлический стержень, вздымались струи дыма и лишь выше, достигнув более плотного слоя воздуха, неспешно растекались по сторонам.

За поселком расстилалось открытое, ровное поле — нескончаемая снежная скатерть, сиянием своим резавшая глаза. «За белым лугом белый луг...» — как писал наш бессмертный Виктор Гюго *. По обеим сторонам от Владимирского тракта из-под снега пробивались высокие стебли степной травы — в причудливых кристаллах изморози, вспыхивавших, словно по волшебству, всеми цветами радуги. Время от времени скопившаяся в атмосфере влага выпадала в виде острых ледяных игл. Крохотные капли, резко переходя из газообразного состояния в твердое, медленно опускались в виде тончайших бриллиантовых осколков, которые могли бы поразить взор самого изысканного эстета причудливейшими конфигурациями и невообразимым разноцветьем, высвеченным солнечными лучами. Но, увы, обездоленным существам было не до окружавшего их великолепия. От мороза, бессознательного творца этого чуда, безжалостно обрушивавшегося на их ослабленные тела, стыла кровь в жилах, губы и ноздри покрывались ледяной коркой, лопалась кожа, коченели руки, сводило судорогой ноги.

У ссыльнокаторжных одно было дело — идти и идти по твердым, как мрамор, колдобинам, предательски скрытым от взора слоем снега, падать, оступаясь в них, и подни-

* Гюго Виктор Мари (1802—1885) — французский писатель, выдающийся представитель демократического крыла французских романтиков.

маться, чтобы потом опять упасть и снова встать. И так без конца.

Нетрудно представить, каким тяжелым оказался для друзей первый день, проведенный ими в сообществе с узниками. Поскольку староста не мог нарушить запрета капитана вступать с ними в разговор, физические муки французов дополнялись отчаянной тревогой, порожденной неизвестностью.

В бараке, куда загнали несчастных на ночь, было еще грязнее, еще отвратительнее, чем в ишимском остроге. Но этапники так устали, что согласны были лечь, не разжигая печи, приткнувшись куда попало и даже просто на дворе, если внутри им не хватит места.

Как правило, в подобных придорожных каталажках нет отдельных комнат для сопровождающих своих близких женщин и детей, и эти горемыки вынуждены располагаться вместе с солдатами, которые из жалости их не гонят. Так и на этот раз странницы поневоле, прикрыв детей отrepьем, устраивались с ними в караульном помещении кто где мог: под солдатскими койками, возле дверей, между козлами для винтовок.

Надо ли говорить, что в арестантских бараках — они же остроги — ссыльнокаторжные были лишены медицинской помощи? Как, впрочем, и на протяжении всего пути? В так называемых лазаретах нет ни коек, ни матрасов, ни одеял, ни чего-то, хотя бы отдаленно напоминающего белье. По дороге от Томска до Иркутска, на расстоянии четырехмесячного перехода, насчитывается только пять небольших лазаретов, имеющих в общей сложности сто коек, тогда как требуется их в пять раз больше. Но и на этих кроватях, убогих ложах, располагались, как правило, солдаты.

Ссылные плотно набивались в помещение, не менее тесное, чем в Ишимском, и хотя они улеглись впритык друг к другу прямо на нечистотах, накопившихся за несколько недель, все равно пятая часть их осталась без места, на улице.

Среди последних оказались и Жак Арно с Жюльеном де Клене. Изнемогая от усталости, с обмороженными руками и распухшими от мороза лицами, они едва притронулись к отвратительному месиву, принесенному в столь же грязных баках, как и утром.

— Итак, — с трудом произнес Жак, — нас ждет ночлег на снежном матрасе при тридцати градусах мороза!

— Бедный мой друг, — отозвался Жюльен, забывая

о собственных мучениях,— в какую ужасную историю втянул я тебя по своей самонадеянности! Мужайся! Прижмемся друг к другу, и будет теплее. Хорошо еще, что шубы у нас не отобрали.

— Послушай,— как в бреду заговорил Жак,— почему бы не вырвать мне у солдата ружье и не расправиться с изувером, затащившим нас сюда? Меня пристрелят на месте? Тем лучше: разом будет покончено со всем этим!

— Наберись терпения! Помни, что обещал полковник. Если в течение ближайших двух дней в судьбе нашей ничего не изменится, то мы оба сможем поступить так, как ты задумаешь.

Двое каторжников с грубыми лицами и выжженными на щеках и лбу тремя буквами, образовывавшими слово «вор», переговаривали о чем-то со своими товарищами и, подойдя к французам, обратились к ним по-русски. Обнаружив, что незнакомцы их не понимают, заключенные поискали глазами старосту, чтобы он перевел. Бывший полковник, тоже оставшийся на улице, хотел подойти к ним, но стражники скрестили штыки у его груди. Однако старик и так уже понял, что за благородная мысль осенила этапников.

— Отлично, ребятки! — сказал он им.— Делайте, как решили. Заранее благодарю вас.

Московские лиходеи, совершившие черт знает сколько преступлений, недоумевая, откуда взялась вдруг в их душах жалость, неожиданная, словно цветок в грязи, вознамерились приготовить иностранцам ложе — необычное для горожан, но привычное для сибирских охотников, при одной мысли о коем житель края с умеренным климатом пришел бы в ужас. Впервые на такой кровати трудно заснуть, но зато, покаясь на ней, можно не бояться замерзнуть.

Задумывались ли вы, укрывшись за плотными шторами, нежась в мягкой постели под легким, как пушинка, одеялом и под веселое потрескивание дров в камине, о тех, кто путешествует по Крайнему Северу? Представьте себе, как один из этих героев забирается, словно зверь, в берлогу, разгребает руками снег, лишь белизной похожий на пух, под которым почиваете вы, осторожно, чтобы не обрушился верхний слой, расширяет туннель справа и слева и укладывается в тулупе прямо на землю, промерзшую в глубину на много метров.

Устройством такого логова и занялись два каторжника. Дело нехитрое, хотя и достаточно трудоемкое. Как ни

странно, подобный альков *, в который, кажется, ложишься, чтобы больше не встать, обладает способностью хранить тепло человеческого тела — при условии, что в сводах нет никаких щелей и вы в шубе мехом наружу.

Жюльен, обладавший уже некоторым опытом путешествия по Сибири, понял, что готовится. По достоинству оценив умение, с каким сооружалось прибежище для ночлега, он был растроган сочувствием, пробудившимся у этих так низко павших существ. Относясь к людям с симпатией, француз всегда противился мысли о несправимой греховности человека и был рад теперь наблюдать проявление добрых чувств у преступников. Его синие, потрескавшиеся на морозе губы дрогнули и раскрылись в подобии улыбки.

— Мерси! — произнес он.

Воры поняли, что он им сказал, хотя и не знали этого слова.

— Ну вот,— спустя некоторое время почти весело обратился Жюльен к своему другу,— опочивальня для вашего величества уже готова. Слуги удаляются. Так что можно и на бочок.

Подкрепляя слова действием, он опустился на четвереньки и начал заползать ногами вперед под ледяной балдахин. Потом потянул к себе Жака, помог приятелю улечься, прижался к нему и замер в ожидании сна. Хотя постель была жесткой, температура держалась вполне сносная. Очень скоро Жюльена охватила сладкая истома, и он, сломленный накопившейся за день усталостью, заснул как убитый.

Из забытья его вырвали, как и в предыдущее утро, гул голосов и звон цепей. Начиналась перекличка.

У Жюльена ныло все тело. Однако в целом чувствовал он себя вполне отдохнувшим, сам удивляясь тому, что столь хорошо перенес ночевку в условиях, выдержать которые, казалось бы, могли лишь уроженцы арктической зоны.

— Ну, давай же! — тряс он Жака.— Вставай же, вставай! Хватит нежиться, пора просыпаться! Если опоздаем к похлебке, то испортим настроение господину Еменову, и он обрушит на нас свой яростный гнев!

Жак неловко зашевелился и, сев не без труда, обрушил снежный свод, хранивший ночью тепло его тела. Затем полез вслед за другом на четвереньках к выходу из логова.

* Альков — углубление в стене комнаты для кровати, ниша.

Но, просунув в лаз плечи, заметил внезапно, что не может открыть глаза.

— Ослеп! Я ослеп! — закричал он в ужасе.

Жюльен вздрогнул было, однако тотчас облегченно вздохнул:

— Не бойся! Просто на веках образовалась ледяная корка! Растопи ее пальцами. Я это уже проделал. Да побыстрее, а то проклятый капитан шары выкатил от злости!

— Эй, французы-контрабандисты, скоро вы там? — прорычал старый служака. — Живо на место!

— Мой друг никак не откроет глаза и поэтому не может идти, — вежливо, но твердо ответил Жюльен.

— Сукин сын имеет еще наглость затевать со мною разговор? Говоришь, твой друг-варнак глаз не может разлепить? Сейчас я мигом ему помогу!

Подняв кнут, солдафон решительно направился к горе-мылкам.

Жюльен, бледный от гнева, бесстрашно преградил ему путь:

— Ты не ударишь, подлец! Не то я...

Плеть со свистом рассекла воздух. На лице храброго француза проступила красная полоса. Но ударить во второй раз капитану Еменову не удалось: только он вскинул руку, как Жюльен сжал ее мертвой хваткой своей левой рукой, в то время как правой яростно сдвигал душегубу горло. Офицер, теряя силы, упал на снег с выпученными глазами, посиневшим лицом и высунувшимся изо рта языком. На миг конвоиры и их поднадзорные застыли, ошеломленные этой безумной отвагой, которая будет стоять бунтарю жизни, если только не произойдет чуда.

Солдаты, видя, что начальник их задыхается, тщетно пытаясь высвободиться из железных рук француза, с винтовками наперевес бросились на Жюльена. Смелчак, легко, как ребенка, подняв капитана, закрылся им, словно щитом, и отступил к забору.

— Сейчас, сейчас я его придушу! — прокричал он, зловеще хохоча. — Мерзавец получит по заслугам! А уж потом колите меня сколько вздумается!

Круг сжимался. Штыки сверкали в считанных сантиметрах от груди мятежника. И Жюльен понял, что пропал.

— Стой! Опустить ружья! — откуда-то со стороны раздался вдруг зычный голос.

И в тот же миг у барака затормозили сани. Из них

выскочили жандармы — в блестящих касках и голубом обмундировании — и направились к колонне. Впереди, с гордо поднятой головой, шагал высокий мужчина. Шуба на нем была распахнута, и из-под нее выглядывал китель одного из старших чинов русской армии.

ГЛАВА 8

Казак у старосты.— Трогательная история сына солдата-француза.— Добровольный гонец.— Награда и наказание.— Спасение.— Просьба Жака.— Разжалование капитана Еменова.— За завтраком.— Великодушные Жюльена, возвращающего Жаку его слово.— Преображение Жака.— Только вперед!— Дорога на Иркутск.— Прощание со старостой.— До свидания!— Во искупление вины.

Как мы уже знаем, капитан Еменов серьезно ошибся в выборе солдата для присмотра за старостой. Служилый входил в состав караула, приставленного к «апартаменту» начальника колонны и, естественно, слышал разговор своего командира с задержанными французами. Да и как могло быть иначе, если офицер вел его на повышенных тонах, будучи твердо убежден, что подчиненные ни слова не поймут из беседы, шедшей на французском языке. К тому же капитану вообще не было никакого дела до умонастроения рядовых конвоиров. Ведь, считал он, русский солдат, как и немецкий, — всего лишь автомат, настроенный на службу и способный лишь на пассивное послушание. Что же касается таких вещей, как наблюдательность, способность размышлять и инициатива, то они ему попросту недоступны. Поэтому старший по колонне ждал от солдата беспрекословного выполнения всего, что касалось старосты, и был бы весьма обескуражен, если бы узнал, как повел себя казак.

— Да, батюшка, — говорил служилый бывшему полковнику, — стражник передал капитану написанное тобою послание, и начальник приказал мне воспрепятствовать твоему общению с французами. Обманщик не пошел в Томск. Капитан велел держать его взаперти, пока колонна не двинется в дорогу: он хочет, чтобы ты думал, будто письмо твое в пути.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — недоверчиво спросил ссыльный. — И что за интерес тебе заботиться об этих несчастных?

— Я же знаю, что задержанные ни в чем не виноваты. Они не связаны с кружком нигилистов, не участвовали в заговоре против царя-батюшки и, ко всему прочему, не являются подданными нашего государя-императора.

— Интересно,— чуть насмешливо молвил староста,— откуда известно тебе все это?

— Ну вот, ты не веришь мне, отец, а зря. Понимаю, конечно, тебе приходится быть осторожным: вокруг полно соглядатаев. Но я в один миг развею твои сомнения, не имеющие, клянусь тебе, никаких оснований.

Последняя фраза, произнесенная на чистом французском, повергла старосту в изумление:

— Ты что, французский знаешь?

— Да, батюшка.

— Наверное, ты единственный такой среди казаков...

— Поскольку я владею языком задержанных, то понял из разговора, что они — жертвы чудовищной несправедливости, преступного превышения власти.

— Предположим. Но это не объясняет, почему ты проявляешь к ним столь большое участие, что даже наруши приказ с риском понести тяжелое наказание.

— Сейчас расскажу все. Я ведь тоже француз, хотя и подданный царя.

— Не может быть!

— Может, может... Во время войны Наполеона с Россией отец мой служил в охране императора. Он попал в плен и был сослан в Сибирь. Потом поселился в киргизской деревне и много лет спустя взял в жены дочь начальника острога. Я — самый младший из этой довольно большой семьи. Батюшка мой стал настоящим сибиряком, но не забывал Францию и очень любил при случае послушать звучную французскую речь. Я родился, когда он был уже стар. Отец приложил немало усилий, чтобы научить меня языку своих предков, и добился своего: я довольно прилично говорю по-французски. Потом меня призвали на воинскую службу, и я оказался далеко от дома, когда отец скончался в кругу любящих домочадцев. Я храню о нем самые теплые воспоминания и испытываю к французам те же чувства. Оставаясь один, я громко разговариваю сам с собой по-французски и ощущаю при этом благодное состояние души своей: будто я слышу голос столь любимого мною отца... Так что ты можешь полностью доверять мне — казаку французского происхождения.

— Верю тебе, сынок,— ответил староста, не скрывая волнения.— Но что же ты надумал?

— У меня лучший в отряде конь. Напиши генерал-губернатору еще одно письмо, и я тотчас отправлюсь в путь. Скакун мой одним махом одолеет семьдесят верст от Ишимского до Томска.

— Хорошо, но каким образом ты пробьешься к губернатору?

— На прошлой неделе меня уже посылали к нему с поручением, и я сохранил бирку, которую правительственные гонцы крепят к руке. Ты, наверное, знаешь, что начальство принимает правительственные послания лично и в любое время суток.

— На все у тебя есть ответ,— произнес арестант и несколько минут спустя вручил смельчаку послание, написанное в тех же выражениях, что и предыдущее.— Держи! И да сопутствует тебе удача! Прими благословение старика, любящего мужественную нацию, к которой ты принадлежишь.

— Спасибо, отец, все будет в порядке! До встречи!

Отважный казак взнуздal лошадь, вскочил в седло и помчался, никем не замеченный в сумерках. А вечером того же дня уже входил в хоромы генерал-губернатора. Письмо потрясло сановника. Одно за другим последовали распоряжения, выполнявшиеся быстро и четко. Не прошло и десяти минут, как в личные сани губернатора была уже впряжена тройка резвых коней! И тотчас же повозка лихо рванула вперед, увозя с собой адъютанта губернатора Пржевальского, решившего лично проследить за выполнением предписаний своего начальника, и сопровождавших его жандармов.

Гонец застыл, ожидая, когда его отпустят.

— Ну а теперь разберемся с тобой,— проговорил генерал.— Ты без разрешения покинул свою часть и за это должен быть наказан. Тебе дадут свежего коня. Доехав до Иркутска, ты сам явишься к начальству и отбудешь там месячное заключение. Но не в солдатской тюрьме, а в офицерской. Ты нарушил дисциплину, но одновременно и предотвратил преступление, которое могло бы совершиться во владениях его величества царя. Жалую тебе звание унтер-офицера. Ну, в путь! Ты славно служишь!

— Спасибо, батюшка! — произнес казак. Глаза его радостно блестели.

Задержавшись ненадолго в Семилужском и Ишимском, где сменили коней, все остальное время сани неслись стрелою в ночи и подкатали к острогу в тот самый мо-

мент, когда капитан Еменов задыхался в мертвой хватке Жюльена де Клене.

Услышав грозное «Опустить ружья!», солдаты, только что собиравшиеся изрешетить француза, беспрекословно подчинились команде.

Капитан судорожно глотнул воздух, с трудом выпрямился и почтительно застыл перед адъютантом в чине полковника.

Вежливо поздоровавшись с французами, к которым он обратился по имени, представитель губернатора сказал:

— Высокочитимый граф де Клене и месье Арно, мне предписано исправить ошибку, допущенную в отношении вас. Вы свободны, господа, и я приношу вам извинения от имени его превосходительства генерал-губернатора. Такие же извинения, учитывая характер нанесенного вам оскорбления, будут переданы послу вашего правительства. Поскольку вы, господа, понесли по вине находящегося на государственной службе нашего офицера материальные потери, я уполномочен предложить вам на выбор: или вернуться в Томск, где вы будете гостями губернатора, или продолжить свой путь. В последнем случае я последую вместе с вами до Иркутска, где генерал-губернатор Восточной Сибири возместит вам и моральный и материальный ущерб.

Жак и Жюльен, тронутые этими словами, шагнули к офицеру и, пожимая ему руку, поблагодарили с горячей признательностью людей, только что находившихся на волосок от смерти, а теперь возвращенных к жизни.

Капитан Еменов, словно громом пораженный, посматривал в смятении то на друзей, то на полковника.

Жюльен презрительно прошел мимо него, не удостоив изувера даже взглядом, но Жак не привык прощать обиду.

— Можете ли вы, полковник, оказать мне услугу? — обратился он к адъютанту.

— Я в вашем распоряжении!

— Тогда дайте, пожалуйста, саблю: меня так и подмывает подойти к этому господину и отсечь у него хотя бы одно ухо — в виде компенсации за те унижения, которые мы перенесли по его милости.

Адъютант, по-видимому приняв эту просьбу всерьез, произнес степенно:

— Месье, я не могу выполнить ваше желание. Но должен заметить, что военным законодательством предусмотрены не менее суровые меры наказания. И одна из них — разжалование, сопровождаемое крайне унизи-

тельной церемонией. Да вы сейчас и сами увидите.

— Нет-нет, полковник,— воскликнули оба друга,— только не это! Пощадите его!

— Мои распоряжения не могут отменяться, господа,— ответил полковник с некоторой грустью в голосе и обратился к начальнику колонны: — Еменов, ты нарушил свои обязанности и недостойн высокого звания слуги его императорского высочества. Один из унтер-офицеров, старший по возрасту, сорвет с тебя эполеты и сломает твою шпагу. Прослужишь два года рядовым в строительной части без права ношения оружия.

— Но должны ли и мы присутствовать при приведении этого приказа в исполнение? — спросил Жюльен.— Друг мой, проведя ночь в снегу, еле стоит на ногах. И я был бы вам благодарен, если бы вы разрешили нам где-нибудь отогреться.

— Как вам угодно, господа,— вежливо ответил адъютант.

Через десять минут в комнату, где находились друзья, вошли полковник со старостой.

— Взгляните, Сергей Иванович, на ваших подзащитных,— сказал адъютант.— Они с радостью пожмут руку человеку, который столь своевременно пришел к ним на помощь. Вам, только вам, обязаны они свободой!

Путешественники бросились обнимать старика.

— А теперь, когда справедливость восторжествовала, разрешите пригласить вас, господа французы, к завтраку, отличному от тех, что давали вам в течение этих двух дней... Вы составите нам компанию, Сергей Иванович? Правила не возбраняют вам провести с нами полчаса за сердечной беседой.

— С удовольствием, Василий Петрович, хотя времени у меня в обрез: колонна вот-вот выступит в путь.

— Вы догоните ее на саних бывшего начальника конвоя. К тому же мне велено передать вам, что его превосходительство желает,— подчеркнул адъютант последнее слово,— чтобы остаток пути вы проделали в повозке.

— Нет,— твердо произнес староста.— А его превосходительство ничего не просил вас передать мне лично?

— Вот его точные слова: «Скажите тому, с кем вершили мы вместе ратные подвиги и делили славу, что воспоминание о нем живет в моем сердце и что...»

— И что?..

— «И что я надеюсь на его скорейшее возвращение в наши ряды и занятие им места, которого он достоин».

— На все воля Божья! — скромно молвил ссыльный.

Денщик принес самовар и заварочный чайник с ароматным чаем, по достоинству оцененным при таком морозе. Стол был уставлен разнообразными продуктами, собранными в спешке и только что размороженными: ведь в дороге и мясо, и консервы, и хлеб, и фрукты превратились от холода в ледышки. Оказавшиеся волею судьбы за одним столом четверо сотрапезников, отдавая должное вкусной еде на этом импровизированном пиру, сначала почти не разговаривали. Когда же чувство голода прошло, завязалась беседа.

— Итак, господа, вот что я понял: сколь бы странным это ни казалось, вы решили совершить подвиг, впервые в истории отправившись в Бразилию через Азию, — произнес адъютант. — Покинув Россию, вы посетите еще два американских субконтинента.

— Признáюсь вам честно, за последние два дня я совершенно забыл об этом! — ответил весело Жюльен. — А ты, Жак?

— То же самое! Я уже начал было привыкать к походной жизни. Не то чтобы она доставляла мне особое удовольствие, но считал условия, в которых мы находились, вполне приемлемыми и был уверен в успешном завершении нашего путешествия, как вдруг случилось это досадное происшествие...

— Которое, наверное, вызвало у вас глубокое отвращение к странам с холодным климатом, — печально заметил староста. — Это так естественно, не правда ли, Василий Петрович?

— Вы правы, Сергей Иванович. И господа должны возносить хвалу своей звезде за то, что встретили в вашем лице благородную душу.

— Позвольте не согласиться с уважаемым полковником Михайловым. Нет, я вовсе не возненавидел путешествия по суше — единственно возможный для меня вид передвижения, — промолвил добродушно Жак. — Но..

— Ну-ну, — сказал другу Жюльен, — признайся, ты хотел бы вернуться в Париж? Национальная гордость здесь ни при чем: ведь мы отправились в путешествие не за славой. Поскольку это я подверг тебя таким испытаниям, то обязан вернуть тебе твое слово. Кто знает, уж не решил ли ты сменить маршрут и, вернувшись в Европу, добравшись до какого-нибудь порта, чтобы отправиться оттуда напрямиком в Рио-де-Жанейро?

Жак замахал обеими руками.

— Нет, уж лучше встречать на каждом шагу капитанов Еменовых! — возразил он с такой горячностью, что Жюльен удивился. — Лучше вернуться в партию ссыльнокаторжных и спать по ночам в снежной постели, приготовленной ворами!.. Лучше пешком дойти до Берингова пролива, зимовать за Полярным кругом, приручать белых медведей и вместе с чукчами пить в чуме * тюлений жир, чем находиться на борту корабля!.. Ты прав, национальная гордость не имеет к нашему путешествию никакого отношения. Мы не англичане и пари не заключаем. В путь я отправился под твоим давлением и особого энтузиазма в дороге не проявлял. Но сейчас честно заявляю тебе, что намерен идти только вперед, даже если придется сложить свою голову. Скажу прямо, у меня было немало сомнений. Но сегодня мое желание твердо. Повторяю: только вперед, как говорят в таких случаях американцы!

— Браво! — воскликнули в один голос его собеседники, взволнованные неожиданным признанием.

— Если вы мне верите, — продолжал Жак, — то поднимем бокал за здоровье нашего высокого друга полковника Михайлова и за его превосходительство генерал-губернатора, а затем, воспользовавшись любезным предложением полковника Пржевальского, не теряя ни минуты, отправимся в его сопровождении в Иркутск!

— Я полностью в вашем распоряжении, господа! — галантно ответил адъютант. — Рад вашему решению хотя бы потому, что мне предстоит приятная поездка в компании с такими славными людьми, успевшими уже завоевать мою симпатию.

— Вы же завоевали нашу, поверьте! — заявил с жаром Жюльен.

— И вот еще что, — произнес полковник. — В Ишимском я узнал от стражника, что приключилось с вашим багажом. Все было разграблено, остался только этот саквояж с документами, почему-то не привлечший внимания мародеров. Взгляните, на месте ли бумаги.

— Все цело: паспорта, рекомендательные письма, банковские поручения, даже моя карта, — сказал Жюльен, бегло просмотрев содержимое сумки. — Все в порядке, приношу вам благодарность!

— Ну что ж, друзья, в дорогу! Сани большие, места

* Чум — в Сибири: шатер конической формы, крытый шкурой, корой, войлоком.

всем хватит. Мы будем рады еще какое-то время побыть с вами, Сергей Иванович. Неужели ваше решение идти по этапу окончательное?

— Да, Василий Петрович.

Не успели пассажиры усесться, как сани нагнали мрачную колонну. Полковник Михайлов, снова ставший просто старостой, сошел с саней и обнял крепко Жюльена и Жака, в чьих глазах стояли слезы. Избавленные от испытаний, которые пришлось им пережить в течение тридцати шести часов, но хорошо теперь представлявшие себе все ужасы, выпадающие в пути на долю несчастных этапников, Жюльен и Жак оплакивали судьбу ссыльного полковника и одновременно восхищались его решимостью.

— Прощайте!.. Прощайте, дети мои! — повторял сдавленным голосом полковник Михайлов.

— Нет-нет, не прощайте, а до свидания! — энергично возразил Жак. — Надеемся встретить вас на обратном пути в Петербурге. До той поры вы уже вновь займете подобающее место в науке. Так что — до свидания!

Сани скользили рядом с колонной ссыльнокааторжных. Попросив кучера сбавить скорость, адъютант сказал спутникам:

— Я понимаю вас и разделяю ваше желание, но — увы! — не вашу надежду. Полковник Михайлов — человек нестигаемой воли. Такой стальной характер не позволит сломить себя ни на минуту... О, да этот скотина ящик собирается, кажется, задавить несчастных! Чуть было не сбил с ног вашего старого знакомого, капитана Еменова: он идет рядом с ворами, под их косыми взглядами!

— Бедняга! — пробормотал Жюльен. — Какая жестокая расплата!

— Ну-ну, нашли кого жалеть! Или вы хотели бы оказаться сейчас на его месте? Будь его воля, вы и находились бы там, в колонне. Право, этот солдафон не заслуживает снисхождения!

— Бр-р! — проговорил Жак и обратился к Пржевальскому: — Нельзя ли попросить вас поднять верх? Такой мороз, что того и гляди, белые медведи пожалуют!.. — Потом он повернулся к своему другу: — Если ты только послушаешь меня, Жюльен, то возвращаться из Бразилии мы будем в теплое время года. Конечно, у тарангаса есть недостатки, но и путешествие в саних не во всем приятно.

— Да, несомненно. Если бы мне сказали, что впереди нам предстоит хотя бы пятиминутное плавание, я тотчас бы повернул назад. Что делать, я неисправим!

ГЛАВА 9

Путевой дневник Жака.— Встреча с сибирскими волками.— Воспоминание о морской качке.— Гражданский генерал.— Сибирские Афины.— Золотопромышленники.— Меха — мерило человеческого достоинства.— Сибирские простаки.— Незамерзающая Ангара.— Своеобразие Байкала.— Господин море.— Иркутск — недоступная земля обетованная.— Борьба Ангара с морозом.— Непротопленным путем.— Умение перевернуться.— Опрокинутые сани.— Месть моря.

— Ну, дружище Жак, признавайся, тыходишь во вкус! И свидетелем тому наш милый спутник Пржевальский!

— Да, не пытайтесь отпираться, господин Арно,— поддержал Жюльена офицер.— Могу вслед за господином де Клене привести неопровержимые тому доказательства.

— «Входишь во вкус»... Это, пожалуй, сказано слишком сильно. Считайте лучше, что я проявляю интерес к путешествию.

— К чему такие тонкости! — воскликнул Жюльен.— Твоего признания более чем достаточно, чтобы подтвердить нашу правоту. Скажу в связи с этим, что я с удовольствием почитал бы записи, за которые принимаешься ты ежевечерне, причем тайком. Наверное, боишься, что я обвиню тебя в нарушении твоих же собственных принципов, включая главный из них — быть равнодушным ко всему, что встретится в пути.

— Выходит, ты все знаешь?

— Я же не слепой! И неоднократно видел, как ты вынимаешь карандаш и украдкой царапаешь что-то в сафьяновый блокнот. Записки закоренелого домоседа и бюрократа-крючкотвора особенно любопытны, поскольку у подобной категории людей необычайно острое восприятие самых, казалось бы, обыденных вещей, скрытых доселе от их взора.

— Возможно, ты и прав. Во всяком случае, эти, как ты говоришь, записи абсолютно искренни.

— Еще одно признание!

— Что поделаешь? Ну а теперь ты, наверное, попросишь меня почитать вслух эти нескладные, уродующие французский, обрубки фраз, не так ли? К тому же носящие исключительно личный характер?

— Конечно! Мы оба — и полковник и я — стораем от любопытства, не в силах угадать, что же там, в таинственном блокноте! Будучи твердо уверены в том, что ты не захочешь огорчить нас своим отказом, мы обращаемся к тебе с настоятельной просьбой почитать нам путевые заметки.

Жак посопротивлялся немного, но, не находя аргументов для отказа, достал наконец из кармана шубы маленькую книжечку и протянул Жюльену:

— Держи. И сам читай. Из-за твоей настырности мне не раз придется краснеть: в моих каракулях столько абсурдных высказываний!

— Так ты день за днем заносишь наблюдения? Отличная система! Возможно, иногда это и монотонно, зато вполне логично. Итак, начнем:

«Двадцать седьмое ноября. Нас только что освободили. Я хочу позабыть об ужасах нашего плена и полностью отдаться радости жизни. Удивительно, насколько вот так сразу расширился мой горизонт! Я стал обращать внимание на массу вещей, которых ранее не замечал.

Мы пересекли рощу. Вековые березы с опущенными инеем ветвями прекрасно смотрелись под ярко-голубым небосводом...

Здоровенные вояки-сибиряки — человек двадцать — сопровождали нас до первой деревни. Начитавшись книг о путешествиях, я ожидал сражения и всяческих приключений...

Какая насмешка! Ни полковника, ни Жюльена, ни кучера, ни даже лошадей — никого не беспокоило присутствие волчьей стаи. Полковник охотно объяснил мне, что бедным животным трудно передвигаться в лесу по глубокому снегу, и они с удовольствием выходят на протоптанную людьми дорогу, чтобы следовать за ними, но по своим делам.

Двадцать восьмое ноября. Домá в Сибири, вместо того чтобы выглядеть красиво или хотя бы добротно, часто довольно уродливы на вид. Ни одно из строений не имеет гордой осанки. Здания стоят наклонившись. Двери и окна прикрыты овечьими шкурами, стены вот-вот рухнут, пол в избах кривой, словно крыша землянки. На уровне земли

у такого дома с одной стороны — первый этаж, с противоположной — второй. Пересекая избу в одном направлении, попадешь на чердак, в другом — в подвал. Даже удивительно, как живут здесь люди. Говорят, эти перекосы — результат оседания почвы при оттаивании. Но я бы добавил — и от нерадивости хозяев...

Езда в санях стремительна, удобна и приятна — если только не закрыт наглухо верх. Что за дивное ощущение! Ни бортовой, ни килевой качки, и лишь головокружительно быстрое движение по абсолютно ровной поверхности заставило меня вспомнить о морской болезни. Если бы Жюльен это знал!

Двадцать девятое ноября. Мы едем день и ночь. Я сплю в санях. Очень интересно, проснувшись, узнать, что пройдены многие километры, которых ты и не заметил.

Миновали приток Оби — небольшую речушку под названием Чулым, которая, однако, и по ширине, и по протяженности превосходит Рейн. Пересекли мы ее, понятно, по льду. Копыта лошадей выбивают на толстом слое смерзшейся воды гулкую дробь — звук весьма неприятный и отнюдь не успокаивающий нервную систему.

Летом некоторые отваживаются пересекать бурные потоки в лодке. Одна мысль об этом бросает меня в дрожь.

На подъезде к Красноярску, столице Енисейской губернии, возок наш перевернулся: кучер оказался на редкость неловок. С нами, правда, ничего не случилось, зато сани сильно пострадали. Придется на сутки задержаться.

Тридцатое ноября. Нет худя без добра. Красноярск — очень приятный город, местное общество — изысканно. Роскошные экипажи, слуги в ливреях, обшитых галунами *, — прямо как в Париже! Деревянные дома величественны и вместе с тем уютны. Посреди березовой рощи — городской парк. Летом все это выглядит, наверное, очень нарядно, с господами и дамами, одетыми по последней моде.

Нанесли визит генерал-губернатору — чин сей не военный, а гражданский. Конечно, гражданский генерал — словосочетание странное, но это именно так. Дело в том, что в России все государственные должности соответствуют чинам в армии. Так, например, имеются библиотекарики-капитаны, судьи-лейтенанты, чиновники-майоры. Таким образом, чернильные души поднимаются по иерархиче-

* Галун — нашивка из золотой или серебряной тесьмы на форменной одежде.

ской лестнице воинских званий от унтер-офицера до полковника. Родись я подданным царя, то был бы командиром батальона в префектуре Сены и щеголял бы в роскошной форме. Но судьба распорядилась иначе.

Такая милитаризация касается и самых скромных должностей. Наш кучер, к слову сказать, рядовой, а начальник почтовой станции — уже унтер-офицер. И это не все. Женщины тоже разрешают называть себя соответственно должности мужа. В обиходной речи говорят: госпожа полковничиха, госпожа капитанша, госпожа генерал-губернаторша.

Приняли нас у генерал-губернатора радушно.

Первое декабря. Полковник Пржевальский — наименее приятнейший человек из всех наших новых знакомых».

— Полковник, благодарите! — прервал чтение Жюльен.

— Я предупреждал, что записи носят личный характер, — заметил Жак, и его друг снова уткнулся в записную книжку:

— «Генерал-губернатор показал нам очень красивый городок, который называют сибирскими Афинами.

В этих северных Афинах много толстосумов, сколотивших на золотых приисках сказочные состояния. Но ничего «афинского» в этих парвеню * нет. Они выставляют свое богатство напоказ и сорят деньгами широко и бессмысленно. К тому же страшно утомительны, болтают без умолку о своем достатке — о тысячах бутылок вина, распиваемых в течение года, о своих домах из камня и металла, стоящих бешеные деньги. Нам рассказали о купце, который, не желая при оттепели пачкать колеса дилижанса, приказал расстелить вдоль дороги ковер. Довольно оригинально!

Побывал я на базаре. Прелюбопытное зрелище. Съестное продается в замороженном виде, в коем остается свежим до самой весны. Свиные ноги, бычьи туши, дичь, студень — все здесь же рубится топором или пилится пилой. Огромные, больше метра длиной, рыбины ставят на сорокаградусном морозе стоймя, как деревянные брусья. Такой способ торговли очень удобен. Продавцы делают запасы в начале зимы, и на морозе все это сохраняется

* Парвеню — выскочка, человек, пробившийся в привилегированные или богатые слои буржуазного общества и стремящийся подражать принятому там образу жизни.

куда лучше, чем в холодильниках морских судов Старого и Нового Света.

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» — гласит французская пословица. В России ее надо было бы немного изменить: «Скажи мне, какой мех на тебе, и я скажу, кто ты». Уважающий себя человек никогда не будет здороваться с человеком в каракулевой шапке.

Покидая покои губернатора, полковник услышал нелестный отзыв лакея о нас с Жюльеном только из-за того, что наши шубы из лосиной шкуры. Поскольку одевание это весьма теплое и прочное, хотя и не столь элегантное, носят его здесь простолюдины. Но после того, как к моему наряду пристрочили воротник и манжеты из бобра, я был сразу же признан джентльменом. Обошлось же мне подобное изменение общественного мнения в двести франков, выброшенных на ветер!

Второе декабря. В десять часов вечера двинулись в путь. Город был тих: «афиняне» в сей час пьют шампанское, танцуют котильон* и тешатся азартными играми.

Я сказал, что город тих, но на самом деле это не совсем так. Со всех сторон раздаются непонятные звуки, напоминающие удары молоточка по наковальне. Надоедливое дзинь-дзинь всю ночь мешало мне спать. Я спросил у полковника, что это такое, и он мне весьма любезно объяснил.

Оказывается, сибиряки, опасаясь воров, переняли у китайцев странный обычай озвучивать дом на всю ночь шумовыми эффектами, словно бы предупреждая тем самым вора, что в доме бодрствуют. Перед тем как лечь спать, они позвякивают чем-нибудь, спускаясь в подвал, поднимаясь на чердак или обходя дом. В действительности же результат достигается прямо противоположный: вор всегда знает точно, где находятся хозяева, что, конечно, не может не способствовать осуществлению его дурных замыслов. Поистине простачки водятся во все времена и во всех странах! И в подтверждение этого добавлю: красноярские чудачки не глупее парижской полиции, предписывающей ночному патрулю проходить в строго определенное время одним и тем же маршрутом вдоль одних и тех же домов.

Третье — восьмое декабря. Движемся и днем и ночью, останавливаясь только за тем, чтобы перекусить и сменить лошадей. Мороз крепчает. Тут уж ничего не поделаешь!

* Котильон — французский танец.

Наши шубы неплохо защищают от холода, и это главное.

Пересекаем то одну речку, то другую. Меня это не волнует: все они покрыты льдом. Мелькают деревня за деревней. Оставили позади еще два города — Канск и Нижнеудинск. После сибирских Афин достаточно и простого упоминания о них. Местность становится гористой, с обеих сторон богатые сосновые леса.

Все идет как надо! Через два-три дня мы завершим переход в две с лишним сотни километров — от Красноярска до Иркутска».

— Вот и все,— заключил Жюльен.— Браво! Прими мои самые искренние поздравления! Все очень точно, лаконично и не лишено юмора, придающего повествованию особую прелесть.

Полковник, согласившись с ним, о чем-то задумался. Клене, заметив это, спросил, не раздражают ли его отдельные страницы дневника хотя бы по форме изложения.

— Напротив,— ответил полковник,— я отметил бы остроу наблюдений. Что меня удивляет — это, пожалуй, настойчивость, с какой господин Арно высказывает свое отвращение к воде, к речным потокам... Скоро мы поедем к Иркутску, который, как вы знаете, расположен на противоположном берегу Ангары, а это не обычная сибирская река: она может и не замерзнуть.

— Но есть же, наверное, мост?

— Разумеется, однако не исключено, что его снесло. В таком случае придется переправляться на пароме.

— Ни за что! — воскликнул Жак.— Я путешествую только по суше и на воду спускаться не согласен. Буду ждать, пока Ангара замерзнет, или же пущусь в обход, вокруг озера Байкал.

Ямщик стремительно обернулся: по-французски он не понимал, но, услышав слово «Байкал», не на шутку испугался. Бросив на пассажиров умоляющий взгляд, возница начал объяснять что-то пространно полковнику.

— Что он говорит? — спросил заинтригованно Жюльен.

— Примерно следующее: «Ваше превосходительство, попросите приезжих не произносить слова «Байкал». Вы же знаете, его можно называть лишь «господин море», а не то он разгневается и погребет в своих пучинах дерзновенных, столь неуважительно отозвавшихся о нем. Я — бедный человек, и вы, надеюсь, не пожелаете гибели подданного нашего царя-батюшки. Если баре не послушают вас,

господин море отомстит мне при первом же удобном случае, когда я буду пересекать его на санях, направляясь от Иркутска к Кяхте». Что вы хотите? Это же сибирский крестьянин: его можно отлупить, чем он даже гордится порой, но от суеверий не избавишь!

— Договорились, мой милый! — обратился Жак к кучеру, попросив полковника перевести. — Мы иностранцы, и господин море, перед которым мы скоро снимем шляпу, не будет на нас в обиде.

— Да сохранят вас, ваше превосходительство, Николай Чудотворец и Казанская Божья матерь!

Почтовый тракт вступает в долину Ангары в ста километрах от Иркутска и до этой столицы Восточной Сибири идет вдоль реки.

Сани стрелой мчали по левому берегу Ангары, стремительно несшей меж скалистых берегов огромные льдины. Это не предвещало ничего хорошего.

За поворотом дороги путники увидели возвышавшиеся над березами и соснами, гнувшимися под тяжестью снега, колокольни и купола огромного города. Лошади, подбадриваемые возницей, ускорили шаг.

— Ну-ка, ласточки-касаточки мои! Э-эй!

Взметнулась ввысь зубчатая стена, из-за которой выглянули золоченые маковки церквей, увенчанные православными крестами. Под лучами ярко пылавшего на синем небосводе солнца благородно светилось покрытие старинных куполов, великолепием своим напоминавших драгоценности в голубом бархатном футляре.

Широкая Ангара, омывавшая стены монастыря и устремившаяся на северо-запад, как поток лавы, предстала во всем своем величии. Огромные льдины фантастических форм сталкивались с угрожающим скрежетом.

— Иркутск! — кричал Жюльен, не скрывая своего восхищения.

— Ангара свободно катит свои воды! — жалобно протянул обескураженный Жак.

— Мост снесло льдинами, — констатировал полковник, не на шутку обеспокоенный.

— Ну и что? Подождем, пока река не станет, — решительно заявил Жак.

— Но из всех сибирских рек — а их много — Ангара не замерзает дольше всех. Иногда она в течение всей зимы успешно сопротивляется самым лютым холодам.

— Черт возьми, это уже серьезнее!

— Поскольку морозы сейчас сильные, я уверен, река скоро станет, но не раньше, чем через неделю.

— А почему сия капризница не подчиняется общим правилам?

— Причина проста — рельеф местности.

Жюльен, воспользовавшись замечанием Пржевальского, приступил к чтению лекции:

— Роскошные водные просторы, которые мы увидим, если свернем к югу, и которые я должен называть морем, если не желаю, чтобы ямщик наш поседел раньше времени, расположены приблизительно на пятьсот метров выше уровня моря.

— Озеро Титикака * находится значительно выше над уровнем моря, однако не столь своеобразно, — насмешливо бросил Жак.

— Площадь нашего водоема — свыше тридцати тысяч квадратных километров, длина — двести двадцать лье, ширина — пятнадцать — двадцать, — продолжал Жюльен.

— Поскольку Ангара — единственная река, берущая начало в Байкале, этом гигантском хранилище пресной воды, она и должна быть бурной, полноводной, — пояснил полковник. — Ангара сдается холодам лишь после долгой, отчаянной борьбы. Вода начинает замерзать со дна в неглубоких местах, у берегов. А потом и в верхних ее слоях образуются льдины, смерзающиеся со временем с придонным льдом. Воды, как бы сжатые снизу и сверху, отчаянно прорываются, выталкивая во все стороны ледовые глыбы. Однако все напрасно. Мороз моментально соединяет выброшенные водой прозрачные блоки, и река, пытаясь избежать полного замерзания в привычном русле, разливается по берегам быстрыми потоками. Волнующее сражение, длящееся от восьми до десяти дней, заканчивается полной победой мороза, надежно схватывающего воду и подо льдом, и на прибрежных равнинах.

— Одним словом, по прямой в Иркутск не въехать! — сделал вывод Жюльен.

— Надо дожидаться, пока мороз одержит верх над непокорной водной стихией, — заявил Жак.

— Или же объехать место истока Ангары по льду Байкала...

— Море, море, ваше превосходительство! — просто-накучер.

* Озеро Титикака, на границе Перу и Боливии, расположено на высоте 3812 метров над уровнем моря.

— Хорошо, хорошо, трусишка!

— Вы думаете, «море» замерзло? — спросил Жак.

— Уверен, что да.

— Далеко до него?

— Около пятнадцати французских лье.

— Четыре часа санного хода. Нам и не такое по плечу!

— Только бы не забыть поприветствовать почтительно господина море! — сказал Жюльен.

Сани, развернувшись, направились на юго-восток.

Вскоре путешественники обнаружили, что широкая дорога с тонким слоем снега, прибитого другими саними, кончилась. Торной дороги не стало. Вся надежда теперь на мастерство кучера и инстинкт лошадей, которые то и дело увязали в снегу чуть не по грудь и дергали так, что сани в любой момент могли перевернуться.

Путь вдоль Ангары проходил по отвесным кручам, и, чтобы не сорваться вниз, двигаться приходилось с огромными предосторожностями. Иногда путешественники слезали с саней и шли пешком, поскольку ямщик не ручался, что сможет проехать дальше.

Вдали показался Байкальский хребет, протянувшийся по левому берегу озера с юга на северо-восток. И вот наконец ущелье, в глубине которого злобно рычала Ангара, перекатывая льдины, было пройдено. Осталось лишь спуститься к озеру.

К сожалению, посчитав, что самое трудное позади, возница на минуту утратил бдительность. Лошади, вступив на пологий склон и перестав чувствовать сопротивление саней, резво побежали вперед. Возок, который следовало придерживать, а не тянуть, тем более с силой, понесся вниз с такой ужасающей скоростью, что кучер оказался не в состоянии совладать с упряжкой. Катастрофа была неминуема.

— Господа,— проговорил полковник, абсолютно спокойный, несмотря на клубы снега, поднимавшегося стремительно мчавшимися саними,— сейчас мы перевернемся. Но сделать это надо с умом. Не держитесь за возок, а, наоборот, расслабьтесь: снег глубокий, он смягчит удар.

Жак и Жюльен едва успели прислушаться к полезному совету, как их резко подбросило вверх.

Коренник рухнул, сани, сильно наклонившись, врезались в снег, придавив кучера, вопившего не своим голосом:

— Это море мстит! Мы погибли!

ГЛАВА 10

Спасение саней.— Бегство коренника.— Озеро Байкал зимой.— По льду.— Полынья.— Гибель рысака.— Суеверный ужас ямщика.— Скала Шаманов.— Шаманство и шаманы.— Участь умерших людей.— Исчезновение полынни.— В Иркутске.— Язвительные записи Жака.— Навязчивое гостеприимство.— Неумное подражание.— Местный колорит.— Иркутский базар.— Новый спутник.— Надежда на облегчение судьбы полковника Михайлова.

Совет адъютанта пришелся весьма кстати. Французы не стали хвататься за сани в отчаянной попытке удержаться в них и, подчинившись покорно закону инерции, вылетели из возка.

Аварии на санях куда менее опасны, чем на колесных экипажах, и чаще всего проходят без неприятных последствий для ездоков. И о падении в этом случае можно говорить чисто условно, поскольку выброшенный из подобного транспортного средства скользит по снегу, и благодаря мягкой шубе все обходится без травм. Примерно так случилось и на сей раз. Жюльен перевернулся и, круглый в своих одеяниях, словно шар, приземлился на корточки в трех метрах слева от повозки, Жак совершил опасный кульбит * и, широко раскинув руки и ноги, распластался на снегу, словно огромный паук, справа от нее, а полковник перелетел через дугу и оказался непосредственно перед санями. Быстро вскочив, все трое залились дружным смехом. Да и что еще оставалось им делать?

Ямщик, безнадежно застрявший в сугробе, взывал к господину морю и ко всем святым, которых так много в русских святцах **.

Пристяжные стояли спокойно, кося глазом на коренника, глубоко погрузившегося в снег, из-под которого торчала одна только морда — прямо как в лавке, торгующей кониной.

Сани не перевернулись, они лишь врезались передком глубоко в снег, так что задок оказался приподнятым под углом в сорок пять градусов.

Полковник, как человек, привычный к таким передря-

* Кульбит — прыжок, во время которого человек переворачивается через голову.

** Святцы — список святых и религиозных праздников в календарном порядке.

гам, выпряг левую пристяжную и попросил Жюльена проделать то же с правой, а Жака — снять сбрую с коренника.

Подведя лошадей к задку саней, Жюльен и полковник привязали животных к кольцам для крепления багажа.

— А коренник отвязан? — обратился Пржевальский к Жаку.

— Да, — ответил тот.

— Хорошо. А теперь заставим этих двух вытянуть сани из снега.

— Это будет тяжело.

— О, вы не знаете еще сибирских лошадок! Они некасисты на вид, но такие умницы! Вот смотрите, — молвил полковник и громко свистнул.

Услышав привычный сигнал, животные, стоя по брюхо в снегу, судорожно заскользили по мерзлой земле и рванули вперед, взметнув снежный столб. Задок саней опустился, навалившись всей массой на полозья, и через две минуты возок был уже на дороге — в том самом месте, откуда началось катастрофическое скольжение вниз.

Коренник, почуввав свободу, вырвался из снежного плена и помчался в сторону озера.

— А что с кучером? — обеспокоенно спросил Жюльен, поскольку голоса бедняги больше не было слышно.

— Вот взгляните, — ответил полковник, не в силах сдерживать улыбки при виде валенок, торчавших высоко из-под снега. — Эй, дружок, пора выбираться!

— Ох-ох! — раздалось причитание.

— Давай, давай, да поживее! Или, может, привязать по лошади к каждой твоей ноге?

Валенки энергично задвигались, и ямщик, еле живой от страха, с пунцовым от напряжения лицом, выбрался наконец из снежных объятий.

— Всемогущая Богородица, сжался над бедным человеком!

— Все в порядке. Богородица тебя пожалела. И хватит скулить. Сани на месте. Запрягай лошадей и трогай! А то мы вконец замерзли.

— Но где коренник? Где мой рысак?

— Какая разница! Ну его к дьяволу, запрягай оставшихся! И пошевеливайся: мы не хотим окоченеть.

Пока кучер возился с упряжью, ездоки вычерпали снег из саней.

И вот, укрывшись поплотнее одеялами, французы в сопровождении полковника продолжили путь.

В тот момент, когда возок съехал на озерный лед,

солнце заходило за видневшийся вдали заснеженный хребет, и взору путешественников открылось грандиозное, чарующее душу зрелище.

«Представьте себе,— писал французский путешественник Анри Руссель-Килуг,— на месте Швейцарии окруженное Альпийскими горами озеро — бескрайнее и мрачное, как Адриатическое море в непогоду.

Вообразите заходящее солнце, золотящее вершины гор, отделенных от вас стокилометровой сверкающей, как сталь, полосой намертво схваченной холодом воды.

Панорама Байкала — безбрежного моря льда — несравнима ни с чем в мире. В Америке озера такой же или несколько меньшей площади никогда полностью не замерзают, и общий вид их, хотя и бесспорно живописный, такого величия собой не являет».

Вошедшее в поговорку выражение «ровный как лед» довольно обманчиво, поскольку заставляет думать, будто лед — это открытая равнина, гладкая, как зеркало. И тот, кто поверит вышеозначенным словам, подъехав к сибирскому озеру и обнаружив перед собой хаотическое нагромождение самых разнообразных по форме огромных ледяных глыб, воссоздающих картину изначального хаоса, непременно убедится в их несостоятельности.

Перед нашими друзьями предстали во всем своем великолепии миллионы блоков, лежавших на боку или стоявших то прямо, то наклонно, хрупких, как стекло, и крепких, словно стены бастиона, с краями то зубчатыми, как у пилы, то плавно закругленными, как в изделиях из керамики. Тусклые, словно матовое стекло, или прозрачные, подобно воде горного ручья, отливавшие, как море, всеми оттенками голубого и зеленоватого цветов и включенные в причудливую игру света, ледяные глыбы сверкали, сияли, мерцали, пылали, принимая на себя и отражая своими бесчисленными гранями солнечные лучи и создавая невероятно богатую цветовую гамму, сопоставимую по своему многообразию лишь с причудливыми конфигурациями, которые приняла застывшая вода. Ледяные иглы, лезвия, овалы, эллипсы, конусы и кубы, сдавленные природными силами и со сглаженными в процессе формирования гранями, соприкасаясь углами, устремленными вверх пиками и округлыми плоскостями, образовывали удивительнейшие комбинации. Время от времени все эти тела меняли свои очертания, рассыпались и вновь смерзались, кристаллизуясь самым фантастическим образом.

При одном взгляде на озеро становилось ясно, что хотя оно и вело себя послушнее, чем Ангара, но тоже сдалось лишь после длительной борьбы.

О силе мороза, который одержал в конце концов верх, ярко свидетельствовали и ледяные кружева, накинутые на острые грани или гладкие плоскости: ведь то была пена, брошенная на скалы изо льда налетевшим с простора ветром и замерзшая на лету, еще до того, как успела коснуться поверхности.

Среди многообразных по форме глыб, похожих, пожалуй, на лаву, выброшенную во время извержения вулкана, пролегли словно проложенные кем-то ровные полосы, то узкие, как дорога, то широкие, как долина. По одной из них и устремились сани.

Ездоки — двое французов и русский офицер — упоенно любовались волшебной картиной, когда раздался вдруг раскатистый громоподобный треск.

— Не бойтесь,— успокоил спутников полковник.— Мороз крепчает, и верхние слои скованной холодом воды, меняя объем, разлетаются во все стороны ледяными брызгами. Наши же сани практически невесомы для ледяного покрова толщиной не менее шестидесяти сантиметров.

— Знаете,— подал голос Жак,— этот скрежет и подрагивание льда под нами не столь уж приятны. А часто бывают тут несчастные случаи?

— Не слышал ни об одном. Хотя, понятно, если только откроется полынья, то человеку лучше туда не соваться: глубина ведь здесь совсем не малая! Но администрация учитывает, сколь смертельно опасны подобные, еще не замерзшие или оттаявшие участки воды, и из года в год принимает соответствующие меры предосторожности

— А именно?

— Прежде всего, проводится серьезное обследование состояния льда, в частности, регулярно проверяется надежность ледяного слоя по фарватерам, размечаемым шестами. И до разрешения инспекторов никто не должен спускаться на лед.

— А в этом сезоне уже проделана такая работа?

— Думаю, да. Но в любом случае нам придется быть как можно внимательней,— сказал офицер и повернулся к ямщику, который судорожно крестился, не снимая с руки большой меховой варежки: — Ну что там еще?

— Дева непорочная, помилуй нас! Святой Николай, сотвори чудо ради меня, раба верного нашего царя-бабушки!

— В чем дело? Объяснишь ты наконец?!

— Ваше превосходительство, видите там лошадь? Это наш рысак. Несется словно бешеный, а из-под копыт так и брызжет вода! Значит, впереди — полынья... Он пропал! Господи, лед не больно-то и прочен, а мы — недалеко от Скалы Шаманов!

— Что он говорит? — спросил Жюльен, сохраняя спокойствие, как и положено путешественнику, закаленному испытаниями.

— Эх, нет худа без добра! Сбежавший от нас коренник попал в полынья, которую мы могли бы не заметить, а теперь легко объедем. Я уже бывал здесь, у истока Ангары: из-за быстрого течения речной воды данный участок озера не замерзает дольше, чем другие. Но это — единственно опасное место на нашем пути. Поскольку двигались мы быстрее, чем я рассчитывал, то, действительно, оказались уже у Скалы Шаманов. Еще каких-то десять минут — и сани въедут на берег!

— А что это за скала? — спросил Жюльен в предвкушении интересного предания.

— Пройдемте пешком: нам надо сориентироваться по полынье, чтобы выбрать дорогу. Кучер поедет не спеша следом за нами, а я тем временем расскажу вам о местных суевериях... Идите без опаски: я хорошо знаю эти места... Так вот в чем суть... Впрочем, сначала два слова о том, что такое шаманство. Местные жители верят во Всевышнего, который, считают они, создав мир, нашел себе приют на солнце и теперь с полным равнодушием взирает на все, что делают люди. То ли довольный всем на свете, то ли притомившись при сотворении вселенной, он передоверил власть надо всем добрым и злым духам. Если злой дух, называемый здесь также шайтаном, вселяется в человека, то изгнать его способен только жрец, или шаман. Прделки этих духов, в которых верят финны, татары, маньчжуры *, самоеды **, якуты, коряки ***, камчадалы **** и чукчи, невозможно описать, а внушаемый ими ужас словами не передать. Шаманы присвоили себе единоличное право

* Маньчжуры — коренное население северо-восточного Китая.

** Самоеды — старое название ненцев — народа, проживающего в северных областях России.

*** Коряки — народ, проживающий на северо-востоке России.

**** Камчадалы — старое название коренного населения Камчатки: ительменов, коряков, чуванцев и потомков от смешанных браков между ними и русскими, переселившимися на Камчатку в XVIII — XIX веках.

усмирять злых духов, и вы можете сами представить, как эти хитрецы с помощью разных бесстыжих обманщиков безо всякого стеснения эксплуатируют доверчивость местных жителей, которые убеждены, что жрецы их после смерти становятся советниками Всевышнего, обитающего на солнце. Вот тут-то и начинается история скалы, у которой мы с вами находимся. Возносясь у истока Ангары ввысь, словно настоящая гора, она как бы регулирует отток воды из озера. Забайкальские шаманы утверждают, что если эта скала сойдет с места, то воды Байкала вырвутся из берегов, затопят близлежащие долины и погубят Иркутск. Местные жители считают, что их души после смерти поднимаются на плоскую вершину горы. Удержаться же на небольшой площадке, когда голова кружится от высоты, а внизу грозно рычит стремительный поток, очень трудно и удастся только тем душам, которых помиловало божество. Остальные падают в бездну. Шум Ангары воспринимается суеверными людьми как жалобные вопли тех, кто боится упасть. Можете вообразить, какой ужас испытывает сейчас наш кучер.

— Полковник, вот место, где погиб коренник. Однако полыньи я не вижу.

— Но десять минут назад она была именно здесь. Представляете себе, с какой быстротой нарастает лед!..

— Все-таки это странно.

— И однако же, со всех точек зрения вполне отвечает законам физики. Вы, наверное, обратили внимание на то, что вода, несущая льдины, еще не замерзла, хотя температура ее ниже точки замерзания. И вы видели также, что появление в этих студеных водах постороннего тела сразу сковывает воду, превращая ее в лед.

— Действительно, это так.

— Внезапное падение лошади в полынью вызвало аналогичный феномен, и образовался толстый слой льда, по которому мы можем двигаться безо всякой опаски.

— На санях?

— Да, на санях... Так зайдем же свои места. И ничего не бойтесь: я знаю, как надо вести себя в подобной обстановке.

Кучер сделал все, как было велено, ибо понимал, что только в этом их спасение. Лошади рванули вперед. Лед угрожающе затрещал, но выдержал. И десять минут спустя путешественники добрались до берега. А еще через четыре часа въехали в Иркутск: Жюльен — радуясь, что видел Байкал, Жак — довольный, что обошлось без па-

рома, полковник — очарованный своими спутниками.

Друзья решили провести в столице Восточной Сибири ровно столько времени, сколько потребуется для серьезной подготовки к путешествию за Полярный круг.

Генерал-губернатор, которому сообщили телеграфом обо всех злоключениях иностранцев, принял путешественников по-царски, желая всею душой, чтобы они как можно быстрее позабыли о неприятностях, приключившихся с ними в селе Ишимском.

Генерал-губернатор, представитель царской власти в Восточной Сибири, подотчетный только императору, распоряжался буквально всем и, взяв хлопоты по снаряжению экспедиции на себя, экипировал французов куда лучше, чем они сделали это сами, покидая Петербург.

У друзей было достаточно времени, чтобы побродить по городу, знакомясь с его особенностями.

Автор этого романа, имея перед глазами записную книжку Жака, не может отказать себе в удовольствии привести отдельные цитаты из иркутских заметок, с тем чтобы показать читателю, какое впечатление произвел город на нашего путешественника. Итак, предоставим слово ему самому и тем самым возложим всю ответственность за приведенные ниже суждения на него одного:

«Девятое декабря. Иркутск. Расположен на 52°18' северной широты и 102°03' восточной долготы, при впадении в Ангара рек Иркут и Ушаковка. Около тридцати пяти тысяч жителей. Совсем немного для столицы края, который по своей территории превосходит Францию в десять раз. Жители Иркутска, или, как они сами называют себя, иркутяне, меня утомляют. Их гостеприимство навязчиво, нескромно, неприятно. Наши приключения стали в городе притчей во языцех, и мы не знаем, куда спрятаться от любопытствующих. К нашему несчастью, люди, образующие так называемое «общество», превосходно владеют французским, лишая тем самым возможности уклониться от разговора под предлогом незнания русского языка.

Характер сих записок определяется, конечно, и состоянием моего ума, а посему, чтобы не очень ворчать, постараюсь быть лаконичным, как справочник Жоана * — книга, вполне пригодная для того, чтобы совершать путешествия, не покидая родимых стен.

Здесь еще чаще, чем в Красноярске, сталкиваешься с примером слепого следования парижским модам. Ро-

* Жоан Адольф — французский географ.

скошные отели, броская, свидетельствующая скорее о дурном вкусе мебель, дилижансы, лакеи, костюмы, галуны, магазины — во всем хотят подражать столице Франции. Явный перебор!

Больше всего меня раздражает, что эти мультимиллионеры, имеющие по несколько домов, выращивающие в своих теплицах экзотические растения, транспортировка коих из экваториальной зоны стоила бешеных денег, платящие за шампанское по тридцать пять франков за бутылку, набивающие себе брюхо трюфелями и прочими изысканными яствами, приобретаемыми по фантастическим ценам, и живущие в комфорте, о котором можно только мечтать, беспрерывно ноют: «Мы, несчастные дикари, не обученные хорошим манерам, не способные воспринимать западную культуру, мы... которые... мы, которых...» Вся эта наигранная скромность рассчитана на то, чтобы избежать какой бы то ни было критики в свой адрес, а часто и в расчете на комплименты, которые искренний человек не сможет расточать в адрес подобных персон. Меня так и подмывает сказать им: «Да, все это правда, я согласен с вашими оценками, и не будем больше об этом говорить».

Но самые большие зануды — золотопромышленники. И я радуюсь, когда мне удастся побродить в одиночестве или вместе с Жюльеном и насладиться местным колоритом без наших, так сказать, цивилизованных хозяев. Очень приятно встречаться с бурятами, китайцами, самоедами, тунгусами*, маньчжурами, монголами, разодетыми в национальные костюмы, причудливо меняющиеся в зависимости от места проживания. Чтобы увидеть всех этих людей, достаточно отправиться на базар, где привезенные из Европы товары соседствуют в самых фантастических сочетаниях с продукцией Азии. Купцы-китайцы, курносые, густо намазанные жиром, в отделанных атласом сапожках, завернутые в несколько слоев голубого шелка, сидят на корточках возле ящиков с чаем и кивают головой, словно фарфоровые болванчики. Персы в островерхих шапочках, с орлиным профилем лица, то складывают, то раскладывают ткани, привезенные из города Исфахан**. Киргизы продают бурдюки с кумысом и нередко при сделке плутуют. Евреи — нос крючком и жадные

* Тунгус — старое название эвенков — народа, проживающего в Сибири и на Дальнем Востоке.

** Исфахан — город в Иране.

руки — в мехах, потертых, словно спина осла, расхваливают гнусавыми голосами кавказские кинжалы, бухарские ковры, украшения из Самарканда, шкурки сибирских белок и голубого песка, часы из швейцарского города Ла-Шо-де-Фон, консервированную гусиную печень, изящные лорнеты и бутылки в серебряных футлярах — когда с вином, а когда и с березовым соком. От этого многоголосья шумит в ушах, но зато есть на что посмотреть.

Меня совершенно не заинтересовала гимназия, которую местные жители непременно показывают приезжим, и тем более тюрьма... Вполне понятно почему. В музее мое внимание привлекла только коллекция минералов. Здесь я увидел, в частности, огромные изумруды и очень крупную бирюзу, не говоря уже о ляпис-лазурю и о малахите, которые без преувеличения громоздятся горами.

Ну что еще?

В общем, это все, что я успел увидеть за сорок восемь часов, — в целом, не так мало.

Завтра вечером отбываем в Якутск, в славное путешествие протяженностью в пятьсот — шестьсот лье. Итак, я прощаюсь с этими зажиточными домами, где вас потчуют диковинными блюдами, считающимися тем вкуснее, чем больше за них заплачено. Прощаюсь с чаем, которым мы нещадно промываем тут свой желудок. Прощаюсь с навязчивой, напомаженной, изнурительной любезностью.

Один господин, некто Федор Ловатин, предложил себя в качестве нашего спутника. Родом он из европейской части России. Похоже, хорошо знает места, куда мы едем. Его помощь будет нам полезна. Он торгует мехами и направляется на ярмарку в Нижнеколымск, в страну чукчей, собираясь закупить там или, скорее, выменять товары. А оттуда уже рукой подать до Берингова пролива, где завершается первый этап нашего путешествия в Бразилию. Но не будем торопиться, оставим в покое жаркие страны: пока мы еще в краю морозов. Нельзя забывать, что, устремляясь к экватору, мы должны сперва попасть в Заполярье.

Завтра мы расстанемся с генерал-губернатором и полковником Пржевальским. Память о них, и особенно о последнем, навсегда сохранится в моем сердце.

Генерал-губернатор очень обходителен. Я глубоко ценю его участие в нашей судьбе. Он обещал сделать все от него зависящее на всех уровнях, чтобы облегчить судьбу уважаемого полковника Михайлова. У него большая

власть, и настроен он благосклонно по отношению к нашему достойному другу, за чью дальнейшую судьбу я теперь почти что спокоен».

ГЛАВА 11

Отъезд из Иркутска.— Пожар в столице Восточной Сибири.— Федор Ловатин.— Долина реки Лена.— Восхищение увиденным.— Северные пейзажи.— Эрудиция торговца мехами.— Мамонт господина Адамса.— Содержимое ледяной глыбы.— Дорога на Якутск.— Сибирские морозы.— Растительность.— Животный мир.— Полезные ископаемые.

Двенадцатого декабря двое саней, в которых сидели друзья с их новым спутником, покинули столицу Восточной Сибири и взяли направление на Якутск.

Генерал-губернатор приложил все усилия, чтобы сгладить впечатление, произведенное на иностранцев «приемом», оказанным им капитаном Еменовым. Представитель царя вел себя как настоящий русский хозяин. Продукты, оружие, палатки, меховые шубы и прочая одежда, чемоданы, покрывала и матрасы — ничего не было забыто, и всего — в изобилии.

Сани, еще более комфортабельные, чем разломанные казаками, следовали теперь за возком торговца мехами, наполненным доверху товарами, предназначенными для обмена на торгах на берегу реки Колыма.

— Наконец-то! — воскликнул Жак со вздохом облегчения. — Наконец-то мы в дороге! Честное слово, в городе мне уже надоело! Как приятно знать, что ты перестал быть объектом постоянных забот!

— Жалуешься, что невеста слишком хороша?

— Возможно, ты и прав, но я не хотел бы снова оказаться в Иркутске.

— Даже на обратном пути?

— Даже на обратном!

Жак и не догадывался, что был прав, не желая возвращаться в этот город. Если бы на завершающем этапе фантастического путешествия, предпринятого им совместно с Жюльеном, он снова заехал в Иркутск, то нашел бы его лежащим в руинах.

Полгода спустя после их отъезда, седьмого июля 1879 года, чудовищный пожар уничтожил в городе три тысячи шестьсот домов, десять церквей, пять крытых базаров, таможню и центральный рынок, иначе говоря, две трети

восточносибирской столицы, самые лучшие, богатые ее кварталы, нанеся ущерб в тридцать миллионов рублей. На площади в два квадратных километра разрушения были так сильны, что извозчики с трудом пролагали себе путь сквозь развалины. Из тридцати трех тысяч восьмисот жителей Иркутска без крова остались двадцать тысяч.

Спутник, которого провидение послало друзьям-французам, был сильным, красивым парнем лет тридцати, уса-тым, как мадьяр, с открытым, симпатичным, улыбчивым лицом и с умными голубыми глазами. Встреча с этим человеком явилась для друзей редкостной удачей, тем более что он превосходно говорил по-французски. В Восточной Сибири мало кто из купцов знает этот язык. Но Федор Ловатин долгие годы жил в Париже, где сначала учился в школе Тюрго*, а потом представлял русскую фирму, поскольку самим иностранным купцам трудно вести дела в этих краях, не владея русским, который здесь понимают все племена и на котором говорят чиновники, служащие в северо-восточной России. Чужеземцы же, оказавшись в сей суровой области, сразу же наталкивались, несмотря на самые высокие рекомендации, на тысячу трудностей, преодолимых лишь для тех, кто был знаком с местными обычаями и умело использовал их.

Было любо-дорого смотреть, как уверенно показывал Ловатин на почтовых станциях подорожную с изображением царской короны, как быстро находил общий язык с возницами, как по договоренности со станционным смотрителем занимал лучшие места в съезжей избе и как свободно беседовал с «важными птицами».

Впрочем, останавливались в пути ненадолго, только чтобы перекусить. И Жак и Жюльен, хотя оба были готовы мириться с разными дорожными неудобствами, не могли все-таки привыкнуть к стоявшей в избах жаре. Тяжелый спертый воздух был особенно неприятен им потому, что к нему везде примешивался невыносимый, тошнотворный запах от кожаной амуниции. Одно дело — нежный аромат новенького кожаного блокнота и совсем другое — бившая в ноздри вонь измызганных сапожищ, старых, носимых годами тулупов и соседство с людьми, воспринимавшими как должное и толстый слой грязи, и разных насекомых.

* Школа Тюрго — учебное заведение, названное так в честь знаменитого французского государственного деятеля, философа-просветителя и экономиста Анна-Робера-Жака Тюрго (1727 — 1781).

Вся жизнь наших путников проходила в санях, в избах они просили лишь кипятку — заварить чай и умыться.

Двести километров — от Иркутска до Лены — прошли без приключений.

— Мы уже в русле реки, господа! — обратился купец внимание путешественников на высокий правый берег реки, покрытый снегом.

— Лена! — воскликнул взволнованно Жюльен. — Гигантский поток, соперничающий с другим великаном — Енисеем! По сравнению с ними обоими наши европейские реки — крохотные ручейки. Жаль, что сейчас зима. Если бы мы ехали летом, то увидели бы этот край во всем его величии.

— Нам говорили, — отозвался Жак, — что Лена, как и Ангара, берет начало в Байкале.

— Многие так думают, — ответил Федор. — В действительности же ее исток отделен от Байкала узкой горной грядой. Но паводок Лены всегда совпадает с подъемом воды в этом пресном озере, что и побуждает сибиряков утверждать, будто великая река течет из него.

— Поистине великая... — произнес Жак.

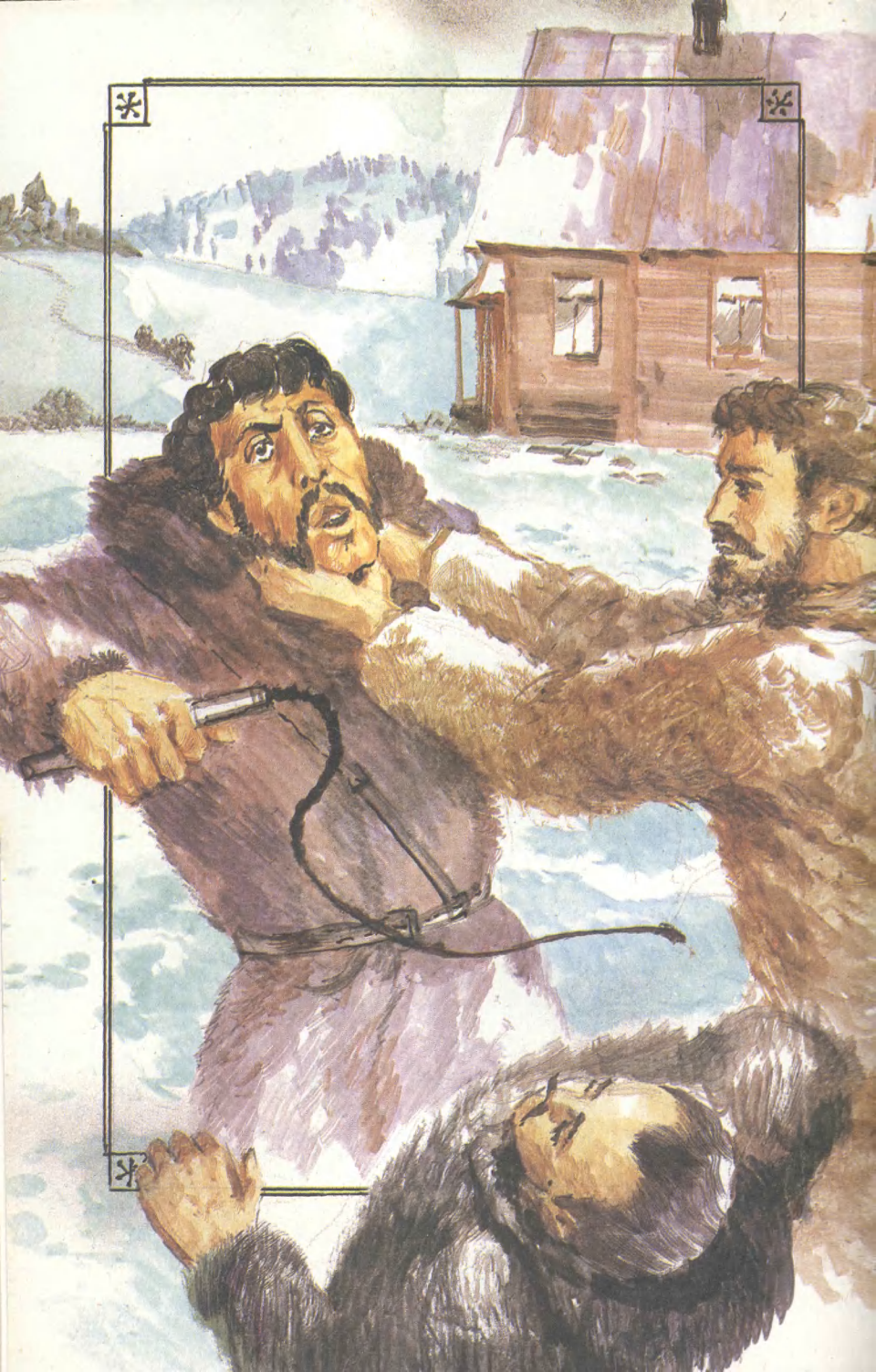
— Лена весьма извилиста на всем своем пути протяженностью в пять тысяч километров. При впадении в Северный Ледовитый океан она образует широченную дельту, непроходимую для плывущих с севера судов, — бойко отбарабанил Жюльен.

— Прошу извинить, месье, — живо возразил русский, — в этом году, в июле, когда растаяли льды, — обычно это бывает в конце июня, — пароход «Лена», управляемый норвежцем Йохансеном, прошел дельту и поднялся вверх по реке до Якутска.

— Фантастика! Это ведь первый случай за все двести пятьдесят лет, в течение которых Россия владеет данными землями, не так ли?

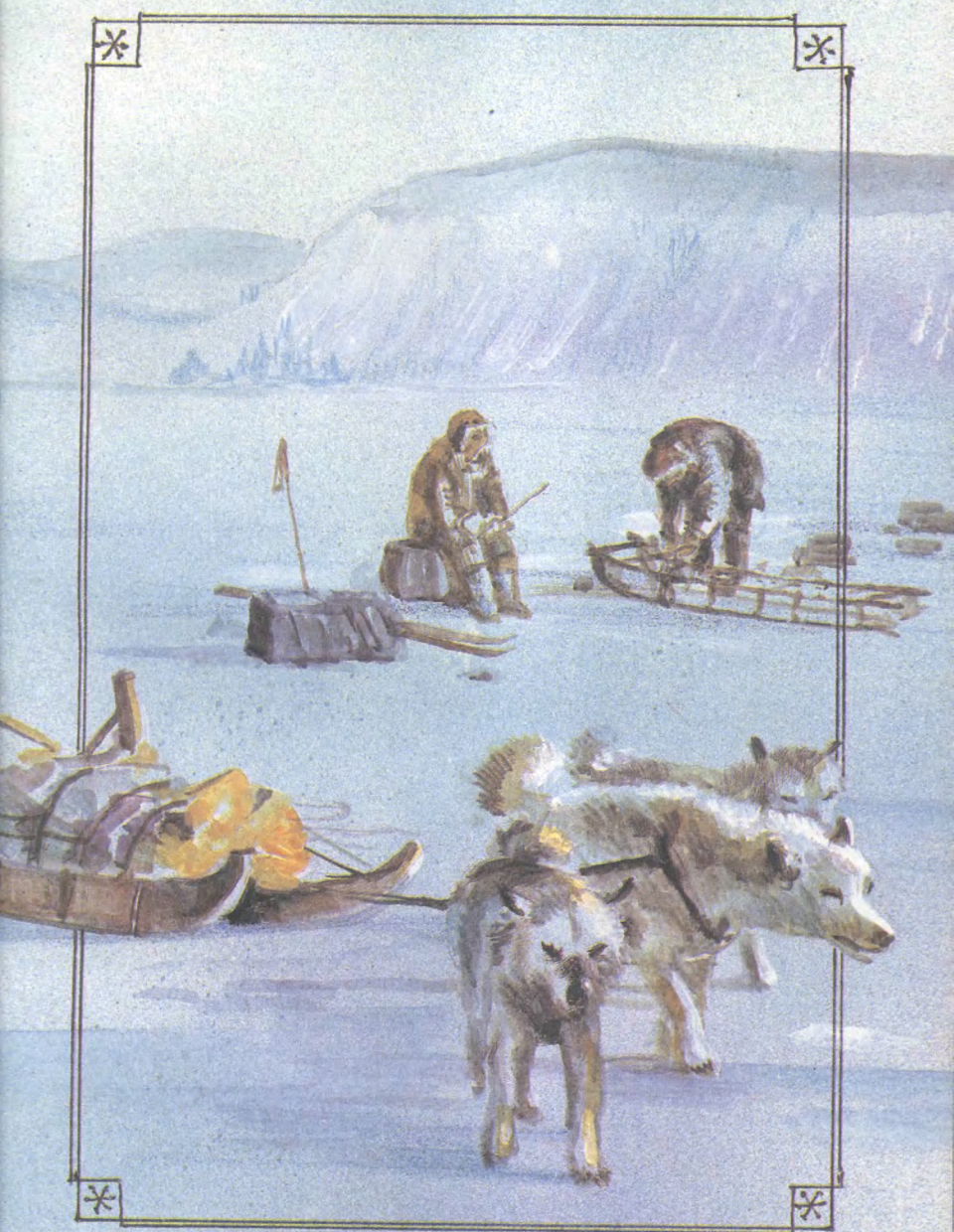
— Да, так. Храбрый моряк, осуществивший это плавание, может гордиться... А насчет лета вы правы: в июне, когда полностью стаивают снега, здесь открывается восхитительная панорама. Ширина Лены в этом месте, в каких-то ста пятидесяти километрах от истока, составляет ни много ни мало целых пятьсот метров, а глубина — двадцать два. Водный поток мчится по красному песчанику, подмывая скалистый берег высотой в сто метров. Хребет, который вы видите, изрезан зубцами, а склоны его поросли вечнозелеными соснами. За ним пролегает ущелье, названное «Щеки». Одна из обрамляющих его скал почи-

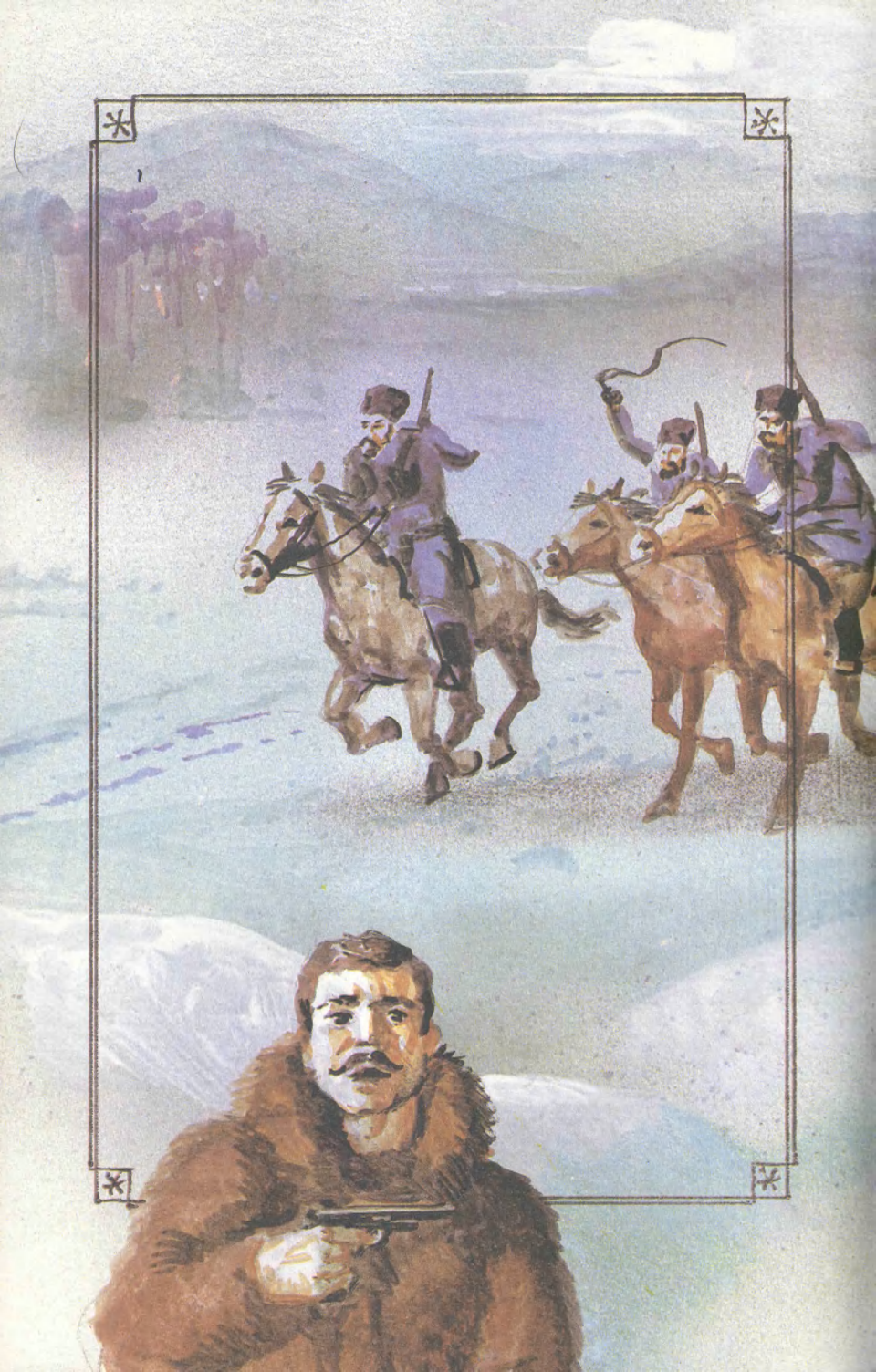

тается бурятами как священная. Еще дальше в Лену впадает Витим, вдвое увеличивая объем ее вод. А там уже рукой подать до знаменитых колоннад, раскинувшихся на многие лье крепостных стен и башен, возведенных природой и видом своим напоминающих древние города в долине Рейна. Правобережье изрезано пещерами и оврагами, становящимися все шире от дождей, осыпей и схода снежных лавин. Деревья произрастают одиночными группами, отвоевывая себе место то на выступе, то в ложбине. Наконец, путнику предстоит встреча с могучей Олекмой, чьи воды на протяжении чуть ли не тридцати километров после впадения этой реки в Лену несутся в общем потоке как бы отдельной струей.

Федор Ловатин внезапно замолчал, словно смутившись от прилива красноречия, придавшего его глазам блеск и изменившего черты лица.

Жюльена и Жака удивил этот монолог. Каждый из них говорил себе: «Удивительная эрудиция для русского, особенно если помнить, что он всего лишь торговец мехами».

Жюльен, стараясь смягчить неловкость, возникшую, когда Федор замолчал, поспешил вступить в разговор, мобилизуя свои знания по географии — предмету его увлечений:

— Лена — река необычная хотя бы потому, что русло свое она проложила по вечной мерзлоте. Вместо того чтобы питать почву, воды ее как бы скользят по промерзшей земле, огороженной с двух сторон высокими берегами. Острова, лежащие в дельте этой реки, являют собой подлинные кладбища доисторических, давно уже вымерших животных. Кажется, именно эти земли, открытые в тысяча семисотом — тысяча семьсот семьдесят третьем годах, казак Ляхов * назвал «Островами скелетов» — такое великое множество костей и клыков встретил он здесь!

— А мамонты? — спросил заинтересованно Жак. — Они ведь тут были найдены?

— Да-да, конечно. Ты напомнил мне случай, о котором я с удовольствием расскажу. Если не ошибаюсь, в тысяча семьсот тридцать четвертом году некто Гмелин **, проводивший по поручению русского правительства науч-

* Ляхов Иван (? — ок. 1800) — русский промышленник, исследователь Сибири.

** Гмелин Иоганн Гсорг (1709 — 1755) — натуралист, член Петербургской Академии наук, в 1733 — 1743 годах совершил путешествие по Западной и Восточной Сибири.

ные изыскания в данном районе, поведал об обнаруженных им бесчисленных окаменевших скелетах. С тысяча семьсот шестьдесят восьмого по тысяча семьсот семьдесят четвертый год натуралист Паллас * провел классификацию костей и заключил, что это остовы слонов, гиппопотамов и носорогов. Особое внимание в своем докладе он уделил удивительнейшей находке — туше носорога с сохранившимися кожей, мышечными тканями и сухожилиями... Жак, ты, наверное, помнишь историю с мамонтом, о которой говорил наш Кювье? **

— Не столь уж хорошо. И с благодарностью послушал бы ее. До чего ж увлекательно вести раскопки в местах, где так много останков!..

— Это случилось в тысяча семьсот девяносто девятом году. Один рыбак-тунгус заметил на берегу Ледовитого океана, среди льдов в устье Лены, бесформенную глыбу. Что это такое, он не понял. Через год причудливая громада отделилась от остальных, но по-прежнему было неизвестно, что внутри нее. А вот на третье лето показались бок и бивень чудовищного зверя. Однако полностью туша животного сбросила с себя ледяной панцирь только на пятый год. В марте тысяча восемьсот четвертого года рыбак отпилил бивни и продал их за пятьдесят рублей. Еще два года спустя в этих краях побывал член-корреспондент Петербургской Академии наук господин Адамс *** и собственными глазами видел сильно обезображенные останки. Якуты, жившие поблизости, срезали мясо на корм собакам. Полакомились и дикие звери. Но скелет был почти нетронут, разве что недоставало передней ноги. Почти все кости соединялись сухожилиями и имели мышцы. Прекрасно сохранилось ухо с волосатым покровом. В глазу чернел зрачок. Мозг тоже уцелел, хотя и усох. На холке — пышная грива, на теле — черная щетина и более мягкая рыжеватая шерсть. А кожа оказалась такой тяжелой, что ее еле-еле унесли вдесятером. Как сообщает Адамс, из земли сумели извлечь больше тридцати фунтов шерсти и щетины, втоптанной в сырую почву белыми

* Паллас Петр Симон (1741 — 1811) — естествоиспытатель, в 1768 — 1774 годах возглавил экспедицию Петербургской Академии наук по европейской части России и Сибири.

** Кювье Жорж (1769 — 1832) — французский зоолог, иностранный почетный член Петербургской Академии наук.

*** Адамс Джон Кауч (1819 — 1892) — английский астроном, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук.

медведями, обгладывавшими кости. Это был самец. Его выгнутые бивни достигали трех метров в длину, а голова без бивней весила четыреста фунтов. Адамс очень бережно собрал все останки этого уникального доисторического животного, выкупил клыки и преподнес в дар российскому императору, повелевшему выставить сей ценнейший научный экспонат в Петербургской Академии. Тебе, Жак, приходилось есть птиц, убитых два месяца назад, и рыбу, выловленную тогда же. Но что бы сказал ты о роскошной трапезе, растянувшейся на годы, при том что пиршественному блюду — несколько тысячелетий?

— Право же, это прелюбопытно! На такой рассказ никакого времени не жалко, и, когда слушаешь его, не страшен даже крепчайший мороз. Если все же он вморозит нас в какую-нибудь глыбу, то мы тоже надолго сохранимся и послужим пищей для дальних потомков нынешних якутов или тунгусов.

— Браво! Ты шутишь, как закаленный путешественник! Теперь сам видишь, что того, кто любит дальние странствования и проявляет интерес к чужим странам, всегда поджидают яркие, непредвиденные впечатления и радостные встречи.

— Ну, не только радостные...

— Ты еще вспоминаешь капитана Еменова?

— Просто тебе хотел напомнить.

— Забудь про это! Не думай о дне вчерашнем, а готовься к завтрашнему!

Последующие переезды от одного населенного пункта к другому не ознаменовались ничем примечательным. Неприятных происшествий больше не было — благодаря дорожной с царской печатью, заставлявшей гнутья в поклоне самых неучтивых начальников станций, и Федору Ловатину, прекрасно знавшему, как путешествовать в холодных странах.

Сани, несшиеся день и ночь по твердому ложу заснувшей до следующего июня прекрасной ленивицы, прозванной так за тихое, спокойное — ленивое — течение, останавливались только на станциях.

Четырнадцатого декабря путешественники отзавтракали в Шамановском. Шестнадцатого утром проехали Киренск, где Лена принимает еще один приток — Киренгу, а в четыре часа были уже в Петропавловске, который не следует путать с главным городом Камчатки того же названия.

Федор обратил внимание на то, что в Киренске Лена течет буквально бок о бок с одним из главных притоков

Енисей — рекой Нижняя Тунгуска, отделенной от нее лишь несколькими холмами, мешавшими слиянию их вод.

Еще через тридцать часов путешественники прибыли в город Витим, стоявший на одноименной реке, входившей вместе с Олекмой и Алданом в число основных правых притоков Лены.

Девятнадцатого декабря, проезжая город Нохтуйск, пересекли шестидесятую параллель, а двадцатого прибыли в Олекминск, где река Олекма впадает в Лену.

Мороз по мере продвижения французов и их друга купца на северо-восток все крепчал. Два дня спустя путникам предстояло прибыть в город Якутск — самое холодное место на всем земном шаре.

Плотную тишину, нависшую над долиной, лишь изредка нарушало гулкое потрескивание льда или лопавшейся от мороза коры деревьев.

Все впало в летаргический сон: укрытые снегом мох и трава, звери в берлогах, скованные льдом реки и сама земля — белоснежная, лежавшая в центре сумрачно-серой по горизонту вселенной. Ни линий, ни контуров, ни оттенков. В общем, не на чем задержаться взгляду.

С этим унылым пространством контрастировали в ночное время только яркие звезды и зодиакальный свет*. Днем же на голубом небосводе ярко сияло солнце, пронизывая своими лучами до удивления прозрачный воздух. Резко очерченные края светила, лишенного окружающего его обычного розоватого ореола, придавали ему сходство с раскаленным металлическим диском.

Светлое время суток, между зарей и сумерками, длилось всего два с половиной часа, что является одним из метеорологических чудес, наблюдаемых в Сибири. Причем дни постепенно становились еще короче.

Переходные часы отличались неопишуемой красотой. Утреннее небо, например, сперва отливало пурпуром, потом золотом и, наконец, серебром и расцветивалось вспышками мириад медленно падавших мелких кристалликов, красных, как рубиновая пыль. Когда же восходило солнце, небосвод вновь приобретал лазурный цвет.

Туман из замерзших капелек влаги стоял только вдоль рек и над невидимыми пасущимися стадами, дыханием создававшими вокруг себя непроницаемую завесу.

* Зодиакальный свет — свечение ночного неба в результате рассеивания солнечного излучения находящейся в межпланетном пространстве пылью.

Впряженные в сани лошади неслись сквозь клубы пара, оседавшего ледяной коркой на внутренних стенках кибитки. Путешественники, укрывшись в меха с головы до ног, опустили на лицо башлык из верблюжьей шерсти.

Нужно быть очень осмотрительным и не оставить на время сна незащищенной какую бы то ни было часть лица, если не хочешь обморозиться. В районе Якутска холода таковы, что застывает ртуть*, и приходится лишь удивляться стойкости ямщиков, которым не страшна любая погода.

Можно было бы предположить, что эта обездоленная земля, которой так скупотворены тепло и свет, лишена растительности. Но это совсем не так. За исключением самой северной, сравнительно узкой полосы заполярного края, о которой мы расскажем позднее, сибирская флора многообразна. Богато представлены здесь хвойные породы встречаются и в Европе, за исключением пихты — красивого дерева с гладким стволом, вздымающего свою крону на высоту до тридцати метров. Из прочих видов хвойных назовем благородную голубую и стелющуюся сосны, сибирский кедр, из которого остяки** делают лодки, лиственницу — самое выносливое дерево, можжевельник и ель. В долинах произрастают липа, клен, рябина, тополь, ольха, осина, береза, абрикос, черемуха, сибирская вишня.

Березка для русских крестьян — символ родины. Когда хвойные породы вырубались или страдали от пожаров, их место занимало это дерево, что воспринималось китайцами как свидетельство могущества «белого царя». Двести лет назад, когда береза начала замещать хвойные деревья, среди местного населения распространился слух, что скоро сюда придут русские. Любопытно совпадение по времени между продвижением на восток европейской флоры и наступлением европейцев, приводившим к постепенному изменению национального состава населения.

Леса Сибири изобилуют ягодами, которыми питаются и люди и животные: брусникой, голубикой, шиповником, сибирской вишней, смородиной, рябиной, боярышником, толокнянкой и другими. Ядовитых растений мало, поскольку к северу они теряют свои опасные свойства. Случается даже, что чемерица, смертоносная в верховьях

* Точка замерзания ртути — минус 38,87 градуса Цельсия.

** Остяки — устаревшее название хантов — народа, проживающего в северных областях России.

Енисей, за Полярным кругом считается местным населением лакомством.

Мир фауны еще богаче. Вот только некоторые из обитающих в Сибири животных, которые приходят автору этих строк на память: из млекопитающих — медведь, волк, россомаха, рысь, черно-бурая лисица, дикий баран, соболь, заяц, куница, выдра, лось, олень, косуля, лань, кабан, белка, летучая мышь, крыса, тушканчик, сурок; из птиц — белый лебедь, утка, нырок, гусь, журавль, тетерев, белая куропатка, бекас.

Славится этот обездоленный вроде бы край и металлами. Здесь получают восьмую часть всего добываемого в мире золота. А ведь кроме того разрабатываются и месторождения платины, серебра, свинца, олова, меди, железа, ртути, цинка, сурьмы...

Не в состоянии перечислить все встречающиеся в Сибири металлы, спешу перейти к драгоценным камням — к топазам и аметистам, сапфирам и изумрудам, опалам и бирюзе, гранатам, аквамаринам, не говоря уже о малахитах, хризолитах, агатах, сердоликах, ляпис-лазури, родонитах, нефритах, селенитах, офитах, ониксе, порфире, яшме, а также о восхитительных александритах, которые из изумрудно-зеленоватых становятся на искусственном свете чуть ли не рубиновыми. Упомяну еще слюду, каменную соль, каменный уголь.

Земля, имеющая такие богатства, не может быть страшной обездоленной. Сибирь не должна быть символом изгнания, краем, откуда не возвращаются!

ГЛАВА 12

Новые основания бояться водных путей.— Ненадежное ледовое покрытие.— Обезвоженные морозом реки.— Олений паркет.— Якутск.— Две дороги на Нижнеколымск.— Смещение речных русел к правому берегу.— Установленный современными учеными закон географии.— Различия между левым и правым берегами.— Пробел в метеорологических познаниях Жака.— Чем выше, тем теплее.— Дальнейшее подтверждение широкого кругозора господина Ловатина.— Якут-проводник.— «Железные люди».— Хандыга.— Падение в реку.

Сани миновали Олекминск. Хотя этот горделиво зовущийся городом населенный пункт насчитывает всего во-

семьдесят домов, в его окрестностях располагаются самые богатые в Сибири залежи золота.

От указанного выше скромного поселка, окруженного чумами якутов и бурятов, до Якутска — шестьсот тридцать километров. И на этом пространстве нет никаких человеческих обиталищ, если не считать рыбацких хижин, постоянных дворов и почтовых станций.

Изб из цельных, положенных одно на другое бревен, с оконцами, закрытыми слюдой или просто брусьями из льда, становилось все меньше, зато чаще попадались конусовидные строения кочевников.

Только почтовые станции сохранили неизменным свой внешний вид. Стойбища же, почти полностью засыпанные снегом, можно было различить только по клубам дыма, поднимавшимся из отверстий наверху чумов.

В одном из таких традиционных жилищ путешественники задержались на час, чтобы дать отогреться кучеру, сидевшему на облучке недвижно, как снежная баба, а затем сани съехали на открытую снегом реку.

Федор Ловатин, прислушавшись к топоту рысаков, приказал вознице, управлявшему возком с провизией, побыстрее повернуть к берегу.

— Что такое? — спросил Жак, увидев, как сани изменили направление, и поняв по интонации купца, что делать это надо было быстро.

— А вы не замечаете, что удары копыт по льду стали что-то уж слишком звонкими?.. Ты тоже поворачивай, — бросил он кучеру, управлявшему их санями. — Следуй за своим приятелем и смотри ни в коем случае не сбейся с тракта.

— Да, я уловил какой-то непривычный звук, — сказал Жак. — Словно мы на деревянном полу.

— А с чем это связано? Вы можете объяснить? — обратился к Ловатину Жюльен.

Не успел Федор ответить, как раздался страшный треск. Глыбы схваченной морозом воды зашевелились вдруг на середине реки, и двухметровый ледовый панцирь площадью в тысячу квадратных метров ушел под воду.

— Вот вам, господа, и ответ на ваш вопрос, — с удивительным хладнокровием произнес торговец мехами.

— Черт возьми! — воскликнул Жак. — Нам повезло! Еще немного, и мы нырнули бы в эту бездну. Так завершилось бы наше путешествие, и завещанное мне наследство пополнило бы сейфы бразильского правительства.

Жюльен невозмутимо взирал с прибрежной дороги на

жуткую, с острыми краями полынью, в которой бились друг о друга ледовые обломки.

— Примите нашу благодарность и поздравления, господин Ловатин! Как заметил сейчас мой друг, вы весьма своевременно велели возницам выехать на берег... Бедный Жак, теперь ты невзлюбишь воду еще сильнее!

— Да уж не говори... Ничего хорошего от нее не жди, если даже такой толщины лед ломается словно стекло!

— Видишь ли, Жак, пласт льда отделяли от воды футов двадцать, и, лишенный опоры, он мог в любой момент рухнуть, что и случилось на наших глазах. Так ведь, месье Ловатин?

— Так-так! И в большие морозы это бывает довольно часто.

— Не понимаю,— произнес Жак,— как могла вода, укрытая таким слоем льда, испариться и образовать пустоту?

— Она не испарилась,— сказал Федор.

— Откуда же тогда эта пустота? Объясните, пожалуйста.

— Притоки промерзают от истока до устья и перестают нести воды в питаемую ими в другое время года реку. Ее же схватывает морозом, когда она еще полноводна, и поэтому, как только поступление воды из притоков уменьшается или вовсе прекращается, под ледяным покрытием появляются пустоты — торосовые * ямы-отсеки, не сообщающиеся друг с другом.

— Прекрасно! — воскликнул Жюльен. — Объяснение полное и понятное. Лед, достаточно толстый, сам по себе еще держится, но ломается, стоит только чему-нибудь тяжелому надавить на него сверху. Когда мы подъехали к одной из таких пустот, удары копыт стали гулками. Ваш опыт, месье Ловатин, подсказал вам, в чем дело, и вы вовремя изменили направление. Еще раз браво и спасибо!

— Это все хорошо,— промолвил Жак, еще не оправившийся от потрясения. — Конечно, выяснять причины некоторых явлений, а также симптомы, позволяющие их предугадать,— дело весьма занятное. Но я все же никак не пойму, почему кучер сам не свернул в сторону, не дожидаясь вашего, столь своевременного приказа.

Федор, улыбнувшись, обратился к вознице по-русски:

* Торосовый — здесь: созданный торосами — ледяными глыбами, образуемыми при сжатии льдов в водоемах Крайнего Севера.

— Его превосходительство спрашивает, почему ты не изменил направление, приблизившись к мертвому льду? *

Ямщик повернулся всем туловищем к седокам, тряхнул обледеневшей бородой и бросил странный ответ, тотчас переведенный Ловатиным:

— Не знаю, батюшка, не знаю. Я так и ждал, что ты спросишь меня об этом.

— Ну и теперь ты уже ни за что не свернешь на лед?

— Сверну, если прикажешь.

— Ну ладно, а пока держись дороги, смотри не потеряй ее.

— В добрый час, месье Ловатин! — воскликнул Жак. — Будем держаться тракта, и да здравствует коровий паркет, как называют у нас во Франции сушу!

— Точнее было бы сказать «олений паркет», для придания этой идиоме ** местного колорита, — заметил Жюльен. — Тем более что скоро мы, если не ошибаюсь, повстречаем этих замечательных представителей полярной фауны.

На следующий день, миновав без остановки Синское и Покровское — два так называемых города, похожих на Олекминск, путешественники въехали в Якутск. Жак глазам своим не поверил, оказавшись в столице губернии, на территории которой могли бы свободно расположиться пять таких стран, как Франция.

— И это — тоже город!.. — протянул он разочарованно, рассматривая отстоявшие довольно далеко друг от друга укрытые снегом деревянные дома, выглядывавшие из-за высоких заборов.

— Да, друг мой, и это тоже город, и не столь маленький, если учесть, как приходится человеку бороться с морозами, — ответил ему Жюльен.

— А расположен он очень удачно, — добавил Федор Ловатин. — Основанный неподалеку от места слияния Алдана и Вилюя, Якутск лежит как бы на перекрестке путей, по которым везут продовольствие и меха.

— Но зато какие морозы!.. А сколько в нем жителей?

— Постоянных — шесть тысяч.

— Шесть тысяч? Невероятно!

— И это не считая охотников, рыбаков и купцов, которые появляются здесь время от времени по своим

* Мертвый лед — здесь: лед, под которым образовалась пустота.

** Идиома — оборот речи, непередаваемый дословно на другой язык.

делам. Что же касается тех, кто проживает тут круглый год, то это в основном чиновники и ссыльные — без последних указанная выше цифра была бы вдвое меньше.

— Думаю, только крупная выгода и грозный приказ могут удержать шесть тысяч человек в краю, где средняя годовая температура такая же, как на вершине Монблана *,— заявил Жюльен.

— Надеюсь, мы-то здесь пробудем недолго,— заметил Жак.— Солнце заходит, едва появившись, так что день в этих местах — чистая фикция. Поскольку в городе нет никаких развлечений, а комфорта не больше, чем в чуме или избе, я предпочел бы продолжить путь. Что нам тут делать?

— Не забывайте о кое-каких формальностях.

— Ах да, паспортные визы! Но это же быстро: власти, поначалу такие придирчивые, что приходилось показывать официальные бумаги даже простым станционным смотрителям, кажется, заметно ослабили свою бдительность с той поры, как мы попали в Восточную Сибирь.

— Это потому, что здесь они уже не боятся, что ссыльные убегут,— грустно промолвил Федор Ловатин. Затем, быстро сменив тон, словно прогнав дурные мысли, сказал: — Когда вы отправитесь с визитом к генерал-губернатору, я запасусь провизией, и, как только у вас появится желание, мы тотчас тронемся в путь.

Властитель губернии, прочитав письмо, врученное Жюльену генерал-губернатором Иркутска, принял друзей по-царски, угостил их вкусным ужином и поддержал их решение побыстрее отправиться на северо-восток. Один из приведенных сановником аргументов в пользу скорейшего отъезда прозвучал, как показалось друзьям, несколько парадоксально: дальше, по мере продвижения на север, морозы будут слабее.

На паспорт Ловатина, предъявленный французами вместе со своими, тоже поставили визу: отсутствие его владельца, закуповавшего провизию, не вызвало у генерал-губернатора никаких подозрений, хотя он и заметил, что имя этого купца ему незнакомо.

* Монблан — здесь: самая высокая в Западной Европе вершина, расположенная на высоте 4807 метров над уровнем моря, на границе Франции и Италии; так же называется и горный массив, в который входит эта вершина.

Спустя некоторое время трое друзей расположились в просторной комнате за слюдяными окнами, где стояло несколько кушеток, затертых от многолетнего соприкосновения с тулупами и сапогами, и занялись разработкой маршрута.

— К Нижнеколымску ведут две дороги,— разъяснял Федор Ловатин.— Первая, покороче, пролегающая к востоку от Якутска, проходит через Арилатское и Олегнятское, пересекает Амгу, приток Алдана, а затем и сам Алдан в месте его слияния с рекой Хандыга. Перевалив через Верхоянский хребет, мы поднимемся к северо-востоку, подъедем вскоре к Колыме и далее проследуем вдоль нее вплоть до устья. Вторая дорога идет резко на север, пересекает Алдан в месте его слияния с Тукуланом, проходит через Верхоянский хребет на высоте четырехсот метров над уровнем моря, где берет исток река Яна, устремляется за Полярный круг и достигает города Верхоянска, расположенного в ста пятнадцати километрах к северу от южной границы Заполярья. От Верхоянска дорога сворачивает постепенно на юго-восток и через четырехста двадцать километров подходит к реке Арга, притоку Индигирки. Отсюда она снова направляется на север, к городу Зашиверску, лежащему на Полярном круге, затем круто поворачивает на восток, к городу Верхнеколымску, на реке Колыма, и выходит к тому же тракту, что и первая дорога. Ну, что вы об этом думаете?

— Мне все равно, каким путем ехать,— ответил Жак.— А ты как, Жюльен?

— Я полностью доверяю меся Ловатину: он разбирается в этом лучше нас.

— Учтите, господа, поскольку впереди совершенно безлюдные пространства, от выбора пути многое зависит.

— Но, по-видимому, на любом из этих маршрутов есть станции, где можно сменить лошадей?

— Надеюсь. В случае же особых затруднений мы всегда сможем взять у местных жителей нарты, запряженные оленями или собаками.

— А по какой из дорог следуют обычно колонны ссыльных?

— По северной, через Верхоянск.

— Тогда я предпочитаю первую, идущую на северо-восток.

— Я тоже,— с живостью поддержал Федор Ловатин, стараясь казаться спокойным.

— Значит, решено,— равнодушно заключил Жюльен. — В таком случае в дорогу! По крайней мере, там нам не надо будет опасаться встречи еще с каким-нибудь капитаном Еменовым.

Переход через Лену — по проложенной по крепкому льду дороге, плотно утрамбованной с момента открытия санного пути,— начинался у самого Якутска.

Наступили светлые сумерки, позволявшие видеть вокруг не хуже, чем днем, и Жюльен, не упускавший обычно случая еще чему-нибудь научиться, нашел подтверждение феномену, описанному многими современными географами. Речь идет о смещении всех рек вправо. Это явление, связанное с вращением Земли, отчетливо прослеживается на сибирских реках, поскольку здесь округлость Земли, вблизи полюса, заметнее. Мощные реки, образуя излучины, текут с юга на север. На правый, восточный, берег постоянно давит масса воды, размывающей его, а западный берег, от которого река все время отходит, превращается в гряду наносов, простирающихся, насколько хватает глаз. Поэтому противоположные берега совсем не похожи друг на друга: левый — совершенно пологий, чуть выше уровня воды, правый же, подтачиваемый давящей на него водой,— холмистый и нередко обрывистый. Такие различия наблюдаются повсеместно.

Чтобы уберечься от наводнения во время ежегодных паводков, города в Сибири, как и вообще в России, строили на правом берегу — высоком, не затопляемом водой. Но это имело и свои недостатки: река, не признающая никаких преград, вымывает нижние слои отлогого берега, и тот начинает рушиться. Это происходит иногда столь быстро, что сравнительно недавно основанные города, такие, как Семипалатинск, Тобольск, Нарым, частично уже перепланированы.

Все сказанное выше можно проследить на примере берегов Лены возле Якутска. Любопытному географу есть над чем здесь поразмыслить. Правда, Жак, замерзая, только вполуха слушал популярную лекцию, которую специально для него читал его друг.

Заметив вскоре состояние Жака, Жюльен принялся его тормошить:

— А ну-ка, черт возьми, бодрее! Спать сейчас ни в коем случае нельзя! Необходимо сопротивляться апатии, а не то она примет угрожающие формы.

— На меня навалилась такая тяжесть... И потом, я буквально умираю от жажды.

— Это все от мороза. Так что на каждой станции надо пить побольше горячего чая и не стоять на месте.

— Месье Клене прав,— поддержал Жюльена Ловатин.— Хотя, я понимаю, на этой скучной равнине, между Леной, Алданом и Верхоянским хребтом, мне трудно хоть чем-то заинтересовать вас.

— Если уж теперь так нестерпимо холодно, то что же ждет нас потом? Ведь по мере продвижения к северу мороз будет еще сильнее.

— Простите, но это не так. Повыше в горах температура вполне сносная, там раза в два теплее, чем тут.

— Как? — подскочил Жак.— Вы утверждаете, что чем выше, тем теплее?

— Именно так.

— Но это опрокидывает все мои представления о метеорологии. Надо признать, что профессора, перегружая меня чтением классической литературы, почти не давали мне подлинно научных знаний. Итак, вы утверждаете, милый друг, что, поднявшись на несколько километров, мы сможем загорать, увидим кокосовое дерево, акацию и пальму, прямо как на моей будущей фазенде в Жаккари-Мирим? Я совсем не против. Тем более что здесь я не рискую наступить на гремучую змею.

— Ну, не совсем, конечно, так,— весело рассмеялся этой шутке русский, обрадованный, что Жак немного встряхнулся.— И все-таки то, что я вам сказал,— истина, подтвержденная опытом, и мы в этом скоро сами убедимся.

— Хорошо бы побыстрее! Но вы разбудили мое любопытство. Можете ли вы объяснить причину данного феномена?

— С удовольствием. Вы видите, как ясно небо и как спокоен воздух. А ведь стоило бы только подуть ветру, и мороз бы стал непереносим и всерьез опасен. Именно прозрачность и спокойствие воздуха — причина этого кажущегося противоречия. В действительности все довольно просто: более теплый воздух легче и поднимается вверх...

— Это известно... Такая закономерность используется при подъеме воздушных шаров.

— Вот именно... А более холодные и плотные слои воздуха опускаются, как более тяжелые, и скапливаются у поверхности земли. У нас в Европе, где зимой небо всегда облачное, эта смена слоев воздуха длится недолго. В Сибири же благодаря сухому воздуху, безветренной

погоде и длинным ночам, в течение которых теплый воздух продолжает подниматься, верхние слои атмосферы прогреваются, а нижние — остывают. Поскольку данное явление неизменно, ото льда свободны не только горы Даурии или Алданского нагорья, но и вершины, расположенные между шестьдесят вторым градусом северной широты и Полярным кругом.

Жак, пораженный эрудицией купца, слов не находил, чтобы выразить ему свое восхищение.

— Да, месье Ловатин,— молвил он наконец,— человек вы удивительный!.. Я все спрашиваю себя, где и когда получили вы столь обширные знания?

«Действительно, сей торговец мехами — незаурядная личность! — снова подумал Жюльен.— Он еще ни разу не затрагивал в разговоре проблем, связанных с торговлей, но вопросы, касающиеся науки, никогда не застают его врасплох. Для русского довольно странно!»

— Боже ж мой,— лукаво улыбнулся Федор,— это все так просто! В вашей школе Тюрго обучают не только банальным законам коммерции, действующим в сферах производства, хранения и обмена продуктов, но и более общим вещам, относящимся к условиям производства, его развитию, эксплуатации недр и так далее. Я же, будучи русским, с особой старательностью изучал предметы, имевшие отношение к моей стране. Это приносило мне и пользу, и моральное удовлетворение.

— Неплохой ответ, правда, Жак? — тихо промолвил Жюльен.— Этот торговец лосиными, оленьими, кунными, беличьими шкурами, как говорится, любого заткнет за пояс своими познаниями.

Подъехав к станции, путники вдоволь напились чаю и, сменив лошадей, двинулись дальше, но ехали они теперь не так быстро, как до сей поры.

Станционный смотритель дал им в проводники конного якута — Шолема, которому вменялось в обязанность скакать перед санями и проверять дорогу. Такая предосторожность обуславливалась тем, что путешественникам предстояло переправиться по льду сначала через реку Амгу, а потом и через Алдан, ширина которого — полторы тысячи метров. С провожатым же опасность попасть на мертвый лед и затем рухнуть в бездну сводилась к минимуму.

Якут был рослым, примерно в метр восемьдесят сантиметров, человеком. Правильный овал, прямой нос, не слишком выступающие скулы и не такие уж узкие глаза делали его лицо красивым, особенно по контрасту с пло-

скими курносыми физиономиями бурятов и тунгусов. В общем, он являлся достойным представителем сильной, здоровой расы, к которой весьма подходит такое понятие, как «железные люди».

Благодаря опыту и вниманию проводника переправа через обе реки прошла без приключений. Якут провел в седле сутки, не обращая никакого внимания на мороз, пробиравший трех европейцев до костей, и, закончив свою миссию, решил сразу же вернуться к себе на станцию, но Жюльен предложил ему сопровождать их и дальше.

— Хорошо,— кратко ответил проводник,— я остаюсь с вами.

Стопка водки, пакет табака да пригоршня мелких монет — и лицо его озарила улыбка. Вежливо поблагодарив, он набил свою трубку и снова взобрался на коня:

— Это хорошо, Шолем доволен.

Ямщики припустили лошадей быстрой рысью. Дорога пролежала вдоль правого притока Алдана — реки Хандыга, стекавшей с Верхоянского хребта и имевшей сравнительно небольшую протяженность — какие-то сто шестьдесят километров, в то время как ширина ее была весьма внушительна.

Шолем сказал, что уже видит снежные вершины гор, хотя те находились на расстоянии более семидесяти километров. Но Жак, как ни всматривался, не мог их различить и предположил, что это мистификация.

— Шолем их видит,— бесстрастно произнес якут.

— Меня не удивляет подобное,— вмешался в забавлявший его спор Жюльен.— Поразительная острота зрения этого народа даже привела в замешательство адмирала Врангеля*, отметившего сей феномен в своих путевых заметках. Однажды якут заявил ему, что был свидетелем того, как «большая бледная звезда проглотила несколько маленьких, а потом их выплюнула». Как оказалось, речь шла о затмении спутников Юпитера, которое этот человек различил невооруженным глазом!

— Ладно-ладно,— проворчал Жак.— Надеюсь, что

* Врангель Фердинанд Петрович (1796/97—1870) — русский мореплаватель, адмирал, почетный член Петербургской Академии наук, один из учредителей Русского географического общества. В 1820—1824 годах руководил экспедицией, исследовавшей побережье Сибири от реки Индигирки до Колычинской губы. Его именем назван один из островов Северного Ледовитого океана.

наш проводник будет все же смотреть себе под ноги, а не разглядывать небо!

Совет был — увы! — не лишним. На расстоянии сорока километров от истока Хандыга делает резкую петлю и образует как бы подкову, опоясанную дорогой. И тут проводник, сбившись с пути, то ли выехал нечаянно на лед, поскольку и дорога, и русло реки были скрыты одинаково плотным снежным покровом, то ли понадеялся, что лед достаточно прочен, но только внезапно раздался оглушительный треск, лошади встали на дыбы и громко заржали. Лыдина длиной в сотню метров и шириной в пятьдесят неожиданно, словно оторвавшаяся крышка люка, обрушилась вниз, и санный поезд скрылся в проеме от взора стороннего наблюдателя, если бы таковой оказался вдруг в этот миг на побережье.

ГЛАВА 13

После падения в воду.— Смерть ямщика.— Самоотверженность Федора Ловатина.— Спасение оставшихся в живых.— Без саней и лошадей.— Вконец замерзшие французы.— Проводник-якут в роли лекаря.— Больной кентавр.— Лагерь на дне реки.— Печаль по усопшему.— Похороны в Заполярье.— Раздумье о дальнейшем.— Принятое Федором решение.— Полнейшее бескорыстие.— Любопытство французов.— Нераскрытое инкогнито.— Исповедь Федора.— Страсть к путешествиям по дальним странам.*

Ударившись о придонные торосы, преградившие речным водам путь, гигантская ледовая пластина разломилась на две части, вставшие наклонно: одна — в сторону устья, другая — верховья. Развалившиеся при ударе сани с продовольствием, соскользнув в ближайшую торосовую яму, изувечили коренника. Вторые, с четырьмя ездоками, запрокинувшись назад, застряли в другой торосовой яме, наполненной водой.

Проводник, крепко держась в седле, летел вниз строго по вертикали, и лишь когда подпруги, не выдержав, лопнули, он грохнулся о лежавший между ямами крепкий, как гранит, сухой, не залитый водою лед. Свалившаяся на него лошадь придавила бедняге, несмотря на всю его ловкость, ногу.

Возница саней с продовольствием распростерся с рас-

* Инкогнито — здесь. хранящееся в тайне подлинное имя.

кроенным черепом возле коренника, который из-за переломов в области таза и задних ног никак не мог встать и только судорожно бил передними копытами по телу своего хозяина. Пристяжные, отброшенные одна вправо, другая влево, попали под льдину и тотчас были раздавлены.

Положение путешественников и их кучера было также весьма драматично. Сани с пассажирами и вещами, навалившись всей своей тяжестью на лошадей, столкнули их по наклонной плоскости ледового обломка в страшную бездну. И только чудо могло теперь спасти от неизбежной, казалось бы, гибели французов и их спутника, которые с головой погрузились в своих тяжелых меховых шубах в студеною воду.

Но вот из пучины вынырнула голова с мокрыми, прилипшими к вискам волосами. Человек, с широко открытыми от испуга глазами, резкими взмахами рук пытался удержаться на поверхности. Это был Федор Ловатин, если и не единственный спасшийся, то уж, во всяком случае, единственный, кто смог бы оказать помощь другим. Ухватившись за выгладывавшую из-под воды дугу, он быстрым движением плеч освободился от верхней одежды и, набрав в легкие воздуха, нырнул. Через несколько мгновений купец вновь появился в бурлящих водах, и уже не один: напрягаясь изо всех сил, он тащил за собой укутанного в шубу Жака, не подававшего никаких признаков жизни.

С энергией, удесятеренной опасностью, Федор лихорадочно искал, куда бы положить недвижимое тело, перед тем как снова уйти под воду в поисках еще одного друга. Крик отчаяния вырвался из его уст, когда он понял, что с наклонной поверхности льдины Жак неизбежно свалится в пучину. «Нужно и другого спасти, но успею ли?.. А дуга на что? Вот он — выход из положения!»

Поддеть лопнувшую подпругу Жаку под плечи и подвесить его к дуге было для Федора делом секунды. «Во всяком случае, голова над водой,— подумал он.— Так что не задохнется».

Тяжело дыша, лязгая зубами от холода, смельчак дважды нырял в ледяную воду, но так и не сумел отвоевать у стихии ее вторую жертву.

— Будь что будет: или я сам там останусь, или спасу его! — пробормотал он с отчаянной решимостью и ушел под воду в третий раз. Такая самоотверженность не могла остаться без вознаграждения: отважному купцу удалось наконец вытащить из самой глубины возка тело Жюльена.

Быстро подплыв к дуге, к которой был подвешен вконец окоченевший, не подававший ни малейших признаков жизни Жак, он попытался удержаться на наклонной плоскости, чтобы, подтащив Жюльена к верхнему краю льдины, полностью извлечь его из воды, ибо дальнейшее пребывание в ней грозило французу неминуемой смертью. Однако все старания оказались напрасны: нога скользила беспомощно по гладкой, как зеркало, поверхности, и, не упрись он в скрытое водой тело лошади, сам бы слетел вниз.

Теряя силы, но не присутствие духа, Федор, отчаянно цепляясь ногтями за лед, заорал в безумной надежде, что хоть кто-то еще — один из ямщиков или проводник — уцелел:

— Ко мне! На помощь!

— Держись, батюшка, держись, я здесь! — услышал он вдруг в ответ и, подняв голову, увидел над собой второго, чудом спасшегося ямщика: тот стоял, держась за выступ тороса, упершегося своим верхним краем в обломок ледового панциря. Кучер попал при падении в неглубокую, к счастью, яму, и, хотя в ней и была вода, он смог все же, протиснувшись на четвереньках в узкую щель, выбраться наверх.

Мгновенно поняв план Федора, он размотал длинный красный кушак и бросил один конец купцу. Крепкая ткань должна была выдержать тяжесть Жюльена.

— Поднимай! — крикнул Федор мужику. Тот, напрягшись что было мочи, подтащил тело француза к краю тороса.

— Так, теперь второго! — сказал Федор, привязывая к поясу обледеневшего и неподвижного, как бревно, Жака. — Ну, и меня!

Полуобнаженный, с полопавшейся от холода кожей на лице, с синими руками, Федор сразу покрылся твердой ледяной коркой. Но ничто не в силах было сломить его железную волю: не обращая внимания на свое состояние, он быстрым взглядом оценил обстановку.

Сани, приподнятые под углом в тридцать градусов, навалились всей тяжестью на задние ноги коренника, и тот, обезумев от боли, по-прежнему бил передними копытами по телу ямщика, превратившемуся в кровавое месиво.

Проводник, увидев Ловатина, воззвал о помощи. Федор спрыгнул со льдины и, упершись ногами в полоз саней, крепко схватил якута под мышки и осторожно

вытащил его из-под лошади. Встав на придавленную стопу, спасенный проделал несколько неуверенных шагов, потом с сосредоточенностью хозяина, проверяющего свой инструмент, несколько раз согнул и разогнул ногу в колене и наконец возвестил с улыбкой, что переломов нет.

— Спасибо тебе, хозяин,— ласково произнес якут,— ты спас Шолему жизнь. Шолем отдаст тебе свою.

— И тебе на том спасибо! А теперь за дело, время не ждет. Мои друзья — они наглотались воды и окоченели от холода — находятся там, наверху, вместе с кучером. Мы должны их спасти. Вот только как?

— Прежде всего, останемся здесь: тут не так холодно, как на берегу.

— Да нам и не выбраться отсюда пока. Но не сидеть же сложа руки? У тебя есть топор?

— Вот он.

— Брось ямщику, пусть вырубит ступени во льду, пока мы будем отогревать двух друзей... Эй, приятель,— крикнул Федор ямщику.— Опusti осторожно к нам на кушаке господ и потом делай то, что скажет проводник... А ты, Шолем, прикончи лошадь, что молотит по телу бедняги-ямщика.

Проводник, достав нож, молниеносным ударом рассек обезумевшему от боли животному грудь и, глубоко засунув в рану руку, крепко сжал сердечную мышцу. Смерть наступила мгновенно.

Федор, раздев Жака, принялся энергично растирать его тело — сначала снегом, потом шерстяным кушаком, смоченным в спирте.

— Хозяин, ты совсем безо всего,— обратился к нему Шолем.— Надень-ка мою доху из оленьей шкуры.

— А ты?

— Ты же знаешь, ложе якута — снег. Якуту неведомо, что такое холод.

Торопливо натягивая на себя поданную ему шубу, Федор заметил с радостью, что лицо Жака немного порозовело.

— Ему, кажется, уже лучше, так что пойду займусь другим. Ты же тем временем постарайся привести Жака в чувство, а затем вытащи из саней меховые полости * и водку, разбей ящик и, если сможешь, разведи из досок костер.

Подойдя к Жюльену, Федор ловко снял с него шубу

* Полость — покрывало на ноги в экипаже.

и раздел бедного парижанина, неподвижного, как каменная статуя, догола. Потом сгреб со льда пригоршню снега и принялся со все возрастающей энергией растирать тело своего друга, ритмично нажимая на грудную клетку, чтобы стимулировать работу легких, как вдруг, спустя три-четыре минуты, послышавшийся сзади зевок заставил его обернуться. Раздался слабый, но такой знакомый голос.

— Где я, черт возьми? — произнес, очнувшись, Жак на хорошем французском, но с неуверенными интонациями только что вернувшегося с того света человека. — Я не могу пошевелить ни ногой, ни рукой. И вообще, уж не в бане ли я?

Если бы не серьезность положения, Федор, взглянув на пришедшего в себя Жака, громко расхохотался бы. Голова француза торчала из чрева приконченной якутом лошади: Шолем уложил вверенного его попечительству француза в тело животного, чтобы за счет еще сохранившегося под шкурой тепла отогреть обмороженного. Что и говорить, идея прекрасная — впихнуть несчастного в жаркое нутро коренника, обогревавшее куда лучше грелки и надежно защищавшее крепкой шкурой от любого ветра.

Нетрудно представить себе, сколь необычно выглядел недавний служащий парижской префектуры — сие подобие мифологического кентавра *, человека и лошади одновременно.

— А Жюльен? Где Жюльен? — закричал встревоженно Жак, когда сознание у него совсем прояснилось. — А Федор? Где он?

— Все в порядке! — отозвался русский. — Не волнуйтесь! Потерпите еще немного. Сейчас Шолем даст вам сухую одежду. А я тем временем позабочусь о господине де Клене.

— Скажите только, есть хоть какая-то надежда, что он будет жить? — с мольбой протянул Жак.

— Несомненно! Он уже понемногу приходит в себя. Белые пятна, усеявшие его грудь, потихоньку исчезают, тело постепенно разогревается.

— Спасибо! От всей души спасибо!

Ямщик размашистым ударом топора вырубал во льду последние ступеньки. Шолем, со своей стороны, тоже не терял времени даром: он разобрал сани, разжег костер, вытащил из возка две меховые полости и бочонок со

* Кентавр — мифическое существо у древних греков — получеловек-полулошадь.

спиртным, который тотчас и открыл, чтобы можно было растирать тело Жюльена не снегом, а водкой.

— Сейчас моя очередь, хозяин. Дай я позабочусь о твоём друге. Отдохни немного, ты в этом нуждаешься. И вот выпей,— настойчиво сказал якут, протягивая Федору деревянный стаканчик.

Несмотря на всю присущую ему энергию, столь наглядно продемонстрированную им в минуту смертельной опасности, Федор все-таки ужасно устал. Уступив место проводнику, он выпил стакан водки, вытащил Жака из своеобразного обогревательного аппарата, сотворенного Шолемом, вытер его, еще немного растер водкой, завернул покрепче в меховые полости и уложил как ребенка рядом с костром на кусок фетра, вырванного из кибитки.

Якут, не останавливаясь ни на минуту, с ловкостью, которая выдавала большой опыт в подобных ситуациях, продолжал у тела Жюльена работу, начатую Федором. Он растирал обмороженного с такой силой, что кожа его пациента вскоре покрылась красными пятнами. Француз громко застонал.

— Спасен! Он спасен! — радостно закричал Федор.— Слышите, месье Арно? А теперь можете заснуть. Это лучшее лекарство, только выпейте сперва чашку кипятка, которую ямщик вам сейчас даст. Когда надо будет, я вас разбужу.

Сумерки, позволявшие поначалу хоть что-то видеть в этой ледовой яме, сменились полной темью, и только костер, отбрасывая неровные тени, освещал группу молчаливых, занятых каждый своим делом людей.

Жюльен понемногу приходил в себя. Он скользнул вокруг мутным взором, потом взгляд его стал более сосредоточенным. Узнав якута, увидев, как Федор набивает снегом самовар, вытащенный из саней, но не обнаружив поблизости своего соотечественника, лежавшего по ту сторону костра, отважный путешественник позвал тревожно:

— Жак!

— Жив он,— отозвался Федор.

— А другие?

— Один ямщик погиб.

— Бедняга!

Федор хотел дать ему те же советы, что и Жаку, но Жюльен уже более твердым голосом обратился к нему:

— Спасибо вам за заботы, друг! Мне лучше, хотя я очень слаб. Самое надежное средство, чтобы не погиб-

нута от холода,— это находится в движении. Ведь я чуть было совсем не замерз?

— Не только чуть не замерзли, но и чуть не утонули!

— Ах да, вспоминаю, как обломился мертвый лед и мы полетели вниз. Кто же вытащил меня из воды? И кто спас Жака?

— Ну, скажем, я,— скромно ответил Федор.— В общем, нам здорово повезло.

— Так, значит, это вам мы обязаны жизнью! Я этого не забуду! Дайте руку, друг мой! Теперь мы связаны до гробовой доски!.

Федор, проводник и кучер, сидя у костра, пили горячий чай полными стаканами. Возлияние живительного напитка, длившееся примерно с полчаса, взбудрило их, и, если бы не горестные чувства, вызванные страшной смертью ямщика, они бы предались искренней радости, как сделали бы это в данном положении французы, быстро забывающие плохое и легко приспосабливающиеся к любым ситуациям. Но, видя труп, укрытый тулупом, еще не совсем остывший, они не могли, да и не пытались избавиться от владевшей ими печали.

Пока Федор с Шолемом занимались французами, ямщик, уже успевший к тому времени прорубить во льду ступени, выдолбил в оледеневшем дне реки углубление. Затем вместе с проводником перенес туда тело своего несчастного товарища и прикрыл его кусками льда. Обнажив голову, все пятеро — Федор, Жак, Жюльен, якут и кучер — воздали усопшему последние почести. Засыпав могилу доверху битым льдом, ямщик выровнял ее поверхность, прочертил на ней православный крест и осенил себя святым знаменiem:

— Прощай, товарищ! Покойся с миром!

— Мир тебе! — отозвались эхом остальные.

— Ну а дальше что будем делать? — нарушил наступившее вслед за тем тягостное молчание Федор.

— Подождите минутку,— прервал его Жюльен и обратился к ямщику: — У твоего товарища осталась вдова?

— Да, ваше превосходительство.

— А дети?

— Двое.

— Вот возьми тысячу рублей и передай ей от меня... Ну а теперь, дорогой Федор, я отвечу вам на ваш вопрос точно так же, как и при отъезде из Якутска: мы будем делать то, что вы сочтете нужным.

— Но ведь обрушившееся на нас несчастье — результат того, что я столь неудачно выбрал дорогу!

— Вот еще! Беда могла подстергать нас и на другом пути, так что вы повинны в происшедшем лишь в той мере, что и остальные. Но отныне мы будем более осмотрительны и осторожны. Правда, Жак теперь еще сильнее возненавидит воду, хотя катастрофа и произошла на реке, практически лишенной воды.

— Что касается катастрофы, то я уже посвятил ей пару строк в своем блокноте,— заметил тот.

— Продолжай в том же духе... Итак, что же вы решили, Федор?

— По-моему, пусть Шодем с ямщиком доберутся до ближайшей станции. Предъявив смотрителю вашу подорожную, они возьмут у него сани и лошадей. Если же, по несчастью, им не удастся обеспечить нас подобными транспортными средствами, то они смогут в ближайшем же городке купить у якутов две-три оленьих упряжки или собачьи нарты*. Мы будем ждать их в своем убежище, предоставленном нам коварной Хандыгой. Температура здесь, как видите, вполне сносная, холод особенно не чувствуется: зимуй себе хоть до паводка! В случае нужды нас прокормил бы лес, раскинувшийся по обоим берегам реки. Главное — не лениться и заглядывать туда почаще. Но, к счастью, продукты у нас не пострадали: и нам хватит, и будет что предложить местным жителям на обмен, поскольку деньги их обычно не интересуют. Что же касается тех саней, на которых мы ехали, то они ушли под воду и к тому же безнадежно разломаны. Так что придется распрощаться и с ними, и со всем, что в них находилось. Но, хотя и потерпевшие, люди мы довольно состоятельные. Кроме разных там столь необходимых в этих условиях мелочей, в нашем распоряжении находится также оружие, любезно пожалованное нам генерал-губернатором,— два карабина с двумя тысячами патронов к ним, два гладкоствольных охотничьих ружья, два револьвера «нью кольт» с боекомплектами, да еще барометры, термометры — ртутный и спиртовой, компас... Все это — в полном порядке, без малейших повреждений.

— Ой, черт возьми, а наши бумаги?! — воскликнул Жюльен.

— Не беспокойтесь. Хотя они и находились в затонув-

* Нарты — сани, используемые на Севере для езды на собаках и оленях. Описание их дается в следующей главе.

ших санях, но, перед тем как тронуться в путь, я уложил сумку с ними в совершенно водонепроницаемый бурдюк из-под кумыса. Пока Шолем с ямщиком будут искать для нас сани, мы постараемся их достать.

— Вы все предусмотрели, друг мой! Я не перестаю удивляться вашей находчивости. Разрешите, однако, сказать несколько слов о ваших вещах и разных, как вы говорите, мелочах, которые вы столь бескорыстно предоставляете в наше распоряжение. Все это стоит немалых денег и является как бы частью вашего состояния.

— Не частью, а всем моим состоянием. И поэтому мне особенно радостно предложить вам все без исключения вышепоименованные и не упомянутые мною предметы.

— Позвольте же нам хотя бы примерно оценить ваше имущество.

— Вы смеетесь? — ответил Федор. — Мы все здесь — потерпевшие. Вы же сами только что сказали, что теперь мы связаны до гробовой доски. И вдруг столь банальные речи о материальных ценностях. Возьмите же, что я могу вам дать. Примите по-братски. Иначе вы глубоко огорчите меня.

— Но вы же разоритесь! И не сможете закупить товары на нижеколымской ярмарке.

— Вот уж действительно горе! Кое-что у меня еще осталось... К тому же я могу...

— Что именно?

— Сопровождать вас в путешествии по Арктике и добратся с вами аж до самой Бразилии.

— Даже так? Да кто же вы такой на самом деле? — не смог скрыть своего удивления Жюльен.

Человеку от природы бесхитростному, Федору и в голову не могло прийти, что его готовность отправиться с друзьями-французами хоть на край света может показаться подозрительной — и не только им, но и еще кому-либо. Вопрос же Жюльена привел его в замешательство. Французы готовы были держать пари, что теперь-то уж они узнают, кто скрывается под маской этого инкогнито. Но не тут-то было.

— Да я, как вы знаете, всего лишь простой торговец мехами, — спокойно ответил их друг. — Но поскольку я непредсказуем, как все русские, фантазер, словно француз, и люблю, подобно англичанам и американцам вместе взятым, скитаться по дальним странам, ваш смелый вояж пробудил во мне душу путешественника, и, честное слово, я был бы не против поддаться этому искушению!

ГЛАВА 14

*Десять дней под ледовым панцирем.— Снежная буря.— Обращение якута к своим богам.— Колдунья Огропоно из Жиганска *.— Возвращение Шолема.— Нафты и сибирские собаки.— Бдительный есаул **.— Тень Еменова.— Гнев французов.— Готовность сразиться с оружием в руках.— По заснеженной равнине.— Верхоянский хребет.— Ослабление морозов в горах.— Признание Федора.— Прерванное совещание.— Казаки.*

С тех пор как проводник с ямщиком отправились на поиски транспортных средств, прошло десять дней и десять бесконечных ночей, и три товарища, заключенные в ледовом убежище, которое едва не стало их могилой, с нетерпением ожидали их возвращения. В голову им приходили самые что ни на есть тревожные мысли, пока наконец они не сделали вывод, что произошло одно из двух: либо Шолем со спутником погибли, либо они просто бросили путешественников на произвол судьбы. Жак с Жюльеном склонялись ко второму предположению, Федор же, хотя и был по натуре оптимистом, более вероятным считал первое.

Действительно, вскоре после ухода проводника с ямщиком погода резко переменилась: на небо набежали черные тучи, разразилась снежная буря. В течение двенадцати часов бушевала такая выюга, что снег, влекомый свирепствовавшим в долине западным ветром, проник под ледяной панцирь и постепенно образовал там целый сугроб. Друзьям, чтобы не оказаться засыпанными снегом, пришлось отодвинуться в глубь убежища.

На следующий день, как только буря стихла и вновь установилась спокойная погода, они, пробив проход сквозь плотный снежный пласт, поднялись вверх по вырубленным ямщиком ступеням, набрали дров и вернулись

* Жиганск — город на реке Лена в Якутии.

** Есаул — офицерский чин в казачьих войсках в дореволюционной России, соответствовавший чину капитана в пехоте. В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар следующим образом характеризует исполнявшиеся есаулом функции: «Он... и судья в отдаленных районах, где имеются казачьи станицы, и жандарм, и начальник почтовой станции в Восточной Сибири, причем за выполнение последней обязанности ему платит правительство, поскольку в этой части России дороги принадлежат государству, в то время как в Западной Сибири они находятся в частном владении».

в свою ледовую обитель, укрытую теперь белым пологом не хуже, чем добротнейшие избы местных жителей.

Дни и ночи лениво сменяли друг друга, приводя в отчаяние путешественников, вынужденных бездействовать в условиях сумеречной полярной зимы.

Радовали взгляд лишь богатые запасы провизии: чай, сахар, белый хлеб (естественно, замороженный), различные консервы, которые, впрочем, пока не трогали, заменяя их в целях экономии жарким из конины. Весьма кстати пришлось и здоровенный ящик свечей, так как свет для заключенных под ледовым панцирем значил особенно много.

Сидеть в заточении не очень-то приятно. Федор еще как-то мирился с вынужденным бездельем, но французам было невмогуту: им все казалось, что они никогда не выберутся из ледового плена.

Из предпринятой путешественниками попытки спасти содержимое затонувших саней практически ничего не вышло, если не считать извлеченного из-под воды бурдюка с документами, достать которые необходимо было любой ценой.

Когда возок вместе с находившимся в нем грузом был в конце концов оставлен в покое, Федор, к вящему удивлению своих друзей, приступил к своеобразной сушке их одежды — шерстяных свитеров, фетровых чулок и мехов. Вместо того чтобы, как положено, развесить их у огня, он ушел с ними подальше от костра, выдолбил в снежной стене дупло и засунул туда одежду, пояснив, что часов за двенадцать снег впитает всю влагу и она станет абсолютно сухой. Если же эти вещи поместить у огня, то вода с них будет капать в течение нескольких дней, тем более что держать их придется подальше от пламени, которое легко может их подпалить.

Объяснения Федора полностью подтвердились: на следующий день одежда, предназначенная для северных условий, действительно оказалась сухой и мягкой, словно только что из магазина.

Мелкие хозяйственные заботы — уборка убежища, приготовление еды, вылазки за дровами — не могли уже побороть чувство тоски, перераставшее постепенно в отчаяние.

— Так что же, Федор, — в сотый раз повторял свой вопрос Жак, — стоит ли нам все еще надеяться, что проводник не бросил нас в беде? Вы хорошо знаете якутов, так скажите же, не следовало ли перед расставанием

заставить его поклясться своими богами, что он выполнит наше поручение?

— А ямщик? — вступал в разговор Жюльен. — Ему ведь требовалось лишь дойти до станции, на что должно было бы уйти не более суток. Так почему же за столько дней никто не пришел к нам на помощь?

— Пусть вас не удивляет подобная задержка. Вы не имеете ни малейшего представления о станционных смотрителях, раз воображаете, будто они сразу же бросятся на выручку потерпевшим бедствие путешественникам. В их обязанность входит лишь предоставлять лошадей по предъявлении подорожной, что они и делают, хотя и с неохотой. Большого же от этого люда не ждите. Конечно, будь вы важной шишкой из российской администрации, тогда другое дело. Так что если бы лошади у нас не погибли, то мы смогли бы постараться их вытащить, и, в случае успеха, положение наше было бы значительно лучше. Ну а что касается вашего предположения относительно предательства ямщика, то я с ним никак не могу согласиться, тем более что вы дали этому мужику деньги для вдовы его товарища, столь трагически погибшего здесь. К тому же мы ведь даже не знаем, удалось ли ему дойти до станции или нет.

— Ну а как якут? Сможет он спасти нас?

— Бесспорно, я на него рассчитываю. Если только вы не захотите, не дождавшись наших посланцев, сами отправиться на станцию.

— Что вы! Ведь так мы можем разминуться с Шолемом и кучером. К тому же здесь нам лучше, чем наверху. Но куда все-таки подевался наш проводник?

— Он еще придет, я уверен. Просто задержался где-то, поскольку несчастный случай маловероятен: снега для якута что дом родной.

— Я не разделяю вашего оптимизма, — возразил Жюльен.

— И напрасно. Я достаточно хорошо разбираюсь в людях, чтобы не обмануться в них. Я вижу, что он преисполнен к нам чувством глубокой благодарности. Кроме того, якуты весьма бережно относятся к древним поверьям и стараются не нарушать заповедей предков.

— Расскажите же какую-нибудь легенду... — пристал к Федору Жюльен. — Глядишь, и скоротаем часок-другой.

— Вы не заметили, какую церемонию совершил он, отправляясь в путь, в точном соответствии с ритуальными действиями местного шамана?

— Нет, не заметил.

— Он перебрал всех добрых и злых духов и громогласно призвал к себе на помощь божества, повелевающие землей, водой и воздухом. Он говорил: «Старая бабушка река, будь добра к твоему сыну! А ты, бабушка гора, закрой бездны в тех местах, где должна будет ступить нога твоего сына! Вы же, кривоногие карлики с большими руками, уйдите прочь с восьми дорог и попрятчьтесь в девяти соляных горах...»

— Прекрасно!.. Такой местный колорит!.. Жак, бери свою записную книжку!

— После этого Шолем обратился к злому духу: «Эй, шайтан, древний камень, не лишай мои ноги силы, не ослепляй мои очи, не смотри на меня косо, и да умолкнет твой злой язык!» Затем, обжарив кусочки конского жира и привязав их конским волосом к прибрежным деревьям, он торжественно обратился к Огропоно.

— К кому?

— К Огропоно — Агриппина по-русски. Это колдунья из Жиганска. Сибиряк Уваровский переложил предание о ней на якутский язык. Она жила в прошлом веке — ее еще знала мать Уваровского. Слыла колдуньей. Тот, кого она полюбила, мог считать себя счастливым, с тем же, кого невзлюбил, приключалось несчастье. Ее словам внимали так, словно ниспосланы они были самим Господом Богом. В старости она поселилась в бедной лачуге, где и жил одна-одинешенька. Отшельницу посещали там страждущие получить у нее благословение, ей приносили дары. И горе тому, кто не выказывал чародейке почтения! Огропоно непременно карала такого строптивого: превращала в черного ворона, обрушивала на него ураган, сбрасывала его ношу в воду или лишала упрямого разума. И хотя ее давно уже нет в живых, якуты продолжают оставлять ей подношения на том месте, где стояла когда-то хижина грозной волшебницы. Согласно преданию, Огропоно умерла, когда ей исполнилось сто лет. Она была полной, невысокого роста, с изъеденным оспинами лицом. Глаза ее блестели, словно звезды, а голос звенел, как лед от удара. И наш Шолем обратился к этой самой Агриппине из Жиганска. Он поклялся ей, что обязательно вернется. И уж что-что, а данное ей обещание он никак не сможет нарушить... Но что это?.. Или мне показалось? Вроде бы кто-то кричит...

И действительно, раскатистый, такой знакомый голос, звучавший у входа в снежный туннель, ведущий в ле-

довую обитель, выкрикивал громко имена путешественников.

— Шолем? Да ты ли это, дружище?! — воскликнул Федор.

— Я, я, хозяин! — услышал он в ответ.

Якут нырнул в лаз и через мгновение, весь в снегу, с сияющим лицом, предстал перед друзьями во весь свой богатырский рост. Крепкие рукопожатия, радостные восклицания — в общем, последовало все то, что всегда происходит при долгожданной встрече. Шолем оправдал веру Федора в него.

Опрокинув, как положено, кружку горячего чая, Шолем запил его водкой и, даже не присев на фетровую подстилку возле костра, предложил друзьям тотчас выпить в путь.

— Удалось достать сани? — спросил его Федор.

— Да.

— Сколько?

— Четверо.

— Оленьи?

— Нет, собачьи... Но хватит тратить время на разговоры. Прошу вас всех, едемте быстрее.

— А что такое?

— Мне страшно.

— Почему?

— Сам не знаю. Послушай только, а там суди как хочешь. Как только я ушел от вас, то первым делом смастерил что-то вроде коротких лыж и направился на них к станции, что к востоку отсюда. Добравшись до нее, я попросил у есаула лошадей и сани, но он заявил, что у него нет ни того, ни другого. Правда, правда... Тогда я прошел до второй станции, потом до третьей и наконец до четвертой, но все безуспешно. Всего я проделал сто двадцать пять верст, а чего добился? И вот я на пятой станции. Показываю есаулу вашу подорожную... Хотя за последнее время я много раз ездил по этой дороге до самой Колымы, человека того нигде не встречал. Мне сказали, что его прислали туда сравнительно недавно, откуда-то с запада. Он грубо потребовал ваши паспорта. Я ответил, что у меня их нет. «Хорошо, — произнес он, — нет паспортов — нет ни сани, ни лошадей». Когда я попробовал настаивать, он стегнул меня плеткой. Я бросился на него, чтобы задушить, но с поддюжины казаков кинулись на меня и поволокли в острог. Есаул же отправил своих людей разы-

скивать вас, потому что вы, считает он, наверняка самые что ни на есть варнаки...

— Пойдите,— прервал Федора Жюльен, внимательно слушавший, как тот переводил рассказ Шолема с русского на французский.— Неужели новый Еменов? Но я ему больше не дам! Буду до конца сражаться с ним!

— И я тоже! — энергично подхватил Жак.— Конечно, нам нечего бояться этого служаку, но если от великого усердия ему придет вдруг в голову препроводить нас в Якутск для установления личности, то сколько же времени потеряем мы даром! И если только он попробует задержать нас силой, то пусть пеняет на себя! Я без всяких душевных терзаний разряжу ему в голову карабин, подаренный нам генерал-губернатором!

Федор был настолько погружен в свои мысли, что, по видимому, даже не слышал воинственных речей друзей-французов.

— Ну и как же ты спасся? — спросил он Шолема.

— В остроге я пробыл недолго,— продолжал тот свое повествование.— Когда настала ночь, я проделал в стене дыру и сбежал, пройдя незаметно мимо солдат, уже успевших упиться водкой. Потом я долго искал нарты. Нашел четыре упряжки. Они там, наверху, и при них якуты. Это преданные люди, ты можешь рассчитывать на них, как на меня. А теперь решай, хозяин, что делать будем.

— Ехать надо, и как можно быстрее! — заволновался Жюльен.— Нас четверо здоровых мужчин, работы мы не боимся. Так давайте сейчас же, не мешкая, перенесем вещи на нарты. Делов-то на час или на два — и вперед!

— Но не по тракту,— заметил Жак.— Подальше от торных дорог, почтовых станций, острогов и прочих мест, где назначают друг другу свидания Еменовы со всей Сибири. Наш путь — по прямой, через укрытую снегом и скованную морозом равнину. Строго по компасу! И горе тому, кто попытается нас остановить!

Ощущение грозящей опасности, появившееся после рассказа проводника, взбодрило друзей-французов, в памяти которых еще свежо было воспоминание о происшествии в селе Ишимском. Вместе с Федором и Шолемом, к которым вскоре присоединились и два якута, прибывшие с собачьими нартами, они энергично выносили по ледовым ступеням вверх провизию, одежду и снаряжение, сложенные аккуратно возле костра. Жюльен и Жак, с истинно французским задором, трудились за четверых.

Работа была так хорошо организована, что сани загрузили за каких-то полтора часа.

Ну а теперь, пока наши друзья еще не отправились в путь, познакомимся с нартами, которыми пользуются в повседневной жизни кочевники Северной Сибири. Прежде всего это длинные узкие сани с низкой посадкой, очень легкие и вместе с тем исключительно крепкие. В них помещается не более трех человек, включая погонщика. Последний сидит впереди в, казалось бы, весьма неудобной, но в действительности выверенной многовековым опытом позы, чтобы в любой миг, если возникнет такая необходимость, соскочить с нарт. Под сиденьями для ездовых помещается вместительный ящик с едой для людей и впряженных в сани животных: для собак — сушеная рыба, для оленей — ягель* и мох. В нарты для трех человек должны быть впряжены, по крайней мере, шесть собак. Хотя сибирские лайки неказисты на вид, приземисты и условия их жизни весьма тяжелы, они проявляют силу и выносливость, непостижимую уму. От шлейки, обхватывающей их грудь, идет к саням длинный кожаный ремень. Кроме того, они связаны в упряжке попарно ремешками от ошейников. По первому сигналу хозяина послушные животные срываются с места и мчат по снегу чуть ли не целый день со скоростью двенадцать километров в час. Вечером они подкрепляются небольшой порцией рыбы, иногда и подпорченной, свертываются рядышком в клубок прямо на снегу, а утром опять вскакивают веселые, готовые снова нестись в заснеженную даль. Местные жители в качестве ездовых животных предпочитают не оленей, а собак: во-первых, потому что их много, и, во-вторых, они гораздо неприхотливее: их можно кормить и мясом зверя, убитого по дороге, и рыбой, выуженной из-под льда, в то время как заготавливать ягель для оленей — дело трудоемкое и пополнять его запасы весьма обременительно.

Шолем с Федором сели в передние нарты. За ними следовали двое саней с провизией и снаряжением, управляемые якутами-каюрами**. Жак и Жюльен, завернувшись в меховые шкуры, расположились на последних нартах. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, друзья

* Ягель — род лишайника, основной вид пищи для северных оленей.

** Каюр — погонщик собак, запряженных в нарты.

положили под сиденья готовые к бою восьмизарядные карабины.

Санный поезд, тронувшись с места, сразу же набрал бешеную скорость, непривычную даже для сибирских лаек. Ехали вдали от тракта, но Шолем, знавший этот край как свои пять пальцев, был совершенно спокоен. Наметив направление, он смело вел нарты вперед через необозримую равнину, зорко вглядываясь вдаль и по сторонам, чтобы при малейшей опасности погнать собак еще быстрее.

Добравшись так до Верхоянского хребта, ночь путешественники провели высоко в горах, в типично сибирской «спальне» под снегом, вроде той, с которой познакомили французов воры в одном из острогов. Другим не было холодно, ибо предсказания Федора полностью подтверждались. По мере их продвижения на север морозы ослабевали, и Жюльен, взглянув на термометр, сообщил удивившую даже его новость: прибор показывал всего лишь минус семнадцать градусов, а это значило, что здесь было значительно теплее, чем возле Якутска.

На следующий день, подтверждая свою высокую репутацию, собаки преодолели расстояние в сто тридцать километров.

Шолем, заметив пустой чум, предложил вторую ночь провести в нем.

Путешественники находились на землях, на которые распространялась власть придирчивого, сверхбдительного есаула. И каждый из них сознавал серьезность ситуации. Хотя французы и понимали, что правда на их стороне, им было нетрудно догадаться, что встреча с этим чиновником могла иметь для них самые тяжелые последствия. Если бы из-за чрезмерного усердия служака действительно превысил свои полномочия, то Жак и Жюльен, решившие с оружием в руках оказать ему сопротивление, попали бы в категорию правонарушителей. В России это особенно опасно: по всей ее необъятной территории, даже в таких далеких краях, действует хорошо отлаженная административная машина, внимательно следящая за повсеместным неукоснительным соблюдением закона.

Федор утратил хорошее настроение сразу же после того, как санный поезд покинул Хандыгу. Час от часу он становился все мрачнее. Французам показалось, что друг их готов им в чем-то признаться, но, то ли робея, то ли время считая неподходящим, он продолжал хранить явно тяготившее его молчание.

Хотя ночь прошла без приключений, Жюльен и Жак, мучимые дурными предчувствиями, спали плохо. Перед тем как снова отправиться в дорогу, друзья решили посоветоваться. Первым взял слово Федор.

— Сейчас мы в восьмистах километрах от Якутска,— нервно начал он.— До Восточного мыса — две тысячи триста километров.— Купец, было ясно, совершенно позабыл о своих делах на нижнеколымской ярмарке.— Поскольку мы хотели бы любой ценой избежать нежелательной встречи с есаулом,— а я заранее могу предвидеть, что столкновение с ним кончится для нас весьма плохо,— необходимо немедленно свернуть на восток.

— Сказано — сделано! — отозвался Жюльен.

— Не совсем так. К несчастью, на нашем пути через этот грозящий нам бедою край, где казачьи посты — чуть ли не на каждом шагу, лежит еще и город.

— Я знаю только один способ обойти то или иное опасное место,— вмешался Жюльен,— а именно: двигаться прямо на него и, лишь когда оно будет совсем близко, резко свернуть в сторону. Так делают моряки, обходя рифы.

— Это известно, но как проскользнуть сквозь невидимые сети, которые, чувствую я, все плотнее стягиваются вокруг нас? В общем, друзья, пришло время поговорить откровенно. Для вас оставаться со мной дольше — это компрометировать себя. Мы должны расстаться. Давайте разделим провизию. Вы возьмете себе две трети и в сопровождении Шолема направитесь прямо к Берингову проливу. Ну а я пойду навстречу своей судьбе.

Французы не верили своим ушам.

— Что такое? — решительно заявил Жюльен.— Вы с ума сошли, Федор! Мы вас уважаем, любим всем сердцем и не собираемся нарушать нашу договоренность.

— Я полностью согласен с моим другом,— поддержал приятеля Жак.— Продолжай же, Жюльен, скажи ему все, что чувствуешь.

— Послушайте меня, Федор, мы из той породы людей, для которых слова благодарности — не пустой звук. Мы предложили вам свою дружбу без каких бы то ни было условий и будем вместе с вами, кем бы вы ни оказались, и в радости и в горе. Не хотите — не выдавайте своей тайны, но только оставайтесь с нами!

— Господа,— медленно произнес русский юноша, энергично пожимая руки друзей,— если бы вас, ни в чем не повинных, объявили в вашей стране преступниками...

Нет, скорее так, если бы кого-то из вас только за то, что вы родственник, приемный сын ссыльного, отправили на каторгу вместе с преступниками... и если бы ценой огромных опасностей вы вновь обрели свободу и уже близок был момент, когда ваши палачи оказались бы не властны больше над вашей судьбой, а какой-то негодяй, лишенный человеческих чувств, объявил бы вам во исполнение подлого приказа: «Я пришел арестовать вас»,— то как бы вы поступили?

— Клянусь честью француза и дворянина, я пустил бы ему пулю в лоб,— твердо ответил Жюльен.

— Хозяин, казаки! — закричал Шодем. И указал на пятерых всадников, которые, горяча коней шпорами, неслись во весь опор. Затем, разглядев скакавшего впереди служилого, добавил: — Есаул!

— Друзья,— быстро заговорил Жюльен,— предоставьте это мне. Я наберусь отваги и переговорю с этим человеком. Ну а вы будьте готовы ко всему. Положите поближе карабины, но так, чтобы враг не догадался, что вы начеку.

Федор уселся на нарты, и Жюльен услышал, как он взвел под шубой курок револьвера.

«Черт возьми,— промолвил француз про себя,— лучше бы этому есаулу оставаться в своем остроге!»

ГЛАВА 15

Судьба начальника томской полиции.— Служебная ссылка.— Поиски французов.— Допрос среди снегов.— Проявленное Жюльеном неуважение к властям.— Встреча Федора с есаулом.— Взаимное удивление.— «Алексей Богданов!» — «Исправник из Томска!» — Племянник полковника Михайлова.— Современный выстрел.— Преследователи в роли пленных.— Обреченные на бегство.— Еда для собак.— Снова в пути.— Сибирские собаки.— Остающиеся четыреста лье, или тысяча шестьсот километров.

Капитан Еменов не один пострадал за учиненное им в селе Ишимском насилие в отношении двух французов: исправник, начальник томской полиции, по чьей, собственно, инициативе и произошло нарушение закона, также был сурово наказан генерал-губернатором. Вскоре после того, как друзья-парижане двинулись с полковником Пржевальским в путь, его лишили прежнего воинского

звания и отправили есаулом в Восточную Сибирь. Учитывая долгую службу оступившегося чиновника, губернатор уберег его от тюрьмы, но не больше. И тот отправился в далекий край, не зная точно, когда вернется из него и вернется ли вообще. Продолжительность такой ссылки, практикуемой сейчас значительно реже, чем при императоре Николае, зависит от дисциплинированности сосланного, от его усердия и услуг, которые он по воле случая может оказать государству. Так что впавшие в немилость изо всех сил стараются вернуть доверие к себе и вместе с ним — прежнюю должность.

Судьбе было угодно, чтобы томского исправника назначили есаулом в острог, затерянный на просторах Якутии, неподалеку от истоков реки Индигирки. Отправившись в ссылку после того, как французов освободили, он обогнал их в Иркутске, где они задержались ненадолго, чтобы познакомиться со столицей Восточной Сибири. Поскольку останавливаться по дороге ему было запрещено, он, опережая французов и Федора Ловатина, за рекордно короткое время добрался до острога, где ему предстояло отныне служить.

Можно догадаться, что подобное наказание, внезапно обрушившееся на человека, вчера еще наделенного большой властью, и опустившее его на самую нижнюю ступень административно-иерархической лестницы, не способствовало благодушию есаула. Будучи натурой деятельной и привыкнув в любую погоду скакать без усталости по горам и долам, он сразу же по прибытии на место стал искать с упорством полицейского, потерявшего след, куда бы направить свою энергию, чтобы хоть как-то смягчить терзавшие его душевные муки.

Появление Шолема внесло некоторое разнообразие в его довольно-таки безрадостную жизнь и подсказало ему мысль о том, что неплохо было бы покуражиться над французами, которых он считал причиной всех своих бед. Инструкции обязывали его обеспечивать путешествующих лошадьми, но они же предписывали ему и испрашивать паспорта. Поскольку чужеземцы попали в беду, он решил задержать их проводника, чтобы заставить недругов своих добираться до станции пешком, по зимним арктическим просторам. Но дикарь-якут, вместо того чтобы покорно сидеть в заточении, сорвал намерение есаула обрушить на проклятых иностранцев справедливое, по его мнению, возмездие: он бежал, взломав стену. Впрочем, значительную долю ответственности за этот весьма серьезный и су-

рово наказуемый проступок можно было возложить на хозяев проводника, что при сложившихся обстоятельствах играло на руку служилому. Несмотря на ослепляющую его безумную ненависть, есаул все же понимал, что осуществить месть не так-то просто, и надеялся в душе, что преступники — а ему нравилось заранее называть их так — усилят свою вину, оказав хотя бы подобие сопротивления властям. Поскольку в таком случае он оказывался бы в выигрыше, то даже готов был при малейшей возможности спровоцировать своих противников на подобное противоправное действие.

Приказав солдатам охранять дороги, есаул во главе конного отряда принялся прочесывать местность и обнаружил вскоре санный поезд, так и не успевший двинуться в путь.

— Стой! — крикнул он зычно. — Именем закона, стой!

— Мы и так стоим, — шутливо бросил ему Жюльен. — Чтобы выполнить приказ, нам надо сначала стронуться с места.

Есаул закусил губу от злости:

— Кто вы?

— Люди, которые спешат.

— Отвечайте, раз вас спрашивают!

— А я и отвечаю. Так что, если хотите, еще задавайте вопросы.

— Куда вы следуете?

— Это общеизвестно: из Парижа в Бразилию через Якутию.

Есаул, вопреки ожиданиям Жюльена, даже бровью не повел:

— А документы у вас есть?

— И даже много: письма их превосходительств генерал-губернаторов двух губерний, письмо от английского министра, письмо от нашего посла, паспорта с необходимыми визами, марками, печатями и так далее...

— Предъявите!

— Пожалуйста.

После падения в Хандыгу Жюльен разложил все необходимые бумаги по карманам и теперь, засунув руку под шубу, моментально извлек наружу паспорта и протянул их есаулу.

Тому пока что не в чем было упрекнуть своего собеседника, разве что в насмешливом тоне, вполне позволительном, однако, в такой ситуации лицу, у которого нет абсолютно никаких оснований для беспокойства.

— Знаете, господин есаул,— обратился Жюльен к служилому, внимательно проглядывавшему документы,— позволю вам заметить, что стоит страшный мороз, и мне как-то неуютно стоять на снегу на таком холоде. И я прошу вас побыстрее завершить эту проверку в чистом поле, чтобы я смог наконец усесться в нарты и укрыться в меха.

— Не волнуйтесь, я непременно завершу «эту проверку в чистом поле», как изволили вы весьма удачно заметить,— тоже с издевкой ответил есаул,— но только после того, как удостоверюсь, что бумаги действительно в порядке. Поскольку же я не очень силен во французском, вам придется немножко обождать. К тому же все вы так укутаны, что мне поневоле приходится просить вас оказать мне любезность сдвинуть шапки и башлыки, ибо в противном случае мне никак не разглядеть ваших лиц.

Жюльен нахмурил брови, потом, подумав немного, громко захохотал.

— Смеетесь?! Учтите, хоть вы и француз, я сумею добиться от вас послушания!

— Попробуйте!

— За мною — закон! При необходимости могу применить и силу!

— Тоже мне — сила! Каких-то четыре косматых жандарма!

— Но за нами — вся Россия, не забывайте этого!

— Ба, Россия так далеко!

— И все-таки примите к сведению, пусть я и не в высочайшем чине, но представляю здесь нашего императора.

— Думаете, это так уж лестно для его величества? Будь он на вашем месте, то не стал бы развлекаться, заставляя меня дрожать от холода с риском обморозиться или схватить менингит.

— Хватит! Надеюсь, вы кончили?

Видя, что француза не пронять грозными речами, есаул, пробормотав что-то невразумительное, взял паспорт Федора Ловатина. Уж русский-то, да еще простой купец, не посмеет разговаривать в таком издевательском тоне! И служилый вознамерился отыграться на нем за насмешки дерзкого француза. Подавшись всем корпусом вперед, он уставился на Федора.

— Ну что, есаул? — спросил русский. — Мою-то личность вы можете удостоверить?

Напрягшись при звуке этого голоса, офицер пригнулся к гриве лошади, чтобы получше рассмотреть говорившего.

Глаза их встретились, и они одновременно издали возглас изумления, приведя в недоумение и Жака и Жюльена.

— Алексей Богданов!

— Исправник из Томска!

— Нигилист! Каторжник, сбежавший из тюрьмы! Варнак! Ну, попался теперь, мошенник! И не ты один, но и твои сообщники — эта пара разбойников с большой дороги! — Есаул, ликуя, повернулся к четверке казаков, недвижимых, как статуи: — Взять всю троицу! В случае сопротивления стрелять!

Казаки уже готовы были выполнить приказ, но тут Федор поднял руку, давая понять, что хочет что-то сказать.

— Выслушайте меня, есаул! Вы не ошиблись, я действительно Алексей Богданов, сбежавший из томской тюрьмы, так что мы с вами давно знакомы. Но эти господа тут ни при чем. Они не знают ни моего имени, ни моего прошлого. Просто пригласили меня сопровождать их, полагая, что я — купец Федор Ловатин. Иначе говоря, они не являются моими сообщниками и посему не могут быть привлечены к ответственности за проступок, которого не совершали.

— Это все? — с холодным спокойствием спросил есаул.

— Еще пару слов! Вынесенный мне приговор несправедлив. Я не участвовал ни в каком заговоре и не принадлежал к какому бы то ни было тайному обществу. Подлинная причина моего осуждения совсем иная. Я был усыновлен своим дядей, известным ученым, человеком незаурядного ума. И только затем, чтобы доставить ему новые муки, меня отправили на каторгу. Я имею в виду полковника Михайлова. А теперь, когда я снова на воле, попробуйте отнять ее у меня, и вы увидите, достоин ли я свободы!

Услышав имя полковника Михайлова, Жак и Жюльен подскочили к нартам и в следующий же миг встали по обе стороны от Алексея с карабинами в руках, нацеленными на перепуганных казаков. Шолем тоже направил ствол своего охотничьего ружья на несчастных солдат, готовых хоть сейчас ретироваться.

Но есаулу нельзя было отказать в храбрости. Он молниеносно выхватил из седельной кобуры револьвер, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Алексей, не дожидаясь, когда тот нажмет на курок, не вытащил вовремя из-под шубы такое же оружие и не разрядил его

в голову лошади. Бедное животное, смертельно раненное, свалилось на спину и, придавив всадника, забилося на снегу.

Алексей подбежал к поверженному противнику, тщетно пытавшемуся выбраться из-под коня, схватил его железной хваткой за горло и, приставив дуло к виску, прохрипел:

— Сдавайтесь!

— Нет!

— Говорю вам: сдавайтесь! Не то я убью вас!

— Убивай! Вчера — ты просто каторжник, сегодня — убийца!

— Я защищаю то, что дороже жизни!.. Душа и совесть мои будут спокойны! Но я не могу бить лежащего. И поэтому просто обезоружу вас.

С этими словами Алексей забрал у есаула оружие. Солдаты, с ужасом смотревшие на происходящее, спешились под дулами карабинов и охотничьего ружья и без звука сдали винтовки, после чего Богданов приказал Шолему крепко связать всех пятерых и с помощью каюров отвести в чум.

Жюльен и Жак, потрясенные быстротой, с какой произошло разоружение казаков, положили на нарты карабины и затем подошли к молодому человеку, чтобы пожать ему руку.

— Поздравляем, Федор! — сказал Жюльен. — Или, вернее, Алексей, коль скоро уж ваше инкогнито раскрыто волею судьбы! Федор Ловатин спас нас от верной смерти, и мы этого никогда не забудем. Алексей же Богданов может рассчитывать на нашу благодарность вдвойне: если мы сумеем хоть чем-то помочь вам, то тем самым как бы возвратим часть нашего долга и полковнику Михайлову.

— Друзья мои! Дорогие вы мои! Теперь вам понятна причина моей скрытности: я не хотел делать вас своими сообщниками, — произнес взволнованно русский, тут же заключенный французами в объятия.

— Ну теперь-то уж все разрешилось само собой, не так ли? — заметил Жюльен. — Не было бы счастья, да несчастье помогло!

— Ну и что вы думаете обо всем этом?

— Только то, что есаул получил поделом. Ну и казаков вы славненько приструнили, — ответил Жак.

— И впрямь, — подхватил Жюльен, — у вас твердая рука, вы отлично владеете оружием.

— Я не о том, — проговорил Алексей, искренне уди-

вленный тем радостным спокойствием, которое буквально источали его друзья, словно только что имевшая место схватка с представителем власти не была чревата для них самыми серьезными последствиями.— Я хотел спросить, как, по вашему мнению, следует поступить с нашими пленными?

— Оставить в чуме! — решительно заявил Жюльен.— На их поиски отправятся не сразу и, поскольку день сейчас очень короток, найдут их, возможно, не так быстро, мы же за это время будем уже далеко отсюда.

— А как быть с лошадьми? — поинтересовался Жак.

— Наши якуты забьют их и рубят на куски. Часть конины погрузим на нарты — на корм собакам, а что не сможем забрать с собой, зароем в снег. В пути же будем останавливаться только затем, чтобы переспать немного.

— Bravo, друг мой! — воскликнул Жюльен. — Вы не теряетесь в любой ситуации! Уж и не знаю, чему больше удивляться — отваге ли вашей или находчивости!

— Так я уж лет пятнадцать кочую по белу свету. А в таких странствиях, как говорят наши матросы, голь на выдумки хитра.

Быстро, не более чем за час, управившись с лошадьми, якуты завернули лучшие куски в шкуры, и путешественники, даже не взглянув на чум с пятью пленниками, за которых, впрочем, не стоило особенно опасаться, двинулись навстречу неизвестному.

Мчаться надо было окольной дорогой, и к тому же как можно быстрее, чтобы к тому времени, когда разъяренный есаул сумеет организовать погоню за ними, друзья оказались для него уже вне пределов досягаемости.

До Берингова пролива оставалось приблизительно шестьсот лье. Если сытно кормить собак и выжимать из них все, что они могут дать, на то, чтобы добраться до него, все равно потребуется не менее шестнадцати — семнадцати дней. Придерживаясь торной дороги и нигде не задерживаясь в пути, это расстояние можно преодолеть и за восемь дней. Но путешественникам поневоле приходилось давать передышку собакам, которые только одни и могли их спасти в случае встречи с преследователями.

Шолем, сидя на первых нартах, направлял их строго на восток — по схваченной морозом равнине, сквозь полярную ночь, отступавшую под слабым натиском дня лишь на то короткое — от восхода солнца и до заката — время, когда над линией горизонта приподнималось слегка тусклое, словно обмороженное, светило. Санний поезд двигался

вдоль отрогов Верхоянского хребта, протянувшегося с запада на восток, чуть севернее шестьдесят первой параллели, на шестьсот километров и поворачивающего затем, у сто пятьдесят четвертого меридиана, на северо-восток, чтобы углубиться в территорию, населенную чукчами.

Никто не говорил о только что случившемся. И это понятно: Алексей подсел в головные нарты, к Шолему, французы же, завернувшись с головой в шубы, лишь изредка перебрасывались отдельными репликами, пребывая в том сонливом состоянии, которое вызывает у путников скольжение саней по снегу.

На ночлег устраивались по-сибирски, прямо в снегу, если только случайно не попадался покинутый чум или другое какое-либо заброшенное пристанище местных жителей.

Так как собак кормили хорошо, они пребывали в отличном состоянии, несмотря на скорость, которую им приходилось развивать, и огромные расстояния, каждодневно преодолеваемые ими. Трудно было не восхищаться удивительным поведением этих отважных животных с вытянутой мордочкой и стоящими ушками: достаточно одного слова, чтобы они сорвались с места веселой стаей, повернули направо или налево, а затем внезапно остановились, словно дрессированные собачки в цирке.

Порою монотонность движения нарушалась тем или иным непредвиденным случаем. Например, внезапно перебежали дорогу то песец, то олень, и впряженные в нарты лайки, вспомнив о том, что они не только ездовые, но и охотничьи собаки, поднимали, приняхиваясь к следам, такой лай, будто гнали зверя.

Хотя на окрики каюра они не обращают никакого внимания, во главе упряжки, к счастью, всегда находится самая сильная и хорошо выдрессированная собака, выполняющая ту же функцию, что вожак в табуне аргентинских лошадей или первый мул в обозе. Этот пес, понимая, что на него, поскольку он впереди, возложена ответственность за всю упряжку, прилагает в подобных обстоятельствах невероятные усилия, чтобы удержать своих сородичей на дороге. Когда же он чувствует, что это ему не удастся, что они и его тянут за собой, то поворачивает голову в противоположную сторону и начинает лаять так, словно увидел еще одного зверя, гораздо больше достойного внимания. И собаки, бросив след, подчиняются самой мудрой из них.

Чтобы не перегружать нарты, что значительно замед-

лило бы продвижение путешественников к Берингову проливу, Алексей, после того как на них уложили конину, пожертвовал практически всеми товарами, приготовленными им для обмена: оставив себе лишь самую малость — для переговоров с чукчами, остальное он отдал якутам, которые тотчас спрятали подаренные вещи в снегу в расчете захватить их на обратном пути.

В целом, если не считать сильного мороза, к которому, впрочем, и Жак и Жюльен почти привыкли, все шло отлично и расстояние до конечной цели их путешествия по Азии быстро сокращалось. Друзья давно уже пересекли Колыму, ее приток Коркодон и реку Ловдан, впадавшую в Коркодон в точке пересечения шестьдесят четвертой северной параллели и сто пятидесятого, если считать от Парижа, меридиана, и наконец приблизились к истоку Коркодона, в ста двадцати километрах от Гижигинской бухты Охотского моря. Таким образом, без всяких злоключений и даже просто происшествий, они преодолели за пять суток восемьсот километров, делая соответственно по сорок лье в день. И все-таки от земли, где они могли бы вздохнуть свободно, их отделяли еще четыреста лье, или тысяча шестьсот километров.

ГЛАВА 16

Арктический Мэтр Жак.— Этнографическая характеристика якутов.— Дальнейший путь.— Исследование Сибири.— Миниатюрный лес.— Граница растительного мира.— Тундра.— Волчья стая.— Охота на лося.— Триста килограммов свежего мяса.— Голодные хищники.— Свойство металла на морозе.— Жак о сибирских волках.— Неточная пословица.— Кровавое пиришество.*

Беглецы двигались узкой долиной Коркодона, огромной ледяной глыбой покоившегося в своем русле. Желая знать, какое расстояние они преодолели, скажем, за два последних дня, путешественники обращались к Шолему, свободно ориентировавшемуся в таких вопросах подобно морским волкам, которые и без лага**, просто на глазок,

* Мэтр Жак — человек, пользующийся полным доверием своего друга или хозяина и самоотверженно служащий их интересам.

** Лаг — прибор для определения пройденного судном расстояния или скорости судна.

определят довольно точно, с какой скоростью идет их судно.

И вообще, без проводника-якута они были бы как без рук и не смогли бы продолжить свое странствие в исключительно сложных условиях, созданных не только природой, но и неугомонным есаулом. Этот арктический Мэтр Жак, выполнявший обязанности и возницы, и повара, и мажордома *, был человеком незаурядным. Руководствуясь своим природным чутьем, он, ни разу не сбившись с пути, вел нарты строго на восток, к неописуемому удивлению Жюльена, время от времени проверявшего направление по компасу, а потом отмечавшего пройденный путь на карте Сибири, так кстати приобретенной Алексеем. Требовалось ли набрать дров, заварить чай, открыть банку консервов или поджарить на вертеле кусок мяса, не говоря уже о том, чтобы вырыть пещеру в снегу или соорудить из палок и оленьих шкур чум,— Шолем ни в чем не знал себе равных. Пренебрегая холодом, под действием коего металлические предметы, словно раскаленным железом, обжигали кожу, он ловко справлялся с любой работой, лишь изредка дыша на пальцы, когда мороз уж слишком начинал кусаться. Приглашая спутников перекусить, он неизменно произносил торжественным тоном по-французски: «Манже» **, — прекрасно усвоив смысл этого слова, и, не умея ни читать, ни писать, быстро разобрался в значениях разных линий на карте, отличал реку от горного хребта и безошибочно показывал, в каком направлении она течет ***.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Якуты по уровню интеллектуального развития занимают первое место среди сибирских народов, значительно опережая в этом отношении тунгусов, самоедов и бурятов. Легко адаптируясь к различным условиям, они быстро находят общий язык и с природой, и с людьми, их окружающими.

Родина якутов — Прибайкалье. Но два-три века назад буряты вытеснили их, и они были вынуждены отступить

* Мажордом — домоправитель, дворецкий.

** Манже — кушать.

*** В примечании к парижскому изданию данного романа Л. А. Буссенар, констатируя, что это не единичный случай, ссылается на шведского ученого Норденшельда (смотрите примечание к с. 175), который в своих воспоминаниях о совершенном им путешествии на «Веге» рассказывает о чукче Василии Менка, отлично пользовавшемся картой, хотя и был совершенно неграмотным.

на север, что заставило их, приноравливаясь к новому краю, в корне изменить свой образ жизни.

Неутомимо трудясь в течение короткого арктического лета, зимой якут как бы впадает в спячку, словно зверь в берлоге: крайняя лень без всякого перехода сменяет деловую активность. Одни из них проживают в селах и городах, другие — кочуют. Они умелые скотоводы, охотники и ремесленники. Якут без всяких приспособлений может изготовить не только обычные поделки, но и украшения из золота, в одиночку добывает железо и производит инструменты, соперничающие с предлагаемыми русскими купцами. Практически все ремесленники в Якутске — столяры, плотники, маляры, кузнецы — из якутов. Ими выпускаются, в частности, такие изделия, как самовары и даже ружья. Немало среди них и купцов: недаром за присущий им талант торговать якутов зовут нередко сибирскими евреями. Обладая высоким даром подражания, якуты ничего не перенимают слепо от других, а непременно привносят в усваиваемое ими новое что-то и свое. Живя рядом с самоедами или тунгусами, они начинают следовать их обычаям и быстро становятся своими для местных жителей.

В условиях сурового сибирского климата якутам далеко не везде удастся возделывать землю. Зато в скотоводстве они достигли того, за что русские и не брались: не ленись ездить за сеном за сотни километров от дома, приучили лошадей и коров жить за Полярным кругом.

Выносливые, легко переносящие любой мороз, из-за чего и прозвали их «железными людьми», истые трезвенники, неприхотливые в еде (самое любимое — *пес plus ultra* * — блюдо якутов-кочевников — заправленная жиром уха, в которую, чтобы еды получилось больше, они кладут мелко наструганную кору лиственницы), обладающие поразительной памятью на места, фиксирующей каждый холмик, куст, лужу или камень, встреченные ими в пути, якуты, чьи условия жизни, казалось бы, легко могли превратить их в самый примитивный народ, в ряде случаев ни в чем не уступают европейцам, кичащимся своей цивилизованностью.

Вышеприведенные сведения о якутах — не что иное, как краткие данные, почерпнутые в значительной мере из этнографического экскурса, совершенного Алексеем для друзей. Выслушав эту лекцию, французы, давно уже пере-

* Здесь: самый лучший (лат.).

ставшие удивляться эрудиции своего русского товарища, преисполнились уверенности, что последняя часть пути пройдет благополучно, ибо такому проводнику, как Шолем, можно смело доверять.

Переправившись через Коркодон и оставив слева реку Омолон с притоками, проводник, придерживаясь северо-восточного направления, повел санный поезд вдоль горного хребта.

Шестьдесят четвертая параллель осталась позади, и наших друзей, находившихся у сто пятьдесят восьмого градуса восточной долготы (если вести счет от Парижского меридиана), в огромной низине, куда не ступала нога ни старателей, ни путешественников, отделяли от Полярного круга уже два с половиной градуса.

Этот край издавна привлекал исследователей. Как известно, в 1785—1794 годах Биллингс * прошел вдоль северного побережья Восточной Сибири от Нижнеколымска до залива, расположенного в полутора градусах от Восточного мыса. В 1822 году Матюшкин **, следуя вдоль побережья от устья Колымы до Чаунской губы, достиг реки Анюй и среднего течения реки Чаун. В 1865—1866 годах Кеннан ***, совершив переход от Якутска до Охотска, добрался по берегу моря до Гижигинской бухты, затем направился на север и, свернув на восток, дошел до Анадырского залива. Наконец, в 1869—1870 годах Мюллер и Щекановский, проплыв по реке Яна до Верхоянска, пересекли Индигирку чуть южнее Полярного круга, вышли у Среднеколымска к Колыме, спустились по ней до самого устья и, резко повернув на восток, оказались у Анадырского залива, недалеко от того места, где закончил свой маршрут Кеннан.

По мере продвижения наших путешественников к Берингову проливу растительность постепенно менялась. После шестидесятого градуса северной широты деревья, упорно противостоя холодам, произрастали с превеликим

* Биллингс Иосиф Иосифович (? — 1806) — офицер русского флота, родом из Англии. В 1785 — 1794 годах руководил экспедицией, исследовавшей берега Северо-Восточной Сибири. Его именем названы мыс и населенный пункт на берегу Восточно-Сибирского моря.

** Матюшкин Федор Федорович (1799 — 1872) — русский мореплаватель, адмирал, лицейский друг А. С. Пушкина, участник кругосветных экспедиций.

*** Кеннан Джордж (1845 — 1924) — американский журналист и путешественник, возглавлял русско-американскую экспедицию вдоль берегов Охотского моря, автор книг «Кочевая жизнь в Сибири» (1870) и «Сибирь и ссылка» (1891).

трудом. Здесь уже не встречались, как южнее, лесные великаны с толщиной ствола в один метр. К северу от шестьдесят первого градуса стволы имели в диаметре не более тридцати сантиметров, а сами деревья выглядели чахлами и явно угнетенными арктическими морозами. Наконец, из древесных пород остались только лиственницы — корявые, с жидкой кроной. По всему было видно, что они не получали из почвы достаточного питания.

Однажды в простершейся в бескрайнюю даль необъятной пустыне путешественники увидели внезапно миниатюрный лес. Тоненькие, не толще запястья, деревца высотой метра три увенчивались заснеженными кронами.

Алексей попридержал свои нарты и, дождавшись Жака и Жюльена, поехал с ними рядом.

— Вот вам каприз природы, — обратился он к Жюльену, изумленному столь странной растительностью.

— Можно подумать, что это саженцы, — заметил Жак, не менее удивленный.

— Однако, хотя они и кажутся молодыми деревьями, на ветвях у них мох, как у ветеранов лесного царства.

— Ой, да это же лиственницы! — воскликнул Жюльен.

— Но карликовой породы, — развил его мысль Жак.

— Нет, друзья мои, — произнес Алексей, — это не карликовые, а обычные деревья, только худосочные и хилые, неизлечимо больные, так как они с рождения лишены плодородной почвы и тепла.

— Обычные деревья... Никак не верится! — сказал Жюльен.

— Этим несчастным созданицам уже два-три века. В ста лье южнее их сородичи гордо вздымают свои кроны на сорокаметровую высь, они же, погребенные на девять месяцев в году под снегом, дрожат от холода на промороженной почве тундры, и тщетно их корни скребутся в землю, чтобы найти в ней хоть какое-то пропитание.

— Я не ослышался? Этим хилым деревьям действительно двести — триста лет? — спросил Жак.

— А может быть, и больше. Посмотрите, ствол у них полностью сформирован, но настоящих ветвей практически нет, одни лишь колючие веточки с немногочисленными, уродливой конфигурации почками. Такое впечатление, будто вот уже лет двадцать, как погиб весь этот лесок, но распускающиеся каждую весну почки напоминают нам о том, что растения еще живы. Впрочем, в двадцати пяти лье к северу отсюда мы увидим деревья, по сравнению с которыми эти покажутся просто гигантами. Высотой не более

полутора метров, хотя по возрасту такие же, они уж совсем, казалось бы, не имеют ничего общего с деревьями: ствол — словно корешок, ветки — как у засохшего кустарника. И все-таки, пробуждающиеся весной от зимней спячки, эти горемычные представители флоры доказывают, что какое-то питание они все-таки получают из почвенного покрова Богом проклятой тундры.

— Вы второй раз произносите слово «тундра». Объясните, пожалуйста, что оно означает.

— Охотно. Впрочем, я сам удивлен, что мы уже находимся на этой мертвой земле, лежащей, по моим представлениям, значительно севернее. Если бы я не доверял всецело Шолему, то подумал бы, что он сбился с пути. Вам, наверное, известно, что вдоль побережья Северного Ледовитого океана тянется полоса совершенно неплодородной земли, где только трава, мох и лишайник, деревья же не растут. Картографы называют эту область безлесной. На юге она кончается там, где появляются первые рахитичные лиственницы. Однако граница между тундрой и лесной зоной протекает не строго с запада на восток, как можно было бы предположить, а имеет очень причудливые очертания. Так, например, бассейн реки Обь она пересекает по Полярному кругу, то есть примерно по шестьдесят шестому градусу северной широты, долину Енисея — уже по семидесятому градусу, затем поднимается еще на триста километров к северу, чуть ли не до полуострова Таймыр, после чего, несколько восточнее, вновь спускается к Полярному кругу и обходит с юга мыс Беринга.

— Ну и что представляет она из себя, эта тундра?

— Злосчастный край у Северного Ледовитого океана, непригодный для произрастания даже столь неприхотливых лиственниц. Тундра своими бескрайними просторами напоминает степь, но если последняя страдает от недостатка влаги, то тундра — от морозов. И едва ли мы ошибемся, если назовем ее ледяной пустыней, пожалуй, более зловещей, чем сам Северный Ледовитый океан. Здесь, в зоне вечной мерзлоты, где солнце прогревает лишь тонкий, поверхностный слой земли, сразу же превращающийся в топкую, непролазную грязь, из растений практически встречается только ягель, или олений мох. Тундра — это покрытые льдом бескрайние пространства зимой и гигантское болото летом, — в общем, бесплодная, неприветливая земля. Даже не привыкшие к комфорту местные жители побаиваются ее. Но, повторяю, мне каза-

лось, что она должна была бы все же находиться несколько севернее от нас.

— Милый Алексей, я с огромным удовольствием прослушал сей краткий курс практической географии, — произнес восторженно Жюльен. — Вы — кладезь знаний!

— Рано меня хвалить. Ведь неизвестно еще, смогу ли я раздобыть дров, чтобы приготовить пищу и не замерзнуть ночью. К тому же и корма для собак — всего на два раза. Причем последнее — куда серьезнее. Мы-то в крайнем случае обойдемся и без костра, самовар же вскипятим на спирту: его у нас пока достаточно. Но вот собаки... Оленей здесь легче прокормить: расчистил снег, и вот он — ягель! — но подстрелить какую-нибудь дичь для собак тут совершенно негде. Ну а стоит нам только потерять своих верных помощников, и единственное, что нам останется, — это добираться пешком до первого стойбища чукчей или юкагиров *, что, прямо скажем, маловероятно. К тому же есаул, наверное, уже пустил за нами погоню. Замерзнуть в пути или попасть к преследователям в руки — обе эти возможности не из приятных.

— Ничего, понадемся на счастливый случай — и вперед! — воскликнул преисполненный оптимизма Жюльен.

Хорошее настроение и уверенность в своих силах, не покидавшие отважного француза, имеют в этих суровых краях не меньшее значение, чем физическая подготовка или снаряжение: известны случаи, когда депрессия оказывала на человека значительно более губительное воздействие, чем материальные лишения.

Друзья были твердо убеждены, что их путешествие по Азии закончится благополучно. И действительно, создавалось впечатление, будто сама судьба благоприятствует им.

Сани резво бежали мимо деревьев, становившихся все более хилыми и отстоявших друг от друга на все большем расстоянии по мере продвижения беглецов к Беринговому проливу, как вдруг Шолем затормозил, да так резко, что Алексей едва удержался в нартах.

— Что такое? — спросил молодой человек.

Проводник, нахмутив брови, всматривался широко открытыми глазами в заснеженное пространство, расцвеченное слегка неровными красноватыми бликами от арктического солнца.

— Хозяин... волки!

* Юкагиры — народ, проживающий в Якутии и Магаданской области.

Жак и Жюльен подогнали свои нарты к головным.

— Волки,— сообщил им Алексей,— но я их не вижу.

— Я слышу их,— пояснил Шодем.

— И что они поделывают?

— Гонят оленя или лося.

Алексей перевел друзьям, что сказал Шодем, и заключил:

— Неплохо было бы отбить у волков их добычу.

— Смотри, хозяин, они вон там...— снова заговорил проводник.

Появившиеся на горизонте темные пятна стремительно перемещались вслед за черной точкой. Поистине только человек, обладающий зрением и слухом якута, мог бы расчленить это непонятное скопище каких-то теней на преследователей и преследуемого и еще услышать при этом дикое рычание голодных зверей.

Путешественники с проводником схватили ружья. Растянувшийся на сто метров санный поезд превратился в засаду, на которую неминуемо должны были выйти хищники с дичью.

Черная точка быстро увеличивалась в размерах, пока наконец не приняла облик гигантского лося с ветвистыми рогами. Метрах в шестидесяти от него по направлению к карликовым лиственницам, возле которых застыли в боевой готовности стрелки, неслась сотня сибирских волков.

Собаки, чуя волков и слыша их резкое, горловое потягивание, дрожа от страха, взъерошив шерсть и опустив хвосты, молча жались к нартам.

Не подозревая о новой опасности, сохатый, спасаясь от преследователей, быстро нагонявших его с злобным рычанием, мчался прямо на нарты, где находились Жак и Жюльен.

Когда от них до лося осталось сто метров, Жюльен приложил ружье к плечу. Как только животное приблизилось к саням метров на сорок, он, придерживая оружие левой рукой, упрятанной в меховую варежку, стряхнул быстрым движением точно такую же рукавицу с правой руки и нажал на спусковой крючок. Пуля с сухим треском вонзилась в голову сохатого точно между глаз, и он, наклонив рога, рухнул с пробитым черепом шагах в двадцати от стрелка.

— Bravo! — закричал Жак, восхищенный метким выстрелом.— Триста килограммов мяса не повредят нашим собачкам!

Жюльен, не обращая внимания на восторженные вопли друга, отчаянно тряс правой рукой, дышал на пальцы и громко ругался.

— Что случилось? — спросил Жак.

— Да кожа моя осталась на курке! Ведь металл на морозе жжет, как раскаленное железо.

— Ожог от мороза? Не правда ли, весьма любопытно!

— Черт тебя побери, тебе бы так! Да и я хорош! Забыть про волков, которые вот-вот отберут пищу у наших собак!

— Теперь моя очередь стрелять!

— Только поосторожней, чтобы не оставить кожу на спусковом крючке. Как это ни глупо, но я упустил из виду, что металл, касаясь органических тканей на сильном морозе, моментально забирает у них тепло и одновременно как бы обжигает их.

— И что же мне делать?

— Обмотать руку тряпкой или концом башлыка, да побыстрее: у волков отличный аппетит!

— Они совсем не похожи на добродушных своих сородичей из Западной Сибири. Одни челюсти чего стоят!

Хищники, скорее удивленные, чем напуганные выстрелом, расселись в снегу полукругом в двадцати пяти — тридцати метрах от еще бившегося в предсмертной агонии лося и, задрав кверху морды, зловеще завывали. Затем, подбадриваемые бездействием людей и подгоняемые запахом крови, внезапно умолкли, и самые смелые или самые голодные из них, поджав хвосты и пружиня на задних лапах, двинулись осторожно вперед, готовые в случае опасности отскочить назад.

Жак по совету Жюльена обмотал руку куском ткани, оторванной от башлыка. Жюльен, преодолевая боль, проделал то же самое и, как и его друг, прицелился в грозную свору.

Раздались два выстрела, и два волка рухнули, обливая кровью снег. Затем еще два выстрела и еще два волка упали. А потом еще и еще...

Убитых хищников становилось все больше, но оставшиеся в живых и не думали отступать.

Алексей и проводник, зная, сколь упрямы эти четвероногие, с волнением наблюдали за французами, не будучи вполне уверены в благополучном исходе жестокой схватки с голодной стаей. Но кинуться на подмогу к Жюльену и Жаку они не могли: насмерть перепуганные собаки отказывались сдвинуться с места, пойти же туда без нарт

было довольно рискованно — и сани с собаками лишались защиты, и они сами легко могли бы стать добычей волков.

Автоматические карабины, подаренные губернатором Иркутска, прекрасно делали свое дело. Жюльен и Жак, опьяненные запахом пороха, стреляли не останавливаясь. Ружья дымились. Полегла уже половина стаи, не менее сорока волков*.

Уцелевшие звери, встревоженные ураганным огнем, начали пятиться назад, однако совсем оставить лакомую добычу никак не решались.

Стрелки уже в четвертый раз вставляли в карабины обойму. Волки, воспользовавшись передышкой, набросились, скрежеща челюстями... Вы думаете, на лося? О нем они уже и думать забыли! Опровергая пословицу «Ворон ворону глаз не выклюнет», хищники принялись терзать с ожесточением мертвых и раненых сородичей своих, рвали их зубами и, не обращая внимания на людей, которые с удивлением взирали на мерзостную картину, жадно заглатывали огромные куски. Через несколько минут голод был утолен. Покидая место кровавого пиршества, звери, заботясь о дне завтрашнем, упорно, словно муравьи, волочили за собой наполовину обглоданные туши.

Путешественники снова были спасены!

Лось оказался на сто килограммов тяжелее, чем думал Жак. Когда сняли шкуру и освободили мясо от костей, то выяснилось, что еды для сорока собак, если каждой давать по полтора килограмма в день, хватит на пять суток.

ГЛАВА 17

Арктический город.— Ярмарка в Заполярье.— Русские и чукчи.— Предпраздничное оживление.— Чукчи-торговцы.— Таинственный незнакомец.— Огненная вода.— Обильное возлияние.— Закрывание ярмарки.— Конный отряд.— Ценитель спиртного.— Сквозь тундру.— Стойбище чукчей.— Северное сияние.— Новая встреча с томским исправником.

Расположенный в устье реки Колымы, Нижнеколымск — административный центр самого крупного в гу-

* В примечании к парижскому изданию данного романа Л. А. Буссенар, говоря о том, что столь быстрая стрельба — вещь вполне реальная, коль скоро речь идет об автоматическом оружии, ссылается на свой собственный опыт: в январе 1883 года, будучи в Марокко, он за две минуты уложил из карабина семь кабанов.

берний уезда если и не по числу жителей, то, во всяком случае, по занимаемой им территории, является русским аванпостом * на северо-востоке Сибири. Несмотря на свое значение, возросшее с организацией здесь поселения ссыльных, он представляет из себя всего-навсего убогий населенный пункт с чумами и ветхими домами, в которых теснятся полторы тысячи ссыльнокаторжных и триста или четыреста казаков, служащих в вооруженных силах России. Из этого злосчастного арктического города, столь же отличающегося от Якутска, как Якутск от Петербурга, и девять месяцев в году погребенного под снегом, отправляются во все концы, вплоть до Берингова пролива и Анадырской бухты, казаки, которым предписано собирать налоги с чукчей, юкагиров и коряков. Как ни бедны эти несчастные, которым жестокая природа с такой скаредностью отпускает средства к существованию, они обязаны ежегодно платить «белому царю, сыну солнца», подушную подать в размере восьми-деяти франков в год, чаще всего шкурками. Цифра как будто бы скромная, но она достаточно велика для тех, кто кормится только мороженой рыбой и олениной и по-настоящему голодает, когда весной уходит рыба, а осенью — стада диких оленей. И неудивительно, что они всячески стараются увернуться от выплаты тяжелого для них налога, и, для того чтобы взыскать его, казакам приходится немало потрудиться. И хотя закон и порядок одерживают в конце концов верх, но какой ценой! Павшие лошади, замерзшие в пути люди. Намного ли сумма подати превосходит расходы на сбор налогов? Однако об этом никто не думает: важен сам принцип.

И кто бы мог поверить, что в злосчастном, заброшенном краю, где стонут от отчаяния влачащие жалкое существование ссыльные или каторжане, в течение нескольких дней в году царит праздничное ликование? А между тем это именно так.

В первую неделю февраля в остроге Островном, что в двухстах пятидесяти километрах от Нижнеколымска, на одном из островов реки Анюй, открывается пользующаяся доброй славой богатая ярмарка, на которую съезжаются русские купцы и чукчи со всей Восточной Сибири и даже с Аляски, лежащей по ту сторону Берингова пролива и еще сравнительно недавно входившей в состав Русской Америки.

* Аванпост — передовой пост.

Само Островное, где проходит ярмарка, известная как Нижнеколымская,— небольшое селение. На одной из окраин его высится разрушенная часовня. Два-три десятка чумов теснятся вокруг острога — нескольких административных строений, обнесенных забором с одними воротами и смотровой башней над ними. Здесь живет исправник, в обязанности коего входит неукоснительное поддержание порядка, борьба с любыми правонарушениями и защита интересов купцов из Якутска в их торговле с кочевыми племенами. Кочевники покорно выполняют любые решения этой важной по местным масштабам персоны, хотя в распоряжении исправника — всего лишь тридцать казаков, вызываемых им по случаю ярмарки из Нижнеколымска.

В описываемый нами день в поселке Островном чувствовалось предпраздничное оживление, что и понятно: завтра, шестого февраля 1879 года, должно было состояться открытие ежегодной ярмарки. Русские купцы прибыли сюда с запада на санях, до отказа нагруженных товарами для обмена. В одни возки у них были впряжены олени, в другие — лошади, поскольку между Якутском и Нижнеколымском насчитывается довольно много почтовых станций, где можно сменить лошадей. Чукчи же проделали свой путь с северо-востока, из тундры и с гор, на оленьих или собачьих нартах.

Удивительно, сколь далеко и как долго приходится ехать начинающим купцам из чукчей — единственных торговых посредников между русскими и народами, населяющими северную часть Америки. Когда вскрываются реки и моря, эти отважные люди, забросившие ради довольно прибыльных коммерческих операций изнурительное занятие охотой с ее непредсказуемым результатом, плывут на байдарах * из оленьих или моржовых шкур с Восточного мыса через Берингов пролив, доставляя на Американский континент закупленные у русских железные и стеклянные изделия и табак и получая в обмен шкурки черно-бурой и рыжей лисицы, песка, куницы, выдры, бобра, волка, росомахи, а также добытые эскимосами клыки моржей. Возвратившись на родину, они добавляют к привезенным из Америки товарам китовые ребра, идущие на изготовление саней,

* Байдара — русское название открытой, обтянутой кожей промысловой лодки у приморских чукчей, коряков и эскимосов; отличается большой грузоподъемностью.

сумочки из моржовой кожи и изумительной красоты одежду из оленьих шкур и вместе с женами, детьми, оленьими стадами и собаками, не забыв прихватить с собой в сложенном виде чумы, отправляются наконец в Островное.

Чтобы обезопасить себя от голода, необходимо проявлять постоянную заботу об оленях, которых у чукчей не так уж мало, и поэтому кочевники выбирают такие пути, где встречается много ягеля, и, прежде чем решиться пересечь бесплодные пространства, нагружают на сани достаточное количество корма для этих животных. Поскольку едут они в Островное не по прямой, дорога отнимает у них довольно много времени, что, впрочем, их ничуть не смущает. После ярмарки они совершают тот же путь, но уже в обратном направлении, а на следующий год вновь возвращаются на великое торжище.

Эта подвижная кочевая жизнь как будто плохо согласуется с местным климатом, но для чукчей она привлекательна. Кочевники так любят движение, что, и раскинув лагерь, они ежедневно в разных направлениях бороздят ледяную степь, азартно охотясь и поддерживая себя в активной форме.

Но вернемся все же к ярмарке 1879 года, приготовления к которой уже закончились.

Поскольку в Островном на всех жилья не хватило, русские купцы — не менее сотни — разбили шатры из оленьих шкур или же устроились в своих кибитках. Чукчи же — по крайней мере человек пятьсот — расположились в стороне от них целым стойбищем.

Эти ярмарочные становища являют собой весьма живописное зрелище и с тех пор, как их описывал Матюшкин, один из сподвижников адмирала Врангеля, не претерпели никаких изменений. Особенно сильное впечатление стоянка чукчей производит ночью, когда мрак опускается на чумы, с которых наспех счистили снег, и взору предстает множество людей, собравшихся вдруг вместе на жалком клочке неприветливой земли, где встретить даже одного человека — событие незаурядное. Над традиционными жилищами кочевых народов поднимаются розоватые клубы дыма, уходящего к темно-синему небу, на котором мигают звезды. Гигантские костры ярко освещают не только самих чукчей, но и сидящих в санях русских купцов, закутанных в шубы. На горизонте капризно всплескивают красно-зеленые всполохи северного сияния и ниспадают на землю волшебным дождем из рубинов и изумрудов.

И все это — на богатом звуковом фоне.

Издали доносятся удары — то звонкие, то приглушенные, то быстрые, то замедленные: то бьют в бубен чукчи-шаманы. А рядом льется монотонная жалобная песня, ласкающая слух после резких перепадов древнейшего музыкального инструмента. Это сибиряк затянул меланхолическую, грустную песню, столь естественную для тех, кто живет под серым свинцовым небом и день за днем видит вокруг себя лишь безлюдную заснеженную пустыню. Не обращая внимания на мороз, который в это время года доходит до тридцати градусов ниже нуля, перекликаются сотни собак.

Что же непосредственно касается нашей ярмарки, то, как только занялся день, русские купцы и кочевники собрались у исправника в остроге и, заслушав правила ведения торговли, приступили к обсуждению вопроса о ценах на товары. После долгих пересудов было принято решение шестнадцать шкурок лисы и двадцать шкурок куницы приравнять по стоимости к двум пудам * табака. Исходя из этого, определили тарифы и на все остальные товары. Не откладывая дела в долгий ящик, купцы тут же уплатили торгово-промышленный сбор, вполне умеренный, поп начал службу, над острогом взвился флаг.

Затем купцы отправились каждый к своему месту, где громоздились в неописуемом беспорядке самые различные товары.

И одновременно на торговую площадь вступили скупленной группой чукчи — с копьями, луками и ружьями, которые, в общем-то, как правило, не стреляют, — и широким полукругом расположили там свои сани с товаром.

Покупатели, толпившиеся в ожидании удара колокола, возвещающего о начале торгов, нетерпеливо переминались с ноги на ногу, а то и приплясывали на морозе.

Примерно в это же время в многоликом, пестром людском скопище появилась некая преважная, судя по енотовой шубе, особа, внимательно присматривавшаяся к русским купцам. Ясно, что незнакомец не имел никакого отношения к торговой братии, ибо не было при нем ни саней, ни товара. Так кто же он в таком случае? Инспектор? Или еще какой-то чиновник? Но ответить на этот вопрос не смог бы никто: из-под длинной шубы форма не видна.

Купцы, подивившись неведь откуда взявшемуся странному субъекту, не являвшемуся, как они сразу поня-

* Пуд — мера веса, равна 16 килограммам.

ли, их конкурентом, встретили его градом шуток не особо изысканного вкуса. Но тот не обратил на шрапнель сомнительных острот никакого внимания и тем самым подтвердил догадку торговой публики, что он не из начальства, поскольку чиновники в России держатся весьма высокомерно. Впрочем, у купцов и так было достаточно забот, чтобы еще ломать голову над тем, откуда и кто таинственный посетитель ярмарки.

Раздался чистый, переливчатый звон. Это заговорил колокол. И тотчас столь же громко прозвучало мощное «ура». Толпа, состоявшая из покупателей и просто зевак и включавшая в себя мужчин и женщин, взрослых и детей,— сибиряки обычно приезжают сюда семьями,— устремилась, как бурный поток, к расположенным полукругом нартам, где поджидали своих клиентов чукчи, и к торговым рядам, оборудованным русскими купцами, представлявшими собою прелюбопытное зрелище: прикрепив к широким кушкам топоры, ножи, курительные трубки и пакеты табака, они держали над головой медные самовары и алюминиевые котлы и, зазывая покупателей, оглашали воздух громкими криками. Многие из них, не желая стоять терпеливо на месте, перебежали под перезвон медной посуды от одних саней к другим, настойчиво предлагая свой товар и превращая ярмарку в некий передвижной базар.

Многоголосый людской водоворот закружил незнакомца и поволок от саней к саням. И только вырвавшись из круговерти, он смог приступить к делу. Подходя поочередно то к одному чукче, то к другому, он тихо вопрошал их о чем-то, те же, стоя с бесстрастным, словно у выбитых в крепком льду барельефов, выражением лица, не удостоивали его вниманием.

«Чего он хочет от нас? — как бы говорили кочевники арктических пустынь своим молчанием.— У него нет ни металлических инструментов, ни стеклянных бус. Слушать его — только время терять».

Наконец таинственный посетитель ярмарки нашел магическую формулу. Наклонившись к одному из вождей племени, он произнес шепотом слова, явно заинтересовавшие того:

— Я дам тебе огненной воды.

— На самом деле?

— Да, приходи сегодня вечером в острог.

— Ладно, я принесу хорошие росомашьи и лисьи шкуры.

— Не надо, мне не нужны меха. Просто приходи, и ты получишь огненной воды и для себя, и для твоих домочадцев.

Хотя торговать водкой на ярмарке запрещено, в толпе сновали по-тихому и покупатели этого алкогольного напитка, и продавцы. Стоит же местному жителю выпить лишь стакан этой жидкости, которую чукчи называют образно «огненной водой», как он уже не может без нее обойтись и готов отдать за два литра водки, купленной в Якутске за несколько рублей, лисью шкуру, стоящую во сто крат больше.

Договорившись о встрече, незнакомец попытался пробиться сквозь толпу, теснившуюся плотной стеной возле саней, но ничего не вышло, и он остался стоять, где стоял, наблюдая за яростной торговлей в ожидании, когда появится какой-нибудь просвет.

Определив торговлю как яростную, мы не допустили ни малейшего преувеличения. Нередко можно было наблюдать, как купец, стараясь обогнать других, чтобы первым занять бойкое место, падал в снег, но шедших сзади не останавливало сие, и они, топча его ногами, продолжали устремленно бежать вперед. Несчастный же, уже без варежек и без шапки и к тому же в изодранной шубе,— и это при тридцатиградусном морозе! — встав на ноги, не отступал и как ни в чем не бывало резво пускался вослед своим конкурентам в надежде наверстать упущенное время, ибо здесь, как и в Америке, «время — деньги!».

Однако поведение чукчей, величественно-спокойных, резко контрастировало с беспорядочной суетностью русских. Неподвижные, молчаливые, они, опершись на гарпуны, равнодушно взирали на столпотворение возле их нарт и только кивком головы сообщали о своем согласии или несогласии на обмен.

Убедившись, что пробраться через мощный людской поток с энергично перемещавшимися туда-сюда покупателями и розничными торговцами невозможно, незнакомец обратился к чукче, которому только что посулил огненную воду, с просьбой пропустить его между двух саней, нагруженных шкурами. Оказавшись через две минуты вне толчеи, он бодро зашагал в сторону острога. Ну а там, попивая по-домашнему чай из большой кружки в одной из комнат, сей странный субъект удовлетворенно потирал руки, как человек, не потерявший времени даром.

С наступлением ночи количество сделок несколько сократилось, но и только: ярмарка продолжала шуметь.

Чукча, соблазненный водкой, постарался не опоздать на свидание со своим искусителем. Решительно войдя в ворота острога, он буквально наткнулся на незнакомца, который, несмотря на лютый мороз, уже минут пятнадцать поджидал своего гостя.

Таинственная беседа продолжалась довольно долго, не меньше часа. Впрочем, говорил, похоже, в основном незнакомец, чукча же больше слушал. Во всяком случае, направляясь потом из острога к своему чуму, представитель коренного населения выписывал такие кренделя, что ясно было: предательской жидкости изведal он вволю.

Что же касается загадочной личности, то по какой-то не известной никому причине — то ли любопытство ее было удовлетворено, то ли из-за боязни вновь оказаться в безумствующей толпе — она с тех пор сидела в своем остроге и носа наружу не казала. Поскольку на ярмарке странный человек был совсем недолго, его никто не запомнил: всем хватало других забот! Да и чукча, похоже, позабыв о неожиданном угощении, последующие восемь дней заботился только о том, чтобы повыгоднее реализовать свой товар.

Торжищем все были довольны. Содержимое нарт перекочевало в сани, и наоборот. До закрытия ярмарки оставалось несколько часов.

Купцы, торопясь добраться до своих торговых домов, чтобы поскорее отправить меха в Европу, уже готовились к отъезду на запад. Жители ледяной пустыни невозмутимо ожидали сигнала к окончанию ярмарки, чтобы также пуститься в путь.

Наконец флаг медленно пополз вниз, ударил колокол.

И тотчас, словно он давно уже ожидал этого сигнала, незнакомец, одетый, как и в первый день, в енотовую шубу, быстро вышел во двор острога. Отряд из двенадцати до зубов вооруженных казаков восседал на низкорослых лошадках, которые, несмотря на мороз, весело били копытом землю и, покусывая друг друга, радостно ржали. Довольный осмотром группы, странный субъект взобрался на коня, которого держал под уздцы один из солдат, и, привстав на стременах, коротко бросил:

— Вперед!

Казаки выехали из ворот попарно. За ними проследовали двое саней, груженных скорее всего провизией. В каждой упряжке было по три оленя.

Вместо того чтобы направиться в Нижнеколымск, откуда прибыли казаки для поддержания порядка в ярмарочные дни, конный отряд резко свернул налево и двинулся вдоль реки Анюй прямо на восток. Пустив лошадей рысцой, всадники вскоре догнали нарты, где сидел чукча, любитель огненной воды. При виде щедрого хозяина, с которым он познакомился на прошлой неделе, глаза коренного жителя зажглись от удовольствия.

— Кетам акаимимиль! * — попросил он безо всяких околичностей на своем гортанном языке.

— Как? Ина мигутши? **

— Этчигни! ***

— Подумай, кайта кхолгин ****, ты неразумно себя ведешь, — ответил незнакомец, видно, неплохо знавший язык чукчей. — Подожди, пока мы выедем на тракт.

Но чукча, упрямый, как все представители диких племен, да еще испытывавший мучительную жажду, не думал отступать. Пришлось откупорить бутылку водки. Выпивов-ха жадно припал к ней, к крайнему неудовольствию казаков, обиженных тем, что их обошли вниманием.

— Теперь послушай меня. Я дам тебе клик-кин ***** бутылок огненной воды, но только после того, как ты приведешь нас куда положено. А в пути ты будешь получать ее утром и вечером, но не чаще. Договорились?

— Э-э, тейнег арким *****.

— Ну а вы, — обратился незнакомец к казакам, — условия знаете. Двойная порция еды и водки, двойная плата, чай и табак — сколько душе угодно и плюс вознаграждение по возвращении. Впереди — более четырехсот верст. Мы обязаны пройти их за четыре дня.

Этот зловещий человек с резким голосом отдавал команды столь уверенным тоном, что никто не осмелился бы ему возразить. И он знал также, чем заинтересовать своих подчиненных в успехе предприятия. Водка, чай, табак да еще перспектива получить деньги — за такое солдаты согласились бы пересечь всю Сибирь, не слезая с коней.

С достойной восхищения скоростью преодолевали они

* Дай огненной воды! (Здесь и ниже транскрипция слов из чукотского языка и их перевод даются по парижскому изданию этого романа.)

** Уже пить?

*** Да, сейчас!

**** Братишка.

***** Двадцать.

***** Да-да, я согласен.

один отрезок пути за другим, хотя мысль о том, чтобы скитаться по суровому краю в такое время года, показалась бы безумной всем, кроме этих закаленных воинов.

Незнакомец подавал казакам личный пример стойкости и отваги. Словно не чувствуя ледяного ветра тундры, он следовал непосредственно за нартами чукчи, заботился о людях и лошадях, внимательно присматривался к неровностям почвы, следил, чтобы продукты питания распределялись между всеми участниками экспедиции поровну. Иначе говоря, был душой этой маленькой команды, внушая к себе уважение и дисциплинируя солдат.

Отряд быстро добрался до истоков Анюя, где горный хребет, распадаясь чуть севернее Полярного круга на два отрога, сворачивает к Анадырскому заливу.

К концу вторых суток всадники пересекли реку Бараниха и, разбив лагерь под скалой, развели, как и в предыдущую ночь, костер из топляка — затонувших при сплаве леса бревен, выброшенных затем на берег водоема и представляющих собой единственно доступный в тундре вид топлива.

На третий день казаки увидели реку Чаун, на восточном берегу которой и устроили привал.

На четвертый день, примерно в десять ночи, когда позади осталось еще пятнадцать километров, проводник прокричал хрипло:

— Останавливаемся! Впереди селение!

При слабом свете звезд есаул — а незнакомец был именно им — разглядел снежные конусовидные холмы, отстоявшие, словно гигантские снопы, на некотором расстоянии один от другого. Это и были, очевидно, чумы, где несчастные обитатели арктических земель переживают нескончаемую полярную ночь.

Внезапно мрак исчез, и традиционные жилища стали видны совсем ясно: произошло своеобразное природное явление, обычное в этих краях.

С двух сторон — на западе и востоке — обозначились неожиданно две светящиеся колонны. Прорезав небосвод строго по вертикали, они начали затем, будто под воздействием неведомой силы, клониться друг к другу и, соединившись вершинами, образовали над линией горизонта арку, которая тут же, как бы растворившись в воздухе, превратилась в пурпурный занавес, затрепетавший над землей. В районе расположения магнитного полюса взметнулся яркий всполох, окончательно рассеявший тьму. Все, что находилось на поверхности земли, приобрело четкие

очертания, в то время как звезды на небе, напротив, поблекли и, словно погружаясь в кроваво-красное зарево, стали исчезать одна за другой. Спустя мгновение на тундру обрушились сверху многоцветным, переливавшимся всеми цветами радуги каскадом подвижные, как при фейерверке, огоньки, сиявшие, подобно драгоценным камням при электрическом освещении. Казалось, что над всей планетой бушевало яростное пламя, достававшее языками своими до зенита * и низвергавшееся оттуда искрящимся дождем.

Казаки во главе со своим начальником, будучи людьми практичными, отнеслись к несравненной красоте этого феномена совершенно равнодушно: северное сияние имело для них смысл лишь в той мере, в какой позволяло рассмотреть получше все окрест.

Прямо напротив отряда возвышался огромный, наполовину заваленный снегом чум. Из отверстия в самом верху его валил густой дым с тошнотворным запахом подгоревшего масла. Узкая полоска оленьей шкуры, заменявшая дверь, была наполовину откинута.

Смутно различавшиеся в проеме две головы в толстых капюшонах при виде служилых отпрянули внутрь, и тотчас же кожаный полог плотно прикрыл вход в жилье.

— Тысяча проклятий! Казаки — и с ними бывший исправник из Томска! — произнес кто-то в чуме взволнованным и вместе с тем сдержанно-тихим голосом, так что снаружи услышать говорившего было нельзя.

ГЛАВА 18

Первая встреча Алексея Богданова с томским исправником. — Задержка в пути. — Болезнь Алексея. — У чукчей. — Внутреннее устройство арктического жилища. — Воспоминание о ночи в арестантском бараке. — В жафе и смраде. — Погоня. — Несгибаемая воля северных народов. — Борьба чукчей за независимость. — Бесценная свобода. — Поражение русских. — Блага цивилизации в глазах соседей полярного медведя. — План Шолема.

Постараемся, не впадая в многословные рассуждения, рассказать читателю по возможности покороче о том, как

* Зенит — здесь: наивысшая точка небесной сферы над головой наблюдателя.

Алексей Богданов сбежал из томской тюрьмы едва ли не за день до отправки его в рудники города Нерчинска в Забайкалье и добрался до Иркутска.

Подготовка к побегу длилась довольно долго, с того времени, когда он находился еще в Москве. Преданные друзья, убежденные в его невинности, раздобыли для него фальшивый паспорт на имя купца Федора Ловатина, хотя, учитывая суровые нравы русской полиции, и шли при этом на огромный риск.

В европейской части России и в Западной Сибири за этапниками следят очень строго, так что побег там практически невозможен, но во второй половине пути контроль за ссыльнокаторжными постепенно ослабевает: тяжелые климатические условия и необъятные пространства удерживают несчастных в составе арестантских партий надежнее любых охранников.

На это Алексей и рассчитывал. Ловко припрятав в подкладке одежды паспорт и деньги, он терпеливо ждал, когда окажется в Восточной Сибири, чтобы осуществить свой дерзкий замысел.

По прибытии колонны в Томск Алексея вызвали к возглавлявшему местную полицию исправнику, испытывавшему острую нужду в писаре, и поручили ему поработать в этом качестве в канцелярии до тех пор, пока его партию не поведут в Забайкалье.

Алексей сразу же решил воспользоваться представившимся ему счастливым случаем, чтобы бежать, пока его не заключили в один из страшных нерчинских рудников. В свои планы он посвятил проживавшего в городе ссыльного поляка, человека надежного, умевшего хранить тайну.

Работая в канцелярии, Алексей познакомился со своим сверстником, Николаем Битжинским, в недавнем прошлом студентом, который так же, как и он, страстно мечтал о свободе. Товарищ по несчастью, узнав о намерении Алексея бежать, тотчас же выразил желание присоединиться к нему. И вот однажды, вместо того чтобы вернуться на вечернюю переключку в тюрьму, они пробрались тайком в дом отважившегося помочь им поляка. Алексей немедленно сбрил огромную бородищу и, неузнаваемо изменившись, смело отправился на почтовую станцию, где нанял по предъявлении паспорта тройку с саниями, стремительно понесшими его в Иркутск. Федор Ловатин, торговец мехами, коим стал теперь Алексей Богданов, рассчитывал до-

браться до самой восточной точки Сибири и оттуда переправиться в Америку.

Николай же остался у поляка — по крайней мере на две недели, в течение которых Алексей должен был оказаться вне пределов досягаемости властей преследующих. Храбрый юноша решил после долгих раздумий устроиться на почтовую линию ямщиком, чтобы, не вызывая никаких подозрений, добраться до Иркутска, а затем, с помощью новых друзей, до Кяхты, откуда до Маймачена — первого города по ту сторону российско-монгольской границы — рукой подать.

Молодые люди ничуть не сомневались в успешном осуществлении своего плана, дерзкого и вместе с тем исключительно простого.

В это-то время и появились в Томске Жак Арно и Жюльен де Клене, приметами своими отдаленно напоминавшие беглецов. Впрочем, сходство или несходство — вещи весьма относительные, не поддающиеся точному толкованию, а посему и оценивающиеся в значительной мере сугубо субъективно. Для исправника, например, не находившего места от ярости и желавшего во что бы то ни стало разыскать беглецов, оказалось достаточно и приблизительного сходства с дерзкими преступниками людей, выдававших себя за французов, чтобы пуститься по ложному следу, столь трагически отразившемся на дальнейшей его судьбе.

Без труда добравшись до Иркутска, Федор Ловатин, как уже известно читателю, встретился с французами, пришедшими в восторг от того, что их попутчиком будет человек, отлично знающий и их язык, и их страну. Ну а далее — ледовый лагерь в русле реки Хандыги, встреча с пониженным в должности исправником, бой за свою свободу, гонка по снежной пустыне, миниатюрные деревца и нападение волков.

Нелегкое путешествие, изобиловавшее неожиданными приключениями, оказалось не в состоянии сломить волю друзей: они по-прежнему были здоровы, энергичны и прекрасно себя чувствовали, хотя и испытывали некоторую усталость и ощущали отсутствие комфорта. Радуюсь числу преодоленных ими километров, смельчаки уже представляли себе, как вот-вот их взору откроется подернутый дымкой тумана затянутый льдом Берингов пролив, за которым они смогут наконец считать себя вне опасности.

Подстреленный Жюльеном лось пришелся весьма кстати: якуты щедро кормили собак, и умные животные стой-

ко переносили тяжелые перегрузки — длинные перегоны и быстрый темп езды.

Беглецы еще раз пересекли Полярный круг и переправились через Бараниху и Чаун. Зловещая тундра кончалась.

Каких-то пятьсот двадцать пять километров — и они у самой восточной точки Азии! Однако свалившаяся внезапно на них беда, по сравнению с которой все предшествовавшие невзгоды выглядели пустяком, надолго — увы! — задержала их продвижение к этому заветному месту, где сто семьдесят шестой меридиан пересекается шестьдесят седьмой северной параллелью.

Алексея, чувствовавшего уже два дня легкое недомогание и потерявшего аппетит, с утра начало знобить, поднялась температура. Он весь день пытался бороться с хворью, поглощая стакан за стаканом чай с подмешанной к напитку водкой, но тщетно. После очередной ночи, проведенной в снегу, жар резко усилился, и его охватила такая слабость, что он уже не мог сидеть в санях. Серьезные симптомы — затрудненное дыхание, мучительные боли в боку — приводили друзей в отчаяние. Продолжать путешествие было нельзя, хотя мужественный юноша, готовый пожертвовать собою ради друзей, уговаривал своих спутников оставить его и продолжить дорогу одним.

К счастью, вскоре им попало большое чукотское стойбище.

Что бы ни говорили и ни писали о чукчах, народ этот отличается редкостным гостеприимством. Твердо придерживаясь заветов далеких предков, жители суровой полярной зоны при всей их бедности, вошедшей в поговорку, никогда не забывают о своем долге помогать ближнему, и забредшие в сей край могут рассчитывать на их поддержку.

Вот и на этот раз, заслышав лай чужих собак, навстречу нашим друзьям вышли несколько чукчей. Не выказав при виде незнакомцев ни удивления, ни страха, они засуетились возле Алексея и сказали Шолему, знавшему и язык и обычаи жителей полуострова* и попросившему их приютить у себя путников, что больного следует поскорее внести в дом.

Тотчас, воспользовавшись приглашением, Шолем без стеснения откинул оленью шкуру, закрывавшую вход в жилище, и направился прямо во внутреннее помещение,

* Имеется в виду Чукотский полуостров.

выгороженное в центре чума. Жюльен и Жак, неся на руках своего друга, шли за ним следом.

При строительстве своих обиталищ чукчи проявляют прямо-таки чудеса изобретательности, и хотя материалы, из которых сооружается традиционное жилье — сплавной лес, идущий на каркас, и китовые ребра, используемые на стропила, — предельно просты, в чуме легко переносятся самые лютые арктические холода. Эти примитивные на первый взгляд дома, покрытые тюленьими шкурами, поверх которых уложены куски дерна, невидимые зимой из-за снега, состоят из двух конусовидных помещений — одно в другом. Центральное, крепко обтянутое снаружи теплыми оленьими шкурами и отделенное от внешней стены полуметровым слоем воздуха, служит семье общей спальней. Из-за круглосуточно горящих ламп на тюленьем жиру внутри всегда жарко, как в бане, так что, даже раздевшись, простуды не схватишь. Чтобы придать строению устойчивость, на самом верху кладется на сходящиеся там стропила из китовых ребер тяжелый камень, венчающий северное жилище наподобие люстр в наших комнатах. Внизу, на толстую подстилку из мха и веток, кидаются моржовые шкуры, спать на которых одно удовольствие. И если бы не душлимая жара — от светильников и скученности людей — и не пронизывающий буквально все запах протухшей рыбы, чум можно было бы смело назвать верхом совершенства.

Впрочем, справедливости ради заметим, что мы упустили одну важную деталь, без которой представленная выше картина не отличается полнотой: несчастные чукчи имеют привычку там же, внутри помещения, справлять свои естественные нужды *. И поэтому неудивительно, что стоило только Жаку с Жюльеном переступить порог гостеприимной, но зловонной хибары, как к горлу их моментально подступила тошнота, вызвавшая в памяти ужасную ночь в арестантском бараке. С трудом сдерживая рвотные позывы, французы осторожно положили своего друга на постель из мягких, теплых шкур, приготовленную заботливыми хозяевами.

Бывают случаи, когда пословица «Нет худа без добра» себя оправдывает. Стоявшая, как в парилке, жара, нестерпимая для здоровых людей, только что наслаждавшихся

* Отмечая этот факт, Л. А. Буссенар ссылается в примечании к парижскому изданию своего романа на книгу Норденшельда «Путешествие на «Вега».

свежим воздухом, оказала благотворное воздействие на организм Алексея. Здесь, в надежном укрытии от ледяного дыхания снежной пустыни, тепло расслабляло, и, так как кашель, разрывавший грудь, прекратился, больной уснул.

Не веря такому счастью, французы, немного успокоившись и быстро разобравшись в строении чума, попросили у хозяев разрешения расположиться во внешнем «отсеке», отделявшем центральное помещение от наружной стены, что позволило бы им избавиться от духоты. Чукчи, не усмотрев в этой просьбе ничего, кроме скромности, были чрезвычайно признательны за это гостям.

Вездесущий Шолем не теряя времени зажег лампу, устроил постель и разложил съестные припасы.

Обитатели дома при всей их внешней невозмутимости были заинтригованы появлением незнакомцев. Один за другим выходили они из центрального помещения — спальни и, устраиваясь поближе, устремляли на странников внимательный взгляд бесхитростных и добрых глаз.

Первыми появились мужчины: насытившись мороженой тюлениной, они, опираясь спинами о внутреннюю перегородку, стояли теперь с дымившимися трубками во рту. Вслед за ними выскочили полуголые дети. Женщины, более стеснительные, занимались между тем хозяйством: чинили сети из полос моржовой кожи, разминали оленьи шкуры, подливали жир в примитивные светильники — выдолбленные в камне углубления, соскребали с китовых ребер остатки мяса и что-то шили.

Беседа между чукчами и их гостями-французами шла с помощью жестов, подчас неверно толкуемых: к сожалению, занятый делами Шолем не мог выполнять обязанности переводчика, Алексей же отдался целительному сну. И все-таки общение было сердечным. Уходя спать, чукчи тепло попрощались за руку с новыми знакомыми.

На следующее утро больному, вспотевшему ночью так, будто он побывал в парной бане, явно полегчало, и, хотя Алексей ощущал еще крайнюю слабость, удушье уже прошло и боль в боку притихла.

— Меня беспокоит не столько мое состояние, милые мои, сколько страх,— говорил он тихим голосом друзьям-французам, присевшим возле него.— С воспалением легких я справлюсь...

— Вы простудились, когда ныряли за нами в ледяную воду Хандыги,— заметил прочувствованно Жюльен.

— Прошу вас, не преувеличивайте ни серьезности

моего заболевания, ни ту помощь, которую смог я вам оказать.

— Вы так добры! Но мы все-таки имеем слабость держаться за наши жизни, ибо других взамен нам не найти, и поэтому помощь ваша была для нас бесценной.

— Я о другом... Вы не должны считать себя чем-то мне обязанными и ждать тут моего выздоровления. Вам надо как можно скорее добраться до пролива. И я умоляю вас: идите! Возле меня останется Шодем, и, если обстоятельства сложатся благоприятно, я, возможно, еще догоню вас.

— Ну так вот, запомните раз и навсегда: даже если нам придется провести здесь всю зиму, даже если в погоню за нами пустятся исправники со всей Сибири и во главе с войсками, собранными в обеих — европейской и азиатской — частях России, и если даже нам будет грозить отправка в рудники, где добывают ртуть или окись меди, мы все равно останемся с вами! И вы только огорчите нас, настаивая на своем: мы решим, что вы о нас дурно думаете и считаете в душе, что мы — трусы, способные предать своего друга.

— Спасибо, дорогие мои! — растроганно прошептал Алексей. — Вы отлично знаете, что слова мои продиктованы исключительно заботой о вас. Мне так хочется, чтобы вы обрели свободу! Ради этого я даже готов расстаться с вами!

— Мы никуда отсюда не уйдем, — ответил Жюльен, — и не надо больше об этом. Правильно, Жак?

— Ваши аргументы, дорогой мой Алексей, как и упражнения в диалектике, лишены какого бы то ни было смысла и не выдерживают критики, а посему их не стоит и обсуждать. Мы остаемся с вами, что бы ни случилось, — решительно заявил тот.

— В таком случае буду лишь уповать на судьбу, чтобы верность нашей дружбе не погубила вас.

Такое пожелание было весьма кстати, потому что дурные предчувствия, терзавшие Алексея, скоро начали сбываться.

Есаул и четверо казаков, которых после позорной для них молниеносной схватки оставили связанными в чуме, были спустя несколько часов освобождены своими товарищами и вернулись в острог. Бывший исправник, не уgomинившись, снарядил в погоню за беглецами целую экспедицию: северяне — народ мстительный!

Не сообразив, что беглецы могли, свернув с тракта, ехать чистым полем, есаул предполагал, что они, значи-

тельно опередив преследователей, будут спокойно, не опасаясь никого, останавливаться на почтовых станциях по пути к Нижнеколымску: поскольку их противник не обладал техническими возможностями связаться быстро с властями этого города, путешественникам нечего было бояться, что их схватят.

Прибыв на первую станцию, служилый огорчился: беглецов никто не видел. И тем не менее он продолжал гнаться за ними по почтовому тракту — и в таком бешеном темпе, что прибыл со своими солдатами в Нижнеколымск за несколько часов до открытия ярмарки. Оступившийся начальник уездной полиции решил обойти торжище, чтобы приглядеться на всякий случай к русским купцам и поспрашивать чукчей, не встречали ли они разыскиваемых им людей: было маловероятно, чтобы троем друзьям удалось проскользнуть незамеченными съехавшимися на ярмарку со всех концов кочевниками. И он не ошибся. Как известно из предыдущей главы, посулив щедрую порцию огненной воды, есаул развязал одному из торговцев язык, а тот, как оказалось, останавливался по дороге в Островное в стойбище, приютившем больного Алексея. Есаулу не терпелось немедленно отправиться туда, но чукча с привычным для его народа упрямством отказался уехать из села до окончания торгов. И тому пришлось, скрепя сердце, прождать целую неделю, находя утешение лишь в сообщении о болезни одного из беглецов: офицер был уверен, что спутники не бросят захворавшего товарища, и так как из-за сурового климата выздоровление в этих местах обычно затягивается, он надеялся, что успеет арестовать всю троицу.

Как только ярмарка закрылась, бывший исправник отправился с казаками в путь. Памятуя об обещанном ему невероятно щедром вознаграждении, проводник, ехавший впереди, ревностно выполнял свои обязанности. Отряд прибыл в стойбище за какой-то миг до того, как северное сияние ярко расцветило небосвод. И вовремя: поскольку Алексей почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы двинуться в дорогу, друзья на следующее утро собирались уже выезжать.

Выглянув из чума, чтобы полюбоваться сказочно прекрасным природным феноменом, Жак и Жюльен заметили впереди есаула и, сразу же узнав его, испытали своего рода потрясение. Тут же, с чисто французской горячностью, они решили напасть на своего злейшего врага, прежде чем тот отдаст приказ открыть огонь. Однако замысел

этот был практически неосуществим: оружие и снаряжение вместе с мехами и провизией покоились в упакованном виде в санях, закрытых в сарае, в пятидесяти метрах от чума.

Неожиданное появление солдат, ржание коней и лай собак всполошили все селение. Распахивались одна за другой заменявшие двери шкуры, кто-то испуганно высовывался наружу, потом исчезал, и убогие жилища оглашались тревожными воплями.

Есаул, прекрасно зная, что ночью чукчи не пустят его в чум, умело расположил казаков, с тем чтобы местность хорошо просматривалась и никто не смог бы ускользнуть незаметно из стойбища.

Солдаты увидели при свете северного сияния сараи или, точнее, навесы, защищенные от ветра крепкой бревенчатой стеной только с одной, северной, стороны: туда обычно ставят сани и там же проводят ночь собаки и олени. Отведя в укрытие лошадей, они соорудили из приготовленного на корм оленям ягеля подстилку, чтобы подремать до утра «по-жандармски» — одним глазом.

Тем временем путешественники металась в ярости в своем уголке, как львы в клетке, и предлагали проекты один другого фантастичнее. Шолем, неподвижный, как ледяная глыба, молча предавался размышлениям. Замечания, которыми обменялись его хозяева, напуганные внезапным появлением казаков, подсказали якуту смелую мысль, и на хитром лице проводника мелькнуло подобие удовлетворенной улыбки. Находчивому охотнику пришло в голову устроить знатную заваруху между чукчами и служилым людом, исход которой был, пожалуй, заранее предрешен, поскольку первобытные племена отличаются бесстрашием и презрением к смерти. Ну и туго же придется преследователям!

Отметим в связи с этим, что коренные жители полуострова Беринга * издавна известны своей воинственностью, и русским не раз приходилось убеждаться на собственном горьком опыте, что если и можно порой одержать над чукчами верх, то поработить их нельзя.

Судите сами. Первая запечатленная хроникой встреча русских с чукчами произошла в 1701 году. В результате внезапного нападения чукчи были разбиты, оставшиеся в живых — взяты в плен. Но, предпочтя смерть потере свободы, они, так и не покинув родную их сердцу ледяную

* Так Л. А. Буссенар называет Чукотский полуостров.

пустыню, перерезали друг другу горло. Однако победители недолго торжествовали: через три дня, объединившись, кочевники стремительно налетели на противника и полностью разгромили его.

Плачевно для русских закончилась и экспедиция 1711 года. В 1730 году полковник Афанасий Шестаков, потеряв в бою с чукчами чуть ли не все войско, был вынужден отступить. Когда же несколько месяцев спустя он задумал взять реванш, то пал в отчаянной схватке с туземцами, а его отряд был буквально растерзан. Только в 1731 году удалось капитану Дмитрию Павловскому отомстить за серию поражений и с триумфом войти в селение, стоявшее на месте нынешнего города Анадырь. Но и проиграв битву, коренные жители отказались подчиниться завоевателям и платить им подать. Однако экспедиции против них с той поры уже не снаряжались: хотя русские, как известно, отличаются огромным упорством, им пришлось сдаться перед нестигаемым мужеством обитателей тундры. Победы, одержанные сынами Крайнего Севера над регулярной армией, их свободолюбие, презрение к смерти так поразили русских, что на картах прошлого и начала этого века населенный чукчами полуостров окрашивался в отличный от остальных областей Сибири цвет, и название его сопровождалось выразительным по своему лаконизму пояснением: «*Tiukschi, natio ferocissima et bellicosa, Russorum inimica gui capti se invicem interficiunt*»*.

Со временем, впрочем, русские сумели постепенно добиться мирными средствами того, чего не смогли достичь при помощи оружия. И теперь чукчи, как правило, платят налог, но делают это крайне неохотно, заставляя сборщиков податей, которым строжайше запрещено использовать при взимании недоимок силу, изрядно поскакать по тундре в поисках злостных неплательщиков.

Весьма любопытны аргументы, которые приводят чиновники, пытающиеся выполнить свой служебный долг, в беседах с чукчами.

Эти первобытные люди никак не могут взять в толк, по какому праву человек, которого они никогда не видели и зовут «белым царем, сыном солнца», забирает у них каждый год лучшие меха. Он что, этот сын солнца, мерзнет? Быстро снашивает одежду? Или сам не охотится на тюленя, песка, белого медведя?

* «Чукчи — народ воинственный, дикий и враждебный русским. Взятые в плен, они перерезают друг другу горло» (лат.).

Тщетно чиновник убеждает их, что, заплатив налог, они могут считать себя подданными его величества царя: его оппоненты * абсолютно равнодушны к подобной чести.

— Но царь — отец своим подданным! — прибегает чиновник к последнему доводу.

— Ну и что? — отвечает с изумительной наивностью чукча, собрат белого медведя. — У меня есть отец, он не требует от меня шкур. Напротив, он давал мне их, когда я был маленьким и не мог еще добывать их сам. Если царь и в самом деле наш отец, то он должен не отнимать, а, наоборот, давать нам шкурки...

Добрые дикари никак не в силах оценить блага цивилизации!

Шолем все это знал. Как и то, что подушная подать была уже собрана с месяц назад, причем с большим трудом. И решил, воспользовавшись этой ситуацией, сообщить чукчам, будто казаки намерены вторично взыскать налог. Тогда обитатели окажут чужакам соответствующий прием и наверняка не впустят их в свои чумы. Если же переговоры между противными сторонами затянутся хотя бы на день, путешественникам, возможно, и удастся выбраться из западни.

ГЛАВА 19

Казачья борода. — Изменение в плане. — Славные выпивохи. — Бездонный бочонок. — Выстрел. — Встревоженные чукчи. — Щедрость есаула. — Пьяные казаки. — Олени. — Пятьсот километров до Восточного мыса. — Без оружия и продуктов. — Туземная снедь. — Непривычная тюленина. — «Вега».

Шолем, не делясь своим планом с путешественниками, решил пройти по всем чумам, настраивая чукчей против казаков. Сказав друзьям, чтобы они были готовы к самым неожиданным вещам, он по-кошачьи тихо, так что даже снег не скрипнул под ногами, выскользнул из чума. И тут ему пришло в голову проверить сначала, не захватил ли неприятель их сани, и, если представится возможность, достать оттуда оружие, что могло бы значительно улучшить положение осажденных.

Войдя в погруженный в крошечную тьму сарай, якут

* Оппонент — здесь: противник в споре.

начал ощупью искать нарты. Внезапно раздалось рычание, словно он разбудил медведя, и Шодем понял с опозданием, что у него под рукой не мех, а борода спавшего казака. Солдат крепко схватил проводника и собрался было позвать на помощь, как тот, не теряя самообладания, решил на предерзостную хитрость. Не пытаясь вырваться, он шепнул на ухо служилому:

— Водка!

Слово это оказалось волшебным: казака, как известно, всегда мучает жажда.

— У тебя есть водка?! — радостно спросил дуралей, предвкушая неожиданный пир. — Давай же! Давай скорее!

— Подожди, огненная вода в нартах.

— И много?

— Э-э, много, — ответил Шодем, искусно подражая интонации чукчи, которому не терпится пригубить вожделенный напиток, — бутылей сто...

Казаки пришли в восторг.

А якут, подобно опытному дипломату, решил сейчас же внести изменение в свой план.

Раздвинуть сумки и тюки, расположение которых в нартах было ему прекрасно знакомо, и достать сорокалитровый бочонок было для него минутным делом. Солдат, поведя руками по емкости, остался доволен ее размером. Затем, нащупав деревянный краник, присел на корточки и с невероятной жадностью начал ловить ртом жгучую струю. Пил он долго, самозабвенно, и объятия его, в которые был заключен драгоценный сосуд, становились все более нежными. Наконец, поцелкав языком, казак похвалил проводника:

— Ты славный человек! Давай, теперь твоя очередь!

Шодем притворился, будто пьет: выпивка не входила в его план, в другое время он был бы ей рад.

В груди у казаков, несмотря на их внешнюю грубость, бьется доброе сердце. Они делятся всем, что имеют, и всегда приглашают своих товарищей угоститься тем, что послал им случай. Новый друг Шодема не был исключением из правила и посему поспешил разбудить двух сослуживцев, спавших рядом с ним среди оленей. Когда каждый из них приложился к заветному кранику по нескольку раз — и все в абсолютной тишине, один из казаков напомнил, что и другие солдаты были бы тоже не прочь припасть к сему феноменальному источнику, и взялся немедленно их разбудить и привести сюда, но так, чтобы этого не знал командир.

Минут через пятнадцать по снежному ковру осторожно заскользили темные тени, незаметно прокрадываясь к сараю, из которого призывно несло спиртным, да так сильно, что страждущие издали глотали слюнки в предвкушении обильного возлияния.

Вскоре под навесом собрался весь отряд — кроме, разумеется, командира: измученный пятью днями погони, он, укрывшись шкурами, крепко спал.

Казаки отнеслись к неожиданному празднеству серьезно. Пили методично, по очереди, энергично впитывая в себя, словно губка, алкоголь. Каждый отсасывал из крана столько, сколько позволяло его дыхание. Жажда никак не проходила, но и бочонок казался бездонным. Сменяя друг друга у краника, выпивохи всею душою наслаждались божественным даром.

Результат подобной неумности не заставил себя долго ждать. Упившись до умопомрачения, кутили уже плохо держались на ногах, глаза их закрывались. И, как люди закаленные, с большим практическим опытом, они спешно соорудили себе из мха и лишайника ложе, чтобы если и свалиться, так на эту подстилку, а не в снег. Но от бочонка не отстали — его сосали до тех пор, пока в нем не осталось ни единой капли.

К тому времени уже ни один из гуляк лыка не вязал. Силы разом оставили их. Повалившись друг на друга, словно карточные валеты, они, уже засыпая, немного потолкались, устраиваясь поудобнее, и вскоре из этой живописной кучи раздался мощный храп, который не смогла бы заглушить и дюжина контрабасов.

Шолем, терпеливо ждавший этого момента, направился не теряя ни минуты к своим соплеменникам, якутам-каюрам, разбудил их и велел отпустить собак, запрячь по три оленя в каждые сани и тихо подъехать к чуму. Ему хотелось бы еще обойти все сараи, где стояли олени чукчей и казацкие лошади, чтобы отвязать животных, но времени на это уже не было.

Когда трое друзей, в течение двух часов изнывавших от волнения и неизвестности, дождались наконец своего проводника, пробил уже час ночи.

— Хозяин, — сразу обратился Шолем к Алексею, — ты готов?

— К чему?

— Выезжать.

— Когда?

— Немедленно.

- А сани?
- Уже запряжены.
- А казаки?

Якут рассмеялся сдержанным, таинственным смехом Кожаного Чулка из произведений Фенимора Купера *.

— Мертвы,— кратко произнес он.

— Ты что, задушил их? Несчастные!

— Нет, хозяин. Их сгубила твоя водка. Они проснутся лишь завтра, когда мы будем уже далеко. А теперь — пора! — решительно закончил он и, отбросив шкуру, служившую дверью, выскочил из чума.

Каюры не теряли времени даром: нарты стояли у входа, олени готовы были хоть сейчас пуститься в путь.

Когда путешественники пошли занимать свои обычные места, Алексей увидел вдруг с удивлением, что это не его сани. Но только сообщил он об этом Шолему, как в ночной тьме раздались крики:

— Стой!.. Стой!.. Огонь!

Проводник, вынесший на всякий случай из чума охапку шкур, швырнул ее в нарты и спешно вскочил в них сам. Жак, Жюльен и Алексей последовали его примеру, и санный поезд рванул в снежную мглу. Блеснул огонь, послышался выстрел, совсем рядом просвистела пуля.

Есаул, хотя и не предполагал подобного поворота событий, выведшего казаков из строя, бдительности, как всегда, не терял. Вздремнув немного, он отправился в ночной обход — проверить, все ли его приказы выполнены и что поделявают самые лучшие, по словам губернатора Нижнеколымска, солдаты, а заодно и встряхнуться. И нетрудно себе представить охватившую офицера ярость, когда он обнаружил, что посты брошены, а горе-вояки, мертвецки пьяные, валялись, словно свиньи, возле пустого бочонка. От разудалых гуляк так разило перегаром, что не оставалось никаких сомнений, из-под чего была эта посудина. Охваченный безумным гневом, командир обрушил на незадачливых подчиненных удары, пинал размякшие тела, но из катаплетического сна так никого и не вырвал. И только подумал он было, а не сознательно ли подстроено сей ка-

* Купер Джеймс Фенимор (1789 — 1851) — американский писатель, автор цикла романов о героических и трагических событиях во время колонизации Северной Америки. Кожаный Чулок — индеец, герой пяти произведений Ф. Купера, среди которых — «Пионеры» (1823) и «Последний из могикан» (1826).

вардак, как разглядел вдали при свете звезд группу людей, стоявших возле чума.

«Мои казаков напоили! — понял служилый. — Это могли сделать только приезжие: у здешних водки нет!»

Кинувшись к чуму, есаул, узнав беглецов, взвел курок револьвера и выстрелил, никого, к счастью, не задев.

Но чукчи проснулись. Несколько человек выскочили на улицу с копьями наперевес.

«Ладно, — взял себя в руки офицер, — не хватает только, чтобы эти дикари набросились на меня! Слава Богу, у нас есть чем их умаслить!» И, обращаясь к чукчам, закричал:

— Дети мои, послушайте...

Догадываясь, какие опасения могли возникнуть у местных жителей с приходом солдат, он решил объяснить им, что явились казаки сюда не за податью, а, напротив, с дарами, среди коих — огненная вода и даже деньги. Чтобы они сами убедились в правдивости его слов, есаул подбежал к одним из сопровождавших его отряд саням, вытащил какие-то безделушки, явно заинтересовавшие хозяев, откупорил бутылку водки и вынул из кармана горсть медных монет, из которых здесь любят делать украшения и амулеты.

— Это все ваше, дети мои! Подарки от белого царя, сына солнца!

Чукчи не верили ни ушам своим, ни глазам: неожиданная щедрость этого загадочного человека явно привела их в замешательство.

— Да-да, все это вам, но при одном условии. Вы немедленно — слышите, немедленно! — должны приготовить мне шесть нарт с оленями и отправиться вместе со мной.

Чукчей собиралось все больше. Обсуждали сказанное русским начальником, взвешивали его обещания и выдвинутые им условия. И при этом никакой нервной. Прямота, с какой казак обратился к ним, и предложенные подарки расположили чукчей в его пользу.

Бывший исправник сообщил обитателям чумов, что они приютили у себя очень опасных, совершивших немало злодеяний людей, и что преступников надо догнать, дабы подвергнуть их заслуженному наказанию. Это обращение рассеяло последние сомнения, тем более что внезапный отъезд путешественников в известной мере подтверждал правоту этого человека.

Чтобы окончательно склонить чукчей на свою сторону,

офицер не мешкая начал распределять подарки — в виде своего рода задатка — и добился обещания, что сани быстро тронутся в путь.

Обычно чукчи медлительны в принятии решений, но, если что-нибудь задумали, ничто их не остановит — ни холод, ни голод, ни расстояния, ни усталость: они все преодолеют ради достижения цели. Есаул так преуспел в переговорах с чукчами, что два часа спустя после поспешного бегства преследуемой троицы шесть нарт с тремя оленями в каждых уже стояли у сарая, послужившего опочивальней для в стельку пьяных солдат.

— Ну а теперь пора и за голубчиков моих приниматься! — пробормотал командир себе в усы. — Пробуждение у этих обожравшихся свиней будет не столь приятным, как сон!

По его знаку чукчи осторожно поднимали казаков, завернули в меха и уложили их, негнувшихся, как поленья, в нарты.

«Ну и отлично! — подумалось есаулу. — У варнаков — только два часа форы. Не позже чем через сутки я нагоню их. Конечно, они попытаются сопротивляться. Ну что ж, бой так бой! Тем лучше! Солдаты-пьянчуги будут драться с превеликим усердием, чтобы хоть как-то искупить свою вину!.. Итак, в дорогу!»

Нарты с беглецами вот уже третий час неслись со скоростью метеорита, как вдруг олени, не подававшие никаких признаков усталости, резко остановились, хотя команды такой никто не давал. Для Алексея в этом не было ничего неожиданного, но французы, впервые ехавшие в оленьих нартах, удивились.

— Что случилось? — спросил Жюльен.

— Обычное дело! — ответил русский. — Олени способны выжимать в течение нескольких дней предельную скорость, но при том условии, что регулярно, через определенные промежутки времени, будут останавливаться, чтобы поесть. Больше трех часов подряд они не бегут. Сделав сами себе передышку, они вырывают из-под снега мох или ягель. Чтобы отдохнуть и подкрепиться, животным достаточно часа, после чего они тянут сани еще три часа.

— А нельзя ли заставить их пропустить хотя бы одну остановку?

— Это невозможно: если пришло время подкормиться, то — хоть убей — с места они не сдвинутся. Впрочем, не волнуйтесь. Эти замечательные создания

еще выносливее собак и, как правило, восемнадцать часов из двадцати четырех находятся в пути. Вы устанете быстрее, чем они.

— Благодаря находчивости Шолема нам удалось удрать от исправника, но опасность снова встретиться с ним по-прежнему велика. Интересно, где мы сейчас? И через сколько времени достигнем Берингова пролива?

— Если подсчеты верны, стойбище, которое мы покинули, расположено в пятистах пятидесяти километрах от Восточного мыса.

— Черт возьми, это так далеко!

— Но олени — надежные помощники. Если считать, что они бегут со средней скоростью четырнадцать километров в час, то мы преодолеем это расстояние за сорок шесть часов, включая время на остановки.

— Нестись быстрой рысью два дня и две ночи, да еще когда есаул следует по пятам, а ты не имеешь возможности подпалить ему усы,— довольно противно!

— Не преувеличивайте его возможностей. Ведь у нас, учитывая состояние, в каком оставил Шолем служилый люд, несколько часов форы. Но если даже и предположить, что отряд быстро отправится в погоню, ему все равно придется следовать за нами на оленях и, значит, и останавливаться время от времени ровно на столько, на сколько делаем это и мы.

— А нельзя ли ехать быстрее, а не по четырнадцать километров в час?

— Можно, но тогда наши олени выдохнутся на полдороге.

— Да, кстати, наше оружие, провизия... Я вспомнил, что в момент отъезда вы воскликнули, что это не наши сани.

— Так оно и есть. То ли каюры не поняли Шолема, то ли они не нашли наши нарты, но, так или иначе, вместо них они запрягли другие.

— Выходит, все наше снаряжение...

— Осталось в деревне. Шолем только что проверил наши припасы. Их немного. Нет ни чая, ни сахара, ни консервов, ни водки, ни печенья.

— Скоро начнем голодать?

— Ну не совсем. В моих саях сорок килограммов тюленьего мяса и несколько мешков снадобья, которое

чукчи едят вместо хлеба *. Так что не пропадем! Хотя, конечно, мороженная тюленина не столь аппетитна, как барашек.

— И наши карабины остались там.

— Увы, из оружия у нас только револьверы... Но хватит об этом, в дорогу, друзья! Олени уже позавтракали, так что не будем терять времени. Позднее, когда и мы захотим есть, отведаем мяса.

Животные понесли еще быстрее, чем раньше. Подкрепив свои силы и к тому же довольно легко нагруженные, они весело бежали, подбадриваемые возгласами каюров, которые, как и русские ямщики, дают оленям ласковые птичьи имена, только на свой, суровый манер.

Несмотря на неплохую скорость передвижения, часы для путешественников тянулись удручающе медленно. Особенно тяготило одиночество общительных французов: Жюльен и Жак ехали теперь каждый отдельно, только с каюром-жутом, и не могли ни с кем даже словом перемолвиться.

Прошло уже двадцать шесть часов пути, но олени не только не замедляли бег, но, наоборот, вроде бы ускоряли его.

Не будем останавливаться на трудностях, которые приходилось переносить нашим друзьям в течение этого времени. Тут и пощипывание мороза, и затекшие ноги, которые надо было разминать пробежкой, и непривычные для европейцев кусочки мороженной тюленины, соскальзывавшие в пищевод, по образному выражению Жака, как обжаренные на снегу ледышки. Впрочем, в силу обстоятельств, желудку пришлось все же умерить свои претензии и довольствоваться тем, что ему давали.

Беглецы даже не заметили, как пересекли последние реки Азиатского континента — Амгуэму и Нутепсим, замершие под снежным саваном. По их расчетам, они находились неподалеку от Колючинской губы, чуть южнее того места, где этот залив пересекает Полярный круг.

К несчастью, вот уже несколько часов, как тундру укутал густой туман, и Шодем не видел больше вехи, которые расставляют чукчи, размечая дорогу. И тогда на по-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар счел нужным заметить: «Долгое время считалось, что чукчи питаются только мясом и рыбой. Но это не совсем так, растительная пища тоже входит в их рацион. Они рвут молодые побеги и листья растения, известного как родиола, и набивают их в мешок из тюленьей кожи. За лето эта зелень провяливается, а с наступлением холодов замерзает, образуя плотный шар. Чукчи режут полученный продукт на куски и едят их с мясом вместо хлеба. А иногда они готовят из этой снеди суп — одно из излюбленных у них блюд».

мощь развитой у сына природы интуиции пришел компас.

Время от времени раздавался звонкий треск, словно пушки стреляли в тумане.

Жюльен, хотя и замерз он не знаю как, и желудок его бунтовал от голода, попытался шутить.

— Эй, Жак,— крикнул он другу,— позволь мне все-таки послать проклятье твоей морской болезни: если бы мы сели на пароход первого октября, то уже четыре месяца не жились бы на фазенде Жаккари-Мирим, в рубашках с коротким рукавом, в гамаках и с непременным веером.

— Что угодно, но только не морская качка! — послышалось в ответ сквозь мелодичный звон ледышек, покрывших бороду Жака.

Жюльен хотел уже бросить новую шутку, как вдруг с уст Алексея, ехавшего, как всегда, в первых нартах, сорвался возглас удивления. Пелена тумана разорвалась, и в сотне метров от путешественников возникли внезапно очертания великолепной трехмачтовой шхуны, темный корпус которой четко выделялся на белом фоне.

— Корабль! Друзья мои, корабль! — воскликнул Алексей.

— Корабль! Мы спасены! — обезумев от радости, закричали что есть силы французы.

Олени остановились у судна, закованного во льды. Нетрудно представить, с каким восторгом прочитали наши беглецы выведенное на борту золотыми буквами слово «Вега»!

ГЛАВА 20

*Профессор Норденшельд *. — В поисках Северо-восточного прохода из Атлантического океана в Тихий. — Экспедиция 1878—1879 годов. — Гостеприимство шведского ученого. — Взбунтовавшийся компас. — Отклонение от маршрута. — Спешное отправление. — Компенсация потерянного времени. — Берингов пролив. — Казаки. — Оленья трапеза. — Своенравие животных. — Пешком по льду. — Нормандский говор. — Канадские охотники. — Смерть от холода. — Последняя сотня метров первого этапа путешествия из Парижа в Бразилию по суше.*

Имя выдающегося шведского ученого, сумевшего осуществить то, чего не удалось добиться ни английским, ни

* Норденшельд Нильс Адольф Эрик (1832 — 1901) — шведский исследователь Арктики, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук. В 1878—1879 годах на корабле «Вега» первым прошел Северо-восточным проходом из Атлантического океана в Тихий.

голландским его предшественникам, популярно во всех без исключения цивилизованных странах. Поскольку у нас, во Франции, все знают профессора Норденшельда, прославившегося своими арктическими исследованиями, мы ограничимся лишь кратким, необходимым для ясности нашего повествования рассказом о последней его экспедиции, совершенной в 1878—1879 годах на парусно-паровой шхуне «Вега».

Целью этого отважного предприятия было обогнуть сибирское побережье Северного Ледовитого океана и достичь через Берингов пролив Японии и Китая, освоив тем самым северо-восточный участок североморского пути из Атлантического океана в Тихий. Ученый-путешественник считал, что во вторую половину августа вполне возможно пройти по морю вдоль северного берега Сибири, по крайней мере, до мыса Челюскин на полуострове Таймыр. Теплые потоки воды, приносимые Обью, Енисеем и Иртышом, уверял он, освобождают ото льдов побережье даже за мысом Челюскин, а встречное течение, подгоняемое ветрами, дующими здесь в августе, относит льды к восточному берегу Новой Земли, где они и тают в конце указанного месяца.

Это предположение, казалось, подтверждалось данными, которые были собраны русскими исследователями побережья Северного Ледовитого океана. Двадцать пятого августа 1843 года путешественник А. Ф. Миддендорф* с холмов, расположенных на побережье Таймыра, видел, насколько хватало глаз, чистое ото льда море. А за девяносто лет до этого лейтенант Прутищев, выйдя из устья Лены, смог достичь бухты Оленек и, перезимовав здесь, первого сентября добрался почти до мыса Челюскин. Второго сентября 1736 года экспедиция лейтенанта Харитона Лаптева**, не встретив нигде льда, если не считать устья реки Хатанга, дошла до

* Миддендорф Александр Федорович (1815 — 1894) — русский естествоиспытатель и путешественник, почетный член Петербургской Академии наук. Исследовал и составил естественно-историческое описание Сибири и Дальнего Востока.

** Лаптев Харитон Прокофьевич (? — 1763) — русский мореплаватель, известный, как и его двоюродный брат Дмитрий Яковлевич Лаптев (1701 — ?), исследователь Северного Ледовитого океана; в 1736 — 1742 годах изучал побережье от устья Лены до устья реки Хатанга и Таймырский полуостров. Именем братьев названо море, омывающее с востока полуостров Таймыр.

мыса, находившегося в девяноста километрах от мыса Челюскин.

Для той части океана, которая заключена между дельтой Лены и Беринговым проливом, давно уже были составлены довольно точные карты. Отважные китобой ходили в этих водах еще в середине XVII века. В 1648 году русский казак Дежнев * проплыл морем от Колымы до Анадыря. В 1735 году лейтенант Лассениус **, отправившись от устья Лены к Берингову проливу, сразу же застрял во льдах и во время зимовки вместе с пятьюдесятью двумя своими спутниками погиб от цинги. На следующий год не повезло и Дмитрию Лаптеву. Но в 1739 году он смог перезимовать в устье реки Индигирка, а в 1740 году добраться до мыса Баранова. Частичная или полная неудача этих экспедиций объяснялась несовершенством кораблей.

Среди отважных мореплавателей, внесших свой вклад в изучение этого региона, мы находим и имя капитана Кука ***, который достиг сто восьмидесятого градуса восточной долготы, если вести отсчет от Гринвичского меридиана. Наконец, в 1855 году американский капитан Роджерс добрался до сто семьдесят шестого градуса восточной долготы, а в 1856 году английский китобой Лонг, пройдя дальше, чем его предшественники, вышел к Чаунской губе, у сто семьдесят восьмого градуса восточной долготы.

Профессор Норденшельд первую половину 1878 года посвятил подготовке экспедиции, снаряженной на щедрые пожертвования друзей науки: одну треть всех расходов взял на себя король Швеции, а остававшиеся две трети — Сибиряков **** и Оскар Диксон *****, вольный купец из Гетеборга *****, уже оплативший ранее шесть арктических экспедиций.

* Дежнев Семен Иванович (ок. 1605 — 1673) — русский путешественник. В 1648 году, обогнув вместе с Поповым (Ф. Алексеевым) Чукотский полуостров, открыл пролив между Азией и Америкой.

** Лассениус Петр — лейтенант русского флота, родом датчанин, участвовал в экспедиции Беринга.

*** Кук Джеймс (1728 — 1779) — знаменитый английский мореплаватель, руководитель трех кругосветных экспедиций. Во время третьей экспедиции в 1776 — 1779 годах исследовал северо-западные берега Северной Америки.

**** Сибиряков Александр Михайлович (1849 — 1933) — русский золотопромышленник, меценат, исследователь Сибири. Именем Сибирякова назван остров в Карском море.

***** Диксон Оскар — шведский коммерсант, оказывавший большое содействие арктическим экспедициям.

***** Гетеборг — портовый город в Швеции.

Экспедиция под общим руководством Норденшельда отправилась на четырех кораблях. Профессор находился на флагмане — «Веге». Это построенное специально для арктических плаваний трехмачтовое судно водоизмещением в триста пятьдесят тонн под парусом могло идти со скоростью девять-десять узлов * и при паровом двигателе мощностью шестьдесят лошадиных сил — шесть-семь. Вел шхуну ветеран полярных походов лейтенант Паландр. В состав экипажа входили девятнадцать первоклассных моряков королевского флота и три матроса-китобоя.

Другие суда назывались «Лена», «Экспресс» и «Фрейзер». Первое, под командой лейтенанта Христиана Йохансена, должно было прокладывать «Веге» путь до устья Лены, а оттуда подняться по реке до Якутска. Остальные два, с товарами для Сибири, собирались пройти по Енисею и вернуться в Европу с зерном. Так что найти Северовосточный проход «Веге» предстояло одной.

Флотилия вышла из порта Тромсе ** двадцать первого июля. Двадцать девятого июля увидели берег Новой Земли, первого августа прошли Югорский пролив к югу от острова Вайгач, благополучно пересекли Карское море, обогнули северный мыс полуострова Самоедов и к десятому августа прибыли в порт Диксон, расположенный к востоку от устья Енисея. Здесь «Экспресс» и «Фрейзер» покинули «Вегу», сопровождаемую отныне только «Леной».

Девятнадцатого августа оба корабля салютовали артиллерийскими залпами мысу Челюскин, на котором матросы обоих экипажей в память о своем пребывании сложили из камней пирамиду. А в ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое августа недалеко от устья Лены капитан Йохансен распрощался с «Вегой» и направился к своей цели.

Первого сентября «Вега» прошла неподалеку от устья Индигирки, свернула на юго-восток и седьмого сентября, чуть ли не вплотную подойдя к берегу, остановилась среди крупных льдин. Члены экипажа в первый раз лицезрели чукчей, а те — корабль.

Двадцать восьмого сентября у восточного берега Колучинской губы судно окончательно зажали льды, и достичь цели, до которой оставалось уже совсем немного, удалось только следующим летом — восемнадцатого июля 1879 года.

* Узел — мера скорости, равна 1,85 километра в час.

** Тромсе — портовый город на севере Норвегии.

Нетрудно представить себе волнение французов при виде корабля, вызвавшего у общественности столь большой интерес и покинувшего Европу за два месяца до их отъезда из Парижа.

— «Вега»! — прокричал Жюльен. — Мы спасены!

— «Вега»! — подхватил Жак. — Оазис из дерева и металла в ледовой пустыне! Прощай, мороженая тюленина! Прощай, полярная снедь! Прощай, есаул с казаками!

— Подождите, друзья, — прервал их Алексей. — Поосторожнее и поскромнее. Не забывайте, что мы пока что — нарушители закона, а «Вега» хоть и под шведским флагом, но находится в русских водах.

— Да, это действительно так, — согласился Жюльен.

— Я не сомневаюсь, конечно, в благородстве всемирно известного шведского ученого: гений всегда великодушен. Однако мы не имеем права ставить знаменитого исследователя в щекотливое положение, воспользовавшись его гостеприимством.

— Вы правы, но мы ничего не скажем ему о наших приключениях, попросим только провизии. На это у нас уйдет всего лишь час, а там — прямо в Америку!

Экипаж корабля видел приближавшиеся сани, но, приняв путешественников за местных жителей, не проявил к ним никакого интереса. И тем больше удивились на шхуне, когда Алексей обратился к мореплавателям по-немецки, а Жак и Жюльен — по-французски. Друзьям оказали теплую встречу. В кают-компании * им радостно жали руки и громко приветствовали возгласами «Добро пожаловать!». Господин Норденшельд, всячески выказывая радушие, представил гостям свой синклит **, состоявший из известных ученых и путешественников. Затем — что не менее важно! — их вкусно накормили. Во время трапезы друзья удовлетворяли, насколько это было возможно, любопытство своих чудесным образом встреченных хозяев.

— А теперь, господа, поскольку вы подкрепились, я распоряжусь приготовить вам каюты: ведь вы наверняка нуждаетесь в отдыхе! — любезно предложил глава арктической экспедиции. — Чувствуйте себя как дома.

— Господин профессор, — почтительно произнес

* Кают-компания — общее помещение на судне для отдыха, еды и т. д. (на военных кораблях — для офицеров).

** Синклит — в Древней Греции — собрание высших сановников.

Жюльен,— мы выражаем вам нашу искреннюю признательность, но позвольте отклонить столь лестное предложение и попрощаться.

— Как, уже? — удивился ученый.— Но это же невозможно!

— Представьте себе, будто перед вами — англичане, заключившие пари на определенный срок, за который они обязаны совершить кругосветное путешествие. Или предположите, что мы, руководствуясь высшими интересами, не можем больше задерживаться здесь... Наконец, нельзя исключить и того, что нам просто не хочется, чтобы кто-то опередил нас, и поэтому, невзирая на смертельные опасности, мы устремляемся дальше... Простите нас за то, что так торопимся. Поверьте, мы сами глубоко огорчены тем, что обстоятельства не позволяют воспользоваться вашим высоко ценимым нами гостеприимством. Но, перед тем как покинуть вас, позвольте обратиться с просьбой, во-первых, сообщить точно, на какой широте и долготе мы находимся, во-вторых, указать точное направление на Восточный мыс и, в-третьих, снабдить нас оружием и провиантом.

— Охотно, господа! Но мы расстроены тем, что ваша просьба столь скромна. Вот карта местности, где вы найдете все необходимые топографические указатели.

Жюльен со знанием дела пробежал глазами этот великолепный подробный план и не мог сдерживать удивления:

— Как? Мы на шестьдесят километров севернее Полярного круга?! Шли на северо-восток, а выходим к северу от бухты Коцебу!

— Если вы направлялись к Восточному мысу, то, значит, слишком резко брали влево,— заметил Норденшельд.

— Никак не могу объяснить себе эту ошибку. Мы двигались в течение четырех часов в плотном тумане, но точно по компасу... Разве только стрелка отклонилась...

— Вполне вероятно. Во время северного сияния намагниченная стрелка подвержена негативным воздействиям, и чувствительность ее теряется. Этот феномен достаточно распространен, так что в вашем случае могло произойти то же самое.

Жюльен вынул компас из кармана и сверил его с судовым компасом, укрепленным в футляре возле стола кают-компаний. Профессор не ошибся: ручной компас словно взбесился.

Теперь, когда известна причина отклонения магнитной стрелки, легко представить себе, какие могли бы быть трагические последствия, если бы не чудесная встреча со шкуной, заточенной в ледовой гавани.

Маршрут с поправками нанесли на карту, и Жюльен, получив новый компас, поднялся, чтобы попрощаться. Видя, что все трое твердо решили продолжить свой путь, глава экспедиции не стал больше их задерживать.

— Ну что ж,— сказал он, дружески пожимая им руки,— больше я ничего не могу для вас сделать... Старшина-артиллерист приготовит для вас оружие и боеприпасы, а кладовщик — продукты. Хотя это избавит вас от материальных забот. Повторяю, мне хотелось бы вам помочь гораздо больше. И последнее: есть ли у вас новости из Европы?

— Нет, как будто ничего, что могло бы вас заинтересовать, хотя мы отбыли через два месяца после вас.

— А у меня есть для вас новость,— вмешался Алексей, который до этого молчал.— Рад сообщить, что ваш коллега, отважный капитан «Лены», благополучно прибыл в порт Якутска, осуществив тем самым подвиг, доселе еще не виданный. Его успех — предвестник удачного завершения вашего проекта, к которому прикованы взоры всего света.

— Ах, господа, лучшей вести вы не могли мне сообщить! Сколь же должен я быть благодарен случаю, сведшему нас! Я говорю вам не «прощайте», а «до свидания»! Позвольте же от всего сердца пожелать вам успехов в ваших деяниях!

— До свидания, господа! — ответил Жюльен.— Мы искренне вам благодарны и никогда не забудем ученых «Веги» и знаменитого руководителя экспедиции!

Трое путешественников, поддержанные как морально, так и материально, разместились в нартах и помчались по ледовым просторам, оставив за спиной быстро растаявший вдали темный корпус и ажурные снасти «Веги».

Путь, предложенный Норденшельдом, вел в отличие от предполагавшегося ранее не к Восточному мысу, а к самому крупному из островов Диомиды, расположенных в центре Берингова пролива, и завершался непосредственно у мыса Принца Уэльского. Этот маршрут был на тридцать километров короче прежнего, протя-

женностью в двести двадцать четыре километра, что с лихвой окупало часы, проведенные на борту «Веги».

Правда, оставались еще опасения, как бы отклонение от маршрута из-за тумана не было бы слишком большим и не дало преимущества их врагу есаулу, если он все еще гонится за ними.

Друзья радовались, видя, как быстро неслись по смерзшемуся снегу подгоняемые якутами олени. Напружинив мышцы, энергично отталкиваясь ногами, вбирая воздух раздутыми ноздрями, эти красавцы, соперники лани, словно понимая, какую надежду возлагали на них беглецы, пробегали в среднем шестнадцать километров в час и затрачивали на еду и отдых совсем немного времени.

Уже пролетели двенадцать часов, отведенные на новый маршрут, и по чуть заметному наклону заснеженного поля друзья наконец определили, что зѐмли проклятого полуострова остались позади.

Оглушительным «ура!» приветствовали путешественники льды Берингова пролива, по которым плавно скользили их нарты. Жак Арно, бросивший вызов морской болезни, готов был повторить в десятый раз, что лучше всего океан неподвижный, как вдруг Шодем, оглянувшись, испустил яростный вопль:

— Казаки!

И в тот же миг запыхавшиеся олени резко остановились. Грაციозно повернув к каюрам свои головы, животные напомнили, что им нужна еда, которой они на льдах пролива не видят. Пока якуты доставали из саней предусмотрительно запасенный для оленей корм, друзья в вынужденном бездействии смотрели туда, где на расстоянии двух километров выделялся черной полосой на белом снегу санный поезд.

— Вот мерзавцы! — проворчал Жюльен. — Достанет ли у них наглости преследовать нас на американской земле?

— Да что значит для них переход границы в этом пустынном месте и без свидетелей? — заметил Алексей. — К тому же мы еще не на американском берегу.

— А разве те скалы, приблизительно в двух километрах отсюда, которые образуют острова Диомиды, — не владения Соединенных Штатов? — спросил Жак.

— Я точно не знаю,— сказал Жюльен.— Но Алексей правильно говорит: какое до этого дело таким охотникам за людьми!

— Эй, Шолем,— прокричал Алексей,— что они сейчас делают?

— Тоже остановились: олени едят,— ответил якут, обладавший такой остротой зрения, что ему не нужен был никакой бинокль.

— Но трудно все-таки надеяться, что мы сохраним эту дистанцию,— предостерег Алексей.— Им так не терпится схватить нас, что они готовы бросить оленей и устремиться к нам бегом. И посему, думаю я, самое разумное — приготовиться к бою.

— Вы говорите, самое разумное,— по-моему же, это единственное, что остается нам делать,— произнес Жюльен.

— Ну что ж, борьба по всей линии фронта! — воскликнул Алексей.— Поспешим же добраться до ближайших скал, чтобы было где укрыться.

— А олени пойдут?

— Попробуем.

— Хозяин, казаки двинулись! — прервал друзей Шолем, не спускавший глаз с противника.

Один из оленей в первой упряжке, улегшись на снег, отказался подняться. Проводник ударом ножа перерубил ремень, связывавший его с нартами. Остальные животные лениво, очень недовольные, встали и побежали трусцой, время от времени оборачиваясь к оставшимся сзади охапкам ягеля.

Казаки приближались довольно быстро.

— Гром и молния! — крикнул Жюльен.— Так мы никогда не доберемся до островов! Готовьте ружья!

— Проклятие! — сильно побледнев, проговорил Жак в отчаянии.— Они же вместе с боеприпасами в ящиках с двойными стенами, завинченными болтами! Чтобы открыть их, нужен специальный ключ!

— Разбей топором один из ящиков.

— Но от удара все взлетит на воздух.

Внезапно олениха в первой упряжке, где оставалось только двое животных, жалобно закричала, когда на нее опустился кнут каюра. Через сотню метров остановились и вторые нарты. Наконец олени, впряженные в третьи

нарты, заразившись примером своих сородичей, тоже улеглись, проявляя упрямство и своенравие. Всего пять-сот метров отделяли беглецов от островов — единственной надежды на спасение.

К счастью, у казаков происходило то же самое: обессиленные олени падали один за другим. Преследователи, выскочив из саней, кинулись в сторону скал, выступавших из льдов. Впереди, злобно вопя, с карабином в руках и без шубы, которую он сбросил, чтобы легче было бежать, неся есаул, и весьма скоро он был уже у саней, брошенных беглецами. Сами же друзья, тяжело дыша, укрывшись за крутыми скалистыми выступами, приготовились отражать атаку из револьверов.

— Как бы этот проклятый не воспользовался нашими нартами! — закричал Жюльен. — Честное слово, так и есть! Олени пошли!.. Послушайте, Алексей, попросите у Шолема топор. Я решил во что бы то ни стало открыть ящик с оружием, даже если и подорвусь. Хочется все-таки доставить себе удовольствие разрядить обойму в этого идиота!

— Если старик канадец может вам чем-то помочь, не стесняйтесь. Я к вашим услугам, — прозвучал рядом спокойный голос, растягивавший слога на манер крестьян из Нижней Нормандии.

Путешественники, удивленные не меньше, чем если бы они услышали, как белый медведь запел «Боже, храни королеву!» *, резко обернулись и увидели огромного роста мужчину с добродушным выражением лица и широко открытым в улыбке ртом.

— Разрешите представиться, перед вами Жозеф Перро, родом из Квебека, в Канаде. Я к вашим услугам — вместе с моими братьями Эташом и Малышом Андре... Эй, ребятки, сюда... Эташ! Малыш Андре!

Тотчас подкатили на лыжах два богатыря, в меховых одеждах, с винтовками за плечами.

— Мы просто охотники, — пояснил Жозеф. — Когда я услышал, что вы разговариваете на нашем языке, у меня заняло под ложечкой.

Шестеро мужчин крепко пожали друг другу руки.

— Спасибо, друзья! — поблагодарил Жюльен. —

* «Боже, храни королеву!» — слова из английского гимна.

Охотно принимаем вашу помощь! Вшестером мы больше доставим хлопот мерзавцам-казакам.

— Казакам? — переспросил Жозеф спокойным голосом.— Уж не собираются ли они запугать настоящих французов? Мы им сейчас такое устроим, этим ненасытным кровопийцам!..

Олени, тащившие нарты с есаулом, трусили медленной рысцой. Офицер, не шелохнувшись, сидел в гордом одиночестве и даже перестал покрикивать на животных. За ним, поотстав на пятьсот метров, следовали пешком солдаты.

Перро поднялся во весь рост, зарядил карабин и, стоя на фоне белой от снега скалы, оглушительно закричал:

— Эй, ты!.. Эй, человек!

Сани продолжали двигаться.

— Стой! — приказал великан.

В ответ — молчание.

— Стой! Не то я пристрелю тебя, как боровую дичь!

Есаул был по-прежнему недвижим, как статуя.

Канадец опустил ружье и заключил:

— Раз ни рукой, ни ногой не шевелит, значит, он скорее всего мертв...

Олени, подойдя к людям, остановились, но есаул так и не сменил своей позы.

Жюльен, держа револьвер наготове, приблизился к нартам, взял офицера за руку и сразу же в ужасе отступил. Глаза бывшего томского исправника побелели, лицо, все в мелких морщинах, застыло, как камень, на облупленных губах запеклась кровавая пена, пальцы, за которые ухватился француз своей рукой в меховой рукавице, не имели кожного покрова, словно их обварили кипятком. Было ясно: убил есаула холод.

— Зачем же он сбросил шубу? В ней мороз не загрыз бы его,— прокомментировал Жозеф эту страшную внезапную смерть.

Казаки, увидев, что их командир попал к противнику в руки и что беглецы уже не одни, благоразумно повернули назад, чем несказанно обрадовали стоявших у скалы шестерых мужчин, которые на это и не надеялись.

Тело есаула положили в расщелину, и канадцы, вкатиw огромный камень, закрыли ее. Затем, достав из нарт провизию, друзья с охотниками оказали честь продуктам, подаренным профессором Норденшельдом.

— Ну а теперь, господа,— начал Жак, с удовольствием кусая печенье, размоченное в горячем чае,— я предложил бы отложить доверительные рассказы о наших странствиях. Надо побыстрее добраться до Аляски: ведь предположительно здесь все еще как бы продолжается территория Сибири. Вдохнем же мы свободно лишь после того, как преодолеем оставшуюся сотню метров, завершающую первый этап нашего путешествия из Парижа в Бразилию по суше.

Конец первой части

Часть вторая

ПО СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

ГЛАВА I

Форт Нулато.— Противостояние зимы и весны.— Безрассудное намерение Жака Арно.— Ледоход на Юконе.— Утонувшие сани.— Рассуждение о слове «невозможно».— «Пушиная компания» из Сент-Луиса.— Фактория.— Гостеприимство хозяина.— Различия в климате Сибири и Америки.— Шар капитана Андерсона.

— Итак, господа, разве я был не прав, когда твердил весь прошлый месяц: «Вам не уехать отсюда ни завтра, ни через неделю, ни через две»?

— Вы были абсолютно правы, капитан!

— И я еще всякий раз добавлял: «Держу пари, что придется задержаться в форте Нулато до середины весны!»

— Увы!..

— Как, неужели пребывание здесь столь нестерпимо для вас?! Впрочем, в любом случае отправляться сейчас в путь — чистейшее безумие... Даже местные жители не осмеливаются зимой покидать свои жилища.

— Вы неправильно истолковали восклицание нашего друга,— заметил второй собеседник.— Ваше гостеприимство, капитан, выше всяческих похвал. Комнаты, в которых мы живем, удобны, питание, несмотря на суровость здешних условий, превосходно, а миссис Андерсон заботится о нас, словно родная сестра.

— Сердца наши, равно как и желудки, преисполнены благодарности,— вставил третий собеседник.

— Не преувеличивайте! Если бы это было так, вы не стали бы спешить в дорогу. Ведь в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит.

— Просто мы не привыкли к праздному времяпрепровождению, да и до Бразилии далеко.

— Не буду спорить,— согласился капитан,— но разве моя вина, что дождь льет как из ведра, а порывы ветра так сильны, что ломаются рога у оленей!

— Но, капитан,— возразил собеседник,— что мешает нам воспользоваться последними морозами и на санях пересечь эту проклятую реку, чтобы побыстрее добраться до Британской Колумбии?

— Господин Арно, многие ваши соотечественники любят повторять, что во французском языке не существует слова «невозможно». Но и они не решились бы на такое, оказавшись под сто пятьдесят пятым градусом тридцатой минутой западной долготы и шестьдесят четвертым градусом сорок второй минутой северной широты, у ворот форта Нулато, на правом берегу реки Юкон, когда суровая зима никак не желает уступать свои права весне. Вы согласны со мной, господин Богданов?

— Да, капитан. Боюсь, что любая попытка покинуть форт в ближайшие дни окажется бесплодной,— ответил тот, кто пытался правильно истолковать возглас «увы», вырвавшийся у Жака Арно.

— И, может быть, даже смертельной,— добавил Жюльен де Клене, третий собеседник, который выражал благодарность от имени «желудков» путешественников.— Послушай, Жак, будь благоразумен и не дуйся зря, словно капризный ребенок, на изменчивую природу, хотя именно из-за нее приходится торчать тут вот уже четвертую неделю. Ураганы, бури, метели... Что за безумный танец отплясывают стихии!.. Однако сегодня не так холодно. Вслед за снегом полил дождь, и ртутный столбик в термометре показывает выше нуля. Подобный скачок температуры особенно опасен. Не так ли, капитан?

— Еще бы! Ведь Юкон может вскрыться с минуты на минуту. Слышите отдаленный грозный треск? Это он борется со сковавшим его льдом.

— Ледоход!..— быстро проговорил Жак.— Ледоход!.. Никто об этом не подумал. Значит, он начинается уже завтра, а я все еще здесь...

— Между прочим, мы тоже здесь, да еще и под проливным дождем, от которого, к счастью, нас защищают костюмы и накидки с капюшоном, сшитые из тюленьих желудков,— заметил Жюльен.

— Речь идет не о вас, а обо мне!..

— А что ты? Чем ты лучше нас?

— Да ничем, просто я должен уехать.

— Мы тоже. Но сейчас хотели бы вернуться в форт. Тем более что сегодняшняя вылазка — одна из каждодневных, совершаемых нами с целью разведать обстановку, — оказалась не только бесполезной, но и значительно более огорчительной, чем обычно.

— Вернуться в форт!.. Опять в форт! Черт побери, когда же я наконец попаду на другой берег!

— Как уже сказал капитан, пока это невозможно.

— Подумай, что ты говоришь, несчастный! Или ты решил дожидаться, когда река вскрыется... и начнется этот проклятый ледоход? Так мне же тогда придется ждать следующей зимы... Или, может, ты задался целью заставить меня пересечь на лодке стремительный поток шириною в две тысячи метров?..

— В две тысячи восемьсот, — уточнил капитан.

— Ни за что не стану переправляться по воде! Я привык путешествовать только по тверди земной! Вспомни, Жюльен, ты же обещал доставить меня в Бразилию по суше... Дал слово — держи его!

Треск льда стал столь грозен, что заглушил ответ Жюльена. Казалось, будто полсотни артиллерийских орудий при поддержке огня пехоты вели нескончаемую пальбу.

— Капитан, — произнес Жак в один из моментов затишья, — прикажите дать мне санки с небольшим запасом провизии. Пока есть время, я на свой страх и риск попытаюсь перебраться на тот берег, где и буду ждать окончания ледохода, когда ко мне смогут присоединиться друзья.

— Нет, сударь! — сурово ответил капитан. — Я не желаю стать виновником вашей гибели.

— Что ж, хорошо, тогда я пойду пешком.

— Мы вас не отпустим, даже если для этого придется применить силу.

— Ну это мы еще посмотрим!.. О, видите! — торжественно воскликнул Жак. — Эти люди не французы, но и они изменяют ваши представления о слове «невозможно».

В самом деле, спутники Жака заметили приближавшуюся к ним упряжку из дюжины собак, тащившую за собой легкие нарты. Судя по всему, двое бесстрашных ездоков, сидевших на санках, были полны решимости пересечь огромную реку, невзирая на страшный шум и треск льда. Оставалось до заветного берега, где стояли

наши друзья, уже метров пятьсот, и смельчаки всячески торопили собак, которым ощущение смертельной опасности словно придавало новые силы.

— Безумцы! — вздохнул капитан.

— Пусть безумцы, — согласился Жак. — Зато вместо того, чтобы спокойно сидеть на том берегу, куда я так хочу попасть, они пытаются перебраться сюда...

— И идут навстречу собственной гибели!

— Не преувеличивайте! Спустя четверть часа они уже будут здесь. Я переговорю с ними, и самое большее через полчаса они переправят меня на тот берег.

Однако его постигло жестокое разочарование.

Из-за быстрой смены температуры в состоянии реки произошли существенные изменения, и, в частности, толщина льда резко уменьшилась. Юкон яростно пытался разбить свой ледяной панцирь. Ледяная кора под давлением воды постепенно вспучивалась, и под этим перекрытием бесновались в буйном водовороте стремительные течения. Внезапно толстый ледяной покров содрогнулся. Ломавшиеся льдины грохотом своим напоминали канонаду на поле битвы. По ледяному куполу, словно молнии, побежали во все стороны трещины и в одно мгновение избороздили всю его поверхность, давая выход воде, вырвавшейся наконец из заточения и взорвавшейся бурными фонтанами.

Санки очутились на краю только что отколовшейся от основного массива льдины длиной метров двадцать. Некоторое время неведомая сила удерживала этот островок в горизонтальном положении, пока под неумолимым напором воды он, словно гигантский рычаг, не взметнулся вдруг резко вверх и не замер на несколько секунд в строго вертикальном положении. Взлетевшие вместе со льдиной нарты, оказавшись на короткое время как бы вне действия закона притяжения, застыли между небом и землей на высоте более десяти метров. А затем и люди и упряжка рухнули в зияющую бездну, и льдина, завершив круговое движение, с тяжелым всплеском легла на воду гигантской надгробной плитой.

Трое друзей застыли в ужасе и, не в силах произнести ни слова, с болью в сердце созерцали ледяную могилу, поглотившую двоих несчастных, которым они ничем не могли помочь.

— Ну вот, господин Арно, — нарушил скорбное молчание капитан, — надеюсь, этот жуткий урок поубавил у вас упрямства?

— Да, сударь, действительно жуткий урок, и я вынужден отступить перед жестокой стихией.

— Вы убедились, что и речи быть не может о скором отъезде?

— Увы! — вздохнул путешественник.

— Вернемтесь же в форт,— предложил капитан. — Это лучшее, что можно сделать сейчас. А там, потягивая горячий грог *, мы придумаем, как примирить ваш ужас перед водным пространством со страстным желанием поскорей уехать отсюда.

Полчаса спустя после трагического события, ставшего причиной последующих необычных приключений Жака, все четверо уже удобно сидели перед камином в доме начальника фактории. Избавившись от эскимосских костюмов и закутавшись в теплые шерстяные пледы, путешественники наслаждались приготовленным в изобилии напитком, пытаясь забыть страшную драму, невольными свидетелями которой они стали.

Расположенная двумя градами южнее залива Нортон, в том месте на побережье Берингова моря, где река Юкон, проделав предварительно извилистый путь с востока на север, свободно несет свои воды на юг, фактория Нулато в течение долгого времени прозябала под владычеством русских. Процветать же она стала лишь с той поры, когда правительство Американских Штатов купило у России Русскую Америку, именуемую теперь Аляской **.

Преуспеванию Нулато, как, впрочем, и других факторий на Аляске,— например, Святого Михаила, Колмакова, Святого Николая, Адамса, Уналаклика, Юкона, Александра,— с первого же дня после присоединения этой области к Соединенным Штатам способствовала деятельность могущественной американской «Пушной компании» из Сент-Луиса. Это промышленное сообщество, вечный соперник знаменитой английской «Компании Гудзонова залива», организовало на новоприобретенной территории фактории, ставшие центрами пушной торговли, и получало солидную прибыль от своих клиентов — в основном эскимосов, индейцев и чукчей.

Смена хозяев осталась практически незамеченной

* Грог — напиток из водки или рома, смешанных со сладкой горячей водой.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что Аляска была продана Россией 18 октября 1867 года за семь миллионов долларов, или 37 910 тысяч франков.

местными жителями. В Нулато по-прежнему было множество лавок с дешевыми товарами, которые они выменивали на меха. Как на ярмарке в Нижнеколымске, так и на землях, охваченных коммерческой деятельностью «Компании Гудзонова залива», меновой единицей являлась выделанная либо невыделанная шкура — сперва бобра (вот уже двадцать лет, как этот грызун встречается все реже и реже), затем — бизона. После успешной охоты индеец или траппер* обычно приходит в одну из таких факторий. Там он получает от агента столько деревянных фишек, во сколько бизоньих шкур можно оценить результаты его труда, и тут же, на месте, обменивает их на порох, топоры, свинец, ножи, ружья, одежду и прочие товары.

Форт Нулато, построенный некогда для отражения нападения индейцев, невзирая на годы и суровые капризы климата, все же выглядел вполне грозно. Территория его была обнесена частоколом из глубоко вкопанных в землю толстенных, высотой в шесть метров бревен, скрепленных тяжелыми поперечными брусьями. Ограда образовывала большой прямоугольник с сооруженными по углам квадратными бастиянами с бойницами и шатровыми навершиями. В центре форта стоял добротный трехэтажный дом с натянутыми на рамы тюленьими пузырями вместо стекол: здесь размещались комендант и старшие торговые агенты. Остальную площадь занимали склады мехов и товаров для меновой торговли, жилища рабочих, хранилище боеприпасов и маленькая часовня, в которой за отсутствием миссионера** капитан каждое воскресенье сам читал обитателям фактории Библию.

Население форта состояло из пятидесяти мужчин, со-рока женщин и восьмидесяти детей, однако собирались в этой крохотной крепости все вместе они крайне редко. Основные профессиональные группы были представлены мелкими служащими компании, складской охраной, кузнецами, плотниками, охотниками. По национальной принадлежности здешние обитатели делились на американцев, англичан, канадцев и многочисленных метисов***. Столь разнородное сообщество проживало в обстановке доброго согласия, что в немалой степени объяснялось отеческим

* Траппер — охотник на пушного зверя в Северной Америке, пользующийся чаще всего западнями.

** Миссионер — лицо, занимающееся религиозной пропагандой среди иноверцев.

*** Метис — потомок от брака между представителями различных рас.

управлением капитана Андерсона, пользовавшегося всеобщим уважением, ибо добродушие и сердечность соединялись в нем с твердостью, столь необходимой для поддержания разумного порядка.

Однако не думайте, что воинское звание «капитан» наделяло начальника фактории правами военного коменданта и побуждало его устанавливать дисциплину, как в армии. В час опасности простые охотники и скромные служащие сами брались за оружие и становились на время солдатами, но лишь затем, чтобы, отразив нападение, снова вернуться к мирной жизни. В ту эпоху, когда «Компания Гудзонова залива» откупила у русского правительства монополию на пушную торговлю в Русской Америке, существовал обычай присваивать всем управляющим факториями звание капитана. С тех пор как данная территория стала собственностью Соединенных Штатов, обычай сей закрепился, и теперь любой управляющий американской факторией именуется капитаном. Так его величают и коренные жители этих мест, и охотники, доставляющие пушнину, и непритязательные поселенцы. И в силу этого Андерсон лишь унаследовал звание, носившееся его предшественниками в Нулато с незапамятных времен. Впрочем, канадцы, метисы и индейцы охотно называли его и хозяином. Подобное дружеское обращение весьма во французском духе, и оно, как и многое другое, сохранилось в Северной Америке значительно дольше, чем французское владычество.

Господин Андерсон — начальник фактории, капитан и хозяин — был превосходным человеком. Примерно пятидесяти пяти лет, он, чистокровный американец, отличался поистине шотландским гостеприимством, прекрасным образованием и необычайной сердечностью, что делало его общество чрезвычайно приятным.

Удобно устроившись в большом кресле-качалке в непривычной для европейца, но излюбленной каждым янки позе, — откинувшись на спинку сиденья и положив вытянутые ноги на каминную решетку, — капитан Андерсон, осушив стакан горячего грога, пытался убедить Жака Арно переправиться через Юкон по воде. Однако тот и слышать не желал об этом, предпочитая скорее добраться до истоков реки, нежели сесть в лодку.

Разместившись в таких же, как и хозяин, креслах, хотя и не в столь экстравагантной позе, Алексей Богданов и Жюльен де Клене, дымя сигарами, с улыбкой слушали диалог Жака Арно и капитана Андерсона. В сотый, если

не более, раз их рассеянный взор падал на американский герб — распростершего крылья орла, удерживавшего в когтях девиз «*erluribus unum*» *, и на вычурный щит с головой горноста на серебряном поле и лазурной лисой, упиравшейся лапами в песчаный холм с девизом «*cutem acutus tollet acuti*» **, — старинную эмблему «Компании Гудзонова залива», помещенную господином Андерсоном рядом с национальным символом Соединенных Штатов в память об англичанах.

Жак рассыпался в жалобах на зиму, так не вовремя кончившуюся, и на весну, так рано начавшуюся:

— Никогда бы не подумал! Я был уверен, что в этом арктическом краю зима длится до конца июня, но сейчас — лишь конец апреля, а на реке уже ледоход!

— Ваши утверждения, — ответил капитан, — справедливы для Сибири, но не для Америки.

— Странно! Но почему, скажите, пожалуйста?

— По той простой причине, что на одной и той же широте, но в разных районах мы не можем иметь одинаковых климатических условий.

— Как же так! Когда мы прибыли сюда и постучались в эту гостеприимно распахнутую дверь, разве не достигал мороз на улице тридцати пяти градусов? И неужели ваша температура смогла бы похвастать перед сибирской тем, что она лишь на несколько градусов выше нуля?

— Я этого не утверждаю, и, однако же, зима у нас гораздо короче, чем в Сибири. Сама растительность по обе стороны Берингова пролива достаточно ярко свидетельствует о различиях в климате: на американском берегу — лес вплоть до мыса Принца Уэльского, а на сибирском на той же широте — лишь мхи и лишайники...

— Ну это уж слишком! Хотя ваши соотечественники и принадлежат к людям, для которых нет ничего невозможного, однако и им не под силу создать и установить гигантский калорифер ***, чтобы обогреть весь край и вырастить леса на мерзлой почве тундры. Ни за что не поверю!

Хозяин так расхохотался, что кресло под ним запрыгало.

— Мы научились прекрасно обогревать паром наши города, — ответил он, отсмеявшись, — но до изменения

* Один из многих (лат.).

** Обретший шкуру избегает тягот (лат.).

*** Калорифер — устройство для нагревания воздуха.

климата на планете нам еще далеко. Впрочем, будущее покажет. Разница же температур, вызывающая у вас такое удивление, обусловлена самой природой.

— На мое несчастье! — вздохнул бедный Жак, которого одна только мысль о необходимости пересечь водное пространство шириной чуть ли не в три тысячи метров повергала в уныние.

— Все очень просто, — продолжал хозяин. — Известно, что в толще водных масс, покрывающих земной шар, образуется множество мощных течений, которые неизменно придерживаются вполне определенного направления и в этом отношении мало чем отличаются от рек, теснящихся в отведенных им берегами руслах.

— У меня весьма смутные представления обо всем этом, так что я послушал бы вас с большим интересом.

— Нагретые тропическим солнцем водные массы, влекомые течением из Южно-Китайского моря в северные районы Тихого океана и проходящие по пути через два моря — Японское и Берингово, становятся источником тепла как для земли, так и для атмосферы.

— Согласен. Но почему тепло это распределяется так неравномерно по двум столь близко расположенным друг к другу берегам? Капризы дамы природы?

— Данное явление объясняется несколькими причинами. Если теплое течение, натолкнувшись на глубоководные хребты Алеутского желоба, пролегающего между Азией и Америкой, устремляется к берегам Нового Света, то холодные воды Северного Ледовитого океана, скапливающиеся в северной воронке Берингова пролива, направляются вращением Земли к правой стороне впадины, если смотреть на нее с севера, и в силу этого следуют в основном вдоль азиатского берега, не смешиваясь с теплыми водами по причине их неодинаковой плотности. Таким образом, в водах Берингова пролива имеется два течения: одно — холодное, другое — теплое, — и климат побережья, омываемого первым, естественно, более холодный, нежели на берегу, омываемом вторым, теплым, течением. Вот, сударь, и весь секрет калорифера, согревающего Аляску и вызывающего ледоход на ее реках на два месяца раньше, чем в Сибири.

— Благодарю вас, мне все ясно, и я безутешен. Но, дорогой мой капитан, и вы, милые мои спутники, запомните хорошенько: пусть льды и торосы держат меня в плену, пусть тепло и стужа плетут свои заговоры, дабы заставить меня спуститься на воду, пусть законы самой природы

обернутся против меня, мне наплевать! Я готов ждать следующей зимы, чтобы переправиться по льду! Готов построить мост или подняться вверх по реке к ее истокам! Готов, наконец, потратить десять лет, чтобы добраться отсюда до Бразилии — пешком, на лошади, на телеге, на локомотиве или на воздушном шаре! Но я ни за что не переправлюсь через Юкон по воде!

— Простите, вы действительно готовы лететь на воздушном шаре? — решил уточнить капитан.

— Да! Хотя идея эта и безумна...

— Не так безумна, как вы думаете, поскольку я мог бы помочь вам.

— У вас есть воздушный шар?

— Да, сэр.

ГЛАВА 2

От островов Диомиды до форта Нулато.— Прощание с якутами.— Капитан Роджерс в поисках открытой воды.— Условие подъема воздушного шара.— Без водорода.— Огорчение.— Жак Арно в роли изобретателя.— Монгольфьер.— Глиняный кувшин, двадцать пять литров китового жира, печная труба и тюлений желудок.— Испытание.— Восхищение хозяина.— Драматические последствия неумных восторгов.— Непредвиденный отлет.

Читатель, пожелавший вместе с героями совершить долгое путешествие из Парижа в Бразилию по суше, конечно, не забыл ни о причине выбора подобного пути, ни, тем более, о драматических событиях, ознаменовавших отъезд землепроходцев из Сибири.

Наш читатель уже получил достаточное представление о паническом страхе Жака Арно перед морской болезнью — неисчерпаемом источнике шуток для его друга Жюльена де Клене, отказавшегося, впрочем, от приятного парижского времяпрепровождения и отправившегося в путь вместе с Жаком. Знает он и о том, как друзья, покинув Европу, вступили в Сибирь, где по выезде из Томска стали жертвой роковой ошибки, были схвачены казаками и оказались на положении арестантов. Правда, недоразумение вскоре разрешилось, и путешественники добрались благополучно до города Иркутска.

Точно так же осведомлен читатель и о побеге Алексея Богданова, безвинно пострадавшего ссыльнокаторжного,

о его встрече с нашими героями, о фантазмагорических * скитаниях этой троицы по бескрайним просторам Восточной Сибири и ее прибытии на арктическую зимовку профессора Норденшельда в Колючинской губе. Помнит он и об ужасной смерти бывшего начальника полиции города Томска, лютого врага отважных парижан и их русского друга, и о неожиданном появлении на островах Диомида трех канадских охотников, спасших путешественников от неминуемой гибели во льдах Берингова пролива.

Предки этих промысловиков были родом из Франции, о чем свидетельствовали имена звероловов и их прекрасное владение французским языком. Местожительством трех рослых канадцев являлась американская фактория Нулато на территории бывшей Русской Америки, приблизительно в двухстах пятидесяти лье от островов Диомида.

Жозеф Перро и два его брата, Эташ и Малыш Андре, с удивительной легкостью отказались продолжить нелегкий, но суливший немалую выгоду арктический промысел и предложили проводить путешественников до самой фактории, убедив их, что просто не могут лишить себя удовольствия помочь попавшим в затруднительное положение соотечественникам. От имени своих товарищей Жюльен согласился, однако на правах кассира маленького отряда взял с достойных трапперов слово, что по прибытии на место те примут все же небольшое вознаграждение, размеры которого должны быть определены самим Жюльеном.

Прямо скажем, добиться от канадцев такого обещания было нелегко. Охотники упорно твердили, что продают только добытые ими шкурки, да и то американцам, а истинным французам из старой Франции они вправе предложить лишь товар, не имеющий цены, а именно: свою преданность.

— Ну и отлично! — примиряюще ответил Жюльен. — Мы оплатим преданность той же монетой, то есть признательностью, и это справедливо. Но несправедливо, если вы, помогая нам, лишитесь тех доходов, которые мог бы дать зимний промысел. И поэтому я оплачу шкурки не пойманных вами зверей, чтобы вы могли спокойно ожидать следующего охотничьего сезона. Итак, мои отважные друзья, по рукам?.. Тогда в путь!

Якуты раздобыли у местных эскимосов новые олени

* Фантазмагорический — здесь: фантастический, невероятный.

упряжки, канадцы отыскиали свои сани, и вскоре арктический караван решительно тронулся на восток.

Впервые за последнее время дорога обошлась без происшествий. Леса обширного полуострова, заключенного между заливами Коцебу и Нортон и оканчивающегося мысом Принца Уэльского, в изобилии снабжали людей свежим мясом, а оленей — мхами и лишайниками. Да и мороз среди огромных деревьев, покрытых снегом и тем самым создававших заслон против ледяных ветров тундры, был не столь жгуч.

Покинув острова Диомиды, путешественники уже через шесть дней прибыли в окруженный деревянным частоколом форт Нулато, где господин Андерсон, хозяин фактории, оказал им самое сердечное гостеприимство. Друзья вовремя завершили переход. Ибо менее чем через двое суток после их прибытия в городище над Аляской пронеслась череда ураганов, которые сделали бы их странствие менее приятным и более опасным.

Шолем и якуты-каюры, щедро снабженные товарами со складов фактории, немедленно отправились в обратный путь в Сибирь, спасаясь от порывов ветра и метелей не больше, чем французский крестьянин от первого весеннего дождика.

Трое путешественников не без сожаления расставались с отважными якутами, особенно с Шолемом, который также успел привязаться к ним. Этот удивительный человек готов был сопровождать их до самого экватора, куда еще никогда не ступала нога его соплеменников. Но разве можно было забирать из родных краев могучее дитя тундры? Кто знает, не окажет ли жаркое экваториальное солнце отрицательное воздействие на этого «железного человека», привыкшего, как и весь его род, к северной стуже? Поэтому, как бы ни было тяжело, распрощаться все же пришлось.

Наши друзья решили, воспользовавшись холодами, добраться на санях хотя бы до Виктории, столицы Британской Колумбии, однако погода распорядилась иначе, и они надолго застряли в форте Нулато.

Алексей Богданов, счастливый тем, что избавился от ужасов русской каторги, терпеливо переносил неудачу. Жюльен де Клене, уверенный, что они в любом случае достигнут цели, философски ожидал, когда природа наконец успокоится. Один лишь Жак Арно пребывал в унынии, ибо знал, что хотя обычно раннее таяние и сменяется новыми морозами, это, однако, вовсе не исключает того, что весна может наступить вслед за первым же потеплени-

ем и решительно освободить реки из ледяного плена. Поскольку, несмотря на все трудности и превратности странствий по суше, и без того панический страх Жака перед водной стихией в последнее время даже еще более возрос, если только можно было определить так его чувства, то не стоит и говорить, какое огорчение он испытал, когда убедился, что лед на Юконе тронулся окончательно и бесповоротно.

Вернувшись в форт после последнего посещения реки, Жак впал в отчаяние, ибо ни один, даже самый экстравагантный, способ преодоления Юкона не приходил ему в голову. И тут хозяин с присущей американцам флегмой * сообщил ему, словно само собой разумеющееся, что у него есть воздушный шар.

Воздушный шар!.. Здесь!

Жак и его друзья не верили своим ушам. Жюльен, зная, что Жак ни за что не поступится своими принципами, и опасаясь новых коварств местного климата, сразу же загорелся этой идеей.

— Продается ли шар? — обратился он к начальнику фактории.

— Да, если вы захотите купить его.

— Отлично! В каком он состоянии?

— В превосходном. Впрочем, вы сами сможете убедиться в этом, перед тем как выложить деньги.

— Но где, черт побери, вы нашли хранилище для сего навигационного средства?

— Э!.. Ты произнес слово «навигация», — прервал Жюльена Жак.

— Мой дорогой, термин не имеет ничего общего с тем, о чем ты подумал, и мне кажется, что от одного только этого слова ты не заболеешь морской болезнью.

Жак невольно рассмеялся.

— Как нетрудно предположить, — сказал господин Андерсон, — аэростат мне совсем без надобности. Он достался мне от английского капитана Роджерса, когда тот на паровом судне «Город Глазго» отправился на поиски нового пути к Северному полюсу. Этот отважный человек решил осуществить мечту вашего соотечественника Гюстава Ламбера, чья жизнь, к величайшему сожалению, уже оборвалась. Следуя вдоль берега острова Врангеля, Роджерс надеялся найти незамерзающий морской проход.

* Флегма — здесь: невозмутимость, граничащая с безразличием, хладнокровие.

Обнаружив его, он бы вернулся на следующее лето за своим монгольфьером * и здесь, на месте, наполнил бы его водородом. Исследователь собирался с помощью шара изучить режим верхних слоев атмосферы и одновременно, используя особо сильные увеличительные стекла,— простершееся за горизонт ледовое пространство, чтобы убедиться *de visu* **, где лучше прокладывать путь кораблям или нартам. Увы, как и многие другие, капитан Роджерс пропал безвестно, и его детище вот уже три года является моей собственностью. Именно моей, поскольку сумма, которую я смогу выручить от его продажи, едва компенсирует стоимость провизии, одежды, собачьих и оленьих упряжек, которые я в свое время предоставил членам экспедиции.

— И где же теперь шар?

— В одном из бастионов по углам частокола. Я приказал разрушить верхние перекрытия укрепления и установить на высоте кровли крепкий блок, через который пропущен перлинь *** с четырьмя крюками на конце. Затем шар перевезли в бастион и подняли, подцепив крюками за ячейки сетки. Там-то на него и можно взглянуть.

— Прямо сейчас?

— А почему бы и нет?

Действительно, хозяин очень точно описал местонахождение монгольфьера. В центре фортеции ****, словно огромный светильник, висел великолепный аэростат без такелажа *****. Легкая корзина свободно вмещала четырех человек, а шелковая сетка, казалось, была так прочна, что выдержала бы любые нагрузки. Да и сама оболочка летательного аппарата, по-видимому, находилась в отличном состоянии, ибо хранилась в совершенно сухом и прекрасно проветриваемом помещении.

Жюльен пощупал складки, провисшие под сеткой, и не без удивления констатировал, что оболочка сделана не из

* Монгольфьер — воздушный шар, наполненный нагретым воздухом; называется так по имени изобретателей, братьев Жозефа (1740 — 1810) и Этьенна (1745 — 1799) Монгольфье, построивших этот летательный аппарат в 1783 году.

** Воочию (*лат.*).

*** Перлинь — корабельный пеньковый канат толщиной от 10 до 15 сантиметров по окружности.

**** Фортеция — укрепление.

***** Такелаж — совокупность всех снастей судна или воздушно-го шара, имеющих какое-либо служебное назначение.

прорезиненной ткани, а из кусочков бодрюша *, наклеенных один на другой.

— Кишечная пленка,— пояснил капитан,— иногда предпочтительнее прорезиненной ткани. Особенно в полярных областях, где под воздействием холода каучук становится ломким. А с этим материалом вам никакой мороз не страшен, да и ремонт значительно облегчается — достаточно только иметь несколько лоскутов и немного клея для заделывания прорех. Разрыв же тканевой оболочки практически невозможно починить.

— Ну и отлично, дорогой капитан, значит, договорились, и я становлюсь владельцем вашего аэростата,— заключил Жюльен.— С наступлением первых погожих дней мы приступим к его наполнению... У вас ведь найдется, из чего получить водород, а именно: цинк и серная кислота?

— О Господи!..— шумно вздохнул хозяин и звучно, словно в гонг, ударил себя в грудь.

— Что такое?

— Капитан Роджерс не оставил мне ни цинка... ни кислоты!..

Разочарованный вопль вырвался из груди троих друзей.

— Ни газа! — воскликнул огорченно Жюльен.

— Ни газа! — словно эхо, повторил Жак, глубоко огорченный новым препятствием.

— Мой бедный друг,— обратился к нему со вздохом Жюльен,— согласно истине, открытой когда-то господином де ла Палиссом, не следует самому ухудшать свое и без того плачевное положение. Я бы просто сказал, что нам снова предстоит решить очередную неразрешимую задачу.

— Опять ты веселишься, злодей! Не лучше ли изречь что-нибудь дельное?

— Ну что ж, слушай: воздушному шару подъемную силу придать без водорода так же невозможно, как выстрелить из ружья без пороха или приготовить заячье рагу без зайца.

— Неужели нет другого способа получения водорода без этой варварской смеси из цинка и безводной серной кислоты?.. Подумайте, Алексей, что еще можно сделать: вы же ученый! — взмолился Жак.

* Бодрюш — газонепроницаемая пленка из кишок животных, применяемая для изготовления оболочки воздушных шаров и газовых баллонов дирижаблей.

— Есть неплохой способ получения водорода при разложении воды электричеством...

— Ах да, электролиз воды... Мы изучали его на занятиях по физике.

— Но для этого потребуются сложные механизмы,— продолжал Алексей.— Или, по крайней мере, электрические батареи значительной мощности... Конечно, можно было бы использовать энергию падающей воды... Течение Юкона... как мне кажется...

— «Как мне кажется»!.. Хорошенький ответ для ученого, даже если и прозвучал за стенами его лаборатории! — искренне возмущился Жак.— Значит, я, как пень, по-прежнему должен торчать перед рекой, не в состоянии перебраться на другой берег,— да еще на сей раз и с пустым шаром в придачу! Что ж, видно, остается смириться и положиться на милость природы.

Но пассивное ожидание счастливого случая никак не соответствовало нынешнему душевному настрою бывшего помощника префекта, ибо с той поры, как Жак покинул префектуру департамента Сена, его характер сильно изменился. Поэтому, что бы там ни говорили, он не собирался безропотно сдаваться. Вспомнив, что все изобретения в промышленности были вызваны необходимостью, упрямец принялся энергично размышлять и, проведя ночь без сна, наутро вышел к друзьям, радостно потирая руки:

— Держу пари, что ни один из вас — ни вы, юное академическое дарование, возвращенное в московских университетах, ни ты, наш запасливый путешественник,— не додумался, как поднять шар в воздух!

— Если ты предлагаешь пари, значит, уверен, что выиграешь,— заметил Жюльен.— Так с чего это ты так развеселился?

— Это уж мое дело!

— Ах, вот как!

— Именно так.

— А все-таки, что ты там придумал?

— Узнаете, но не сейчас. Чем сильнее вы удивитесь, тем полнее будет мой триумф. Я собираюсь подняться в воздух с помощью устройства, о котором вы даже представления не имеете. И даю вам хороший совет: готовьтесь-ка в путь-дорогу! Я тоже буду собираться, но самостоятельно. А затем мы отбудем отсюда при первой же возможности. Как только прекратится дождь и стихнет ветер — вперед, навигаторы, по воде и по воздуху! Жюльен, можешь покупать шар. А что до вас, дорогой капитан,

то я буду вам весьма признателен, если вместе с ключами от бастиона получу пару ножиц, несколько мотков железной или латунной проволоки, кусок печной трубы из черной жести *, глиняный кувшин из тех, где вы держите свои соленья, двадцать пять литров китового жира и четыре метра тюленьих кишок. Думаю, что раздобыть для меня все эти предметы не составит особого труда.

— Конечно, проще простого,— ответил удивленный хозяин.

— Ах!.. Совсем забыл про обруч из железа или дерева. Материал не имеет значения, лишь бы его диаметр был равен сорока сантиметрам... А теперь, господа, за работу! Займемся-ка каждый своим делом. И главное, чтобы никто не входил ко мне в мастерскую в течение двадцати четырех часов.

Окончательно сбив с толку своих спутников, пораженных не столько его хвастливым тоном, сколько беспорядочным набором предметов, которые обязательный капитан собирался для него разыскать, Жак, важный, как павлин, направился, насвистывая, к бастиону.

Когда же вечером он вошел в гостиную, где собрались за трапезой обитатели большого дома фактории, то можно было смело сказать, что он с пользой употребил время, ибо лицо его буквально излучало сияние. Впрочем, энтузиаст-самоучка ни словом не обмолвился о том, в каком же состоянии находится то, что он отвлеченно называл «моим делом», и, как человек, уверенный в успехе своего начинания, лишь кратко отвечал на многочисленные вопросы:

— Завтра утром... Увидите... Если, конечно, погода позволит... Да... завтра утром я надую мой шар... Сперва простой опыт, а потом и взлет... Теперь же, с вашего позволения, поговорим о другом.

Решительно все способствовало тому, чтобы звезда начинающего изобретателя ярко засияла на небосклоне. Порывы ураганного ветра за ночь разогнали последние дождевые облака, а с восходом солнца подул свежий бриз **, избравший к утру постоянное направление на северо-восток. Лучшей погоды для испытания шара Жак и желать не мог.

Зрители торжественно собрались у бастиона, и наем-

* Черная жесьть — тонколистная мягкая сталь, не подвергнутая лужению, или покрытию оловом.

** Бриз — слабый ветер, дующий днем с моря на нагретый берег, а ночью — с охлажденного берега на более теплое море.

ные рабочие, предоставленные хозяином в распоряжение путешественника, быстро вынесли аэростат во двор, где было намечено произвести его пробный запуск.

Взору присутствующих предстало странное сооружение, в центре коего располагался глиняный кувшин с куском жестяной трубы, выглядывавшим из его горлышка. Жак взирал на свое детище с нескрываемым умилением.

— Он сошел с ума,— пробормотал вполголоса Жюльен, созерцая это чудовище.

— Сошел с ума?! — перебил его Жак с горькой улыбкой непризнанного гения.— Он говорит, что я сошел с ума! Увы, замечательные изобретения всегда встречали на своем пути недоверчивую толпу хулителей. К примеру, разве не отверг Наполеон Фултона *,— на собственное же несчастье? И не заявлял ли господин Тьер **, что железные дороги навсегда останутся всего-навсего дорогостоящими игрушками, а телеграф будет применяться в лучшем случае лишь в лабораторных опытах?.. Вспомним также Араго *** и Бабине ****. Если первый говорил, что пассажиры никогда не станут ездить в туннелях, то второй уверял всех в невозможности создания трансатлантической телеграфной связи... Называю только самых знаменитых, ибо для перечисления всех скептиков и дураков не хватит и целого дня. Ты считаешь, что я сошел с ума, словно мною и в самом деле сделано гениальное открытие. Спешу тебя заверить, что лично я ничего не изобретал, а лишь ограничился повторением эксперимента, поставленного впервые, и весьма успешно, братьями Монгольфье.

— Ладно, давай начинай,— ответил Жюльен без особого энтузиазма.— Если и в самом деле тебя ждет удача, я с радостью тебе поаплодирую, ну а если ничего не получится, то выражу свое сочувствие.

— Готовься аплодировать, я уверен в успехе!.. Впрочем, согласен, что неуклюжий аппарат, который ты видишь перед собой, внешне довольно невзрачен. Однако

* Фултон Роберт (1765 — 1815) — американский изобретатель, построил в 1807 году первый в мире колесный пароход.

** Тьер Адольф (1797 — 1877) — французский государственный деятель, историк, в 1871 — 1873 годах — президент Франции.

*** Араго Доминик Франсуа (1786 — 1853) — французский ученый и политический деятель, иностранный почетный член Петербургской Академии наук.

**** Бабине Жак (1794 — 1872) — французский физик, известен работами по астрономии, магнетизму и теории теплоты.

имей почтение к сему кувшину, содержавшему некогда червивое мясо, ибо сейчас в него заключена душа моего монгольфьера. Правда, слово «душа» звучит несколько вычурно. И все же я настаиваю на нем... Именно душа! В кувшине имеется двадцать пять литров китового жира, в который опущен толстый пеньковый фитиль, продетый через пробку с трубой, прикрепленной к ней, словно стекло к керосиновой лампе. Я рассчитал, что, сжигая этот вид топлива, смогу подогреть воздух в шаре до соответствующей температуры и тем самым придать ему нужную подъемную силу.

— Для начала неплохо. Но получишь ли ты достаточно тепла?

— Вспомни адскую жару в чуме у чукчей, поддерживаемую с помощью ламп значительно меньших размеров.

— Да, правда.

— Продолжаю. Ножницами я прорезал отверстие в нижней части шара и закрепил в нем обруч, чтобы оно все время оставалось открытым. Что же касается тюленьего желудка, то один конец его я подвесил на четырех веревках к внутренней стороне оболочки монгольфьера, расположив ровно посередине, словно вытяжную трубу. Второй же, как видишь, болтается в центре обруча, ожидая с нетерпением, когда я наконец натяну его на жестяную трубу.

— С какой целью?

— Если ветер начнет вдруг швырять из стороны в сторону корзину с установленным в ней этим примитивным нагревательным устройством, то и гибкая труба тоже будет раскачиваться, и я не потеряю ни грана * тепла. Поскольку же мой генератор теплого воздуха достаточно удален от оболочки шара, я смогу не опасаться пожара.

— Но тепло, проходящее по металлическому цилиндру, поджарит тюлений желудок.

— Вовсе нет, поскольку в том месте, где он должен был бы касаться жестяной трубы, на него надеты кольца из пробкового дерева, наложенные друг на друга и образующие изоляционную муфту **.

— А как будет гореть твоя лампа, если у тебя нет ни единого приспособления для создания тяги воздуха, необходимой для поддержания огня?

* Гран — здесь: ничтожно малая величина.

** Муфта — здесь: деталь в виде невысокого цилиндра или кольца.

— Почему нет? Ты просто не заметил его... Приглядись повнимательнее и увидишь четыре ряда дырок, проделанных в жести с помощью гвоздя. Так что моя лампа сможет гореть и подогревать воздух, а это значит, что шар поднимется в атмосферу, и я поплыву — слышишь, свободно поплыву! — в поднебесной выси, не страшись морской болезни, в то время как вы далеко внизу, у меня под ногами, будете плескаться в грязной воде в лодках из оленьих шкур.

— Твоя взяла! Хочешь услышать правду?

— Конечно.

— Так вот, хотя ты и утаил от нас свой замысел, ты победил! Изобретение превосходно!.. Аплодирую и от всего сердца поздравляю тебя!

— Bravo, мой дорогой! Bravo! — следом за Жюльеном воскликнул восторженно и Алексей.

— Я счастлив, достойные друзья мои, что заслужил от вас похвалу, но вернемся к делу. Самое большое удовольствие я испытываю при мысли о том, что мне наконец удалось преодолеть непреодолимое на первый взгляд препятствие.

Внезапно голос Жака был заглушен поистине громовым возгласом, вырвавшимся из глотки хозяина:

— Гип!.. Гип!.. Гип... Ур-ра!.. Великолепно!.. Превосходно!.. Джентльмен, вы достойны называться американцем!.. Посмотрите, вы только посмотрите, шар наполняется!

Мы забыли сообщить читателю о том, что, демонстрируя свое изобретение, Жак соединил все части нагревательного устройства и зажег лампу, — сохраним же вслед за нашим изобретателем это название, — и горячий воздух начал заполнять огромный шар, расправляя постепенно его складки.

Для облегчения запуска аэростат пришвартовали * к мачте с развевавшимся вымпелом форта. Фал **, закрепленный на верхушке и перекинутый через блок, присоединили к пустой оболочке, чтобы, по мере наполнения ее воздухом, удерживать шар в вертикальном положении. Размеры летательного аппарата были таковы, что всего лишь через полчаса он обладал уже столь большой тяговой силой, что когда Жак забрался в корзину, то та даже не коснулась земли.

* Пришвартовать — привязать судно или летательный аппарат канатом (швартовом) к месту стоянки.

** Фал — здесь: веревка (смотрите также примечание к с. 403).

В предвкушении счастливого мига отлета наш герой с поистине детской радостью расхаживал важно в своей птичьей клетке и, страстно желая поскорее перебраться через Юкон, мечтал о том, как уже завтра отправится в задуманное им путешествие, которое, казалось ему, будет непродолжительным и совершенно безопасным. Он уже ясно представлял себе, как возьмет на буксир своих друзей, привязав к корзине лодку, в которой они поплывут: ведь для этого нужна лишь веревка длиной метров двадцать, и все! Поскольку же ему неизбежно придется расстаться с шаром, слишком громоздким для того, чтобы брать его с собой в Южную Америку, то лучше всего, считал он, заранее договориться с лодочниками, которых Жюльен с Алексеем захватят с собой, и те без особого труда доставят аэростат назад.

Восторг хозяина возрастал с каждой минутой. Он при-топывал ногами, издавая звучные «ура», и приглашал всех обитателей фактории на грандиозный праздник по поводу крещения шара:

— Мы назовем его «Аляска», а его крестной матерью станет миссис Андерсон... Гип!.. Гип!.. Ура «Аляске»!.. Прошу вас, господин Арно, возьмите меня с собой!..

— Охотно, дорогой капитан,— ответил Жак.— Места и подъемной силы вполне хватит на нескольких пассажиров. Впрочем, в этом легко убедиться.

Начальник фактории, чей вес неуклонно стремился к ста килограммам, степенно поднялся в корзину, и та под его тяжестью осела на землю.

Прошло несколько минут. Лампа горела, все сильнее нагревая воздух, и корзина, в подтверждение слов Жака, постепенно оторвалась от земли. Сомнений больше не было, шар вполне смог бы поднять нескольких человек.

— Что ж, джентльмены, не кажется ли вам, что на сегодня спектакль окончен? Идемте по домам, а вечером соберемся на наш праздник! — И с этими словами хозяин вылез из корзины.

Жак собирался последовать за ним, но не тут-то было. На глазах у публики, невольно издавшей вопль изумления, аэростат, освободившись от тяжелого груза, взвился вертикально вверх, привязанный к нему фал выскользнул из рук державшего его человека и с пронзительным свистом заскользил по блоку, и через каких-то несколько секунд Жак оказался на высоте не менее тысячи метров. Потрясенные зрители разинув рты глядели в испуге вслед улетающему шару.

ГЛАВА 3

Население Аляски.— Роль трансатлантического кабеля в исследовании Русской Америки.— Река Юкон.— Путешествие по воздуху.— Жак Арно — воздухоплаватель.— Морская болезнь на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря.— Топография Аляски.— Опасность приземления.— Воздушное течение.— Сон — та же еда.— Неприятное пробуждение.— «Где же я?» — Краснокожие.

Берега Аляски, бывшей Русской Америки, были основательно изучены офицерами русского флота. Здесь побывали также экспедиции Лаперуза *, капитана Кука и Ванкувера **. Позднее там высадился капитан Мак-Клур ***, отправившийся на поиски сэра Джона Франклина ****, а совсем недавно тщательнейшее исследование этого края предпринял француз Пинар. Однако вплоть до 1865 года никто, кроме русского морского офицера по фамилии Загоскин ***** , не проникал в глубь Аляски.

Хотя торговцы пушниной и агенты «Компании Гудзона залива» продвинулись дальше других в центральные области Аляски, они не собирались публиковать отчеты о своих открытиях и находках. Поэтому географическая наука довольствовалась описаниями приграничных областей этой обширной территории площадью около миллио-

* Лаперуз Жан-Франсуа (1741 — 1788?) — французский мореплаватель, в 1785—1788 годах руководил кругосветной экспедицией, исследовавшей острова Тихого океана, берега северо-западной Америки и северо-восточной Азии, открыл пролив, названный его именем.

** Ванкувер Джордж (1758 — 1798) — английский мореплаватель, участник второй и третьей экспедиций Джеймса Кука (1772 — 1779), в 1790 — 1795 годах руководил кругосветной экспедицией, исследовавшей тихоокеанское побережье Северной Америки.

*** Мак-Клур Роберт Джон (1807 — 1873) — английский полярный исследователь, в 1848 — 1853 годах участвовал в поисках экспедиции Джона Франклина, в 1850 — 1852 годах прошел через Берингов пролив в Северный Ледовитый океан, открыл остров Банкс и проливы, в том числе названный его именем, в 1853 — 1854 годах совместно с английской экспедицией Э. Белчера вышел на санях к мысу Баффина, завершив открытие Северо-западного прохода из Атлантического в Тихий океан.

**** Франклин Джон (1786 — 1847) — английский полярный исследователь, в 1845 — 1847 годах руководил экспедицией для отыскания Северо-западного прохода, достиг острова Кинг-Уильям, где и погиб вместе со спутниками.

***** Загоскин Лавр Алексеевич (1808 — 1890) — русский морской офицер, внесший значительный вклад в изучение Аляски, в 1842 — 1844 годах руководил исследованиями в районе залива Нортон и Коцебу, в бассейнах рек Юкон и Кускокуим.

на пятисот тысяч квадратных километров, омываемой на севере водами Северного Ледовитого океана, на западе — проливом и морем Беринга, на юге — Тихим океаном и граничащей на востоке с Английской Америкой *.

Текст договора о приобретении Аляски Соединенными Штатами Америки свидетельствует о том, что вместе с ней от России отходили также острова Диомиды, где благополучно завершился первый этап путешествия из Парижа в Бразилию по суше, остров Святого Лаврентия, остров Нувивок, архипелаг Прибылова, состоящий из островов Святого Павла и Святого Георгия в Беринговом море, Алеутские острова, отделяющие Берингово море от Тихого океана и образующие цепь, протянувшуюся полукругом между полуостровами Аляской и Камчаткой, остров Кадьяк, остров Ситка, остров Адмиралтейства и архипелаги Короля Георга и Принца Уэльского, расположенные вдоль западных берегов Аляски, омываемых Тихим океаном.

Что же касается внутренних районов полуострова Аляска, то относительно их долгое время документальные источники практически отсутствовали. Но после двух неудачных попыток, в 1858 и 1864 годах, соединить Америку с Европой при помощи телеграфного кабеля, проложенного по дну Атлантики, американская компания задумала связать Новый Свет со Старым при помощи наземного телеграфа, проведя его, соответственно, по территории Русской Америки и подключив к кабелю, проходившему по дну Берингова пролива. Соответствующие изыскания, начатые в 1865 году, позволили талантливому, обладавшему недюжинной эрудицией художнику господину Фредерику Вимперу восполнить эту лакуну **. Правда, в результате прокладки трансатлантического кабеля, успешно завершившейся десятого августа 1866 года, потребность в наземной телеграфной линии на Аляске отпала, однако для науки открытия господина Вимпера имели огромное значение, и посему в 1868 году в Лондоне были опубликованы весьма своеобразные по форме и содержанию труды этого ученого, проиллюстрированные рисунками, выполненными им же самим.

Отныне Аляска заняла достойное место в географиче-

* Английская Америка, или Английская Северная Америка — здесь: общее название Канады и Ньюфаундленда (ныне — провинция Канады), входивших в состав Британской империи.

** Лакуна — здесь: пробел в знаниях.

ской науке. Были выправлены координаты Юкона, великой реки Аляски, чье устье некоторые картографы помещали на $70^{\circ}30'$ северной широты и около 162° западной долготы, то есть в Северном Ледовитом океане, в то время как в действительности она впадает в Берингово море на 63° северной широты и 166° западной долготы, или на семь градусов южнее и на четыре градуса западнее, чем предполагалось ранее.

Ошибка эта тем более достойна сожаления, что Юкон, название которого пока еще мало кому известно,— одна из крупнейших рек мира. Соперник могучих потоков, орошающих Азию и обе Америки, он не уступит им ни в ширине, ни в протяженности. Сопоставимый по первому показателю только с гигантской Миссисипи * и значительно превосходящий в этом отношении Ориноко **, Юкон в двухстах метрах от своего устья достигает ширины трех километров. А еще дальше он и вовсе разливается столь вольготно, что берега его совершенно теряются из виду. Здесь река образует лагуны *** шириной более двух лье, усеянные бесчисленными островами.

Столь же поражает воображение и протяженность Юкона. Отряд по прокладке телеграфной линии, пройдя вверх по реке расстояние в 650 лье, что составляет общую длину Ориноко, все еще находился более чем в шестистах километрах от ее истока. Каждый приток Юкона равен по своей протяженности крупной европейской реке.

Окидывая взором этот гигант, протекающий по необъятным просторам, равным целым государствам, начинаешь понимать ту наивную гордость, которую он внушает обитающему по берегам его коренному населению. Так, индейцы, вне зависимости от того, из верховий они или из низовий, к какому племени принадлежат и сколь далеко проживают друг от друга,— все эти племена пастоликов, примосков, индижелетов, т-китсков, невикаргу, танана — людей буйвола, нуклукайетов, биршей — людей березы, коюконов, коч-а-кучинов — людей крысы, ан-кучинов или татанчок-кучинов,— с гордостью заявляют: «Мы не дикари, мы — индейцы Юкона!»

* Миссисипи — река в США, одна из крупнейших в мире, протяженность — 3950 километров, от истока Миссури, главного ее притока,— 6420 километров.

** Ориноко — река в Южной Америке, на территории Венесуэлы и Колумбии, протяженность — 2730 километров.

*** Лагуна — здесь: залив, отделенный от основного речного потока песчаной косой.

И раз уж нам представилась такая возможность, то мы воспользуемся ею и, помимо вышеупомянутых, назовем еще ряд племен, обитающих на Аляске и представляющих краснокожую расу во всей ее красе *. Это и луше, проживающие за Полярным кругом, в устье реки Маккензи, и такалли, или карриер, и кутани, и нагаилы, и кольютчес, населяющие острова Ситка и Королевы Шарлотты, и атны, встречающиеся по берегам Медной реки, или Купер-Ривер **, и северные эскимосы, миролюбивые и безобидные люди, с которыми луше ведут яростную войну, и жители Порт-Кларенса, изученные Норденшельдом, и чукчи с мыса Принца Уэльского.

Но и этот перечень племен северо-запада Америки, увы, слишком краткий! Однако мы, к сожалению, не сможем продолжить далее рассказ о нравах и обычаях местных жителей, несомненно, весьма увлекательный, ибо пора уже возвращаться к нашим героям, с которыми мы расстались в форте Нулато во время неожиданного взлета воздушного шара, унесшего Жака Арно в поднебесную высь. Мы надеемся, что читатель простит нас за краткость приведенного описания, скромной целью которого было дать представление о стране, где начинаются новые приключения парижанина, путешествующего вокруг света, и где наш новоявленный воздухоплаватель поднялся в воздух.

Известно, что регулировать высоту подъема воздушного шара можно, в частности, путем увеличения или, наоборот, уменьшения веса балласта. Бывает, что шар, удерживаемый на земле балластом столь же прочно, как и мощным швартовом, легко поднимается в воздух, стоит только убрать несколько граммов груза. В этом случае наполняющий оболочку воздух лишь ненамного легче балласта. Поэтому, зная о ста килограммах капитана Андерсона, нетрудно представить, с какой скоростью Жак Арно устремился ввысь. Из-за значительной разницы между плотностью нагретого воздуха в монгольфьере и плотностью

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает, что население Аляски в описываемый им период составляло примерно 75 тысяч туземцев и метисов и три тысячи белых.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Берега Купер-Ривер, или Медной реки, столь же богаты медью, как и южные берега озера Верхнего. Там можно обнаружить медные плиты длиной тридцать, шириной — семь-восемь и толщиной — два метра». Озеро Верхнее, в США и Канаде, входит в систему Великих озер (смотрите примечание к с. 261).

атмосферного воздуха, температура которого едва достигала трех градусов выше нуля, путешественник буквально в одно мгновение оказался на высоте около тысячи пяти-сот метров над уровнем моря.

Ошеломленный столь неожиданным поворотом событий, не имевшим ничего общего с тем, что ему доводилось пережить ранее, Жак под отдававшиеся звоном в ушах изумленные крики, среди которых можно было разобрать и отчаянные вопли друзей, продолжал с невероятной быстротой подниматься в поднебесье, и скоро собравшиеся внизу окончательно потеряли его из виду. Ослепленный лучами солнца, отважный аэронавт * сидел на корточках на дне корзины и, зажав между коленями кувшин с жиром, попытался обрести свойственное ему хладнокровие. Однако единственное, что ему удалось сделать,— это только съежиться, чтобы стать как можно меньше, хотя бедняга и сам не знал, к чему подобные ухищрения. В столь неудобном положении он и замер, утратив от испуга способность не только действовать, но и мыслить.

Подъем был ужасен. Жаку казалось порой, будто шар уже не поднимался, а, напротив, с головокружительной скоростью падал вниз. И тогда он, охваченный смертельным страхом, словно ему предстояло скатиться в бездонную пропасть, сжимался еще сильнее. Странное падение снизу вверх! Подобные ощущения можно испытать только в кошмарном сне.

Но постепенно скорость подъема стала замедляться и наконец шар, покачиваясь, завис в воздухе.

Сохрани Жак присутствие духа и имей он барометр, он бы определил, что подъем окончен: те, для кого полеты на аэростатах — дело привычное, знают, что без соответствующих приборов трудно установить, поднимаешься ты или опускаешься, поскольку только изменения ртутного столбика могут сообщить точные данные. Но Жак, отправившийся в полет столь неожиданно, во время предварительного испытания шара, не располагал подобными физическими приборами. Да и корзина не была подготовлена к полету: в ней не находилось ни балласта, ни провизии. Наш герой даже не знал, в порядке ли клапан, устроенный наверху монгольфьера. Единственное, чем он обладал,— это небольшим стальным четырехлапым якорем с когтистыми крюками на концах, который, вместе со швартовом, чудом удержался на внешней стороне корзи-

* Аэронавт — воздухоплаватель.

ны. Ситуация, малоприятная для профессионального воздухоплавателя, для человека, совершенно чуждого трудному искусству управления воздушным шаром, становилась просто катастрофической.

Резкие толчки корзины вывели в конце концов Жака из оцепенения и помогли ему обрести обычное хладнокровие — чувство, непременно сопутствующее первопроходцам и редко покидавшее нашего путешественника. Просунув голову через шелковые веревки, крепившие корзину к сетке шара, он уверенным взором окинул летательный аппарат.

— Однако,— задумчиво произнес он,— я вроде бы лечу...— И действительно, аэростат быстро мчался над землей.— Шар движется, словно поезд по железной дороге. Странно, не чувствуя ни малейшего колыхания ветерка, я вижу, как предметы внизу подо мной проносятся с неслыханной скоростью... Домишки под деревьями, кажущиеся отсюда такими приземистыми,— это стремительно убегающий от меня форт Нулато. Широкая, капризно извивающаяся зеленоватая лента, поблескивающая на солнце,— это Юкон... самая большая река Аляски... мой Рубикон *, через который я и в самом деле перешел столь необычным способом, невзирая на преждевременный ледоход и не нарушив установленного мною правила — никогда не подниматься на борт судна, ни большого, ни маленького... Пейзаж, открывающийся из окон этой неожиданной обсерватории, весьма любопытен, и я воистину могу считаться первым, кто его увидел... Бескрайняя горная цепь с заснеженными вершинами, вровень с которыми я плыву,— вероятно, горы Юкона... Не исключено даже, что я поднялся даже немного выше их... Река, текущая вдоль горной гряды с востока на юго-запад,— это Шагелок... Черт возьми, скорость шара все возрастает, и я неумолимо лечу вперед... К счастью, меня несет на юго-восток, в направлении, избранном для нашего путешествия через Северную Америку... Однако, как бы ни был удобен такой способ передвижения, пора бы и остановиться... Друзья, наверное, уже волнуются, а раз цель достигнута, то пора поискать какой-нибудь способ опу-

* Рубикон — река на Апеннинском полуострове, служившая до 42 года до нашей эры естественной границей между Италией и римской провинцией Цизальпинская Галлия. В 49 году до нашей эры Гай Юлий Цезарь (102 или 100 — 44 гг. до н. э.), вопреки запрещению сената, перешел с войсками Рубикон. Отсюда — выражение «перейти Рубикон», означающее решительный поступок, бесповоротный шаг.

ститься на землю... Как все-таки жаль, что в маленькой клетке, где я скорчился, словно голубь на жердочке, со мной нет Жюльена и Алексея... Сеанс воздухоплавания слишком уж затянулся: позади осталось изрядное расстояние!.. Интересно, что они там подумали о моем столь неожиданном отлете?.. Индейцы, живущие в этих краях, наверняка бы испугались неожиданного появления огромного круглого шара, похожего на дневное светило!.. И все равно, не опасаясь за свою репутацию человека скромного, я откровенно заявляю, что горжусь этим маленьким изобретением, которое, хотя и не запатентовано, вполне могло бы занять достойное место в ряду себе подобных... Однако довольно слов. Время идет, набегают все новые и новые километры, а посему пора, выбрав благоприятное для приземления место, нажать на тормоз, или, точнее, открыть клапан, чтобы выпустить горячий воздух.

Сказано — сделано! Жак отцепил якорь от корзины, и тот плавно поплыл в воздухе, словно паучиха на конце своей нити. Затем аэронавт поневоле широко открыл клапан и стал терпеливо ждать, пока аэростат коснется земли.

Шар медленно начал опускаться, и через некоторое время воздухоплаватель отметил не без удовольствия, что предметы на равнине стали увеличиваться в размерах, — свидетельство того, что монгольфьер покидал верхние слои атмосферы.

Но скоро радость уступила место удивлению, а затем и страху: чем ниже опускался Жак, тем с большей скоростью двигался шар. Деревья, холмы, ручейки, овраги летели словно искры от костра: взор путешественника ни на секунду не успевал задержаться ни на одном объекте. В эту минуту он едва ли помнил о том, что так убегает горизонт, когда мы смотрим на него из вагона быстро мчащегося поезда, не будучи в состоянии отделаться от впечатления, что это не мы движемся, а предметы за окном.

Скоро подобное непрерывное мелькание стало не на шутку беспокоить Жака.

Чтобы лучше понять его ощущения, вспомним, что, выглядывая из окна несущегося на полной скорости поезда, видишь, как убегают назад выстроившиеся вдоль железнодорожного полотна телеграфные столбы, в то время как находящиеся вдали предметы, наоборот, устремляются навстречу тебе, отчего и возникает представление, будто они вот-вот столкнутся с поездом.

Спустя какое-то время все предметы закружились в не-

вообразимом хаосе, приобретя причудливые очертания и объемы. Невозможно было ничего распознать, и бедный навигатор * почувствовал, как тошнота подступает к горлу. В висках, словно стянутых железным обручем, застучала кровь, лоб покрылся испариной.

— Черт побери! — воскликнул он, пытаюсь сопоставить эти симптомы с теми, что неизменно предшествуют недугу, одного лишь упоминания о котором он так страшился. — Ошибки быть не может: у меня самая настоящая морская болезнь!.. Выходит, так на роду написано, никуда мне от нее не деться!.. Не лучше было бы тогда подождать еще немного и просто переправиться через Юкон на лодке?.. Такое путешествие было бы и короче и безопаснее!.. Тем более что теперь я не могу приземлиться, не рискуя сломать себе шею... Проклятый шар движется со скоростью более двадцати лье в час, а у меня нет даже специального каната, чтобы с помощью его смягчить удар корзины о землю, которого моей клетушке никак не выдержать при данных обстоятельствах... Пора снова подниматься, и как можно скорее... К счастью, сильный ветер несет меня в нужном направлении... Впрочем, поспешим закрыть клапан и подождем, что будет... Ураган скоро кончится... Когда я отправился в это путешествие, ветер дул со средней силой, сейчас же он — как при хорошей грозе, хотя на небе ни единого облачка!.. Но это меня не особенно волнует... С моим запасом масла я, пожалуй, достаточно долго смогу удерживать шар в состоянии полета.

Если бы Жак вспомнил, на какой высоте расположен форт Нулато, он бы нашел удовлетворительное объяснение такому феномену, как возрастание скорости ветра по мере подъема шара. Фактория на берегу реки разместилась в довольно глубокой долине Нижнего Юкона. На юге, параллельно левому берегу, протянулась небольшая горная цепь высотой до восьмисот метров, известная под названием Юконских гор. Южные склоны ее сменяются чередой горных плато, плавно переходящих в плодородную, упирающуюся в Аляскинский хребет долину, раскинувшуюся на значительной высоте над уровнем моря. Отметим также, что Центральное плато бывшей Русской Америки, протяженностью в двести и шириной — в сто пятьдесят лье, берущее начало у Скалистых гор, спускается к Бристольскому заливу, в то время как земли между

* Навигатор — здесь: воздухоплаватель.

Юконом, Северным Ледовитым океаном и Беринговым проливом представляют собой низменность. И, поднимаясь на высоту полутора тысяч метров из низины, где, словно на дне огромного карьера, пристроилась фактория, шар неизбежно попадал в сильное воздушное течение, никак не ощущавшееся обитателями Нулато.

Ураган, успокоившийся в нижних слоях атмосферы, наверху бушевал с такой силой, что скорость движения аэростата, образно говоря, уже не поддавалась измерению. Отсутствие же облаков объяснялось тем, что северный ветер, пролетая над абсолютно сухими полярными льдами, не мог напитаться водяными парами, и поэтому гонимые им воздушные массы оставались совершенно прозрачными.

Столь же чисты и прозрачны и воздушные массы, гонимые памперо — страшным ураганом, рождающимся в Андах и беспрепятственно пересекающим две сотни лье аргентинской пампы, или пампасов, перед тем как обрушиться на прибрежные города Атлантики. Поскольку в аргентинской пампе никогда не бывает дождей, памперо — абсолютно сухой ураган. Он опрокидывает дома, выкорчевывает деревья, разбивает стоящие у причалов корабли, — в общем, повсюду производит ужасные опустошения, но небо при этом остается безоблачным, а солнце сияет все так же ярко.

Жак закрыл клапан, и вскоре монгольфьер снова набрал прежнюю высоту, где нашему путешественнику более не грозила смертельная опасность внезапного приземления. Хотя скорость полета аэростата возросла, достигнув своего предела, Жак чувствовал себя отнюдь не дурно. Увлекаемый воздушным течением, шар быстро и ровно скользил в поднебесье, составляя со своим пассажиром как бы единое целое, и, глядя на них со стороны, можно было бы смело сказать, что теперь они оба дружно летели вперед. Правда, головокружение, вызванное хаотическим движением объектов на земле, сменилось сонным оцепенением, с которым воздушный навигатор попытался было бороться, но безуспешно. Пустившись в путь после легкого завтрака и не имея с собой ни крошки съестного, Жак философски рассудил, что пора последовать мудрой пословице: «Сон — та же еда». Закутавшись в шубу, он свернулся клубком и тотчас заснул, уткнув нос в колени.

Сон его, несомненно долгий, внезапно был нарушен резким толчком и яростными криками, раздавшимися снизу.

Жак с удивлением открыл глаза, и первое, что он увидел, был монгольфьер, потерявший добрую половину наполнявшего его воздуха, ибо генератор теплого воздуха прекратил работать. Окинув быстрым взглядом окрестности, молодой человек заметил, что впереди, насколько хватало глаз, высилась отвесная горная гряда, чьи заснеженные вершины ярко пылали в лучах заходящего солнца. Аэростат, по-прежнему влечомый ветром, постепенно опускался и через несколько минут должен был коснуться земли. Внизу, куда ни кинь взгляд, простирались раскидистые темные кроны могучих елей, среди которых то там, то здесь, словно хлопья снега, клубились густые дымы от многочисленных костров, разнося по воздуху запах смолы.

По мере того как шар приближался к земле, крики становились все сильнее. Жак свесил голову через борт корзины и в страхе отпрянул. Ватага краснокожих, гроздью повисших на канате якоря, яростно тянула монгольфьер к себе, в то время как остальные их соплеменники прыгали и размахивали руками, потрясая луками, томагавками * и даже ружьями.

— Индейцы! — испуганно пролепетал путешественник. — Индейцы!.. Но где же я?.. Едва ли эта горная цепь — Аляскинский хребет... Ибо трудно представить, чтобы я удалился от форта Нулато более чем на двести миль... Друзья мои!.. Дорогие мои друзья!.. Увижу ли я вас когда-нибудь?

ГЛАВА 4

Три отважных помощника. — Неудавшаяся переправа. — Возвращение мороза. — На санях через реку. — Двадцать четыре часа, изменившие обстановку. — Язык шинук. — Луна-беглянка. — По Аляске. — Остановка. — За свежим мясом. — По следам лося. — Два выстрела. — Волнение канадца. — Мальши Андре в опасности. — На поляне. — Гризли. — Бег вокруг деревни. — Охотник, ставший дичью.

— Вперед, Эташ, Перро, Малыш Андре! Вперед, ребятки! Поспешим!.. Время не ждет... Пора в путь-дорогу!

— Едем, хозяин, едем, — спокойно ответил Жозеф, чьи энергичные движения являли разительный контраст с его медлительной речью.

* Томагавк — у индейцев — боевой топорик.

— Сани готовы?

— Да, хозяин.

— А провиант?

— Упакован и надежно увязан.

— Отлично!.. А оружие?.. Боеприпасы?..

— Вы же знаете, мы, охотники, скорее забудем надеть штаны, чем взять ружья...

— Знаю, дети мои! Отважные, как львы, вы будете мне добрыми помощниками.

— Черт побери, вы что же, хозяин, сомневались, что мы сделаем все, чтобы найти нашего бедного приятеля, которому вдруг взбрело в голову удрать отсюда по воздуху?

— Так я рассчитываю на вас? Вы ведь не вернетесь в форт без известий о нем?.. Без хороших известий, правда?

— Будьте уверены! Положитесь на нас. Слово Перро!

— Слово Эсташа!

— Слово Малыша Андре! — громогласным эхом отозвался следом за старшими братьями и третий богатырь.

— Помните, в течение всего того времени, что вы проведете в походе, вам будет начислена двойная плата. Кроме того, получите также право на часть добычи.

— Что ж, спасибо, хозяин. Однако, не хочу вас обидеть, едем-то мы вовсе не из-за денег, а по велению сердца. Хотя, честно скажу, таких хозяев, как вы, надо поискать! Мы, я и двое моих ребят, дали слово отправиться на поиски нашего земляка и найти его во что бы то ни стало. А раз уж и вы дали нам «добро», большего нам и не надо, мы всем довольны. Не так ли, ребятки?

— Довольны, как северные олени по первой оттепели!

Приход Жюльена и Алексея, полностью экипированных для длительного путешествия, прервал напутствия, с которыми обращался к охотникам капитан Андерсон, хозяин Нулато.

С тех пор как непредвиденный случай в мгновение ока разлучил Жака с друзьями, прошло двадцать четыре часа. И за это время произошли кое-какие события, предшествовавшие описанной выше сцене.

Мучимые тревогой за судьбу незадачливого аэронавта, Жюльен и Алексей жаждали всей душой как можно скорее отправиться на его поиски. Но для этого им прежде всего необходимо было найти способ перебраться через Юкон, ставший мощной преградой между ними и их улетевшим другом. Привыкнув за время пути преодолевать различно-

го рода препятствия, Жюльен и Алексей были готовы к предстоящим трудностям, но широкая река, несшая бесформенные глыбы пористого льда попеременно с гигантскими стволами деревьев, сводила на нет все их планы. Не страх удерживал их от новой попытки переправиться через реку, а лишь естественное стремление избежать верной и бессмысленной гибели.

Но сдаваться они не собирались. И, вместо того чтобы окончательно примириться с создавшимся положением, Жюльен и Алексей решили спустить на льдины байдару — туземную лодку из смазанных салом оленьих шкур, натянутых на каркас из китового уса, что придает суденышку исключительную легкость. Они надеялись перебраться на другой берег, волоча лодку по льдинам и вплавь, лавируя среди ледяных торосов, пересекая промоины.

Глыбы льда, двигавшиеся со скоростью десяти километров в час, ломали и увлекали за собой могучие деревья, выворачивали целые участки берега. Сколь бы ни были велики предметы, встречавшиеся им на пути, они запросто сносили их, создавая хаотические нагромождения, возвышавшиеся, словно холмы, пока, подмытые стремительным течением, не рушились внезапно с ужасающим грохотом.

Смельчаки, десятки раз рискуя быть раздавленными льдами и видя, что их хрупкую лодку в любой миг мог унести бешеный поток, вынуждены были в конце концов вернуться на берег, поразив даже бывалых обитателей фактории совершенной ими отважной попыткой переправиться на тот берег Юкона.

Отчаяние сдавило друзей своими железными когтями. Со страхом думая о том, какая участь ждет их товарища, они хранили мрачное молчание, прерываемое лишь проклятиями капитана Андерсона. Этот милый человек, невольно ставший причиной катастрофы, то и дело оглашал воздух яростными воплями. Он проклинал свою неловкость, посылал к дьяволу все воздушные шары, а заодно и воздухоплавателей, клял свою полноту, и все это в столь живописных выражениях, что при иных обстоятельствах они, несомненно, вызвали бы веселый смех.

Неожиданно Перро, вот уже несколько минут внимательно вглядывавшийся в небо, прервал сокрушенные стенания своего начальника:

— Успокойтесь, хозяин! Да и вы тоже, месье.

— А в чем дело, Перро? — спросил Жюльен, в сердце

которого затрепетала робкая надежда, ибо он полностью доверял опыту канадского охотника.

— Сейчас узнаете, земляк! Дело в том, что этот ледоход вовсе и не ледоход.

— Однако, мне кажется...

— Не обижайтесь, но дайте сперва мне договорить. Я хотел сказать лишь, что это не настоящий ледоход... Понимаете?

— Нет.

— Это же так просто! Ветер, вот уже две недели дувший с юга, этой ночью сменился северным ветром. Так что бедного нашего месье вместе с его шаром унесло в сторону Английской Америки. Ну и, конечно, из-за полярного ветра температура понизилась. Доказательство тому — льдины: они становятся все глаже и глаже. Этой ночью, уверен я, будет так же холодно, как и в самый разгар зимы. Мороз скует реку, и пусть я больше никогда не убью ни оленя, ни сохатого, если завтра Юкон не станет ровным, словно поле.

— Вы уверены в том, мой храбрый Перро?

— Точно так же, как и в том, что мы все когда-нибудь умрем. А посему не теряйте времени! Собирайтесь без лишних слов и не медля отправляйтесь в путь. Будь я посмелее, я бы попросил нашего хозяина месье Андерсона разрешить нам составить вам компанию. Ведь мы — это три верных сердца, три пары крепких рук. И к тому же у каждого из нас — нарезной карабин самого лучшего качества... в этой стране вовсе не лишний... В общем, мы смогли бы неплохо вам послужить!

— Перро, — взволнованно произнес капитан, расчувствовавшись при виде столь трогательной преданности, — вы и ваши братья — известные храбрецы! Делайте, как считаете нужным, предоставляю вам полную свободу действий... К сожалению, я не могу сопровождать вас и лично искупить свою вину.

— Примите от нас слова благодарности! Все будет как надо! Поработаем за четверых — за себя и за вас, хозяин!

— Спасибо, отважные мои друзья! — отозвался Жюльен, тепло пожимая крепкую руку Перро. — Я с радостью принимаю ваше предложение и от всей души выражаю вам признательность и как друг Жака, и как ваш соотечественник-француз!

На следующий день предсказания канадца сбылись почти с математической точностью. Температура ночью

резко упала до минус пятнадцати. Ледяные глыбы, тут же остановившись, смерзлись друг с другом, бесновавшаяся только что река умолкла, и в лучах восходящего солнца перед обитателями форта вновь предстал закованный в зимнюю броню Юкон. При такой погоде переправиться на другой берег не составляло никакого труда.

Руководство экспедицией, отправлявшейся на поиски Жака Арно, взял на себя Перро. Он решил двигаться днем и ночью, ибо ветер мог унести аэростат довольно далеко.

Как уже рассказывалось в начале главы, участники похода получили последние наставления капитана Андерсона, после чего Жюльен и Алексей сердечно простились с хозяином Нулато,— впрочем, прощание их, в силу обстоятельств, было кратким. Затем спасатели разместились в трех саниах, каждые из которых тянула упряжка из двенадцати сильных собак.

Перро в качестве проводника ехал на передних нартах. За ним следовали Жюльен и Эташ, а завершали кортеж Алексей и Малыш Андре.

Когда приблизились к реке, канадец прежде всего проверил прочность нового льда и, лишь убедившись в его надежности, издал резкий свист — сигнал, привычный для собак, и те с громким лаем, сопровождающим обычно отъезд собачьих упряжек, весело понеслись вперед.

— Смелей, мои песики!.. Вперед, зверюги! Вот вам прекрасный случай разогреть лапы! И если будете умниками, то сегодня вечером каждая из вас получит на ужин по куску оленины весом в добрых два, а то и три фунта!

— Почему бедный мой Жак не подождал еще день! — вздохнул Жюльен.

Наступило тридцатое апреля 1879 года. Вновь ударившие морозы моментально покрыли ледяной коркой верхний слой снега, растопленный было преждевременной оттепелью. Гололед необычайно благоприятствовал путешественникам. Собаки бежали резво, увлекая за собой легко скользившие по твердому насту сани.

Перро вел маленький отряд на юго-восток, предполагая, что именно в этом направлении улетел шар. Не забывал он и расспрашивать встречавшихся им в пути индейцев о некоем объекте, летевшем по воздуху. С туземцами канадский охотник объяснялся на шинуке — своеобразном языке, вобравшем в себя лексику французского, английского и местных индейских языков и по своей

структуре схожем с языком сабир, употребляемым на алжирском побережье и в странах Леванта *.

Благодаря обостренному чутью и умению подмечать все необычное, что обусловлено кочевым образом жизни, понуждающим к постоянной борьбе с окружающей природой, краснокожие, разумеется, не могли не заметить огромный, несшийся с большой скоростью шар. Его неожиданное появление глубоко взволновало индейцев племени т-кидски, обитавших по берегам реки Шагелук, текущей по южным склонам Юконских гор и впадающей в реку Юкон немного ниже миссии, основанной посланцами епископальной церкви **. Простодушные дети природы, разумеется, не имели ни малейшего понятия о том, что такое монгольфьер, и испытывали невероятные трудности, отвечая на вопросы канадца. Перро спрашивал их о большом желтоватом шаре, перемещавшемся по воздуху, а индейцы убеждали его, что видели луну, летевшую по небу среди бела дня. Но она, вероятно, была больна, ибо отличалась землистым цветом, не сияла, как обычно, и в довершение выглядела какой-то обрзгшей.

В языке шинук не было подходящих слов для обозначения воздушного шара, и охотник напрасно упражнялся в перифразах ***. Его старания во многом напоминали старания того миссионера епископальной церкви, который, отправившись однажды проповедовать Евангелие индейцам, начал свою проповедь такими словами: «О дети леса!..» К несчастью, толмач **** не сумел найти подходящего выражения, и клирик ***** был несказанно удивлен, услышав дословный перевод его торжественного обращения: «*You tenass sora stick!*..», что означало: «Множество человечков, живущих среди стволов деревьев!..»

Обладая недюжинным запасом терпения, Перро наконец более или менее понял из наивных ответов индейцев т-кидски, что они решили, будто луна удрала, а канадский охотник Перро из форта Нулато отправился ловить бег-

* Левант — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря — Сирии, Ливана, Египта, Турции, Греции, Кипра и Израиля.

** Епископальная, или англиканская, церковь — одна из протестантских церквей (протестантизм, наряду с католицизмом и православием, — одно из трех основных направлений христианства).

*** Перифраза — передача смысла какого-либо оборота речи или предложения другими словами.

**** Толмач — переводчик.

***** Клирик — священнослужитель.

лянку! Опытный траппер, решив sluкавить, не только не стал разубеждать своих собеседников, но, напротив, еще более укрепил их в этой мысли, не без основания надеясь, что подобная новость быстро облетит все соседние племена, и Жак Арно, в случае необходимости, сумеет воспользоваться преимуществами, связанными с его важным положением служителя, оберегающего планету, сбежавшую со своей орбиты.

Действительно, на необъятной территории Русской Америки, вплоть до самых отдаленных ее уголков, любые новости распространяются с необычайной скоростью. Это объясняется тем, что для местных жителей совершить дальний переход, особенно зимой, не представляет никакого труда. За несколько часов аборигены покрывают такие расстояния, что нам остается только изумляться. Например, бросит корабль якорь в Сен-Мишеле, что в бухте Нортонa, и уже через восемь — десять дней об этом становится известно в шести-семи окрестных племенах.

Кстати, так же быстро разносятся новости и среди аборигенов Австралии. Когда прибитый штормом кит застревает посреди коралловых рифов и остается лежать на подушке из морских водорослей, весть об этом бежит словно огонь по пороховой дорожке, и голодные туземцы, предвкушая поживу, прибывают отовсюду, чтобы расправиться с горой мяса.

Перро не ошибся в своих предвидениях. Как бы ни была малочисленна и безвестна их экспедиция, слухи о ней бежали далеко впереди. Не было нужды специально расспрашивать о сбежавшей луне: благодаря своим обязанностям в форте Нулато и бродячей жизни траппера Перро был довольно популярной на Аляске личностью, и сведения сами сыпались на него со всех сторон. В любую минуту находил он услужливого аборигена, что за стакан водки указывал точное направление, в котором двигалась по воздуху беглянка, а затем спешил исчезнуть, опасаясь дальнейших расспросов. Так что, образно говоря, след был взят, и собаки с головокружительной быстротой неслись вперед, стремительно приближаясь к той точке, где приземлился шар.

Путешественники ехали уже три дня и две ночи, переправлялись через Юконские горы, переправились через реки Шагелук и Кускокуим и оставили позади Центральное плато бывшей Русской Америки. Впереди раскинулся Аляскинский хребет, и они готовились перебраться через него по ущелью, откуда вытекает река Нушагак, образующая

в устье, при впадении в Бристольский залив, маленький островок, соединенный с берегом лишь узеньким перешейком и известный тем, что на этом крохотном участке суши расположен форт Александр.

Жюльен и Алексей не переставали удивляться той легкости, с которой возглавивший их экспедицию траппер ориентировался в, казалось бы, весьма непростой обстановке. Они чувствовали, что приближаются к цели, но совершенно не понимали, каким образом шар, будучи наполненным теплым воздухом всего лишь раз, смог улечься так далеко.

Но, как ни велико было их стремление двигаться вперед,— желание это, впрочем, разделяли и канадцы,— Жюльен с Алексеем уступили доводам Перро, убедившим их, что необходимо дать отдохнуть собакам, а также раздобыть еды, тем более что охотник успокоил друзей обещанием, что остановка будет непродолжительной:

— Дичь водится здесь в такой изобилии, что нам остается только выбирать — лосятину или оленину!

— Смотрите, совершенно свежие следы...

— Это лось... Поручим же Малышу Андре обеспечить нас провизией... Ты слышишь, Малыш?

— Да, братец,— ответил богатырь, надевая снегоступы*, и затем, закинув за плечо карабин, не спеша пошел по следу.

— Через каких-нибудь четверть часа вы услышите выстрел,— заверил Перро.— Мы пойдем на этот звук и найдем зверя лежащим на боку, с маленькой красной дырочкой как раз между ухом и рогом,— справа или слева, в зависимости от того, где стоял Малыш.

— Вы в этом уверены? — с сомнением произнес Жюльен.

— Это же так просто! Вот как все будет происходить. Вы знаете, что сохатый близорук. Хотя глаза лось и велики, размером почти с куриное яйцо, он не видит ими дальше кончика своей морды. Зато обладает невероятно тонким слухом. Я не ошибусь, если скажу, что своими длинными, как у осла, ушами он улавливает малейший шорох в лесу. Завывает ветер, словно стая койотов, с треском валятся деревья,— красавец мой спит, словно медведь в берлоге. Но как только среди этого адского шума раздастся едва слышный звук скользящего снегоступа, фюить! — сохатый

* Снегоступы — приспособления для хождения по снегу, наподобие коротких, широких лыж.

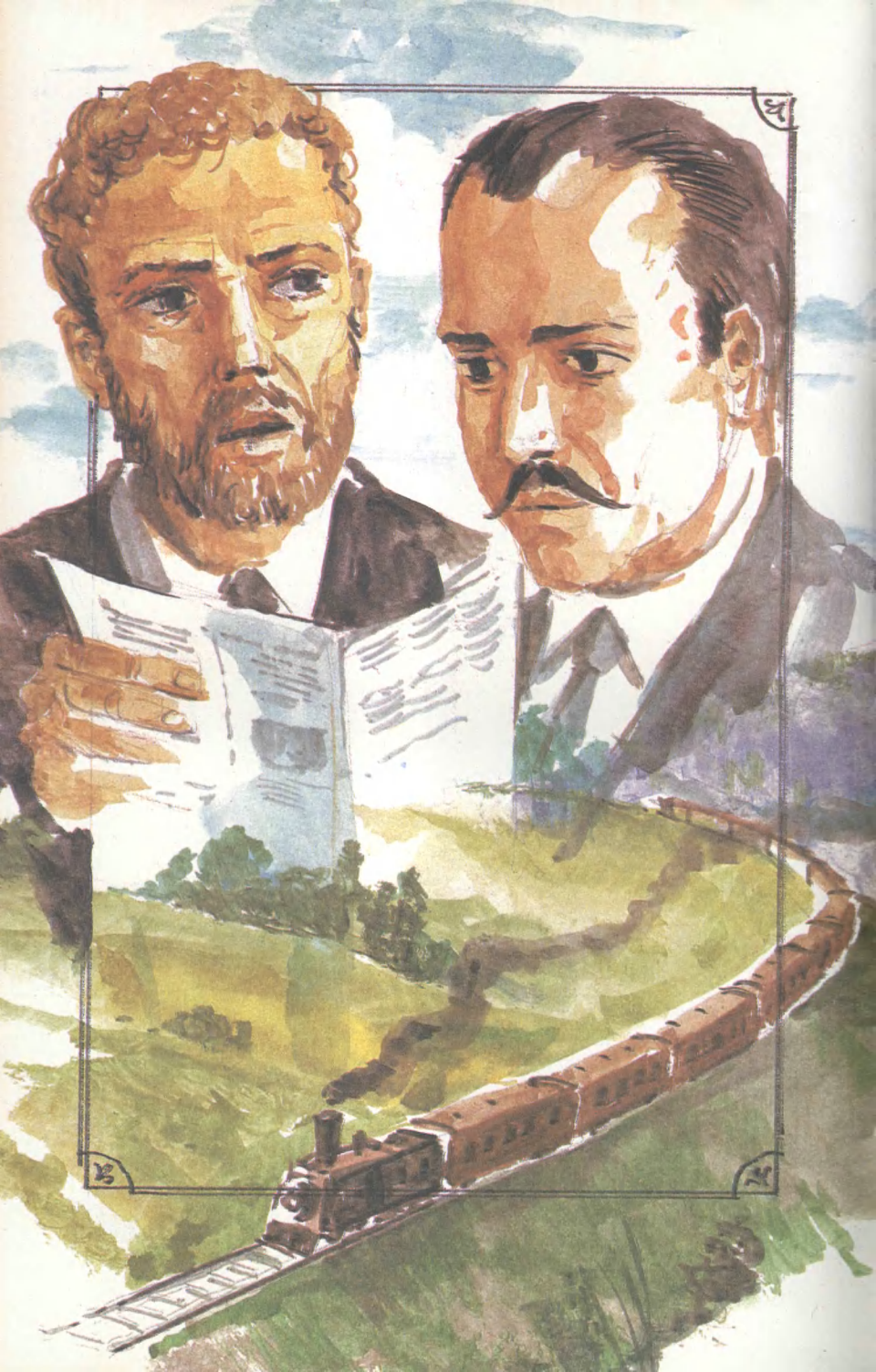

наш исчезает, словно тень. В охоте на лося Малыш Андре не имеет себе равных. Он находит зверя, спящего под елью. Это плохое положение для стрелка. Значит, надо поднять животину. Что может быть проще! Малыш Андре ломает веточку. Сохатый, разбуженный шумом, извещающим о приходе чужака, моментально вскакивает и бросается прочь. Слишком поздно. Малышу Андре достаточно полсекунды, чтобы вскинуть ружье,— и бум!..

Раздавшийся выстрел как бы подтвердил точность данного охотником описания разыгравшейся в лесной чащобе сцены.

— Сохатый мертв,— радостно завершил канадец свое повествование.— Сейчас мы насладимся приготовленной на костре головой, да и собак ждет настоящий пир.

Но следующий выстрел встревожил охотника.

— Малыш в опасности,— сказал он, бледнея.

— Откуда вы это знаете? — быстро спросил Жюльен.

— По второму выстрелу!..

— Может быть, ваш брат сперва лишь ранил животное?

— Малыш Андре никогда не тратит двух пуль на одного зверя! — с достоинством ответил охотник.

— Значит, он убил пару сохатых.

— Нет, я говорил ему лишь об одном... Когда мы не охотимся ради шкур, то убиваем ровно столько, сколько требуется для пропитания.

— Раз так, идемте его искать.

— Именно это я и хотел вам предложить... Эсташ, оставайся с санями... И вас также, господин мой, я бы попросил, если позволите, побыть здесь,— обратился Перро к Алексею и затем вновь повернулся к Жюльену: — Вы готовы, месье?.. А то я ухожу...

Парижанин молча схватил карабин — дар профессора Норденшельда — и устремился за охотником. Хотя он и бежал изо всех сил, но за своим спутником, шагавшим саженой поступью, поспевал с большим трудом.

Идя по следам Малыша Андре, канадец с французом быстро углубились в лес. Преодолев за пару минут метров триста, они выскочили на широкую прогалину и застыли, пораженные страшным зрелищем.

— Гром и молния!.. Мы вовремя явились! — воскликнул Перро.

Посреди заснеженной поляны, в широкой луже крови, бездыханно лежал великолепный сохатый. А дальше, где снова начинался древостой, вокруг толстенной сосны бе-

гал Малыш Андре, пытаясь увернуться от преследовавшего его чудовищного медведя. Ростом с хорошего бизона, но более коротконогий и необычайно подвижный, хотя его длинное тело и могло показаться на первый взгляд неуклюжим, разъяренный зверь был полон решимости расправиться с чужаком, столь дерзновенно вторгшимся в его владения. Он, энергично прыгая, опускался на четыре лапы и, видя, что добыча опять ускользнула от него, разгневанно рычал.

— Гризли! — в ужасе прошептал охотник.

Действительно, это был он, страшный стопоходящий зверь, чьи необычайная сила и невероятная жестокость приводят в трепет всех обитателей североамериканских лесов. Встреча с таким чудовищем всегда малоприятна. Очень часто и нескольких пуль, поразивших жизненно важные органы, оказывается недостаточно, чтобы сразу прикончить животное, и, смертельно раненное, оно, прежде чем упасть замертво, успевает покалечить отважившихся сразиться с ним безумцев. Зная из книг и рассказов, на что способен серый медведь — гроза Скалистых гор, Жюльен испугался, понимая, какой опасности подвергался сейчас самый юный из канадцев.

Перро замер в ожидании момента, когда зверь, обжевав в очередной раз дерево, развернется к нему головой. Но медведь, азартно гоняя двуногую дичь и не обращая на новоприбывших ни малейшего внимания, подставлял взору стрелков лишь жирный крестец.

Обессилев от отчаянного бега по кругу, Малыш Андре остановился и, тяжело дыша, схватился за нож. Дикий зверь, тотчас замерев, напряженно глядел на человека. Подобное противостояние длилось какие-то секунды, а затем состязание в быстроте и ловкости возобновилось с новой силой.

— Эта гнусная образина никак не желает смотреть в мою сторону, — выругался канадец. — Но я заставляю ее показать свою харю — хотя бы на миг!

— Придумал, — прошептал Жюльен. — Я выстрелю в него наугад. Тут он непременно обернется, а там уж дело за вами.

— А вы не боитесь остаться с разряженным ружьем?

— Ну что вы!

— Тогда стреляйте, и побыстрее! Ведь если Малыш Андре поскользнется, он пропал.

— К счастью, спасение совсем близко, в стволе моего нарезного карабина!

ГЛАВА 5

Скорость ветра.— Испуг французских крестьянок.— Торжество краснокожих.— Белый Бизон.— Сын лунт.— Ставка Жака — его скальп.— Демонстрация чуда.— Многочисленная аудитория.— Неуемная жажда зрелищ.— Требование великого вождя.— Отказ от представления.— У столба пыток.— Венценосные особы.— Побег.

Жак Арно не ошибся: корзину действительно раскачивали индейцы, карабкавшиеся по якорному канату аэростата. И это открытие окончательно вырвало француза из объятий сна.

Вдали высился Аляскинский хребет, чьи голубоватые вершины в красных от заходящего солнца венцах четко вырисовывались на северном небосклоне. Шар, подхваченный воздушным течением, менее чем за десять часов пределал путь длиной около восьмисот километров.

Такая скорость передвижения по воздуху может показаться поистине невероятной, но в анналах * воздухоплавания упоминаются случаи еще более быстрого полета монгольфьеров. В 1802 году воздухоплаватель Гарнерен при умеренном ветре пролетел на своем шаре из Ранелага в Колчестер ** со скоростью 128,8 километра в час, или около тридцати шести метров в секунду. В сентябре 1823 года Грин за восемнадцать минут был отнесен ветром на 69 километров 230 метров, что соответствует скорости более шестидесяти четырех метров в секунду, причем шар его поднялся над землей немногим более, чем на четыре тысячи метров. Восемнадцатого октября 1863 года господин Надар на своем монгольфьере «Гигант» преодолел без остановки расстояние между Парижем и Ньебургом в Ганновере *** — около шестисот пятидесяти километров. Вспоминают, что мужественный аэронавт, которого сопровождали в полете жена и несколько друзей, смог окончательно ступить на землю лишь после того, как шар изрядно проволоч их по ухабам и колдобинам, что едва не стоило смельчакам жизни.

Подобных случаев — бесчисленное множество, и поэ-

* Анналы — летопись.

** Колчестер — портовый город на юго-восточном побережье Англии.

*** Ганновер — здесь: в описываемый в романе период — королевство на территории современной Германии, в настоящее время — часть земли Нижняя Саксония.

тому мы ограничимся тем, что в нескольких словах напомним, какова бывает сила ветра.

Адмирал Флерио де Дангль сообщает, что, находясь возле мыса Горн, его судно «Догоняющий» делало тринадцать узлов, или шесть метров семьдесят сантиметров в секунду. Ветер же, по мнению адмирала, имел скорость в четыре раза большую — двадцать семь метров в секунду. Генерал Бодран лично наблюдал, как ветер гнал с позиций три орудия двадцать четвертого калибра до самого защитного вала батареи. Франклин *, желая проиллюстрировать на конкретном примере, какой большой силой может обладать поток воздуха, утверждал, что резкий порыв ветра в состоянии полностью отогнать воду в водоеме шириной тринадцать километров и глубиной девяносто сантиметров с одного берега и довести уровень воды у противоположного до одного метра восьмидесяти сантиметров, что в два раза превышает первоначальный уровень в девяносто сантиметров.

Известно наконец, что во время циклонов корабли, подхваченные ветром, летят по воздуху, словно соломинки, и опускаются там, где присутствие их поистине вызывает изумление. Примером может служить американский корвет «Ваттери», переброшенный тринадцатого августа 1877 года с перуанского рейда Арика на пустынный островок посреди океана.

Не претендуя на занесение в анналы, монгольфьер Жака достиг тем не менее весьма внушительной скорости — двадцати двух метров в секунду, что вполне могло удовлетворить тщеславие воздухоплователя-любителя. Таким образом, нет ничего удивительного, что наш путешественник столь быстро оказался вдали от форта Нулато.

Что же касается изумленных краснокожих, то мы, пожалуй, не рискуем предположить, какие последствия повлечет за собой появление над их головами воздушного шара.

Однако автор не может устоять перед искушением рассказать в связи с этим о небольшом происшествии, к коему и сам был непосредственно причастен.

Итак, если мне не изменяет память, в дни школьных каникул незадолго до начала нового, 1864/1865 учебного года, ну а точнее — вечером пятнадцатого августа,

* Франклин Бенджамин (Вениамин) (1706 — 1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый.

я сидел с одним из своих кузенов под огромным платаном* в красивейшей долине Оеф, когда нам в голову пришла заманчивая мысль сделать воздушный шар и запустить его прямо с площади Питивье.

В ход пошли оберточная бумага и прочие материалы, которые смогли раздобыть в деревне два сорванца. И вот наконец мы срочно развели костер из соломы, наполнили наш аэростат горячим воздухом и, посадив в корзину несчастную, отчаянно мяукавшую кошку, отпустили в воздух. Монгольфьер, увлекаемый легким бризом, полетел не спеша над равниной на высоте около ста метров, и мы, два быстроногих школьника, изнемогавших от безделья в каникулярное время, без труда поспедали за ним.

Вид бумажного, ярко разрисованного жуткими фигурами шара привел в ужас женщин, работавших в поле. Как сейчас слышу их пронзительные крики, вижу, как они испуганно машут руками, а затем бросаются бежать, теряя белые чепцы и путаясь в раздувающихся от ветра голубых юбках.

Шар, сдувшись, стал вскоре медленно опускаться на головы мчавшихся в панике кумушек. Когда же бумажное чудовище приземлилось, самая храбрая крестьянка, потрясая серпом, двинулась к нему: ободренная нашим присутствием, она решила распотрошить монстра.

Я попытался спасти безобидное сооружение от ее гнева, но тут кошка, погребенная под бумажным шаром, стала орать и шипеть, как это обычно делают ее соплеменники, очутившись в отчаянной ситуации. Истошные вопли четвероногого воздухоплователя отозвались в сознании поселянок сигналом «спасайся, кто может!». Увидев, как бедное животное, раздрав когтями оболочку шара, выбралось из бумажного вороха и скачками понеслось по полю, женщины окончательно лишились рассудка от страха, а одна из них даже слегла, не выдержав потрясения.

В тот вечер небольшой городок Экренн буквально бурлил. Почтенные крестьяне рассказывали с жаром о том, как они самолично лицезрели удуэр! Поскольку это варварское слово, несомненно, Французской Академии неизвестно, я позволю себе истолковать его как «домовой», «гном», «живой мертвец» или «злой дух».

* Платан — дерево с зеленовато-серой корой и широкими лапчатыми листьями.

Если подобное событие столь сильно поразило жителей селения, расположенного в двадцати лье от Парижа, то что говорить о том изумлении, которое испытали краснокожие обитатели южных склонов Аляскинского хребта при появлении огромного сфероида * из кишечных пленок, к которому снизу была прикреплена раскачивавшаяся корзина!

Но отдадим должное индейцам: хотя они и суеверны, но страха не знают, риска не боятся и отважно идут навстречу смертельной опасности — и явной и предполагаемой. Вспомним, как после открытия железнодорожной линии Нью-Йорк — Сан-Франциско краснокожие с копьем наперевес становились на путях и, не дрогнув, ожидали приближения стремительно мчавшегося на них локомотива.

Обнаружив под странным сооружением толстенную веревку с крюком, индейцы вцепились в трос и стали тянуть что есть силы, не задумываясь о последствиях. Они полагали, что остановить устрашающих размеров шар будет им нелегко, и несказанно удивились, когда чудовище покорно поползло вниз. Причудливые прыжки и вопли возвестили о бурной радости, охватившей воинов. Притянув корзину к земле, индейцы увидели в ней такое же, как и они, существо — из плоти и крови.

Изнемогавший от холода и голода, смертельно усталый, Жак являл собой жалкое зрелище. Просидев в корзине в неудобной позе, он, воспользовавшись приземлением, разминал затекшие руки и ноги и, стряхивая с себя остатки сна, пытался разобраться, чего ему ждать от краснокожих, буйно выражавших свой восторг по случаю успешного завершения операции.

Выпутавшись из веревок, привязывавших корзину к сетке, Жак вылез на мерзлую землю и потянулся. И тотчас вопли и прыжки прекратились, и воцарилась полная тишина.

Вперед выступил вождь, выделявшийся среди соплеменников длинной белой бизоньей шкурой, наброшенной на плечи, словно королевская мантия, и гортанным голосом произнес на плохом английском:

— Хау!.. Мой брат — большой вождь!..

— Спасибо, вы очень любезны, — ответил Жак, коверкая с не меньшим усердием язык, употребляемый по ту сторону Ла-Манша.

* Сфероид — геометрическое тело в виде сплющенного шара.

— Мой брат прибыл из страны звезд, куда воины, любимые Великим Духом, уходят после смерти?

— Ваш брат, почтенный мой краснокожий, прибыл всего лишь из форта Нулато, где находился еще сегодня утром.

— Хау!..— произнес воин с непередаваемой интонацией, обозначавшей у людей его племени глубочайшее удивление.— Мой брат летает быстрее, чем орел в Скалистых горах!

— Да, особенно когда свежий ветер подгоняет шар.

— Что мой брат подразумевает под словом «шар»?

— Да тот аппарат, что доставил меня сюда.

— Хау!..— с яростью в голосе произнес краснокожий.— Мой брат смеется надо мной? Он что, принимает Белого Бизона за глупую старуху, от которой можно скрыть, кто он и откуда? Разве пришелец не боится навлечь на себя гнев вождя меднокожих индейцев?

— Успокойтесь, лубезный мой, не сердитесь и объясните, чего вы хотите.

— Да не будет язык моего брата раздвоенным языком змеи! Пусть он признается Белому Бизону в том, что он — сын луны...

— Ах, вот как! — изумленно воскликнул Жак.

— И еще он должен рассказать отцу меднокожих индейцев, почему луна, которую он привел к нам, больна и лежит на боку под этой сосной, словно пустой бурдюк. Если брату моему дорог его скальп, то ему следует хорошенько подумать, прежде чем отвечать.

— Ладно! — проворчал Жак, совершенно сбитый с толку.— После всех недоразумений, с которыми я столкнулся в последнее время, мне не хватало только обвинения в похищении постоянного спутника нашей Земли. Поразительная чушь, даже в устах индейца! Герои Гюстава Эмара *, и те не изрекают подобных бредней! Однако, Жак, мальчик мой, сохраняй спокойствие, если растительность на голове еще тебе дорога, и не требуй ее лечения медными припарками в виде ударов томагавками. Этот парень терракотowego ** цвета почему-то хочет, чтобы ты

* Эмар Гюстав (настоящее имя — Оливье Глу; 1818 — 1883) — французский писатель, автор приключенческих романов, повествующих о жизни индейцев.

** Терракотовый — здесь: красно-коричневый (по цвету терракоты — обожженной глины, используемой для производства художественных изделий).

был сыном луны... Не будем его разочаровывать и постараемся воспользоваться преимуществами, связанными с нашим небесным происхождением. Черт побери, если он готов платить, то получит, чего хочет!

— Мой брат понял? — спросил Белый Бизон.

— Да, вождь!

— Но здесь есть молодые воины, чьи уши должны быть глухи, а глаза — слепы... Тем более не следует женщинам и детям слушать то, что поведает мне сын луны.

— Обещаю, Белый Бизон один будет слушать сына луны! — величественно произнес Жак и затем выдохнул в сторону: — Уф!.. Я запутался самым жалким образом! Никогда мне не найти таких внушительных и торжественных слов, что столь гладко звучат со страниц романов Купера, Ферри, Дюпlessи и уже упомянутого Эмара!

— Хорошо! — ответил вождь, обрадованный уступчивостью Жака, которая должна была еще более возвысить его в глазах подданных. — Мой брат получит пищу!.. У него будет отдельное жилище!.. Он станет гостем Белого Бизона!

Жак, обрадованный не менее вождя, последовал за своим венценосным провожатым. Тот, великодушно взяв на себя роль камердинера * сына луны, ввел его в вигвам — просторную конусообразную хижину, покрытую шкурами, выкрашенными в красный цвет отваром из березового луба **.

Воздухоплаватель съел огромный кусок жареной лосятины и, растянувшись на гряде мягких шкур, заснул мертвым сном, возвращая своему организму долг за ночные бдения во время полета шара над Аляской.

Первым, кого он увидел, пробудившись утром, был Белый Бизон в боевой раскраске, то есть ярко размалеванный, что придавало его лицу выражение карикатурное и отталкивающее.

— Брат мой, — обратился вождь к Жаку, — идем, ты покажешь свое могущество людям племени меднокожих.

— Ах, черт возьми!.. — вспомнил воздухоплаватель свои вчерашние обещания. — Что ж, игра продолжается... Луна... Сын луны... Чего желает Белый Бизон?

* Камердинер — здесь: личный слуга.

** Луб — здесь: волокнистая внутренняя часть коры некоторых деревьев.

— Сейчас луна погрузилась в сон, похожий на смерть. Пусть брат мой вернет ее к жизни и, как вчера, поднимется вместе с ней в воздух.

— Согласен, но никто не должен видеть, как белый человек будет оживлять луну.

— Даже великий вождь? Мой брат дал слово, и Белый Бизон приготовился увидеть, как ты оживишь луну: взгляни на боевые цвета Белого Бизона, и ты сам поймешь это!

— Вождь все увидит и все узнает, но только немного позже.

«Пока,— подумал путешественник,— эти достойные люди весьма нетребовательны... Если я правильно понял варварский английский язык их вождя, они просят меня всего лишь подняться в воздух, то есть, по существу, то небольшое, что я в состоянии для них сделать. Для меня же главное — выиграть время, и, следовательно, надо удовлетворить их любопытство, сохранив при этом величие и таинственность. Друзья, оставшиеся в форте Нулато, наверняка не сидят без дела! Они, без сомнения, уже идут по моему следу и с минуты на минуту прибудут сюда».

Белый Бизон приказал на всякий случай возвести за ночь вокруг аэростата частокол. Стоявшие у ограды вооруженные воины получили строгий наказ никого и близко не подпускать к луне. Подобные распоряжения вождя как нельзя лучше соответствовали планам Жака. Благодаря им он, возобновив запасы жира, смог один пройти за изгородь, где спокойно привел в порядок перепутавшийся такелаж и зажег генератор теплого воздуха,— словом, незаметно для индейцев приступил к подъему шара.

Затем он вышел величественно из-за ограды, окинул торжествующим взором толпу больших и маленьких краснокожих,— взрослых и детей, толпившихся на почтительном расстоянии от забора,— и попросил вождя приблизиться.

Белый Бизон, невозмутимый по натуре, как это вообще свойственно его соплеменникам, имеющим обыкновение не выказывать своих чувств, на этот раз не смог скрыть своей радости.

— Мой брат уже приготовил великое лекарство, которое вернет луну к жизни? — быстро спросил он.

Жак кивнул с достоинством и, вдохновляясь воспоминаниями о романах упомянутых выше авторов, которыми

он зачитывался долгими вечерами в коллеже Святой Варвары, молвил торжественно:

— О да! Не хочет ли Белый Бизон проследовать за изгородь, чтобы своими глазами увидеть, как свершится чудо?.. И пусть раскроются глаза великого вождя!.. Белый Бизон сможет лицезреть то, чего никто из людей его племени никогда не созерцал. Бизон — великий вождь... И даже под страхом самых ужасных пыток он никому не расскажет о лекарстве белого человека.

— Хау!.. Сын луны получил слово отца меднокожих индейцев! Бизон будет нем, словно красные камни с берегов Атны!

В эту минуту раздался отчаянный крик, один из тех адских воплей, которые издаются обычно краснокожими при сдирании волос с кожей с головы несчастного пленника и нередко сопровождаются темпераментными завываниями, задающими ритм зловещему танцу скальпа и заглушающими стоны привязанной к столбу пыток жертвы.

Жак поднял глаза и понял причину внезапного волнения. Над частоколом показалась огромная округлая масса. Почти целиком заполнив огороженное пространство, она начала плавно подниматься.

— Луна восходит!..— сдавленным голосом воскликнул вождь, хватая Жака за руку.— Мой бледнолицый брат воистину избранник Великого Духа!

— Этого еще не хватало! — недовольно пробурчал Жак.— Еще немного, и меня здесь канонизируют *.— Затем, сделав вид, что не заметил испуга своего собеседника, произнес громко: — Пусть вождь прикажет принести мне длинную веревку... Отлично! А теперь пусть Бизон следует за мной.

Монгольфьер быстро наполнялся, ибо наружная температура значительно понизилась.

Понимая, что нельзя терять ни минуты, Жак поспешно привязал к якорю веревку, принесенную воинами, а другой ее конец закрепил на одном из крепко вбитых в землю кольев. Заметив валявшиеся на земле большие куски металла, являвшиеся великолепными образцами природной меди, он положил несколько штук в качестве балласта в корзину и стал терпеливо дожидаться окончательного наполнения шара.

* Канонизировать — здесь: причислить к лику святых.

Огромная сфера поднималась все выше и выше. Шар уже целиком висел над изгородью, складки оболочки из бодрюша быстро разглаживались.

Путешественник молча занял место в корзине. Эта тишина, а также скупые движения Жака пугали вождя краснокожих гораздо больше, нежели сам шар, ибо он привык, что колдуны его племени любое чародейство сопровождали ужимками, прыжками и пронзительными выкриками.

Поскольку аэростат уже был готов к подъему, Жак ловко выбросил несколько кусков балласта, привел корзину в равновесие, мощным выдохом погасил невидимое вождю пламя, трепетавшее на конце фитиля, потом швырнул на землю еще один кусок меди и величественно вознесся в воздух...

Не стоит описывать бурные эмоции, вызванные подобным чудом. Читатель сам легко представит себе, какие впечатления, мысли и догадки вихрем пронесли в головах простодушных индейцев, многие из которых, несомненно, были близки к умопомешательству. Сообщим лишь, что Жак, поднявшись на высоту каната, удерживавшего в плену аэростат, несколько минут висел в воздухе, обзревая окружающее пространство.

Сознавая, что с первого раза не следует полностью удовлетворять любопытство зрителей, Жак открыл клапан и, медленно выпуская из шара воздух, произвел мягкую посадку на глазах бесновавшихся вокруг краснокожих.

— Ну что,— сказал он, водружая шар в отведенный для него загон,— Белый Бизон удовлетворен? Признает ли он могущество своего бледнолицего брата?..

Бедный индеец был настолько поражен случившимся, что утратил дар речи. Он ничего не понял в действиях Жака и был убежден, что сын луны поднялся в воздух потому, что просто-напросто подул на луну!..

Путешественник, ободренный первым успехом, наивно решил, что теперь хотя бы на некоторое время почитатели оставят его в покое. Но он жестоко ошибся.

Как мы уже говорили, новости среди индейцев Северной Америки распространяются с невероятной быстротой, и уже вечером того же дня из соседних племен нагрянули толпы любопытных. Среди новоприбывших было изрядное число скептиков. Белый Бизон, по прихоти

случая ставший хозяином невиданного чуда, не мог позволить, чтобы слова его подвергались сомнению, и Жак волей-неволей вновь был вынужден выступить в роли чародея.

Утром количество гостей удвоилось, и луна должна была подняться для них.

Но это было только начало. К вечеру гостей стало еще больше. Полдюжины сахемов * и прочих венценосных особ, прибывших с запада, тут же потребовали от Белого Бизона обещанного представления.

Утомленный Жак отказался наотрез. Уговаривая сына луны, вождь сыпал жемчужинами своего примитивного красноречия. Но все напрасно, путешественник был непреклонен.

— Хорошо же,— ядовито прошипел краснокожий.

Не прошло и пяти минут, как отряд воинов в боевой раскраске пришел за упрямцем, и, не обращая внимания на сопротивление, индейцы потащили его и привязали, не утруждая себя объяснениями, к высокому, выкрашенному известкой столбу, врытому посреди площади, окруженной хижинами.

— Известно ли моему бледнолицему брату, как называется то бревно, к которому его привязали? — спросил Жака невеста откуда появившийся Белый Бизон, вооружившийся за это время огромным луком.

— Нет! — прорычал разъяренный Жак.

— Это столб пыток. Сейчас сюда придут мои молодые воины, чтобы показать свое искусство владения луком. Мишенью для их стрел станет сын луны. Мой брат увидит, как вокруг его головы полетят стрелы, услышит свист пуль, почувствует удар томагавка, от которого задрожит этот ствол дерева. Мой брат прекрасно понимает, что молодым воинам надо развлечься и занять наших гостей.

— Ах, вот как!.. Значит, я стану для них живой мишенью?!

— Если, к несчастью, пуля, стрела или томагавк, пущенные неловкой рукой, поразят моего бледнолицего брата в один из жизненно важных органов, Белый Бизон будет оплакивать сына луны и, чтобы память о нем никогда не покинула жилище Белого Бизона, повесит его скальп у себя над очагом.

* Сахем — у индейцев — вождь племени.

— Я принимаю ваши доводы, мой достойный краснокожий брат! — с деланным смехом произнес воздухоплаватель.— Отвяжите меня. Я на все согласен. Однако же, достойный друг мой, ваши коронованные особы, хотя венцы их сделаны всего лишь из перьев, дьявольски требовательны!..— И добавил, уже обращаясь к самому себе: — Главное, друг мой,— терпение! Прояви сдержанность. И, как говорят, проживем — увидим!

Но и на третий день толпа не убавилась. Напротив, она стала еще пестрей и многочисленней. Так что Жак был уверен, что, если его пребывание у меднокожих индейцев затянется, сюда соберутся любопытные со всех концов Северной Америки и ему придется провести остаток жизни в нескольких сотнях футов над уровнем моря.

Оставив, казалось, надежду на избавление, он каждое утро бодро направлялся к своему монгольфьеру, огражденному частоколом, вокруг которого медленно прохаживалась почтенная стража.

Однако, постоянно приготавливая все необходимое для подъема, Жак разместил в корзине незаметно собранный им объемистый сверток с лишь одному ему известным содержанием. В тот день, собираясь в очередной раз подняться в воздух, отважный путешественник с беспечным видом побеседовал с сахемами, разместившимися на специально отведенных для высоких гостей местах, а затем отправился к себе на «взлетную площадку», названную им в шутку артистическим фойе. С особым вниманием наблюдал он сейчас за наполнением шара, хотя никто из индейцев не догадался бы, что воздухоплаватель стремится получить максимум подъемной силы.

Наконец долгожданный момент настал. Жак, как обычно, забрался в тяжело нагруженную корзину, привел ее в состояние равновесия, и монгольфьер под восторженные вопли сотен краснокожих медленно поднялся в воздух.

Через минуту канат, удерживавший шар на земле, туго натянулся. Однако на этот раз он был не привязан к якорю, а просто закреплен на краю корзины.

— Белый Бизон! — позвал Жак, сложив руки рупором.— Ты меня слышишь?

— Да,— ответил сахем.

— Ты осмелился поднять руку на бледнолицего!..

Твои воины привязали меня к столбу пыток!.. Берегись, Белый Бизон! Лекарство сына луны всесильно...

И, высказав сию угрозу, Жак отвязал канат. Тот со свистом упал на землю, а монгольфьер стремительно взлетел вверх и скоро скрылся с глаз удрученных расставанием с луной дикарей.

ГЛАВА 6

*Игра в догонялки.— Звериный Квазимодо *.— Кончина старикана Эфе **.— Монолог Перро.— Встреча Малыша Андре с медведем.— Неизменное правило искушенного стрелка.— Оплошность.— Утрата старых традиций.— Роковой выстрел.— Отец Врачевания.— У атнов.— Опоздание.*

Вернемся на поляну, где Малыш Андре, спасаясь от серого медведя, бегал вокруг сосны, пока его брат и Жюльен де Клене спешили к нему на помощь.

Молодому охотнику не позавидуешь. Зверь с яростным упорством преследовал его. Ни появление новых людей, ни их крики были не в состоянии отвлечь хищника от избранной им жертвы.

Перро требовалось только одно: чтобы чудовище хотя бы на миг повернуло голову в его сторону.

— Дай мне лишь взглянуть тебе в глаза, скотина, и я подстрелю тебя, как зайца!..

Напрасная надежда! Напрасное ожидание!

Наконец, утомленный бесконечной игрой в догонялки, медведь, так и не сумев настигнуть молодого человека, внезапно остановился, словно ему надо было подумать, как быть дальше, а затем грузно осел на землю, предоставив обоим спасателям возможность любоваться его мощным крестцом.

Вот тогда-то Жюльен и решил сделать выстрел, от которого зависело спасение охотника, ставшего дичью. Вскинув карабин, он выстрелил прямо в центр горы, поросшей серой свалявшейся шерстью...

* Квазимодо — здесь: урод (по имени героя романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», отличавшегося отвратительной внешностью).

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар отмечает, что охотники в западных районах Северной Америки прозвали гризли, или серого медведя, старым Эфранмом, или Эфе (уменьшительное от «Эфраим»).

Пуля застряла в толстом слое жира. Гризли испустил сдавленный рык, напомнивший грохот экипажа по вымощенной камнем мостовой.

Моментально перезарядив карабин, француз произнес доверительным тоном:

— Не правда ли, Перро, у него прекрасный баритон?

— И чудесная мордочка, как вы сейчас в том убедитесь,— ответил канадец, словно речь шла о кунице или песце.

Обеспокоенный неприятными ощущениями, вызванными внезапным вторжением в плоть кусочка свинца, и, осознав наконец, что эти двое решительно добиваются его внимания, зверь, снова зарывчав, сердито развернулся, готовый хоть сейчас броситься на непрошенных пришельцев.

Медвежье рыло, почтительно названное Перро мордочкой, оказалось как раз напротив Жюльена. Бывалый путешественник, он многократно попадал в различные переделки, но еще никогда не доводилось ему видеть выражения столь тупой и неистовой ненависти.

Действительно, разъяренный лев ужасен, но его неподражаемо гордые черты всегда сохраняют благородство, приплюснутая, словно вдавленная внутрь морда тигра не теряет гармонии форм даже тогда, когда животное охвачено неукротимым бешенством, физиономия же медведя, злобная и карикатурная одновременно, вызывает и ужас и смех. Устрашающая, нелепая образина, словно кто-то в шутку соединил воедино голову лисицы с башкой кабана!..

Жюльену хватило одной секунды, чтобы на всю жизнь запечатлеть в памяти портрет гризли и в двух словах сформулировать свое впечатление:

— Звериный Квазимодо!

Перро, не читавший «Собора Парижской Богоматери», не понял его сравнения. Приставив к плечу нарезной карабин, он лишь выругался сквозь зубы:

— Ах ты, погань такая!.. Дорого же ты мне заплатишь за страхи Малыша Андре!

Раздался выстрел. Гризли поднялся на задние лапы, а передними начал тереть морду, пытаясь вырвать оттуда кусочек свинца.

— Ну что, съел?! — насмешливо произнес Перро.— Хватит с тебя и одной конфетки, старикан Эфе, и черт меня побери, если ты сумеешь переварить ее!

В самом деле, чудовище затопталось на месте и зашата-

лось, безуспешно пытаясь сохранить равновесие. Потом медведь опустил лапы и с хрипом грузно рухнул на снег.

Жюльен, заядлый спортсмен и тонкий ценитель искусной стрельбы, от всей души заплодировал удивительной меткости канадца, тем более что великолепный выстрел был произведен после утомительной пробежки в триста метров, и к тому же Перро был охвачен мучительной тревогой за брата, которому грозила смертельная опасность.

— Замечательно, дорогой товарищ!.. Bravo!.. — воскликнул француз, повернувшись к охотнику, флегматично перезаряжавшему свое оружие.

— Вы знаете, куда попала моя пуля? — с гордостью спросил в ответ канадец, раскрывая объятия бежавшему им навстречу Малышу Андре.

— Понятно, в цель! — уверенно произнес Жюльен.

— Вы найдете ее в левом глазу, месье, — уточнил охотник. — Слышите, именно в глазу, откуда она проникла прямо в мозг! Это — самое лучшее место, чтобы убить гризли наповал!

Малыш Андре подбежал к брату.

— Вот и ты, братишка! — начал Перро. — Не объяснишь ли мне, как эта грязная скотина застала тебя вдруг врасплох?

— Брат... Не ругай меня! — воскликнул все еще бледный молодой человек. — Все обошлось благодаря тебе.

— Черт возьми, я и сам это знаю... Именно поэтому, паршивец, я и сердит на тебя! Я не смогу больше доверять тебе! Не смогу спокойно отпускать тебя на охоту! И мне, Жозефу Перро, кто никогда и ничего не боялся, придется теперь всю оставшуюся жизнь дрожать за твою шкуру! Каково, а! Не за горами твое тридцатилетие, получил же ты от меня карабин, когда тебе еще не было и двенадцати. Я хотел сделать из тебя неплохого стрелка... И, казалось, мне это удалось... Впрочем, если говорить по справедливости, то и в самом деле удалось — нам обоим!.. Итак, спрашиваю тебя, как случилось, что ты повел себя как заправский мозгляк... да еще в присутствии настоящего француза! Француза из старой доброй Франции!.. Так что же случилось?.. Объясни мне... Говори же хоть что-нибудь, все равно что!.. Мы простим тебя, правда, месье?

— Еще бы! — ответил Жюльен, забавляясь сим странным монологом.

— Видишь ли, братец, в этом виноват мой карабин.

— Ты что, забыл, что стрелок всегда валит свой про-

мах на ружье? Промазать — это то же, что растратить доверенное тебе имущество. Так вот, мы слышали два выстрела, а на земле лежит всего лишь один лось. Значит, растратчика зовут Андре Перро... Впрочем, расскажешь потом все по порядку. А пока я извещу остальных, что оснований для волнений больше нет и они спокойно могут направляться к нам вместе с упряжками.

Перро повернулся в ту сторону, где остались Эсташ с Алексеем Богдановым, и трижды резко тявкнул, подражая койоту *. Это был давний условный сигнал охотников.

Через десять минут все пятеро собрались возле туши гризли, сюда же подтащили и лося. Быстро разбили импровизированный лагерь. Канадцы, имевшие богатый опыт обустройства временных стоянок, мгновенно расчистили снег, и вскоре в центре образовавшейся площадки весело запылал большой костер из сухих еловых ветвей. Огненные языки с треском взвились ввысь, запахло смолой и хвоей.

Напуганные соседством с убитым медведем, собаки, поджав хвосты и ошетинив шерсть, сбились в кучу в двадцати шагах от костра в ожидании, когда их постоянный кормилец Перро начнет резать мясо.

Охотник приступил к разделке лосиной туши с той особенной ловкостью, которая присуща только американским трапперам.

— Морду и филей я отложу для нас, остальное уступим собакам, согласны?.. А ты, Малыш Андре, отправишься в наказание снимать с гризли меховой халат. Когда закончишь, то для лучшей сохранности натрешь шкуру мозгами сохатого... Надеюсь, месье де Клене будет столь любезен, что не откажется принять ее в подарок...

— Ты говоришь, «в наказание», — отозвался Малыш Андре. — Но в наказание за что?.. Я вовсе не возражаю против того, чтобы избавить старика Эфе от его зимнего одеяния, но я не заслужил, чтобы ты поручал мне эту работу в наказание за неведомый проступок. Я же сказал тебе, что если и сделал два выстрела, то виноват в том лишь мой карабин.

— Ладно, братец! Давай-ка объясни нам, пока будет готовиться рагу, что же с тобой приключилось.

* Койот, или луговой волк — млекопитающее рода волков, внешне похож на волка, но менее крупный (длина тела — около 90 сантиметров), обитает в Северной и Центральной Америке.

— Нет ничего проще. Я убил лося и только собрался выпустить из него кровь...

— Не перезарядив ружье, безмозглая твоя голова?! Словно я никогда не учил тебя, что это следует делать в первую очередь.

— Согласен. Это моя оплошность.

— Ладно уж, по крайней мере, ты не промазал.

— Итак, только я собрался перерезать горло убитому лося, как вдруг услышал сзади шаги, а затем такое сопение, какое никогда бы не смог извлечь из глубин своего носа ни один человек, страдающий насморком. Оборачиваюсь, и кого же я вижу в двадцати шагах от себя? Гризли! Учув поживу, он вертел своим свиным рылом, наслаждаясь запахом свежего мяса. Нельзя было терять ни секунды. Я бросился перезаряжать свой старый карабин, до сих пор служивший мне верою и безотказно.

— Самое время!

— Нажимаю большим пальцем на скобу затвора и жду, что сейчас выскочит пустой патрон. Но не тут-то было! Чувствую, как в механизме что-то заело. Время торопит, я жму сильнее, рискуя все сломать. Наконец медная гильза вылетает. Едва я вставил в ствол новый заряд, как гризли бросается на меня с быстротой молнии, и я уже не успеваю ни вскинуть ружье, ни прицелиться. Собрав все силы, чтобы выдержать его наскок, забыл, что проклятый карабин не только заряжен, но еще и со взведенным курком. И когда сверху на меня обрушиваются пятьсот или шестьсот килограммов звериной туши, мой палец машинально давит на собачку *. Раздается выстрел, пуля летит наугад, и тут же морда хищника окрашивается в красный цвет. Медведь отступает. Я вскакиваю и одним прыжком оказываюсь возле могучей сосны. Гризли, оправившись от испуга, снова переходит в наступление. Я бегу вокруг дерева, он — за мной.

— Почему же ты не перезарядил карабин на ходу?

— Потому что тогда-то со мной и случилась эта напасть: я не смог открыть затвор. Его заклинило так, словно в патроннике гильза расплавилась. Я решил, что, наверное, отказал эжектор **. Короче говоря, я лишился ружья и мог надеяться теперь только на снисходитель-

* Собачка — здесь: спусковой крючок в охотничьем ружье.

** Эжектор — здесь: механизм для выбрасывания стреляных гильз.

ность старика Эфраима да на охотничий нож — единственное оставшееся у меня средство защиты.

— Чтобы вспороть брюхо такому зверю, нужен, пожалуй, настоящий тесак, вроде тех, что изготавливаются в Шеффилде *. Выходит, без нас ты совсем бы пропал...

— Это уж точно!.. Никак не думал, что окажусь между лосем и гризли!

— В лесу, братик, надо быть готовым ко всему. Но хватит об этом: и так все ясно. Надеюсь, ты на всю жизнь запомнишь сегодняшний урок. Никогда не забудешь, что для мужчин из нашего рода прицелиться — значит поразить цель.— Затем, повернувшись к Жюльену, Перро добавил: — Видите, месье, как быстро забываются старые традиции. Во времена моей юности,— а мне уж стукнуло сорок девять лет,— у нас не было ничего, кроме штуцеров **, да и те с ужасной отдачей. Однако это не мешало нам быть неплохими охотниками. Настоящий охотник никогда не совершил бы такого промаха, как Малыш Андре. Приняться за что-либо, не перезарядив предварительно ружья! Даже младенцы, и те помнили об этом простом правиле! Но теперь, конечно, когда появились ружья, заряжающиеся с казенной части ***, многие, понадеявшись на простоту этой операции, ждут до последнего. Однако когда-нибудь зверь все равно застанет их врасплох.

— Вы что, храбрый мой Перро, сожалеете о своем штуцере, о сем почтенном оружии?

— Да, месье, а особенно о том прекрасном времени, когда я им пользовался. Честно говоря, я до сих пор больше доверяю моему старому нарезному карабину, чем всякому новомодному оружию. Всякий раз я сам старательно заряжаю его, тогда как патроны для нынешних карабинов готовят где-то там, на фабрике. Это делают невесты кто и к тому же из рук вон плохо. Вы даже не представляете, какое это удовольствие — подержать на ладони сверкающие крупинки пороха, отмерить ровно столько, сколько необходимо, затем тремя точными ударами шомпола послать порох и пулю в глубь ствола и,

* Шеффилд — город в Англии, важнейший центр тяжелой промышленности.

** Штуцер — здесь: старинное нарезное ружье.

*** Казенная часть — задняя часть огнестрельного оружия.

наконец, нажать большим пальцем собачку, чтоб вспыхнул затравочный порох! *

— Вполне разделяю ваши чувства.

— Впрочем, я говорю лишь о своих личных пристрастиях... Что еще можно сказать в пользу шомпольного ружья? ** Проходит время, и ты начинаешь узнавать его повадки, словно бы оно — домашнее животное. Учишься понимать его потребности, которые не всегда одинаковы и меняются в зависимости от обстоятельств.

— Неужели?

— Именно так. К примеру, в зависимости от погоды я увеличиваю или уменьшаю дозировку пороха, что обеспечивает соответствующую дальность моего выстрела и его меткость, да и ружье при этом не изнашивается и не портится. А с вашими фабричными патронами, изготовленными заранее и по единому образцу, количество пороха при сильной жаре может оказаться слишком большим, и тогда после выстрела у вас будет сильнейшая отдача. Но того же самого количества оказывается недостаточно, если на дворе стоит холодный туман и, значит, снижается убойная сила заряда. Так что в любом случае вы не можете быть уверены в своем выстреле и никогда не сравнитесь в меткости с нашими старыми охотниками. В общем, я мог бы много чего порассказать по этому поводу, да боюсь утомить вас.

— Нет же, напротив, отважный мой Перро, рассказывайте: все, что вы говорите, очень интересно.

— Вы очень любезны, месье, но я не буду испытывать ваше терпение, добавлю лишь, что если сегодня среди наших трапперов нет таких метких стрелков, что были несколько десятков лет назад, то в этом повинно современное оружие.

Жюльен недоверчиво посмотрел на канадца.

— Именно так, месье, поверьте мне. Сегодня охотник легко заряжает свое ружье за несколько секунд и поэтому, не раздумывая, готов стрелять наугад. Он торопится, не прицеливается тщательно и палит невпопад, предпочитая сделать три посредственных выстрела вместо одного меткого. Да вот, к примеру. Раньше выдр убивали выстрелом в голову: целили в глаз, чтобы не испортить мех. А те-

* Затравочный порох — порох, служащий для воспламенения заряда в старинных огнестрельных орудиях и ружьях.

** Шомпольное ружье — ружье, заряжающееся, в отличие от казнозарядного оружия, с дула.

перь, подумать только, в Нулато я видел шкурки, пробитые во многих местах, да еще с дырками, куда можно просунуть целый палец! Настоящее убийство, вот что это, скажу я вам! А то и того лучше! Появились охотники, стреляющие картечью, так что шкурка получается вся в отверстиях, словно решето.

— Послушайте,— вступил в разговор Алексей, до сих пор молча слушавший сию содержательную лекцию по баллистике.— Но ведь это же вполне естественно. Разве вы сами никогда не пользуетесь дробью?

Широкая улыбка озарила лицо канадца:

— С тех пор как я имел честь впервые взять в руки огнестрельное оружие, то есть тому лет сорок назад, никогда, месье,— слышите, никогда! — я не стрелял дробью, кроме одного-единственного раза.

— Одного-единственного? — переспросил молодой русский.

— Слово Перро! Ох, лучше бы мне было тогда и вовсе не стрелять! Этот выстрел, хоть сам он непосредственно и не принес никому вреда, стал причиной смерти огромного количества людей, а я едва не лишился собственного скальпа.

— Расскажите же нам об этом.

— Нет ничего проще. Тем более что это случилось всего несколько лет назад. В то время я охотился в двух шагах от форта Мумфорд, на реке Ситкин. Несколько дней подряд кто-то ловко и нагло грабил мои капканы. Решив разобраться, в чем тут дело, и примерно наказать вора, как-то вечером я спрятался поблизости в хижине и приготовил ружье, заряженное мелкой дробью. Вконец потеряв стыд, вероятно от безнаказанности, мой мошенник пробирается крадучись к капкану и наклоняется, чтобы вынуть оттуда великолепную куницу. Как смог разглядеть я при свете звезд, то, что подставил он мне для выстрела, отнюдь не являлось головой. Между мной и этой округлой частью его тела было шагов сорок. Нажав на спусковой крючок, я слышу крик и вслед за тем — шум продирающегося сквозь кусты человека. Потом снова воцаряется тишина... Пока все идет неплохо, правда?.. К несчастью, меня угораздило угодить в колдуна, именуемого Отцом Врачевания, который давно уже держал в страхе индейское племя чиликотов. Ленивый, не способный поймать даже сурка, прожорливый, словно росомаха, он не желал тратить время на охоту, а попросту обкрадывал наши силки и капканы, а потом продавал наши шкурки в форте, у нас же под

носом. Мой выстрел, положив конец ночным похождениям проходимца, лишил его верного источника доходов и, в силу этого, внушил ему острую ненависть к бледнолицым, а что такое ненависть краснокожего, я думаю, вам объяснять не надо. Воспользовавшись своим влиянием на соплеменников, он добился объявления нам войны. Больше года индейцы цеплялись к нам, словно репы на хвост собаки. Они дрались так, как свойственно настоящим дикарям, то есть не зная жалости и не желая идти на мир. И только когда мы наконец перебили бесчисленное множество краснокожих, ибо у нас не было причин щадить их, они немного попритихли и отступили к югу. Вот, господа, каковы оказались последствия единственного в моей жизни выстрела дробью. Лучше бы уж я выпустил пулю. Колдун был бы убит, а вы знаете поговорку: «Мертва гадюка, нет и яда»... Однако я что-то совсем разболтался. Филе готово, пора и перекусить. И неплохо бы потом хорошенечко выспаться, прежде чем завтра с рассветом отправиться к атнам с Купер-Ривер.

— К атнам, говорите вы, или к меднокожим индейцам, чьи земли простираются по другую сторону гор? — спросил Жюльен.

— Да. Если только я правильно понял объяснения местных индейцев, которых мы повстречали последними, шар, скорее всего, упал где-то там.

— Вполне вероятно, — согласился Жюльен. — Вершины Аляскинского хребта действительно преграждают путь воздушным потокам, идущим с севера, и наш бедный друг, выбрав наиболее благоприятное для этого место, смог, я надеюсь, беспрепятственно приземлиться.

Вскоре путешественники получили подтверждение правильности своих предположений. Но каково же было их разочарование при известии о том, что, несмотря на скорость, с которой промчались спасатели на санях по узким извилистым ущельям Аляскинского хребта, рискуя каждую минуту сломать себе шею, они все-таки опоздали на два часа! Меднокожие индейцы пребывали в сильнейшем возбуждении. Сын луны сбежал внезапно, как и появился, нимало не заботясь о гостях племени, прибывших издалека, чтобы лицезреть его и творимое им чудо.

Итак, снова в дорогу! Сперва необходимо было поточнее определить направление дальнейшего пути. И сделать это путешественникам предстояло самим, ибо краснокожие или не хотели, или не могли сказать, в какую сторону полетел шар, унесший Жака Арно.

ГЛАВА 7

Спустя восемь месяцев.— Воспоминание об улице Дюрантен.— Полет над морем.— Благополучное приземление.— Возвращение в цивилизованный мир.— Юные торговцы газетами.— Остров Бафанова.— Ситка.— Край дождей.— Лечение ревматизма.— Сделка на сумму в двадцать долларов.— В отеле.— Владелец гостиницы.— На судне.— Ловкий коммерсант.

«3 мая. Ставя эту дату, я задаю себе вопрос, действительно ли сегодня у нас 3 мая 1879 года. После того, как я совершенно неожиданно покинул форт Нулато, события разворачивались столь стремительно, и я постоянно оказывался в таких непредсказуемых ситуациях, что вполне мог запутаться в датах.

Но продолжим... Я пишу этот отчет исключительно для того, чтобы чем-то заполнить свое время, и хронология, по сути, не имеет для меня никакого значения. Позднее я с удовольствием перечту эти строки, если только непредвиденное приземление не прервет мои подвиги воздухоплователя поневоле.

Не знаю, смеяться мне или плакать при воспоминании о том, что приключилось со мной за последние дни. Не знаю даже, стоит ли задумываться над своим трагическим положением или же просто-напросто наплевать на так называемую судьбу.

А может, свалить все на обстоятельства, на людей?.. Или же убедить себя, что все к лучшему в этом лучшем из миров?

Свалить на обстоятельства... Хорошенькое начало! Это было бы просто глупо.

Обвинить своих ближних?.. Ну, обвинений этих хватило бы мне надолго! Можно было бы начать с Жюльена, который уволок меня, будто тюк, на Северный вокзал, а кончить этим толстяком, хозяином Нулато, влезшим, словно упитанный бычок, в мою корзину, а затем без всякого предупреждения выпрыгнувшим из нее!.. Впрочем, справедливости ради мне следовало бы пожурить и самого себя со своим дурацким организмом, не переносящим ни малейшей качки... А заодно и попрекнуть покойного дядюшку, злосчастного, но оттого не менее дорогого мне родственника, сыгравшего со мной веселую шутку, сделав меня наследником всего своего состояния!

Нет... бранить ближних, а тем более себя, было бы

слишком утомительно. И к тому же это расходится с моими принципами.

Путешествие в Бразилию между тем продолжается. И, определенно, мои способы передвижения не лишены оригинальности. Решительно, как я уже неоднократно повторял, в жизни всякое случается!

Странная вещь, несмотря на всю невероятность своего положения, я начинаю находить его вполне естественным. Этот факт весьма любопытен, как, впрочем, и тот, что многие впечатления и события, поначалу кажущиеся неизбежаемыми, мгновенно стираются из памяти.

Например, сейчас мне кажется, что я всегда был диким гиперборейцем *, жил в вонючих хижинах или в снежных норах, мчался на санях и питался такими малопригодными для еды продуктами, на которые и взглянуть-то тошно.

Париж утонул в густом тумане прошлого, и когда я вспоминаю, что еще восемь месяцев назад был супрефектом в префектуре Сены, то в голову мне невольно закрадывается мысль о том, что само слово «супрефект» никак не приложимо к человеку, болтающемуся в данный момент между небом и землей где-то там над Североамериканским континентом.

Восемь месяцев!.. Не могу без содрогания подсчитывать те бесконечные километры, что отделяют корзину моего шара от дома номер 11 по улице Дюрантен. А сколько еще километров предстоит мне преодолеть!.. Ведь на сегодняшний день я проделал не более половины всего пути.

Я даже думать боюсь, где, когда и как окончится мое путешествие. Да и к чему? Похоже, что за мной по пятам следует некий вздорный гений, поставивший себе целью разрушить все мои проекты, расстроить все мои планы.

Самое простое — это покориться своей участи: будь что будет! Лишь в одном у меня нет никаких сомнений: я все еще лечу на воздушном шаре и постепенно привыкаю к такому способу передвижения.

Где я нахожусь? Не знаю и знать не хочу. Мерно покачиваясь, я лечу уже более двадцати часов, и одураченные мною индейцы, вздумавшие обречь меня навечно на принудительные полеты, остались далеко позади.

Поднялся сильный ветер, и аэростат снова подхватило воздушное течение, пригнавшее меня из Нулато к атнам,

* Гипербореец — здесь: северянин (по преданиям древних греков, гиперборейцы — сказочный народ, живший на Крайнем Севере).

хотя на пути его, словно гигантский экран, высился Аляскинский хребет. Ветер тогда дул с северо-запада и нес меня к Британской Колумбии. Если он сохранил это направление, все прекрасно, если нет — тем хуже для меня. Но в любом случае я буду лететь до полного сгорания топлива и, таким образом, куда-нибудь да доберусь.

Запасов еды хватит еще на сутки: больше мне просто не удалось унести. Так что положение мое не такое уж плохое. У меня есть литр воды, а кувшин с жиром еще дает немного тепла, достаточного для поддержания шара в воздухе.

Я ужасно устал, но надо продолжать путь независимо ни от чего. Главное, что воздушные течения уносят меня от северных широт.

Не имея причин избегать водной стихии, Жюльен и Алексей проследуют за мной кратчайшим путем через леса, равнины и реки. У меня нет оснований беспокоиться за них, ибо, предвидя, что, возможно, нам придется разлучиться, мы договорились останавливаться в населенных пунктах, расположенных вдоль телеграфной линии, протянувшейся по двадцатому меридиану от Новоархангельска * до Сан-Франциско. Так что рано или поздно мы встретимся.

Я стараюсь не думать о том, что сейчас у меня нет ни гроша за душой, ни оружия, ни компаса, ни часов, ни грамма табаку. Все мое состояние заключается в кусочке трута, огнива, кремня и записной книжки. Этот багаж, не более громоздкий, чем у покойного философа Бианта **, совершенно не занимает места...»

Удобно устроившись в глубокой и просторной корзине своего монгольфьера, высланной изнутри толстым слоем войлока, Жак безмятежно писал свои путевые заметки, как вдруг шум прибора прервал его занятие.

— Что за черт! — воскликнул он с дрожью в голосе. — Вроде бы уже я слышал подобные звуки... во время моей знаменитой прогулки... неподалеку от устья Орна... Ярост-

* Новоархангельск (с 1867 г. — Ситка) — город на острове Баранова (Аляска), до 1867 года — центр Русской Америки. Остров же получил свое название в честь Александра Андреевича Баранова (1746 — 1819) — первого главного правителя русских поселений в Америке (1790 — 1818), установившего торговые связи с Калифорнией, Гавайскими островами, Китаем.

** Биант — древнегреческий философ.

но бившиеся о берег морские волны рокотали примерно так же — не очень громко и монотонно... Выходит, подо мною — океан?.. В таком случае поздравляю тебя, мой мальчик!.. Ты столь энергично убегал от воды и проявлял чудеса изобретательности, чтобы только избежать переправы даже через крохотную речушку, не боясь продемонстрировать свое малодушие и выставить себя в смешном виде. И все это для того, чтобы в тот момент, когда судьба твоя зависит от самого ненадежного из средств передвижения — простого шара, наполненного теплым воздухом, оказаться вдруг над бушующими волнами... Я был прав, отметив в дневнике, что «в жизни всякое случается». Ну что ж!.. Будь что будет!.. Но в ожидании неминуемого падения в морскую пучину я все же позволю себе доесть остатки мяса и выпить несколько глотков воды и уж потом положусь на судьбу...

Правильно решив, что он слышит шум прибоя, Жак, однако, не мог видеть, как вспенившиеся тихоокеанские волны отчаянно бились о скалистые отроги гор, поскольку над водой висел толстый слой тумана, постепенно становившийся все гуще и гуще.

Шар, гонимый воздушным течением, попал в одну из самых влажных климатических зон в мире, где за исключением двух относительно коротких периодов дождь льет круглый год. Эта зона, следуя вдоль извилистой южной границы бывшей Русской Америки, простирается над Аляской от устья Купер-Ривер до 54° северной широты.

Спустившись к верховью Купер-Ривер и двигаясь по направлению к горе Святого Ильи, у границы между владениями Англии и Соединенных Штатов, шар незначительно отклонился на восток. Подхваченный воздушным потоком, несшимся между побережьем Тихого океана и горным хребтом, соединяющим гору Святого Ильи с горами Фэруэзер, он пролетел над бухтой Беринга и, двигаясь то над водой, то над сушей, продолжил свой путь. Сквозь дождевые тучи, плотно устлавшие воздушное пространство под аэростатом, до путешественника донесся грохот валов, бившихся о берег в проливе Кросс, отделяющем от континента остров Ситка, он же — остров Баранова...

К счастью, дул сильный ветер, и шар, несмотря на высокую влажность воздуха, все еще удерживался наверху.

Страхи Жака продолжались около двух часов, затем

рев волн утих: монгольфьер пролетал над островом Ситка, пересекая его с севера на юг.

Затишье было достаточно долгим, и Жак совсем уже было оставил мысли о неизбежности купания, как вдруг раздался ужасный грохот, возвестивший о волнах, рождающихся в необъятных просторах Тихого океана и не признающих в неустанном беге никаких преград.

Аэростат приблизился к южному берегу острова Ситка и почти час парил между ним и островом Круз, где высится гора Эджумб.

Из-за пребывания в атмосфере, перенасыщенной водяными парами, шар к тому времени отяжелел и начал медленно опускаться, чего Жак поначалу никак не мог понять. Он рисковал упасть в середине пролива, на чем и закончились бы приключения парижанина, путешествующего вокруг света, но судьба, вот уже много дней испытывающая Жака, решила наконец выказать ему свою благосклонность, ибо именно в этот момент Дама Злосчастья надумала отдохнуть. И наш воздухоплаватель, который вот уже несколько минут чувствовал, что неумолимо падает вниз, достаточно мягко опустился на землю.

Благополучное приземление и избавление от риска погрузиться в пучину морскую тотчас вернули Жаку столь обычное для него бодрое расположение духа.

— Итак, я на суше! Дождь льет как из ведра, но меня страшит лишь вода, что плещется подо мной, на воду же, текущую сверху, мне наплевать.

Разглядев справа и слева дома и увидев обутых в резиновые сапоги и закутанных в плащи джентльменов, лавирующих среди луж, Жак подумал вдруг: а не пригрезилось ли все это ему.

— С ума сошел я или все еще сплю? — произнес он, открывая клапан, чтобы выпустить последние капли теплого воздуха, и затем решительно выбрался из корзины. — Дома... настоящие европейские дома... Немыслимо!

Неожиданно до слуха его донеслись громкие крики. Их издавали грязные босоногие мальчишки в лохмотьях. Юные создания фальцетом выкрикивали названия вечерних газет.

Жак машинально протянул руку.

— Шесть пенсов! * — сипло протявкали оборванец,

* Пенс — мелкая английская монета. В описываемую в романе эпоху основная денежная единица Англии — фунт стерлингов — равнялся двадцати шиллингам, а шиллинг — двенадцати пенсам.

не выпуская из рук листка, по которому струилась вода.

Жак вовремя вспомнил, что у него не было ни единого су*, и отпустил мальчишку.

— Газеты... дома... хорошо одетые люди... даже экипажи... Но никто так и не заговорил со мной!.. Человек вроде меня, то есть в костюме дикого гиперборейца, упавший с неба вместе с воздушным шаром в четыре часа дня на перекрестке Монмартра, вызвал бы все же некоторое любопытство прохожих... Здесь же — ничего!.. Все эти люди спешат, словно на пожар, и, мельком взглянув на сдувающийся на их глазах шар, продолжают свой бег... Станный город... Станные люди... Но не могу же я в конце концов так и стоять в грязи рядом с пустой оболочкой шара, словно кучер у опрокинувшегося фиакра**. Начнем с того, что я в Америке, и, хотя жители ее славятся своим крайним эгоизмом, надеюсь, мне удастся получить ответ на несколько вопросов.— И, закончив сей монолог, адресованный самому себе, он обратился к индивидууму с козлиной бородкой, который, проходя мимо, бросил на сдувшийся шар быстрый и равнодушный взор очень занятого человека: — Эй, не скажете ли вы мне, куда я попал?

— В город Ситку.

— Вы сказали: Ситка?

— Да... Нью-Архангельск.

— Но Ситка — столица Аляски...

— Йес***, сэр.

— И находится на острове!..

— Йес... Барановф-остров.

— Спасибо, господин! Это все, что я хотел узнать. Но, к сожалению, ваш ответ сделал меня самым несчастным человеком на свете.

Однако личность с козлиной бородкой была уже далеко.

— Я на острове!.. — промолвил ошеломленный Жак. — Но остров — это часть суши, окруженная со всех сторон водой!.. Выходит, я снова пленник? И у меня нет ни единого су, чтобы наполнить мой монгольфьер!

Злой гений, преследовавший Жака, взял крупный реванш, забросив его на остров Баранова, где находится

* Су — мелкая французская монета.

** Фиакр — наемный экипаж.

*** Да (англ.).

Ситка, главный город Аляски. Приземление, которое обрадовало бы любого путешественника, стремящегося как можно быстрее вновь ощутить под ногами твердь земную, повергло нашего друга в отчаяние. Испытываемый им ужас перед водной стихией более, чем отсутствие элементарных материальных благ, делал его нечувствительным к утехам этого замечательного городка.

Во времена владычества русских Ситка, обычная фактория, основанная русско-американской компанией по торговле мехами, постепенно превратилась в самый крупный город на Аляске — с почти двухтысячным населением. С включением территории Русской Америки в состав Соединенных Штатов значение города возросло, особенно с конца 1867 года.

Уютно расположенная среди лесистых холмов, окруженная высокими горами, увенчанными снежными вершинами, и защищенная от океанских ветров потухшим вулканом Эджумб, возвышающимся на острове Круз на две тысячи восемьсот метров над уровнем моря, Ситка, как и ее окрестности, выглядит весьма привлекательно. Несмотря на то, что город находится почти на пятьдесят седьмой параллели, зима здесь мягкая, температура практически никогда не опускается ниже семи градусов. Так что путешественнику, долго странствовавшему в северных широтах и привыкшему ночевать в жалких хижинах вместе с несчастными их обитателями, есть от чего прийти в изумление, оказавшись внезапно в центре поселения, располагающего всеми благами цивилизации.

В самом деле, хотя Ситка и расположена всего лишь в одиннадцати градусах от Полярного круга, она с полным правом гордится отлично построенными красивыми домами, ухоженными улицами, ресторанами, кафе, гостиницами, барами, банками, клубами, церквями и даже театром.

Чуть ли не вплотную к городу подступает бескрайний лес, служивший когда-то прибежищем индейцам племени колюжес. На его опушке выросли нарядные коттеджи, где по вечерам джентльмены могут расслабиться после утомительного дня, проведенного на бирже или в конторе.

Одно плохо: выпадение осадков на Ситке составляет от двух с половиной до трех метров в год*. Дожди

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает для сравнения, что в Париже и бассейне реки Сены среднегодовое выпадение осадков составляет 53 сантиметра.

прекращаются лишь для того, чтобы уступить место снегу, а если летом случайно и выдастся несколько недель хорошей погоды, то за эти приятные денечки жители расплачиваются обычно лихорадкой и грудными болезнями. Не забудем и о ревматизме. Впрочем, напоминание это может показаться излишним, ибо и так ясно, что продолжительное пребывание в подобном климате непременно влечет его за собой. Но леди и джентльмены философски переносят эти маленькие неприятности и, в зависимости от погоды, надевают водонепроницаемые плащи, макинтоши * или шубы. Что же касается лечения ревматизма, то существуют растирания фланелью, смоченной бренди... Хотя помогает вроде бы и просто сухая фланель с приемом вышеозначенного напитка внутрь. Во всяком случае, злые языки утверждают, что некоторые больные отдают предпочтение последнему способу исцеления и число таковых, мол, весьма велико. Да устыдятся те, кто подумает о страдальцах сих плохо!

Сетования Жака имели под собой определенные основания, ибо единственная для него возможность покинуть остров — это пересечь водное пространство, отделяющее его от континента. Но, прежде чем придумать, как перебраться на материк, необходимо было временно обустроиться и на том участке суши, куда занесла нашего героя капризная судьба.

В очередной раз придя к безрадостному выводу, Жак заметил вдруг, что к нему подкатил экипаж размером с железнодорожный вагон.

— Джентльмен, наверное, ищет гостиницу? — спросил его возница.

— Да. Не отвезете ли вы меня туда вместе с моим багажом?

— Ол райт!..

Они не без труда взгромоздили на крышу повозки шар, и через пять минут дилижанс остановился возле весьма приличного с виду отеля.

— С вас один доллар **.

— Ах, черт!..

* Макинтош — плащ из непромокаемой прорезиненной ткани.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает, что один американский доллар равен пяти франкам сорока двум сантимам.

— Вы считаете, что это слишком дорого?

— Нет, я бы с удовольствием дал вам хоть два, если бы... если бы они у меня были.

— Они у вас есть. Вон там,— возница указал на корзину воздушного шара,— лежит бизонья шкура стоимостью двадцать долларов...

— И вы хотите получить ее за эту цену?

— Йес! Вот девятнадцать долларов — стоимость шкуры за вычетом доллара, который вы мне должны.

Жак молча положил в карман полученные деньги, равнявшиеся ста двум франкам девяноста восьми сантимам. Затем, сгрузив вместе с возницей монгольфьер и втащив его под навес, француз вошел в гостиницу.

Хозяин, флегматичный, как и все янки, не смог сдерживать удивления при виде странного посетителя, горделиво запахнувшего шубу, с которой ручьями стекала вода.

— Комната и еда обойдутся вам в четыре доллара в сутки,— приступил к делу хозяин.

— Согласен,— ответил Жак.— Могу я здесь позавтракать?

— Да, если заплатите вперед.

— Получите,— послушно протянул ему деньги путешественник, а про себя проворчал: «Экая скотина!.. Но, к счастью, перед отлетом у меня появилась блестящая идея запаковать запасы еды в бизонью шкуру, забрав и ее — со всем прочим — у индейцев-атна, благо мне были неведомы при этом ни малейшие угрызения совести. И, как оказалось, не осуществи я этого замысла, в первом встретившемся мне после Якутска городе меня бы ждала голодная смерть... Однако самое время поискать способ, как бы побыстрее покинуть эти мокрые и негостеприимные края, пока я не истратил все до последнего су». — И, движимый этой мыслью, он снова обратился к владельцу гостиницы: — А за получение сведений тоже надо платить заранее?

— Сведения предоставляются бесплатно... А что бы вы хотели узнать? — спросил хозяин, явно смягчившийся при виде долларов.

— Сколько отсюда до материка?

— Около ста миль*.

— Есть ли с ним регулярное пароходное сообщение?

— Да, два рейса в неделю.

— Когда отходит ближайший пароход?

* Миля — мера длины, равна примерно 1,6 километра.

— Завтра утром.
— Не подскажите ли мне, где смог бы я найти его капитана?

— Это я.

— Вы?!

— Йес... А что вас так удивляет?

— Да нет, ничего. Не возьмете ли вы и меня в качестве пассажира?

— Йес. Проезд до устья реки Ситкин стоит десять долларов. Оплата вперед... при посадке на судно.

— Это я уже понял... Десять так десять... Но должен вам заметить, что я собираюсь отплыть с вами отнюдь не в качестве обычного пассажира.

— Для меня все пассажиры равны, ибо каждый платит равную сумму — десять долларов.

— Согласен! Однако все пассажиры плывут на палубе вашего корабля, я же собираюсь находиться над палубой.

— Я вас не понимаю.

— Все очень просто. Согласны ли вы за стоимость билета взять на буксир мой воздушный шар?

Хозяин гостиницы и одновременно капитан подумал немного, затем утвердительно кивнул и даже удостоил улыбкой предложение эксцентричного джентльмена.

— Так мы договорились? И вы уже сегодня позаботитесь о доставке моего шара на пароход?

— Йес. За это с вас еще доллар.

— Не могли бы вы мне также продать три галлона * китового жира?

— Йес, по доллару за галлон... Плата вперед.

— В котором часу вы снимаетесь с якоря?

— Ровно в восемь.

— Отлично! Буду на борту в семь и начну наполнять шар.

— Как угодно. Запомните только, что я никогда никого не жду.

Жак пил и ел за четверых, а после лег спать в настоящую кровать. Он искренне наслаждался комфортабельной гостиницей, вкушая за четыре доллара все блага цивилизации, имевшиеся на острове.

Наутро ровно в семь часов он уже был на набережной

* Галлон — здесь: мера объема жидкости, равная примерно 4,5 литра в Англии и 3,8 — в США. В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар приравнивает галлон 4,54 литра, то есть придерживается в данном случае английской системы мер и весов.

и по сходням поднялся на разводившее пары небольшое суденышко. Свой шар он обнаружил на корме вместе со всеми приспособлениями и необходимым запасом топлива.

Жак вынул пробку из большой оплетенной бутылки и при виде выплеснувшейся оттуда жидкости сперва удивился, а потом пришел в ярость. Но так как время поторапливало, он решил оставить все как есть и приступил к необходимым приготовлениям, удивляясь огромному количеству людей, собравшихся на пристани и на молу.

«Странно,— рассуждал он при виде сотен лорнетов *, направленных на пароход,— можно подумать, что эти люди разглядывают меня. Кажется, еще вчера никто не обращал на меня внимания. Неужели со вчерашнего дня интерес к моей особе так резко возрос? Впрочем, меня это не касается, мне нужно поскорее уехать. Этот жалкий кораблик качается, не знаю как, несмотря на все его швартовы... на все якоря... Поскорее бы забраться в корзину и подняться в воздух!»

Палуба между тем быстро заполнялась мужчинами и женщинами самого разного возраста. Публика с любопытством созерцала приготовления к запуску шара, ибо для большинства присутствовавших полет на аэростате был в диковину.

Жак, одурманенный запахом машинного масла, буквально скрючился, пытаясь ослабить действие качки на свой организм, и с тревогой смотрел, как наполняется монгольфьер.

Вскоре под гром аплодисментов и восторженные крики «ура!», прозвучавшие в ужасной, перенятой американцами у англичан бравурной манере, шар, окончательно округлившись, поднялся в воздух.

Пробило восемь. Раздался пронзительный гудок, и, словно по мановению волшебной палочки, палуба опустела. Зрительская аудитория переместилась на набережную, и на борту не осталось никого, кроме экипажа и нескольких пассажиров.

Жак Арно плавно поднимался на летательном аппарате, соединенном с кораблем прочным канатом.

— Гип!.. Гип!.. Ура!..— ревели островитяне, повергая воздухоплавателя во все большее изумление, поскольку Жак не видел утренних газет, в которых не слишком щепетильный владелец гостиницы разместил прелюбопытное объявление, гласившее, что всего лишь за один

* Лорнет — складные очки с ручкой.

доллар леди и джентльмены могут подняться на палубу парохода, чтобы лично присутствовать при подъеме воздушного шара и стать, таким образом, свидетелями «грандиознейшего зрелища нынешнего сезона». Реклама, кстати, оказалась весьма эффективной, и ловкий коммерсант с семи до восьми, когда он произнес сакраментальное * «отчаливай!», то есть за какие-то шестьдесят минут, успел прикарманить двести долларов.

Индейцы предоставляли соплеменникам возможность созерцать поднимавшегося в небо сына луны совершенно бесплатно. Американец же и мысли не допускал о подобного рода благотворительности и за то же самое зрелище не преминул содрать с соотечественников весьма солидную мзду. Вероятно, в этом поступке капитана, как в зеркале, отразились пресловутые прогресс и цивилизация, которые все глубже проникают в различные сферы жизни. Эксплуатация Жака приняла особо изощренную форму, ибо осуществлялась без его ведома. Достоянием же самого путешественника к этому часу являлся всего один доллар, оставшийся у него после продажи шкуры бизона.

ГЛАВА 8

*Противостояние России и Англии.— Извечные соперники — Джон Буль ** и Джонатан ***.— Индейцы — клиенты английской фактории.— Появление конкурента.— Сиу, ассинибуаны, чипевеи, или «желтые ножи», черноногие, «бобры», «заячьи шкуры», салте, «плоскобокие собаки», чиликоты, «плоскоголовые», «проколотые носы». — Жажда мести.— Маскарад.— Затея английского фактора ****.— Нападение на американский склад.— Пленение.— Отец Врачевания.— Угроза шевелюре Перро.*

До того как Русская Америка была продана Соединенным Штатам, правительство России придавало особое значение землям, граничившим с английскими владениями в Новом Свете.

Непримиримые враги как в Европе, так и в Азии,

* Сакраментальный — священный, обрядовый, ритуальный

** Джон Буль — ироническое прозвище англичан.

*** Джонатан — ироническое прозвище американцев.

**** Фактор — здесь: купец, торговец, представляющий интересы фактории.

несговорчивые, наподобие крестьян, обменивающихся злыми шуточками и вытаптывающих друг у друга посе́вы, Россия и Англия, словно два завистливых соседа, распространили свою политику аннексий * и, как следствие, свое соперничество вплоть до самых удаленных территорий Северной Америки. Это противоборство, продолжавшееся уже более полувека, достигло такой остроты, что до самого 1863 года численность гарнизона маленького городка Ситка составляла пятьсот человек, располагавших пятьюдесятью восемью пушками. Подобные силы были собраны там явно не для защиты города. После многих бесконечных тяжб, которые европейские канцелярии безуспешно пытались разрешить, Россия к 1853 году подумывала о том, как бы захватить все побережье вплоть до реки Колумбия, что лишало бы Английскую Америку выхода к Тихому океану и тем самым приводило бы к ее полной изоляции от внешнего мира. Англия, понимая стратегическое значение данных территорий, заявила протест. Напряженность сохранялась, и претензии России, вероятно, привели бы к *casus belli* **, если бы не Крымская война ***, где победа досталась англичанам.

Несколько лет спустя между соседями возник новый конфликт. Враждебные действия исходили со стороны английской «Компании Гудзонова залива». Основав несколько новых фортов в бассейне реки Ситкин, она потребовала права свободного передвижения по принадлежавшей России территории.

Спор, казалось бы, разрешился полюбовно: английская компания получила желаемое, согласившись платить «Русско-американской компании» ежегодный налог в две тысячи шкурок выдр ****. Однако напряженность в отношениях между Россией и Англией продолжала сохраняться вплоть до 1867 года, когда территория Аляски была куплена правительством Соединенных

* Аннексия — захват, насильственное присоединение территории чужого государства.

** Казус белли (лат.) — формальный повод к объявлению войны, обычно не имеющий ничего общего с действительными ее причинами.

*** Имеется в виду Крымская война 1853 — 1856 годов, во время которой России противостояли Турция, Великобритания, Франция и Сардинское королевство.

**** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает, что шкурка выдры никогда не стоила менее ста франков, и, следовательно, право свободного передвижения было приобретено, по крайней мере, за 200 тысяч франков.

Штатов. Заключенный между двумя компаниями договор утратил свою силу, как, естественно, и его статьи, определявшие права и обязанности подписавших это соглашение сторон.

Но границы между Аляской и Британской Колумбией сохранились, и можно смело сказать, что вместе с границами сохранилась и неприязнь, правда, теперь уже между новыми соседями, поскольку место России заняли Соединенные Штаты. У государств, так же как и у людей, есть свой злой рок. Злой рок Аляски и Британской Колумбии — враждовать друг с другом.

Уже сам факт приобретения Аляски Соединенными Штатами был расценен англичанами как вызов, брошенный им пронырливыми американцами. Это само по себе неудивительно: всюду, где ни появляются англичанин и американец, между ними возникает глухая вражда — возможно, из-за разницы в темпераментах. Однако в данном случае взаимная неприязнь Джона Буля и Джонатана имела под собой определенную почву: интересы обеих сторон были прямо противоположны, и, охотно унаследовав традиции давнего соперничества, почтенные джентльмены Джон Буль и Джонатан ложились спать, как говорится, с ножами под подушкой.

Еще ранее мы упомянули о том, что могущественная английская «Компания Гудзонова залива», монополизировавшая торговлю мехами на всей территории к северу от пятидесятой параллели, весьма затрудняла существование своего конкурента, американской «Пушной компании» из Сент-Луиса, и нужно было обладать поистине неистовым упорством янки, чтобы устоять и не бросить коммерческую деятельность. Компания из Сент-Луиса не только выжила, но и заставила свою соперницу считаться с ней. Но какой ценой, этого никто никогда не узнает!

Благодаря приобретению Соединенными Штатами Аляски американская компания, ранее не имевшая собственных владений, естественно, тут же обосновалась на месте бывшего русского товарищества*. Отныне у нее был свой дом, а точнее — принадлежавшая ее правительству территория, на которую англичане никак не могли претендовать, если исходить из международного права.

Создалась весьма напряженная ситуация, ибо теперь противниками англичан выступали не беспечные, жизнерадостные и вечно праздные русские, а суровые искатели

* Товарищество — здесь: компания, акционерное предприятие.

приключений, неустойчивые в работе и падкие на деньги,— словом, янки, не понимавшие красивых слов и умевшие считать доллары.

Таким образом, к тому времени, когда мы начали наше повествование, обе компании, каждая из которых воплотила дух своей нации, существовали в состоянии вооруженного мира, более грозного, нежели добрая ссора, ибо после нее победители и побежденные в конце концов мирятся друг с другом. И английские и американские факторы пытались всеми возможными способами первыми пролезть в тот или иной район и, возбуждая алчность охотников, особенно индейцев, установить свои цены на рынке.

В результате тесных контактов с белыми коренные жители этих мест приобрели множество привычек, прежде им не свойственных и сделавших их зависимыми от белого человека. Северные индейцы — уже не тот независимый народ, который без чьей-либо помощи умел создавать различные орудия и оружие. Современный краснокожий, не имеющий ни ружья, ни веревки, ни железных изделий, ни тканей, ни одеял, чувствует себя обделенным, а племя, лишившееся поддержки той или иной компании, постепенно исчезая, просто перестает существовать.

На правом берегу реки Ситкин, куда во времена русских англичане получили доступ за две тысячи шкурок выдры, в нескольких километрах от границы с Аляской, агенты «Компании Гудзонова залива» в 1872 году основали новую факторию. Самым близким к ней американским поселением был город Ситка, но до него было не менее ста миль, и фактория тотчас же стала важным торговым центром, без устали расхваливаемым англичанами. Из года в год все большее число охотников несли сюда свои трофеи, в обмен на которые они получали необычайно дешевые и разнообразные товары. Трапперы — с берегов Великих озер* и даже с противоположного конца материка — приходили регулярно, два раза в год, осенью и весной, и именно весной, распродав добытые за зиму шкурки, они предавались многодневным кутежам. Одним словом, фактория не страдала от отсутствия клиентуры.

Американцы ревниво взирали на сие процветание и в 1879 году решили создать в окрестностях новой фактории склад товаров, дабы удостовериться, воистину

* Великие озера — группа озер (Верхнее озеро, Гурон, Мичиган, Эри и Онтарио) в США и Канаде.

ли торговля в этих краях является столь прибыльным делом. Разумеется, складские помещения строились зимой, чтобы до начала торгов успеть на санях перевезти в них товары.

Индейцы стекались в факторию со всех сторон, ибо за последние годы благодаря обширному ассортименту товаров аппетиты у них разыгрались, а известие о конкурентах еще более возбудило их алчность. Жадность заставила краснокожих прекратить на время торгов распри, и, позабыв о междоусобной вражде, они разместились все вместе на специально отведенной для них англичанами площади, где и раскинули на почтительном расстоянии от стен фактории свои палатки из буйволовой кожи.

На первый взгляд все индейцы — словно дети одной матери: кирпичного цвета кожа, длинные прямые черные волосы, заплетенные в две косы, спускающиеся по плечам, небольшая прядь, именуемая «прядью скальпа», которую из бахвальства отрачивают до самой шеи, гладкие, тщательно выщипанные лица, орлиные носы, нависающие над жестко очерченным ртом с узкой полоской губ, живые черные глаза, настороженно взирающие из-под приподнятых век, и, наконец, величественные манеры, зачастую столь неуместные, что вызывают смех. Однако наблюдательный взгляд быстро начинает находить разницу в лицах, которая вместе с различиями в костюмах позволяет при определенном навыке определить, к какому племени принадлежит тот или иной индеец.

Некоторые из прибывших на торжище аборигенов носили отдельные детали европейского костюма, чаще всего — кожаные охотничьи блузы или измятые, давно утратившие первоначальную форму шляпы, выглядевшие довольно странно в сочетании с традиционным индейским нарядом. Однако большинство индейцев были облачены в свои парадные одеяния, сшитые из шкур и украшенные перьями, ожерельями из зубов и когтей, металлическими пластинами, костями или мелкими вещицами, отнюдь не предназначенными для подобной цели.

Надменные сию, горделиво выступавшие в одеждах из бизоньих шкур мехом внутрь, дабы были видны нанесенные на кожу изображения охотничьих и военных подвигов владельца костюма, прибыли из приграничных районов Соединенных Штатов.

Ассинибуаны и чиппевей, или «желтые ножи», населяющие берега озера Атабаска, спустились вниз по течению реки Пис — реки Мира, стремительно несущей свои

воды по грозным ущельям Скалистых гор. Эти миролюбивые индейцы, занятые исключительно торговлей, избегают своих свирепых собратьев из племени черноногих, отчаянных охотников за скальпами, которые, не довольствуясь подобными трофеями, вспарывают своим врагам грудь и поедают их сердце.

Были здесь и индейцы «бобры», обитающие на берегах Невольничьего озера *,— хилые бедолаги, необычайно тощие из-за вечного недоедания, и безобидные краснокожие из племени «заячьи шкуры», живущие в окрестностях реки Маккензи. Так как владения последних находятся вблизи Полярного круга и, следовательно, вдали от европейских поселений, дичь там водится в изобилии, и она менее пуглива, чем в иных местах. Поэтому им было что предложить фактору, и многие из индейцев племени сальте, наглые грабители с озера Виннипег, бросали на их связки мехов алчные взоры.

Индейцы горы и индейцы из Арк-Форта, сильные и бесстрашные жители Крайнего Севера, расположившиеся рядом с невоинственными краснокожими, всем своим видом показывали, что в случае нужды смогут их защитить.

У фактории можно было увидеть также колюжев с Ситки и Ванкувера, многочисленное племя чиликотов, которые после многократных переходов американской границы обосновались в конце концов по другую ее сторону, и индейцев, прибывших с юга,— несколько «проколотых носов», «плоскоголовых» и «воронов».

Не забудем и племя, называющее себя «плоскобокие собаки»,— здоровенных, но неуклюжих парней, медлительных, с приплюснутыми лицами, напоминающими физиономию павиана **. Они гордо вышагивали, видом своим вызывая у всех улыбку.

Представители различных племен объяснялись на шинук, который можно было бы назвать языком «Компании Гудзонова залива», поскольку он позволял всей этой разношерстной публике свободно общаться.

Атны, прибывшие с берегов Медной реки большой группой и все еще взбудораженные неожиданным появле-

* Имеется в виду Большое Невольничье озеро в Канаде площадью 28,6 тысячи километров и глубиной до 15 метров, из которого вытекает река Маккензи.

** Павиан — обезьяна с удлинненной мордой, по строению сходной с собачьей.

нием на их территории сына луны и его внезапным исчезновением, со множеством невероятных подробностей рассказывали о чуде и обсуждали его на свой лад, пытаясь разрешить эту неразрешимую для них загадку.

Многие краснокожие из других племен также имели возможность созерцать это не виданное доселе явление, так что восхищенные слушатели не имели оснований подвергать сомнению утверждения атнов о том, что двух передвигающихся по воздуху беглецов, один из которых несет другого, преследует охотник из Нулато по имени Перро. Имя канадца, случайно прозвучавшее среди шумных восторгов слушателей, заставило чиликотов навести уши. Ловко, с непринужденным видом, выпрашивая всех и вся, они узнали, что их заклятый враг, преследуя луну, опоздал к атнам всего лишь на пару часов и, продолжая погоню, отправился вместе со своими товарищами на юго-восток по дороге, ведущей к английской фактории.

Выяснили чиликоты и то, что этот траппер, служащий компании из Сент-Луиса и рыцарь по духу, даже не подумал попросить гостеприимства у англичан и, утомленный стремительными переходами, предпочел остановиться на отдых в американском коммерческом центре, где, как и в английской фактории, уже началась торговля мехами.

Ленивые, жестокие, к тому же еще пьяницы и воры, чиликоты прибыли на торги исключительно из любопытства, а также в надежде стянуть что-нибудь при случае, ибо их весьма посредственные шкурки были полностью забракованы английским фактором. Правда, после долгих уговоров он все же согласился их взять, но по смехотворно низкой цене. И то еще хорошо: ведь торговец мог бы сплавить этих незадачливых охотников своим конкурентам. Характеризует чиликотов, пользующихся среди своих сородичей дурной репутацией, и то, что они были единственным племенем, которому не разрешили раскинуть палатки на площади, где выросли живописные жилища краснокожих трапперов.

Разведав все, что им было нужно, эти мошенники, словно подчиняясь какому-то таинственному приказу, торжественно удалились и, уединившись в своих палатках, просовещались до вечера, даже не заметив, казалось бы, что торги уже начались. А на следующий день на рассвете они снялись, не оставив и следа своего пребывания.

Хитрецы ушли недалеко. Но никто бы не узнал в ярко разодетой толпе, величественно направлявшейся к американскому складу, презренных чиликотов, которым еще накануне каждый считал своим долгом выказать пренебрежение, граничившее с презрением. Около восьмидесяти воинов, переодевшись в парадные костюмы шести или семи племен, двигались отдельными группами, делая вид, будто они не знакомы друг с другом.

Этот маскарад, способный ввести в заблуждение самый наметанный глаз, был подготовлен ночью всего за несколько часов. Костюмы могли бы выдержать любую самую придирчивую проверку. Раскраска и тотемы* были безукоризненны, каждое украшение — строго на своем месте. Превосходные лицедеи, чиликоты к тому же отлично воспроизводили манеры воинов каждого племени, словно и в самом деле выросли среди ютов, «змей», «толстых животов», кри, «вислоухих» или кердаленов. В общем, перевоплощение их было поистине безупречным.

Блестящая идея подобного маскарада родилась в голове начальника английской фактории, решившего, таким образом, ввести в заблуждение своего американского конкурента, создав у того ложное представление, будто индейцы уже узнали дорогу к новому торговому центру. Переворотив содержимое складов фактории, англичанин извлек оттуда для чиликотов одежду и все необходимые аксессуары, уверенный в том, что с помощью этого старья он вполне сможет обмануть янки.

Лукавый фактор рассчитывал, что американец, открывая свой первый торговый сезон, не станет, разумеется, отпускать с пустыми руками пришедших издалека охотников и, чтобы заключить с ними соглашение на следующий сезон, раздаст им все содержимое вверенного его попечению склада. Таким образом, задолго до появления настоящих продавцов он останется без товаров, предназначенных для обмена. И в результате англичане получают преимущество в торговле с индейцами и, по крайней мере еще на сезон, сохраняют свою монополию в этих краях.

Представитель «Компании Гудзонова залива» усматривал в своей затее лишь забавную шутку, способную к тому

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар характеризует тотем как «отличительный знак того или иного племени, обычно наносимый татуировкой на какую-либо часть тела».

же обернуться немалой для него выгодой, и не подозревал, как хотелось бы нам надеяться, что, прибегая к услугам подобных субъектов, он может стать виновником непоправимых несчастий.

Когда чиликоты прибыли в своих маскарадных одеяниях к американскому складу, охранявшемуся всего одним фактором и двумя метисами, вид вещей, предназначенных для меновой торговли, моментально пробудил в них алчность, а зрелище ничего не подозревавшей толпы внушило им коварную мысль о том, что завладеть этими товарами не составит труда. К тому же они знали, что их заклятый враг канадец Перро находится в палатке фактора. Тот самый Перро, пропавший после окончания войны, развязанной сделанным им злосчастным выстрелом, поразившим Отца Врачевания! Имя Перро было ненавистно чиликотам не менее имени Злого Духа.

Разрываясь между желаниями отомстить трапперу и ограбить магазин, или, скорее, стремясь совершить оба деяния сразу, индейцы, посоветовавшись, решили сначала напасть на американца и метисов, а затем окружить палатку и захватить всех, кто там находится. Численность чиликотов позволяла им действовать быстро и успешно. К тому же им была обеспечена безнаказанность, ибо никто не знал, кто в действительности скрывается под их маскарадными одеяниями, и посему возмездие ожидало «змей», кри, ютов, «большие животы», «вислоухих» и кердаленов. Что же касается английского фактора, вдохновителя и организатора переодевания, то известно, что, единожды украв, не остановишься и перед убийством, а посему тот, несомненно, будет держать язык за зубами, как только прослышит о трагических последствиях задуманной им шутки.

Уверенные, что им все сойдет с рук, и желая поскорей вкусить плоды мести, столь сладостной для каждого краснокожего, чиликоты решили безотлагательно привести свой план в исполнение.

Предложив не подозревавшему подвоха американскому фактору лично ощупать старую бизонью шкуру, индейцы окружили его и, набросив ее ему на голову, заглушили крики о помощи. Еще через мгновение коммерсант был упакован в шкуру бизона и крепко связан веревками. Подобным же способом устранили и двух сторожей-мети-

сов, разделивших участь своего начальника: их также упаковали и увязали, словно тюки.

Осталось лишь захватить Перро и его таинственных товарищей. В любом другом месте, в густых ли канадских лесах или в бескрайних прериях Дальнего Запада, застать траппера врасплох было бы невозможно: возле бивуака всегда выставляется часовая, чью бдительность не обманет ни человек, ни дикий зверь. Но стоит ли прибегать к таким предосторожностям, находясь в четырех километрах от английской фактории, в разгар торгов, на глазах начальника фактории и его служащих, от чьих внимательных взоров никогда ничего не ускользает? К тому же существует неписаная договоренность, согласно которой индейцы не нападают на фактории, снабжающие их всем необходимым. Вот уже более двадцати лет не случилось ничего подобного. А если когда и возникали недоразумения, то виновников наказывали сами краснокожие. Так что Перро и его спутники считали себя в полной безопасности и, понятно, не предприняли никаких мер предосторожности. И сейчас, несмотря на то, что утро уже наступило, они спокойно спали, уютно закутавшись в мягкие шкуры, вкушая сладостное *farniente* — ничегонеделание, — чего, впрочем, и следовало ожидать от людей, измученных тридцатичасовыми гонками на санях.

Чиликоты, став хозяевами положения, решили сначала покончить с оставшимися бледнолицыми и уж потом приступить за грабеж. Большая палатка, где разместились путешественники, имела единственный узкий вход, куда одновременно могли с трудом протиснуться лишь два человека. Для успешного осуществления плана индейцам необходимо было мгновенно захватить врага, ибо малейшее промедление могло повлечь за собой непредсказуемые последствия.

Передвигаясь бесшумно, как это свойственно краснокожим, ступившим на тропу войны, индейцы окружили палатку, ухватились за колья, на которых были растянуты полотнища из буйволовой кожи, и стали ждать сигнала.

Раздался резкий свист. И сразу же восемьдесят пар рук с силой выдернули колья из земли. Палатка упала на спящих, оказавшихся в положении запутавшейся в сетях рыбы.

Представьте себе изумление путешественников, разбуженных столь бесцеремонным образом. Впрочем, изумление у Перро тотчас сменилось яростью, ибо он узнал среди нападавших своего старого врага, Отца Врачевания.

Чиликоты, видя, что хитрость удалась, поспешили крепко связать пленников. Потом, чтобы как следует подготовиться к предстоящей церемонии, с завидной быстротой принялись поглощать запасы виски.

Вскоре упившийся Отец Врачевания, с бутылкой в руке, отправился оскорблять канадского траппера, к которому колдун питал лютую ненависть, и это было вполне естественно для такого ничтожества, как он. Невозмутимый Перро, не удостоив негодяя ответом, лишь бросил на него равнодушный взор. Разозленный презрительным молчанием гораздо больше, нежели самыми ядовитыми выпадами, которые мог бы обрушить на него знаменитый охотник, мерзавец подошел к пленнику совсем близко, но не устоял на ногах, и его гнусная размалеванная рожа коснулась лица отважного канадца.

Терпению Перро пришел конец. Он резко оттолкнул лбом Отца Врачевания. Удар был так силен, что тот откатился в сторону. Когда же колдун, мгновенно протрезвев, вскочил с проворством обезьяны на ноги, то губы его были расквашены, несколько зубов выбито, рот наполнился кровью.

— Отлично,— прошипел индеец.— Перро силен... храбр... Посмотрим, как будет он вести себя у столба пыток!.. Перро ударил Отца Врачевания... Убивал чиликотов... Он умрет. Но еще раньше Отец Врачевания получит его скальп...

Стремясь запугать пленника и продемонстрировать свою власть над ним, негодяй намочил в обильно бежавшей изо рта крови кончик пальца и начертил на голове канадца алый круг — путь ножа, которым снимают скальп!

Но что за таинственное явление прервало вдруг восторженные вопли дикой орды, сменившиеся криками ужаса? Почему индейцы обратили к небу растерянные взоры? И отчего, вздымая в отчаянии руки, бросились лицом на землю?

Огромный, непонятный предмет, окутанный пламенем, повис внезапно над толпой краснокожих, низвергая на них огненный дождь.

ГЛАВА 9

Буксировка воздушного шара.— Последний доллар.— Нефть вместо жира.— Вода или огонь — на выбор.— Без якоря.— Над поляной.— Пленные друзья.— Трудности приземления.— Отчаяние и героизм.— Гибель воздушного шара.— Ужас Отца Врачевания.— Свобода.— Приход краснокожих.— Сражение.— О скальпировании.— Поражение чиликотов.— Пофрамление Джона Буля.— Дикие лошади.— Симпатия Жака к янки.

— Эй, джентльмен! Эй!..

— Эй, на корабле! Эй!..

— Мы прибыли!

— Отлично! Я очень рад.

— Если вы хотите сойти на землю, то поспешите

— Я только об этом и мечтаю, капитан! Будьте столь любезны, чтобы приказать вашим людям подтянуть канат и опустить шар на палубу.

— Это исключено.

— Почему?

— Пассажиры высаживаются сами, без помощи моих матросов. Для чего и существует трап, соединяющий палубу с набережной. Они проходят по нему — и до свидания!

— А как же вещи?

— Багаж складывают в трюм. При помощи строп, закрепленных у основания мачты, его вытаскивают наверх и выгружают на пристань.

— Мой шар — тоже багаж.

— Это вы так считаете, но не я. Я называю багажом лишь то, что находится на палубе или в трюме.

— Не оставите же вы меня вечно висеть на высоте десяти метров привязанным к пароходу!

— Оставить вас висеть над моим пароходом?.. Нет, не оставляю. Помочь же вам спуститься — дело совсем другое.

— Но это же настоящая западня! Гнусная проделка!

— Тише, джентльмен, успокойтесь. Я подрядился довести вас за десять долларов от Ситки до устья реки Ситкин. Свое обязательство я выполнил, так что будьте добры, спуститесь и покиньте мое судно вместе с другими пассажирами.

— Вы же понимаете, что сам я без вашей помощи не смогу этого сделать.

— Тогда уплатите еще один доллар.

— Я дам вам его.

— Плата вперед!

Выслушав ультиматум, предъявленный ему наглым вымогателем, Жак Арно, держась за край корзины, качавшейся над волнами, словно майский жук на веревочке, попытался справиться с охватившим его гневом. Утомленный довольно оригинальным способом пересечения водного пространства, наш путешественник стремился поскорее опуститься на твердую землю, но столь гнусный шантаж откладывал желанный миг на неопределенно долгое время.

Оба собеседника, один высоко в воздухе, а другой внизу на палубе, вынуждены были кричать, чтобы слышать друг друга. Когда надсадный голос донес до Жака решительное требование мошенника, тот решил, что у него не остается иного выхода, кроме как опять заплатить вперед.

— К счастью, у меня как раз остался один доллар,— проворчал он.— Последний.

— Вы слышали, джентльмен? — повторил капитан.— Платите вперед, или я отвязываю канат.

— Это уж слишком... Получается, я должен верить вам на слово, вы же мне — нет.

— Но ведь это я вам нужен, а не вы мне. Когда мы поменяемся ролями, я тоже буду платить вперед.

— Ну что ж, пусть так!

Без лишних разговоров Жак завернул доллар в кусок подкладки, вырванной из своей шубы, аккуратно завязал его в узелок и как можно осторожнее бросил на палубу.

Однако бедолага не рассчитал, что волны, плескавшиеся в устье реки, без устали раскачивали хрупкое суденышко. И когда он разжал пальцы, державшие монету, корабль по воле рока качнулся как раз в сторону, противоположную той, куда падал сверток Жака. Доллар, ударившись о борт, соскользнул в волны, и его всплеск горьким эхом долетел до ушей нашего воздухоплавателя.

Американец невозмутимо наблюдал за случившимся.

— Это не считается,— сипло крикнул он.— Давайте другой доллар, или я отвязываю вас.

— Но у меня больше нет денег! — взмолился Жак.

— Нет денег!.. Что ж, тогда отчаливайте!..

Мошенник — а мы помним, что за утреннее представление он получил без ведома Жака кругленькую сумму в двести долларов (ну а каждый доллар — это 1,084

франка),— вытащил длинный охотничий нож и одним взмахом обрубил канат, полностью освободив себя от забот о человеке, который совсем недавно сумел всего за час тугο набить ему кошелек.

Аэростат стремительно взмыл на значительную высоту, и задувший очень кстати западный ветер понес его в глубь страны. Однако положение нашего героя не стало от этого менее опасным. И вот почему. Когда он приступил на корме парохода к подготовке шара к подъему, то с удивлением и возмущением обнаружил в бутылки нефть вместо заказанного им горючего жира. Сам ли он был виноват, не сумев как следует объяснить капитану, какое топливо ему требуется? Или, напротив, у прощелыги были свои соображения на этот счет, и он с бесцеремонностью, достойной истинного янки, заменил животный жир минеральным продуктом?.. Конечно, Жак должен был бы сразу же потребовать от плута объяснений, хотя, скорее всего, претензии его вряд ли были бы удовлетворены.

Жак малодушно трусил только перед бортовой и килевой качкой и болтанкой, но в остальном, как мы не раз имели случай убедиться, был отважен и смел зачастую до безрассудства. Беспокоясь о сомнительной жидкости, сохранившейся в глиняной бутылке, не более чем если бы это была влага, столь дорогая глотке чукчи, он лишь слегка видоизменил нагревательное устройство, чтобы уменьшить риск пожара, а затем хладнокровно поджег нефть. Шар стремительно наполнялся, и навигатору некогда уже было разбираться в своих эмоциях. Ну а потом аэростат поднялся в воздух и восемь часов двигался на буксире у корабля. Вечно невозмутимый Жак, казалось, совершенно забыл о том, что один лишь сильный порыв ветра может так качнуть корзину, что опрокинет его сосуд с горючим. Для сохранения хладнокровия в подобных обстоятельствах требуется немалое мужество, почти что героизм. Действительно, нетрудно догадаться, каковы были бы последствия подобного происшествия, которое могло произойти каждую минуту. От опрокинувшегося сосуда с горючим воздушный шар тотчас бы загорелся, и несчастный воздухоплаватель оказался бы перед выбором: прыгнуть в воду или быть заживо зажаренным.

Счастливый, что так дешево отделался, в восторге от одной лишь мысли, что через минуту он ступит на твердую землю и, наконец, избавится от соседства этой зажигательной торпеды, Жак пришел в бешенство, когда американец перерезал трос и тем самым, помимо всего прочего, лишил

его стального якоря. Тяжесть и без того нелегкого положения аэронавта усугублялась теперь невозможностью нормального приземления.

Вдали он заметил факторию, к которой нес его дувший с моря ветер. Опуститься в каком-нибудь обитаемом месте стало бы для него настоящим избавлением. Но как это сделать? Что нужно предпринять, чтобы приостановить полет?

Время торопило. Необходимо было срочно принимать решение.

Открыть клапан — минутное дело. Шар начал медленно снижаться. Все ближе и ближе частокол вокруг торгового центра... Жак не сомневался, что, будь у него якорь, он бы благополучно приземлился, тем более при таком слабом ветре. Но без этого простого и в то же время столь необходимого приспособления встреча его с землей вряд ли будет приятной.

До фактории оставалось не более трех километров, а аэростат все еще летел над бескрайним зеленым массивом на высоте около сорока метров.

Внезапно лес оборвался, уступив место обширной поляне, посреди которой толпилась оживленная группа пестро разодетых людей. Крикливые наряды, замысловатая зловещая раскраска и неистовые выкрики ясно свидетельствовали о том, что это было за сборище.

— Индейцы! — воскликнул Жак. — Мне повезло. Если только, как я надеюсь, эти бездельники не имеют отношения ко мне тех же замыслов, что и их сородичи атны с Купер-Ривер... Однако, увлекшись дикими плясками, они, похоже, даже не заметили меня. — И тут взгляд воздухоплователя упал на распростертых на земле пленников. — Теперь мне понятно, отчего так расшумелись эти краснокожие дьяволы: сейчас прольется кровь.

Шар быстро приближался к площадке и через минуту должен был оказаться как раз над Перро и Отцом Врачевания, который уже заканчивал вычерчивать на лбу охотника зловещую линию для снятия скальпа.

Разглядев находившегося в беспомощном положении богатыря, Жак содрогнулся, мороз пробежал у него по коже.

— Гром и молния, — взревел он нечеловеческим голосом, — канадец из Нулато!.. Ну а кто тогда другие пленники?.. Да это же связанные, словно скотина перед убоем, Жюльен и Алексей!.. Как же помочь им?.. Я готов распороть этот проклятый шар, лишь бы поскорей спуститься

к ним на помощь!.. Впрочем, кажется, у меня есть кое-какое средство... Правда, один шанс из ста, что при этом я не переломаю себе кости, но в случае неудачи я, по крайней мере, смогу утешиться тем, что, не сумев спасти друзей, погиб вместе с ними.

Не теряя ни минуты, Жак, великолепный в своем праведном гневе, ударом кулака сломал хрупкое сооружение, коим являлось его нагревательное устройство, и горящая нефть вырвалась на свободу. Труба, проводившая нагретый воздух, лишившись защиты из жестяного кожуха, мгновенно воспламенилась. Нижняя часть шара, сухая, словно пакля, находясь в непосредственной близости от лампы, загорелась столь же стремительно. И через несколько секунд оболочка из бордюша уже пылала и трещала буквально в нескольких футах от головы бесстрашного воздухоплователя.

К счастью, прочная шелковая сетка пока еще выдерживала огонь. Ее густые ячейки защитили от языков пламени верхний слой оболочки, образовавший своего рода свод, превратившийся внезапно в импровизированный парашют, на котором Жак и опустился вниз. Приземление хотя и было жесткое, но завершилось довольно успешно.

Ему повезло, ибо он предусмотрительно уцепился руками за край корзины, чтобы не запутаться в такелаже. И в тот момент, когда горящий шар рухнул на землю, отважный аэронавт благодаря серьезным занятиям гимнастикой успел вовремя отскочить в сторону.

От удара о землю бутыл с остатками нефти разбилась, и ее содержимое огненными брызгами накрыло толпу краснокожих. Восторженные крики тотчас же сменились завываниями от боли. Ослепленные, обожженные и напуганные этим необъяснимым для них явлением, бездельники бросились на землю, призывая на помощь всех маниту * сразу и протягивая в отчаянии руки к небу, наславшему на них такую страшную бродячую звезду.

Со стороны же бледнолицых раздались удивленные возгласы, сменившиеся затем криками радости.

— Жак!..

— Алексей!.. Жюльен!.. Я не ошибся!.. У кого-нибудь из вас есть нож?

— У меня, сударь, на поясе,— раздался голос Перро.

* Маниту — у североамериканских индейцев — добрый или злой дух, существо, обладающее сверхъестественными свойствами.

Через минуту веревки были перерезаны. Все пятеро пленников встали, расправили затекшие конечности и могли хоть сейчас приступить к отмщению. Их ружья, заряженные, с запасом патронов, все еще валялись под тентом: краснокожие, опьяненные первым успехом, даже не подумали завладеть ими.

Перро, взяв в руки свой карабин и нежно поглаживая ствол и деревянное ложе любимого оружия, облегченно вздохнул. Быстро, одним взглядом, оценил окружающую обстановку, запечатлевшую последствия величайшего разгрома. И заметил своего заклятого врага, Отца Врачевания, которого, похоже, внезапно поразило безумие. Негодяй, привыкнув обманывать своих соплеменников с помощью различных трюков и переодеваний, злоупотребляя тем самым их доверчивостью, не смог вынести зрелища пылавшего шара, который он счел подлинным проявлением могущества сверхъестественных сил.

Достойный траппер, ничуть не смягчившись при виде обезумевшего врага, неумолимый, как и все, кто живет в этих малонаселенных краях и в области правосудия подчиняется только закону грозного судьи Линча *, поднял карабин, взял краснокожего на мушку и приготовился разmozжить подлечу голову. Хотя столь стремительное исполнение приговора обычно внушает европейцам отвращение, наши друзья не стали мешать: у себя дома каждый волен поступать так, как ему нравится. К тому же и кровавая полоса на лбу канадца не располагала к излишней снисходительности.

Неожиданно, к глубочайшему удивлению путешественников, Перро с тихим смехом опустил оружие.

— Не сбѣт напрасно тратитъ порох и пулю,— произнес он своим тягучим голосом.— Опасность миновала, так что давайте-ка позабавимся, как это принято в этой благословенной стране.

— Что вы хотите этим сказать, отважный мой Перро? — спросил Жюльен.

— А то, что теперь вы уже можете обнять своего друга, который, так кстати свалившись с неба, вызволил вас из этой заварушки... Да я и сам не прочь крепко

* Линч Уильям (1742 — 1820) — американский расист, отстаивавший право толпы самовольно, без следствия и суда, расправляться с лицами, заслуживающими, по ее мнению, смерти. Подобный самосуд, получивший распространение в США с XVIII века, стал называться по имени его идеолога «судом Линча».

пожать ему руку... А потом неплохо бы поговорить нам по душам, тем более что индейцев и след простыл.

— Но разве краснокожие не могут вернуться и снова напасть на нас?

— Нет, это исключено: у них тут будет столько хлопот, что они позабудут о нас.

— Что вы имеете в виду?

— Эти мерзавцы чиликоты переоделись в дикарей из других племен, чтобы грабить безнаказанно... Ну, словно жулики, нарядившиеся жандармами перед тем, как идти на дело... И все бы прошло у них гладко, если бы не остальные аборигены, не имеющие ничего общего с гнусной шайкой. Среди индейцев много честных людей, и к тому же им просто не выжить без факторий. Вот эти-то краснокожие и сыграют роль полиции. Прямо скажу, не хотел бы я оказаться в шкуре чиликотов!

— Вы уверены в этом?

— Так же, как и в том, что когда-нибудь мы все умрем... Вы небось никогда не видели, как снимают скальпы?

— Нет, и честно говоря, не имею такого желания.

— Но ведь вы путешествуете для того, чтобы все видеть!

— Конечно, но не подобные процедуры.

— Дело ваше. Однако должен заметить, что такая возможность предоставляется не каждый день.

— Вот как!

— Да, сейчас снимают скальпы только в книжках, сочиненных в Европе, ну и, может быть, еще где-нибудь в глухих уголках Скалистых гор.

— Но, Бога ради, объясните, почему вы считаете, что нам предстоит лицезреть этот мрачный спектакль?..

— Взгляните-ка сами! Я уже давно твержу вам об этом,— прервал друзей торжествующим тоном канадец.— Видите? Они идут сюда...

— Кто?

— Черт подери, да остальные дикари, что расположились лагерем возле английской фактории!

— Кто же успел предупредить их о случившемся?

— Это, месье, так же просто, как выкурить трубку. У англичан только что открылись торги. Краснокожие, собравшиеся перед факторией, конечно, заметили ваш шар, летевший в их сторону. А всем известно, что индейцы — любопытнее малых детей. И, завидев ту самую луну, о которой все говорят на сотни лье в округе, они тотчас

забыли про товары. Пусть же первая выкуренная мною трубка будет и последней, если я ошибаюсь!

— Кстати,— спросил Жюльен,— куда же делся американский фактор с двумя помощниками-метисами?

Перро рассмеялся беззвучно:

— Видите вон те «тюки», что шевелятся так, будто в них завернуты какие-то животные? Держу пари, что мерзавцы связали этих троих самым отвратительным рваньем... Глядите!.. Ну, что я вам говорил? Другие краснокожие их освобождают... Этих-то я знаю... Индейцы из Арк-Форта. Неплохие ребята!.. Вот и появился американский фактор!.. И метисы!.. Ух, как они злы!.. Хоп!.. А это уже дело неважноецкое! Хозяин и его служащие недовольны и схватились за карабины!.. Па-па-пам!.. Двое чиликотов лежат на земле, третий захромал... Э!.. Три головы уже ошипаны!.. Три красных колпака!..

— Как, с них уже сняли скальпы?! * — в ужасе воскликнул Жак.

— Именно! — с неподражаемым хладнокровием ответил канадец.— Вы только послушайте... как вопит тот, кто только ранен!.. Паф!.. Американцы еще стреляют, а краснокожие уже скальпируют... Да что там говорить, я, пожалуй, пойду посмотрю.

— Вы хотите поучаствовать в этой кутерьме?! Вы, Перро, такой серьезный человек?! Неужели вы и в самом деле пойдете туда?

— Да, пойду, хоть и рискую ненароком заработать увесистый тумак... Смотрите, там палят уже со всех сторон! Те, кто пришел позже, стреляют как сумасшедшие, но совершенно наугад... Впрочем, иначе и не бывает. Я не знаю никого, кто бы с таким удовольствием бабахал впустую, как это делают индейцы...

— Однако писатели создали им репутацию метких стрелков.

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Чтобы сохранить вещественное доказательство своей победы, краснокожий снимает скальп с убитого им или взятого в плен врага. Для этого он, вооружившись ножом, делает вокруг черепа надрез и затем с силой сдирает с головы несчастной жертвы соответствующий участок кожи вместе с волосами. Этот отвратительный обычай, который, к счастью, уходит в прошлое, присущ, как мне кажется, лишь североамериканским индейцам. Путешественники, исследовавшие Южную Америку, о скальпировании не упоминают. Я и сам беседовал на сей предмет со многими индейцами, проживающими в экваториальной зоне, и все они на мой вопрос, известна ли им сия практика, давали отрицательный ответ».

— Столь же фальшивую, как и мексиканские монеты,— вступил в разговор Жак.— Слышите, как свистят пули? Эти полоумные в конце концов перестреляют и нас.

— Полно, ежели это и случится, то не сегодня,— произнес, помолчав, Перро.— Чиликоты получили по заслугам. Те, кто не взят в плен и не оскальпирован,— а таких немного,— удрали... В общем, с ними покончено.

Этот разговор, который занял в нашем повествовании так много места, продолжался всего несколько минут, ибо события после драматического приземления Жака Арно в вихрях пламени развивались с невероятной быстротой.

Трое друзей и их отважные спутники-канадцы, спасенные столь чудесным образом, смогли наконец, обнявшись после долгой разлуки, рассказать друг другу о своих приключениях, произошедших с тех пор, как все они тем или иным способом покинули форт Нулато. Предоставляю читателям самим догадаться, стал ли Жак героем дня и был ли он чествован остальными как их спаситель.

Впрочем, спутники Жака были не единственными, кто благословлял его поистине фантастическое появление. Краснокожие, покинувшие английскую факторию и словно сумасшедшие бросившиеся навстречу воздушному шару, очутились прямо перед американским складом, который чиликоты за недостатком времени не успели разграбить. Пронырливый американец не преминул воспользоваться этим обстоятельством и, вовремя до краев наполнив виски большие стаканы, предложил их выдохшимся от бега и сражения воинам. Краснокожий очень чувствителен к знакам внимания, особенно в виде горячительной жидкости, и становится в ответ необычайно общительным и гораздо более сговорчивым, тем более если при этом виски без конца течет из бочки в бутылку, а из бутылки в его глотку. За добрым стаканом нашлось время поговорить и о делах. Индейцы похвастались шкурками, что остались в палатках возле английской фактории. Американец расписывал достоинства своих товаров, дал им пощупать лучшие из них и потом показал дюжину карабинов с дешевой отделкой самого дурного вкуса, но зато сияющей!.. ослепительной!.. позолоченной!.. Этого краснокожие уже не выдержали: каждый захотел иметь у себя такое ружье, ибо никогда ни один индеец с Великих озер не держал в руках столь сверкающего оружия. Они тотчас же побежали назад к английской фактории, с не меньшим проворством, чем бросились навстречу луне, и быстро приволокли все запасы мехов на спинах своих жен.

Теперь англичанин стоял на пороге разорения. Вот они, превратности войны, пусть и коммерческой!

Что же касается краснокожих, то они вскоре уже гарцевали на великолепных диких конях, несравненных скакунах, быстрых как ветер и необычайно выносливых.

— Ах, месье Жюльен,— невольно вырвалось у Перро при виде этого живописного эскадрона, с ураганной скоростью пронесшегося мимо них,— как было бы хорошо и нам занять по такой лошадке! Наступила весна, вот уже два дня стоит теплая погода, снег растаял и ехать дальше на санях просто невозможно.

— Так в чем же дело? Кто вам мешает купить шесть лошадей за мой счет?

— Индейцы ни за что не продадут их.

Услышав ответ охотника, американец с видом человека, для которого время — деньги, заявил:

— Джентльмены, через десять минут у вас будет шесть лошадей.

— Спасибо,— ответил Жюльен.— И раз уж вы сами пожелали заняться их приобретением, то я заплачу за них любую названную вами сумму.

— Вы получите их задаром.

— Но...

— Я ваш должник. Я обязан вам жизнью, а компания из Сент-Луиса — огромной прибылью. Поэтому не отвергайте моего предложения.

— Смотри-ка,— шепнул Жак на ухо другу,— глядя на него, я, кажется, примирюсь с этими янки. Ради него я прощаю мерзавцу-капитану, чей пароход тащил мой шар на буксире, те малоприятные минуты, что мне пришлось по его милости провести в воздухе, тем более что, к счастью, все кончилось благополучно.

— Кстати,— заметил Жюльен,— ты же прибыл сюда почти что на корабле...

— Ах, довольно об этом! Одно лишь воспоминание о качке, которую я пережил на борту этой проклятой ореховой скорлупки, что всю дорогу швыряла мне в лицо клубы дыма пополам с пеплом, повергает меня в ужас.

— Но ведь пока ты находился на борту и наполнял свой покойный монгольфьер, у тебя же не было морской болезни, ни единого приступа!

— Черт побери, и в самом деле! Хотя этот морской скакун так и подпрыгивал на месте.

— Выходит, ты обрел наконец тот самый иммунитет,

который я давно хотел тебе привить, пусть даже ценой собственного состояния?

— Увы, нет! Такие болезни не излечиваются.

— Значит, оказавшись на берегу даже крохотной речушки, ты опять откажешься переплыть ее на лодке?

— Но ведь речушку можно перейти и вброд...

— А если нет брода?

— Тогда переправлюсь через нее вплавь...

— А если вместо реки перед тобой окажется вдруг открытое море?..

— Ах, мой бедный шар сторел! — жалобно простонал Жак вместо ответа.

— Господа,— резко перебил их американец,— можете выбирать ваших коней...

ГЛАВА 10

*По дороге в Карибу.— Холода в Северной Америке.— Де-
вственные леса Канады.— Трудные пути-дороги.— Карибу.—
Эльдорадо Британской Колумбии.— Золотодобыча.— 262500
франков за один день.— Обратная сторона медали.— Бейкер-
Таун.— Мытье золота.— «Длинный Том».— Золотоносная
глина.— Примитивная техника.— Интерес Алексея Богданова
к доходам Жюльена де Клене.— Гордый изгнанник.— Товари-
щество.*

Индийские лошади были несравненными верховыми животными, так что фактор «Пушной компании» из Сент-Луиса сделал своим гостям и спасителям поистине бесценный подарок.

Нельзя сказать, что они дорого ему обошлись, совсем наоборот. Хитроумный американец, заметив пламенное желание, вспыхнувшее в глазах краснокожих при виде карабинов, решил извлечь из этого двойную выгоду. Как человек, знающий, что чем выше цену он назначит, тем более желанным покажется его товар покупателям, одним из условий продажи ружей коммерсант поставил предоставление ему шести лошадей на выбор. И он не ошибся. Подобное беззастенчивое требование свидетельствовало в глазах индейцев лишь о высоком качестве предлагаемого товара. Лошади были отданы беспрекословно — сразу же после того, как тщательный осмотр их удовлетворил и задлого спортсмена Жюльена де Клене, и опытного охотника канадских лесов Перро.

Однако американский фактор отнюдь не собирался отказываться и от бизоньих шкур, предложенных ему краснокожими. Лошади были, так сказать, «затравкой» перед началом большой торговли. И, зная, что индейцы не могут не поторговаться, он небрежно бросил, что в общем-то шесть лошадей за дюжину карабинов — это такие пустяки, что о них нечего и говорить.

Дело было слажено ко всеобщему удовольствию, и ловкач-торговец сумел извлечь значительную прибыль, оплатив, даже не развязав кошелек, долг благодарности своим спасителям.

Коммерция и чувства слились воедино: услуги — в дебет *, благодарность — в кредит **, шесть диких коней получены, баланс сведен, остается лишь приятное воспоминание. И больше никаких янки.

Ранним утром шестеро всадников тронулись в путь. Каждый вез с собой на четыре дня припасов — сушеное мясо и сухари в количестве, вполне достаточном для наших путешественников, половина из которых была записными *** охотниками.

Оставив позади реку Ситкин, они направились на юго-восток и, двигаясь вдоль телеграфной линии, связывавшей Ситку с Сан-Франциско, преодолели за четыре дня около трехсот двадцати километров, отделяющих устье указанной реки от форта Стейджер, расположенного на реке Скена, у подножия Скалистых гор.

Неутомимые мустанги ****, казалось, не знали усталости. Всадники же были вконец изнурены четырехдневным переходом, во время которого они, не имея предварительной подготовки, проделывали ежедневно по двадцать лье. И поэтому землепроходцы в полной мере оказали честь великолепным кроватям и обильному столу английской фактории, где им был оказан поистине радушный прием.

После двадцатичетырехчасового отдыха путешественники покинули Стейджер. Двухдневный переход до форта Бальбин, в ста двадцати километрах на юго-восток, показался им теперь приятной прогулкой. Последующие сто

* Дебет — в приходе-расходных книгах: счет поступлений и долгов данному учреждению.

** Кредит — в бухгалтерии — правая сторона счета, открываемого какому-либо учреждению или лицу, на которую заносятся поступившие на его счет и причитающиеся ему к уплате суммы.

*** Записной — здесь: рьяный, заядлый, завзятый.

**** Мустанги — одичавшие лошади в американских степях (прериях).

шестьдесят километров до форта Принс-Джонс были пройдены ими за два с половиной дня.

Наши друзья спешили достичь золотых приисков Карибу.

Наступило пятнадцатое мая. Повсюду бушевала весна. Природа, истомленная суровой зимой, наконец проснулась и с удвоенной энергией принялась возрождать самое себя.

В окрестностях Карибу, расположенного на пятьдесят третьей параллели, то есть на той же широте, что и Ливерпуль, температура зимой падает так низко, что нам в Европе просто невозможно представить. Смена зимы и весны происходит здесь необычайно резко. Впрочем, эта особенность является привилегией — если только в этом можно усмотреть какую-либо привилегию — любой северной части Североамериканского материка, где зимой замерзает ртуть, а летом термометр достигает нередко тридцати пяти градусов выше нуля.

Суровые зимы поражают нас больше всего, потому что свирепствуют они на тех широтах, на которых в Европе в то же время года температуры весьма умеренны и сильных холодов практически не бывает. Так, в Нью-Йорке, расположенном на той же широте, что и Неаполь (Нью-Йорк — на $40^{\circ}42'$ северной широты, и Неаполь — на $40^{\circ}51'$), температура зимой может опускаться до двадцати — двадцати трех градусов ниже нуля по Цельсию. В Чикаго, находящемся, как и Барселона, на сорок первой параллели, зимой иногда бывает двадцать пять — двадцать шесть градусов ниже нуля. В Квебеке *, на $46^{\circ}47'$ северной широты, что лишь немногим южнее Нанта **, широта которого — $47^{\circ}13'$, термометр показывает часто тридцать градусов ниже нуля. Более того, в Сан-Франциско, на $37^{\circ}48'$ северной широты, или на один градус южнее Лиссабона, холода достигают тридцати трех — тридцати четырех и даже тридцати пяти градусов ниже нуля по Цельсию. Но более всего удивительно, что в Пембине ***, возле сорок девятой параллели, то есть на широте Парижа, которая, как известно, равна $48^{\circ}50'$, ртуть в термометре нередко замерзает зимой, поскольку температура опускается более чем на сорок два градуса ниже

* Квебек — город на востоке Канады.

** Нант — портовый город на западе Франции, в устье реки Луары.

*** Пембина — город на западе Канады.

нуля по Цельсию! Таковы же минимальные зимние температуры в Якутске и Нижнеколымске.

За жгучими морозами, которые, к счастью, менее продолжительны, чем сибирские, и равны последним только по интенсивности, стремительно наступает необычайно теплая весна, а за ней — жаркое лето. Так что злаки успевают в местном климате прорасти, взойти и созреть.

По мере того, как наши путники продвигались с Крайнего Севера на юг, они все явственнее замечали изменения в природе, восхищавшие всех, и особенно Жака Арно. Бывший супрефект округа Сена совершал подобное путешествие впервые. Покинув Европу и с тех пор не видя ничего, кроме заснеженных просторов, где то тут, то там торчали, словно забытые в снегу метлы, одинокие деревья, чаще всего сосны, отягощенные инеем, он теперь восторгался при виде цветущих фруктовых садов, окружавших фактории. Там росли чудесные абрикосовые деревья с розоватыми цветами, низкие яблони, все в белом цвету, раскидистые вишни, чьи ветви топорщились белыми гроздьями и горделиво возвышались над нежным ковром из трав, изукрашенным цветами, над которыми весело порхали пестрокрылые бабочки.

Но вскоре эти островки обработанной земли, затерявшиеся посреди бескрайнего леса, эти неприметные оазисы, отвоеванные человеком у дикой природы, остались позади. Друзья вступили под величественные своды дикого канадского леса, где горделиво высились огромные дубы, раскинувшие могучие ветви над кряжистыми стволами с красноватой и белесой древесиной.

То там, то тут появлялись великолепные американские вязы (*Ulmus americana*), высотой более ста футов и восемнадцати — двадцати футов в обхвате, гладкоствольный бук (*Fagus americana*), белый (*Fraxinus americana*) и черный (*Fraxinus sambucifolia*) ясень, упорно заселяющий влажные почвы, тонкоствольная сикомора *, с голыми ветвями и листьями, словно запятнанными свернувшейся кровью, гигантские каштановые деревья с дуплистыми стволами и вечнозеленый лавр. Назовем также великолепную белоствольную березу (*Betula populifolia*), липу (*Tillia americana*), платан (*Platanus occidentalis*), одно из самых

* В Америке произрастает целая группа деревьев, именуемых сикоморой, сикомором или сикамором, в том числе планера водная (*Planera aquatica*) из семейства ильмовых, платан западный и клен ложноплатановый (явор).

больших лиственных деревьев Америки, четыре вида орешника, растущего буквально повсюду: *Caria alba*, с чешуйчатой скорлупой, *Juglans cinerea*, или масляный орех, черное (*Juglans nigra*) и гладкое ореховое дерево, — и конечно же клены: сахарные, известные под названием красных кленов, пушистые, горные, крапчатые, или яшмовые, и негундо. Изыщные кленовые листья удивительно сочетаются с листвой других деревьев, ибо это растение, как никакое иное, умеет уживаться со своими соседями.

Хвойные деревья произрастают отдельно, высокими купами, образуя участки густой зелени, кажущейся особенно темной на фоне лиственных деревьев, только что обрядившихся в весеннее одеяние. Преобладают такие породы, как белая сосна (*Pinus strobus*) — лесной гигант, достигающий порой высоты в двести футов, канадская ель (*Abies canadensis*)*, *Picea balsamifera* — хорошенькое низкорослое деревце, из которого производится знаменитый канадский бальзам**, *Larix americana*, или американская лиственница, предпочитающая, подобно белому кедру (*Cupressus thyodes*), влажные и болотистые почвы и обычно свидетельствующая своим присутствием о наличии поблизости любопытного травянистого растения со съедобными семенами, именуемого диким рисом, или водяным куколом.

Наконец, по краям полян, где имеется достаточно света и воздуха, встречаются американская лещина (*Corylus americana*), красная (*Sambucus pubens*) и черная (*Sambucus canadensis*) бузина, хрупкая мушмула*** с пурпуровыми цветами, смородина, брусника, рябина.

Ехавший во главе отряда Перро в непроходимых зарослях девственного леса чувствовал себя как дома и всегда находил ту единственную, едва заметную тропинку, которую торжественно именовал дорогой, так что путешественники без особой усталости быстро продвигались вперед. В самом деле, прогаины, какими бы заросшими они ни были, необычайно облегчают путь, ибо чаща нередко становится для путешественников поистине непреодолимым препятствием.

Перечисленные нами деревья растут там отнюдь не

* По современной классификации — *Picea canadensis* — ель канадская.

** В настоящее время это растение известно под названием *Abies balsamea* — пихта бальзамическая. Из его коры получают канадский бальзам (содержащий смолу продукт), применяемый в оптике и микроскопической технике.

*** Мушмула — кустарник из семейства розовых.

тем густым, но все-таки проходимым лесом, к которому привыкли мы у себя в Европе. Мало кто способен выбраться из чащобы девственного леса, где произрастают гигантские, не знающие топора, многовековые деревья, которые, отмирая, падают на землю и надежно преграждают путь.

Достигающие колоссальных размеров ели, кедры и туи, чьи макушки теряются в вышине, напоминают колоннады соборов. У корней же топорщится молодая поросль в ожидании того момента, когда она сможет наконец занять место какого-нибудь свалившегося от старости великана. Мертвые деревья громоздятся повсюду, образуя завалы высотой два-три метра. Чудовищные стволы, подгнившие и оттого рухнувшие на землю, постепенно превращаются в трухлявый перегной, поросший мхом. Врастая в землю под собственной тяжестью, они рассыпаются под грузом других деревьев, столь же могучих, но упавших позднее. Сильные, полные соков деревья, выкорчеванные последней грозой, предстают перед путником горами земли, осыпающейся с их повисших в воздухе корней. В этом хаосе живые стволы подпирают стволы давно отмершие, засохшие деревья с облетевшей корой соседствуют с зелеными исполинами, покрытыми лишайниками, гладкоствольные деревья лежат вперемежку с ветвистыми, лесные гиганты и карлики падают то плашмя, то под углом, а успевшая разложиться древесина служит им мягкой подстилкой.

Если почва болотиста, то она почти сплошь покрыта дереном *. В иных местах преобладают заросли колючей аралии ** и стелющиеся по земле лианы с широкими, словно у канны ***, листьями, поднимающимися иногда чуть ли не до плеч путешественника. Стебель и листья этих ползучих растений усыпаны колючками, вцепляющимися в одежду любого, кто осмелится продираться сквозь их непроходимые сплетения. Смельчак будет исцарапан с ног до головы, ранки же эти болезненны, моментально опухают и воспаляются.

* Дерен — полукустарник семейства кизиловых, произрастает в Европе, на Дальнем Востоке и Северной Америке.

** Аралии — невысокие деревца, кустарники или крупные многолетние травы семейства аралиевых, произрастающие в Южной и Восточной Азии и на юге Северной Америки.

*** Канна — крупные травы семейства канновых с клубневидным корневищем и широкими листьями, в диком виде произрастают в тропических и субтропических областях Америки, Африки и Азии.

Так что нетрудно понять, к чему разыскивать тропинку и неуклонно следовать по ней.

От форта Принс-Джордж, расположенного на реке Фрейзер, на 23° западной широты по Гринвичу, до Ричфилда, главного города приискового округа Карибу, насчитывается едва ли сотня километров. Однако из-за плохой дороги трое европейцев и их канадские проводники с трудом преодолели это расстояние за два дня.

Не из простого любопытства и удовольствия посетить золотой рудник направлялись они в Эльдorado * Британской Колумбии, где обрели счастье лишь немногие, большинство же сгинуло в тяжелой борьбе. От Ричфилда начиналась хорошая дорога, по которой друзья собирались пройти на юг около пятисот лье, чтобы выйти к сорок девятой параллели, отделяющей английские владения в Америке от Соединенных Штатов. Наконец, они мечтали распрощаться в Карибу с ночевками под открытым небом, с отвратительной кухней, с реками, через которые приходилось переправляться вброд или вплавь. Последнее, кстати, оказалось возможным только благодаря удивительной выносливости индейских лошадей, великолепно выдрессированных прежними хозяевами.

На протяжении всей дороги встречались гостиницы для золотоискателей, правда, не слишком комфортабельные, но в них всегда можно было поесть и переночевать. Для путешественников, покинувших столицу Восточной Сибири и с тех пор проделавших более трех тысяч лье, подобная возможность уже казалась роскошью. Ибо на этом пути только в форте Нулато и трех английских факториях — Стейджер, Бальбин и Принс-Джорж — они обедали за столом и спали на настоящих кроватях.

Изыскания в Карибу начались в 1857 году, через восемь лет после начала золотой лихорадки в Калифорнии. Город и его окрестности наводнила жадная толпа авантюристов, набросившихся на золотоносные участки, словно стервятники.

Огромные барыши были получены в первый же сезон, особенно в окрестностях Вильям-Крик, самой богатой долины округа. Но рано ударившие морозы застали людей

* Эльдorado — мифическая страна, богатая золотом и драгоценными камнями, которую искали на территории Латинской Америки испанские завоеватели; в переносном смысле — страна богатств, сказочных чудес.

врасплох. Измученные, без полноценной пищи, жившие в наспех сколоченных хижинах, они умирали десятками.

Зима свирепствовала целых шесть месяцев, и оставшиеся в живых до начала весны влачили поистине ужасное существование. Весной же лед с рек сошел, земля оттаяла и можно было снова приниматься за работу.

Капризы природы немного остудили пыл первых старателей и помешали начаться той золотой лихорадке, которая менее чем за два года обрушила на земли Калифорнии более пятисот тысяч искателей приключений. В Карибу не было подобного нашествия. Иммиграция была упорядочена, вплоть до того момента, когда состоятельные компании приступили к разработке полученных в концессию месторождений, не мешая, однако, при этом работе старателей-одиночек и артелей из пяти-шести человек.

Известно немало примеров внезапного обогащения предприимчивых людей, попытавших счастье в провинции Карибу. В частности, рассказывают о компании, которая, имея всего тридцать рабочих и шесть приспособлений для намывки золота, за один-единственный день добыла огромное количество драгоценного металла — две тысячи восемьсот унций *, или 87 килограммов 50 граммов, что в слитках имеет стоимость 262 500 франков. Немец Вильям Диц, один из первопроходцев Вильям-Крика, погибший в лесу от голода, за восемь часов намыл двести унций золота (6 килограммов 250 граммов) стоимостью 18 750 франков. Смерть его была ужасна. Обнаруженный через несколько дней посланными на поиски товарищами, труп его хранил следы мучительной агонии. Сведенная судорогой рука сжимала оловянную флягу, где он попытался ножом нацарапать горький рассказ о своих страданиях.

Хотя добыча драгоценного металла сопряжена с холодами, трудностями в доставке продовольствия, а отсюда и дороговизной съестного, требует больших предварительных затрат и нередко двух-трех лет ожидания, пока полученная прибыль перекроет расходы, золотые месторождения Карибу отнюдь не пустовали. К моменту

* Унция — здесь. мера веса, равная от 28,35 до 31,1035 грамма (в зависимости от используемой системы мер и весов). Л. А. Буссенар приравнивает унцию к последнему количественному показателю, принимая ее в данном случае за единицу английского аптекарского веса

прибытия туда наших троих друзей и их проводников там, как и двадцать лет назад, велась добыча.

Едва подъехав к приискам, они поспешили осмотреть участки и с удивлением отметили невероятную рутину в организации труда. Жюльен де Клене, видевший рудники Австралии, и Алексей Богданов, у которого — увы! — состоялось близкое знакомство с сибирскими рудниками, не верили своим глазам.

— Сколько богатства пропадает! — не уставал повторять молодой русский при виде примитивных приспособлений.

Прииск, куда они попали, назывался Бейкер-Таун. Право работать здесь оспаривали множество желающих.

Со всех сторон к золотоносному участку подступают каменные утесы и холмы, поросшие елями. Высоты и высоты словно налезает друг на друга по причине геологических напластований. Это не горы в нашем привычном понимании, а некие нагромождения из бесформенных осколков породы. Почва кругом вздыблена, возвышенности во множестве прорезаны узкими оврагами и лощинами. Кое-где скальные породы расположились вертикально, и с них, также вертикально, стекают ручьи.

Эти бесформенные груды, несомненно, были отторгнуты из земных недр одновременно со Скалистыми горами. Между ними, описывая большой полукруг, струятся воды реки Фрейзер, куда впадают многочисленные притоки, насыщенные благородным металлом.

Золото в Бейкер-Тауне, как и на большинстве других приисков Карибу, сокрыто сегодня под землей: поверхностные месторождения округа давным-давно исчерпаны или предельно оскудели.

Золотоносный слой, или *pay-dirt* *, как именуют слой глины с гравием, содержащий вожделенный металл и покоящийся на гранитном ложе, залегает на глубине десяти — пятнадцати метров.

Чтобы до него добраться, на требуемую глубину роется колодец. Грязь, вычерпываемую из него, подают в длинный узкий деревянный лоток, именуемый «ящиком с сюрпризом» или «Длинным Томом» и имеющий двойное дно. Верхнее дно сделано из параллельных дощечек, между которыми оставлены узкие щели, и расположено на несколько сантиметров выше основного дна, где поперек прибиты деревянные брусочки. Струя воды, пробегающая по

* В геологии — богатая рудная полоса, богатая струя в россыпи (англ.).

нескольким деревянным узким желобам, или *flumes* *, установленным на козлах, попадает в «ящик с сюрпризом» и затем — во вторую систему *flumes*. Золотосодержащую глину — *boue-pauante*, — поступающую в промывочное устройство в виде вязкой массы, беспрестанно размешивают длинными, с частыми зубьями вилами, позволяющими вытаскивать оттуда особо крупные камни. Земля и мелкий песок уносятся течением, золото же, как более тяжелое, проваливается сквозь щели верхнего дна, составленного из планок, параллельных друг другу, и оседает на настоящем дне между брусочками, образующими желобки, именуемые *riffle* **. Каждый день «Длинный Том» опорожняется, и из него извлекают драгоценный металл.

Таков основной способ намывания золота, при котором большое количество его не попадает к старателю, а остается в песке или в плохо промытой породе ***.

Толщина золотоносного слоя в Карибу обычно не превышает двух метров. И, как следствие, штольни в рудниках неглубокие. Крыша над колодцем покоится на деревянных столбах, скрепленных поперечными балками, а грунтовая вода вместе с породой поднимается наверх колесами с черпаками или бадейками на цепях.

Зимой работы вынужденно прекращаются, потому что нет воды для промывки золотоносной глины.

Алексей, пораженный несовершенством этих примитивных приспособлений, задумался. Наконец, после продолжительных размышлений, он повернулся к Жюльену и с видом человека, принявшего для себя некое важное решение, неожиданно спросил его:

— Вы богаты?

— Ну, — улыбнулся тот, — достаточно богат для того, чтобы быть независимым и удовлетворять свои прихоти. Но это вовсе не значит, что я могу позволить себе предаваться безумствам.

* Множественное число от английского слова *flume* (его значение дано в тексте).

** Желобок, канавка (*англ.*).

*** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает: «Эта примитивная и несовершенная система заменена в наших владениях в Гвиане промывкой золота с помощью рудопромывательных желобов, так называемых «*sluice*», что несравненно предпочтительнее. Я сам некогда написал большой роман о разработке наших золотых приисков — «Гвианские робинзоны». Гвиана — страна на северо-востоке Южной Америки, в 1817 году официально ставшая колонией Франции».

— Не будет ли нескромным попросить вас назвать хотя бы приблизительную цифру ваших доходов?

— Отнюдь, дорогой друг! Она равна примерно сорока тысячам франков, если брать по максимуму.

— Сорок тысяч франков!.. Неплохо.

— Но, похоже, в скором времени доходы порядком поубавятся.

— А не хотелось бы вам удвоить или даже утроить ваши доходы? Вам не придется рисковать основным капиталом, надо только вложить скромную сумму, и вскоре она сама начнет приносить значительную прибыль.

— А зачем? Я не честолюбив и равнодушно отношусь как к ценным бумагам Банка Франции *, так и к кусочкам металла с профилями всех суверенов ** мира.

Алексей не мог скрыть своего разочарования.

— Ваш вопрос, дорогой мой, застал меня врасплох,— продолжил Жюльен.— Черт побери, что вы мне предлагаете сделать, чтобы получить эту кучу денег?

— Я предлагаю вам создать товарищество,— смущенно произнес молодой русский.

— С вами?

— Со мной.

— Я не совсем понимаю, о чем идет речь. Но с тех пор, как вы стали нашим другом, я готов подписаться подо всем, что вы мне предложите, и, разумеется, без всяких формальностей.

— Я тоже, со всеми своими миллионами, поджидающими меня на фазенде Жаккари-Мирим,— со смехом добавил Жак.— Я готов вступить с вами в любое товарищество, но пока, к сожалению, без внесения своей доли капитала, ибо мой последний доллар покоится на дне устья реки Ситкин.

— Мои хорошие, дорогие мои друзья, вы же прекрасно знаете, что я беден, как Иов... *** Что я изгнанник, не имеющий за душой ни гроша. Но гордости у изгнанника никто не отнимет. И я хочу нажить состояние своим трудом. Сегодня судьба привела меня туда, где я смог бы найти желанную для себя работу. Уверен, что и за корот-

* Банк Франции — государственный центральный эмиссионный (то есть обладающий, помимо права производства обычных банковских операций, еще и правом выпуска банковских билетов) банк, основанный в 1800 году.

** Суверен — правитель, носитель верховной власти.

*** Иов — библейский персонаж, известный своей бедностью, ниспосланной ему с целью испытать его веру в Бога.

кий срок мне удалось бы многого здесь добиться. Вы, как и я, были удивлены допотопными способами, которыми пользуются местные старатели. Даже невооруженным глазом вы замечали в глине, вымываемой из «Длинного Тома», крупички золота, уносимые потоком воды. Так вот, я готов прийти в «Общество концессионеров», владеющее правом эксплуатации золотоносных участков, и за весьма скромную цену предложить им выкупить у них те участки, где уже велась намывка с помощью «Длинного Тома». Я бы повторно пропустил породу через совершенные приспособления, не позволяющие ускользнуть даже микроскопической частице золота. Если хотите, я подробно изложу вам, каков будет результат подобного предприятия и что необходимо для его осуществления. Золотоносные глины вырабатывают тут лишь частично, при такой примитивной промывке, по крайней мере, одна четвертая часть драгоценного металла ускользает... Пусть даже одна пятая... В худшем случае одна десятая... Все равно повторная промывка с использованием последних достижений науки будет более выгодной, чем та, что делается дедовскими методами. Не придется валить деревья, строить подземные галереи, поднимать глину наверх, устраивать это громоздкое промысловое сооружение, делать отводы для воды. Добыча золота начнется сразу, как только будут установлены нужные приборы, а для этого потребуется всего несколько часов.

— Отлично, дорогой Алексей,— перебил его Жюльен,— я в восторге от вашей идеи! Вы непременно добьетесь успеха и, уверен, сумеете сколотить состояние. Теперь мне понятно, почему вы начали с того, что обратились ко мне с предложением создать товарищество... Не беда, что у вас нет денег, чтобы начать дело: мой кошелек к вашим услугам. Я сделаю больше, чем мог бы сделать простой компаньон: я ссужу вас деньгами, а в случае, если в расчеты ваши вкрадется ошибка, не стану требовать их обратно.

— И все-таки я предпочел бы иметь вас компаньоном, если, конечно, вы не возражаете.

— Как вам будет угодно, дорогой Алексей! Вы же знаете, что денежный вопрос отнюдь не является для нас первостепенным.

— Да, это так, и, зная ваше бескорыстие...

— И, зная мое бескорыстие, вы хотите обогатить меня против моей воли,— закончил за русского Жюльен.— Как вам будет угодно.

— Считайте, что соглашение заключено. Мы давно знаем друг друга и вполне можем назвать свой союз товариществом на доверии.

— Когда бы вы хотели начать работу?

— Немедленно.

— Как, вы собираетесь расстаться с нами?

— Так надо, друзья мои! Рано или поздно нам все равно пришлось бы расстаться, и вы это хорошо понимаете. Однако разлука будет непродолжительной: я рассчитываю задержаться здесь самое большее до ноября, а пять месяцев пролетят незаметно. И, как знать, не придется ли мне просить вашего позволения провести зиму в Жаккари-Мирим, чтобы вернуться сюда весной и снова приняться за работу.

— Мы были бы рады видеть вас там, если только туда доберемся...— ответил Жак.— Хотя цель уже близка...— И добавил в сторону: — Впрочем, сколь же долог он, этот путь из Парижа в Бразилию по суше!

ГЛАВА 11

Организаторские способности Жюльена.— Месячный срок.— Телеграмма из Ричфилда (Британская Колумбия) в Париж.— Расставание.— Дорога из Карибу в Ялу.— Паром в Сода-Крике.— Удивление Жака.— Вдоль берега реки Фрейзер.— Постоялые дворы.— Вторая переправа на пароме.— Роскошный обед.— Англо-американская граница.— Пронырливые янки.— Воздействие горе-удильщика и упрямых рыб на судьбы двух великих народов.

Внезапное решение Алексея Богданова остаться в Карибу глубоко опечалило обоих друзей. Жак и Жюльен, одобряя планы их молодого друга, не могли без горечи думать о предстоящем расставании. Но иного выхода не было. Изгнаннику следовало позаботиться о своем будущем, а здесь ему предоставлялась прекрасная возможность честно заработать средства для независимого существования. Так что Алексею придется хотя бы один сезон провести в Английской Америке.

Детально изложив свой проект относительно промышленной эксплуатации уже прошедшей промывку породы и доказав, что результат ее непременно будет успешным, Алексей, как и договорились, предоставил Жюльену де

Клене улаживать необходимые формальности, будучи твердо уверен в том, что помощь, оказываемая ему французским другом, идет от чистого сердца. И каково же было удивление Алексея, — впрочем, Жак был удивлен не меньше его, — когда обнаружилось, что Жюльен — не только превосходный организатор, но и прекрасно разбирается в вопросах добычи золота.

— Так как вы решили непременно покинуть нас, — заявил он Алексею, — необходимо, — вы слышите: необходимо! — в первый же месяц получить золото...

— Мне кажется, что месяца будет недостаточно, — перебил его Жак. — Ведь, если не ошибаюсь, для этого требуется вполне определенное оборудование...

— Которое я обязуюсь доставить сюда из Европы за тридцать дней...

— Ты забыл, что только на то, чтобы отправленный тобою по почте заказ на оборудование дошел до Европы, потребуется не менее двадцати пяти дней.

— А телеграф на что?..

— Как, здесь есть телеграф?!

— Конечно! И если тебе, к примеру, захочется связаться с твоей конторой на улице Люксембург и спросить у своего бывшего патрона, кто теперь сидит в твоём кресле, то это очень просто: шестьдесят сантимов за слово — и никаких проблем!

— Шестьдесят сантимов! Это же совсем дешево!

— Англо-американский кабель доходит до Бреста*. Так что из Ричфилда, где мы с вами сейчас находимся, я телеграфирую своему банкиру в Париже и попрошу его поручить честному и смышленому торговому агенту приобрести пять промывочных аппаратов Базена и большой грязеотделитель системы «Сен-Морис», являющийся лучшим на сегодняшний день**. Я также попрошу его купить кузнечный горн со всем необходимым, то есть со стальной формой для формования слитков, сорока металлоприем-

* Имеется в виду портовый город на западе Франции, на полуострове Бретань.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Грязеотделитель системы «Сен-Морис», выпускаемый в Нейи-сюр-Сен, является, вероятно, самым лучшим приспособлением для промывки золотоносных пород. Я убедился в этом на собственном опыте».

никами из молибденита* для отливки золота и двумя отражательными печами**. Через четыре дня, включая день отправки послания, эти предметы будут куплены и на скором поезде переправлены в Гавр, Ливерпуль***, Портсмут**** или Кинстаун — все равно куда. Из этих портов шесть раз в неделю отходят суда в Америку. Самое большее через десять дней груз прибудет в Нью-Йорк, откуда заботами французского консула без остановки направится по трансконтинентальной железной дороге в Сан-Франциско. От Парижа до одного из указанных портовых городов четыре дня пути, от порта отплытия до Нью-Йорка — десять дней, от Нью-Йорка до Сан-Франциско — шесть. Итак, всего двадцать один день. К тому времени мы уже будем в этом калифорнийском городе и сами получим наш груз. Я заранее ознакомлюсь с расписанием отхода судов из Сан-Франциско в Британскую Америку и, если потребуется, зафрахтую маленький пароход. Затем пойду в китайское иммиграционное бюро, где найму необходимое число «подданных Поднебесной империи»*****, погружу их на корабль вместе с оборудованием, и — go ahead, или вперед! — плывем до Нью-Вестминстера, расположенного, как вам известно, в устье реки Фрейзер. Прямое расстояние от Сан-Франциско до Нью-Вестминстера, без захода в Викторию, столицу Британской Колумбии, — около ста двадцати лье. Это три дня пути. Затем люди и оборудование на баржах, которые тянут паровые буксиры, поднимаются вверх по течению Фрейзера, реки, как вы сами могли убедиться в форте Принс-Джордж, прекрасно приспособленной для судоходства. От Нью-Вестминстера до Ричфилда — примерно сто сорок километров. Отводя шесть дней на плавание по реке, я и получаю мою цифру в тридцать дней. Вот и все. Как вы находите мой план?

* Молибденит, или молибденовый блеск — минерал, из которого выплавляют молибден — твердый металл с серебристо-белым блеском в изломе, широко применяемый в технике.

** Отражательная печь — плавильная печь, в которой теплота передается материалу от газообразных продуктов сгорания топлива, а также излучением от раскаленной внутренней поверхности огнеупорной кладки.

*** Ливерпуль — портовый город на западном побережье Англии.

**** Портсмут — здесь: портовый город в Англии, у пролива Ла-Манш.

***** Поднебесная империя — старое название Китая, употребляемое в данном контексте иронически.

— Он просто превосходен! — заявил Алексей. — Уверен, что вы, с вашей энергией, непременно уложите в намеченный срок. Я же со своей стороны приложу все усилия, чтобы сделать наступающий теплый сезон весьма прибыльным...

— Черт побери! — перебил Алексея долго молчавший Жак. — Где это наш друг выучил названия различных там механизмов, применяемых для добычи золота?

— Твой вопрос меня удивляет, — ответил Жюльен. — Ты что же, считаешь что путешествие для меня — это лишь движение вперед, километр за километром? Или думаешь, что я брожу по земле единственно потому, что меня охватила страсть к бродяжничеству, и все, что я хочу, — это чтобы дорога никогда не кончалась? Нет, черт возьми, я смотрю по сторонам. Хоть и на лету, но я стремлюсь — и иногда весьма успешно — получить представление о местной промышленности, — разумеется, там, где она есть, — изучить географию тех мест, которые посещаю, знакомиться с людьми. В своих странствиях мне приходилось встречаться и с золотоискателями, бывать на приисках. Добыча золота интересовала меня, впрочем, не более чем поле, где, к примеру, растут картофель, сахарный тростник или табак. Увиденное и услышанное там я отложил в одну из ячеек своей памяти, чтобы, когда придет время, извлечь оттуда соответствующие знания... Но довольно болтать о пустяках. Если нам приходится расставаться, то сделаем это немедленно.

— Как, уже?! — воскликнул Алексей изменившимся голосом. — Подождите, по крайней мере, до завтра.

— Ни в коем случае: для меня нет ничего мучительнее ожидания неминуемой разлуки. Лучше уж сразу покончить с этим, нежели часами грустить о предстоящем расставании.

— Согласен, — произнес Жак.

— Позвольте же подвести некоторые итоги, — продолжил Жюльен. — Вот деньги на первые расходы, вам их, Алексей, должно хватить до получения первой прибыли. На них вы сможете приобрести у компании право на повторное использование золотоносных пород, оплачивать рабочих, закупить провиант... Оба юных Перро — Эсташ и Андре — вернутся отсюда в Нулато, если только не пожелают остаться с вами.

— Они бы не прочь, сударь! — произнес вместо них семейный вожак Перро-старший. — Сезон охоты на пушного зверя, с позволения сказать, окончен, так что ребята

не прочь подзаработать несколько су, задержавшись в этом городишке. К тому же, честно говоря, вокруг приисков всегда ошивается много всякого сброда. А уж мои-то мальчики сумеют защитить вас, меcье Алексей!

— Вы же, Перро, надеюсь, отправитесь с нами в Сан-Франциско?

— Куда угодно, только назовите место. Никогда еще я не был так доволен, как сейчас: ведь мне довелось путешествовать с настоящими французами — из нашей старой доброй Франции! День, когда мы распрощаемся, будет для меня черным днем.

— И для нас, отважный и благородный наш соотечественник.

— Ну да что поделаешь! Разве вся наша жизнь — не одно большое путешествие, где удача сменяется неудачей, и так на всем пути, и никто ничего не может изменить?

— Итак, мы расстанемся с вами, Перро, в Сан-Франциско. На обратном пути в Ричфилд вы присмотрите за грузом, который вместе с китайскими рабочими мы отправим сюда тотчас же после его прибытия из Европы... Не забудьте, дорогой Алексей, вот телеграмма, пошлите ее в Париж от моего имени. И помните, телеграфная связь проложена отсюда до самой Панама, так что мы сможем часто общаться с вами. А теперь, друг мой, прощайте! Наша дружба, зародившаяся при весьма драматических обстоятельствах, окрепла в общей борьбе с опасностями, встретившимися на пути, в изнурительных переходах, и я уверен, что никакая разлука ей не страшна. Наше расставание временное: скоро мы снова увидимся.

Французы обнялись с Алексеем, словно братья, крепко пожали руки Эсташу и Андре, сели на лошадей и в сопровождении Перро покинули золотые прииски Карибу.

От Ричфилда, расположенного чуть выше пятьдесят третьей параллели, они направились на восток, к селению Кенель, раскинувшемуся у места впадения реки того же названия в реку Фрейзер.

Ночь друзья провели в дрянной гостинице, заставившей их пожалеть о ночевках в сосновом лесу. Проснулись они, искусанные клопами. Впрочем, на завтрак была подана превосходная рыба. Закусив, путешественники двинулись по берегу Фрейзера и дошли до одного из его притоков — Сода-Крик.

Через эту водную преграду, достаточно узкую, но весьма глубокую, ходил паром. Жак, все еще разъяренный от совместной ночевки с кучей кровососущих насекомых,

машинально последовал за Жюльеном, въехавшим на плоскодонное суденышко прямо на коне, и, лишь когда паром уже отошел от берега, заметил вдруг, что находится посреди коварной стихии, к коей питал непримиримую ненависть.

— Ой! — удивленно вскрикнул он. — Я отплываю!

Жюльен не смог сдержать хохота.

— Если бы не сегодня, то это случилось бы завтра, милый мой гидрофоб! * — весело рассмеялся он. — В такой стране, как эта, рек — великое множество, мосты же встречаются крайне редко.

— Выходит, я плыву... по собственной оплошности?..

— Ты что, жалеешь об этом?

— Да, коль скоро речь идет о принципе.

— Признайся честно, ты же сам предпочитаешь пересекать подобные речушки таким вот образом, вместо того чтобы пустить вплавь своего коня и промокнуть при этом до самого пояса.

— Уф!.. Наконец-то мы прибыли!

— Надеюсь, сие плавание протяженностью в шестьдесят метров не вызвало у тебя морской болезни?

— Нет, черт побери! И, говоря по правде, я очень этим удивлен.

— Вот как? Прими же мои искренние поздравления!

В Сода-Крике, поселке, расположенном в семидесяти километрах от Кенеля, путешественникам снова пришлось воспользоваться гостеприимством столь же отвратительной гостиницы.

Оставив позади реку Фрейзер, они поехали из Сода-Крика по дороге на Бридж-Крик и в конце дня остановились на ночь в одном из постоянных дворов под названием «Сотая миля».

Эти временные прибежища для людей, находящихся вдали от домашнего очага, выглядят весьма непрезентабельно **. Построенные вдоль прекрасной, оживленной дороги, они ни в коей мере не украшают ее. Живут в них исключительно старатели, которые, богаты ли они или бедны, в равной степени мало заботятся о комфорте: первые — зная, что скоро смогут воспользоваться всеми удобствами, предоставляемыми большим городом, другие же — по причине крайней нужды.

По сути, это просто хижины, сложенные из плохо

* Гидрофоб — человек, ненавидящий воду.

** Непрезентабельно — невзрачно.

оструганных бревен и обычно имеющие всего одну комнату. В глубине подобного заведения помещается огромный камин, у противоположной стены возвышается грубо сколоченная стойка, за которой виднеются полки, уставленные рядами бутылок, с сивушным * пойлом.

В зависимости от сезона старатели, отправляющиеся на прииск или, наоборот, возвращающиеся оттуда, приходят вечером по двое, по трое, снимают со спины скатки из одеяла и кладут на пол — вместо сидений: стульев в этих лачугах очень мало или даже нет совсем. Пришедшие сразу же требуют выпивки. Тот, кто оказывается побогаче, обычно угощает соседей, после чего все едят, курят и снова пьют. Затем постояльцы, в той или иной стадии опьянения, раскатывают одеяла и устраиваются кто где: на стойке, на мешках с мукой, стоящих тут же, в этой единственной комнате, или же на полу, подошвами ботинок к камину. Но есть и такие, кто сну предпочитает картежную игру: сопровождаемая бранью и изрядной выпивкой, она нередко продолжается до утра.

Эти жалкие придорожные пристанища находятся на расстоянии десяти миль друг от друга и могут служить одновременно своего рода верстовыми столбами **, откуда и берутся их названия типа «Сотая миля».

Нашим друзьям не раз пришлось ночевать в таких развалах, прежде чем они добрались до Клинтон, поселка, расположенного немного выше пятьдесят первой параллели. Начиная с этого пункта, гостиницы стали более комфортабельными.

Выехав из Клинтон, путешественники следовали около двадцати километров вдоль речушки, носящей громкое имя Бонапарта, и у места слияния ее с рекой Томпсон вышли на проложенный по берегу Фрейзера тракт, соединяющий форт Камлупс с Ялой, Хоупом и, наконец, с самим Нью-Вестминстером.

Горная дорога карабкалась по крутым, нависавшим одна над другой террасам, придававшим долине Фрейзера весьма живописный вид. Но в том месте, где в эту реку впадает Томпсон, она спускалась в низину и, никуда не сворачивая, устремлялась прямо на юг.

* Сивушный — прилагательное от слова «сивуха», означающего плохо очищенную хлебную водку.

** Верстовые столбы — придорожные столбы, указывающие расстояние в верстах; здесь — в более широком смысле, безотносительно системы измерения расстояния.

В местечке под названием Бак-де-Кук через Томпсон ходил паром, один лишь вид которого вызвал на лице Жака Арно выразительную гримасу. Однако река в этом месте была достаточно широкой и бурной, чтобы у любого отбить всякую охоту переправиться вплавь. И Жаку поневоле, но на этот раз сознательно, предстояло повторить подвиг, совершенный им по оплошности в Сода-Крике.

Вел он себя как герой: въехав на коне на суденышко, оставался на протяжении сей переправы в седле, недвижимый, словно конная статуя, и готовый броситься в волны при первом же резком движении лошади.

Жак выдержал это испытание столь же успешно, как и в прошлый раз. Гордый, словно одержавший победу полководец, он в сопровождении двух своих товарищей важно направился по тракту из Бак-де-Кука в Литтон. Хотя и говорится, что этот путь проходит вдоль ущелья, по дну которого протекает Фрейзер, в действительности же сия дорога, возможно, самая необычная во всем мире, как бы врежется ломаной линией в крутые уступы, возвышаясь над ложем реки на две сотни метров. Здесь нет ничего похожего на парапет *, да и сам тракт нависает над пропастью, словно выступающий из стены карниз.

От Бак-де-Кука до Литтона — не более шестнадцати километров. Именно здесь берут начало доходящие до Ялы слои золотоносных песков, давших уже необычайно много драгоценного металла. Породу, некогда промытую первыми старателями, время от времени снова промывают китайцы, ухитряющиеся за день извлечь из нее золотых крох на один-два доллара.

От Литтона до Ялы расстояние невелико — сорок — пятьдесят километров. И трое путешественников решили остановиться в этом населенном пункте, ибо Яла — настоящий город, красивый, располагающий всеми достижениями цивилизации. Они с аппетитом уничтожили превосходный обед, сервированный на европейский манер, со столовым серебром, фарфором, камчатными ** салфетками и прочими изысканными вещами. Достойный канадец, похоже, никогда не видел подобного великолепия и теперь лишь изумленно тарачил глаза. Переночевали они в настоящих мягких постелях, пожалуй, слишком мягких, ибо, привыкнув спать на жесткой земле, с трудом могли уснуть.

* Парапет — невысокая стенка, перила.

** Камчатный, или камчатый — узорчатый, как камка — старинная шелковая ткань.

Выехав на рассвете из Ялы, друзья через полтора часа прибыли в Хоуп с твердым намерением незамедлительно проехать расстояние, отделяющее этот поселок от границы Соединенных Штатов, то есть двадцать шесть километров.

Индийские лошади бежали привычной бодрой рысью, делая по три лье в час. Путешественники проехали так более двух часов.

— Кажется, мы у цели,— произнес Жюльен, останавливая своего скакуна.

— У цели...— повторил Жак.— И где же это?

— В Америке, черт возьми! И, похоже, уже довольно давно. В Америке... То есть, хочу я сказать, в Соединенных Штатах.

— Что ж, это меня вполне устраивает,— произнес Жак, однако в голосе его не было радости.— Но откуда ты это знаешь? Я, например, не вижу ни рва, ни изгороди, ни речки, ни ручейка, ни холма, ни стены, наподобие той, что в Китае *, словом, совершенно ничего, что указывало бы на границу между двумя государствами.

— И все же граница существует. Это астрономическая координата ** — сорок девятая параллель, которая, начиная от Лесного озера, на девяносто пятом градусе западной долготы по Гринвичу, и до самого Ванкувера, отделяет Американские Штаты от английских владений.

— Но... разве этого достаточно?

— Совершенно достаточно: граждане Соединенных Штатов не допустят, чтобы кто-то даже оспаривал у них хотя бы клочок земли, не говоря уже о том, чтобы отобрал его.

— Действительно, эти янки весьма напористы,— проворчал Жак, вспомнив своего дельца из Ситки.

— И к тому же довольно проницательны,— дополнил его Жюльен.— До такой степени, что им удалось одурачить самих английских дипломатов, да так, как, наверное, еще никто и никогда не обводил вокруг пальца этих чопорных особ, привыкших одним только словом приводить в трепет всю Европу. Конечно, им здорово помог презабавный случай, можно сказать, детский каприз.

* Имеется в виду Великая Китайская стена — крепостная стена протяженностью в несколько тысяч километров, сооруженная в Северном Китае в основном в III веке до нашей эры для защиты страны от кочевников.

** Координата — величина, определяющая положение точки на плоскости или в пространстве.

— Расскажи же нам об этом. Ты только порадуешь Перро: он, как истинный канадский француз, от всей души ненавидит все, что относится к Англии.

— Верно, месье,— подтвердил траппер,— любая шутка, сыгранная с этими надутыми гордецами, доставит мне чертовское удовольствие!

— Идет! Так вот, при установлении этой границы британская дипломатия потерпела поражение и лишила правительство ее величества куса территории, предположительно уже давно ей принадлежавшего. Это случилось в тысяча восемьсот сорок шестом году. Американские Штаты, искавшие способ расширить свои владения, вздумали потребовать себе весь огромный бассейн реки Колумбии, освоенный некогда канадскими торговцами и эксплуатировавшийся «Компанией Гудзонова залива» задолго до того, как янки перешли через Скалистые горы. Повод был избран самый странный: Вашингтон предъявил претензию на этот край на том основании, что он будто бы является частью... Луизианы! *

— Луизиана была ведь продана Соединенным Штатам Бонапартом?

— Да, в тысяча восемьсот третьем году, за восемьдесят миллионов.

— Можно подумать, что первый консул ** и его представитель, Барбе-Марбуа, продавая Луизиану, не знали, где кончается ее территория!

— Вот именно! Так что сам понимаешь, какое возмущение вызвали у Джона Буля наглые требования Джонатана. Казалось, вот-вот разразится война... Однако Англия, почувствовав, что может потерять все, ввязавшись в войну с таким противником, стала искать пути, как бы с честью выйти из этой заварушки. Предлог, и весьма невинный, был найден братом английского премьер-министра. Этот почтенный джентльмен был заядлым рыбаком. На берегу реки Колумбия, протекавшей по оспариваемым землям, он облюбовал себе удобное местечко для ловли. Но ничего, кроме досады, рыбалка у него не вызывала: лососи, кишашие в устье Колумбии, вели себя словно истинные янки и упорно избегали самых хитроумных приманок, предлагаемых английской рукой. Устав от

* Луизиана — историческая область на севере США; ее территория в настоящее время поделена между несколькими штатами.

** Имеется в виду Наполеон Бонапарт, с 1799 по 1804 год занимавший пост первого консула (высшее должностное лицо) Франции.

бесплодной борьбы с водными обитателями, разъяренный рыбаки написал брату, что сей несчастный край засушлив, как пустыня, и вовсе не стоит того, чтобы из-за него ломались копья. Короче, определение в стиле Людовика XV *, который, как известно, изрек о Канаде: «Несколько арпанов ** снега!..» Естественно, брат моментально воспользовался подвернувшимся ему обоснованием для любовного разрешения спора и последовал совету, данному горе-рыбаком. Так вот и была установлена граница по сорок девятой параллели... Насколько правдива эта история, мне неизвестно, но обе стороны приняли на веру эту идеально ровную разделительную линию... Впрочем, и англичане и американцы вряд ли согласились бы с утверждением, что именно рыбы решили участь великих народов... Подумать только, всего тридцать три года тому назад нам пришлось бы пройти еще восемьдесят лье, прежде чем попасть на свободную территорию Соединенных Штатов!

ГЛАВА 12

*От англо-американской границы до Такомы.— Первая железнодорожная станция.— Американские railroads *** и французские железные дороги.— Отрицательные стороны железнодорожного транспорта Франции.— Спальные вагоны: «вагоны-дворцы», «державные салоны» и «серебряные дворцы».— Превращение «серебряного дворца» в спальню.— Чтение газет.— Бесцеремонность свободных граждан Соединенных Штатов.— Мнение канадца Перро о жителях Кентукки и Иллинойса.— Бесценнейший предмет личной гигиены.— Мастерский удар.*

Жюльен де Клене, Жак Арно и канадец Перро пересекали англо-американскую границу, проходящую ровной линией по сорок девятой параллели, почти под сто двадцать вторым градусом западной долготы по Гринвичу.

От маленького городка, название которого все чаще всплывало в разговорах, их отделяли двести километров. Хотя название это само по себе ничем не примечательно,

* Людовик XV (1710 — 1774) — король Франции с 1715 по 1774 год.

** Арпан — старинная французская мера длины, равен примерно 58 метрам.

*** Железные дороги (англ.).

для них оно ассоциировалось с возвращением в цивилизованный мир, с избавлением от тягот бесконечных переходов по порой едва заметным тропам и с началом быстрого и комфортабельного путешествия в несравненных американских вагонах.

Городок назывался Такома. Расположенный в ущелье Паджет на 47°15' северной широты, он являлся конечной станцией железной дороги, пересекавшей южную часть штата Вашингтон и практически весь штат Орегон.

Чтобы избежать многочисленных крутых спусков и подъемов, которыми изобилует северная окраина штата Вашингтон, где они в данный момент пребывали, путешественники свернули на юго-восток и подошли к проливу Георга, отделяющего от континента остров Ванкувер.

Почва здесь была достаточно ровной и в полной мере позволяла использовать быстрые ноги индейских лошадей. Полудикие, горячие мустанги отважно переплыли реку Нуксак, промчались мимо форта Беллингем и, проскакав тринадцать лье, примчали всадников в поселок Свиномиш.

Жак хотел ехать дальше, но согласился с доводами Жюльена, который считал, что перед завтрашним переходом им всем необходим хороший отдых. Чтобы добраться от Свиномиша до Сиэтла, надо проехать шестнадцать лье и трижды пересечь водные преграды. Первая, река Скагит,— достаточно широка, а две другие — реки с варварскими названиями Стилигаамиш и Снокальмао,— хотя и не столь велики, но переправа через них тоже требует некоторой осторожности.

В Свиномише они повстречали некоего метиса, служащего «Пушной компании» из Сент-Луиса и приятеля Перро. Он радушно предложил им свое гостеприимство и сообщил, что через все три реки существует паромная переправа, правда, чтобы ею воспользоваться, путешественникам каждый раз придется забирать немного восточнее, следуя за телеграфной линией. Сведения эти пришлось очень кстати, и теперь наши герои могли избежать целых трех купаний подряд, которые, пусть они и не опасные для жизни, вряд ли пошли бы на пользу их здоровью.

Таким образом, все складывалось как нельзя лучше, и наши друзья благополучно добрались до Сиэтла, находящегося всего в тридцати трех километрах от Такомы.

Ночью все спали плохо. Даже Жюльен, опытный, закаленный путешественник, не сомкнул глаз, мечтая

о том, как завтра наконец он и его спутники снова станут хозяевами своего времени и расстояния.

Отправились они в путь ранним утром, перемахнули галопом через три или четыре речушки и столько же ручьев, поскольку, к несчастью, через эти водные артерии не было паромных переправ, и прибыли в Такому промокшими до нитки.

Там они, к своему величайшему разочарованию, узнали, что поезд только что ушел, следующий же отправлялся не ранее трех часов пополудни. И посему после завтрака они вынуждены были убивать время, слоняясь по городу. Такова с ее населением в пятнадцать тысяч человек не славится ни достопримечательностями, ни живописным расположением. Рейд*, где стоят корабли, груженные лесом и углем, деревянные домишки и железнодорожные пути, черные от окалины,— вот и все, что можно здесь увидеть. К тому же на вокзале Жюльену сказали, что рельсы кончаются в Канонвиле, маленьком городке, расположенном на 40° северной широты, поскольку строительство дороги, соединяющей напрямую Такому и Сан-Франциско, еще не закончено. Покидая Европу, он помнил о способности американских железнодорожных линий обрываться в самых неожиданных местах, но за время путешествия совершенно позабыл об этом. И теперь с досадой думал о том, что с поезда им придется пересестись в дилижанс или же ехать дальше верхом. А путь был немалый. От Канонвиля до Хенли — сто километров по отвратительным дорогам, и от Хенли до Шаста — еще сто тридцать пять, правда, по более приличному тракту. Всего же выходило двести тридцать пять километров, или пятьдесят восемь и три четверти лье.

Жюльен, привыкший смиряться с любыми неудобствами, выпадающими на долю путешественника,— а он уже немало побродил по свету,— даже думать боялся о поездке в тесном и душном дилижансе. Все что угодно, только не этот узкий ящик на колесах, где рядом с тобой едет неизвестно кто и неизвестно куда. Подобные экипажи всегда перегружены сверх всякой меры, грязны, часто опрокидываются, и к тому же ты оказываешься в полной зависимости от неотесанного янки, выступающего в роли кондуктора. И поэтому молодой человек, испытывая к дилижансам то же отвращение, что Жак — к речным и морским судам, предложил отправить лошадей в специальном

* Рейд — здесь: водное пространство (у входа в порт, у морского берега), удобное для стоянки судов.

вагоне до Канонвиля, чтобы затем добраться до Шасты верхом. Как легко догадаться, предложение приняли единогласно.

Но вот долгие часы ожидания подошли к концу, и настал вожделенный момент отправления поезда: паровоз взорвал воздух сигналом, и хотя у американских локомотивов удивительные гудки, громогласные, словно пароводная сирена, Жак, сгоравший от нетерпения, назвал на радостях этот оглушительный рёв нежно-небесной музыкой.

— Уф, наконец-то мы едем! — воскликнул он, когда тяжелые колеса паровоза стали набирать скорость.

— Ну, это не надолго, — заметил Жюльен.

— Как жаль: ведь поезда на американских железных дорогах развивают колоссальную скорость!

— Не такую уж большую, как это тебе кажется. Когда же я сказал, что это не надолго, то имел в виду лишь расстояние — какую-то сотню лье, которую нам предстоит проехать, а никак не время нахождения в пути.

— А я-то думал, что янки водят свои поезда с поистине головокружительной скоростью.

— В таком случае тебе интересно будет узнать, что средняя скорость на их железных дорогах примерно такая же, как и на французских, — от тридцати двух до тридцати четырех километров в час. Кроме того, у американцев очень мало скорых поездов: в основном два в день, а на некоторых линиях и вовсе один. И, как бы быстро они ни неслись, наших поездов им не обставить. Так что расхожее представление о стремительных скоростях на американских железных дорогах, как и многие другие, не соответствует действительности. Впрочем, скорость — это единственное, в чем французские железные дороги не уступают американским. Взять хотя бы цены на билеты!.. Разве ты забыл, что в нашей дорогой стране путешественника начинают обдирать уже при отъезде, а за время пути раздевают окончательно?

— Да, пожалуй, ты прав. Цены на билеты у нас слишком уж высоки!

— А состояние дорог, не выдерживающее критики! Или те ящики, которые во Франции бессовестно именуются вагонами первого класса, в то время как немцы с трудом сравнивают их со своим вторым классом!.. Вспомним также крайне неудобные купе второго класса, куда администрация запикивает по десятку пассажиров... словно стадо бессловесных баранов... Не блещущие чистотой раз-

валюхи на колесах, лицемерно называемые вагонами третьего класса,— это же настоящие конюшни для людей, только значительно худшие, чем те вагоны, где едут сейчас наши лошади...

— К счастью,— перебил его Жак,— третий класс считается последним. Поскольку представить себе, на что был бы похож четвертый, просто невозможно. Наверное, вагоны этого класса не имели бы крыш, из спинок сидений торчали бы гвозди и осколки от бутылок, а сами сиденья были бы набиты шерстью пополам с абрикосовыми косточками, а то и с рыболовными крючками или лезвиями от перочинных ножей.

— Вполне возможно,— ответил Жюльен, к величайшему удивлению Перро, у которого в голове не укладывалось, как это янки могли по качеству своих вагонов обойти «добрую старую Францию».— В Америке же необходимые для жизни удобства, роскошь, что нас окружает,— все это доступно каждому, ибо билеты здесь продаются по вполне умеренным ценам. Так что еще одно сравнение не в пользу французских железных дорог.

С тех пор как поезд тронулся, Жак не устал восхищаться, и буквально на каждом шагу он поневоле вспоминал о недостатках, вплоть до самых мельчайших, французских поездов.

Благодаря прекрасной обустроенности американских железных дорог, комфорту, который выше всяких похвал, многодневное путешествие не только не утомляет, но, напротив, дает возможность отдохнуть.

Начнем с первых шагов пассажира. Прежде всего ему необязательно выстаивать огромную очередь к окошечку билетной кассы, ибо та открыта круглосуточно. Однако чаще всего решивший отправиться в путь гражданин прибывает на вокзал уже с билетом, поскольку его можно купить всюду: как в гостинице, так и в любом из агентств. Вместо того чтобы, как это происходит у нас, с самого начала лишиться свободы и стать бессловесным объектом манипуляций всемогущей администрации *, пассажир свободно прогуливается по перрону в ожидании отправления поезда. Так как существует всего один класс, он устраивается в первом попавшемся вагоне — огромном, значитель-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар делает следующую оговорку: «Сказанное здесь никоим образом не относится к компании, обслуживающей линию «Париж — Лион — Марсель» и являющейся в этом отношении исключением».

но более широком, длинном и высоком, чем наши. Сиденья, очень удобные и вместительные, рассчитанные на два лица, размещаются по обе стороны от коридора, по которому каждый может прогуливаться в свое удовольствие или выйти на одну из площадок в месте сцепления вагона с другими подобными ему транспортными сооружениями. Стоя в таких открытых тамбурах, можно подышать воздухом, покурить, полюбоваться пейзажем, и, кроме того, благодаря им легко пройти поезд из конца в конец.

Перед одной из подобных площадок находится печка и питьевая вода со стаканом, с тем чтобы пассажир в любой момент мог утолить жажду.

Наконец, если наш путешественник предусмотрительно закрепил свой билет за ленту шляпы, контролер никогда не побеспокоит его: он молча возьмет проездной документ, пробьет его и также молча положит обратно.

Выше дано описание вагонов, предназначенных для непродолжительных поездок, но для путешествий на большие расстояния существуют спальные вагоны — *sleeping-cars* по-английски, именуемые также в изобилующей цветистыми выражениями разговорной практике американцев «*palace-cars*» — «вагонами-дворцами», «*state-rooms*» — «державными салонами» или «*silver-palaces*» — «серебряными дворцами». Подобные великолепные средства передвижения доступны всем желающим и любому кошельку, разумеется, с определенными доплатами.

Представьте себе огромные меблированные салоны *, с креслами, изящными канапе **, с резной, первоклассной работы мебелью. Столики, складывающиеся, когда в них отпадает нужда, позволяют играть в различные игры или рисовать, писать или закусывать.

Электрические звонки расположены везде на расстоянии вытянутой руки пассажира. Стоит только нажать на кнопку из слоновой кости, как тотчас же появится служитель, готовый выполнить любую просьбу.

Пассажир желает подкрепиться? Проще простого: кухня и коробки с провизией тут как тут. От печей доносится приятное для уха шкворчание. Через четверть часа ваш обед готов.

А может, вам хочется отведать одну из тех смесей,

* Салон — здесь: вагон-салон — пассажирский вагон, в одной половине которого находятся купе, а в другой — общее помещение для пассажиров.

** Канапе — небольшой диван с приподнятым изголовьем.

столь дорогих желудку каждого американца, один из тех «прохладительных» напитков, которые американцы называют «ночным колпаком», «Томом», «Джерри», «петушиным хвостом» * или просто «дьявольским питьем»? В буфете — изобилие всяческих бутылок, напитки на любой вкус, включая парфюмерные жидкости, купорос и лекарственные настойки.

Наступает ночь, и в мгновение ока происходит полная смена обстановки. Служитель расставляет скамьи, опускает верхние полки и достает оттуда необходимые постельные принадлежности: одеяла, подушки, простыни, занавесы. Он делает все так хорошо и быстро, что меньше, чем за полчаса, «серебряный дворец» превращается в общую спальню с двадцатью четырьмя кроватями, расположенными в два этажа. И обходится пассажиру великолепная, располагающая к отдыху постель всего в один или полтора доллара, что равно стоимости номера в гостинице.

Кровати в таких вагонах очень широкие и гораздо более удобные, чем кушетки на пароходах. Между спальными секциями — стационарные ** перегородки, а двойной ряд плотных занавесей отгораживает спящих от остающегося свободным прохода. При пробуждении путешественник находит свою обувь и платье вычищенными и может сразу же отправиться в туалетную кабинку, расположенную соответственно в каждом конце вагона: одна — для дам, другая — для мужчин.

Кроме того, в любом из этих огромных вагонов оборудованы небольшая гостиная для дам и маленькая курительная — *smoking-room* по-английски. Пассажир имеет право, спокойно заняв свое место, уйти в курительную и, доплатив еще три доллара за каждые двадцать четыре часа, не покидать ее хоть до конца своего путешествия. Если же он предпочитает проводить время на своем обычном месте, дополнительная плата за ночь, как мы уже сказали, не будет превышать полутора долларов.

Что же касается багажа ***, то перевозка его — поистине высочайшее достижение американской практической хватки. Все без исключения железнодорожные ком-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что «петушиным хвостом» американцы называют подогретое шотландское виски.

** Стационарный — постоянный, не передвигающийся.

*** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает, что каждый пассажир имеет право провозить бесплатно сто фунтов багажа.

пании используют систему, подобную той, что принята в гардеробах театров. Два круглых кожаных номерка с одинаковыми цифрами болтаются на длинном, узком и тоже кожаном ремешке. Один прикрепляется к чемодану, другой вручается владельцу, и заботы пассажира о своей клади на этом кончаются. При приближении к большому городу агент компании проходит поезд, просит у пассажира его номерки и записывает адрес, куда направляется путешественник. Прибыв на вокзал, пассажир идет куда ему вздумается, не тревожась о судьбе чемоданов: он может отправиться в гостиницу в наемном экипаже или совершить приятную прогулку пешком. Добравшись же до места, он найдет там свой багаж, прибывший туда заботами компании гораздо раньше него.

Жак без устали восхищался удобными и шикарными вагонами. Он был в восторге от возможности пройти из одного конца поезда в другой, уверяя, что подобная прогулка лишает путешествие утомительности и однообразия, и просто не находил слов, дабы воспеть новшества, с которыми ему пришлось столкнуться впервые.

Однако скоро он «обнаружил на солнце пятна».

Пройдя километров сорок, поезд остановился у железнодорожной станции под названием Тенино, где от основного полотна отходит боковая ветка, ведущая в Олимпию, столицу штата Вашингтон.

Несколько мальчишек с кипами печатной продукции легко карабкались на ступеньки вагонов, выкрикивая фальцетом заголовки и содержание газетных листов, еще влажных от типографской краски.

Жак купил номер газеты «Олимпийское время» — «Olimpia Times» по-английски — и тут же принялся ее штудировать, в то время как Жюльен, скептически относившийся ко всему, что связано с ежедневной печатью, продолжал вести с Перро нескончаемую беседу о франко-канадских метисах, прозванных в Канаде «обугленными деревьями».

Жак — да простят мне это выражение! — был чрезвычайно падок до новостей и, словно истый провинциал, верил газетам. И теперь, будучи уже давно отлучен от печатного слова, он подробно, строчка за строчкой, смаковал бесценное приобретение, не обращая внимания на возбужденных попутчиков, которые время от времени громогласно объявляли об изменении цен на сало и выкрикивали последние сведения о понижении ставок на кожи или повышении курса нефтяных акций, — в общем,

вели себя так, будто находились прямо на бирже.

Вскоре постоянные толчки локтями и коленями, наносимые, впрочем, без всякого злого умысла неугомонными соседями, стали раздражать нашего читателя, и ему все трудней и трудней становилось сохранять хладнокровие.

— Однако люди эти на редкость плохо воспитаны! — произнес он в сторону. — Ревут, словно быки в стойле, толкаются, как сбегавшие из зверинца медведи, приходят, уходят, встают, садятся, бесцеремонно упираются в тебя локтями, хватают за пуговицу и даже не подумают извиниться. Подобные манеры просто невыносимы!

Решив оставить свое место и сесть поближе к Жюльену и Перро, Жак, поскользнувшись, чуть не упал в черное болото, образовавшееся на постеленном на полу ковре трудами трех джентльменов, которые, засунув за щеку по огромной порции жевательного табака, с точностью дождевальной установки посылали на ковер частые и длинные плевки. С трудом сдерживая отвращение, наш герой поневоле вернулся на свою скамью и попытался вновь углубиться в чтение. Но назойливое щекотание затылка, производимое неизвестным предметом, опять отвлекло его от вожаемого занятия.

Он резко повернулся, и лицо его очутилось в обрамлении двух огромных подметок, каблуки которых вольготно лежали на спинке сиденья. Владелец сих монументальных «подпяточных» аксессуаров * наслаждался отдыхом. Опустив голову, он развалился в кресле, вытянув ноги под углом в сорок пять градусов и положив их на скамейку Жака. Последний счел подобную позу слишком вольной. Но требовать от бесцеремонного янки соблюдения приличий было делом бесперспективным: в подобной же позе пребывали еще пять или шесть джентльменов, и она вполне устраивала их соседей, равнодушно созерцавших шедевры американской обувной промышленности.

При виде несчастной физиономии друга Жюльен рассмеялся.

— Смейся, смейся, сам-то ты что бы сделал на моем месте? — спросил Жак, покидая свое сиденье.

— Во Франции я бы попросил господина перейти в купе с надписью «специально для животных». А если бы мне решил, что я невежлив, то он быстро бы схлопотал пару добрых пощечин. Но Америка — иная страна, с ины-

* Аксессуар — принадлежность чего-либо (в данном случае — обуви).

ми нравами. Не имея возможности отправить джентльмена демонстрировать свои башмаки в другом месте, я бы просто постарался избежать подобного соседства.

— И были бы совершенно правы, сударь! Совершенно правы! — заявил убежденно Перро. — Достаточно лишь взглянуть на жителя штата Кентукки, как сразу же становится дурно, а при виде молодчика из Иллинойса вспоминаешь жирную свинью... Я взял этих двоих просто так, как первых попавшихся, ибо и в других штатах жители не лучше. Все они хороши!.. Грубияны или свиньи, а иногда и то и другое вместе... Даю слово канадца, вот подлинный портрет янки! С этими людьми лучше не сталкиваться! Неопрятные сами по себе, они и вокруг все изгадят... Но коли уж этот тип так вам мешает, то, может, я все-таки уберу его?

Услышав столь твердое суждение о янки вообще и об их попутчиках, в частности, а заодно и убедившись лишний раз в беззаветной преданности охотника двум друзьям, выраженной в весьма своеобразной форме, Жак разразился хохотом.

Едва ли пистолетный выстрел произвел бы большее впечатление на присутствующих. Смех моментально заставил их замолчать: для вечно спешащих американцев человек, находящий время для смеха, — поистине феномен. Ни одна машина, производящая какой-либо продукт, не смеется. И американец, этот человек-машина, неукоснительно следует сему правилу. Исключение составляет театр, где ему подают знак, что пришло время посмеяться. Оно и понятно: ведь время — деньги! И истинный американец трудится совершенно бесстрастно, если только он не клоун и смех не является для него работой. Ну а если он все же клоун, то смеется только так, как другие строгоют доски, закупают партии кофе, шьют ботинки или разносят коктейли, — совершенно серьезно, с видом человека, делающего свое дело отнюдь не для развлечения.

Так что трое друзей на короткое время оказались в центре внимания. На них смотрели с удивлением, но потом, решив, что это, наверное, французы или итальянцы, пассажиры успокоились.

Жаку, перехватившему на лету несколько изумленных взглядов, показалось, что он прочел в них изрядную долю презрения.

— Черт возьми, — проворчал он, — я пересек Азию и изрядно поколесил по Америке, однако до сих пор не

встречал подобных грубиянов! Мне куда симпатичнее общество якутов, бурятов, чукчей и индейцев. Многие из них, конечно, дикари и бывают порой излишне назойливы, но в основном все они прекрасно воспитаны.

— Ну, довольно,— прервал его Жюльен,— не хватало только вступить в перебранку с этими мужланами!.. Право же, они не заслуживают нашего внимания.

Эти мудрые слова на некоторое время успокоили раздраженного Жака.

Вскоре настала ночь, и трое путешественников, воздав должное ужину, скорее обильному, нежели изысканному, смогли насладиться постелями спального вагона.

По старой привычке Жак разложил на походном саквояже подле своей кровати необходимые принадлежности туалета, заново купленные им в Яле: кусок мыла, расческу, пилочку для ногтей и *vade mesum* * любого путешественника — зубную щетку, которую я отношу даже не просто к необходимым, а к необходимейшим предметам, поскольку признаю в принципе, что можно отправиться в путь без смены белья, истрепать в клочья одежду, идти босиком по пустыне или девственному лесу и терпеть отсутствие соли или табака, но не мыслю себе, как можно обходиться без этого бесхитростного гигиенического приспособления. Подобного же мнения, кстати, придерживается большинство путешественников, чтобы не сказать все.

Так же считал и Жак Арно и, невзирая на самые невероятные перипетии **, всегда хранил при себе сию бесценную вещь. И поэтому нетрудно представить себе его возмущение, когда, проснувшись, он увидел, как его вчерашний сосед, тот самый, который предоставил ему возможность полюбоваться вблизи его сапогами и которого злой рок разместил на ночь рядом с Жаком, спокойно кладет на место его зубную щетку: только что, усердно вращая локтем, он вычистил ею оба ряда своих зубов, чей вид вызвал бы зависть даже у сибирского волка.

Задыхаясь от ярости, Жак наскоро натянул на себя кое-что из одежды, обулся и гневным голосом, заставившим вздрогнуть нахального янки, спросил:

— Вы позволили себе... коснуться этого предмета?!

* Здесь: неизменный спутник (лат.).

** Перипетия — внезапная перемена в жизни, неожиданное осложнение, сложное обстоятельство.

— Йес, сэр,— ответил тот, удивляясь, что кому-то подобный поступок мог показаться странным, тогда как он лично находил его вполне естественным.

— Моя щетка... в вашем рту...

— Ну и что! Среди пассажиров принято оказывать друг другу мелкие услуги. Разве вы не одолжили бы мне пилку для ногтей или щетку для ботинок или платья?

Жак был обезоружен подобной непосредственностью и нечистоплотностью. Но, к несчастью, несколько реплик, брошенных соседями, напомнили ему вчерашние взоры, которыми удостоили его, когда он разразился хохотом, и, решив, что над ним смеются, путешественник взорвался:

— Вы что же, считаете, что теперь я смогу пользоваться этой щеткой?! — произнес он прерывающимся от волнения голосом.

— Это ваше дело... Я-то прекрасно почистил ею зубы после вас!

Американцу явно начинал надоедать этот разговор.

— Ну, ладно,— заявил он затем невозмутимым тоном,— ваша штукавина наверняка стоит не больше шиллинга *, я же заплачу вам доллар... с тем чтобы вы оставили меня в покое.

Подкрепив слова делом, он достал из жилетного кармана серебряную монетку и швырнул в лицо Жаку.

Оскорбленный француз издал звук, напомнивший хриплый звериный рык. И, прежде чем разбуженный перепалкой Жюльен успел вмешаться, бросился с кулаками на янки и нанес в физиономию обидчика мастерский удар, которого бы не постеснялся даже чемпион Соединенных Штатов.

Американец, не ожидавший нападения, согнулся, вытянул вперед руки и рухнул навзничь прямо посреди прохода.

— Отлично сработано! — воскликнул Перро.— Может, я чего и не понял, но этому задаваке здорово начали рыло... Чертовски славенький тумак!.. Делает честь нашей заморской старушке Франции!

— И навлечет на нас массу неприятностей,— заключил Жюльен.

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает, что один шиллинг соответствует одному франку двенадцати сантимам.

*Американские нравы.— Полковник Сайрус Батлер.— Фанфарон * или сумасшедший? — Отсрочка поединка на две недели.— Нежная невеста, мечтающая стать свидетелем смертельной схватки.— Использование дуэли Жака с полковником в предвыборной кампании кандидата, убившего пять человек.— Возмущение Перро.— Жак в центре внимания.— От Канонвилля до Шасты.— От Шасты до Сан-Франциско.— Попрошайничество как одно из занятий индейцев.*

Замечательный удар, нанесенный *secundum artem* ** Жаком Арно в физиономию наглого американца, тотчас же вызвал на ней появление великолепного синяка, напоминавшего по цвету трюфели, просвечивающие сквозь бока нашпигованной ими худосочной пулярки ***. Раненый, или, скорее, побитый, был щедро сбрызнут ледяной водой, после чего быстро пришел в себя. Открыв глаза и издав несколько звучных «кха!.. кха!», он опорожнил для прочистки мозгов три стакана бренди подряд и, резко поднявшись на ноги, увидел Жака, стоявшего рядом с Жюльеном и Перро.

— Уж не решили ли вы оскорбить меня? — произнес холодно янки, узнав в нашем герое человека, вроде бы осмелившегося столь действенным образом поучить его хорошим манерам.

— Грубиянов вроде вас просто призывают к порядку, ибо честь для них — пустой звук! — презрительно ответил француз.

— Я полковник Сайрус Батлер и уже убил на дуэли пять человек.

— Вы — большой хвастун! Оставьте ваше бахвальство полковникам из комической оперы и не теряйте зря времени, пытаясь запугать меня. Или, быть может, вы хотите, чтобы я извинился за нанесенный вам удар?

— Я желал бы только знать, рассматривать ли ваш необдуманный поступок, совершенный в крайнем возбуждении, как оскорбление, на которое джентльмен обязан отреагировать подобающим образом, или нет. Ибо вы так и не сказали ничего на этот счет.

От такого неожиданного поворота дела Жак опешил.

* Фанфарон — человек, который хвастливо выставляет напоказ свои мнимые достоинства.

** По всем правилам искусства (лат.).

*** Пулярка — жирная откормленная курица.

— А если я не стану вдаваться в подобные подробности? — в свою очередь, спросил он.

— В таком случае я буду вынужден убить вас.

— Это мы еще посмотрим! А теперь вот мой ответ: я хотел преподать вам урок, проучить вас, обуздать и... оскорбить. Ну как, удовлетворены вы?

— Вполне. Я вас убью.

— Вы — хвостун и зануда. Но если вам и в самом деле заблагорассудится драться на дуэли, я к вашим услугам. Извольте лишь прислать ваших секундантов договориться с моими, — закончил Жак, указывая на Жюльена и Перро.

Полковник одобрительно кивнул и окинул взглядом зрителей импровизированного спектакля. Затем, оставив без внимания слова своего обидчика, он, словно о чем-то внезапно вспомнив, спросил:

— Вы едете в Сан-Франциско?

— Да. А почему это вас интересует? — задал встречный вопрос Жюльен.

— Потому что это многое меняет: я тоже туда еду. А как долго собираетесь вы пробыть там?

— Около двух недель.

— Хотите, я убью вас именно в этом городе?

— Благодарю, вы так любезны! Но почему бы не сейчас, не откладывая?

— Вам, вероятно, будет приятно прожить еще пару недель. К тому же у меня дела в Сан-Франциско. Я должен жениться и принять участие в проведении предвыборной кампании моего будущего тестя, выдвинувшего свою кандидатуру в члены верхней палаты*.

— Но, — возразил Жак Арно, которого вся эта история начинала изрядно забавлять, — почему ваши матримониальные ** планы и выборы вашего будущего тестя должны помешать немедленному изничтожению моей персоны?

— Отец моей невесты, мистер Дэниел Уэллс, также убил на дуэли пятерых... И он никогда не простит мне, если я не сделаю его свидетелем вашей гибели. Моя будущая супруга, мисс Леонора Уэллс, — поистине удивительная девушка, настоящий драгун *** в юбке. Она зани-

* Имеется в виду сенат — верхняя палата высшего законодательного органа США, или конгресса, состоящего из двух палат: сената и палаты представителей.

** Матримониальный — брачный, относящийся к браку.

*** Драгун — солдат или офицер, служащий в некоторых кавалерийских частях, первоначально предназначавшихся как для конных, так и для пеших военных действий.

мается всеми видами спорта, но, насколько мне известно, до сих пор не видела, как убивают человека. Мисс Леонора будет моим вторым секундантом.

— Полковник,— торжественно провозгласил Жак,— я был неправ, назвав вас полчаса назад занудой. Хотите знать, что я думаю о вашем предложении?

— Слушаю вас, сэр.

— Так вот, оно представляется мне восхитительным! И я уверен также, что вы будете бесподобным зятем и счастливейшим супругом!

— Значит, вы согласны, чтобы...

— Наш поединок состоялся в Сан-Франциско, в удобный для вас день.

— Вы — настоящий джентльмен, и я испытываю к вам чувство глубочайшей признательности! Если бы вы только знали, как я рад, что, придя в себя после вашего удара, не выхватил пистолет и не застрелил вас, как это дозволено в случае самообороны!

— Никого бы вы не застрелили,— суровым тоном произнес Перро,— и тем более месье!.. Я давно положил на вас глаз, любезный, и при малейшем подозрительном движении быстренько отправил бы вас прогуляться за дверь... Убивать месье Арно, настоящего француза из старой Франции,— это уж дудки! Он добрался сюда из самого Парижа! Пересек всю Сибирь, побродил по Америке, шел пешком, ехал верхом, на телеге, в санях и даже летел на воздушном шаре! Да месье Арно наплевать на какого-то там янки!.. Для него сам медведь гризли не страшнее дикого кролика! Так вот к чему я клоню: держу пари на сто полновесных серебряных су, что он одним выстрелом скovyрнет вас так же, как я подстреливаю выдру или лося. Я в этом уверен... и уверен крепко, слово канадца, недаром родители мои родом из Нижней Нормандии, а честней моряков трудно сыскать!

Энергичное вмешательство достойного охотника и красочно изложенная биография Жака Арно произвели большое впечатление на присутствующих. Намечалось большое зрелище, или, как говорят американцы, «great attraction» *. Тем более что Перро произнес магические для слуха янки слова: «Держу пари».

Со всех сторон раздались нестройные выкрики, хотя большинство не поняли толком, из-за чего разгорелся спор. Каждый держал пари за или против. За кого, против

* Буквально: большой аттракцион (англ.).

кого, никто не знал. Впрочем, это и не имело никакого значения.

Полковник, казалось, был в восторге. Рассуждения Перро вызвали на его бледно-синем лице улыбку, концы которой утонули в припухлостях щек.

— Сэр,— воскликнул он, обращаясь к Жаку,— вы не представляете, как я рад найти в вашем лице столь почтенного человека! На наш поединок соберется весь город! Мы будем драться в большом зале «Альгамбра»*, что на Монтгомери-стрит: его специально для этого снимет мистер Дэниел Уэллс. Дуэль состоится накануне выборов, тотчас же после торжественного митинга республиканцев...** Какая удача для мистера Уэллса! Никто из кандидатов от демократов*** не сможет предложить своим сторонникам подобного зрелища!.. Убийство на дуэли!..

Жак, не в силах более сдерживаться, захохотал словно сумасшедший, и тут же к нему присоединился и Жюльен.

— Надеюсь, вы не возражаете, сэр? — с беспокойством спросил полковник Батлер.— За вход мы будем брать пять долларов, вся сумма достанется вашим наследникам.

— Ну уж нет! — заорал Перро, выведенный из себя подобной заносчивостью.— Это вам аккуратно прострелят голову! И деньги пойдут на ваши похороны! Запомните, месье Арно не нуждается в долларах янки! Его владения в Бразилии занимают никак не меньше пятидесяти квадратных лье! На принадлежащих ему землях есть леса, каких даже в Канаде надо поискать, золотые и серебряные рудники, перед которыми россыпи Карибу и Невады просто тьфу, а уж алмазов там столько, что их с избытком хватит на всех ювелиров Соединенных Штатов! Так что наплевать ему на ваши доллары! Знайте, если бы он захотел, то купил бы всю эту железную дорогу со всеми поездами, вагонами, да и с вами в придачу!

Во Франции подобные признания сразу бы выставили в смешном свете того, к кому они относились, а их автор заслужил бы репутацию помешанного. В Америке же они сделали Жака героем дня и снискали Перро симпатии окружающих. Наш путешественник был взят в плотное

* Зал назван так в честь Альгамбры — всемирно известного дворцового комплекса на восточной окраине испанского города Гранада, созданного в середине XIII — конце XIV века маврами — мусульманским населением Пиренейского полуострова.

** Республиканцы — здесь: члены Республиканской партии США.

*** Демократы — здесь: члены Демократической партии США.

кольцо пассажиров. Одни наперебой рекомендовали ему лучшие гостиницы Сан-Франциско, шикарные заведения, где можно развлечься, модные кафе и места для увеселительных прогулок, другие расхваливали качество смит-вессонов *, третьи с восторгом расписывали достоинства новой системы кольца ** и настаивали на том, чтобы в поединке с полковником Батлером он применил исключительно это оружие.

Но самым неожиданным образом повел себя сам полковник. С того момента, когда он увидел в будущей кончине Жака прекрасную рекламу для предвыборной кампании мистера Дэниела Уэллса, а также уникальный спектакль, который он сможет предложить мисс Леоноре, он чуть не свел с ума несчастного француза своей услужливостью. Впрочем, как только янки начал лечить приобретенный синяк посредством алкоголя, то быстро опьянел, и ему снова грозила потеря чувств, вызванная на этот раз снадобьем, которое успело причинить человечеству так много вреда.

Жак, преследуемый своими почитателями, перебежал из вагона в вагон, не зная, какому святому молиться, чтобы только избавиться от них, когда поезд наконец завершил свой маршрут. Путешественники проделали к тому времени немалый путь. Ночью они проехали штат Вашингтон и тогда же пересекли полноводную реку Колумбия, служащую границей между штатами Вашингтон и Орегон, оставили позади город Портленд, возникший недавно, но уже сыгравший значительную роль в жизни штата Орегон, затем — столицу этого штата город Сейлем и станцию Юджин, на сорок четвертой параллели, чье выгодное положение обещает превратить ее в недалеком будущем в крупное поселение. По мосту, один вид которого вызывает головокружение, железнодорожный состав пронесся над обрывистым ущельем в горах Калапуйа, пересек пять или шесть притоков реки Умпква, передохнул пару минут в Винчестере, где и произошла ссора, побудившая Жака пустить в ход кулак, и, оставив нескольких пассажиров в Розбурге и Миртлевиле, прибыл в Канонвиль, конечный пункт Североамериканской железной дороги.

* Смит-вессон — одна из систем револьвера. Был распространен и в России: в 1870 — 1890-х годах состоял на вооружении русской армии, позже сохранялся в полиции.

** Кольт — револьвер, усовершенствованный в 1835 году американским конструктором и промышленником Сэмюэлем Кольтом (1814 — 1862).

Трое друзей, выведя из специального вагона славных мустангов, проводивших взаперти почти четырнадцать часов, распрощались с назойливым попутчиком, бросавшим в тоскливом ожидании дилижанса завистливые взоры на великолепных коней, которые всем своим поведением и звонким ржанием выражали недовольство вынужденным заточением.

— Главное, господа, не забудьте нанести визит мистери Дэниелу Уэллсу, Невада-стрит, двадцать четыре,— напомнил полковник.— Он примет вас как старых друзей. И будьте так любезны, передайте мисс Леоноре мои заверения в совершеннейшем к ней почтении и сообщите ей о моем скором прибытии.

— Договорились, полковник! — ответили, смеясь, оба француза и, вскочив в седла, удалились в сопровождении Перро, ошетинившегося, словно дог, и ворчавшего, как разъяренный медведь гризли.

— Ну же, успокойтесь, Перро, что еще случилось, отважный наш товарищ? — участливо спросил Жюльен.

— Что случилось, добрый мой месье!.. И вы еще спрашиваете!.. О, силы небесные!.. Да я столь зол, что хоть сейчас готов пустить в ход мой карабин!

— Почему?

— Как подумаю, что месье Жаку придется меряться силами с этим шутом с козлиной бородкой, все во мне так и закипает!

— Он, конечно, хвостун, но в общем-то тип прелюбопытный,— заметил Жак.

— Не знаю, какой уж он там прелюбопытный, но лучше бы уж вы подали мне знак, и тогда бы я мигом избавил вас от него! А то теперь вот вы вроде как бы связаны честным словом с этим грубияном, что грозитя убить вас.

— Да полно, дорогой Перро, хвастовство еще никогда никого не убивало. Я, пожалуй, даже не жалею, что ввязался в эту историю. Вы даже не представляете себе, как я сгораю от любопытства увидеть достойного мистера Дэниела Уэллса, законодателя-душегуба, и нежную мисс Леонору, ласкового драгуна в юбке, жаждущего лицемереть, как убивают человека. Почтенные граждане, подобные этим американцам, совершенно не встречаются в Европе, и нам представляется возможность отлично позабавиться.

— Кстати, а ты умеешь стрелять из револьвера? — спросил Жюльен.

— Умею, и неплохо... По крайней мере, в случае необходимости сумею это сделать.

— Превосходно! Ты же знаешь, в большинстве своем американцы не отличаются меткостью. Во время поединка они, паля вовсю, бодро идут на сближение, пока окончательно не покалечат друг друга. Таким образом, стрелок, даже посредственный, может, имея револьвер системы «Смит-вессон», предупредить огонь своего противника и остановить его.

— Отлично! Тогда оставим пока этот разговор и перейдем к вещам более приятным.

В темах для беседы не было недостатка, и длительный переход в двадцать пять миль не утомил никого из путешественников. Их кони также не проявляли признаков усталости: изнурительные тренировки, которые индейцы устраивают своим лошадям, делают животных поразительно выносливыми.

Не обращая внимания на преграды в виде возвышенностей, болот и водных потоков, они пересекли скалистое побережье Рога, реки, шириной более ста метров, и отроги Каскадных гор, являющихся продолжением хребта Сьерра-Невада, переправились через Кроу-Крик, один из притоков Умпквы, и уже упоминавшийся Рог, проехали мимо Форт-Лейна, пообедали в Джексонвиле и, остановившись ненадолго в Хамбурге, чтобы дать передохнуть лошадям перед переходом через горы Сескийу, прибыли в Хенли, поселок, расположенный на берегу реки Клатат, уже на территории штата Калифорния, чья северная граница проходит по сорок девятой параллели, отделяющей его от Орегона и служащей северной границей штата Невада: американцы обожают прямолинейные границы.

Отсюда друзья направились в Шасту, чтобы выйти наконец к железной дороге. Торопясь попасть в этот город и без промедления сесть на поезд, направляющийся в Сан-Франциско, они решили пройти расстояние в сто двадцать километров так, как они делали это некогда в Сибири, то есть отдыхая лишь в случае крайней необходимости.

Дорога из Хенли в Шасту, пролегающая между Сьерра-Невадой и Береговыми хребтами — прибрежной горной цепью, пересекающей Калифорнию с севера на юг, очень живописна, и, следуя по ней, путнику приходится неодно-

кратно переходить по мостам и виадукам * через расселины и речки.

Быстро продвигаясь вперед, наши путешественники ехали на конях на протяжении около двадцати лье вдоль одного из рукавов ** реки Сакраменто, берущей начало на горе Шаста ***, в двадцати четырех километрах от одноименного города.

Едва прибыв на станцию Шаста, друзья поспешили снова погрузить лошадей в специальный вагон, а сами устроились в салон-вагоне, решив отдохнуть до самого Сан-Франциско, куда они рассчитывали попасть через десять часов.

Как только они заняли места в роскошном салоне и поезд тронулся, до их слуха долетел шум перебранки. Властный и хриплый женский голос говорил что-то на индейском языке, а другой, тоже женский, жалобно отвечал ему тоном ребенка, пытающегося избежать неминуемого наказания, пока шумный звук пощечины не прервал диалог.

Поддавшись естественному любопытству, Жюльен тихо приоткрыл заднюю дверь, выходящую на площадку в месте сцепления вагонов, и увидел трех индейцев — двух женщин и мужчину в грязных обносках, расположившихся там без особых удобств.

Краснокожий, огромного роста, с варварски размалеванным лицом кирпичного цвета, важно кутался в свои лохмотья, которые, в отличие от мокасин **** из буйволовой кожи, были европейского происхождения. Держался он столь величественно, что ему мог бы позавидовать даже испанский гранд *****. Обе женщины были молоды, хотя нищета, плохое с ними обращение и изнуряющая работа наложили на бедняжек свой отпечаток — сторбили их плечи и придали лицам туповатое выражение. Одной из них, похоже, стукнуло лет двадцать пять, хотя сторонний наблюдатель при беглом взгляде на нее мог бы дать

* Виадук — мост (для проезда, прохода) через долину, ущелье, дорогу или железнодорожные пути.

** Рукав — здесь: отделившийся от главного русла реки водной поток.

*** Гора Шаста — один из потухших вулканов на территории Северной Америки.

**** Мокасины — обувь из звериной кожи без подошв, мехом наружу.

***** Гранд — испанский дворянин-аристократ.

ей и все сорок пять. Другая — совсем еще девочка, — едва ли ей исполнилось шестнадцать, — однако выглядела она вдвое старше своего возраста.

Эта последняя и рыдала вовсю, слезы так и лились из глаз юной индианки. Ее товарка, с искаженным от гнева лицом, занесла над ней руку со скрюченными пальцами, видимо, снова собираясь дать пощечину, привлекая внимание Жюльена. И только внезапное появление постороннего человека предотвратило удар.

— Эй вы, мерзавки, — строго произнес вошедший гражданин, — у вас что, не было времени поколотить друг друга у себя дома, раз вы орете теперь и беспокоите пассажиров?.. А ты, — обратился он к мужчине, — не знаешь, что ли, устава компании? Если она разрешила вам ехать бесплатно, то лишь при условии, что вы не покинете площадку и будете вести себя прилично.

— Хау!.. Мой брат прав, — назидательным тоном ответил краснокожий. — Но мой брат поймет также, что старая сквау Ночной Птицы должна научить исполнять свой долг его молодую сквау.

— Так это твои жены?

— Мой брат совершенно прав.

— И каковы же обязанности этих несчастных по отношению к такому лентяю, как ты?

— Хау!.. Они должны носить оружие Ночной Птицы, следовать за ним по тропе войны, перетаскивать на себе еду, палатки и одеяла, собирать зерно, толочь его...

— Достаточно: и так все ясно! Выходит, они будут изнурять себя на работе, а ты, как заправский лодырь, сидеть сложа руки!

— Хау!.. Ночная Птица — великий вождь!

— Великий вождь и красавец мужчина!.. Впрочем, это твое дело, а не мое, однако при условии, что ты будешь вести себя как надо... А кстати, скажи-ка мне, почему твоя старая жена «учила» таким образом молодую?

— У Ночной Птицы нет денег, чтобы купить огненной воды у стюарда... * У него нет табака... Его старая жена хотела послать молодую попросить деньги у бледнолицых... И она побила ее, чтобы научить просить подобающим образом.

* Стюард — здесь: буфетчик на пассажирском морском судне или в поезде.

Индейцы, столкнувшийся с цивилизацией.— Краснокожие попрошайки.— Резервации.— Странствующий путеводитель Конти.— Ошибочное мнение о положении североамериканских индейцев.— Приобщение к цивилизации.— Оседлые индейцы.— Увеличение численности краснокожих.— Превышение рождаемости над смертностью.— Индейцы — пастухи и земледельцы.— Дети краснокожих — школьники.

Услышав такое обезоруживающее признание, Жак — невольный свидетель разговора краснокожего с внезапно появившимся гражданином — не поверил своим ушам. Жюльен, которого его прежние поездки по Соединенным Штатам уже примирили с некоторыми особенностями американского образа жизни, улыбнулся, видя искреннее удивление своего друга.

— Ну,— спросил он внезапно,— что ты думаешь об этом индейце, столкнувшемся с современной цивилизацией?

— Ничего хорошего — ни о нем, ни о цивилизации. Впрочем, я не могу поверить, что этот мрачный и карикатурный оборванец — чистокровный индеец.

— По его приплюснутому, как у рептилии, черепу ты можешь узнать шошона, или индейца из некогда могущественного племени змеи*, одного из самых древних на североамериканской земле. Его сородичи еще живут сегодня в Орегоне и на севере Калифорнии, хотя многие из них эмигрировали в штат Юта. Так что он-то и является собой тип чистокровного краснокожего.

— Как,— с жаром возразил бывший супрефект, в чьей голове после чтения классических приключенческих романов сохранилось множество юношеских иллюзий,— этот бездельник принадлежит к племени тех самых натчезов, которых любил и воспевал Шатобриан? **

— К боковой их ветви, но в целом именно так.

— Может быть, этот попрошайка — еще и сын одного из неукротимых воинов, героев чудесных повестей Купера?

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает о том, что канадские охотники называют иногда индейцев этого племени плоскоголовыми из-за распространенного у них обычая деформировать соответствующим образом лобную часть головы новорожденного ребенка.

** Шатобриан Франсуа Рене де, виконт (1768 — 1848) — французский писатель и политический деятель.

— Скорее не сын, а внук.

— Никак не укладывается в голове, чтобы индейцы столь быстро деградировали!

— Дорогой мой друг, пора уже похоронить общепринятые заблуждения. Да не прогневаются на меня маны* могокан, последний из которых отнюдь не умер**, а вместе с ними и алгонкины, натчезы, делава-ры и прочие ирокезы, делавшие честь племени краснокожих, как и те, кто их прославил, будь то Шатобриан, Фенимор Купер, Майн Рид, Ферри, Эмар или Дюплесси, но личность, собирающаяся делать пересадку в Сакраменто, чтобы добраться до страны мормонов***, и попутно кланчащая в поездах на железной дороге, как это делают наши европейские нищие в пригородных поездах, повторяю тебе, и есть современный индеец. От нее, может быть, отличаются лишь те, кто живет в резервациях.

— Что ты подразумеваешь под словом «резервация»?

— Территории, где государственные мужи Соединенных Штатов собрали индейцев, насильно согнанных со своих исконных земель. Им запрещено выезжать оттуда, как говорят, под угрозой расстрела на месте. Только эти краснокожие и сохранили еще в какой-то мере обычаи своих предков.

— Поверьте мне, джентльмены, в большинстве случаев индейцев переселяют в резервации исключительно ради их же блага,— вступил в разговор незнакомец, приструнивший краснокожих пассажиров.— Если бы белое население Дальнего Запада было более многочисленным, города не столь велики, а места, где можно тайно раздобыть алкоголь, встречались бы почаще, будьте уверены, что все эти кочевые племена, чьи достоинства так преувеличили писатели, не желали бы ничего лучшего, как присоединиться к такой цивилизации. Ибо под ее сенью множество типов, подобных тому, кого вы видите перед собой, могут влачить тупое и ленивое существование, столь дорогое сердцу каждого краснокожего.

* Мана — сверхъестественная сила, присущая, согласно поверьям отсталых племен, некоторым людям, животным, предметам, духам.

** Могикане — индейское племя, живут в США. Жюльен как бы обыгрывает здесь название романа Фенимора Купера «Последний из могикан» (1826).

*** Мормоны — религиозная секта, основанная в США в первой половине XIX века.

— Мне кажется, вы слишком строги к ним. Вы — американец, и это мешает вам быть справедливым по отношению к индейцам.

— Вовсе нет,— заметил на превосходном французском собеседник,— я — гражданин Швейцарии! Три года назад я прибыл в Америку, полный иллюзий, типичных для европейцев — поклонников равенства и филантропов *. Однако с тех пор мои взгляды резко изменились.

— Но,— с жаром возразил Жак,— если бы американцы, вместо того чтобы травить этих несчастных, словно диких зверей, расстреливать их поодиночке и скопом одурять алкоголем, попытались воспитывать их, если бы они образовывали их ум, приобщали индейцев к благам цивилизации, а не убивали при первой же встрече с ней, тогда, быть может, у нас перед глазами не было бы подобных прискорбных примеров столь чудовищной деградации! Неотъемлемые права человека для всех одинаковы, как для белого, так и для краснокожего.

— Вы позволите мне ответить с полной откровенностью?

— Разумеется, но бьюсь об заклад, вам не удастся меня переубедить.

— Вы утверждаете, что неотъемлемые права индейца такие же, как и у белого человека, и с этим я согласен. Но именно по причине этих прав белый человек отводит краснокожему обширную территорию, где тот может вести подобающее ему существование. Индейцы в основном живут лишь охотой и не желают видеть источника существования в обработке земли. Что же из этого следует? А то, что территория, по размерам не уступающая самому большому департаменту Франции, едва способна прокормить триста кочевников, в то время как десять тысяч земледельцев смогли бы там жить припеваючи. Разве естественно, что несколько охотников на бизонов препятствуют обработке огромных участков земли, совершенно необходимых для дальнейшего развития земледелия? Разве можно допустить, чтобы полет человеческого разума был остановлен варварством, чтобы расселение белого человека было остановлено несколькими бродягами с красной кожей? Можно ли, наконец, отобрать у тысяч белых право на существование и уступить его нескольким сотням дикарей?

* Филантроп — человек, занимающийся благотворительностью.

— Вы правы, месье, — прервал его Жюльен. — Никто не может ставить себя выше законов природы, хотя те подчас и кажутся нам жестокими. Положение таково, что из двух имеющихся рас одна непременно должна прийти на смену другой.

— Скажите лучше, что одна поглотит и ассимилирует * другую, к величайшему благу их обеих.

— Как, вы считаете, что существа, подобные этому «змею», равнодушно посасывающему сигару, которую я только что ему дал, смогут стать гражданами Соединенных Штатов?

— Если сами не смогут стать ими, то, по крайней мере, подарят Штатам новых граждан. Не сомневайтесь в этом, сударь, и оставьте старушке-Европе ее предрассудки относительно полного и необратимого истребления краснокожих.

— Но разве вы сами только что не говорили об этом?

— Нет, не говорил. И, рискуя злоупотребить вашим вниманием, хотел бы добавить еще несколько слов к уже сказанному мною.

— Вы им нисколько не злоупотребляете, напротив. Ваш рассказ, звучащий в устах человека, несомненно разбигающегося в данном вопросе, скрасит утомительное однообразие нашего путешествия и, как мне кажется, позволит нам разобраться в истинном положении вещей.

— Я сделаю все, что в моих силах, — скромно ответил швейцарец, — тем более что мне платят именно за это.

— Ах, вот как! Но кто же вы?

— Странствующий путеводитель Конти, полиглот, нанятый железнодорожной компанией для работы в поездах, следующих на дальние расстояния.

— Невероятно!

— Вместе с тем все обстоит именно так, как я имел честь вам доложить. Мои обязанности — всегда быть в распоряжении пассажиров, сообщать им в меру своих познаний всевозможные сведения и отвечать на вопросы, которые им будет угодно мне задать. Вот почему я вступил в вашу беседу, не представившись... К тому же, будучи служащим компании, я обязан поддерживать порядок в поезде... Но вернемся к индейцам. Нет сомнений, что последние лет двадцать — двадцать пять их встречи с цивилизацией имеют печальные последствия. Но иногда эти контакты весьма полезны... Глядя на сего отъявленного

* Ассимиляция — уподобление, слияние.

бездельника, с наслаждением сосущего вашу сигару, вы можете себе представить, к чему привело его столкновение с цивилизацией. Посмотрите на его причудливую одежду. Она состоит из шерстяной рубашки, ожерелья из когтей медведя, кучерского сюртука орехового цвета и цилиндра без дна, но украшенного неуместной картинкой, вырезанной из крышки коробки от сардин. Наконец, на нем надеты «оскальпированные» панталоны.

— Оскальпированные панталоны? — изумленно переспросил Жак.

— Вот видите, месье, — насмешливо бросил Перро, не удостоив внимания индейцев, о которых шла речь, — я был прав, утверждая, что только там, в глубине Британской Колумбии, можно найти чистокровных краснокожих, до сих пор снимающих волосные украшения со своих врагов. В этих же краях индейцы способны лишь оскальпировать собственные штаны... Такой вот прогресс!

Оба француза не смогли не расхохотаться, услышав подобное умозаключение, в то время как швейцарец тем же торжественным тоном, как и подобает ходячей энциклопедии, продолжал свой рассказ:

— Нелепое одевание дикаря — одно из свидетельств влияния на него цивилизации. Этот человек устыдился своей наготы. Он захотел уподобиться белым. Его брюки очень мешают ему, он снял их и, как здесь выражаются, «оскальпировал»: убрал заднюю часть и пояс и старательно сохранил штанины. Одежда его драная и грязная. Этот нецивилизованный человек не понимает, что такое лохмотья, — я имею в виду европейское понимание лохмотьев, — и уверен, что хорошо позаботился о своем костюме. Его попытки приобщиться к европейской одежде свидетельствуют о стремлении индейцев подражать белым, оставить обычаи своего народа и распрощаться с кочевой жизнью. О результатах этих неуклюжих попыток вы можете судить по нашему колоритному типу. Да за один день и нельзя приспособиться! К тому же краснокожие совершенно не в состоянии нормально носить одежду белых, так же, как и перенимать их привычки — и достойные подражания, и порочные. Во всем мы обнаруживаем преувеличение, ибо, что бы краснокожий ни делал, он всегда переусердствует. Первое соприкосновение с цивилизацией обычно на какое-то время выбивает из колеи человека, привыкшего к естественному образу жизни, хотя иногда может кончиться для него даже гибелью. Но те, кто устоит, а таких немало, оставят после себя здоровое потомство,

которое будет представлять новую, могучую расу, обладающую качествами, присущими обоим исходным расам.

— Значит, месье, по вашему мнению, индейское население вовсе не исчезает в результате своих контактов с белыми, а, наоборот, имеет тенденцию к увеличению?

— Уверен в этом и могу доказать на основании официальных данных.

— Однако странно,— перебил его Жак.— Во Франции постоянно говорят и пишут, что скоро в Соединенных Штатах и Канаде не останется ни одного индейца.

— Утверждения, казавшиеся реальными двадцать лет назад, сегодня уже не представляются таковыми. Например, численность индейского населения Верхней и Нижней Канады давно не уменьшается. Более того, переписи, проведенные с промежутком в десять лет, в тысяча восемьсот шестьдесят первом и в тысяча восемьсот семьдесят первом годах, свидетельствуют о том, что оно неуклонно возрастает из-за преобладания рождаемости над смертностью. Это связано с тем, что индейцы сменили бродячий образ жизни на оседлый. Гуроны из Жен-Лоретт работают на полях и изготавливают традиционные «индейские изделия», ирокезы из Солт-Сент-Луиса трудятся моряками и лоцманами на реке Святого Лаврентия, алгонкины, утауа и многие другие давно уже стали мирными гражданами, хорошими земледельцами, и все они непременно посылают своих детей в школу.

Все более и более изумляясь, Жак с огромным интересом узнавал о новых для него фактах, которые его любимые авторы, обычно совершавшие свои путешествия, не выходя из комнаты, сознательно обходили молчанием, дабы повествование их не утратило живописности.

— То же и в Соединенных Штатах,— продолжал переводчик.— Вот каковы результаты исследований генерала Лоуренса и полковника Маллери, опубликованных и обсужденных в американской прессе сразу после их завершения в тысяча восемьсот семьдесят пятом году. У ста индейских племен, находящихся в давних контактах с белыми, превышение рождаемости над смертностью составляет от шести десятых до двух целых и тридцати двух десятых процента. За последние двадцать пять лет число индейцев сию увеличилось с двадцати шести тысяч до тридцати семи. Численность индейцев таких племен, как чероки, крики, чакта и чикоза, проживающих, подобно сию, на индейской территории, то есть в резервации, возросла хотя и не настолько, но тоже довольно значительно. Объ-

единение этих пяти племен образует сегодня компактную этническую группу общей численностью пятьдесят две тысячи человек, обладающую определенной автономией и уже в значительной мере приобщившуюся к благам цивилизации.

Удивителен пример семинолов. В тысяча восемьсот тридцать пятом году их насчитывалось четыре тысячи человек, затем, в результате кровопролитной войны против регулярной армии Соединенных Штатов, число это сократилось до полутора тысяч, но за последующие сорок лет, к тысяча восемьсот семьдесят пятому году, увеличилось до трех тысяч. Я мог бы привести вам еще множество примеров, ибо документальные свидетельства подобного положения дел имеются в изобилии. Сравнительно быстрое возрастание численности индейцев — естественное следствие постепенных изменений, произошедших в их жизни. Этот народ, о котором всегда твердили, что он не сможет приспособиться к цивилизации, перейдя к оседлому образу жизни, достиг поразительных успехов, хотя им до сих пор и не воздали должного, особенно в Европе *. Если некоторые племена и в резервациях продолжают жить исключительно охотой, то время от времени они получают от администрации продовольствие. Значительная часть индейцев начала активно сотрудничать с белыми, и бывшие охотники превращаются в пастухов и земледельцев. Таким образом, сегодня уже никто не сомневается, что при каждодневном воздействии белого населения, во сто раз более многочисленного, исчезновение индейцев Соединенных Штатов, их языка, этнического типа и, как следствие, чистокровных представителей этой расы является только вопросом времени. Но, как я вам уже сказал, это исчезновение происходит не в результате истребления, а через ассимиляцию и межэтнические браки.

— Я всем сердцем поддерживаю этот процесс,— промолвил Жак, глубоко потрясенный рассказом.

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Согласно данным, содержащимся в опубликованном в 1878 году докладе Департамента по делам индейцев, краснокожие, проживающие на территориях, вверенных попечению правительственных агентов, в 1868 году имели 8646 домов, 78 тысяч лошадей и мулов, 42 700 голов крупного рогатого скота и около восьми тысяч овец и возделывали 79 тысяч акров земли (акр равен сорока с половиной арам), а через десять лет они уже владели 23 тысячами домов, 226 тысячами лошадей и мулов, 291 тысячью голов крупного рогатого скота и 594 тысячами овец и обрабатывали 373 тысячи акров». Акр и ар — меры земельной площади, равные соответственно 4047 и 100 квадратным метрам.

— В завершение замечу,— произнес переводчик,— даже если в Соединенных Штатах останется лишь горстка чистокровных индейцев, то и в этом случае нельзя будет говорить об уничтожении данной расы. Став белыми, точнее, будучи признаны таковыми, они продолжают род исконных обитателей страны. Разве мы не видим сегодня, как сто тысяч мексиканских метисов из Нью-Мехико, Техаса и Колорадо, двадцать тысяч канадских метисов из Висконсина, Миннесоты и Мичигана, многочисленные потомки индейцев из Нью-Гемпшира, обращенные в христианство и цивилизованные знаменитым проповедником Окамом, стали настоящими американскими гражданами? Это хлебопашцы, земледельцы, ремесленники, моряки, заделавшиеся оседлыми жителями. Они — полукровки, но в смешанных переписях * не отделяются от белого населения, хотя их отцами скорее всего были спившиеся личности, наподобие того попрошайки, который в эту минуту, величественно кутаясь в свои лохмотья, просит у вас еще одну сигару.

— Действительно, сей персонаж являет собой грустное зрелище, своего рода переходный тип от дикого индейца к своему будущему цивилизованному потомку.

— Это потому, что он отъявленный пьяница, да к тому же ленив сверх всякой меры. Но и он начинает понимать, что его лень и пьянство становятся все более несовместимыми с нынешним временем.

— Что-то не верится.

— Хотите, я спрошу его самого?

— Конечно.

— Скажи мне, вождь, откуда ты прибыл?

— Из земель, отведенных моим братьям из племени кламат.

— А что ты делал в резервации кламатов?

— Покупал вторую сквау. Ночная Птица беден.

— Почему же ты тогда купил вторую сквау, если ты беден?

— Чтобы она работала на меня. Индеец, у которого нет своей сквау, должен много работать, а тот, кто имеет много сквау, никогда не работает. Хау!.. Жены Ночной Птицы засеют его поле, а когда они соберут урожай, Ночная Птица сдаст их хозяину дороги.

— Что ты будешь делать с деньгами, которые они заработают?

* То есть в переписях, охватывающих все население страны, вне зависимости от национальной или расовой принадлежности.

— Куплю виски * и еще одну жену.
— Три жены!
— Хау! Святые из Города-на-Великом-Озере имеют гораздо больше жен **.

— Почему ты взял с собой к кламатам свою старшую жену?

— Чтобы она научила младшую. Сначала молодые ни на что не годятся, они лишь ревут и вспоминают хижину, где родились. Старые бьют их до тех пор, пока те не замолчат и не станут разумными... Они приучают их ходить по камням и спать с открытыми глазами... От этого молодые становятся выносливыми.

— А почему ты сам не воспитываешь жену?

— Хау! — воскликнул индеец с деланным изумлением. — Если бы белые увидели, что я бью жену, они бы меня повесили.

— И ты предпочитаешь, чтобы твои жены били друг друга: так удобнее и безопаснее. А скажи мне, вождь, у тебя будут дети?

— Да.

— И как ты станешь их воспитывать?

— Они пойдут в школу вместе с белыми.

Жак и Жюльен, не ожидавшие подобного ответа, не смогли сдержать удивленных возгласов.

— А почему ты пошлешь их в школу?

— Чтобы они научились ненавидеть виски — этот яд для краснокожего человека, чтобы они научились возделывать землю, которая кормит и белого и индейца, чтобы они, как белые, стали детьми Вашингтона ***, великого отца.

— Ну что, сударь, — победоносно спросил Жака швейцарец, — теперь вы убедились? У этого человека нет сил порвать со своими пороками, но он уже хочет, чтобы его дети были трезвыми, оседлыми земледельцами и носили звание граждан Соединенных Штатов. Разве он не внуша-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет о том, что «в Соединенных Штатах запрещено законом продавать виски индейцам, которые, однако, ухитряются добывать его в питейных заведениях возле строящихся мостов, на шоссе и железных дорогах и в прочих местах».

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар говорит о том, что индеец имеет в виду мормонов, среди которых действительно некогда широко практиковалось многоженство, что приводило к конфликту между этой сектой и государственной властью в США.

*** Вашингтон Джордж (1732 — 1799) — первый президент США (1789 — 1797).

ет вам уверенность в будущем краснокожей расы, которая, что бы там ни говорили в Европе, не исчезнет с лица земли?

— Согласен,— ответил молодой человек,— и в полной мере воздаю вам должное, восхищаясь вашими объяснениями, прояснившими для меня многое.

— Признаюсь честно, я не могу говорить на равных с этим краснокожим, который напивается каждый раз, как только раздобудет алкоголь, круглый год бездельничает и заставляет работать своих жен, словно вьючных животных. Я не в состоянии зажечь в нем ту искру, которой ему всегда будет не хватать, а именно: привить ему нормы нашей морали. Вот почему я сказал вам, что мои взгляды убежденного сторонника равенства и филантропа, с тех пор как я живу в Америке, изменились, а если быть более точным, то стали реалистичнее, и, зная подлинное положение дел, я готов признать за всеми индейцами, повернувшимися лицом к труду, право на свободу, равенство и братство.

ГЛАВА 15

Малочисленность населения в столицах американских штатов.— Прибытие в Сан-Франциско.— «Палас-отель».— Неожиданный визит.— Встреча будущего тестя полковника Батлера с нашими путешественниками.— Дом мистера Уэллса.— Размышления Жака Арно об американских нравах.— Нежелание Жака становиться зятем.— Человек с электрическим мотором.— Строгость и даже, возможно, несправедливость Жака по отношению к мисс Леоноре.— Будуар драгуна в юбке.— Виртуозная стрельба.— Человек, запросто жонглирующий шестидесятикилограммовой гирей.— Заключительное слово.

Поезд, уносивший Жюльена де Клене, Жака Арно и канадца Перро, задержался на несколько минут в Марисвилле, маленьком уютном калифорнийском городке, расположенном в месте слияния рек Юба и Плен, и, пополнив запасы воды, повернул на Сакраменто — столицу штата Калифорния. Однако путешественники, быстро проехав город, ибо железнодорожный вокзал находился по ту сторону его, едва успели мельком обозреть красивые дома, доки * и причалы, забитые товарами: глубина реки Сакраменто, куда вливаются воды Американ-Ривер, позволяет крупнотоннажным судам подниматься до этого административного центра, который, таким образом, ста-

* Док — портовое сооружение для ремонта судов.

новится своего рода морским портом, хотя и расположен вдали от океана.

Пройдя, не снижая скорости, по многолюдной улице, словно трамвай, поезд замедлил ход и наконец остановился ненадолго, чтобы по сигналу, поданному колоколом локомотива, снова тронуться в путь — к величайшему огорчению опоздавших, до которых, кстати, машинисту не было никакого дела: все идет ол райт!

Вокзал, выстроенный на городской окраине, напоминал французские железнодорожные станции третьего класса. Но янки это мало волновало: у них множество иных занятий, нежели обустривать столицы штатов, и те, за редким исключением, выглядят весьма захолустно.

— Американское демократическое управление, — заметил по этому поводу Жюльен де Клене, — приспособлено для больших густонаселенных государств, и в результате города, где размещается администрация, хиреют и обезлюдывают. И мы, французы, не без удивления узнаем, что в административных центрах штатов насчитывается в целом не более народу, чем на территории одной супрефектуры. Жители наших провинциальных городков просто высохли бы от зависти, узнав, что столичные города типа Спрингфилда, Колумбуса или Джефферсона командуют такими крупными населенными пунктами, как Чикаго, Сент-Луис или Цинциннати *. Малозначимость столичных городов характерна как будто бы для всей страны. Даже столица Соединенных Штатов город

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар приводит следующие данные в подтверждение своих слов: «Столица штата Нью-Йорк город Олбани насчитывает 76 тысяч жителей, в то время как расположенный в этом же штате город Нью-Йорк по численности населения занимает третье место в мире после Лондона и Парижа. В Филадельфии, крупнейшем городе штата Пенсильвания, проживает около миллиона человек, однако столицей этого штата является Харрисберг с 23 тысячами жителей. И столица штата Мэриленд — вовсе не Балтимор с 350 тысячами жителей, крупнейший на его территории город, а Аннаполис, где проживает лишь 5750 человек. В Чикаго насчитывается более 500 тысяч жителей, но столица штата Иллинойс, где расположен этот город, — Спрингфилд с населением в какие-то шесть тысяч человек. Число жителей Колумбуса, столицы Огайо, — 32 тысячи человек, тогда как в Цинциннати, самом крупном городе этого штата, проживает 250 тысяч. В столице штата Миссури насчитывается 7800 жителей и в столице штата Кентукки городе Франкфорте — 5400, но самый крупный город в первом из этих штатов — Сент-Луис, и во втором — Луисвилл. Столица Калифорнии переместилась из Сан-Хосе сперва в Неваду, а затем в город Сакраменто с 32 тысячами жителей, однако самым большим городом этого штата является Сан-Франциско, в котором проживает триста тысяч человек»

Вашингтон, хотя в нем и проживает более ста тысяч человек,— всего лишь административный центр, лишенный политического влияния и коммерческой значимости, несмотря на исключительно выгодное географическое положение: американская столица сообщается с океаном через Чесапикский залив, куда, оросив предварительно земли процветающих промышленных штатов Виргиния и Мэриленд, приносит свои воды Потомак — река шириной более двух километров, проходимая для крупнотоннажных судов. Не боясь повториться, скажу еще раз: подобно другим столицам, Вашингтон — всего-навсего административный центр, стоящий в стороне от той оживленной жизни, которой живут крупные города Соединенных Штатов...

Но вернемся к железной дороге, с которой в данный момент оказалась связанной судьба наших героев. Пройдя от Сакраменто до Стоктона около пятидесяти пяти километров, поезд сперва устремляется прямо на юг, затем резко поворачивает на восток и идет в западном направлении до Найлса, в двенадцати километрах от обширного залива Сан-Франциско, после чего спускается к Сан-Хосе и, обогнув южную оконечность бухты, поднимается на северо-восток, чтобы через полтора часа прибыть в Сан-Франциско.

Столь сложного маневра легко можно избежать, если в Сакраменто пересестись на один из быстрых и комфортабельных пароходов, которых так много в Соединенных Штатах, но Жак энергично возразил против такого варианта и, заявив, что с него хватит переправ через водные пространства — как на пароме, так и вброд,— пригрозил наложить вето * на подобное предложение, если с таким выступят его друзья.

Последний отрезок пути по железной дороге был проделан достаточно быстро и без всяких приключений, не считая ужасной жары, сравнимой разве лишь с той, что иссушает Индию, Сенегал или Сирию. В какой-то момент температура в салон-вагоне достигла 48° по Цельсию! Впрочем, это обычная летняя температура Калифорнии, исключение составляет лишь Сан-Франциско.

К счастью, наши путешественники смогли открыть все окна и щели в салоне и тем самым спаслись от удушья. Однако такое неудобство продолжалось недолго, поскольку

* Вето — запрещение; наложить вето — запретить, воспрепятствовать принятию решения.

ку по мере приближения к Сан-Франциско температура постепенно падала, пока не понизилась вскоре настолько, что у них даже мурашки побежали по телу*.

Наконец поезд с грохотом вкатил под крышу монументального вокзала, вполне соответствовавшего своими колоссальными размерами и роскошным убранством тому богатому городу, который он обслуживал.

Переводчик-швейцарец всю расхвалил друзьям чудеса «Палас-отеля» — новой гостиницы, недавно построенной и затмившей собой даже «Гранд-отель», считавшийся ранее одной из достопримечательностей Сан-Франциско, и путешественники, естественно, решили остановиться именно в нем.

Багаж их был доставлен в гостиницу тем же способом, о котором мы уже говорили, то есть заботами железнодорожной администрации, так что нашим героям оставалось лишь занять места в наемном экипаже и менее чем через четверть часа войти в двери своего нового пристанища.

Переводчик ничего не преувеличил. «Палас-отель», считающийся самой большой в мире гостиницей, представлял собою подлинное чудо в виде гигантского семиэтажного здания из железа, кирпича и стекла, с балконами, тремя лифтами, двумя дворцового типа лестницами, тысячью номеров с туалетными и ванными комнатами, несколькими великолепными салонами, курительными, читальнями и просторным крытым двором для прогулок.

На первом этаже размещался колоссальный холл — своего рода общественное место, где каждый мог расхаживать в свое удовольствие, посидеть на диване, насладиться газетой, поразвлечься креслом-качалкой, полюбоваться развешенными по стенам картинами, прочитать пришедшую на его имя телеграмму — одну из многих, присылаемых сюда со всех концов света, купить лотерейный билет, провести сиесту** в любимой позе — задрав кверху ноги и надвинув на нос шляпу, приобрести «Биржевой вестник» или познакомиться с удивительными американскими рекламными плакатами, не опасаясь, что кто-то помешает.

Новичка из Европы всегда удивляет, как это ни один путешественник не заблудится в столь огромном пандемо-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар предупреждает читателей: «Сан-Франциско — единственное место в Калифорнии, где летом прохладно, поскольку с июня по сентябрь беспрепятственно дует холодный северо-восточный ветер. Поэтому, выходя вечером из дому, не забудьте потеплее одеться».

** Сиеста — полуденный отдых в жарких странах.

ниуме * и, главное, каким образом удастся гостиничной администрации не терять его в бесконечных коридорах, галереях, комнатах, салонах, среди снующих туда и сюда людей, количество которых равно населению наших супрефектур. Однако все просто: прибывающие в отель тотчас заносятся в книгу и получают соответствующий номерок, после чего каждый здесь может прекрасно устроиться.

— Будьте так добры, впишите свои имена в регистрационный журнал,— вежливо обратился к нашим путешественникам клерк ** в черном костюме и с козлиной бородкой, указывая им на огромный том in folio ***, в роскошном переплете, обычном для конторских книг процветающих торговых домов. Сие произведение искусства величественно возлежало на массивном пюпитре **** из слоновой кости, инкрустированном серебром.

Реестр *****, куда путешественник вписывает свое имя и постоянное местожительство, играет важную роль в гостиницах Соединенных Штатов. Каждый из многочисленных постояльцев, да и просто из граждан, прогуливающих в холле, в любое время может подойти, заглянуть в него и сделать для себя интересное открытие, в чем и убедились наши друзья ровно через два часа после того, как разместились в отеле. Но об этом — несколько позже.

Изысканным почерком вписал Жюльен в журнал свое имя и имена своих друзей. Клерк объединил все три имени фигурной скобкой, указал в центре номер апартаментов новоприбывших и, подзвав колокольчиком гарсона *****, приказал ему проводить гостей. На этом все формальности были завершены.

Устроившись с быстротой, характерной для людей, привыкших к перемене мест, наши путешественники впервые после длительного перерыва смогли совершить свой туалет самым тщательнейшим образом. Это особенно приятно после долгого пути и тем более тогда, когда в вашем распоряжении оборудованные по по-

* Пандемониум — здесь: столпотворение.

** Клерк — здесь: мелкий служащий.

*** Ин-фолио (лат.) — формат (размер) издания (книги или журнала) в 1/2 бумажного листа — единицы измерения количества бумаги.

**** Пюпитр — подставка для книг, нот и прочего в виде наклоненной доски, укрепленной на ножке.

***** Реестр — здесь: книга для записи имен, дел и документов.

***** Гарсон — здесь: мальчик для посылок при гостинице.

следнему слову техники необычайно комфортабельные американские туалетные комнаты.

Вскоре друзья были уже готовы к выходу в город. Жюльен собирался нанести визит французскому консулу и получить в банке векселя на крупную сумму, переведенную им в Сан-Франциско. Но неожиданно в прихожей заурчал электрический звонок, и вслед за тем в дверях появился коридорный * с серебряным подносом, где лежала визитная карточка, тотчас преподнесенная Жюльену.

— Этот джентльмен уже здесь,— объявил мальчик, пока тот взирал изумленно на квадратик белой бristolской бумаги.

— В чем дело? — спросил Жак.

— Посмотри-ка сам.

— «Дэниел Уэллс. Сан-Франциско, Невада-стрит, двадцать четыре»,— громко прочел Жак, удивленный не менее своего товарища.— Это же мистер Уэллс, будущий тесть полковника Батлера, отец нежной мисс Леоноры, жаждущей лицезреть мою кончину!..

— Bravo! Просите.

Встреча ожидалась прелюбопытнейшая!..

Человек среднего роста, худой, шустрый, седовласый и с белоснежной бородой, с живым и необычайно проницательным взором бросился навстречу нашим друзьям, словно давний хороший знакомый.

— Я ведь не ошибся, господа, и имею честь говорить с графом де Клене и мистером Арно?

— Совершенно верно, сударь,— холодно ответил Жюльен.— Мы к вашим услугам.

— Понимаю, что поступаю вопреки правилам... Меня не представили... Хотел было попросить вашего консула оказать мне эту услугу, но я так торопился! Я узнал о вашем прибытии из регистрационного журнала «Палас-отеля». Если позволите, я представляюсь сам...

— Этого не требуется, сударь, ибо мы знаем, кто вы, и уверены, что и вам, со своей стороны, многое о нас известно. Не будете ли вы так любезны изложить нам цель вашего визита? Чем мы можем быть вам полезны?

— Мне?! Да ничем особенным... Просто захотелось увидеть вас, познакомиться... А также обратиться к вам с просьбой почтить своим присутствием мой дом. Я бы с удовольствием представил вас моей дочери мисс Леоно-

* Коридорный — работник гостиницы, обслуживающий ряд номеров.

ре, показал наш город и его окрестности... места для прогулок, которые поистине великолепны!.. Я знаю, что имею дело с настоящими джентльменами... Мой будущий зять, полковник Сайрус Батлер, все еще находящийся в дороге, подробно телеграфировал мне об обстоятельствах вашей... вашего знакомства. Вас ждут со вчерашнего дня. Известие о предстоящей дуэли взбудоражило местное общество... Как вы могли предположить, многие заключили пари. Всем известно, что вы — важные особы, и вы уже успели стать героями дня. Так что прошу без особых церемоний принять мое приглашение, «попросту», как говорят в вашей стране... Разрешите мне проводить вас к себе домой. Стол давно накрыт... Потом вашим чичероне * станет мисс Леонора, а я вернусь к своим делам... Ах, если бы вы только знали, как я спешу!

— Что ж, мы согласны,— улыбнулся Жюльен, поймав утвердительный взгляд Жака.

— А я, если вам будет угодно,— произнес Перро,— попрошу у вас «увольнительную», чтобы самому, по собственному вкусу осмотреть город и передохнуть после дороги.

— Как хотите, дорогой друг. Действуйте по своему усмотрению и, главное, не стесняйтесь себя в средствах. Вам предоставлен неограниченный кредит. В случае необходимости вы знаете, где нас найти.

Экипаж мистера Уэлса, в который был впряжен один из несравненных рысаков, выведенных в Америке, стрелой рванул с места и стремительно помчал через весь город наших друзей и их любезного хозяина.

Оставив позади выстроившиеся по обе стороны дороги дома, покрашенные белой известью, с просторными балконами, увитыми тропической растительностью, и с яркими оконными занавесками, коляска спустилась в нижний город и понеслась по широкой улице, где вместо мостовой лежал толстый слой пыли. Это был квартал пакгаузов **, мануфактур ***, лесопилок, сталелитейных мастерских и прочих промышленных заведений. В просветах между строениями Жак и Жюльен заметили портовую набережную, доки, суда со спущенными парусами, пароходы, украшенные плюмажами **** из густого щелочного пара,

* Чичероне — проводник, экскурсовод.

** Пакгауз — склад для хранения грузов.

*** Мануфактура — здесь: фабрика.

**** Плюмаж — украшение из перьев на головном уборе.

и трепещущие на свежем ветру флаги всех стран мира.

Затем повозка свернула налево и с четверть часа катила вдоль Золотых Ворот — пролива, соединяющего залив Сан-Франциско с Тихим океаном.

Экипаж все дальше удалялся от центра города. Второразрядные дома и лавки сменились роскошными особняками, утопавшими в зелени. Сквозь эlegantные решетки видны были восхитительные цветники или, скорее, целые леса из фуксий, поднимавшихся до второго этажа.

Промчав лихо вдоль величественной ограды, пожалуй, самой изящной из всех, коляска описала причудливую кривую перед белораморным крыльцом с наверху из матового стекла и резко остановилась.

Прервем на время наш рассказ и предложим читателю отрывок из довольно небезыntересных записок Жака Арно, дающий наглядное представление о чувствах путешественника, вызванных его пребыванием в американском доме. Фиксируя это незаурядное событие, наш герой находился под столь сильным впечатлением от рационализма янки, что был не в состоянии осмыслить до конца свои наблюдения. Его заметки, не лишённые живости стили, отражают непосредственные ощущения от только что увиденного, что, разумеется, не могло не проявиться в несколько сумбурном характере изложения. Но это — не главное, и посему мы дословно воспроизводим текст дневниковых записей Жака:

«1 июня. Сегодня уже почти две недели, как мы оставили на золотых приисках Карибу отважного Алексея, нашего дорогого, доброго товарища и в радости, и в печали.

Сколько всего произошло с того дня! И сколько еще предстоит нам пережить! Если когда-либо какой-нибудь писатель пожелает поведать о приключениях парижанина, путешествующего вокруг света, он вполне может ограничиться подлинными событиями и, не напрягая собственной фантазии, придерживаться голых фактов, сделав эпиграфом к своей книге слова, которые я не устаю повторять: «В жизни всякое случается».

Действительно, случается всякое, и вот уже я — желанный гость мистера Уэллса, будущего тестя грубияна полковника, получившего от меня удар, который мог бы с полным основанием преисполнить наставников гимнастического зала Пас чувством гордости за меня.

Этот джентльмен — сама предупредительность, его

дочь, мисс Леонора, принимает меня с искренней сердечностью. Никогда не скажешь, что оба они тешат себя надеждой присутствовать через тринадцать дней при моей кончине, если только их внимание ко мне не является естественным состраданием, испытываемым к приговоренному к смерти.

Правда, Жюльен считает, что мистер Уэллс, будучи человеком хитрым,— подобных ему называют здесь людьми плутоватыми, или *sharp* *,— хочет обезопасить себя, в случае если наша дуэль станет роковой для полковника Батлера.

Наследство покойного дядюшки сделало из меня, выражаясь языком меркантильным **, то, что повсюду именуется прекрасной партией, и наш янки, кажется, вполне бы удовлетворился иметь зятем — повторяю, это не мои слова, а Жюльена,— не полковника, лошаdnика и забияку, а просто миллионера.

Ах, довольно! Я не затем чуть ли не пешком добирался из Парижа в Сан-Франциско, чтобы совершить подобную глупость...

Боже всемогущий, мне — и жениться на американке! Да к тому же еще на этом драгуне в юбке,— только так я перевожу *rifle-woman* ***,— по имени мисс Леонора! Лучше уж пасть от пули полковника.

Впрочем, не хочу сказать, что сия юная особа столь безобразна. Напротив, она скорее прекрасна. Двадцать лет, высокая, чудесно сложена, с великолепным румянцем, правильными чертами лица, восхитительными глазами и сверкающими зубами, словом, внешность божественная!

Однако она не в моем вкусе, а нравственные ее качества просто пугают меня.

Наконец, без колебаний признаюсь, что, хоть я и парижанин и вроде бы не дурак и давно уже привык ко всякого рода эксцентричному поведению, меня крайне обескураживает самоуверенность этой юной американки.

Я пишу «самоуверенность» лишь постольку, поскольку у меня просто нет слов, чтобы охарактеризовать ее безмятежное состояние, спокойствием своим уподобляющееся

* Здесь: продувной, хитрый (англ.).

** Меркантильный — здесь: торгашеский, мелочно-расчетливый.

*** Женщина-стрелок (англ.).

шару в индийских кеглях *, когда тот катится, ударяясь с шумом о встречные предметы без малейшего для себя ущерба. Именно так ведет себя мисс Леонора, имеющая обыкновение беседовать обо всем и вся, включая темы, не совсем приличествующие юным особам.

Мы воздали должное обильному и, что весьма редко в Америке, великолепно сервированному обеду в роскошно обставленной столовой, чье убранство свидетельствовало о богатстве, но отнюдь не о хорошем вкусе.

С тех пор как мистер Уэллс стал кандидатом, он ведет такую жизнь, к какой, доведись мне быть присяжным в суде, я бы не приговорил ни одного, даже самого закоренелого преступника.

Говорят, что есть люди, у которых внутри помещен паровой двигатель. К таковым, несомненно, относится мистер Уэллс, с той, однако, оговоркой, что вместо парового двигателя у него в организме скрыт электрический мотор.

Изъясняется он двумя-тремя краткими словами, подкрепляя их лихорадочными жестами, и постоянно бежит, целыми сутками, делая передышку лишь на сон и еду. «...Так!.. Так!.. Брр!.. Так!.. Так!..» — слышится, словно неумолчное потрескивание телеграфного аппарата.

Наспех заглотив несколько кусочков рыбы и опрокинув pintу молока пополам с минеральной водой, мистер Уэллс улетел по делам, оставив нас, Жюльена и меня, наедине с мисс Леонорой.

Поглощая с прожорливостью чукчи огромные куски непрожаренного мяса, с легкостью перемалываемые ее прекрасными зубами, юная американка вцепилась в нас, — слово «вцепилась» кажется мне здесь наиболее уместным, — и завела разговор о международной политике, философии, математике, эстетике, живописи, музыке, литературе, а затем обратилась с неподражаемой непосредственностью к политике внутренней, ибо в эти дни именно она занимала все ее внимание.

Я искренне восхищался Жюльеном, который с присущей светскому человеку обходительностью, смахивающей на хладнокровие врача-психиатра, взирающего на очередного пациента с помутившимся умом, невозмутимо отвечал на бредовые высказывания буйнопомешанной. Что касается меня, то я был в ярости и уже подумывал, как бы поскорее завершить этот визит.

* Кегли — игра, заключающаяся в сбивании шаром деревянных фигур — кеглей, расставленных в определенном порядке.

Посудите сами. Мисс Леонора, страстная почитательница литературы, произнесла длинную речь, чуть ли не зачитала целую диссертацию о ее любимых авторах «Хьюго» и «Тсоля», — читайте: «Гюго» и «Золя» *. Я не имею ничего против, когда кто-нибудь оказывает предпочтение общепризнанному мэтру ** романтической школы, и польщен выбором апостола *** реалистической школы, но было бы, по крайней мере, справедливо со стороны мисс Леоноры не называть «Девяносто третий год» **** одним из эпизодов «Завоевания Плассана» ***** или «Западню» ***** — продолжением «Тружеников моря» *****.

Живопись, несомненно, чужда этому юному созданию, ибо мисс Леонора путает раскрашенные фотографии с полотнами, выполненными маслом, и доллар площадью в десять квадратных сантиметров — с шедеврами великих мастеров.

Что касается музыки, то она призналась нам в своей любви к паровому органу кафедрального собора в Чикаго. Похоже, у нас во Франции нет ничего подобного этому инструменту, от звуков которого иногда падают кирпичи из свода.

Все остальное предоставляю додумывать потомкам.

Слушая мисс Леонору, я даже открыл рот от изумления. Как можно отвечать ей на подобные нелепости?

Самоуверенная американка была похожа на избалованного ребенка, привыкшего к всеобщему восхищению. Вероятно, она сочла меня совершенно бездарной личностью, пока наконец мне не удалось возвыситься в ее глазах, и весьма своеобразным способом.

Выйдя из-за стола, где она блистала своей эрудицией, хозяйка дома пожелала показать нам, что обширные познания сочетаются у нее с прекрасной физической подго-

* Золя Эмиль (1840 — 1902) — французский писатель, выдающийся представитель реалистического направления во французской литературе.

** Мэтр — здесь: почтительное название человека выдающихся дарований и знаний в области науки, искусства или литературы. В данном контексте под мэтром романтической школы подразумевается Виктор Гюго.

*** Апостол — здесь: последователь и распространитель какой-нибудь идеи (шутливо-ироническое выражение). В данном контексте под апостолом реалистической школы подразумевается Эмиль Золя.

**** «Девяносто третий год» — роман Виктора Гюго.

***** «Завоевание Плассана» — роман Эмиля Золя.

***** «Западня» — роман Эмиля Золя.

***** «Труженики моря» — роман Виктора Гюго.

товкой, и привела нас в просторное помещение, по стенам которого было развешено всевозможное огнестрельное оружие. В глубине виднелся освещенный сверху широкий черный простенок, где были прикреплены в беспорядке белые кусочки картона, испещренные черными пятнышками. На полу лежали гири всевозможных размеров и потрепанные фехтовальные перчатки, напротив мишени висела трапеция, соседствующая с двумя гладкими канатами, прикрепленными к потолку, двумя параллельными брусками и кольцами. Странный будуар * для двадцатилетней девушки!

Чувствуя себя в этом зале как дома, она весьма элегантно продемонстрировала умение обходиться со всеми представленными здесь спортивными снарядами.

В данной обстановке я нашел мисс Леонору гораздо более привлекательной и только собирався сделать ей комплимент, как она неожиданно протянула Жюльену спортивный пистолет и предложила выстрелить в один из кусочков картона.

Мой друг, почтительно поклонившись, взял оружие, подошел к мишени, перевернул картонку, чтобы не была видна уже имевшаяся на нем черная точка, возвратился на прежнее место, хладнокровно прицелился и, выстрелив, попал в самый центр белого квадрата. Юная девица, не ожидавшая, вероятно, такой меткости, слегка покраснела и принялась кусать губы. Но Жюльен и так сделал ей достаточно уступок за обедом, чтобы допустить из вежливости промах.

Он послал еще пять пуль подряд вдогонку первой — в ту же самую точку, как он неоднократно проделывал это и раньше, чему я свидетель.

Мисс Леонора, побежденная уже с первого выстрела и, возможно, впервые в жизни, не осмелилась ни слова изречь о таком грозном противнике.

Но ей не терпелось знать все наши таланты, и, едва умолк звук последнего выстрела, она молча указала Жюльену на гирю, желая проверить, насколько ловки мы в «игре с железом», как говаривали у нас в гимнастическом зале Пас.

— Увольте, мисс,— улыбнулся Жюльен,— что касается работы мускулов, то тут я уступаю пальму первенства своему другу.

Хотя мне и не по душе заниматься гимнастическими

* Будуар — небольшая, хорошо обставленная дамская гостиная.

упражнениями после сытного обеда, выбора у меня не было. Преодолев отвращение, я взял хорошенькую гирьку весом в шестьдесят килограммов, самую большую из всех бывших там, и — черт возьми! — пожонглировал ею с такой легкостью, что сам удивился.

Мисс Леонора, убедившись, что и я не какой-нибудь размазня, удостоила меня своей улыбки. Так мне удалось снискать у нее уважение: если я и не светоч в науке и искусстве, то, по крайней мере, у меня неплохие мускулы, и это искупало иные недостатки.

Наконец мы распрощались с могучей юной американкой, почтившей каждого из нас мощным рукопожатием и пригласившей нас прийти завтра.

— Что ты думаешь о мисс Леоноре? — спросил я у Жюльена по возвращении в «Палас-отель».

— Что ее острые зубы вполне подходят для того, чтобы вцепиться в будущего мужа. Своими крепкими руками она вылепит из него все, что пожелает, а ее суждения обо всем...

— Ну, продолжай же!

— Сведут его с ума!»

ГЛАВА 16

Лихорадочная спешка.— Назойливая предупредительность мистера Уэллса.— Оборудование из Европы.— Поход в китайский квартал.— Разнообразные таланты Джона Чайнамена.— Фанатичное обожание титулов в демократической Америке.— Газетная статья.— Авантюристы от политики.— Темная личность.— Нечестивый полк.— Уличение во лжи вместо кары.— Большой парад в честь мистера Уэллса.— Двенадцать тысяч живых плакатов.— Перед фейерверком.— Убийство, совершенное полковником Батлером.

Прибыв в Сан-Франциско, поначалу оба француза и их друг Перро смеялись над лихорадочной спешкой, которой охвачены все американцы, но скоро вихрь этой суеты подхватил и их, да так, что они сами того не заметили. Уже через неделю путешественники вели напряженное, лихорадочное существование, позабыв про отдых и покой. День стал казаться ужасно коротким: за него они никак не успевали сделать все, чего бы им хотелось. Друзья больше не удивлялись, видя, как в повседневных делах американ-

цы находили повод для того, чтобы исчерпать все возможности и резервы человеческого организма.

Ремесленник работает за двоих, коммерсант покупает, продает, меняет, тянет, крадет, адвокат порет чушь, проповедник ревет, певец вопит. Нет никого, вплоть до скромного почтового служащего, кто бы не надсаживал грудь, несясь рысью через препятствия. И все прочее в том же духе. Американец заглатывает обед, опрокидывает стаканчик виски, пару раз затягивается сигарой и, словно на зов боевой грубы, бежит дальше.

Даже за столом не расстается янки с заряженным пистолетом и справляется о здоровье друга, поигрывая большим охотничьим ножом: подозрительный по натуре, он всегда начеку.

Вспыльчивый как порох, американец готов утопить в крови своего обидчика и вполне может убить собственного брата из-за невинного смешливого замечания. Вильям Х. Диксон *, знаменитый автор «Белого завоевания», стал свидетелем одной из подобных безрассудных вспышек гнева, ярко свидетельствующей о том, что американцы ни в грош не ставят чужую жизнь: шутка, в ответ на которую у нас в Европе лишь пожмут плечами, здесь может привести к преступлению. Некий бедолага-репортер написал в своей газете об одном из приятелей, что тот обедает в уют-чир-хаусе **, а затем с зубочисткой прогуливается перед «Гранд-отелем». Для парижанина это означает: обедает в дешевой закусочной, а потом ковыряет в зубах перед «Английским кафе». На следующий же день неудачный юморист был застрелен среди бела дня. Это лишнее подтверждение того, что в жилах янки кровь течет в два раза быстрее, прямо-таки с головокружительной быстротой. Жизнь для них — это буря, вечный бой. Никто даже не подозревает, что можно остановиться, успокоиться и поразмыслить.

Подобное возбуждение, доводящее до смертоубийства, царит везде, даже в самых простых делах. Беседу за столом при завершении трапезы, которую ведут, например, в Лондоне, здесь восприняли бы как гробовое молчание: в Америке не беседуют, в Америке орут. На балу

* Диксон Вильям-Хепворт (1821—1879) — английский путешественник и критик. Работа «White conquest» («Белое завоевание») издана в Лондоне в 1876 году.

** Уот-чир-хаус (what-cheer-house) — забегаловка (буквальный перевод с английского: «Дом «Как дела?»).

юные мисс, переусердствовавшие в занятиях верховой ездой, бегом или гимнастикой и приобретшие вследствие этого стальные мускулы, мгновенно утомили бы партнера, прибывшего из Европы. Эти особы ни в чем не знают меры, в том числе и в умении одеваться: их туалеты обычно броские, кричащих тонов и полностью лишены элегантности. Предельно энергичные, поверхностно образованные или же необразованные вовсе, пользующиеся безграничной свободой, привыкшие судить обо всем вкривь и вкось, они лишены женственности в общепринятом значении этого слова и вполне под стать американским джентльменам, вечно одетым в черное, желчным, притворно-добродетельным, а на деле представляющим из себя машины для спекуляций.

Оба француза были незаметно вовлечены в этот круговорот, оглушены вечным криком и замучены предупредительностью мистера Уэллса, который четыре раза на дню изыскивал возможность забежать к ним, чтобы сообщить, что он спешит, и галопом ускакать, восклицая: «All right!» или «Go ahead!». Вынужденные сносить капризы докучливого и дурно воспитанного ребенка по имени мисс Леонора, имея немало собственных неотложных дел, они страстно желали поскорей уехать, и Жак возмущенно требовал полковника, чтобы наконец завершить их маленькое недоразумение.

От Алексея поступило несколько телеграмм: в Карибу все шло прекрасно. Эсташ и Малыш Андре также прислали о себе весточки Перро, и телеграф отчасти примирил достойного траппера с этим городом буйнопомешанных, заставлявшим его жалеть о лесах и равнинах Аляски.

Пришли вести и из Европы. Банкир Жюльена, приняв близко к сердцу просьбу, долетевшую к нему в Париж из Ричфилда, сделал все возможное и закупил требуемое оборудование для намывки золотого песка, после чего послал телеграфное сообщение, что все приборы приобретены, отправлены вовремя и в указанное место и поэтому должны быть на месте в точно намеченный срок.

И действительно, многочисленные ящики, не задержавшись ни на минуту ни в Париже, ни при отплытии из Европы, ни по прибытии в Нью-Йорк или во время транзитной перевозки по выделяющейся своей протяженностью трансконтинентальной железной дороге, поступили на склад в Сан-Франциско на день раньше срока, намеченного Жюльеном, причем в целости и сохранности. Оставалось только нанять китайских рабочих.

Это было нетрудно сделать, особенно в Сан-Франциско, где «подданных Поднебесной империи» особенно много. Другим следовало лишь отправиться в китайский квартал, который, вопреки предположениям, находился отнюдь не на окраине города, а, наоборот, в самом центре, в обшарпанных домах, где некогда проживали первые поселенцы, прибывавшие сюда со всех концов света. Пáгоды с плоскими крышами, вертикальные вывески с иероглифами, вонючие подвалы, улочки, пыльные или грязные в зависимости от времени года, тошнотворные мясные лавки со странным и подозрительным мясом, ресторанчики, украшенные разноцветными фонариками, театрики теней, экзотическая еда, парикмахеры на улице и уродливые божки, смотрящие на вас отовсюду, создавали неповторимый облик импровизированного китайского города, возникшего в этом районе, давшем приют примерно тридцати тысячам китайцев. И сей своеобразный азиатский двор чудес исподволь неуклонно разрастался.

Джон Чайнамен, как пренебрежительно именуют китайцев янки, думает только о работе. Он приезжает в «Мелику» — Америку, чтобы поднакопить денег и потом вернуться к себе домой, и для достижения своей цели не отступает ни перед чем. Довольствуясь горстью риса, щепоткой чая и затыжкой опиума, Джон Чайнамен готов взяться за любую, самую черную работу. Он трудится на кухне и роет шахты, ходит за скотом и столярничает, ухаживает за садом и плавит руду. Ему все равно, чем заниматься. Однако, когда есть выбор, он предпочитает работы по дому, в порядке очередности: повар, лакей, «швея», «прачка» или «гувернантка». В поддержании порядка в доме китаец не имеет себе равных. Джон Чайнамен приспособливается ко всему, и если он увидит, как делают какую-либо вещь, то тут же усваивает весь производственный процесс.

Китайцы стали в Калифорнии той силой, с которой уже нельзя не считаться. Именно они — главная рабочая сила на табачных фабриках Сан-Франциско, основных промышленных предприятиях города. В торговле обувью, производстве тканей, изготовлении консервированных фруктов и строительстве заняты также почти исключительно китайцы. Из них же получают и великолепные специалисты по изготовлению относительно сложных механизмов, например, часов и будильников.

Представившись главному агенту китайского иммиграционного бюро, маленькому старичку в больших круглых

очках, Жюльен объяснил ему в двух словах цель своего визита. Тот, отобрав из трех тысяч форм вежливости, употребляемых в Китае, вероятно, не менее сотни и продемонстрировав их французам, полистал огромный том *in folio*, столь же объемистый, как и регистрационный журнал в «Палас-отёле», но неизмеримо более засаленный, затем нажал кнопку электрического звонка, чем привел в движение целую армию клерков и конторщиков, и, сохраняя ласковое выражение лица, распек их всех своим пронзительным, тонким голосом. Через несколько минут около сотни «подданных Поднебесной империи» уже ожидали в просторном зале, где Жаку и Жюльену, в сложившейся обстановке напоминавших крестьян из Боса или Нормандии, когда те нанимают сезонных рабочих, предстояло сделать свой выбор.

Покончив с этой процедурой, Жюльен заплатил старичку небольшую сумму, в соответствии с числом нанятых рабочих, а также вручил ему чаевые, которые попросил распределить среди китайцев. Подобная щедрость по отношению к «подданным Поднебесной империи», столь непривычная, почти оскорбительная для Америки, где к представителям монголоидной расы относятся без особой любви, вызвала на бесстрастных узкоглазых лицах широкие улыбки. Один из китайцев от имени своих товарищей вежливо поблагодарил на ужасном английском великодушного сеньора за щедрость и сообщил, что все они с радостью уезжают из Сан-Флиско *, чтобы приступить к новой работе.

Таким образом, все формальности были улажены. Послезавтра китайцам предстояло прибыть на борт парохода, дважды в месяц совершающего рейс между Сан-Франциско и Нью-Вестминстером. Вместе с ним должно было быть отправлено в Карибу в сопровождении канадца Перро и оборудование для намывки золота.

Завершив дела, оба друга вернулись в гостиницу, где снова нашли неизменного мистера Уэллса. Кандидат в верхнюю палату был озабочен больше обычного и нервничал так, что буквально приплясывал на месте.

— Ах, достопочтенный граф, что за жизнь!.. Что за жизнь, дорогой мой доктор!

Последнее обращение относилось к Жаку Арно, который, впрочем, не обратил на это внимания, ибо за время

* Сан-Флиско — искаженное произношение слова «Сан-Фриско», как иногда именуют Сан-Франциско.

своего пребывания в Калифорнии привык, что его неизвестно почему титуловали попеременно то доктором, то профессором.

Надо заметить, что демократические американцы фанатично обожают титулы, ученые степени и звания, особенно после войны Севера и Юга *. Из страха прослыть людьми никчемными они называют себя командорами **, генералами, полковниками, президентами, судьями, губернаторами или, по крайней мере, докторами, профессорами или инженерами ***. Встретить человека, обладающего подлинным титулом, вроде Жюльена,— истинное счастье для янки. Поэтому легко себе представить, как часто, сверхчасто графский титул Жюльена звучал в устах мистера Уэллса.

— Вы правы, мистер Уэллс, не все столь безоблачно в благородной профессии кандидата,— равнодушным тоном ответил молодой человек.

— Кому вы это говорите, мой дорогой граф! Но я, совершенно добровольно, готов преодолеть все мыслимые и немыслимые препятствия и возложить свое пылкое сердце на алтарь свободы моей родины!..

— Неужели кто-то посмел в этом усомниться? — ехидно заметил Жак, не выдержав напыщенной патетики **** мистера Уэллса.

— Именно так, мой дорогой профессор! — продолжил американец, яростно комкая в руках газетный лист. — Именно так!.. Со страниц этого пакостного издания низверглась клевета...

— Клевета?..

— На полковника Батлера!.. Дорогого друга, которого я скоро назову своим сыном и который, к счастью, прибыл наконец, чтобы посрамить и покарать своих хулителей!

— Ого, а я совсем было позабыл о достойном полковнике! — протянул Жак.

— Почитайте,— сказал мистер Уэллс, протягивая газе-

* Имеется в виду Гражданская война в США 1861—1865 годов между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом.

** Командор — здесь: название начальствующих лиц.

*** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар говорит: «Господин Луи Симонен рассказывает об этом в своем замечательном труде «Путешествие из Вашингтона в Сан-Франциско» и, в частности, замечает, что на кладбище в Бостоне практически нет надгробий без гербов». Упоминаемый здесь Бостон — город на северо-востоке США, административный центр штата Массачусетс.

**** Патетика — напыщенность, выпренность.

ту Жюльену,— и убедитесь сами, что подобные намеки являются верхом бесчестия.

— Действительно, это очень серьезно,— произнес тот, быстро пробежав указанную статью.— Столь серьезно, что обвинения, если бы они подтвердились, полностью бы исключили возможность твоего поединка с полковником, мой дорогой Жак.

— Невероятно!..

— Посуди сам. Я дословно переведу тебе этот текст на французский:

«Мы, в Америке,— не дураки, и наши саквояжники * охотно переезжают из штата в штат в поисках косточки, которую можно было бы поглотить. Этих авантюристов от политики обычно встречают без восторга, но тем не менее терпят, при условии, что у них чистые руки.

Нередко саквояжник оказывается личностью темной: человеком, способным среди бела дня застрелить своего ближнего, а затем ловко избежать веревки, шулером, которого невозможно схватить за руку, кутилой, живущим на широкую ногу, не имея для этого определенных источников дохода.

Политиканствующий субъект, как правило, очень общителен, вызывает восхищение молодежи, популярен среди представительниц прекрасного пола, снисходителен, любезен, при случае готов даже явить чудеса храбрости: ведь люди, склонные к авантюризму, необязательно негодяи. Они могут пойти как в хорошую сторону, так и в плохую: это дело случая. Удачное или, наоборот, неудачное стечение обстоятельств делают из них честных граждан или мошенников. Мошенник же, опускаясь, становится вором.

Соотечественники мои, сегодня вечером, в преддверии послезавтрашних выборов, состоится большой парад **. Уэллса называют непобедимым, и, возможно, он

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «С недавних пор словом «саквояжник», или «sacquet-bag-ges», происходящим от слова «sacquet-bag» — «саквояж», в Соединенных Штатах стали обозначать авантюристов от политики, которые, прибыв в тот или иной штат лишь с дорожным мешком, пытаются стать во главе недовольных в расчете сколотить состояние, выуживая рыбку из мутной воды».

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что словом «парад» в Америке обозначают иногда «многолюдную политическую уличную демонстрацию».

действительно будет избран большинством голосов.

Я ничего не могу сказать о мистере Уэллсе. Это одно из тех ничтожеств, словно специально созданных для того, чтобы заполнять наши представительные ассамблеи.

Но остерегайтесь того, кто будет проводить сегодняшний митинг! Большинство жителей Сан-Франциско знают его как обычного пройдоху. Некоторые считают его проходимцем. Я же называю его вором!.. И готов представить надлежащие доказательства.

А теперь судите сами, должны ли вы посылать в верхнюю палату человека, ставшего легкой добычей мерзавца: ведь этот негодяй, воспользовавшись нашей доверчивостью, будет думать за него и безнаказанно орудовать под его прикрытием, в то время как наши благодушные судьи без колебаний закроют на все глаза.

Должен ли я назвать имя, которое и так будет сегодня вечером у всех на устах? Да, должен... Чтобы никто не усомнился: вор этот — полковник Сайрус Батлер, будущий зять кандидата Дэниела Уэллса! Полковник из того самого кавалерийского полка, где творились темные делишки! Из того полка, чьи солдаты и офицеры расплачивались фальшивыми монетами!

Но хватит на этот раз. Завтрашняя статья будет более подробной, и наши доказательства, надеюсь, помогут гражданам нашего города сделать правильный выбор».

— Это все? — спросил Жак.

— Все,— ответил Жюльен. Затем, обратившись к мистеру Уэллсу, все еще кипевшему от гнева, спросил: — Значит, полковник Батлер уже прибыл?

— Да, сегодня утром.

— Надеюсь, что он в пух и прах развеет все эти наглые выпады и предоставит неоспоримые доказательства своей честности.

— Наказание будет равно оскорблению: этот подонок, несомненно, заслужил смерть! — прорычал американец. — Полковник не такой человек, чтобы сносить подобные оскорбления.

— Речь идет не о том, чтобы наказать обидчика, а о том, чтобы опровергнуть его обвинения,— строго заметил Жюльен.— Ибо, повторяю вам, мистер Уэллс, если ваш будущий зять не оправдается, то мы будем вынуждены прервать с ним любые отношения и, к великому нашему сожалению, поступим так же и по отношению к вам.

Ужасная какофония, потрясая до основания «Палас-

отель», избавила мистера Уэллса от щекотливой задачи ответить Жюльену. По улице двигался оркестр, составленный из огромных военных барабанов и цимбал *. Атлетического сложения негры взрывали воздух раскатистыми очередями, прерывавшимися время от времени резкими взвизгами флейты. Все вместе это напоминало артиллерийские взрывы. Затем раздались крики или, вернее, вопли бесноватых, накачавшихся виски, и звуки те в соединении с отвратительной музыкой довели грохот до своего апогея **.

Многотысячная толпа вступила на улицу, оттеснила пешеходов и преградила путь экипажам, трамваям и груженым фурам ***. Людское море заполнило собой все уличное пространство, и остановленный транспорт застыл, словно островки посреди бушующей стихии.

Оркестр бесцеремонно ввалился в холл гостиницы, прошел его насквозь и вышел с другой стороны, сопровождаемый аплодисментами зрителей, столпившихся у окон и сгрудившихся на крышах соседних домов.

Над толпой развевались пестрые знамена и флажки, и на всех без исключения стояло имя Уэллса: «Уэллс — кандидат!», «Ура Уэллсу!», «Голосуйте за Уэллса!», «Уэллс непобедим!».

Эта шумная манифестация длилась уже не менее часа, и с приближением ночи выкрики бесновавшейся толпы отнюдь не становились тише.

Заслышав этот грохот, мистер Уэллс, удивленный не меньше своих собеседников, мгновенно испарился.

Жюльен, не зная, к кому следует обратиться, спросил у одного из гостиничных служителей, был ли это тот самый обещанный парад. Оказалось, что это лишь легкая закуска перед обильным ужином, прелюдия митинга, устраиваемого полковником, который лично возглавит шествие.

— Со времен выборов президента Гранта ****,— добавил служитель,— нам не приходилось видеть подобного... О!.. Смотрите, джентльмены,— продолжил он, открывая окна,— и убедитесь сами, прав ли я!

* Цимбалы — музыкальный инструмент в виде ящика со струнами, по которым ударяют молоточками.

** Апогей — здесь: высшая степень.

*** Фура — большая длинная крытая повозка для клад.

**** Грант Улисс Симпсон (1822 — 1885) — восемнадцатый президент США (1869 — 1877).

Полковник Батлер, не дав охладиться восторгам, открыл долгожданный парад.

Едва вдали угасли последние адские звуки, как на смену им явились новые, еще ужаснее и пронзительнее. Новый оркестр в своем неистовстве даже превосходил предыдущий. Казалось, что целый полк действующей армии и в придачу полк резервистов вооружились флейтами, цимбалами и огромными барабанами. На головах у музыкантов красовались белые кепи, на плечи были наброшены белые короткие плащи с всего лишь двумя словами, выведенными на них большими черными буквами: «Уэллс непобедим!»

Следом за оркестрантами выступал на великолепном рыжем коне полковник Батлер собственной персоной, облаченный в черный бархат, словно фотограф, и в огромные кавалерийские сапоги, как у армейского капитана. Он величественно двигался во главе длиннющей людской колонны. Демонстранты, — а насчитывалось их не менее двенадцати тысяч, — были с такими же кепи на головах и в таких же белых плащах с черной надписью: «Уэллс непобедим!» И все без исключения несли на палочках яркие плакатики, где до одурения, до умопомрачения повторялись, как заклинание, все те же магические слова: «Уэллс непобедим!» Участники манифестации шагали по-военному, в ногу, по пять человек в ряду. Офицеры в красных плащах и кепи замыкали процессию.

Колонна была разделена на отряды приблизительно по пятьсот человек, и впереди каждого, обозначенного одной из букв алфавита, шел свой собственный оркестр, исполнявший ту же мелодию, что и головной.

Шествие этих живых плакатов среди двойного ряда зрителей длилось два с половиной часа.

В десять часов полковник отдал команду, повторенную командирами отрядов. Манифестанты сдвоили ряды и выстроились в шеренги по десять человек, после чего колонна вышла на просторную Маркет-стрит.

Приближался кульминационный момент. Печатая шаг, каждый из участников парада извлек пакет со всем необходимым для фейерверка. По сигналу, которым послужил выстрел, боеприпасы были подожжены, и улица в тот же миг превратилась в огненную реку. Из всех окон, со всех балконов свешивались люди — сторонники того, в честь которого бушевал этот праздник. Они тоже зажгли петар-

ды *, шутихи ** и бенгальские огни, и все вокруг расцвело причудливыми цветами, принимавшими самые неожиданные очертания.

Пиротехнические чудеса продолжались до тех пор, пока не истощились все запасы взрывчатых устройств. Когда последние искры все же угасли, порядком охрипшие манифестанты утихомирились, оркестры смолкли, и колонна неспешно повернула к зданию своего генерального штаба, чей фасад озарял огромный костер, разведенный посреди улицы.

Каждый участник парада бросал в него свой плакатик и отправлялся домой вкушать заслуженный отдых после сей многочасовой прогулки.

Но вернемся к тому моменту, когда манифестанты, собравшиеся на Маркет-стрит, ждали сигнала к началу фейерверка.

Полковник сиял. Он уже собирался распорядиться, чтобы дали долгожданный сигнал, которым должен был послужить ружейный выстрел, как вдруг, окинув беглым взором первый ряд зрителей, изверг из себя поистине фонтан проклятий и, пришпорив коня, сделал резкий скачок вдоль тротуара, окаймленного людской стеной. Затем, остановившись, выхватил из кармана револьвер, зарядил его и приставил к груди незнакомого человека, ошеломленного столь неожиданным нападением. Все эти действия заняли у полковника менее двух минут, и, прежде чем стоявшие рядом зрители сумели вмешаться, он нажал на спусковой крючок, и незнакомец покатился по земле.

Револьверный выстрел заменил ожидаемый сигнал. Со всех сторон захлопали и запылали петарды, заглушив своим шумом предсмертное хрипение несчастного и крики ужаса и возмущения видевших это убийство людей.

Воспользовавшись всеобщим гамом и треском праздничных огней, убийца стегнул лошадь, и та перенесла его на другую сторону улицы, к его соратникам, не подозревавшим, какой кровавой сценой ознаменовал их предводитель организованный им спектакль.

* Петарда — здесь: пороховое пиротехническое (то есть связанное с производством взрывчатых и горючих смесей) устройство.

** Шутиха — фейерверк.

Убийца.— Последний козырь полковника Батлера.— Разговор в «Палас-отеле».— Своевременное вмешательство Перро.— Желание канадца выбросить полковника с пятого этажа.— Ненависть.— Поражение мистера Уэллса.— Запоздавшее решение судьи.— Исчезновение преступника.— Прощание с Перро, отбывающим в Карибу.— Отъезд в Аризону-Сити.— По Южной Калифорнии.— Форт Юма.— Река Колорадо.— Завершение путешествия по железной дороге.

Появившееся на следующий день после митинга в газете «Дейли кроникл», или «Ежедневная хроника», продолжение статьи, содержащей ядовитые выпады против полковника Сайруса Батлера, той самой, которую Жюльен перевел дословно Жаку, было обведено черной рамкой.

На первой странице утреннего выпуска упомянутого издания в нескольких возмущенных и горьких строках излагался эпизод, послуживший своеобразным эпилогом парада.

Когда манифестанты, собравшиеся на Маркет-стрит, ожидали лишь сигнала, чтобы зажечь свои фейерверки, полковник узнал, или ему показалось, что узнал, среди зрителей, толпившихся на краю тротуара, автора раздосадовавшей его статьи. Обезумев от ярости, не подумав о том, что жертвой его слепого бешенства может стать ни в чем не повинный человек, он выстрелил в упор в безоружного зрителя. Несчастный, получивший пулю в самое сердце, был братом журналиста из «Дейли кроникл» *.

Спустя два часа после совершения преступления убийца, узнав о своей ошибке, хладнокровно бросил:

— А, так я убил всего лишь его брата! Что ж, это не считается! Теперь уж я пристрелю истинного виновника!

Затем негодяй спокойно отправился к своему будущему тестю, а полиция даже виду не подавала, что собирается им заняться.

Эта потрясающая безнаказанность, о которой узнали граждане и из прессы, и из разговоров, была с возмущением воспринята одними и, напротив, всячески поощрялась другими.

Первые безоговорочно осуждали поведение судей, ко-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает о том, что аналогичный случай произошел в реальной политической жизни США.

торым следовало бы арестовать виновного и начать следствие. Но местный судья, близкий друг мистера Уэллса, также ожидал скорых выборов. Мог ли он в сложившихся обстоятельствах нажать себе врага в лице человека, который вот-вот займет кресло в верхней палате?

Возмущались недостойным поведением полковника и несколько членов комитета бдительности *, заговорившие о том, что его надо бы схватить и предать суду Линча.

Сторонники мистера Уэллса, а таковых было немало, оправдывали и убийцу и судью одновременно.

Оскорбленный ошибся, он полагал, что стреляет в своего обидчика. Что ж, тем хуже для убитого!

Полковник, возможно, поторопился. Но янки мы или не янки, черт побери!

Что касается судьи, то кто рискнет укорять его за не совсем благовидное поведение накануне столь важных выборов? Разве он может заделаться непримиримым врагом депутата из-за слишком строгого и совершенно несовременного толкования своих обязанностей?

И неужели арест полковника Батлера вернет к жизни его жертву?

Прозвучали и прочие рассуждения, столь же пагубные, сколь и характерные для американцев.

Полковник полностью игнорировал общественное мнение, что свидетельствовало о потрясающей наглости и полном отсутствии у него моральных принципов. Казалось, он не ведал ни о слухах, распространившихся по городу, ни о грозных предложениях «бдительных». Ходил по самым густонаселенным кварталам, посещал клубы, раздавал указания своим приверженцам, распределял средства, убеждал сомневающихся, укреплял колеблющихся, подкупал упрямцев,— словом, делал все возможное, чтобы обеспечить избрание мистера Уэллса.

Впрочем, несмотря на все свое высокомерие, полковник Батлер не был абсолютно уверен в успехе. В нем невольно пробуждались смутные предчувствия. Он понимал, что еще не все сделано и желанный результат пока далеко.

— Э, Бог ты мой, я и забыл еще об одном дельце! —

* В примечании Л. А. Буссенара к парижскому изданию этого романа говорится, что комитеты бдительности в США — это особые ассоциации, в которые входят граждане, следящие за общественным порядком. «Порой эти комитеты подменяют собой органы правосудия,— отвечает писатель,— и нередко прибегают к печально известному суду Линча».

воскликнул он вдруг, дергая себя за бородку.— О дуэли с французом!.. Эти выборы съели все мои средства. Если мистер Уэллс потерпит поражение, я пропал, разорен! Конечно, в поединке я рискую собственной шкурой, но без этого не обойтись, если хочешь выглядеть солидным игроком. Ну а проиграю я партию, так мне все равно уже больше ничего не будет нужно... Впрочем, я убью своего противника... Так надо, я так хочу! Дуэль в большом зале «Альгамбра»... А может, лучше было бы устроить ее при электрическом освещении в садах Вудварда?.. Поединок наделает много шума и заставит забыть вчерашнюю историю. Я снова стану героем дня, а всеобщее голосование — столь дурацкая штука, что мистер Уэллс с этого нового скандала получит еще не менее тысячи голосов... Так что самый раз отправляться в «Палас-отель».

Но мистер Батлер не принял в расчет своего противника.

Он застал Жака и Жюльена в их номере, в маленькой гостиной, где они давали Перро последние указания перед его отъездом в Карибу. Канадец отплывал через день на рассвете, вместе с нанятыми китайцами и оборудованием, и поэтому оба друга решили провести оставшееся время с этим превосходным человеком.

Нетрудно догадаться, какой прием был оказан личности, чье появление столь неприятным образом прервало дружеское совещание. Жюльен смерил янки презрительным взглядом с ног до головы, Перро без особых церемоний повернулся к нему спиной, Жак же пришел в ярость.

— Черт побери! — воскликнул он без всякого вступления.— Надо сказать, что за недостатком иных качеств у вас явно избыток наглости! Заявляете к нам как ни в чем не бывало, протягиваете руку и доходите в бесстыдстве своем до того, что требуете от меня удовлетворения за преподанный вам урок!

— Но, джентльмен,— начал полковник не совсем уверенно,— вы же дали слово...

— Если вы не исчезнете как можно скорее, то схлопочете кое-что!

— Как, вы отказываетесь?.. Отказываетесь драться?..

— Разумеется! Сначала я решил, что вы большой оригинал, хотя и плохо воспитаны. Но, в конце концов, не может же весь мир воспитываться под присмотром графини де Бассанвиль! И я из любопытства принял ваш вызов... Будущий тесть, застреливший пятерых человек... Белокурая невеста, которой не терпится увидеть, как убивают

человека... Все это выходило за рамки привычного... Наконец, вы были так уверены в моей смерти, что я был не прочь преподать вам еще один урок. У нас, на берегах Луары, хвастуны и горлодеры встречаются довольно редко, и если уж дошло до дела, то мы становимся грозными противниками. Я готов был драться с авантюристом от политики. Мог бы закрыть глаза на... проделки ловкача. Но с убийцей я не желаю иметь ничего общего. Вы — негодяй, которого суд должен передать в руки палача! Убирайтесь же отсюда, чтобы вас повесили где-нибудь в другом месте! — И так как полковник все еще стоял, ошеломленный этой обвинительной речью, Жак крикнул разгневанно: — Пошли прочь! И пусть уж там, куда вы направитесь, вас схватят члены комитета бдительности или полицейские: я не хочу, чтобы вас арестовали здесь.

Полковник покраснел. Внезапно охватившая его слепая ярость пробудила в нем страстное желание убивать. Не имея возможности ответить на справедливое обвинение, брошенное его противником ему в лицо, и видя себя посрамленным, презираемым, опозоренным, — после того, как он прибыл в Сан-Франциско с видом завоевателя! — он понял внезапно, что его постыдное поражение будет использовано партией конкурентов, и, значит, рухнут все его надежды.

Короткий, сдавленный крик, хрип затравленного зверя, вырвался у него из горла. Мгновенно, гораздо быстрее, чем мы об этом рассказываем, он выхватил из заднего кармана револьвер и приставил дуло к груди Жака. Нападение было столь стремительным, что тот не успел пригнуться и решил было, что пропал.

Однако вместо выстрела послышался глухой шум, как при падении тела.

— Ах, подлец, на этот раз ты у меня не вывернешься! — проворчал знакомый голос. — Я пристрелю-таки тебя!

Американец, с разбитой физиономией, хрипел, распластавшись на ковре, а Перро коленом давил ему на грудь.

Ожидая любого подвоха, канадец был начеку. За тридцать лет борьбы с дикарями Дальнего Запада реакция его обострилась, и траппер распознал намерение бандита еще до того, как тот приступил к его осуществлению. Тем, кто занимается фехтованием, знакомо такое предвидение.

С проворством, которое трудно было заподозрить в его массивном, кажущемся неуклюжим теле, он одним прыжком набросился на убийцу, сбил полковника с ног,

прижал к полу и остался в таком положении, сжимая крепко руками его горло.

Если мерзавец действовал с быстротой молнии, то реакция канадца была сопоставима по скорости только с мыслью.

Жюльен при виде опасности, которой подвергся его друг, смертельно побледнел.

Однако благодаря вмешательству Перро критическое положение длилось не более трех секунд.

— Месье Жак,— начал Перро своим хрипловатым голосом,— мы на пятом этаже... Может, открыть окно и выкинуть этот мешок с костями и мясом на улицу? Я сумею так рассчитать, что он не упадет на головы прохожих.

— Не делайте этого, дорогой друг,— воскликнул тот, невольно улыбаясь при виде столь безграничной преданности канадского охотника.— Разоружите мерзавца, и пусть он катится ко всем чертям.

При этих словах покрытое бронзовым загаром лицо траппера приняло такое жалкое выражение, что Жюльен не смог удержаться от смеха, впрочем, скорее нервного, нежели веселого.

— Отпустить его... ко всем чертям?! — изумленно и одновременно разочарованно произнес Перро.— А как было бы хорошо швырнуть его на тротуар вниз головой! Клянусь вам, он прямой дорожкой отправился бы в ад!

— Жак прав, дорогой Перро! Мы не судьи. Поверьте мне, друг мой, заберите у этого типа оружие и отпустите его.

— Но он же хотел убить месье Жака!

— Я искренне рад, что вы помешали ему. Вот еще одна услуга, которой я никогда не забуду...

— Бросьте, этакая малость... Вот что я вам скажу: когда краснокожий берет меня на мушку, я стреляю первым... Если я говорю «краснокожий», то имею в виду любого врага, что встречается в лесу... И до сих пор мне это прекрасно удавалось. А если бы я каждый раз ждал, пока совесть моя отправится на покой, то враг спокойно бы успевал приступить к своей работенке и я бы уже давно охотился на бизонов в краю маниту. Впрочем, дело ваше. Коли уж вам так нравится, я отпущу его.

Продолжая развивать свою теорию, отважный охотник постепенно ослабил руки на горле мистера Батлера, уже давно испытывавшего на себе силу канадца. Негодяй глотнул воздуха, поднялся и, пошатываясь, словно загнанный в ловушку зверь, стал искать выход.

— Извольте сюда! — насмешливо возгласил Перро, распахивая настежь дверь гостиной.

С налитыми кровью глазами, с пеной у рта, американец, не говоря ни слова, переступил нетвердым шагом порог прихожей, и дверь с громким стуком захлопнулась за ним.

Задыхаясь от злобы, полковник застыл на лестничной площадке.

— О! — простонал он, икая и рыдая одновременно.— Доныне я не знал, что значит ненавидеть!.. Я убивал случайно!.. Убивал из любопытства, в припадке гнева!.. Без сожалений, вообще не испытывая каких-либо чувств!.. Но сегодня я понял, что значит упиваться кровью врага!.. Существует радость, о которой я и не подозревал, и познать ее меня заставит ненависть! Прощай, честолюбие... любовь... удача! Для меня больше не существует ничего, кроме ненависти!.. И горе гордецам-французам, которые пробудили ее во мне!

Выборы состоялись на следующий день. Яростная борьба между мистером Уэллсом и его конкурентом окончилась в пользу последнего: для того чтобы отец нежной Леоноры стал депутатом верхней палаты, не хватало нескольких сотен голосов. Забаллотированный * кандидат, вне себя от ярости после поражения, виновником которого он считал полковника Батлера, стал в отместку распространять о недавнем своем представителе и правой руке ужасные слухи. Однако тот уже исчез — сразу же после оглашения результатов выборов.

Мистер Уэллс объявил, что отныне двери его дома закрыты для полковника. Мисс Леонора, возмущенная тем, что ее будущий супруг не стал драться на дуэли и тем самым лишил ее удовольствия, которое вряд ли сможет доставить ей собственный отец, также выступила за немедленный разрыв с ним. Так что с ее стороны мистер Уэллс встретил полную поддержку.

Что же касается полковника, то своевременное бегство, возможно, спасло его от веревки членов комитета бдительности.

Судья, видя жалкое фиаско ** своего друга, поступил как истинный янки, то есть переметнулся на сторону

* Забаллотированный — не набравший во время выборов необходимого для избрания числа голосов.

** Фиаско — неуспех, неудача, провал.

противника. Желая, хотя и с некоторым опозданием, удовлетворить общественное мнение, он приказал арестовать убийцу.

Но тот не был столь наивен и умело скрывался от полицейских ищек: полковник исчез бесследно, и это после того, как в течение сорока восьми часов держал в напряжении целый город, такой, как Сан-Франциско.

Ничто более не удерживало Жака и Жюльена в Калифорнии. Счастливые, что наконец покончат с этой сумасшедшей жизнью, они на следующий день после описанных нами драматических событий, а именно третьего июня 1879 года, пустились в путь в направлении мексиканской границы. Это была дата, намеченная для отправки груза Алексею, а значит, необходимые инструменты для повторной эксплуатации золотоносных пород Карибу придут на место вовремя.

По настоятельному совету Перро путешественники сохранили своих индейских лошадей.

— Видите ли, подобных коней,— говорил охотник,— не так-то просто найти, едва ли на сотню наберется четверка. Они крепки, словно стальные гвозди, послушны, как агнцы, могут долго обходиться без еды, а когда пустятся вскачь, то легко обставят и покусанного мухами лося. Берите их с собой в Мексику. Это — дикая страна, и, как вам известно, в ней нет железных дорог, там ходят дилижансы, поездки в которых многие путешественники-христиане приравнивают к восшествию в чистилище *. А на этих лошадях вы всегда сможете сделать пятнадцать лье в день. Двигаясь примерно с той же скоростью, что и эти колымаги, вы зато будете сами себе хозяева.

Таким образом, лошади в третий раз были погружены в специальный вагон.

Друзья тепло обнялись и распрощались с Перро, взяв с него обещание, что если дела пойдут неплохо и Алексей соберется провести зиму у них в Бразилии, то канадец обязательно будет его сопровождать.

— Если только мы не свидимся еще раньше,— загадочно промолвил Перро и бросился бежать на пароход, чтобы скрыть охватившие его чувства.

Жак и Жюльен, взволнованные не меньше их товарища, вошли в вагон. Поезд отходил почти одновременно с судном, где уже разместили китайских рабочих и оборо-

* Чистилище — по религиозным представлениям, место, где души умерших очищаются от грехов, прежде чем попасть в рай.

дование. Другим предстояло ехать до Аризоны-Сити, города, расположенного в восьмистах километрах южнее, при слиянии рек Хила и Колорадо, возле мексиканской границы.

Французы тронулись в путь на исходе дня и, перекусив в вагоне-ресторане, устроились на ночь. Жак сделал несколько записок в своей записной книжке, Жюльен нанес проделанный ими путь на карту, и затем они улеглись спать.

Колея, по которой наши герои выехали из Сан-Франциско, огибает южную оконечность одноименного залива и, оставив позади Сан-Хосе и Найл, соединяется в Латропе, в двадцати километрах от Стоктона, с Тихоокеанской южной железной дорогой, заканчивающейся у мексиканской границы. От станции Латроп рельсовый путь следует вдоль реки Сан-Хоакин и, сохраняя неизменно направление на протяжении ста двадцати километров, по меньшей мере в пятидесяти местах пересекает десять правых притоков. В Визалии, крохотном поселке, затерянном среди болот возле озера Туларе, дорога сворачивает чуть в сторону и, пройдя около двадцати миль по ровной прямой, покидает зажатую между отрогами Сьерра-Невады и Береговых хребтов огромную долину, чтобы, спустя несколько поворотов, подойти к станции Кальенте — последней в преддверии ущелья Тачипи. По выходе из этой извилистой расселины, совершенно не пригодной на первый взгляд для прокладки железнодорожной линии, она вступает в пустыню Мохаве, простирающуюся вплоть до Рио-Колорадо, и, пробежав по прерии, каких много на Дальнем Западе, врзается в горную гряду Сан-Бернардино, являющуюся продолжением Береговых хребтов и соседствующую с бескрайними равнинами, подступающими с востока к Калифорнийскому заливу. Хотя средняя высота ее и так не превышает тысячи метров, эрозия * ни на день не прекращает своего разрушительного действия.

Проснувшись на рассвете, Жак и Жюльен с интересом созерцали постоянно изменяющийся пейзаж. Пройдя по вызывающей головокружение обрывистой кромке горной дороги, поезд дважды проскакивал ущелья и мчал теперь среди ухоженных полей пшеницы и кукурузы, плантаций табака, хлопка и сахарного тростника, виноградников, посевов конопли и льна. А потом появились и чудесные сады с множеством апельсиновых деревьев, усыпанных цветами и плодами.

Машинист позвонил в колокол, и поезд, сбавив скорость, покотился не спеша по улицам хорошенького городка,

* Эрозия — здесь: размывание, разрушение поверхности земли.

между низкими домами из необожженного кирпича. Это был Лос-Анджелес, административный центр одноименного округа, насчитывающий восемь с половиной тысяч жителей. Как объяснил Жюльен своему другу, сей населенный пункт примечателен лишь тем, что он — последний расположенный на территории Соединенных Штатов город, лежащий на их пути, ибо Аризона-Сити, в восьмидесяти лье отсюда, вряд ли может быть причислен к городам.

Затем поезд снова понесся по долине. Обработанные поля вскоре уступили место печальной растительности нетронутых почв. Повсюду — верески, карликовые каштановые деревца, узловатые дубки да кустарник, именуемый индейцами мазаниллой и дающий мелкие плоды, напоминающие вкусом яблоки и используемые местным населением для приготовления напитка, сходного с сидром *. И никаких следов жилья, — лишь маленькие станции, где машинист пополнял запасы воды и топлива.

Через три часа после отправления из Лос-Анджелеса поезд вошел в проход Херонимо — довольно длинное ущелье между горами Сан-Хасинто и оконечностью хребта Сан-Бернардино — и, миновав его, опять помчал по пустынному краю. Однообразный пейзаж, который могли лицезреть пассажиры на протяжении двухсот двадцати километров, напоминал чем-то поросшие маком долины на Корсике ** и в Тоскане ***.

Монотонное путешествие продолжалось около пяти часов. Затем вновь раздался удар колокола, паровозный гудок слился со скрежетом металла, и состав остановился перед убогим навесом, вдали от монументального сооружения — настоящей крепости, подножие которой омывалось полноводным потоком. Над фортом Юма, — а это был он, — развевался флаг Соединенных Штатов, за стенами же его размещался гарнизон, готовый отразить нападение разбойничьих банд индейцев браво ****. На крутом берегу реки, известной как Колорадо, темнели строения из необожженного кирпича, образывавшие поселок со звучным названием «Аризона-Сити».

Поездка по железной дороге закончилась.

* Сидр — вино из яблочного сока.

** Корсика — остров в Средиземном море, принадлежит Франции.

*** Тоскана — область в Италии.

**** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что индейцами браво зовутся непокорные индейцы-кочевники, в то время как оседлые индейцы именуются мансо.

ГЛАВА 18

Центральная Америка.— Через Мексику.— Шоссейная дорога.— Снаряжение наших путешественников.— Слуга Сапоте.— Восторги Жака Арно.— Постоялые дворы.— «Жаркая земля», «теплая земля», «холодная земля».— Тропическая растительность в двухстах лье от тропиков.— Магнели, или американская агава.— Пульке и мескаль.— Сбор сока.— Тортиллы.— Простой и верный способ набрать воды со дна недоступного водоема.— Вента Карбокенья.— Прерванный сон.— Голос полковника Батлера.

Покинув Париж девять месяцев тому назад, чтобы добраться по суше до Бразилии, наши путешественники обнаружили, что расстояние, отделяющее их от фазенды Жаккари-Мирим, где Жака Арно должны были ввести во владение огромным наследством его дядюшки, еще достаточно велико. Нельзя сказать, чтобы и уже пройденный путь являлся для них увеселительной прогулкой, однако достаточно лишь бросить взор на глобус, на широты, в которых они сейчас находились, чтобы понять, что и оставшиеся километры будут не из легких. Тем более что скорых средств передвижения в этих местах практически нет.

Прежде чем попасть в Южную Америку, которая издали обычно кажется всем чем-то вроде земли обетованной *, им еще предстояло пересечь Мексику, а затем пять республик Центральной Америки: Гватемалу, Гондурас, Сан-Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рику, то есть государства, расположенные между 30° северной широты и 10° южной широты, в непосредственной близости от засушливой зоны, опаленной раскаленным тропическим солнцем.

Мы оставили наших друзей в форте Юма, на правом берегу Колорадо, напротив Аризоны-Сити, в тот момент, когда они готовились к путешествию через Мексику — страну, граничащую на севере с Соединенными Штатами, на юге — с Гватемалой и английской колонией Белиз ** и омываемую на западе Тихим океаном и на востоке —

* Земля обетованная — место, куда кто-нибудь сильно стремится попасть.

** Белиз — страна в Центральной Америке, с 1862 года — колония Великобритании под названием Британский Гондурас, с 1981 года — независимое государство.

Атлантическим, а если точнее, то водами Мексиканского залива *.

План предстоящего познавательного путешествия был разработан еще в Сан-Франциско. Предусматривая возможность любых неожиданностей, он отводил время и для досуга. Можно единым махом проделать путь в пять тысяч километров, отделяющие мыс Принца Уэльского от южной границы Калифорнии, проявить стойкость истинного путешественника, продвигаясь пешком, на лошади, в санях, в железнодорожном вагоне и даже на воздушном шаре, и тем не менее не заслужив обвинения в малодушии, испытывать волнение, собираясь верхом пересечь почти всю Мексику.

От Аризоны-Сити до границы с Гватемалой — три тысячи триста километров по прямой, но извилистые дороги увеличивают это расстояние еще на пятьсот километров, что составляет в общей сложности девятьсот лье.

Трудно, почти невозможно проезжать в стране с тропическим климатом более шестидесяти километров в день, особенно на протяжении длительного времени.

Если в арктических странах холод в основном становится помощником путешественника, ибо благодаря ему сани мчатся днем и ночью примерно с той же скоростью, что и железнодорожный состав, то температурный режим тропической зоны, наоборот, подвергает его жестоким испытаниям: он изнурен жарой, изнемогает от струящегося по всему телу пота и раздражен медлительностью своего коня, с которым волей-неволей приходится считаться.

Жак Арно и Жюльен де Клене предполагали, что переход через Мексику займет у них никак не меньше шестидесяти трех дней, да и то если они не встретят особых препятствий.

То ли нелюбовь к дилижансам, то ли пристрастие к живописным пейзажам, а возможно, и то и другое, внесли свою лепту в решение друзей ехать верхом, которое, как они полагали, всегда смогут в случае необходимости изменить.

Чтобы попасть из форта Юма в Аризону, необходимо было переправиться на пароме через Колорадо, и Жак

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар приводит следующие сведения: «Площадь Мексики равна примерно двумстам миллионам гектаров, что в четыре раза превышает занимаемую Францией территорию, составляющую 53 028 894 гектара. Проживает же в Мексике всего лишь 8300 тысяч человек, из которых две трети — коренное население».

скрепя сердце согласился вновь пройти проверку на стойкость: у необходимости свои законы.

Аризона-Сити, хотя и является столицей округа Юма, только называется городом. Это типично американское поселение, выросшее за несколько лет и в прозябании ожидающее своего часа, когда какое-нибудь событие, открытие или один из прихотливых путей иммиграции, на первый взгляд совершенно необъяснимых, даст толчок для его развития.

Территория, где расположен Аризона-Сити, только с недавнего времени принадлежит Соединенным Штатам, и жители ее еще не воспользовались должным образом достижениями своей новой родины. Купленная у Мексики в 1854 году американским правительством за десять миллионов долларов, эта земля со столь малочисленным населением, что его даже не стали учитывать при проведении переписи, до 1863 года входила в состав штата Нью-Мексико и лишь затем была выделена в отдельный штат, именуемый Аризоной *, со столицей в Тусоне, выросшем вокруг старинной миссии ** в долине Санта-Круз. Согласно переписи 1870 года, население нового штата составило 9670 человек, а его административного центра — 2800.

Ко времени появления в Аризоне-Сити двух французов он буквально кишел искателями приключений всех мастей — факт, свидетельствовавший о том, что это второй после столицы город штата. Открытие новых месторождений золота и серебра привлекло сюда изрядное число первопроходцев и послужило причиной строительства железной дороги, которая должна была вскоре связать форт Юма с мексиканским городом Гуаймас и гаванью Сонора.

Ну а пока в распоряжении путника имелась, да и то с недавних пор, лишь шоссейная дорога, которая, пройдя через Алтар и Эрмосильо, соединила между собой указанные выше пункты. Но тракт этот — мексиканский, чем все и сказано. Протяженностью около семисот километров, положенный на глазок и во многих местах уже размытый водой, в сезон дождей он представляет собой илистую лужу, или, по-испански, *atacaderos*: это экспрессивное

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что штат Аризона занимает территорию, равную по площади половине Франции.

** Миссия — здесь: миссионерская (то есть проповедующая христианство) организация.

слово, переводимое буквально как «трясина» или «топь», обозначает в действительности место, которое, не запачкавшись в грязи, не пройти. Летом же шоссе превращается в сплошную череду выбоин и ям, заполненных летящей в лицо пылью.

Раз в неделю по нему проезжает почта. Путешественники, которых дела призывают в эти края, также вынуждены пользоваться данной дорогой. Обычно они объединяются в небольшие группы, чтобы спастись в компании от одуряющего одиночества. Но еще не столь давно это диктовалось и необходимостью отражать возможные нападения апачей *. Поскольку же сейчас подобные столкновения крайне редки, так как племя это давно уже перешло к оседлому образу жизни и благодаря зачаткам цивилизации воинственности у него поубавилось, то сегодня даже бытует весьма парадоксальное мнение, что в Мексике дороги менее опасны, чем улицы больших городов, наводненные *terepos*, или оборванцами, легко пускающими в ход кинжал.

Прежде чем пуститься в путь, Жак и Жюльен наняли слугу, чтобы ухаживать за лошадьми и, когда это будет надо, готовить пищу. Для перевозки вещей был куплен выучный мул, на которого погрузили тюки с провизией и два небольших чемодана из мягкой кожи, содержавших несколько смен одежды, запас патронов и маленькую аптечку, а также два тонких одеяла из вигоневой шерсти ** и прорезиненную палатку, разместившиеся между более громоздкой кладью. Этот багаж и составил *vade mesum* наших друзей.

Себе на головы они водрузили английские колониальные шлемы, сделанные из сердцевины алоэ, с закрепленной по краям белой фланелью, оставляющей открытой только лицо: такие уборы — лучшая защита от солнца. Костюм их состоял из блузы серого мельтона *** и панталон из той же ткани, убранных в высокие сапоги из желтой кожи, призванные защищать ноги от колючек, а при случае и от зубов гремучей змеи.

На седельной сумке лежало скатанное серапе — красивое мексиканское одеяло ярких цветов с отверстием посередине, как у южноамериканских пончо, куда просовывают голову.

* Апачи — племя североамериканских индейцев.

** Вигоневая шерсть — шерсть вигони, или викуньи, — южноамериканского животного из рода лам.

*** Мельтон — род сукна.

Каждый был вооружен охотничьим ружьем, мачете — длинным ножом с рукояткой из кожаных колец, наложенных друг на друга, предназначенным для рубки кустарника, и крупнокалиберным револьвером, уложенным в седельную сумку.

Как видите, ничего лишнего или громоздкого.

Сидели они на лошадях, привезенных из Британской Колумбии, которые, получив суровую выучку у своих прежних хозяев и успев привыкнуть к резким перепадам температур, вели себя лучше, чем знаменитые кони Соноры*.

Сопровождал путешественников только что нанятый ими управляющий их маленьким хозяйством — двадцатилетний метис со смышленным лицом, сверкающими глазами и задубевшей от загара кожей. Он скакал на приобретенном специально для него муле, награждая животное самыми нежными эпитетами, самыми звучными именами.

Метис не знал ни откуда он родом, ни кто его родители. Он вел вольную жизнь, положившись на Господа Бога, ночуя то там, то здесь, живя то у индейцев, то у метисов, то у белых. У него не было имени, лишь кличка «Сапоте», что означало перезрелый плод ахраса, или сапотиллы**, тронутый червоточиной.

А в общем это был веселый, добродушный юноша, готовый услужить своим хозяевам и прекрасно ладивший с лошадьми. Однако во всем, что касалось кухни, полагаться на него не приходилось: единственное, что он мог еще сделать, — это вскрыть банку с консервами, да и то с большим трудом!

Жюльена, который уже бывал в Мексике, ничто не удивляло на этой бесконечной дороге из Аризоны в Гуаймас. Он привык к местным пейзажам, и они его не трогали. Жак, напротив, был в восторге от окружавшей его растительности. Он становился истинным путешественником: его интересовало буквально все, он смотрел во все глаза и слушал во все уши.

Какая разница с тем человеком-посылкой, передвигающимся только по суше, как он величал себя в начале пути! Не стоит добавлять, что в нем ничего не осталось от

* Сонора — штат на северо-западе Мексики.

** Ахрас, или сапотилла — крупное, до 22 метров высоты, дерево с густой конической или округлой кроной из семейства сапотовых, родом из тропической Америки. Млечный сок, добываемый из его коры, используется для производства жевательной резинки, плоды потребляются в свежем виде или идут на приготовление напитков.

былого чиновника и записного домоседа. Мысли его приобрели возвышенное направление, горизонт познаний расширился. Словом, метаморфоза*, произошедшая с бывшим служащим префектуры, была полнейшей. Эх, если бы не проклятая морская болезнь, Жак со своим невозмутимым хладнокровием, атлетической силой и железным здоровьем был бы идеальным первопроходцем! Но человек несовершенен.

Между Аризоной и Алтаром, расположенными приблизительно в трехстах сорока километрах друг от друга, редко когда встретишь даже более или менее крупную деревушку, не говоря уже о городах, поскольку население в этом районе рассредоточено сравнительно равномерно по всей территории.

Поэтому после нелегкого дневного перехода путешественник вынужден разбивать лагерь под открытым небом, если только ему не повезет наткнуться на какой-нибудь постоялый двор, именуемый здесь вентой. Расположение подобных заведений определяется расстоянием, которое в состоянии пройти за день лошадь, и когда животное уже выбивается из сил, путник, к великой для себя радости, обнаруживает придорожную гостиницу. Вента состоит из собственно постоялого двора — «meson» или «posada» по-испански — с комнатами для людей и конюшнями для лошадей и таверны или ресторана — fonda. Иногда имеется также и tienda, или лавка, где можно купить самое необходимое. В общем, это настоящий караван-сарай**.

Жак любил останавливаться на постоялых дворах, где отсутствие изысканной кухни и мягкой постели вполне компенсировалось любопытными зрелищами и возможностью проводить интереснейшие наблюдения. Он обожал подаваемые путникам тортильи, эти пресные блины из кукурузной муки, очень тонкие и очень сухие, являющиеся национальной мексиканской едой и полностью заменяющие простонародью хлеб, и заявлял также, что пультке и мескаль — изысканнейшие напитки и что дичь со стручковым перцем — вкуснейшее блюдо.

Жак стал оптимистом и приходил в экстаз от пышной тропической флоры.

* Метаморфоза — здесь: видоизменение, переход из одного состояния в другое.

** Караван-сарай — постоялый двор в странах Востока, место стоянки караванов с гостиницей и складскими помещениями.

Мы сказали «тропической», хотя путешественников еще отделяли семь с лишним градусов от северной границы тропической зоны*. И не ошиблись. Известно, что Мексика разделена на три зоны, имеющие характерные названия «tierra caliente» — «жаркая земля», «tierra templada» — «теплая земля» и «tierra fria» — «холодная земля», причем географическая широта к подобной градации не имеет ни малейшего значения, поскольку в основе данного районирования лежит высота расположения территории над уровнем моря. Tierra fria — это горные склоны на высоте более двух тысяч метров, tierra templada — те же склоны, но расположенные ниже двух тысяч метров, и tierra caliente — побережье двух океанов, простирающееся от моря до подножия гор и частично охватывающее бассейны рек Ри-Браво-дель-Норте и Рио-Хила.

Дорога на Гуаймас пролегла по «теплой земле», и Жак мог вволю любоваться роскошными веерными пальмами, бананами, раскинувшими свои огромные листья, бутылочными тыквами, индигоносами**, какаовыми деревьями, хлопчатником, вернувшимся в дикое состояние и своим присутствием напоминавшим о некогда существовавших здесь древних цивилизациях.

Временами вдали показывались соломенная крыша, оплетенная ползучей растительностью, рощица гуайявы***, росшие отдельно апельсиновые и лимонные деревья, авокадо****, увешанные плодами. Скромные жилища индейцев стояли в окружении небольших, тщательно возделанных участков земли, на которых произрастали табак,

* Хотя границы тропической зоны точно не определены (их обычно заключают между 20—30° северной и, соответственно, 20—30° южной широты), Л. А. Буссенар, судя по тексту, за северную границу тропической зоны принимает 23°07' северной широты, или параллель, именуемую Северным тропиком, или тропиком Рака.

** Индигоносы — группа растений, листья которых используются для получения индиго — красителя синего цвета. Наиболее известна из них индигофера — род кустарников или трав семейства бобовых, произрастающих в тропиках и субтропиках.

*** Гуайява — вечнозеленые деревья семейства миртовых, высотой 3—6 метров, родом из тропической Америки. Культивируются во многих тропических странах из-за кисло-сладких сочных ароматических плодов (размером с яблоко), использующихся в пищу в сыром и переработанном виде.

**** Авокадо — вечнозеленые деревья семейства лавровых, высотой до 20—25 метров, родом из Америки. Культивируются в тропических и субтропических районах многих стран из-за крупных (до 600 граммов) грушевидных плодов, использующихся в пищу.

сахарный тростник, лимоны, арбузы, ананасы, маис * и маниока **, защищенные от вытаптывания великолепной изгородью из кактусов и алоэ.

Всякий раз восхищаясь буйной растительностью, Жак завидовал счастью обитателей этого тропического эдема ***, и ему все сильнее хотелось добраться наконец до своих владений в Жаккари-Мирим.

Временами причудливый облик невиданных цветов исторгал из его груди восторженные вопли.

Впрочем, даже самые хладнокровные путешественники не остались бы равнодушными при виде несравненной красоты *Salvia fulgens* **** с ее багровыми пламенеющими лепестками, изящной *Sisyrinchium strie* *****, гигантского *Helianthus* *****, нежной *Mentzelia* *****.

Там, где начинались каменистые почвы, унылый пейзаж скрашивали высоченные кактусы, огромные молочайи *****, смоковницы ***** высотой двадцать метров, громадные агавы с их мясистыми серо-зелеными листьями, оцетинившимися грозными колючками. Здесь во всем своем величии произрастает драгоценная *Maguay* — американская агава, из которой делают пульке и мескаль, излюбленные напитки мексиканцев. Из волокон ее листьев получают прочную бумагу, на которой были написаны рукописи ацтеков *****, прекрасную солому для крыши, веревки и ткани. В этом растении все идет в дело, даже шипы, ибо из них изготавливают иголки и гвозди.

Напомним также, что существуют сорта агавы, выращиваемые специально для получения пульке. Это *Fourcraea seculaire*, или *Furcraea longaeva* *****, дости-

* Маис — кукуруза.

** Маниока, или кассава — широко распространенная в тропиках продовольственная культура. Возделывается ради клубней, из которых получают различные виды муки и крупы, в том числе тапиоку, или маниоковое саго.

*** Эдем — земной рай, благодатный уголок земли.

**** Один из видов шалфея (лат.).

***** Голубоглазка (лат.) — один из видов сисиринхий, растений семейства ирисовых, или касатиковых.

***** Подсолнечник (лат.).

***** Ментцелия (лат.) — растение семейства лоазовых.

***** Молочай — растение семейства молочайных, названо так из-за содержащегося в нем млечного сока.

***** Смоковница — деревья семейства тутовых, дающие винную ягоду или сходные плоды.

***** Ацтеки — крупнейший индейский народ Мексики, создавший высокую цивилизацию, уничтоженную испанцами в XVI веке.

***** Один из видов фуркреи, или волокнистой агавы, — растения семейства агавовых (лат.).

гающая своей зрелости значительно раньше, чем обычная агава, которой для этого требуется двенадцать — пятнадцать и даже двадцать лет. В момент, когда заканчивается единственное в ее жизни цветение, в середине цветоножки, или стебля, на котором расположен цветок, проделывают дырку, и та быстро заполняется растительным соком. Этот сок представляет из себя бесцветную жидкость, именуемую *aquamiel*. Ее собирают два или три раза в день на протяжении пяти месяцев. Количество получаемой жидкости равно восьми — десяти литрам в сутки. Потом выделение сока прекращается, и растение засыхает. Собранный сок бродит в тени в течение двенадцати часов, после чего образуется пенящийся напиток, хмельной и очень приятный на вкус.

Но вернемся снова к особенностям путешествия по Мексике. Представьте себе, что намеченное расстояние наконец пройдено, день близится к концу, пора размещаться на ночлег. Если повезет и вы до ночи доберетесь до венты, то заночуете в бамбуковой хижине — *meson*. Вы также сможете понаблюдать, как служанки — *mozas* — готовят тортильи, которые затем подадут вам к столу еще горячими. Смуглые красотки Соноры дают на *metate* — квадратном столе, состоящем из гранитной плиты, установленной на четырех низких ножках, — вареные кукурузные зерна, смешивают их в деревянных кадках с мукой, делают очень тонкий блин и жарят его на *comal* — круге из красноватой глины, согреваемом на маленькой печи из необожженного кирпича.

В такой точно обстановке отдыхали и наши друзья. По прибытии на постоялый двор Сапоте распрягал лошадей, отводил этих выносливых животных в конюшню и щедро наделял их ячменем и сеном. Потом переносил багаж в комнату, где на охапках свежей кукурузной соломы должны были ночевать или, точнее, располагаться лагерем на ночь его хозяева. Разложив туалетные принадлежности и развернув большие резиновые корыта, метис шел за водой с двумя брезентовыми ведрами, чтобы путники могли предаться омовению, особенно приятному после целого дня скачки по пыльной дороге и под палящим солнцем.

Туалетные принадлежности с самого начала вызывали восхищение Сапоте, а случай, произошедший с ними на третий день пути, окончательно укрепил его в мысли, что его новые хозяева — очень важные персоны. В Мексике непросто раздобыть воду. Наши путешественники устали и, как и их животные, умирали от жажды. До венты же

Папагос, расположенной у подножия Сьерры-Сенойты, оставалось еще два часа пути. Неожиданно лошади и мулы, приняхавшись, обрели свою прежнюю рысь. Нет сомнений: где-то рядом была вода. Инстинкт не подвел животных. Через десять минут маленький отряд оказался возле источника. К несчастью, вода находилась на самом дне глубокой расщелины с отвесными стенами — *ваггапеа* — и посему была недостижима. Разочарованный Сапоте оглашал воздух жалобными воплями, кони нетерпеливо били копытами по каменистой почве. Тогда Жюльен приказал мексиканцу достать из чемодана два брезентовых ведра, похожих на ведра пожарников и вмещавших двенадцать литров жидкости. Бедный малый решил, что сейчас его пошлют на дно ущелья, и уже молитвенно сложил руки, когда Жюльен обратил его внимание на то, что ручка каждого из ведер была сделана из длинной, тонкой и просмоленной веревки, многократно пропущенной через два кольца из оцинкованного железа, прочно пришитых друг напротив друга к брезентовым стенкам. Длина веревки, если ее развернуть, достигала почти двадцати метров. Жюльен терпеливо разматал ее, убедился, что один конец прочно прикреплен к кольцу, и бросил ведро в расщелину. Оно шлепнулось прямо в середину источника и благодаря железным кольцам погрузилось в воду. Вытащить ведро и напоить всадников и коней теперь не составляло труда. Таким образом благодаря этому простому, но постине гениальному приспособлению путники были избавлены от жестоких мук жажды.

Впрочем, это была единственная трудность, встретившаяся им за первые пять дней пути, когда они направлялись к венте Карбокенья, расположенной ровно в трехстах километрах от Аризоны и в сорока от Алтара.

Путешественники прибыли туда десятого июня. Последний переход был тяжел не столько из-за своей протяженности, сколько из-за жары и отвратительной дороги. И друзья, находясь вблизи Алтара, все-таки решили заночевать в Карбокенье, чтобы вволю поспать и дать отдохнуть лошадям.

Здесь они нашли больше комфорта, чем в предыдущих местах своих ночевок. Комнаты были просторные, с меньшим количеством насекомых и с довольно чистыми гамаками, которые, будучи приподнятыми от пола, становились недоступными для бесчисленного множества мелких тварей, которыми изобилует Мексика.

Съев с аппетитом великолепный ужин, наши герои,

блаженно потягиваясь и покачиваясь в своих гамаках, наслаждались знаменитыми мексиканскими сигарами, не уступающими гаванским *.

Они уже успели задремать, когда звонкий стук лошадиных копыт по мощеному двору вырвал их из объятий Морфея **. В большом зале, где только что поужинали путешественники, раздался звучный голос, пытавшийся объясниться на ломаном английском и немецком языках.

— Наверное, это американские искатели приключений, подрядившиеся на строительство железной дороги,— зевая, произнес Жак, отнюдь не в восторге от того, что нарушили его сиесту.

Жюльен, собравшийся было снова заснуть, внезапно встрепенулся.

— Странно,— произнес он, пытаясь собраться с мыслями,— готов поклясться, что слышу голос негодяя, называющего себя полковником Батлером!.. Впрочем, наверное, мне это снится.

ГЛАВА 19

Место, удобное для засады.— Воспоминание о классиках приключенческой литературы.— Благодушие Жюльена.— Нападение.— Гибель лошадей.— В осаде.— Белый, мстящий, как краснокожий.— Полковник Батлер.— Ответ Жюльена бандитам.— Попадание в цель.— Незавидное положение Жака.— Неожиданное явление.— Отступление противника.— Захват дилижанса.— Джентльмены с большой дороги.— Закон есть закон.— Арест.

Гам, этот неперемный спутник прибытия многочисленного отряда, который нарушил сиесту Жака и Жюльена в венте Карбокенья, вскоре утих. Оба друга вернулись к прерванному сну и на следующий день довольно поздно встали.

Вспомнив о своем вчерашнем предположении, Жюльен не смог сдержать улыбку. Слишком невероятно, чтобы

* Гаванские сигары — сигары, изготавливаемые из табака особого сорта, именуемого в разговорной речи «гавана», или «гаванна».

** Морфей — в древнегреческой мифологии — бог сна и сновидений (отсюда выражение: покоиться в объятиях Морфея, что означает «спать»).

убийца находился именно здесь, в той же самой захудалой мексиканской гостинице. Скорее всего он остался в Соединенных Штатах, лишь перебрался в другой штат и попытался начать все сначала. И то, что почудилось Жюльену со сна, не заслуживало никакого внимания. Что же до незнакомцев, то они, несомненно, торопились в Алтар, ибо уехали на рассвете, то есть около полутора часов назад.

Оба француза не спеша отправились в путь и, решив, что сегодня торопиться им некуда, пустили лошадей прогулочным шагом, чему гордые мустанги вовсе не противились.

Так они проехали половину пути между вентой Карбонья и вентой Бамори. Ступив на тропу, с одной стороны которой был глубокий обрыв, а с другой плотной стеной стояли высоченные цилиндрические кактусы, напоминавшие трубы органа, Жак пустился в рассуждения:

— Какое превосходное место для засады!

— Засада! — скептически произнес Жюльен. — На кого? Тебе прекрасно известно, что в Мексике разбойники переселились в города, а индейцы давно уже зарыли топор войны.

— Согласен и вовсе об этом не жалею. Просто наша дорога навевает воспоминания о сочинениях некоторых авторов, где Сонора описана как огромный притон людей без роду и племени.

— Иные времена — иные нравы! Как говорил Перро, сейчас снимают скальпы только в книгах, печатающихся в Европе, да в отдаленных уголках Скалистых гор. Я бы также добавил, что и вооруженные нападения в Мексике стали редкостью...

Внезапно необъяснимое предчувствие заставило Жюльена прерваться на полуслове.

— Подними свою лошадь! — закричал он Жаку и, вонзив шпоры в бока своего скакуна, подал ему пример.

Жак привычно подчинился другу, успев при этом окинуть взором живую изгородь из кактусов. Сквозь просветы в зеленой стене сверкнул металл, и он тотчас же осознал своевременность предупреждения Жюльена. Стволы огнестрельного оружия холодно поблескивали в косых лучах солнца. Но не было времени размышлять, почему обычно безопасная мексиканская дорога вдруг ошетинилась ружьями.

До слуха Жака донесся сухой щелчок и вслед за тем — звук выстрела. Он увидел, как лошадь Жюльена, сраженная пулей прямо в голову, тяжело рухнула на дорогу.

— Прыгай на землю! — крикнул другу Жюльен, успевший вовремя соскочить с коня.

Второй выстрел раздался как раз тогда, когда Жак пытался справиться со своим конем, который, испугавшись, скакнул в сторону ущелья. Пуля, вонзившись в шейные позвонки и перебив спинной мозг, сразила лошадь прямо на лету.

Менее ловкий наездник и, несомненно, менее удачливый, Жак не смог повторить маневр Жюльена, и конь, упав, придавил ему ногу.

В какие-то считанные секунды друзья лишились обеих лошадей. Жюльен, не терявший присутствия духа даже в самых трудных и неожиданных ситуациях, уже успел предпринять необходимые меры для защиты: извлечь из седельной сумки револьвер, залечь за трупом бедного мустанга и зарядить парой патронов ружье было для него делом мгновенным.

— Ты не ранен, Жак? — с беспокойством крикнул он, не слыша и не видя друга.

— Кажется, нет. Но у меня нога застряла в стремях.

— Ты можешь стрелять?

— Да, хотя и с трудом, так как я упал на спину... И, к сожалению, у меня нет пулевых патронов.

— Тем лучше! Стреляй картечью... * не целясь. Сейчас начнется наступление.

Едва лишь произнес Жюльен эти слова, как приблизительно в восьмидесяти метрах от него рухнула часть изгороди из органоподобных кактусов, и в заранее подготовленной бреші, свидетельствовавшей о том, что засада была тщательно подготовлена, показались шесть человек.

Это были белые, о чем свидетельствовали их одежда и длинные бороды. Ловкость, с которой они, используя любую неровность местности, прячась за каждым камнем или кочкой, работая локтями, коленями, большими пальцами и даже грудной клеткой, неспешно приближались к тому месту, где лежали убитые лошади, выдавала в них техасских охотников. Позаимствовав у индейцев методы выслеживания диких зверей, они превзошли своих учителей.

Нападавшие передвигались бесшумно, крадучись.

* Картечь — здесь: крупная дробь для охотничьего ружья.

Жюльен, обеспокоенный непонятной тишиной, приподнял голову над телом своей лошади.

Внезапно раздался грубый голос, и нашему герою сразу все стало ясно.

— Тише, приятели! Тише! — услышали друзья английскую речь. — А не то останетесь без глаз. Эти два парня не так-то просты. Если у них не перебиты кости, то схватить их будет непросто.

— Ого, полковник! Так вы хотите взять их живыми?

— Ты угадал, мой мальчик, и я буду в отчаянии, если с ними что-нибудь случится.

— Почему?

— Кажется, ты половину жизни провел среди племени навахо, самых кровожадных среди всех краснокожих обитателей прерий, не так ли?

— Так.

— Тогда ты знаешь, что такое месть.

— Месь краснокжего? Конечно, знаю.

— Так вот, хоть я и белый, но хочу отомстить, как индеец. Эти двое нанесли мне оскорбление. Так пусть же они умрут у столба пыток.

— Смотри-ка! — произнес в сторону Жюльен. — Это действительно полковник Батлер! Значит, вчера я не ошибся. Негодяй прямо кипит от злости, однако до нас он еще не добрался. К тому же тот, кто хвастается своими планами, обычно далеко не уверен в их осуществимости. Он просто хочет приободрить себя. Что ж, вот мой ответ.

Жюльен, не думая о том, что вражеская пуля легко может долететь до его укрытия, приподнял голову, положил дуло ружья на бедро мертвой лошади, наметил для себя находившихся шагах в сорока от него двух бандитов, хладнокровно, словно целил в кося, выстрелил сразу из обоих стволов и тут же аккуратно перезарядил оружие.

Вопли боли и яростные проклятия возвестили о том, что француз не зря истратил патроны.

— Черт побери, — философски заметил Жюльен, — когда стреляешь почти в упор, картечь явно предпочтительнее пули, выпущенной из гладкоствольного ружья. Останься у меня карабин, принадлежавший губернатору Иркутска, я бы непременно прикончил одного из этих негодяев... Эй, Жак, если не ошибаюсь, противник возвращается на свои позиции!

— Однако наше положение не станет лучше, если они решат взять нас в осаду.

— Похоже, их действительно возглавляет полковник Батлер.

— Так оно и есть...

— Возможно, он идет по нашему следу от самого Сан-Франциско. Зная, что мы богаты, хочет, наверное, взять за нас солидный выкуп. Потерпев неудачу в политике, он изобрел очередной способ быстро нажить состояние.

— Что же нам делать?

— Ждать.

— Голод и жажда дают о себе знать... Особенно жажда. К тому же боль становится просто невыносимой... Нога распухает, солнце бьет прямо в глаза.

— Попытаюсь подползти и освободить тебя.

— Нет, не стоит напрасно рисковать жизнью.

— Не бойся: они ведь хотят взять нас живыми.

— Но тебя могут подстрелить!

— Тем хуже для нас обоих. От меня до тебя всего четыре метра, и, значит, сам дьявол пришел к ним на помощь, если они подстрелят меня, когда я буду преодолевать это расстояние.

С этими словами Жюльен быстро вскочил и в один прыжок пересек пространство, отделявшее его импровизированное убежище за трупом убитой лошади от лежавшего на земле Жака. В ответ на его дерзкий поступок раздался выстрел. Жюльен вскрикнул.

— Ты ранен?

— Простая царапина на ноге. Меткость этих мерзавцев достойна почтенного Перро.

— Ты прав. Они хотели лишить меня возможности убежать...

— Главное, мы снова вместе. Но в нашем положении нелегко будет приподнять лошадь, всем своим весом придавившую твою ногу.

— Послушай, если бы ты вырыл своим мачете у меня под ногой что-то вроде канавки...

— Еще лучше: если бы я отрезал кусок бедра от твоей покойной лошади, то смог бы освободить тебя гораздо быстрее.

— Пожалуй, ты прав. Как это я сам до этого не додумался!

— Хватит праздных рассуждений, поспешим, ибо время не ждет, наши враги могут попытаться окружить нас... Впрочем, со стороны обрыва сделать это невозможно. Думаю, что скорее всего они будут держать нас здесь под

дулами своих карабинов, пока голод и жажда не заставят нас вступить с ними в переговоры.

— Ты что, действительно веришь, что этот мерзавец хочет сохранить нам жизнь?

— Его интересует не наша жизнь, а наши кошельки. Сколь ни унизительна перспектива сдаться на милость бандита с большой дороги, но лучше распрощаться с кошельком, чем с собственной головой.

— Ах, почему мы не дали Перро исполнить его заветное желание и выбросить полковника на улицу с пятого этажа!

— Наверное, мы сочли этот поступок слишком эксцентричным.

— Согласен, однако наше теперешнее положение ничуть не менее оригинально...

— Тем более не на что жаловаться... К тому же тебе не грозит заполучить морскую болезнь.

Несмотря на весь трагизм их положения, Жак не мог удержаться от смеха. Жюльен же быстрым взором окинул позиции неприятеля.

— Что поделявает противник?

— Укрылся за стенами редута *, оставив двоих на поле битвы.

— Они мертвы?

— Сомневаюсь, хотя думаю, что основательно покалечил их. Если, конечно, их неподвижные позы — не очередная военная хитрость, призванная ввести нас в заблуждение.

Неожиданно за поворотом дороги раздался звон колокольчиков, сопровождаемый свистом бича и скрежетом металла. При этих звуках те двое, которым уже довелось испытать на себе меткость Жюльена, с трудом поднявшись, попытались спрятаться за изгородью из кактусов. Едва они добрались до нее, как на тропе показался странный, дребезжавший от старости экипаж, чье столь своевременное появление в подобных обстоятельствах выглядело порождением больной фантазии.

Это был старинный фургон, представлявший из себя длинную крытую повозку с кожаным тентом. Во Франции подобные колымаги давно исчезли, а если и сохранились, то лишь в глухих деревнях, где они вызывают изумление проезжих горожан. По бокам экипажа были расположены

* Редут — полевое укрепление с бруствером, или земляной насыпью.

две скамьи, и еще одна помещалась в самой глубине. Подлинное наименование сего средства передвижения — дилижанс. Но дилижанс этот пребывал в самом плачевном состоянии, какое только можно себе вообразить. Кожа на нем заскорузла и свисала лохмотьями, местами зияли дыры, в которые нетрудно было разглядеть, что изнутри его некогда обили красным плюшем, утратившим, однако, с тех пор свой первозданный цвет, скрывшийся под слоем вековой грязи. Стекла в дверцах отсутствовали, колесные ободья давно уже разболтались, дышло поддерживалось веревочкой, оси скрипели, а сам фургон мог в любую минуту рассыпаться на части вместе с тянувшими его шестью чахлыми мулами.

Каким же чудом сохранилась эта развалина на колесах, которая, наверное, уже не первое столетие подвергалась разрушительному воздействию стихий? Как удалось уцелеть этому безмолвному свидетелю борьбы Мексики за свою независимость? * Колеса старого дилижанса вертелись во время государственных переворотов, или *rgoprop-ciamentos*, он бесстрастно взирал на смену правительств и слышал зажигательные речи отважных народных вождей.

Почему же сей экипаж появился на дороге именно тогда, когда он больше всего был нужен попавшим в переделку двум отважным французам? Причина одна: старая колымага, пышно именуемая центральной администрацией Мексики почтовой каретой, катила из Аризоны в том же направлении, что и Жюльен с Жаком. Она отправилась из города двумя днями позже наших путешественников и, как легко можно убедиться, несмотря на свой нелепый вид и недостаток подстав **, проезжала более ста километров в день.

Появление дилижанса было вдвойне счастливым, ибо оно не только обратило в бегство врага, но и предоставляло путешественникам, лишившимся лошадей, возможность беспрепятственно доехать до города Алтар. Французы не смогли сдержать радостного возгласа при виде допотопного сооружения на колесах, следом за которым показался и Сапоте, благоразумно спрятавшийся со своими мулами за выступом скалы.

* Мексика, бывшая с начала XVI века колонией Испании, добилась независимости в 1821 году.

** Подстава — лошади или, как в данном случае, мулы, выставленные впереди по пути следования экипажа для смены уставших животных.

Жак наконец был освобожден. Поднявшись, он первым делом расправил затекшие конечности. Жюльен обратился по-испански к чиновнику в форменной одежде, восседавшему на головном муле, и вежливо попросил его остановить повозку. Более надменный и гордый, чем все идалго * Кастилии ** и Арагона ***, служивый, даже не удостоив его ответом, крикнул что-то вознице, и тот, стараясь не задеть колесами трупы лошадей, продолжал невозмутимо вести свой экипаж вперед.

Жак и Жюльен не верили своим глазам. Как, эти оборванцы, лишь волею случая попавшие на государственную службу, отказываются взять путешественников с собой, хотя прекрасно понимают, что те находятся в бедственном положении?! Черт побери, это уж слишком!

Жюльен, вскинув ружье, взял на мушку чиновника, а Жак так крепко схватил под уздцы первого мула, что бедное животное упало на колени.

— Стой, мошенник!.. Стой, или я стреляю! — приказал Жюльен голосом, которому позавидовал бы любой предводитель *traboucauges* ****, этих классических грабителей дилижансов.

Угроза моментально сбила с идалго всю спесь, уступившую место отвратительному раболепию.

— Ваша милость! Ваша светлость! Ваше превосходительство! Только прикажите, и ваш смиренный слуга готов вам служить!

— Замолчи, лакей! — гаркнул на него Жюльен. — Будешь отвечать, когда я тебя спрошу! — Затем, сделав знак метису приблизиться, он произнес: — Иди сюда, Сапоте. Сними чемоданы с мулов... Отлично. А теперь расседлай наших лошадей... А ты, Жак, постарайся взобраться на скамью так, чтобы головорезы не заметили тебя.

— Готово!

— Бери багаж и уложи его в фургоне... Ты же, Сапоте, теперь свободен, твои услуги нам больше не понадобятся... Вот, держи золотой!

* Идалго — испанский дворянин.

** Кастилия — королевство в XI—XV веках в центральной части Пиренейского полуострова, на территории современной Испании.

*** Арагон — историческая область на северо-востоке Испании, в бассейне реки Эбро.

**** Трабукары — каталонские (то есть действовавшие на территории Каталонии — исторической области на северо-востоке Испании, у Средиземного моря) мятежники, вооруженные мушкетами, храбрецы, смельчаки (*исп.*).

— Спасибо, хозяин!

— Это еще не все. Мулы также твои: я дарю их тебе. Если ты не знаешь, куда тебе идти, следуй за дилижансом до Алтара. А если знаешь, тогда прощай!

С этими словами Жюльен, внимательно осмотрев фургон изнутри и убедившись, что в нем всего лишь двое пассажиров, быстро забрался в повозку и сел рядом с Жакком, предусмотрительно поставив ружье между ног.

— Если ты, мерзавец,— сказал он вознице,— дорожишь своими ушами, то поезжай быстрее, никуда не сворачивая.

Тот понял по тону, что лучше не перечить. Мощным ударом кнута он взбодрил своих животных, и скоро почтенный тарантас, влекомый упряжкой мулов, чья сбруя состояла не столько из кожи, сколько из веревок, и имела больше узлов, нежели пряжек, ужасающе дребезжа, скрылся в вихре пыли.

Взглянув со стороны на свою безрассудную выходку, Жюльен искренне рассмеялся.

— Ну как,— спросил он своего друга,— что скажешь о нашем новом приключении?

— Скажу, что такого со мной еще не случилось. И хотя, отправляясь в путь, я был готов ко всему, но на то, чтобы представить себе, как мы с тобой останавливаем силой почтовый дилижанс, у меня не хватило бы воображения. Итак, мы теперь — настоящие джентльмены с большой дороги! Лишь бы власти этой почтенной страны не сочли нашу шутку слишком дерзкой и не повели себя по отношению к нам соответствующим образом.

— Ну что ты! Разве сложившиеся обстоятельства не оправдывают нас?

Но, как выяснилось вскоре, «сложившиеся обстоятельства» не послужили друзьям оправданием.

После четырех часов пути дилижанс прибыл в Алтар. Жак и Жюльен едва успели разместиться в довольно комфортабельной гостинице — «посаде» по-испански, как перед их взором предстали алькальд* и коррехидор** в сопровождении патруля, многочисленного и в изрядно потрепанном обмундировании. Они пришли арестовать путешественников.

* Алькальд — в Испании и странах Латинской Америки — судья.

** Коррехидор — в Испании и странах Латинской Америки — глава муниципального (городского) управления, исполняющий одновременно функции администратора и представителя судебных властей.

— Превосходно,— невозмутимо произнес Жюльен,— только этого нам и не хватало. Бандиты хотели нас убить, но в тюрьму попадаем мы. Впрочем, Мексика в этом отношении не отличается от других стран.

ГЛАВА 20

Неохраняемый дилижанс.— Хвастуны.— Телеграмма Жюльена.— Странный ответ из Мехико.— Конвой.— Триумфальное шествие государственных преступников.— Прибытие в Эрмосильо.— По дороге в Гуаймас.— Тракт, идущий с северо-запада на юго-восток.— Жак Арно в тропиках! — Начальник полиции Тепика.— Откровенность чиновника.— Гвадалахара и Гванахуато.— Вперед! — Драма в Керетаро.— Мехико.— Французская миссия.— Радужный прием.— Первый секретарь.— Дружеская беседа.

В предыдущей главе мы упомянули о почтовой карете. Как известно, мексиканские курьеры возят иногда с собой довольно крупные денежные суммы. С началом строительства железной дороги, когда потребности в звонкой монете увеличились, подобные перевозки между Аризонай и Гуаймасом участились. Во избежание неприятных столкновений администрация распорядилась, чтобы каждый дилижанс, транспортирующий ценности, сопровождался кавалерийским отрядом. Плохо вооруженные, еще хуже экипированные и совершенно не обученные солдаты были обязаны стать на защиту дилижанса, если бы искателям приключений из числа рабочих, занятых на строительстве рельсового пути, пришлось вдруг в голову использовать в личных интересах оборотные средства компании. Однако наличие такого эскорта * стало свидетельством того, что дилижанс везет деньги, и, как следствие, пробуждало алчные вожделения. Что могло остановить этих отпетых бродяг, которые успели за свою жизнь и повоевать вместе с краснокожими, и повеселиться вместе с янки? Во всяком случае, не горе-охранники на тощих одрах **, оберегающие сокровища, обладание которыми дало бы лиходеям возможность надолго забыться в отличной выпивке! И бандиты спокойно нападали на курьеров. Служилые

* Эскорт — военный конвой, охрана.

** Одер — старая изнуренная лошадь.

создавали поначалу видимость сопротивления, но затем откровенно присоединялись к грабителям, которые, в отличие от правительства, не торговались при оплате их услуг. В конце концов, устав от этой войны, администрация перестала посылать конное сопровождение, решив, что выгоднее доверить деньги заботам лишь одного охранника, по возможности честного, и хорошо платить ему: путешествуя инкогнито, деньги имели больше шансов прибыть в целости. Риск оказался оправданным: курьера грабили всего лишь в одну из четырех поездок.

Итак, случаю было угодно, чтобы в тот день, когда Жак и Жюльен наткнулись на засаду, устроенную им полковником Батлером и его подручными на дороге из Карбокеньи в Бамори, дилижанс из Аризоны вес в Гуаймас крупную сумму денег. Курьер, сопровождавший вверенный ему экипаж и принятый нашими друзьями за чиновника, потерял голову при виде двух убитых лошадей, лежавших в лужах собственной крови, и двух людей, выскочивших из-за этих мрачных укрытий. Бедняга, возможно, уже подвергся некогда нападению на этом же самом месте и, сделав вид, что не слышит просьбы Жюльена, отдал распоряжение вознице не останавливать упряжку.

Приказ, произнесенный вслед за тем Жюльеном суровым тоном, объяснявшимся, разумеется, тем трагическим положением, в котором оказались французы, был воспринят напуганным курьером как ультиматум разбойника с большой дороги. Хотя требования этого он не выполнил, дилижанс все же был остановлен. И в то время как Жак держал под уздцы головного мула, Жюльен целился в едва живого от страха служащего.

Вид двух друзей, разместивших свой багаж и занявших место в повозке, не успокоил курьера. Он был уверен, что с минуты на минуту появятся их сообщники, чтобы безнаказанно украсть ценности. Эта мысль подтверждалась и тем обстоятельством, что Жюльен не расстался со своим ружьем. Однако он и не мог этого сделать, опасаясь, и не без оснований, преследования со стороны людей полковника Батлера, отчего и бросал постоянно внимательные взгляды на дорогу.

К глубокому удивлению государственного служащего, дилижанс беспрепятственно прибыл в Алтар. Но как только воображаемая опасность ему более не угрожала, направление мыслей бездельника мгновенно изменилось. Он решил воспользоваться случаем, чтобы выставить себя героем, заявив громогласно о своей храбрости, ловкости

и хладнокровии, только благодаря которым якобы ему и удалось доставить казну в сохранности до места назначения.

Двое пассажиров, ехавших в дилижансе, так же, как и курьер с возницей, были едва живы от страха, когда Жак и Жюльен отвоевывали свои места. И хотя постепенно они пришли в себя, простить неожиданным пришельцам вторжение не смогли.

Один из попутчиков наших героев был полковник, другой — монах.

Этот последний, чье пищеварение столь грубо нарушили, находясь в дурном расположении духа, тем более что он искренне поверил в нападение. Что же касается полковника, — а в Мексике все немножко полковники, — то, не желая признаться в охватившем его паническом страхе, он принялся живописать подвиги курьера и, увлекшись, приписал и себе частичку заслуг, ибо никто не мог проверить истинность его слов. Многословие и бахвальство латиноамериканцев стали притчей во языцех, так что судите сами, как пара хвастунов могли раздуть вымышленную опасность.

Алькальд и коррехидор, к которым обратились эти два храбреца, охотно согласились на арест чужеземцев еще и потому, что мексиканцы обычно недолюбливают французов. Да и монах, свидетель преступления, утверждал к тому же, — и это было похоже на правду, — что оба путешественника силой заставили курьера пустить их в фургон.

Не сопротивляясь, наши друзья дали себя арестовать, но выразили протест и добились того, что их пообещали содержать под стражей в той же самой гостинице, пока они будут сноситься с французским послом в Мехико.

К счастью, Алтар, этот симпатичный городок с тысячей восьмистами жителями, расположенный на реке, носящей то же имя, имеет телеграфную связь с Гуаймасом, откуда идет прямая линия в Мехико, проходящая через города Масатлан, Дуранго, Сан-Луис, Потоси, Гванахуато и Кверетаро.

Жюльен составил длинную телеграмму, где объяснял цель их путешествия, сообщал соответствующие сведения и в точности излагал события того утра, и отправил ее, уповаая на справедливость полномочного министра. Прибывший на следующее утро ответ явился как для него, так и для Жака величайшей неожиданностью. Мы приводим его полностью:

«Господа граф де Клене и Жак Арно, французские путешественники, задержанные в Алтаре, являются опаснейшими государственными преступниками. Приказано в ближайшее же время препроводить их под надежным конвоем в Мехико. Предписывается также оказывать арестантам в пути всевозможное почтение. Хотя им запрещается с кем-либо общаться, нуждаться они ни в чем не должны. Власти несут ответственность за их безопасность. Принадлежащий преступникам багаж, за исключением предметов первой необходимости, должен быть опечатан и следовать за ними.

Правительство требует отправить поименованных выше лиц как можно скорее».

Странный документ был подписан префектом полиции, а также министрами внутренних и иностранных дел Мексики.

Возражать было бесполезно, оставалось только подчиниться.

Жюльен не желал ничего лучшего, как отправиться в Мехико. Он рассчитывал, прибыв на место, найти выход из тупика, порожденного, думал он, неким недоразумением.

Но предоставим снова слово Жаку Арно, использовавшему свой вынужденный досуг во время их стремительного продвижения к столице Мексики для написания путевых заметок, весьма выразительных и поучительных:

«12 июня. Мы — государственные преступники! Хотел бы я знать, какого государства!

Нас вывезли из Алтара в специально выделенном дилижансе. В нем можно курить, спать, разговаривать.

Впрочем, это единственная свобода, которой мы пользуемся, так как администрация предприняла все надлежащие меры для точного исполнения указаний, изложенных в телеграмме.

Курьер, ставший причиной этого неожиданного приключения, заважничал и раздулся, словно осел, несущий святые дары. Но святые дары — это мы. Можно подумать, что мы хрупки, как фарфоровый сервиз. Ибо, с одной стороны, нам оказывается всяческое почтение, а с другой, все невероятно боятся заговорить с нами. Это неплохо, но уже начинает надоедать.

Нас сопровождает многочисленная охрана, что наводит на мысль о дорогостоящем грузе и, если верить слухам, возбуждает алчность наших неожиданных коллег,

истинных джентльменов большой дороги. Впрочем, дневное или даже ночное нападение развлекло бы нас.

Что, однако, вовсе не забавляет, так это вид всадников, охраняющих нашу карету. У этих метисов внешность настоящих разбойников. Одетые в полотняные костюмы и черные широкополые шляпы с трехцветными — зелено-бело-красными — кокардами, вооруженные плохенькими мушкетами и пиками с красно-зеленым вымпелом, они думают лишь о том, как бы пограбить несчастных придорожных жителей. Бессовестные бандиты забирают у них скот, птицу и расплачиваются ударами древка своих копий.

Перевозка пленников вроде нас обходится стране недешево, тем более что кормят нас словно эрцгерцогов * и в харчевнях, где мы останавливаемся, не позволяют нам истратить ни одного су.

Нас размещают мгновенно в самых лучших апартаментах. Бог мой, кто же будет за все это платить?

Наш личный эскорт состоит из нескольких пехотинцев, скучившихся в конце фургона. Все они — индейцы. Среднего роста, мускулистые, одетые также в полотняные костюмы, но более чистые, краснокожие производят более благоприятное, чем всадники, впечатление. У них массивные челюсти, выдающиеся скулы, выразительные глаза, уверенно глядящие по сторонам, безбородые лица. Но главное — они совестливы... Да, забыл упомянуть, что у них короткие волосы, но на каждом виске оставлено по длинной пряди.

Вооружение пехотинцев состоит из ружья и штыка. Служилые тщательно заботятся о своем оружии, и когда ружье, блестящее, словно зеркало, немного запотеваает от соприкосновения с их влажными руками, они начищают металл кусочком кожи. Снаряжение их ограничено широким поясом, на котором висят ножны для штыка и огромный патронташ, почти столь же большой, как вещевой мешок французского пехотинца. Болтающийся ниже пояса, он выглядит довольно странно.

Дилижанс едет... едет... Охранник кричит на возницу и на мулов, возница обрушивается лишь на этих животных... Поистине адский поезд!

Трудно поверить, что, для того чтобы путешествовать быстро и с комфортом, надо стать преступником. Интересно, что думает об этом простой смертный?

* Эрцгерцог — титул австрийских принцев (до 1918 г.).

За два дня мы добрались до Эрмосильо, удаленного от Алтара на сто девяносто километров.

13 июня. Эрмосильо насчитывает двенадцать тысяч жителей, что не так уж плохо для здешнего края. Там есть монетный двор, где три года назад отчеканили три миллиона золотых и серебряных франков. Однако же провинция Сонора вовсе не богата.

Хорошо одетые господа, предупрежденные о нашем прибытии, приняли нас со всеми подобающими церемониями. Конечно, в нашу честь не произносили торжественных речей и нам не подносили на серебряном подносе ключи от города, но и без этого всего было достаточно.

Хорошо одетые господа — это алькальд и городские судьи. Они устроили роскошный банкет в нашу честь, где нас угощали хересом* со специальных виноградников, о которых я до сих пор храню превосходные воспоминания.

14 июня. Господа узники, карета на Гуаймас подана!..

Наше путешествие напоминает триумфальное шествие. Во Франции с преступниками так не обращаются, будь это даже государственные преступники.

Мы с Жюльеном, ничего не понимая, благословляем вмешательство нашего превосходного врага полковника Батлера, благодаря которому мы так быстро продвигаемся к цели. Тридцать лье, отделяющие Эрмосильо от Гуаймаса, мы проехали менее чем за десять часов, хотя дороги здесь очень напоминают сибирские. Наша старая кибитка должна была бы уже сотни раз перевернуться на этих колдобинах. Но она на удивление прочна.

Вид Гуаймаса приводит в уныние. Зажатый в кольцо известняковых гор, перерезанных извилистыми ущельями, где произрастают тощая растительность и карликовые пальмы, город насчитывает шесть тысяч жителей и выглядит заброшенным. Только в порту оживленно, и это благодаря американцам, прибывающим сюда покупать кожи, гуано**, медь и серебро.

Возможно, железная дорога повысит значение этого порта, и он станет одним из лучших на побережье Тихого океана, единственным крупным портом в Калифорнийском заливе.

* Херес — сорт виноградного вина.

** Гуано — здесь: высохший помет диких птиц, используемый как удобрение.

В Гуаймасе нет воды. Источники находятся на окраинах, по дороге к Эрмосильо. Вода, извлекаемая при помощи норий — колес с черпаками, или, иначе, черпакового транспортера, разливается по бурдюкам и водоносами, именуемыми *aquadores*, доставляется на ослах в город. Эти колоритные типы, своего рода мексиканские овернцы*, — индейцы яки.

16 июня. Едва познакомившись, мы уже прощаемся с Гуаймасом. Теперь мы проезжаем вереницу маленьких, ничем не примечательных городков, связанных между собой этой ужасной дорогой, которая с успехом могла бы соперничать с дорогами Западной Сибири.

Сначала мы движемся на восток и этого направления придерживаемся на протяжении восьмидесяти километров, чтобы потом, у венты Кокори, наконец выйти на тракт, пересекающий Мексику с северо-запада на юго-восток.

18 июня. Проехав венту Кокори, семнадцатого июня мы прибываем в Аламос, расположенный между реками Рио-Майо и Рио-Фуэрте. Этот город, насчитывающий шесть тысяч жителей, — уединенный, пропыленный и еще более пустынный, чем Гуаймас. Для европейца жизнь в местных домах из самана** и в поистине иссушающем одиночестве скоро превратилась бы в сплошной кошмар.

От Аламаса до Синалоа, столицы одноименной провинции, — около тридцати пяти лье, если двигаться через Фуэрте. Переход тяжелый. Сопровождающие нас всадники утомились. Некоторые уже отстали, потому что на подставах не было сменных лошадей. Индейские пехотинцы спят в фургоне, словно медведи в берлоге.

К счастью, нам удалось прекрасно переночевать в Синалоа.

19 июня. До Кульякана осталось сорок лье. Воздух все больше накаляется, появились москиты.

Я узнал, что Кульякан — столица губернаторства и епископства Сонора, число ее жителей достигает десяти тысяч. Это мне нравится. Здесь так же, как в Эрмосильо, имеется монетный двор. Интересно, почему все-таки монету чеканят в Мексике? Задаю себе этот вопрос потому, что вижу вокруг неприкрытую нищету. Кому это выгодно?

* Овернцы — жители Оверни — исторической области во Франции, частично расположенной на Центральном французском массиве.

** Саман — кирпич из глины с примесью навоза, соломы или каких-нибудь волокнистых веществ.

21 июня. Мы еще узники, но с нами обращаются все лучше, все бережней. Власти городов, через которые мы проезжаем, прекрасно принимают нас. Незаметно мы доехали до Нориа. Пройдено еще сто сорок километров. Мы рассчитывали остановиться в Нориа, но, кажется, придется ехать до Масатлана.

Ничего не поделаешь!

В десяти километрах южнее Нориа Жюльен, который ежедневно наносит на карту пройденный путь, объявляет, что мы находимся в тропиках. Я как-то позабыл о познавательной стороне нашего путешествия и признаюсь, что сообщение Жюльена вызывает во мне бурю восторгов.

Невольно начинаю думать о том, что я всего лишь бывший чиновник из префектуры Сена, и вдруг — в тропиках!.. Я, Жак Арно!.. Не хвастаясь, могу сказать себе, что факт прибытия сюда по суше вызывает во мне чувство законной гордости.

Жюльен, догадавшийся о моих размышлениях, усмехается и начинает напевать песенку о маленьком корабике, который никогда... никогда... никогда не был в плавании. Это правда. И однако, этому маленькому кораблику пришлось-таки бороздить моря и океаны!.. О, зачеркнем скорее слова «бороздить моря и океаны»: язык моряков может принести мне несчастье!

22 июня. Теперь, когда я пересек тропический пояс, что мне за дело до Масатлана, как две капли воды похожего на Гуаймас, — я даже не буду описывать его. Мне столь же безразличны Рио-Президио и почтовые станции с подставками в Росарио и Акапонете.

Завтра переправляемся на пароме через Рио-Сантьяго. Эту речную переправу, весьма продолжительную, было бы правильнее назвать морской, потому что Рио-Сантьяго — одна из самых крупных рек Мексики.

Но разве не пересек я уже тропический пояс, чтобы чего-то бояться!

Мы будем ночевать в Тепике. Оттуда всего лишь сто пятьдесят лье по прямой — и мы в Мехико!

23 июня. Все идет так, что лучше и не надо: еще никогда мы не путешествовали с такой легкостью.

Мы вступили в горную страну. Температура не столь высока, не очень жарко. Мы поднимаемся медленно, покинув наконец бесконечную зону обожженной земли, тянущуюся адским коридором по берегу Калифорнийского залива.

«Жаркая земля» надолго сменяется «теплой землей». Мы непрестанно поднимаемся. Находимся уже где-то на высоте двух тысяч метров, что составляет среднюю высоту обширнейшего центрального плато Мексики.

24 июня. Тепик проехали ночью. Невозможно на ходу получить представление о городе, основанном, как сказал Жюльен, в 1531 году Нуньо де Гусманом, одним из спутников Кортеса *.

Наше путешествие становится менее познавательным, зато более быстрым.

Начальник полиции Тепика получил официальные указания относительно наших милостей. С преувеличенной вежливостью, свойственной всем мексиканцам без различия сословий, от кабальеро ** до босяка, этот чиновник заявил, что мы обязаны днем и ночью двигаться в Мехико.

Мы будем спать в дилижансе, переделанном по такому случаю в спальный салон путем добавления двух соломенных матрасов. А обедать — на почтовых станциях.

Но где, увы, столь желанные сейчас снега! Где калифорнийские «вагоны-дворцы»!

Начальник полиции, после того как буквально утопил нас в изысканных любезностях и позаботился о нашем обильном пропитании, таинственно сообщил, что дело наше очень серьезное. Может быть, нас и не приговорят к смерти, но уж точно вышлют из страны, заставив заплатить немалый штраф.

Жюльен наивно спросил, почему, на что этот тип дал потрясающий ответ:

— Ваш случай очень серьезен, потому что ваше дело не выгорело!

— Не вагорело что? — не унимался, сгорая от любопытства, Жюльен.

— Присвоить три тысячи унций золота ***, которые вез курьер. Если бы вам удалось это, то вы легко смогли бы заручиться поддержкой судей, перед которыми скоро предстанете.

* Кортес Эрнан (1485 — 1547) — испанский конкистадор (завоеватель), в 1519 — 1521 годах возглавил завоевательный поход в Мексику, приведший к установлению там испанского господства, в 1522 — 1528 годах — губернатор, в 1529 — 1540 годах — генерал-капитан Новой Испании (Мексики).

** Кабальеро — господин, дворянин.

*** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает, что мексиканская унция золота стоит 86 франков.

— Подкупив их деньгами, украденными у правительства?..

— Да, именно подкупив их,— промолвил негодяй с обезоруживающей откровенностью.

Эта скотина принимает нас за настоящих грабителей, и в его тоне слышится неуловимое презрение к неудачливым жуликам. Это уж слишком! Если наш арест — ошибка, то скажите, пожалуйста, где, когда и как это кончится.

Жюльен, знающий нравы этой страны, считает, что нас хотят шантажировать: запугать, а затем заставить отвалить кругленькую сумму.

— Что же делать?

— Тебе сказал начальник полиции: подкупить судей и, заплатив им, уехать,— произнес Жюльен с неподражаемым хладнокровием.— Наше сегодняшнее положение — всего лишь одна из превратностей пути. Что-то вроде морской болезни.

Я не нашел слов, чтобы ответить на такой веский довод.

25 июня. Венты, поселки и города сменяют друг друга, мы двигаемся вперед. До Гвадалахары ничего интересного.

Мне бы хотелось задержаться на несколько часов в этом великолепном городе, насчитывающем девяносто пять тысяч жителей. Здесь впервые после Сан-Франциско ощущаешь присутствие промышленности, искусства, прогресса, цивилизации, наконец! Но — ужас! — нас буквально тащат, не давая ни с кем даже словом перекинуться.

Предположения Жюльена сменились уверенностью. Теперь он доказывает, что чиновники сознательно притворяются, обвиняя нас в воровстве, чтобы с нас побольше содрать и продержать в тюрьме, пока мы все не заплатим.

Похоже, такое еще встречается в Мексике.

26 июня. От Гвадалахары до Гуанахуато — около двухсот двадцати километров. Мы пересекли гористую местность, при виде которой пейзажисты лопнули бы от зависти, и поднимались на такие утесы, что нам позавидовали бы заядлые альпинисты. У меня же красоты, увиденные в оконца нашей клетке на колесах, вызвали лишь досаду. Как бы хотел я полюбоваться ими на свободе!..

Вперед! И, дребезжа, наша колымага продолжает свой путь. О, я так мечтаю увидеть, как развалится она на куски!

Как и Гвадалахара, Гуанахуато с его шестьюдесятью тремя тысячами жителей быстро промелькнул мимо, так

и не позволив нам познакомиться с ним поближе. А между тем город этот знаменит своими рудниками Ката, Сечо, Мельядо, Рейас, Вента-Мадре и Валенсиана *.

Ландшафт великолепен, дома хороши, памятники впечатляют, а комфортабельные гостиницы так и манят задержаться здесь, нас же заставляют бежать, словно жуликов!

Я начинаю приходить в отчаяние.

27 июня. Полдень. Мы прибыли в Керетаро — город с пятьюдесятью тысячами жителей, расположенный в великолепной долине и окруженный кокетливыми садами, роскошными плантациями и акведуком. Вид его воскрешает во мне воспоминание о Марли.

И тут же, словно молния, мой мозг пронизывает еще одно воспоминание, но уже мрачное. Сегодня исполняется двенадцать лет и двенадцать дней с того дня, когда трое мужчин, стоя рука об руку под палящим солнцем в придорожной пыли, там, где проезжаем мы сейчас, бесстрашно смотрели на выстроившийся перед ними взвод мексиканских солдат. Тот, кто был в середине, уверенным голосом сам подал солдатам команду. Раздались выстрелы, и все трое с пулями в сердце упали на землю. Эти трое, кого судьба свела вместе в последнюю минуту их жизни, были генерал Мехия, генерал Мирамон и император Мексики Максимилиан Австрийский **. Если первые завоеватели Мексики были жестоки к несчастным ацтекам, то какой страшный реванш взяли потомки Куатемока *** над праправнуками Карла V! ****»,

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар приводит следующие сведения: «С 1827 по 1855 год в рудниках Гуанахуато добыто драгоценных металлов общей стоимостью шестьсот миллионов франков. В 1875 году в Гуанахуато отчеканено 1620 тысяч золотых и 23 130 тысяч серебряных франков».

** Максимилиан Австрийский (Максимилиан I Габсбург; 1832—1867) — австрийский эрцгерцог, в 1864 году в ходе начавшейся в 1861 году англо-франко-испанской интервенции в Мексику провозглашен мексиканским императором, хотя его власть распространялась лишь на районы, оккупированные французскими войсками. После эвакуации французских войск из Мексики в 1867 году взят в плен и казнен.

*** Куатемок (родился между 1494 и 1502 — умер 1525) — верховный правитель ацтеков в 1520 — 1521 годах, руководитель вооруженной борьбы против испанских завоевателей, национальный герой Мексики. После падения Теночтитлана (современный Мехико) был захвачен испанцами в плен, подвергнут жестоким пыткам и впоследствии казнен.

**** Карл V (1500—1558) — испанский король в 1515 — 1556 годах. В годы его правления произошло завоевание Мексики Испанией.

Разбитые, в синяках, одуревшие от жуткой тряски дилижанса, измученные подобной ежедневной гимнастикой, со взвинченными нервами от постоянного пребывания под замком, оба друга забылись беспокойным сном именно тогда, когда их карета въезжала в Мехико.

Это было 29 июня. Путешественники проснулись от шума, производимого их тюрьмой на колесах, катившей по городской брусчатке. Лениво потянувшись, они окинули рассеянным взором кривые улочки, где суетилась пестрая толпа. Наконец дилижанс остановился, смолк стук копыт коней охранников, и дверца отворилась.

Жак и Жюльен, ссутулившиеся и несколько помятые, ступили на землю перед красивым зданием с монументальным крыльцом, над которым развевался трехцветный флаг.

— Французская миссия! — взволнованно произнес Жюльен при виде национального флага.

Офицер, командовавший конным отрядом, спешил. То же сделали еще четверо конвоиров. Все пятеро, без оружия, вошли в миссию осуществить передачу узников представителю их страны.

Надлежащая процедура была выполнена в присутствии младших чиновников, оформивших документы по всей форме. Потом солдаты с начальником удалились, убежденные, что они только что стали спасителями отечества.

Формальности заняли несколько минут, и Жак, как и его друг, уже задавал себе вопрос, что же будет дальше, когда лакей в ливрее почтительно попросил их пройти к первому секретарю миссии, исполнявшему в отсутствие министра его обязанности.

Следуя за лакеем, они миновали анфиладу * роскошно обставленных комнат и наконец остановились перед приоткрытой дверью.

— Граф де Клене!.. Господин Арно! — объявил служитель.

Жюльен вошел первым и остановился, изумленный, услышав, как дружеский голос обратился к нему с малоуместным в таком месте приветствием:

— Привет, узник!.. Как дела?.. А вот и ты, Жак, наш закоренелый домосед!.. Похоже, твоя первая вылазка пошла тебе на пользу!..

* Анфилада — буквально: ряд предметов, расположенных по прямой линии; анфилада комнат — ряд комнат, сообщающихся друг с другом дверьми, которые расположены по одной оси.

— Анри!.. Анри де Шатенуа!.. Наш бывший однокашник!.. Здесь!..

— Первый секретарь французской миссии в Мексике к вашим услугам, за отсутствием патрона!..

— А я думал, что ты пребываешь где-нибудь в Голландии или Швеции. Мы так редко виделись после окончания коллежа Святой Варвары!

— Я здесь уже шесть месяцев...

— Таким образом, наш арест и пробег через Мексику...

— Дело моих рук.

— Ты получил мою телеграмму...

— Черт побери, такую изрезанную и искромсанную, что только твое имя и имя Жака остались в ней без изменения!.. К тому же в официальном докладе алькальда и коррехидора вас выставили опасными бандитами, способными на любое преступление. Понимая, что они вольно или невольно совершили ошибку, я сделал вид, что готов полностью выполнить их требования.

— Нас хотели шантажировать, не так ли?

— Именно так... Зная, что лучшее средство обеспечить вашу безопасность — это вытащить вас из когтей местного правосудия, для которого не существует невиновных без денег и которое может вершиться годами, я решил арестовать вас сам как представитель Франции. Я предупредил об этом двух мексиканских министров, внутренних и иностранных дел. С помощью этих сообразительных людей я превратил вас в государственных преступников.

— Кажется, до меня начинает доходить...

— Все очень просто. Государственные преступники пользуются здесь большим уважением, иногда даже большим, нежели некоторые высокопоставленные чиновники, поскольку в зависимости от политического барометра они могут неожиданно оказаться на коне. Чиновники на местах отвечают не только за безопасность государственных преступников, но и за посягательство на их имущество, и посему делают все от них зависящее, чтобы обеспечить узникам максимум удобств. Надеюсь, с вами тоже хорошо обращались?

— Нас даже смущало оказываемое нам внимание.

— Тогда все отлично!.. Незачем говорить, что вы свободны как ветер: комедия окончена! Вы — мои гости до тех пор, пока вам будет угодно оставаться в Мехико. Договорились? У нас здесь много мест, достойных обозрения.

— Чудесно! — в один голос воскликнули друзья.

— К тому же,— продолжал дипломат,— если я верно понял содержание вашей телеграммы, вы решили добраться из Франции в Бразилию по суше, ни разу не ступив на борт корабля. В Бразилии же Жака ожидает наследство. Я прав или ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься.

— Тем лучше: вот еще одна причина, чтобы отдохнуть здесь как следует. Ваши апартаменты готовы. Поскорее вступайте во владение ими, ибо я сгораю от нетерпения послушать интереснейший рассказ о путешествии из Парижа в Бразилию по суше.

Конец второй части

Часть третья

ПО ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

ГЛАВА 1

Таинственное оживление на панамском вокзале «Трансконтинентальный». — Шхуна капитана Боба. — Крейсер. — Перспектива быть повешенным. — Четыре тысячи ремингтоновских винтовок с двумя миллионами патронов к ним. — Ночное отплытие. — Курс на юг. — Под всеми парусами. — Ловкость и везение капитана Боба. — Появление военного судна. — Луч прожектора. — Коварный костер. — Невольные виновники кораблекрушения. — Полковник Батлер. — Изумление французов.

Вдали послышалось что-то похожее на дует колокола и свистка, сопровождаемый глухим скрежещущим звуком. А затем раздался грохот, словно столкнули откуда-то груды железа.

Шум все нарастал: громче звучал колокол, пронзительнее заливался звонок, а чугунные рельсы громыхали, словно пушки. И вдруг все смолкло. Наступила тишина, столь неожиданная после такого крещендо *.

Локомотив меж океанического поезда «Колон ** — Панама ***» вкатил, окутанный плотным облаком пара, под крышу вокзала «Континентальный», отделенного портовыми сооружениями от бескрайнего пространства, именуемого Великим, или Тихим, океаном, и через несколько секунд, тяжело пыхтя, замер. Но отдохнуть ему не удалось: это истинное творение американского духа, с призе-

* Крещендо — здесь: возрастающий, усиливающийся звук.

** Колон — здесь: портовый город в Панаме, на берегу Карибского моря, у входа в Панамский канал.

*** Панама — здесь: портовый город и столица государства Панама, расположена у тихоокеанского входа в Панамский канал.

мистой трубой, смахивающей на большой мушкетон*, и с похожим на гигантский лемех специальным устройством, установленным впереди паровоза для сбрасывания с пути случайно забредших на железнодорожное полотно животных, было тотчас отцеплено от головного вагона. Два негра атлетического сложения, вдвойне черные из-за густого слоя угольных частиц, покрывавших их блестящую от пота кожу, стоя голыми ногами на горячем полу и не обращая внимания на адскую жару, медленно повели вперед машину, которая, будто умный мастодонт**, беспрекословно повиновалась своим вожатым. Стрелку перевели один раз — и локомотив перешел на соседний путь, перевели во второй раз — и он вернулся на прежнюю колею. Затем паровоз, найдя свой поезд, подкрался к нему сзади и, подсоединившись к хвостовому вагону, начал тихонько подталкивать состав к берегу, у кромки которого только что прокатилась огромная волна, пробежавшая без передышки целых четыре тысячи лье — через весь океан, от самого Китая.

Всего четыре часа тому назад в Колон прибыли одновременно два скорых парохода — из Франции и из Соединенных Штатов. И тотчас же доставленные ими телеграммы и письма в Мексику, Гватемалу, Коста-Рику, Никарагуа, Западную Колумбию, Эквадор, Перу, Бразилию и Чили были погружены в три вагона специального, подготовленного заранее поезда, который сразу же, как только ему подали локомотив, помчал в Панаму, где вся эта объемистая корреспонденция, заблаговременно упакованная в опечатанные мешки, должна была снова попасть в руки почтовых работников для дальнейшей транспортировки на судах, отправлявшихся в указанные выше страны.

У сходней уже покачивались на волнах увенчанные национальными флагами шлюпки, спущенные с пароходов, выстроившихся в открытом море в длинный ряд. Операция по перегрузке мешков в лодки совершалась необычайно медленно с раздражающей стороннего наблюдателя леностью, присущей обитателям жарких стран, где каждый, в том числе и европеец после довольно долгого пребывания под солнцем, невольно вынужден, что бы он

* Мушкетон — старинное ружье с дулом, сделанным для более широкого разбрасывания картечи в форме раструба.

** Мастодонт — огромное ископаемое хоботное млекопитающее, внешне сходное со слоном.

ни делал, приспособливаться к неспешному ритму, прозванному «колониальным шагом»: изнуряющая жара тропиков расслабляет самый стойкий организм, размягчает самые твердые мускулы. Пассажиры из северных широт, ошалеv от зноя, находились в некоем полусонном состоянии и даже не пытались возмущаться носильщиками-копушами.

Зато персоналом панамского железнодорожного вокзала овладел какой-то странный зуд. Каждый занял свой пост, причем — вещь невероятная — не было видно ни пьяных, ни опоздавших.

Благодаря отличной организации три почтовых вагона разгрузили буквально за считанные минуты, а их содержимое доставили на пристань, так что на долю носильщиков и матросов пришлось не так уж много работы.

Представитель железнодорожной компании, обслуживавшей линию «Центральная Америка — Панама», и его коллега из «Северной тихоокеанской транспортной компании», всецело занятые своими заботами, и думать позабыли о неприятных вещах, которые наговорили они сгоряча своему конкуренту — агенту немецкой пароходной компании «Космос». Начальник вокзала и его служащие, как крупные, так и мелкие, трудились столь самозабвенно, словно поставили своей целью поскорее отделаться от публики. Каждый выполнял свою работу исключительно споро, к огромному удовольствию пассажиров и получателей товаров, только что доставленных по железной дороге через Панамский перешеек в Панаму.

Когда обслуживающий персонал в полном составе остался один на один с длинной вереницей товарных вагонов, запертых и тщательно укрытых брезентом, пропитанным гудроном, из пассажирского вагона выскочил, словно черт из коробочки, некий субъект, доселе невидимый.

— Итак, мы одни, не правда ли? — спросил он по-английски начальника эксплуатационной службы.

— Да, сэр, — коротко ответил тот.

— Двери вокзала затворены?

— Конечно! Вы же сами слышали, как щелкнули задвижки и замки!

— Ясно. А на людей ваших можно положиться?

— Вне сомнения, если им хорошо платят.

— Вам известно, я не торгуюсь.

— Йес...

— А никому не покажется странным, что вагоны стоят на отдельном пути, у самой пристани?.. Что вокзальное

помещение закрыто?.. И что люди заняты какой-то таинственной работой?.. И к тому же у платформ, обычно всегда открытых для пассажиров?..

— Все может быть. Но у нас не имелось иного выхода: есть приказ губернатора Панамской провинции, строго-настрого запрещающий провоз подобного груза... Да и консулы из разных там государств бдительно следят за такими вещами...

— Консулы?! У представителей европейских стран в эти часы сиеста, и, кроме того, до завтра они будут погружены в чтение только что прибывшей почты. А отсюда следует, что им пока не до нашего... предприятия. И нет нужды говорить вам о позиции Америки: ее невмешательство гарантировано. Чилийский же консул — единственный, кто может протестовать против отправки из Панама подобного «багажа», — прикован к постели то ли из-за простуды, то ли еще из-за какой-то болезни.

— Ол райт!

— Вот тысяча долларов золотом для ваших людей. И столько же они получают после погрузки. Кроме того, еще даю две тысячи долларов — для начальства.

— Спасибо. Не хотите ли проверить пломбы на вагонах, поставленные в Колоне?

— Нет, не нужно.

Во время этого короткого диалога на хорошенькой шхуне, стоявшей метрах в ста от пристани, подняли брашпиль * якорь, после чего судно не спеша развернуло и с помощью лебедки подтянуло к пристани, возвышавшейся над палубой метра на три. И тотчас же откуда-то из трюма послышался хриплый голос, вырвавшийся из зиявшего внизу люка и бесцеремонно прервавший диалог:

— Черт меня побери, да и вас тоже! Раскаркались, словно вороны, вместо того чтобы заниматься делом! Лодыри, каких свет еще не видывал!

— Это наш славный капитан Боб волнуется, и не зря, — заметил с улыбкой незнакомец и, подойдя к краю набережной, посмотрел вниз, на корму шхуны. — Порядок, дружище! Все идет как надо!

В ответ снова раздалось недовольное ворчание, и вслед за тем из люка вынырнула рыжая голова и показались грубая физиономия и лохматая борода. Потом высунулись плечи и бизоний торс, крепко державшийся на

* Брашпиль — ручная, паровая или электрическая лебедка для выбирания якоря на судне.

двух огромных ногах, под которыми прогнулись доски спардека *.

Гигант, которому принадлежали указанные выше части тела, поднялся на планшир **, так что его отделяло от собеседника, стоявшего на краю пристани, не более шестидесяти сантиметров.

— Здравствуйте, Боб!.. Ворчите, как всегда?

— Здравствуйте, Сайрус! Да, вы правы: ворчу — пользуясь последними мгновениями, отпущенными мне, чтобы насладиться подобным приятным времяпрепровождением.

— Что вы хотите этим сказать?

— Возможно, мне недолго уже осталось ворчать.

— Что так?

— Не исключено, что завтра меня возьмут и повесят.

Незнакомец, как ни владел собой, невольно вздрогнул.

— Вы всерьез? — проговорил он несколько изменившимся голосом.

— Да, и настолько всерьез, что я с радостью отказался бы от нашей сделки, если бы вы смогли подыскать себе какое-нибудь другое суденышко.

— Но это невозможно!

— Я так и думал.

— Перуанцы не могут ждать. Хотя, скажу откровенно, я тревожусь за судьбу сына моего отца: кто знает, не кончится ли для меня сия затея джигой *** при свете факелов из стеблей конопли?

— Опасное наше ремесло, особенно сейчас, мистер Сайрус!

— А что вы хотите, славный мой Боб? Ничего не дается даром. Наши же доходы находятся в прямой зависимости от наших аппетитов, отсюда и опасности, которым мы подвергаемся. Только чего вы так боитесь в данный момент?

— Вот уже в течение трех дней в двенадцати — пятнадцати милях от Панамы маячит в открытом море большой корабль, чтоб ему худо было! Он шастает туда-сюда в виду порта, словно часовой, делающий по сто шагов взад и вперед. Судно даже ненадолго не покидает своего поста и, ни на что не отвлекаясь, бдительно наблюдает за городом.

* Спардек — здесь: палуба в средней части судна.

** Планшир — брус, проходящий по верхнему краю борта у шлюпок и судов.

*** Джига — английский национальный танец.

— И даже ночью?

— Ночью — особенно. По крайней мере, один раз в час корабль в течение нескольких минут мощным пучком электрического света озаряет рейд, да так ярко, что кажется, будто наступил день. Короче, в этом случае ускользнуть из поля его зрения не удастся никому, ибо луч прожектора рыщет, как акула.

— Да, но я слышал про вашу шхуну, что она здесь — одно из самых быстрых торговых судов...

— Дорогой Сайрус, это настоящая чушь!

— Вы просто трусите.

— Если хотите знать, моя пресловутая шхуна — крохотное суденышко, которое в любой момент может при резком ветре перевернуться вверх тормашками, — всего-навсего калоша рядом с этим чертовым кораблем!

— Как жаль, что у нас нет сейчас тех быстроходных катеров, коими мы располагали во время предыдущей войны!

— Да, тогда мы имели в каждой топке по тонне жидкого топлива и спокойно проходили со своим грузом где хотели: с берега видна была лишь шапка механика. И всегда доставляли оружие в срок...

— Да спасет нас Бог!

— Да спасет нас Бог! — торжественно повторил капитан Боб. — Право же, неприятно думать о том, что мною могут заменить на главной мачте этого судна сигнальный флажок. Даже шея начинает болеть, как представляю себе веревку с петлей на конце. — Затем он крикнул матросам: — Эй вы, там, пошевеливайтесь, черт вас подери! Не забывайте: вас ждет двойная плата, двойная порция табаку и виски, а посему и работать вы должны каждый за двоих в преддверии вечной жизни! — Убедившись, что команда бурно отреагировала на сей призыв, капитан снова повернулся к своему собеседнику: — Еще одно слово, Сайрус: что за груз вы везете на этот раз?

— Четыре тысячи ремингтоновских винтовок и два миллиона патронов к ним.

— И сколько же весит все это?..

— Ружья со штыками, чехлы, упаковка, итого — сорок тысяч килограммов...

— То есть сорок тонн.

— Да, двести ящиков по двести килограммов.

— Так... Но это — не считая боеприпасов...

— Два миллиона патронов, по тридцать граммов каждый... Следовательно, если я не ошибаюсь, надо прибавить еще шестьдесят тысяч килограммов.

— То есть шестьдесят тонн... В общем, не так уж и много: я ожидал вдвое больше. Поскольку товара на моем судне — лишь каких-то сто бочонков, то даже с вашим грузом оно не оседет более чем на два метра, и я смогу идти спокойно вдоль берега, не опасаясь сесть на мель.

— Стоп! — живо прервал капитана человек, которого Боб величал Сайрусом. — Речь идет не о том, чтобы не сесть на мель, а о том, чтобы добраться до места назначения. Снаряжение стоит более пятисот пятидесяти тысяч франков, включая расходы, связанные с транспортировкой, а также с реверансами * в сторону местных властей и персонала вокзала. И не забывайте также, что вы рискуете половиной указанной суммы: ведь мы — совладельцы этого груза.

— Лично я рискую в первую очередь своей шкурой, которой привык дорожить.

— Капитан Боб, вы, старый морской волк, — не единственный, кто рискует своей шкурой, ибо я отправляюсь вместе с вами.

— Да ну!.. Браво, Сайрус! Вы не моряк, пусть так, но, черт побери, вам в смелости не откажешь!

— Я разделю с вами все опасности, и это самое меньшее, на что я способен. Когда вы рассчитываете отчалить?

— Глядя на то, как стараются эти молодцы, я полагаю, что погрузку закончат часа через четыре. Тогда и поднимем паруса.

— Но к тому времени почти совсем стемнеет!

— Ну и что? Речь-то идет всего-навсего о том, чтобы следовать вдоль берега.

— А вы хоть знаете его?

— Знаю, и неплохо. Мог бы тут лоцманом работать.

— А как с крейсером?

— Его осадка не позволит ему преследовать нас на мелководье.

— А если он начнет палить по нам из пушек?

— Я надеюсь улизнуть от него под покровом ночи.

— Ну а вдруг он все-таки откроет стрельбу?

— Тогда, значит, настал наш час! А в общем, Сайрус, вы мне надоели. Вернитесь к вагонам, а я спущусь в трюм — проверю, как там. Нужно равномернее распределить груз, чтобы обеспечить ровную осадку и соответственно максимальную скорость судна.

* Реверанс — почтительный поклон с приседанием; в данном случае Сайрус под словом «реверанс» подразумевает взятки.

В вагонах и на путях, на пристани и на шхуне железнодорожные служащие и матросы трудились, не щадя сил. Скрежетали фалы *, фырчали блоки, стонали стропы.

Ящики с ружьями, длинные и узкие, как гробы, проплыв по воздуху, медленно опускались в трюм. Затем появились ящики с патронами — тяжелые, кургузые, из толстых досок. Черные — портовые рабочие — толкали их так грубо, что они, казалось, взорвутся, что было бы, прямо скажем, ни к чему.

Внезапно, как это бывает в тропиках, на землю опустилась ночь. Но работать на пристани продолжали — при свете факелов и с тем азартом, с каким вообще трудятся негры, если только они вошли во вкус, а не отлынивают от дела.

Ровно в восемь погрузка, начавшаяся в четыре часа пополудни, была окончена. Люки задраили **, паруса подняли, и шхуна в любой момент могла выйти в море.

Публику снова впустили на платформы у тех путей, где только что царило таинственное оживление. Жизнь вошла в привычную колею, и никто из посторонних ни за что не догадался бы о только что кипевшей здесь напряженной работе, от которой у служащих вокзала «Трансконтинентальный» ломило все тело.

Сайрус и капитан Боб то и дело во время погрузки со страхом поглядывали на горизонт, но военного судна — слава Богу! — не было видно. И, что казалось еще более удивительным, с наступлением темноты не вступил в действие корабельный прожектор, обшаривавший до этого водную поверхность все ночи подряд. Данное обстоятельство вызывало у капитана недоумение и глубоко его встревожило. Однако, ничем не выдав своего волнения, он спокойно встал за штурвал, развернул шхуну в нужном направлении, так, чтобы легкий ветерок, веявший, к счастью, с северо-востока, надул ее паруса, и уверенно вывел судно из гавани, позаботившись предварительно, чтобы на судне вопреки предписанию не горело ни одного фонаря.

Легкий кораблик, покорно повинувшись опытной руке, решительно вышел в море, чтобы поймать там ветер посильнее, словно был большекрылой птицей, которой

* Фал — веревка (снасть), при помощи которой поднимают на судах паруса, реи (поперечная балка у мачты, к которой подвешивается верхней кромкой прямой парус) и прочие приспособления и снаряжение.

** Задраить — закрыть.

требуется дуновение воздуха, чтобы взлететь ввысь. Но, отойдя от берега всего на пять-шесть кабельтовых *, он повернулся к нему бортом, подставив паруса под воздушный поток, текущий с севера на юг вдоль Южной Америки, от Панамы до Чилоэ на юге Чили.

Капитан повел свое судно вдоль берега по двум причинам. Во-первых, он старался избежать морского течения, шедшего с юга на север, ибо оно насильно увлекло бы шхуну в открытое море и значительно снизило бы ее скорость. И во-вторых, старый морской волк твердо решил держаться берегов из-за страха перед крейсером, чье отсутствие преисполняло его душу тяжелыми предчувствиями. Подобно тому как браконьеры и контрабандисты интуитивно ощущают присутствие жандарма и таможенника, Боб, немало провернувший на своем веку сомнительных дел, нутром угадывал присутствие поблизости военного корабля.

Несмотря на незначительное расстояние от берега, капитан лихо вел во мраке ночи шхуну, шедшую на раздутых парусах, проявляя бесшабашность истинного американца, которого, увы, ничему не учит даже его собственный опыт.

Судно, небольшое, словно ореховая скорлупа, маневрировало с удивительной ловкостью. Палуба накренилась порой более чем на тридцать пять градусов, рей едва не касались волны. Шхуна, будто чудовищных размеров морская птица, стремительно летела вперед под белыми, туго натянутыми парусами, то грудью врезаясь в бежавшие навстречу водяные валы, то соскальзывая в образовавшиеся между ними глубокие впадины.

Такая скорость в подобный час и в прибрежной полосе далеко не безопасна. К тому же при слишком большой площади парусов, как это имело место в данном случае, внезапный порыв ветра может оказаться фатальным для судна, ибо, не успей команда убрать вовремя паруса, и корабль перевернет. Но безрассудных американцев мало волнуют такие вещи. Шхуна капитана Боба была оснащена бушпритом ** и двумя изящно отклоненными чуть назад мачтами, к которым крепились два огромных широких прямоугольных и столько же узких треугольных

* Кабельтов — здесь: морская мера длины, равная 185,2 метра.

** Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выставленный с носа корабля (у парусных судов); служит для вынесения вперед носовых парусов и для улучшения маневренных качеств судна.

парусов, а также кливер *. Со всем этим хозяйством вполне справлялись пять человек.

Подобные суда иногда превосходят по скорости даже трехмачтовые, однако управление ими требует не только ловкости, но и везения. Капитан Боб оказался и ловким и везучим: шхуна, чьему скоростному бегу не помешала даже густая темень, из-за которой легко можно было врезаться в берег, неслась по заданному курсу всю ночь, сохраняя неизменной внушительную скорость в девять с половиной узлов, или восемнадцать километров в час, а когда занялся день, она уже входила в спокойную пустынную бухту Кокалита, расположенную на колумбийском берегу на 7°20' северной широты, где и бросила якорь.

Капитан решил пробыть там весь день и вновь пуститься в путь лишь с наступлением мрака: он надеялся таким образом проскользнуть незамеченным мимо крейсера.

Шхуна вышла из бухты глубокой ночью и, так же весело покачиваясь на волнах, как и при выходе из панамской гавани, понеслась на всех парусах во тьму.

Американец, вместо того чтобы соблюсти осторожность, как сделал он накануне, решил воспользоваться благоприятным ветром, и в тот миг, когда по прошествии дневного времени суток солнце исчезло за горизонтом, старый Боб узнал по далеко уходящему в море мысу остров Горгон **.

Поскольку судно, покинув Панаму, прошло более шестисот километров, капитан Боб имел все основания полагать, что теперь он находится в безопасности. Да и зачем, черт возьми, военному кораблю охотиться в ночной мгле за какой-то ореховой скорлупкой?

Морской волк, этот достойнейший человек, был в великолепном расположении духа и, чтобы как-то выразить свою радость, решил угостить экипаж отменным грогом, что матросы приветствовали громким «ура».

Маленький праздник начался с песен и веселых криков и продолжался крещендо под громогласные вопли виртуозов вокала до девяти часов, ибо именно в это время из глотки капитана, переставшего на время ворчать и умиро-

* Кливер — косой треугольный парус, который ставится впереди фок-мачты, или передней мачты, на судне.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что этот остров «лежит на третьей параллели, примерно в двенадцати милях от колумбийского берега».

творенно потиравшего руки в уверенности, что все прекрасно в этом лучшем из миров, внезапно вырвалось хриплое проклятие. Вдали, в открытом море, прошелся по высоким волнам нестерпимо яркий луч света, устремившийся далеко вперед, вплоть до шхуны.

— Чертов кашалот!

— Неужто крейсер? — спросил Сайрус, прилегший на кушетку.

— Да!.. И он видит нас как днем, чума на его голову!

— Вы так полагаете?

— Да, дьявол нас возьми! Мы попали в этот чертов электрический луч, как в хвост кометы!

— К счастью, корабль не сможет подойти к нам, не сев на мель.

— Но в голову его капитана может прийти фантазия потопить нас! Ведь судовые орудия заряжены не арбузами.

— Однако крейсер, по крайней мере, в четырех милях от нас.

— Ну и что? У него дьявольски сильная артиллерия.

— Откуда вам это известно?

— Этот корабль — не иначе как «Котран», один из наиболее грозных чилийских броненосцев... Гляньте-ка, он так уверен, что расправится с нами завтра днем, что спокойно тушит свои огни, подобно доброму буржуа, отправляющемуся почивать! Он даже не удостоил нас ни единым пушечным выстрелом.

— Ну и что же теперь с нами станет?

— Как что?.. Нас повесят, а судно с грузом конфискуют.

— Я бы предпочел поджечь два бочонка с виски в трюме, дать разгореться хорошему пожару и затем бросить шхуну на металлическое чудовище, чтобы взлететь на воздух вместе с ним.

— Командир корабля — не дурак, он не даст нам подойти близко.

— В общем, рассчитывать на спасение нечего...

— Если только нас не выбросит волной на берег.

— А это крах...

— Нашего предприятия. Конечно, мы при этом понесем значительные материальные потери, но зато спасем свои шкуры.

— О, великолепно!

— Что такое?

— Возможно, нас не повесят и не разорят! Видите

красноватый свет вон там, по левому борту, со стороны берега?

— Смутно: у меня в глазах все еще мельтешит после электрического света.

— Или я глубоко ошибаюсь, или это огонь у входа в бухту Бурро. Только едва ли он, вспыхивая на рейде лишь время от времени, сможет помочь нам войти в нее.

— Мы были бы там в безопасности: по такому мелко-воду крейсеру здесь не пройти. Немедленно беру курс на свет!

— А если крейсер обстреляет нас завтра днем?

— Бурро, расположенный в дельте реки Искуанда, напротив города того же названия,— колумбийская деревня. У Чили слишком много хлопот с Перу, чтобы еще создавать трудности в отношениях с Колумбией.

— Но с корабля могут спустить одну и даже несколько шлюпок, и нас арестуют.

— У меня на шхуне несколько мин и два скафандра, так что их шлюпки сразу же взлетят на воздух!

— У вас на все есть ответ! А потому поступайте, как сочтете нужным...

Капитан, взявшийся за штурвал с начала этого диалога, погрузился в молчание, которое и хранил примерно в течение получаса, сосредоточив внимание на управлении судном, направлявшимся прямо на берег.

Свет по мере приближения к нему шхуны становился все ярче. Капитан никак не мог взять в толк, куда подевался вход в бухту, и уже собирался было изменить курс, как вдруг на носу судна раздался треск. Корабль, подхваченный неслыханной силой порывом ветра, повернулся вокруг своей оси, несмотря на отчаянное сопротивление, оказанное этому маневру парусами и рулем, и врезался в скалу, слегка приподнятую над водой.

В ответ на вопли ужаса, вырвавшиеся из глоток членов экипажа, послышались крики с берега, оказавшегося всего лишь в нескольких десятках метров от судна.

Несколько человек, сидевших вокруг костра, разожженного на небольшом возвышении, находившемся от воды в каких-то двухстах метрах, устремились на помощь потерпевшим кораблекрушение, размахивая головешками, чтобы осветить себе путь.

Капитан Боб выл, рычал, рвал на себе волосы:

— Да обрушится кара небесная на головы этих несчастных, которые развели тут огонь! Ведь это из-за них я решил, что передо мной Бурро, и в результате разбил

корабль!.. Я разорву их на куски!.. Ко мне, матросы!.. Ко мне!..

Незнакомцы, невольно ставшие причиной катастрофы, поспешили предложить свои услуги незадачливым мореплавателям, изумляясь, почему орут на них моряки, устремившиеся с пропоротой скалой шхуны на твердую землю, и отчего столь угрожающе их позы и жесты.

Свет от головешек, заменивших факелы, позволил, словно в дневное время суток, различить на лицах пришедших на помощь людей выражение сочувствия.

Внезапно партнер капитана издал громкий, заглушивший все остальные голоса крик:

— Гром и молния!.. Мои французы: и граф де Клене, и друг его Жак Арно!..

— Полковник Батлер! — воскликнули изумленно французы.

— Ах, черт побери, наконец-то я нашел вас!.. И при каких обстоятельствах! Мы здесь не в «Палас-отеле», так что, поверьте мне, памятуя многие ваши поступки, не хотел бы я очутиться в вашей шкуре!..

ГЛАВА 2

*Одиссея * полковника Батлера.— Лютая ненависть.— Намерение капитана Боба ограбить богатых пленников.— Арифметика пиратов.— Возмещение убытков сторичей.— Развлечение Жюльена.— Характер местных властей.— Задумка морского волка.— Таинственный страж.— Дверь в каменной толще.— Страшная месть.— В лепрозории! ***

Прирожденный спекулянт, отчаянный честолобец и любитель строить воздушные замки, полковник Батлер, этот истинный янки, не знал по-настоящему, что такое ненависть, пока судьба не столкнула его с Жаком Арно и Жюльеном де Клене. Ибо чувство это недоступно человеку очень занятому, не имеющему возможности расходовать на следование эмоциям и свое драгоценное время, и силы. Но невероятное оскорбление, нанесенное наглому американцу Жаком в прихожей снятого французами номера в «Палас-отеле», отказ только что означенного лица от

* Одиссея — здесь: богатые приключениями скитания.

** Лепрозорий — лечебное учреждение для больных проказой.

дуэли, использованный противоположной партией на выборах как аргумент против кандидатуры месье Уэллса, последовавшая вслед за тем вспышка ярости, поддавшись коей полковник совершил преступление и в результате был вынужден бежать,— все это споспешествовало тому, чтобы в душе презренного авантюриста проросли семена чувства, доселе практически ему неизвестного.

Оскорбленный до глубины души, Сайрус Батлер, однако, скорее всего проглотил бы обиду, если бы его прожекты, касавшиеся месье Уэллса, удались, так как для таких людей нет ничего выше удачи. Совесть у них всегда в покое, и, когда цель достигнута, им остается только воспользоваться плодами победы — вещь обычная, особенно в Америке, где все продается.

Но полное крушение всех радужных планов, вследствие чего полковнику приходилось начинать жизнь сначала, причем в том возрасте, когда человек уже не без тревоги оглядывается на пройденный путь, родило в нем всепоглощающую, холодную, цепко ухватившуюся за него ненависть по отношению к тем, кого он считал виновниками постигших его неудач. Провал тщеславных и алчных замыслов, беспрестанно терзавших его, и не занятый ничем дельным мозг превратили Батлера в жертву ненависти, которая вскоре заменила, а точнее поглотила, все остальное. И с тех пор неукротимым янки владела лишь одна мысль: разбогатеть любой ценой и как можно скорее, чтобы расправиться со своими врагами жестоко и своеобразным образом, с некоей американской спецификой.

Можно сказать, начал он удачно. Зная о намерении двух друзей добраться до Бразилии по суше и о их планах доехать до Аризоны-Сити на поезде, а потом пересечь Мексику по грунтовым и шоссейным дорогам, он выехал из Сан-Франциско двенадцатью часами раньше, чем они, завербовал в Аризоне-Сити нескольких мошенников, соблазненных щедрым вознаграждением, и с их помощью устроил засаду двум путешественникам неподалеку от венты Карбокеня, у мексиканского городка Алтар. И все это для того, чтобы взять их живыми, подвергнуть жесточайшим, изощренным пыткам, заимствованным у краснокожих, истязателей по своему духу, и взыскать со своих недругов огромный выкуп, перед тем как предать их мучительной смерти. Известно, что этот дерзкий план едва не удался негодяю.

Неудача с засадой не только не обескуражила искателя приключений, но послужила ему новым стимулом для

преследования французов. Понимая, однако, что торопиться не стоит, если он не желает навредить себе, и будучи твердо уверен в том, что в нужное время и в нужном месте непременно разыщет двух друзей, полковник решил отказаться пока от новых попыток настигнуть своих обидчиков и, повинувшись лишь одному из тех импульсов, которым трудно противостоять, отправился без определенной цели в Гвиану*, где и повстречался с капитаном Бобом, старым приятелем, с которым совсем еще недавно беспутничал и прокурчивал такие делишки, что только чудом избежал веревки. Морской волк промышлял в эти дни контрабандой в республиках Центральной Америки, или, как говаривал он сам, занимался каторжным трудом, едва позволявшим сводить концы с концами.

В ту пору между Чили и Перу шла война, принимавшая все большие масштабы как на суше, так и на море. Обе стороны лихорадочно вооружались, особенно Перу которая, испытывая острую нехватку оружия, закупала его где только могла и по любой цене. Оба мошенника, не имевшие за душой ни гроша, нюхом чуяли в вооруженном конфликте возможность легко и быстро поживиться. Благодаря счастливому для них случаю мошенники завязали отношения с консулом Перу в Гвиане, только что получившим от своего правительства циркуляр, предписывавший перуанским чиновникам, служившим за границей, заняться закупками военного снаряжения, и тот сразу же предложил приятелям взяться за поставки оружия в его страну, на что они, не колеблясь, ответили согласием. Консул немедленно вручил им соответствующие документы, касающиеся кредитов официальным представителям Перу в США.

У капитана Боба было уже готовое к плаванию судно вместе с экипажем. Он тут же, не мешкая, поднял паруса и, доставив полковника в Панаму, спокойно стал поджидать сообщений в гавани, в то время как Сайрус Батлер, обретя прежний азарт, добрался по железной дороге в Колон, затем первым же пароходом отправился в Новый Орлеан**, где вступил в переговоры с владельцами ору-

* В описываемый в романе период под этим названием были известны несколько стран, расположенных на северо-западе Южной Америки: Нидерландская Гвиана (с 1975 г.— независимое государство Суринам), Французская Гвиана и Британская Гвиана (с 1966 г.— независимое государство Гайана, с 1970 г.— Кооперативная Республика Гайана).

** Новый Орлеан — портовый город на юге США.

жейного завода и в конце концов заключил сделку, в которой имел свою выгоду каждый: промышленники, посредники и воюющая страна. Полковник лично сопровождал товар, сам проследил за его погрузкой в Колоне, заранее предупредил капитана Боба, чтобы тот был наготове, и, как мы уже видели, организовал доставку военного снаряжения на шхуну.

Все, казалось бы, шло как нельзя лучше, и по прошествии нескольких дней парусник с находившимся на его борту бесценным грузом, который с таким нетерпением ждали перуанские войска, проشمыгнув под носом у крейсера, вошел бы победоносно в порт Кальяо *, если бы не непредвиденное обстоятельство. Нетрудно представить себе, какая ярость овладела полковником и его приятелем, когда судно ударило о скалу, а их надежды на быстрое обогащение развеялись в пух и прах, и какие чувства охватили Сайруса Батлера, узнавшего среди невольных винювников кораблекрушения жертвы своей лютой ненависти. Матросы тотчас грубо схватили Жака и Жюльена, которые прибежали на место бедствия без оружия, и в мгновение ока крепко-накрепко связали их по рукам и ногам, лишив пленников малейшей возможности даже пошевелиться. Неожиданная встреча с заклятым врагом, повергнувшая, вполне естественно, наших друзей в изумление, и внезапное нападение на них людей, к которым, как считали французы, они поспешили на выручку, внушали злосчастным путешественникам серьезные опасения относительно их дальнейшей судьбы.

Вскоре на берегу шумной группкой появились метисы,— судя по костюмам, колумбийские погонщики мулов. Их не так давно наняли французы, продолжавшие свой путь из Парижа в Бразилию по суше.

Несчастные пленники! Жалкий их эскорт! Стоило только метисам увидеть, в каком плачевном положении оказались их хозяева, как они тотчас же повернули назад и, подбежав к костру, в один миг потушили его. В темноте послышалось фырканье разбуженных вьючных животных и стук сабо по булыжнику, а затем наступила тишина.

Жак и Жюльен, столкнувшись с такой подлостью со стороны своих спутников, только и смогли, что пожать плечами,— насколько им позволяли путы,— продолжая при этом гордо хранить молчание.

* Кальяо — город на тихоокеанском побережье Южной Америки, в районе Лимы — столицы Перу.

Два матроса подобрали горящие головешки и, стоя неподвижно, освещали мрачную сцену, участники которой обменивались дикими взглядами, предвещавшими взрыв, не заставивший долго себя ждать. Полковник, совершенно потеряв здравый смысл и не считая нужным сдерживать свои страсти, грубо поносил пленников, не жалея мерзких эпитетов, что было необычно даже для янки. Он рычал, грозил кулаком, задыхался, хрипел, потрясал револьвером и, прервав на мгновение свои вопли, чтобы набрать воздуха, продолжал затем с новой силой:

— Вонючие хорьки!.. Подонки!.. Свиньи!.. Я спущу с вас шкуру!.. Сдеру ее с ваших дрянных костей по частям!.. Я искромсаю вас на куски!.. Отдам ваши тела на съедение насекомым!.. Посмотрим тогда, чего стоит ваше высокомерное безразличие!..

Но друзья по-прежнему делали вид, что не обращают на бесновавшегося полковника ни малейшего внимания.

Капитан Боб, рассмеявшись громко и, ей-богу, непочтительно, прервал наконец отвратительную брань.

— Вы с ума сошли, Сайрус! — воскликнул великан.

— Да, я вне себя от ярости!

— Хороши же, нечего сказать! Вы же видите, джентльмены даже не замечают нашего присутствия!

— Я знаю, как развязать им язык!

— Я тоже, черт подери!

— Так почему бы нам не заняться ими всерьез прямо сейчас!

— Не спешите, приятель, прошу вас! Я знаю ваши приемы, а они не лучше моих: человек, прошедший через наши руки, годен лишь на то, чтобы бросить его на съедение акулам.

— И что же вы собираетесь сделать с этими двумя недоносками?

— Заставить их уплатить за разбитые горшки, если только это будет им по средствам. Я — человек дела, вот так! Клянусь, когда у меня на глазах пропоролось брюхо моего несчастного суденышка, я тоже пришел в ярость. Но эта ваша насмешливая меня вспышка гнева и изреченные вами глупости вернули мне хладнокровие.

— Поверьте, мне недостаточно одних их денег!

— Вы ненасытны! Я лично требую лишь, чтобы они возместили нам стоимость шкуны и груза. А потом пусть идут куда желают, хоть к самому дьяволу!

— А я не согласен! Мне этого мало!

— Черт возьми, что вам еще надо?

— Чтобы они заплатили за все своей шкурой!.. Я подвергну их пыткам!.. Выпущу из них всю кровь, каплю за каплей!.. Нарезу ремней из их кожи!.. Они испытывают все муки, какие только может выдержать живое существо, будь то животное или человек!..

— Правда, дружище,— невозмутимо продолжал капитан Боб,— джентльмены должны быть чертовски богаты, чтобы оплатить нанесенный нам ущерб.

— Но разве вы не знаете, что они утопают в роскоши... неопикуемой?! Сзобенно этот! — указал полковник пальцем на Жюльена, как никогда холодного и высокомерного.

— А чего ж вы раньше молчали? Орете, как старый вождь краснокожих, готовящий пытку своему пленнику! На кой черт? Бизнес есть бизнес, и сейчас наступило самое что ни на есть время делать деньги!

— Вот именно! И я иду прямо к цели, не отклоняясь.

— Я не спрашиваю вас, откуда вы знаете джентльменов и каким образом вам стало известно, сколько у них денег.

— И поступаете совершенно правильно: они богаты, и этого достаточно!

— Позвольте, я побеседую с ними сам: вы слишком разнервничались, чтобы вести переговоры такой важности... Послушайте, сэр,— обратился капитан Боб к Жюльену,— вы ведь согласны возместить нам убытки, которые мы понесли из-за вас?

— Прежде не мешало бы выяснить подлинную причину ваших убытков и сумму, на какую вы претендуете,— холодно ответил тот.— Нас, меня и моего друга, держат вопреки всем законам, связанными по рукам и ногам, словно мы какие-нибудь мошенники, но на угрозы нам наплевать, даже если и приведет их в исполнение самый свирепый из ваших бандитов.

— Клянусь, не стоит об этом! Я не хочу с вами спорить, но только, мне кажется, вы заблуждаетесь относительно моего компаньона, славного полковника Батлера. Что же касается причины убытков, то она налицо: свет от костра, у которого вы, вероятно, спали, был ошибочно принят за огни рейда Бурро. Я направил шхуну в вашу сторону и в результате налетел на прибрежную скалу. Стало быть, прямая, главная причина нашего крушения — это вы.

— Простите, а кто вел это судно?

— Я, капитан Боб!

— Ну что ж,— произнес насмешливо Жюльен,— считаю необходимым заметить вам, капитан Боб, что мыслите вы в высшей степени логично.

— Еще бы!

— И посему я не стану опровергать ваш аргумент, который представляется мне в высшей степени непререкаемым.

— Стало быть, вы признаете себя виновным в катастрофе?

— Прежде всего я признаю, что вы самый удивительный тип на свете и вполне могли бы претендовать на титул отпетого мошенника.

— Оскорбления, джентльмен, оплачиваются отдельно!

— Можете предъявить ваш счет.

— Моя шхуна, лучше которой не было на ходу, полностью отвечала своему назначению и отлично служила мне. Заменить ее нечем. Я думаю, двухсот тысяч франков хватило бы, чтобы купить другую и смягчить мое горе.

— Совсем немного!

— Да, конечно: видите ли, я проявляю при ведении дел сознательность... И еще пятьсот тысяч франков за груз.

— Который состоял из?..

— Винтовок с патронами для перуанского правительства.

— О!

— Вас это удивляет?

— Да, ибо вы похожи больше на пирата, по которому плачет веревка, чем на одного из тех честных типов, что сопровождают военную технику.

— То, что лежит на поверхности, часто сбивает с толку,— произнес напыщенно капитан Боб.

— Пятьсот тысяч плюс двести тысяч,— прервал его Жюльен,— равняется, если следовать правилам арифметики, семистам тысячам. Это все?

— Я вижу, вы смеетесь! Мы немного не добрали до миллиона. Но этот крохотный предварительный результат — всего-навсего закуска перед обедом, если можно так выразиться.

— А, понятно! И что ж, вы рассчитываете потребовать с нас не один миллион?

— И не только потребовать, но и получить причитающиеся нам денежки.

— А вот последнее — уже труднее.

— Вы отказываетесь удовлетворить наши требования?

— Черт побери, да известно ли вам, что вы никак не тянете на истинного американца, ибо ведете себя как отпетый дурак? Не видите разве, что вот уже четверть часа я вожу вас за нос и потешаюсь над вами в свое удовольствие?

— Возможно, вы и в самом деле лишь потешаетесь. Про вас, французов, говорят, что вы тонко чувствуете иронию, моя же крокодиловая кожа неспособна воспринять уколы ваших насмешек. Ну что ж, развлекайтесь, смейтесь на здоровье, месье француз! Обещаю вам, хоть я и отпетый дурак, но сейчас вы сдадитесь, несмотря на все ваше остроумие.

— Посмотрим!

— Потерпите минутку! Я только посоветуюсь с моим напарником, расскажу ему о своей задумке. План великолепный... верный. Сами увидите!

Капитан Боб, подав знак своему бледному от бешенства соучастнику, отвел его на несколько шагов и стал тихо втолковывать ему что-то. Минуты через три-четыре голоса зазвучали громче, и Жак с Жюльеном смогли слышать отдельные слова.

— Так вы уверены,— спросил полковник,— что мы всего-навсего в трех милях от Бурро?

— Да, абсолютно!

— А где то заведеньице, куда вы хотели бы поместить французов, чтобы сделать их сговорчивее?

— Всего в полумиле отсюда.

— Великолепно! Однако власти могут поинтересоваться, почему мы держим их в заточении.

Капитан Боб расхохотался:

— Разве вы не знаете, что в этих премилых странах власти на стороне того, кто им платит... или держит их на мушке своего револьвера? Надо только проявить выдержку, и мы, вопреки международным законам о нейтралитете, пройдем с нашим грузом куда пожелаем. За неимением долларов мне пришлось прихватить этих головорезов, способных по мановению моей руки разнести в щепки хоть целый поселок.

— У вас на все есть ответ, а посему я с закрытыми глазами подписываюсь под вашим проектом.

Разговаривая так между собой, негодяи вернулись к пленникам, охраняемым матросами, напоминавшими видом своим настоящих пиратов.

— Итак,— прохрипел капитан Боб, обращаясь к французам,— вы твердо решили отказаться от сделки?

— Да, твердо,— ответили в один голос Жак и Жюльен.

— Превосходно! Я ожидал этого. А между прочим, я подумываю о том, чтобы оказать вам гостеприимство, поместив вас в такое местечко, где вы спокойно все обдумали бы, перед тем как принять наконец спасительное решение... Сайрус, я правду говорю?

— Вне всякого сомнения! — прорычал тот. — Я уверен, они быстренько капитулируют и с радостью предложат нам свое состояние — конечно, в обмен не на жизнь, а на быструю смерть!

— Что вы собираетесь с нами сделать? — не дрогнув, произнес Жюльен, хотя от таких зловещих слов у любого другого побежали бы мурашки по телу

— Мы уведомим вас об этом в ближайшие четверть часа, если вы окажете нам милость сопровождать нас,— съязвил капитан.

— Но мы не сможем идти, если вы не развяжете нас.

— О, об этом не беспокойтесь: вас отнесут мои молодцы!.. Эй вы, заберите-ка этих джентльменов и несите их со всеми почестями, подобающими типам, у которых больше миллиона долларов в кармане!.. Ну как, порядок?

— Так точно, капитан!

— В таком случае следуйте за мной... Вы же, Сайрус, приглядывайте за кортежем и не забудьте при этом зарядить револьвер. Мои парни — сущие ягнята, ангелы, спустившиеся с небес, но по дороге их могут подкупить, и тогда ищи ветра в поле. Сверните шею первому, кто захочет сойти с дороги. А теперь — go ahead!

Процессия тронулась в путь, и через четверть часа, как и обещал морской волк, отряд остановился возле высокой белой стены, выглядевшей на фоне звездного неба частью крепостной ограды.

Произнесенное по-испански тихим, без всякой окраски, немного надтреснутым голосом: «Кто идет?» — остановило капитана, который в свою очередь скомандовал: «Стой!» — и резко отступил назад. И тут же из ниши, где была встроена в зловещую каменную толщу широкая сводчатая дверь, вышел человек.

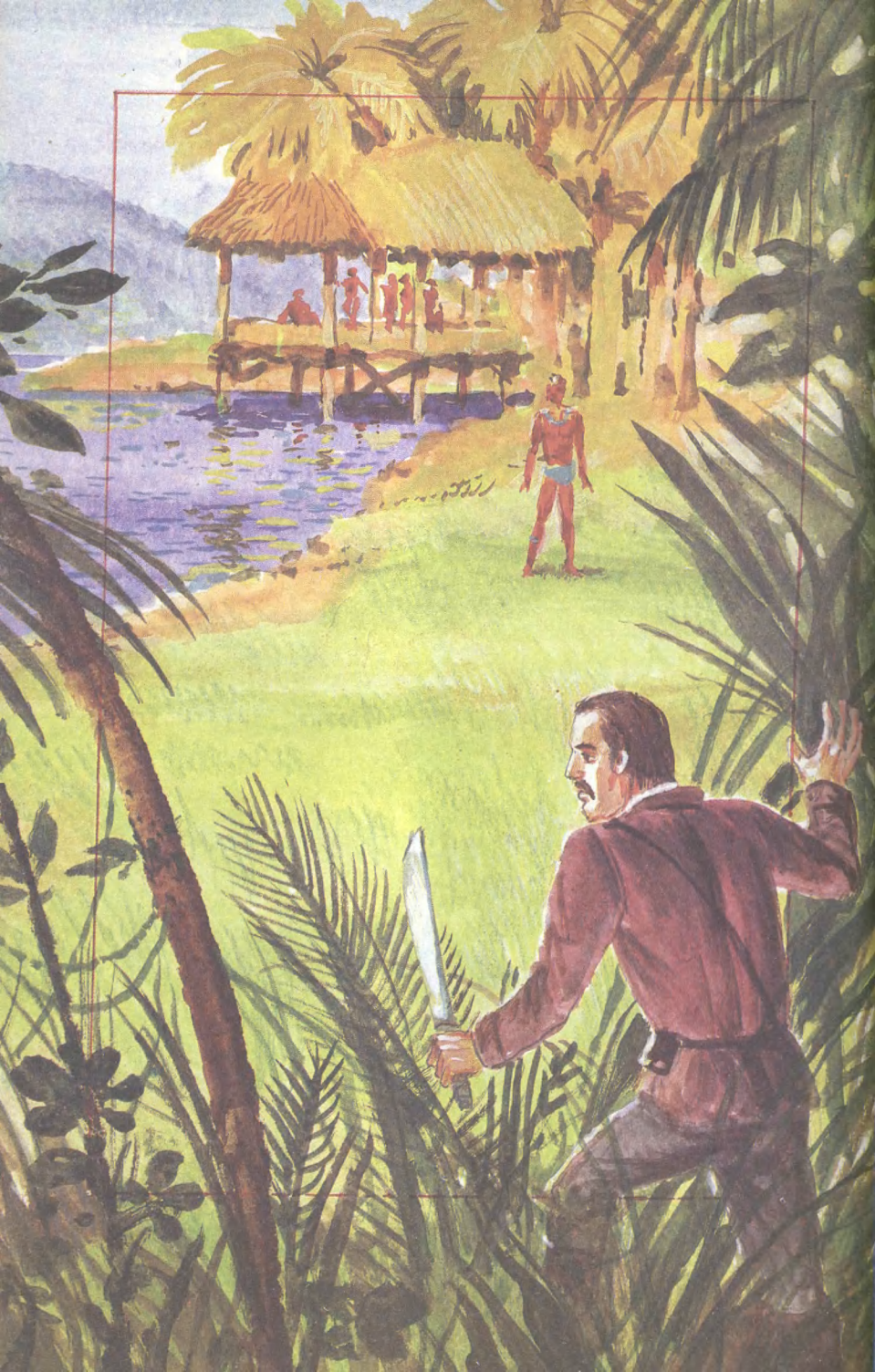
— Сторож, это ты? — слегка заикаясь, спросил капитан Боб.

— Да, ваше превосходительство,— ответил тот хриловато.

— Вот еще два пансионера...*

— А!..

— Кабальеро!.. Настоящие белые, с голубой кровью! **

— А-а!.. Для несчастных чернокожих, метисов и краснокожих это будет большой честью: у нас тут нет настоящих белых с голубой кровью!

— Запомни только: они не должны сбежать отсюда или связаться каким бы то ни было образом с внешним миром.

Человек произнес, задыхаясь от кашляющего смеха, словно астматик:

— Вы же знаете, ваше превосходительство, стена — высока, а дверь — прочна. И вам известно также, что отсюда никто не выходит... даже после смерти.

— Да, и вот еще: мы хотели бы несколько позже снова увидеть обоих кабальеро.

— Хорошо. Но только через решетку.

— Вот и чудесно! Возьми же за труды,— сказал Боб, бросая кошелек, издавший при падении на землю металлический звук.

— Большое спасибо, великодушный мой господин! — прохрипел своим странным голосом таинственный страж, подбирая вознаграждение.— Черный бедолага получит немного хлеба, фруктов и похлебки и будет благодарен вам за то, что вы подарили ему несколько минут счастья!

Затем сторож молча скрылся в тени, где таился вход в загадочное заведение, вставил ключ в замочную скважину, со скрежетом повернул его, и дверь, заунывно всхлипнув, медленно повернулась на петлях. В тот же миг веревки на затекших уже к тому времени ногах и руках наших пленников были перерезаны, и французов грубо втокнули в мрачно зиявший перед ними проем. Деревянный створ, открывавшийся наружу с помощью противовеса, с грохотом закрылся за ними, и они упали на липкий, весь в трещинах пол.

— Пойдемте скорее отсюда! — проворчал капитан Боб, обращаясь к напарнику.— Меня тошнит от этого

* Пансионер — здесь: лицо, проживающее в пансионе — гостинице, постояльцы которой находятся на полном довольствии, то есть там же и питаются за плату, уже включенную в общую стоимость гостиничного номера или комнаты.

** О смысле, который вкладывает капитан Боб, а несколько ниже — и сторож, в слова «голубая кровь», смотрите в примечании к слову «шапетон» (с. 427).

отвратительного места! Такое ощущение, будто отсюда исходят зловонные чумные пары!

— Вполне разделяю ваши чувства,— ответил полковник и, повернувшись к двери, прокричал своим скрипучим голосом: — Эй, месье Арно!.. Эй, месье де Клене!.. Вы хорошо меня слышите? Хотите знать, где вы и как рассчитываю я смирить вас? — В ответ — молчание.— А вы нелюбопытны! И все же я вам скажу. Так вот, знайте, вы погребены здесь заживо, ибо отсюда не выносят даже трупы: это — лепрозорий!

ГЛАВА 3

*Мнение секретаря французской миссии в Мексике о путешествии по суше.— Возражение Жака против поездки по морю.— Воспоминание о лорде Кошране.— Пеший путешественник.— Отказ Жюльена от претензий на оригинальность.— От Лондона до Камчатки — по суше.— Романтическое завершение беспрецедентного * путешествия.— Решение двух закоренелых холостяков.— Обещание Жака вернуться во Францию морем.— От Мехико до Гватемалы.— Через республики Центральной Америки.*

Сейчас мы расскажем о том, как Жак Арно и Жюльен де Клене, которых мы совсем недавно оставили в Мехико в гостях у секретаря французской миссии в Мексике, оказались в этот час в Соединенных Штатах Колумбии ** на 2°55' северной широты и 80°20' западной долготы, то есть в нескольких километрах от небольшого, мало кому известного порта Бурро, затерявшегося в дельте реки Искуанда.

В предыдущей главе мы напомнили об организованном полковником Батлером нападении на них неподалеку от венты Карбокенья, вблизи маленького мексиканского городка Алтар. Читателю известно также, каким образом удалось нашим друзьям спастись от злодеев, нанятых этим мошенником, ибо он не забыл, конечно, ни о неожиданном прибытии дилижанса, везшего наряду с почтой круг-

* Беспрецедентный — не имеющий прецедента, или примера, в прошлом.

** Соединенные Штаты Колумбии — официальное название Колумбии (в настоящее время — Республика Колумбия) в описываемый в романе период.

ленькую сумму звонкой монетой, ни об отказе курьера пустить в экипаж французов, принятых им за разбойников, и ни о том, как путешественники, применив оружие, забрались в фургон, подтвердив тем самым предположения государственного служащего. Не улетучились из памяти читателя и возмущение, искреннее или наигранное, алькальда Алтара, текст телеграммы, посланной Жюльеном представителю Франции в Мехико, и довольно странный ответ на нее, предписывавший местным властям рассматривать двух путешественников как государственных преступников, не спускать с них глаз, обратить особое внимание на сохранность их багажа и как можно быстрее доставить арестантов в столицу.

Жак и Жюльен, скорее заинтригованные, нежели обеспокоенные подобными причудами судьбы, без особых хлопот добрались до Мехико, где были приняты с распростертыми объятиями секретарем миссии — близким другом Жюльена, не нашедшим ничего лучшего, как — странное дело! — объявить на время своих соотечественников государственными преступниками, дабы они могли совершить путешествие до мексиканской столицы, от которой их отделяли две недели пути, в полной безопасности.

Секретарь, сознавая огромные, почти непреодолимые трудности, которые выпадают на долю каждого, кто решится пересечь страны Центральной Америки, где дороги по большей части находятся в ужаснейшем состоянии, тщетно пытался преодолеть предубеждение Жака против водного транспорта. Нарисовав весьма мрачную картину путешествия по суше, рассказав о тех препятствиях, с которыми они будут сталкиваться на каждом шагу, Анри де Шантену заверил своих приятелей, что они даже не заметят, как доберутся морским путем до Рио-де-Жанейро. От Мехико до Веракруса * — всего несколько часов по железной дороге. А там садись на первый попавшийся пароход, идущий к Антильским островам, и следуй спокойно таким, к примеру, маршрутом: Гавана — Сент-Томас ** — Пара *** — Пернамбуку — Рио.

Жак, у которого подобное предложение еще совсем недавно исторгло бы громкие вопли, внимательно прислу-

* Веракрус — здесь: портовый город в Мексике, на берегу Мексиканского залива.

** Сент-Томас — один из островов в Вест-Индии, как называют острова Атлантического океана, расположенные между материками Северной и Южной Америки.

*** Пара (ныне — Белен) — портовый город на севере Бразилии.

шивался к мудрым словам секретаря, делая вид, что тщательно взвешивает их, а затем, заявив, что никак не может согласиться с мнением их друга, выдвинул в поддержку своего несогласия аргументы, повергшие в изумление даже Жюльена, давно знакомого с особенностями мышления своего спутника.

— Понимаете,— сказал Жак дипломату,— чтобы проделать этот маршрут, потребуется дней двадцать пять — двадцать шесть.

— Да, примерно так.

— А от Рио до конечной цели нашего путешествия по-прежнему будет так же далеко, как и раньше. Но ведь скоро уже год, как мы покинули Францию, и нам надо спешить.

— Пожалуй, ты прав: в общем-то, если иметь в виду протяженность пути, то действительно нет особой разницы, откуда добираться до столицы Бразилии * — из Веракруса или из Бордо.

— Вот именно! Что касается меня, то я могу сказать по этому поводу что тебе, что Жюльену только одно: к данному моменту я уже немало побродил по белу свету и достаточно огрубел, чтобы не бояться соленой воды.

— Не может быть!

— Да, я бы не задумываясь сел на любое судно.

— Ну а со мной всякий раз приключается морская болезнь, стоит только мне сесть на корабль,— признался советник.— И чему удивляться, если ею страдают даже некоторые адмиралы, не говоря уже о юнгах?.. И все же последуйте моему совету — отправляйтесь по железной дороге в Веракрус, а оттуда — пароходом.

— Хорошо, я сяду на судно... Но лишь затем, чтобы вернуться во Францию,— естественно, после того как мы совершим свое путешествие из Парижа в Бразилию по суше. Таково мое последнее слово!

— Но это же чистойшей воды безумие! — заметил Жюльен.— Ты ведь только что заявил, что с твоей... манерой боязни поездок по морю уже покончено раз и навсегда!

— Ты что, забыл о тысячах километров, которые преодолели мы на нескольких континентах?.. О бескрайних просторах Сибири?.. О моем стремительном броске через

* Рио-де-Жанейро являлся столицей Бразилии до 1960 года, когда ее перенесли в специально построенный для этой цели в 1957 — 1960 годы город Бразилиа (или Бразилиа).

Аляску, пожалуй, единственном в своем роде?.. О трудностях, с которыми пришлось нам столкнуться в Британской Колумбии и, наконец, в Мексике!

— Нет, не забыл, но...

— Что «но»?.. Ты хочешь свести на нет все наши усилия? Чтобы мы пришли с жалостным видом в порт и, как истинные буржуа, бесславно закончили предприятие, какого еще никто не совершал до нас?

— Возможно, его никто не совершал лишь потому, что просто не задавался такой целью или не страдал гидрофобией.

— Впрочем, один попытался совершить нечто подобное, и не без успеха,— невольно рассмеявшись, уточнил, обращаясь к советнику, Жак.— Ты слышал о лорде Кошране?

— О герое борьбы чилийского народа за независимость?.. * Который так здорово расправлялся с испанцами, что они окрестили его дьяволом?..

— Нет, о его брате, Джоне Дандасе Кошране, прозванном пешим путешественником. Мексиканские газеты на днях поведали о нем в связи с удивительнейшей авантюрой, как величают они наше путешествие,— ответил Жак и повернулся к Жюльену: — А ты ведь совсем не читаешь газет, не так ли?

— Да, так! — высокомерно отчеканил Жюльен.— Будь добр, расскажи об этом пешем путешественнике: с удовольствием послушал бы о его приключениях, о которых — да простит мне Бог! — я не удосужился прочитать в твоих газетах.

— Его история в двух словах такова. Лорд Кошран решил обойти пешком наш шарик, поелику возможно, учитывая, естественно, и рельеф континентов. Его маршрут был примерно тот же, что и у нас...

— Так что я, кажется, не могу претендовать на авторство идеи, легшей в основу нашего путешествия.

— Бог с ней, с идеей! Ведь главное — не придумать ее, а претворить в жизнь. Итак, я сказал, что маршрут лорда Кошрана был примерно таков, как и наш, с той лишь разницей, что, достигнув Бразилии, он должен был продвигаться по направлению к Пернамбуку — точке Американского континента, наиболее приближенной к Африке.

* Имеется в виду Война за независимость испанских колоний в Америке 1810 — 1826 годов, в результате которой в 1818 году была провозглашена независимость Чили.

От Пернамбуку до Дакара * насчитывают, если не ошибаюсь, сто с хвостиком лье. В этом городе наш путешественник рассчитывал сесть на пароход «Атлантика», а по прибытии в Дакар снова перейти на пеший режим, с тем чтобы пересечь Сахару, добраться до Марокко, а оттуда, переправившись через Гибралтарский пролив,— до Испании и затем до Франции...

— Понял. Его маршрут посложнее нашего! Но я и не ставил перед тобой подобной задачи.

— Ты не учитываешь того, что из-за моей гидрофобии нам пришлось бы вернуться из Бразилии в Париж тем же путем.

— Но это уже — в качестве компенсации за более легкий маршрут.

— Продолжаю мою историю. Лорд Кошран шел отнюдь небезостановочно...

— Черт возьми, я так и думал! Я знаю много таких героев у камелька...** этих добряков в теплых панталонах ***, в ватных безрукавках и бумажных колпаках. Им ничего не стоит преодолеть тысячи километров... греясь у каминов. Среди них не один, прочитав путевые заметки землепроходцев и ощутив в себе прилив энтузиазма, воскликнул патетически: «О, я был рожден для путешествий!» Такие люди загораются, представляя себя Мунго Парком **** или Ливингстоном ***** , когда, составив завещание, отправляются, сытые и слегка разочарованные итогами своей жизни, в Гранвиль ***** или в Сабль-де-Олон.

— Твоя тирада ***** не имеет никакого отношения к нашему предшественнику, ибо если кто и был способен осуществить подобный, требующий невероятных усилий замысел, так это, несомненно, только он. У этого человека не было ничего общего с «кабинетными путешественниками», о чем ты сможешь сейчас судить и сам. Выехав из Лондона в январе тысяча восемьсот двадцатого года,

* Дакар — город на западном побережье Африки, на полуострове Зелёный Мыс, в настоящее время — столица Сенегала.

** Камелек — небольшой камин или очаг для обогрева.

*** Панталоны — здесь: брюки.

**** Парк Мунго (1771 — 1806?) — шотландский исследователь Африки.

***** Ливингстон Давид (1813 — 1873) — английский исследователь Африки.

***** Гранвиль — курорт во Франции, на берегу пролива Ла-Манш.

***** Тирада — длинная фраза, часть речи, произносимая обычно в приподнятом тоне.

в апреле он прибыл в Петербург, который покинул в конце мая. Возле Новгорода его очистили, но губернатор города возместил ему убытки,— это смехивает немного на нашу историю. Затем лорд Кошран посетил Москву, Казань, пересек Уральские горы, остановился в Тобольске, поднялся по Иртышу до Семипалатинска, побывал в Томске, переправился через Лену, в октябре месяце попал в Иркутск и, несмотря на ужасный холод, добрался до Нижнеколымска — и все это в одиночку и при температуре воздуха пятьдесят два градуса ниже нуля!

— Черт подери!

— Чукчи запретили ему ступать на их территорию, и тогда он взял курс на северо-восток, к Берингову проливу, и в конце июня тысяча восемьсот двадцать первого года достиг Охотска. Он буквально умирал от холода и голода и на протяжении шестисот пятидесяти километров не встретил ни одного живого существа! Двадцать пятого августа лорд отправился на Камчатку и без всяких приключений прибыл в Петропавловск. Дальше ему не суждено было идти...

— Наверное, умер от перегрузок?

— Нет, он попросту женился на дочери ризничего...*

— А!..

— Вернулся с женой он той же дорогой и в Лондон прибыл после трех с половиной лет отсутствия.

— Вижу на его месте тебя, которому не терпится реализовать то, что обстоятельства помешали выполнить англичанину.

— Безусловно! Мы с тобой — пара закоренелых холостяков, и нам не надо опасаться, что наши планы будут сорваны из-за банальной истории, приключившейся с пещим путешественником.

— Я, во всяком случае, за себя спокоен.

— Я тоже. Следовательно, мы продолжаем наше путешествие из Парижа в Бразилию по суше. Станем и далее продвигаться только вперед, что бы ни случилось в дороге, пусть даже на осуществление нашего замысла нам потребуется много лет!

— Полностью согласен с тобой, дорогой Жак, и всегда, как и прежде, мы будем вместе.

— Видишь ли, Жюльен, я давно хотел сказать тебе, что мы должны и впредь следовать сухопутным путем

* Ризничий — лицо, присматривающее за ризницей — помещением при церкви для хранения риз (облачения священника во время богослужения) и церковной утвари.

вовсе не потому, что нам не грозят в этом случае обмороки, как у малодушных канцелярских крыс, и отнюдь не из-за страха перед соленой водой, испытываемого буржуа. Все дело в том, что у нашего проекта есть один очень важный аспект, а именно: наши честь и достоинство, сохранение коих куда важнее для нас, чем чье бы то ни было мнение о нашем путешествии.

— Браво, рад видеть тебя таким! Наконец-то ты переборол в себе это старческое оцепенение и стал что надо: спокойным, решительным — без ненужных восторгов, но и без душевной слабости. С подобным настроением всего добьешься! Кстати, твое обещание вернуться во Францию морем — это всерьез?

— Конечно, клянусь честью!

— Великолепно! А теперь попрощаемся с нашим дорогим хозяином, пошлем Алексею и Перро депешу в Карибу со словами признательности, и завтра же — навстречу новым приключениям!

Нет смысла утомлять читателя описанием случившихся в дороге многочисленных происшествий, порой досадных, иногда опасных, но всегда банальных для закоренелого путешественника, привыкшего стойко преодолевать любые трудности. Приступы лихорадки, падение в ямы, столкновения с ядовитыми змеями, несколько встреч тет-а-тет* с кайманами**, отвесные скалы, непролазные болота, лесные чащобы, бурные реки и, наконец, постоянные муки от бесконечных укусов насекомых, самым назойливым из которых был клещ,— это то, что определяло специфику жизни наших друзей на протяжении трех месяцев, следовавших за их отъездом из Мехико.

Думается, читатель не станет возражать, если мы познакомим его вкратце с маршрутом, проделанным за это время Жаком и Жюльеном и представляющим, помимо всего прочего, и чисто географический интерес.

Проехав по еще не достроенной железной дороге двести километров, отделявших Мехико от Теуакана, они верхом на лошадях отправились в Теуантепек. Значительная часть пути, пролежавшего через Оахаку, приходилась на гористую местность, что обуславливало медленные тем-

* Тет-а-тет — наедине, вдвоем, с глазу на глаз.

** Кайман — род крокодилов с панцирем на спине и на брюхе, обитает в Южной Америке.

пы передвижения при огромных нагрузках, которые приходилось переносить и всадникам и животным.

Обогнув залив Теуантепек, друзья очутились в деревушке Метапа, у мексиканско-гватемальской границы, в семистах километрах от Оахаки, и затем не останавливаясь одолели череду холмов между южными склонами гватемальских гор и песчаным побережьем Тихого океана. И пусть местность вокруг уже не была теперь столь чарующе красивой, зато наши путешественники выиграли в скорости, что позволило им довольно быстро проехать по ровной прибрежной дороге триста километров по гватемальской территории, отделяющей Мексику от Республики Сальвадор. Придерживаясь и далее легкого для передвижения приморского тракта и восхищаясь в пути великолепными лесами, неустомимые французы за сравнительно короткое время пересекли только что упомянутое маленькое государство и, пройдя принадлежавшим Гондурасу живописным побережьем бухты Фонсека, вступили на территорию Никарагуа.

Проведя два дня в столице Никарагуа Леоне *, поразившей их сравнительно большой численностью ее населения, составлявшей сорок тысяч человек, и, кроме того, примечательной удивительными памятниками старины и университетом, Жан с Жюльеном двинулись в дальнейший путь по достаточно хорошей дороге, ведущей в Республику Коста-Рика, что позволило им лицезреть озера Манагуа и Никарагуа, величаемые здесь морями. Называться так, конечно, довольно лестно, но чему обязаны они подобными определениями — своему ли происхождению или просто почитанию их наподобие «господина моря Байкал», — мы не знаем.

Оставив позади Гванакасту, друзья прибыли в маленький коста-риканский городок Эспарза, а затем — и в Тарколес, где, увы, им пришлось распрощаться с прекрасным, утоптаным мулами трактом и ступить на узкую тропинку, посещаемую лишь скотоводами. Совершив незабываемый переход по лесистым горным кручам Доты, они, смертельно усталые, добрались до федеративного государства Панама. А далее — ни дорог, ни тропок, ни даже смутного намека на то, что здесь существуют какие бы то ни было

* Л. А. Буссенар допускает здесь неточность. Леон перестал быть столицей Никарагуа за два десятилетия до описываемых в романе событий, и с 1858 года ею является город Манагуа, расположенный к юго-востоку от Леона.

пути сообщения, что, однако, не помешало нашим французам оказаться вскоре на территории Панамского перешейка — узкой, вытянувшейся, как язык, полоске суши между Атлантическим и Тихим океанами, соединяющей два материка — Северную и Южную Америку — и имеющей протяженность, если принять за нее расстояние между Колоном и Панамой, не более семидесяти двух километров. Продвигаясь по этому краю, который, как замечает месье Арман Реклю *, не предлагает вашему взору ни равнин, ни плато и где путник видит повсюду лишь хаотическое нагромождение покрытых изумрудно-зеленой тропической растительностью холмов — островерхих или куполообразных, друзья доехали на мулах до города Панама и, отдохнув там как следует несколько дней и пополнив продуктовые запасы, вновь пустились в дорогу. Обогнув Панамский залив с востока, наши землепроходцы повернули сперва на юго-восток, а потом — прямо на юг и через какое-то время ступили наконец на территорию Южной Америки.

За три месяца, прошедшие после того, как они покинули Мехико, ими было пройдено более шестисот лье по путям-дорогам, потребовавшим от них немалого мужества и стойкости.

Далее они переправились через многочисленные колумбийские реки, впадающие в Тихий океан, перевалили через небольшую горную цепь, не входящую в Кордильеры **, или, как называют их здесь, Анды, проехали, не задерживаясь, Порто-Пинас, Порто-Квемадо и Порто-Купика, оставили позади мыс Коррьентес, вновь пересекли огромное количество водных потоков, среди которых были и такие довольно большие реки, как, например, Бодо и особенно Сен-Жуан, передохнули пару днейков в маленьком портовом городке Санта-Буэнавентура ***, миновали безо всяких происшествий побережье залива Чоко, насыщающего воздух ядовитыми испарениями, вызывающими ужасную лихорадку у европейцев, и одним

* Реклю Эли-Арман-Эбенезер — французский морской офицер и путешественник, брат известного географа и путешественника Жана-Элизе Реклю (1830 — 1905).

** Кордильеры — величайшая по протяженности горная система земного шара (длиной более 18 тысяч километров), окаймляющая западные окраины материков Северная и Южная Америка; подразделяются на Кордильеры Северной Америки и Кордильеры Южной Америки, или Анды.

*** Современное название — Буэнавентура.

прекрасным вечером расположились на возвышенности неподалеку от приморской деревушки Бурро, где и приключилась с ними уже известная читателю драма.

ГЛАВА 4

*Тревожная ночь.— Ужасная действительность.— Элефантиаз *.— Человеческие останки.— Шапетоны **, или люди с голубой кровью.— Клятва мести.— Попытка выломать дверь.— Двор чудес.— Страж порядка.— Оружие в руках Жюльена.— Усмирение толпы.— Грозный мушкетон.— Отчаяние Жака.— Проем в стене.— Разгадка чуда.— Снаряды, не попадающие в цель.*

Несмотря на все их мужество, Жак и Жюльен похолодели от страха, когда слышали зловещие слова, которые прорычал полковник после того, как за ними захлопнулась дверь таинственного заведения: «Вы погребены здесь заживо, ибо отсюда не выносят даже трупы: это — лепрозорий!» Им не раз случалось, особенно в субтропиках, видеть больных проказой, и вид этих несчастных вызывал у них в равной степени и ужас, и чувство жалости.

Этот недуг, до сих пор считающийся неизлечимым, — явление довольно частое в местах низменных и сырых, где он ищет свои жертвы в основном среди тех групп населения, которые живут в крайне тяжелых условиях. Немало таких больных можно встретить, например, в некоторых районах вдоль западного, тихоокеанского, побережья Колумбии.

Если проказа, или лепра, поражает одинокого человека, поселившегося по тем или иным причинам вдали от других людей, то он, изолированный ото всех, молча

* Элефантиаз, или элефантиазис, слоновая болезнь, слоновость — заболевание человека и некоторых видов животных, характеризующееся значительным увеличением отдельных частей тела (чаще — ног) из-за резкого утолщения кожи и подкожной клетчатки в связи с хроническим воспалением лимфатических путей и застоем лимфы — бесцветной жидкости в теле человека и животных, омывающей все ткани и клетки организма.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Шапетон — это белый, родившийся в Европе. Потомков же шапетонов называют годосами. Поскольку шапетоны женятся только на своих, они сохраняют «голубую кровь», то есть, как понимают это местные жители, у них под белой кожей просвечивают голубые вены».

тянет тяжелую лямку своего жалкого существования, пока из-за постоянно прогрессирующей болезни не лишается способности трудиться, вслед за чем наступает смерть. Тех же, кого эта страшная хворь настигла в городах или деревнях, направляют вне зависимости от их желания в учреждения, только называющиеся лечебными, поскольку в действительности больные там лишены самого элементарного ухода. Да что я говорю! Лепрозории, за редким исключением,— это жалкое скопище грязных развалюх, возведенных кое-как на топкой земле и окруженных стенами, через которую никому никогда не перелезть — ни снаружи, ни изнутри. Чтобы больные не умерли с голоду, один-два раза в неделю им бросают через окошечко еду. У них нет больше ни семьи, ни родных, ни друзей... Никто из внешнего мира никогда с ними не общается, и ужас, который они внушают отсталому населению Колумбии, таков, что их положение еще более незавидно, чем даже у прокаженных в средневековой Франции.

Капитан Боб знал все это и, как вы помните, чтобы принудить Жака и Жюльена повиноваться, решил поместить их вместе с отвратительной компанией прокаженных Бурро.

— Лепрозорий!.. — прошептал Жюльен изменившимися голосом.— Я бы предпочел, чтобы меня бросили в ров с самыми ядовитыми змеями...

— Бандит! — проворчал Жак.— И зачем только мы не дали Перро сломать ему шею?.. Что делать?.. Я боюсь шаг здесь ступить... Ну и кошмарная же ночь!

— Подождем до утра... А пока надо взять себя в руки. Немыслимо, чтобы мы остались в таком положении...

— На что ты надеешься?

— Э, мой бедный друг, если б только я знал! Прислонимся к стене и постараемся не двигаться. Непосредственно нам ничто не грозит, и если ты видишь меня таким взволнованным, то это просто нервы шалят... Мне нехорошо... Тошнота подкатывает к горлу, и я ничего не могу с этим поделать.

Ночь была долгой и тягостной для наших заключенных, сидевших на корточках у стены. Они слышали приглушенные жалобы, хрипы, раздававшиеся в сырой темноте то там, то здесь, чувствовали, как колышется и вздрагивает у них под ногами мягкая болотистая почва, словно в тине под ними барахтались ящерицы.

Наконец занялась заря, и друзья, хотя и были не робкого десятка, содрогнулись при виде картины, представшей их взору: даже испытанная в боях храбрость

пасует иногда перед зрелищем, вызывающим чувство глубочайшего омерзения. Яркие лучи восходящего солнца высветили в огромном прямоугольном дворе, обсаженном вдоль стен манговыми деревьями * и смоковницами, фигуры примерно сотни полураздетых людей — негров, индейцев и мулатов. Одни из них лежали, скрючившись, другие сидели или стояли на четвереньках — и все это прямо на земле, в грязи. Кто-то с изуродованным болезнью лицом — с покрытыми коростой или уже сгнившими носом, губами и щеками — безмолвно, не двигаясь, поглядывал на иностранцев своими ужасными глазами, лишенными ресниц и с костистыми надбровными дугами **. Многие, едва шевелясь, касались пальцами, недосчитывавшими уничтоженных смертельным недугом фаланг, изъязвленного, кровавого месива на груди и столь же страшных ран на боках и ногах. Но были и такие, кого болезнь еще не свалила совсем. Они меланхолично ходили туда-сюда, и только мертвенно-бледный цвет кожи, местами желтоватой или фиолетовой, с пятнами, окруженными беловатыми чешуйками, свидетельствовал, что бич проказы обрушился и на них. Часть постояльцев этой жуткой обители выделялась гипертрофированной *** дермой **** и эпидермой *****, свидетельствовавшей о наличии у них слоновой болезни. Бедняги, пораженные элифантиазом, с изъеденной проказой серой, цвета высохшей грязи, кожей, с трудом, словно каторжники, прикованные цепями к тяжелым чугунным ядрам, переставляли свои ужасные, непомерно увеличенные в размерах ноги, огромные, как у слона, и потерявшие всяческое сходство с человеческими.

Находилась в этом стойбище и группа людей, давно уже ни на что не реагирующих. Они сидели или лежали на земле, а если и поднимались когда, то лишь приложив неимоверные усилия. Было ясно: летальный ***** исход их недуга уже недалек.

* Манговые деревья, или манго — вечнозеленые деревья семейства анакардиевых высотой 10 — 45 метров, родом из Юго-Восточной Азии, культивируются в тропической зоне ради сочных сладких плодов длиной до 25 сантиметров.

** Надбровные дуги — часть костей лба.

*** Гипертрофированный — здесь: болезненно увеличенный.

**** Дерма — собственно кожа, или часть кожи, расположенная под эпидермисом — надкожницей, наружным поверхностным слоем кожи.

***** Эпидерма — то же, что и эпидермис (смотрите предыдущее примечание).

***** Летальный — смертельный; летальный исход — смерть.

Завершали эту ужасную картину ястребы. Черные маленькие хищники — обитатели Южной Америки, поглощающие все, что гниет, — энергично терзали труп, валявшийся у смоковницы.

Там и сям в углублениях почвы виднелись человеческие останки, но остававшиеся еще в живых жертвы проказы вели себя так, словно их совершенно не пугала мысль о том, что скоро и их кости присоединятся к этим.

И Жак снова вспомнил зловещие слова: «Отсюда не выносят даже трупы», — столь впечатляюще проиллюстрированные мерзкими птицами.

— Бежим отсюда, — заплетающимся языком произнес он. — Мне плохо!.. Тут пахнет чумой... Эти заживо гниющие люди... Эти трупы... Как отвратительно здесь все!.. Попытаемся же выломать дверь!

— Непременно!

— Лучше разбить себе голову, чем оставаться здесь! Смерть не так страшна, как жизнь прокаженного!..

Двое белых людей, неподвижно сидевших на земле, стали постепенно привлекать к себе внимание все большего числа больных. Наиболее активные из прокаженных, уставившись на новеньких мутными глазами, подошли к ним поближе и заговорили между собой глухими, низкими, лишенными тембра голосами, столь характерными для пораженных страшным недугом, чьи голосовые связки * покрыты бугорками и в силу этого не в состоянии производить полноценные звуки.

— Это шапетоны, — шептали они, глядя на полных жизни, здоровых, белокожих людей. — Настоящие белые европейцы... У них голубая кровь... Что делают они здесь, среди нас?

Жак и Жюльен, видя, что мерзкое стадо под предводительством особенно отвратительных типов направилось вдруг прямо на них, вскочили на ноги. Прокаженные тотчас же остановились.

— Эти несчастные не должны нас касаться! — крикнул Жак своему другу, не в силах преодолеть отвращения, которое ему внушала сама мысль о возможности контакта с отверженными. — Проказа ведь заразна, правда?

— Не знаю, — ответил Жюльен. — Некоторые медики утверждают, что она незаразна, чего не скажешь о слоновьей болезни. Заслуживающие доверия лица говорили мне

* Голосовые связки — две эластичные складки, расположенные на боковых стенках гортани и служащие для образования звука.

недавно в Гвиане, что элифантиаз может передаваться через мошкату *.

— Позволь мне все же удостовериться, и без промедления, в том, что дверь не так уж крепка.

— Но сперва послушай меня, всего пару слов!

— Говори.

— Так вот, прежде чем сыграть нашу, возможно, последнюю партию и рискнуть жизнью ради свободы, я хотел бы поклясться за нас двоих в том, что где бы и когда бы мы ни нашли бандитов, бросивших нас сюда, мы убьем их, как бешеных животных! Железо, огонь, засада, яд — все сойдется для этой цели!

— Bravo! — отозвался горячо Жак. — Я полностью согласен с тем, что ты сказал... От той перспективы, что ждет нас здесь, у меня кровь стынет в жилах... Так возьмем же за дело!

Он повернулся к двери, окинул ее взглядом сверху донизу и невольно издал разочарованный возглас.

— Что такое? — спросил Жюльен.

— Дело в том, что дверь в этом проклятом месте, где все как будто бы гниет и рушится, крепка, как в замке.

— Действительно, доски и брусья у нее — из тропических пород деревьев, чьи волокна не поддаются разрушению. Такое дерево не берет даже огонь, топор — и тот отскакивает от него... А как обстоит дело со стеной?

— С теми возможностями, какими мы обладаем сейчас, она для нас неприступна. Сам посуди, высотой почти в пять метров и так гладка, словно сложена из отшлифованного камня.

— По-моему, тут и дырки не провертеть... Да и времени в обрез: скоро о себе даст знать голод, а у нас — ни крошки!

— В таком случае сосредоточим усилия на двери: а вдруг, несмотря ни на что, и получится!

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар со ссылкой на работу доктора Бордые «Научная колонизация» приводит следующие сведения, давно уже устаревшие, но тем не менее весьма интересные, поскольку отражают определенный этап в развитии медицины: «Сегодня доказано, что мошкара, или *culex*, переносит элифантиаз от арабов. Эта болезнь вызывается присутствием в крови большого числа филарий — меду, или гвинейского червяка, — которых *culex* передает от укушенного им больного человека здоровому». Упоминаемые писателем *culex* — это кулексы, или род кровососущих комаров длиной три — пять миллиметров, а филарии, или гельминты, — паразитические черви, переносчиками коих являются кровососущие насекомые.

Проведенное Жаком предварительное ее обследование, весьма поверхностное, создало у него впечатление, что она — из железного дерева *. Удрученный данным обстоятельством, он начал все же внимательно изучать строение этого, казалось бы, непреодолимого заслона и обнаружил, к радости своей, что ржавчина основательно разъела железные петли, скобы и гвозди в досках и брусках, соединенных между собой очень грубо: судя по всему, соорудившие дверь не обладали ни необходимыми навыками, ни соответствующим инструментом. Если дерево прекрасно сопротивлялось чудовищной сырости, царившей в этом месте, то железо, напротив, поддавалось окислению, которое повсюду оставило следы своей разрушительной деятельности. Будь у узников небольшой лом или даже крепкая деревянная палка, они смогли бы, вероятно, без особого труда выломать доски. К несчастью, в распоряжении друзей не имелось ничего подходящего, например, того же молотка из их багажа, с которым так шустро удрали предавшие путешественников провожатые. Однако Жак и Жюльен обладали мужеством и волей, подкрепленными горячим желанием как можно скорее выбраться из этой проклятой западни.

Напружинив мускулы, отважные французы обрушили всю свою силу на те доски, которые, представлялось им, держались в двери не столь прочно, как остальные. Деревянная конструкция содрогнулась, железные детали забренчали.

— А ну-ка еще раз! — прохрипел красный от натуги Жюльен. — Это сооружение не такое прочное, как я предполагал!.. Дело движется!..

— Поднажмем же! — прокричал Жак, вновь атакуя бессловесного противника, преградившего им путь к свободе, и услышал в ответ заунывный скрип потревоженного дерева.

— В добрый час! — воскликнул он с воодушевлением. — Не будем терять надежду! — Но тут взгляд его обратился внезапно в сторону двора, и он спросил обеспокоенно Жюльена: — А это еще что такое?

— Дело в том, — произнес его друг с возмущением, — что эти отвратительные гниющие существа хотят помешать нам выбраться отсюда.

* Железное дерево — около ста видов деревьев из разных семейств с необычно твердой и тяжелой древесиной, произрастает в основном в тропиках.

И он не ошибся: именно это и стремились сделать прокаженные, когда поняли, что затеяли друзья.

— Шапетоны убегают! — глухими голосами перекрикивались несчастные. — Они не должны уйти отсюда!.. Смерть им!.. Смерть шапетонам!.. Не дадим этим белым удрать от нас!

Они выползали из всех углов своей мерзкой обители, как бы повинувшись чьему-то приказу. Лепрозорий, словно превратившись во двор чудес, как бы выплевывал каждое мгновение новых и новых калек, которые, будто тараканы из щелей, вылезали из своих зловонных прибежищ — из хибар, шалашей или просто из ям под деревьями — и, похожие на отвратительных ястребов, сбившихся в стаю, чтобы поживиться мертвечиной, тяжело дыша, шатаясь, прихрамывая, жестикулируя непослушными руками и судорожно открывая перекошенные рты, медленно надвигались на чужеземцев полукругом, при виде коего любой бы ощутил жуть. Изъеденные проказой уста извергали беспрерывно:

— Смерть им!.. Они убегают!.. Белые люди с голубой кровью — такие же, как мы!.. Они должны жить и умереть вместе с нами!..

Охваченные ужасом, не дожидаясь, пока это скопище раздавит их, Жак и Жюльен снова бросились на дверь, и в тот же миг внезапно отворилось встроенное в нее довольно широкое окошко, и друзья увидели налитую кровью физиономию сторожа.

— А ну-ка прочь! — грубо крикнул он и, поскольку его поднадзорные продолжали стоять не двигаясь, чуть ли не в одном шаге от двери, с силой просунул в зарешеченное отверстие некое подобие алебарды*, чтобы пронзить грудь Жюльена, находившегося ближе к окошку. Схватить оружие за древко и вырвать его из слабых рук стража, такого же прокаженного, как и его подопечные, было для француза делом нетрудным. Овладев оружием, Жюльен бросился на помощь к другу, который, вытянув вперед руки, пытался оттеснить авангард прокаженных, едва не касавшихся белых людей. Бледный от ярости и отвращения, потрясая своеобразным копьём, от деревянной основы коего исходил, как казалось отважному путешественни-

* Алебарда — старинное оружие типа секиры, то есть в виде топора, насаженного на длинное древко с острым, как у копья, наконечником.

ку, тошнотворный смрад его недавнего владельца, Жюльен воскликнул грозно:

— Назад, твари! Или я проткну первого, кто подымет на нас руку!

Нередко мужество и энергия одного человека повергают в страх разъяренную толпу, умиряют самый неистовый гнев и превращают ее в безопасное людское скопище. Проявленные белым человеком воля и отвага оказывают особо сильное воздействие на представителей других рас, в первую очередь на черных. Так случилось и на этот раз. Негры, индейцы и мулаты, услышав раскатистый голос и увидев блеск глаз, устранивших их больше, чем оружие, отпрянули назад. Вероятно, они интуитивно испугались жизненной силы, излучавшей чужаком и давно уже покинувшей их изнуренные хворью тела.

Полукруг раздался. Прокаженных словно закружило в водовороте. Стоявшие впереди стали медленно отступать назад, пока расстояние между ними и белыми не увеличилось шагов до двадцати. Затем, без сомнения утомленные сделанным усилием, злосчастные обитатели лепрозория разлеглись на земле небольшими группами и, уставившись на французов, стали с недобрым любопытством наблюдать, что еще предпримут эти люди.

Сторож, лишившись оружия, исчез, оставив в спешке окошко открытым.

— Не будем терять времени,— сказал Жюльен, все еще возбужденный схваткой с толпой.— Попробую сорвать с помощью этого копыя один из замков. Наконечник вроде бы не очень-то прочный, но древко может послужить отличным рычагом.

— А не попытаться ли сперва отодрать решетку с окошка?

Жюльен не успел ответить, ибо к двери опять подошел сторож.

— Вон отсюда! — произнес он сиплым, словно простуженным голосом.

— А если я не уйду? — спросил с вызовом Жюльен, выведенный из себя тупым упорством сего стража порядка.

— Я убью вас,— холодно ответствовал тот и в подтверждение своих слов просунул сквозь железные прутья ржавый ствол массивного мушкетона, способного выплеснуть из своего широкого зева немалое количество карте-

чи.— Вы не первые, кто хотел, разбив дверь, убежать на волю. У меня достаточно зарядов. Как-то раз я одним выстрелом уложил наповал шестерых, не считая раненых. Так что отойдите подальше... Я приказываю... Вам предстоит оставаться здесь до самой смерти: даже те кабальеры, которые бросили вас сюда, не смогли бы теперь помочь вам выбраться наружу.

Жак и Жюльен, поняв по решительному тону старика, что тот не преминет в случае чего привести угрозу в исполнение, уселись по обе стороны от двери, с тем чтобы ночью возобновить свою отчаянную попытку вырваться из плена.

Прокаженные, ободренные столь своевременным вмешательством сторожа, злорадствовали.

— Ах-ах, белые красавчики! — осыпáли они ненавистных им чужаков насмешками.— Как они благоразумны!.. Решили остаться вместе с черными и красными!.. Чтобы делить с нами хлеб!.. Пить ту же воду, что и мы!.. Ах-ах!.. И мы будем не раз слушать забавные истории, которые они станут рассказывать только для нас!..

Друзья, созерцая это отталкивающее представление с еще большим отвращением, чем прежде, вспоминали зловещие слова полковника Батлера: «Я уверен, они быстренько капитулируют и с радостью предложат нам свое состояние — конечно, в обмен не на жизнь, а на быструю смерть!»

— О нет! Мы не умрем! — возопил Жюльен в приступе бессильной ярости.— Нет, это невозможно!.. Я чувствую, наш час еще не настал!

— У меня же,— простонал Жак, совершенно подавленный,— нет более духа рассчитывать на чудо...

— О дьявол! — закричал вдруг с восторгом Жюльен.— Вот оно, это самое чудо!.. Такое желанное, хотя и немного жутковатое!

Когда Жак произносил слово «чудо», от стены отделился внезапно кусок шириной в четыре с лишним метра и разлетелся на мелкие каменные осколки, усеявшие почву далеко вокруг. Огромная смоковница, срезанная у основания, грузно повалилась на землю. И тотчас ужасный взрыв потряс мрачную обитель, на которую с пронзительным свистом обрушился настоящий свинцовый дождь. Одни прокаженные, парализованные смертельным страхом, сидели, сложив молитвенно руки, другие пытались втиснуться в выбоины в грунте.

— В проем!.. Быстрее в проем! — воскликнули в один голос друзья и в два прыжка достигли зиявшего в стене отверстия. Через какие-то полминуты они уже были на равнине, где никому не пришло бы в голову стать на их пути.

— Наконец-то! — радостно повторял Жак. — Мы снова свободны, все тревоги позади... Странно только, что никого не вижу. Кто же произвел этот взрыв? Кому обязаны мы тем, что вырвались из этого ужасного заточения?

— Это был пушечный выстрел, — улыбнулся Жюльен, не менее взволнованный, чем его друг. — Выстрел, не достигший своей цели.

— То есть как?

— А ты взгляни вон туда.

— Вижу, в пятистах метрах отсюда между двумя скалами мерцает огонек шхуны нашего врага.

— А дальше — едва приметная черная точка.

— Вроде бы корабль.

— Крейсер, без сомнения... Он обнаружил шхуну.

— А маленькое белое облачко, взметнувшееся над волнами?

— Это еще один пушечный выстрел. Или я здорово ошибаюсь, или экипаж крейсера силится взять на мушку потерпевшее крушение судно.

— Ты так думаешь?

— Да вон оно, доказательство...

Снаряд, опустившись с неслыханной точностью на маленькое суденышко, разбил корму и снес высоченную мачту.

— Теперь тебе ясно, как мы очутились на свободе?

— Да, исключительно благодаря снаряду, который, как говорил ты, не попал в цель...

— Если быть более точным, то благодаря снаряду, который перелетел через цель. Подобные вещи порой специально делают артиллеристами. Когда они, открывая огонь, не вполне уверены в расстоянии, то посылают обычно два пробных снаряда, один из них не долетает до цели, другой — перелетает ее. И лишь третий поражает объект. Обрати внимание, лепрозорий находится как раз на прямой линии, которая проходит через корабль в открытом море и судно, налетевшее на скалу.

— Значит, первый снаряд, выпущенный с крейсера, перелетел свою цель...

— И чудесным образом помог нам спастись.

ГЛАВА 5

Голодные колики.— Утренняя трапеза на потерпевшем крушение судне.— Обретенное оружие.— Засада у лепрозории.— Необъяснимое отсутствие полковника Батлера и его сообщника.— Крепкий сон.— Поход в Бурро.— Тропинка.— Два друга в погоне за бандитами.— Край повышенной влажности.— Экваториальный лес.— Великолепие тропической растительности.— Бесперывный дождь.— Приозерная деревня.— Гостеприимство.— Утешное завещание.

Освободившись наконец от ужасного кошмара, который пережили они за несколько часов своего пребывания в лепрозории, друзья довольно скоро вновь обрели хорошее расположение духа и обычную веселость. Не расстраиваясь попусту из-за пропажи выючных животных и поклажи, исчезнувших вместе с бессовестными погонщиками мулов, они решили отправиться в Барбакоас, самый близкий от них город, чтобы отдохнуть там и затем подумать о том, как добраться до Кито, столицы экваториальной республики Эквадор.

Голод между тем становился все нестерпимее, так что путешественникам необходимо было как можно быстрее изыскать любую возможность утолить его чем бы то ни было. Поэтому понятно, с каким вождением созерцал Жюльен водоплавающих, барахтавшихся в грязных лужах возле устья реки Искуанда или пролетавших чуть ли не над самой его головой. Упитанный вид этих созданий говорил о том, что, несмотря на исходящий от них неприятный дух прогорклого масла, они могли бы сгодиться на вполне приемлемый изголодавшимся французам завтрак. В общем, пернатые — розовые фламинго, белые и серые хохлатые цапли и морские бекасы — еще более разжигали у наших друзей аппетит. Но, увы, у них не было приспособлений для ловли птиц, которые, словно подозревая, что эти люди не в состоянии причинить им ни малейшего вреда, дразнили их, пролетая вблизи с неслыханной смелостью.

Совсем обессилев, бедолаги уже собирались было покушаться на крохотных голубых крабов, передвигавшихся боком на своих длинных ногах по мягкой тине, или на улиток, облепивших погруженные в воду корни прибрежных деревьев, как Жак, ударив себя рукой по лбу, воскликнул вдруг убежденно:

— Ну и глупцы же мы!

— Почему? Я думаю, когда живот сводит от голода, никто не откажется ни от подобных ракообразных, ни от этих моллюсков,— возразил Жюльен.

— Дело не в этом. Если не ошибаюсь, нас ожидает кое-что поаппетитнее голубых крабов или причудливых улиток.

— Хотелось бы верить, что ты не ошибаешься. Говори же скорее!

— Посмотри-ка, корма шхуны все больше и больше высовывается из воды.

— И впрямь, сейчас часы отлива, и вода, отступая, обнажает скалы. Но что общего между этим потерпевшим крушение судном и нашим завтраком, который так нам нужен?

— А то, что крейсер уgomонился, выпустив пару снарядов, и мы теперь, вне сомнения, отыщем на шхуне печенье, кусок сала или обыкновенную банку консервов со сказочно вкусной фасолью.

— Ты прав! И где это была у меня голова? Воспользуемся же счастливым случаем!

Добраться до маленького судна, изуродованного ударом о скалы и артиллерийским снарядом, было для изголодавшихся путешественников делом нескольких минут.

Каким-то чудом мощный снаряд не воспламенил патронов, что моментально разнесли бы все вокруг. Однако разрушение, причиненное шхуне, было ужасным.

Предвидение Жака полностью оправдалось: среди веревочных обрывков, искромсанных досок, смятых тазов, раздавленных бочек, разбитых ящиков, искореженных роствов* он обнаружил своим обострившимся от голода взглядом превосходный окорок, валявшийся в клетушке, служившей, очевидно, камбузом**.

— Свинина! — воскликнул в умилении счастливчик, подпрыгнув от радости. — Превосходный пищевой продукт и к тому же завернутый в полотняную тряпку с печатями!

— Печенье! — не менее восторженно прокричал Жюльен, опуская руку на ящик с продовольствием.

* Ростры — решетчатый (а иногда — и сплошной) настил, расположенный выше верхней палубы и предназначенный для размещения шлюпок и хранения запасного рангоута — круглых деревянных или стальных трубчатых частей вооружения судна, служащих, в частности, для постановки парусов.

** Камбуз — кухня на судне.

— Вино! Настоящее вино! — изумился Жак, извлекая из груды черепков бутылку, оставшуюся каким-то образом целехонькой.

— Браво! — восхитился Жюльен. — И не столь уж важно, что печенье твердое как камень, а жесткий окорок, возможно, начинен трихинами... *

— Попробуем же их!

— Попробуем! — словно эхо, отозвался Жак, поднимаясь из-под обломков полубака. — В трюме жарко, как в печке, здесь же, на палубе, под покровом этого обрывка паруса, не пропускающего солнце, совсем неплохо!

— Кстати, устроиться наверху мы должны были бы и из соображений предосторожности: отсюда можно наблюдать за окрестностью. Ведь кто знает, не пожелают ли вернуться назад владельцы шхуны.

— Ай! — подскочил вдруг Жак.

— Что случилось?

— Я вынужден опять повторить: «Ну и глупы же мы!» И добавить при этом: «И крайне неосторожны!»

— Почему?

— Как это «почему»? Прожорливость, с которой ты наполняешь свой желудок, лишила тебя на время способности размышлять, о чем свидетельствует твоя непредусмотрительность. У нас же нет больше оружия... даже карманного ножа, в силу чего мы вынуждены по очереди откусывать от этого окорока, словно звери...

— Согласен с тобою.

— Поскольку мы не знаем, что может случиться в следующее мгновение, я прерываю трапезу и спускаюсь в этот погреб, несомненно, именуемый морскими волками трюмом. Прихвачу пару ремингтоновских винтовок, как сказал пират-полковник, набью патронами карманы и, вернувшись за стол, но уже вооруженным до зубов, вновь возьмусь за завтрак.

Жак отсутствовал минут пять. Так как ящики от взрыва разбились, ему не пришлось их взламывать. Он выбрал два ружья и, удостоверившись в отличном действии механизма, взял их с собой.

— Вот и винтовки! — важно произнес он. — С патронами и штыками. Закусим только и сразу же сможем начать охоту за мерзавцами, устроившими нам такую преступную ночь!

* Трихина — паразит-червячок, живущий в теле животных (преимущественно свиней) и человека.

— Но прежде переберемся в шалаш.

— В шалаш?

— Ну да, возле лепрозория.

— Понятно.

— Батлер с сообщником вернутся не раньше чем через двадцать четыре часа, чтобы принудить нас к капитуляции.

— Когда они объявятся,— а я в этом не сомневаюсь,— не имеет смысла вступать с ними в переговоры. Возьмем их сразу же на мушку — и конец!

— Итак, отправимся в путь! Решим, кто из нас в кого будет стрелять, и, как только представится возможность, откроем огонь.

— Без колебаний и без угрызений совести!

Опасаясь упустить великолепный и, вероятно, единственный случай отомстить или, точнее, осуществить акт справедливого возмездия, как говорил Жюльен, французы спешно покинули шхуну, унося с собой остатки окорока и пачек двадцать печенья.

Приблизившись к лепрозорию, друзья с содроганием посмотрели на это отвратительное заведение, чуть было не ставшее их могилой. Прокаженные, стоя полукругом перед брешью, сделанной в стене снарядом, осыпали бранью сторожа, угрожавшего им с другой стороны проема своим мушкетонем.

Справа путешественники узрели пышную растительность — гигантские злаковые, окаймлявшие тропинку, ведущую в деревню Бурро. Это место словно специально предназначалось для засады, и друзья, укрывшись от солнца в наскоро возведенном шалаше и время от времени отгоняя прикладами ружей рептилий, пытавшихся проникнуть в их убежище, были уверены, что никто, с какой бы стороны он ни направился в лепрозорий, не минует их незаметно.

Они находились на 3° северной широты, почти на экваторе. Неимоверный зной требовал от Жака и Жюльена недюжинных усилий, чтобы противиться охватывавшему их вследствие жары отупляющему оцепенению.

Наши герои просидели в засаде до вечера, но, к их величайшему удивлению, противник так и не появился. Между тем скaredность капитана Боба,— а других чувств у него не было,— еще более сильная, чем продемонстрированное Батлером острое желание мести, поддерживаемое лютой ненавистью, должна была бы неизбежно привести обоих преступников к лепрозорию. Тем более что мор-

ской волк рассчитывал взыскать со своих жертв, отчаявшихся от пребывания в этом злосчастном заведении, фантастически огромную сумму.

Понятно, что бандиты ничего не знали об освобождении французов, ибо в противном случае они не предоставили бы им возможность проникнуть на борт шхуны и обеспечить себя оружием и продуктами питания.

Но что же стряслось с янки со вчерашнего дня? Почему они так и не вернулись назад? И куда подевался их экипаж — восемь — десять матросов, которые могли бы охранять от разграбления шхуну? Уж не стали ли они жертвой какой-нибудь катастрофы, заставившей негодаев отложить хотя бы на время осуществление подлых замыслов?

Прикидывая в уме и так и этак, не зная точно, чем объяснить отсутствие своих недругов, французы закусили печеньем и окороком и заснули тем сном, каким спят мужчины, прошедшие накануне ужасную, бессонную ночь и твердо вознамерившиеся наверстать упущенное.

Темное время суток на экваторе длится столько же, сколько и день. И наши друзья, устроившись на тонкой подстилке из травы, самозабвенно проспали все эти долгие часы, не замечая кваканья гигантских лягушек, воплей обезьян и воя выпи: переход, совершенный ими через республики Центральной Америки, Панамский перешеек и Колумбию, научил их не обращать внимания на шум тропической ночи.

Проснулись путешественники около шести часов утра — в тот миг, когда солнце, исчезнувшее внезапно за горизонтом двенадцать часов тому назад, вновь появилось на небосводе. Переход от дня к ночи и от ночи к дню происходил столь резко, что, как снова заметили друзья, по существу, не было ни вечерних, ни утренних сумерек.

Обоих французов по-прежнему тревожила одна и та же мысль: «Почему эти негодаи не вернулись назад?»

Рассудив, что дальнейшее пребывание у лепрозория едва ли имеет какой-то смысл, Жюльен предложил проследовать в деревню, расставшись, таким образом, со шхуной, затопленной приливом, и с прокаженными, которые — удивительная вещь! — скучились возле бреши, но, несмотря на отсутствие на этот раз сторожа с его достопамятным мушкетеном, выйти на свободу так и не осмелились.

— Пошли,— сказал Жак, убежденный, что в Бурро они смогут получить не только продукты питания, но и какие-никакие сведения, касающиеся их врагов.

Пройдя с час по тропинке, они оказались в жалком местечке, куда и стремились попасть. Несколько рыбаков-метисов — потомков негров и индейцев — сообщили друзьям, что накануне тут побывали с десятком вооруженных людей, которые купили у них рыбу, забрали, скорее силой, чем по взаимному согласию, всех мулов и, прихватив с собой проводников, отправились на юг по единственной дороге на Барбакоас.

Сомнений нет: незнакомцы, знавшие, как добиваться желаемого, не считаясь с другими, могли быть только головорезами капитана Боба.

Французы тотчас же решили пойти по следу проходимцев — пешком и, по существу, без запасов провизии, хотя их намерение преследовать десять здоровых, хорошо вооруженных и пренебрегавших моральными устоями людей можно было бы расценить как чистейшее безумие.

Приобретя за немалую цену немного кукурузной муки, сахар и пару мачете, необходимых им, чтобы пробираться по девственному лесу, они, не задерживаясь, направились в Барбакоас, до которого от Бурро или, точнее, от Искуанды, селения, расположенного на другом берегу реки того же названия, примерно один градус, что соответствует ста одиннадцати километрам.

Подобное расстояние не могло испугать наших путешественников, даже лишенных лошадей или мулов. В нормальных условиях, несмотря на крайне скверное состояние колумбийских дорог, они преодолели бы его менее чем за три дня.

Но, ступившись в путь, французы увидели, что понятие «нормальные условия», предполагающее чередование ясных и ненастных дней, для провинции Барбакоас неприемлемо.

Как справедливо отмечает месье Эдуар Андре, известный исследователь экваториальной Америки, климатологическая система района Барбакоас — единственная в своем роде, выражающаяся в простой формуле: там всегда льет дождь. Сухие и дождливые сезоны, четко следующие друг за другом в других теплых краях, здесь не существуют. Зная местную метеорологическую обстановку, нетрудно представить себе, какая буйная тут растительность. Это уже не прежний строгий лес, в котором стволы, словно бесчисленные колонны в соборе, безмерно вытянулись вверх, поддерживая непроницаемый зеленый полог. Экваториальная чащоба заметно поредела, в результате чего в южноамериканских джунглях стало боль-

ше воздуха и света и обогатился видовой состав растительного мира, приобретшего ни с чем не сравнимые мощь и блеск.

В силу вышесказанного Жак и Жюльен, в которых, казалось бы, мог уже угаснуть интерес к зеленому великолепию, не впервой созерцаемому ими, забыли о своей усталости, и, шествуя по дороге среди пышной растительности, они, не обращая внимания на теплый дождь, буквально омывавший их с головы до пят, то и дело восхищались открывавшимся их взору несравненным зрелищем.

Впрочем, мы допустили преувеличение, назвав тропу дорогой, ибо друзья в действительности продвигались вперед едва проторенным в зеленом царстве путем. Каких только растений здесь не было! Вздыхавшиеся ввысь стройные пальмы с блестящей изумрудно-зеленой листовой соседствовали с лимонными деревьями с толстыми стволами, гигантские *Bertholletia* * — со знаменитым бакаутом ** и бесценными породами, дающими красное дерево ***. *Cyathea* **** с черными с металлическим отливом стволами выставляли словно напоказ кружево из огромных перистых листьев на мохнатых крючковатых черешках. *Chamaecops* ***** и *Mayritia* ***** шевелили листьями, похожими на пучок острых шпаг, причудливые максимилианы поражали своими длинными, в тридцать футов, листьями, венчавшими высокий, приблизительно в сто футов, ствол. Пристроившаяся под этими гигантами *Heliconia* ***** уронила вниз свои трехцветные колосья. Дикая китайская роза, выросшая под боком у огромных камышей, обвитых вьюнками с лазурными и пурпурными

* Бертолетия (лат.) — растения семейства лецитисовых.

** Бакаут, или гваяковое («железное») дерево — тропическое дерево высотой до 15 метров с очень твердой древесиной, которая идет на выделку блоков, кеглей, зубчатых колес.

*** Красное дерево — здесь: красная и коричневая древесина махогониевого, сапфанового и ряда других тропических деревьев, часто также называемых красным деревом и произрастающих в тропической Америке, Африке и Юго-Восточной Азии; очень прочна, хорошо полируется, используется в мебельной промышленности.

**** Циатея (лат.) — род древесных папоротников семейства циатейных, произрастающих преимущественно в тропиках.

***** Хамеропс (лат.) — род пальм высотой от 2 до 6 метров с кроной из веерных листьев с колючими черешками.

***** Мауриция (лат.) — род американских пальм высотой свыше 25 метров, дающих съедобные плоды с маслянистой мякотью.

***** Геликония (лат.) — род крупных многолетних травянистых растений из семейства геликониевых, напоминающих по облику бананы и распространенных главным образом во влажных тропиках Центральной и Южной Америки.

колокольчиками, похвалялась своими цветами в форме красных чашечек с золотистым ободочком. Каждое растение, вплоть до *Peperomia* * и бегонии **, вносило какой-то свой отдельный оттенок, обогащая и без того изумительную по многообразию палитру красок.

Внизу, вверху — повсюду цветы. Бесчисленные растения-паразиты, тонкие, как нитки, или толстые, словно канаты, взбирались по стволам лесных богатырей, запутывались в их кронах, оплетали вершины и затем ниспадали с них, демонстрируя бесподобное великолепие своих цветов — пурпурных, желтых, лазурных, пестрых, матовых или как бы покрытых лаком... *Bauhinia* ***, *Passiflora* ****, *Aroideae* *****, *Cyclanthus* *****, папоротники, бегонии, ваниль *****, перец и многие другие виды растений, стоявшие одиноко или образывавшие отдельные группы, радовали путников своей листвой или протягивали им в руки гирлянды и гроздья цветов, над которыми, сверкая, словно драгоценные камни, кружилась с жужжанием рой насекомых.

К сожалению, как мы отмечали выше, всю дорогу шел дождь, и друзья после длительного и тяжелого перехода стали уже подумывать, не остановиться ли им на отдых здесь, посреди леса, хотя при этом они рисковали замерзнуть ночью, что было чревато опасностью подхватить коварную лихорадку, как вдруг сквозь деревья проглянула довольно странного вида деревня — своего рода маленький приозерный городок, с домами, приподнятыми на сваях над землей для защиты жилья от влаги, пропитав-

* *Пеперомия (лат.)* — род вечнозеленых низкорослых многолетних и однолетних травянистых растений семейства перцевых.

** *Бегония* — род растений семейства бегониевых, многолетние травы, реже — кустарники и лианы, произрастающие в тропиках и субтропиках, многие виды их разводятся как декоративные растения.

*** *Баугиния (лат.)* — крупноцветные растения семейства бобовых.

**** *Пассифлора*, или страстоцвет (*лат.*) — растения семейства страстоцветных с крупными цветами, произрастают в тропических и субтропических районах, разводятся как декоративные и плодовые растения.

***** *Аронник (лат.)* — небольшие прямостоячие травянистые болотные и водные растения подсемейства аронниковых, произрастают преимущественно в тропических и субтропических зонах.

***** *Циклантус (лат.)* — пальмовидные или кустарниковидные многолетние травы семейства циклантовых.

***** *Ваниль* — род наземных или эпифитных (то есть селящихся на стволах и ветвях других представителей флоры) растений семейства орхидных, лианы, лазающие при помощи воздушных корней, произрастают в тропиках обоих полушарий, некоторые виды культивируются из-за плодов, содержащих ароматическое вещество ванилин.

шей землю и затопившей обширные пространства, ставшие из-за этого непригодными для земледелия. Каждое строение, длиной от десяти до двенадцати метров и шириной от шести до семи, как бы насаженное на четыре сваи высотой в один этаж в наших городских зданиях, состояло всего-навсего из крыши из пальмовых ветвей, поддерживаемых четырьмя столбами, которые покоились на балках, служивших обитателям этих сооружений сиденьями. Пол представлял собой простой настил из ветвей, покрытых притоптанным слоем земли, на котором разжигали огонь для приготовления пищи. Подняться в это жилище можно было лишь по древесному, с поперечными надрезами стволу. По словам уже упоминавшегося нами месье Андре, местные жители так же ловко пользуются сим своеобразным приспособлением, как мы — лестницей. Понятно, подобный дом, лишенный ненужных при таком климате стен, продувается ветром со всех сторон. Вдоль всего строения шло небольшое, высотой в метр, ограждение из крепких пальмовых ветвей, призванное оберегать домочадцев от падения вниз.

Мебель сводилась к нескольким грубой работы табуреткам, а посуда — к горшку, поставленному на три камня, и к сосудам из тыкв.

Хозяева этих примитивных жилищ, с наслаждением растянувшись на расстеленных на полу полотнищах, спали, таким образом, на свежем воздухе, под скромным прикрытием крыши и под монотонное, беспрестанное постукивание дождя о листья, столь же непроницаемые для воды, как черепица.

Дождь усиливался, и двое путешественников, естественно, приободрились, когда обнаружили, что обитатели этих удивительных свайных сооружений еще не отошли ко сну. Набухшая почва хлюпала под ногами друзей, влага, насыщавшая воздух, проникала под одежду, но они уже не замечали этого, радуясь тому, что обрели наконец-то пристанище.

Жак и Жюльен не ошиблись, рассчитывая на гостеприимство местных жителей. Едва индейцы, которые танцевали или попивали нечто вроде нашей водки, заметили приближение незнакомцев, как тотчас же устремились к ним навстречу, окружили их плотным кольцом и пригласили принять участие в веселье. Зная по опыту, что подобное приглашение исходит от чистого сердца и за ним не может скрываться намерение заманить путников в ловушку, поскольку проживающие в этом регионе краснокожие отличаются дружелюбием, французы полезли по бревну в ближайший же приозерный дом.

Их прекрасно приняли, поскольку они были гостями и к тому же белыми — скромными, сильными и отважными, только что вышедшими из леса, где им пришлось проделать немалый путь под не прекращавшимся ни на миг дождем. Европейцы наслаждались обретенным уютом, и монотонный шум дождя лишь ласкал теперь их слух.

Жюльен имел уже опыт подобного общения с индейцами. Он показал им самые ценные свои бумаги — кредитные письма и паспорт — со сделанными в них отметками. Заключенные, к счастью, в непромокаемый кошелек, все документы находились в прекрасном состоянии.

Жак решил последовать его примеру. Перелистав свою знаменитую записную книжку с заметками, прочная обложка которой не пропустила ни капли дождя, он положил ее, как обычно, в левый карман куртки и, машинально ощупав правый, обычно аккуратно застегнутый, невольно издал удивленный возглас: пуговица исчезла, карман был разорван.

— Что случилось? — спросил встревоженно Жюльен.

— Когда мы находились в лепрозории, я ни разу не удосужился проверить, по-прежнему ли мой бумажник в кармане.

— Ну и?..

— Он пропал.

— Печально.

— Еще бы!

— А что в нем лежало?

— Да ничего, если не считать письма, которым мой дядя объявлял меня своим единственным наследником.

ГЛАВА 6

Закупка провизии в Барбакоасе.— Маршрут полковника Батлера и капитана Боба.— Дорога на юг.— Верхом на себе подобных.— Через Кордильеры.— Безжалостный офицер-испанец.— Месть носильщика.— Первые симптомы морской болезни.— Мост через ущелье.— Сороче — горная болезнь.— Колумбийско-эквадорская граница.— Долина реки Рио-Чота.— Сафрийский тростник.— Укус коралловой змеи.— Смертельная опасность.

Потеря бумажника, где хранилось письмо, объявлявшее Жака Арно единственным наследником его дяди, старого владельца фазенды Жаккари-Мирим, было, в сущности, не таким уж важным делом. Что, в конце концов, могла означать эта пропажа? Всего-навсего кое-какие до-

полнительные формальности в момент вступления Жака в права наследования, поскольку установить его личность в Рио-де-Жанейро, не слишком удаленном от фазенды, не составляло особого труда. Кроме того, наверняка в официально заверенном завещании покойного содержались конкретные предписания, касающиеся передачи племяннику огромного состояния, а также достаточно точная характеристика наследника, что позволило бы избежать каких бы то ни было осложнений, больших или малых.

Примерно так рассуждал Жюльен де Клене, узнав об исчезновении письма, расстроившем поначалу Жака Арно.

Покинув под шум дождя приозерную деревню, где им было оказано сердечное, радушное гостеприимство, путешественники, так и не дождавшись изменения погоды в лучшую сторону, добрались наконец до Барбакоаса. Этот маленький с пятью тысячами жителей городок может стать впоследствии важным, процветающим населенным пунктом. Этому, в частности, будет содействовать его выгодное расположение у места слияния рек Телемби и Гуги, благодаря чему он непосредственно связан с маленьким портом на острове Тумако, куда раз в месяц заходят суда, обслуживающие грузо-пассажирскую линию Кальяо — Панама. Кроме того, хотя это селение приподнято над уровнем моря всего на двадцать два метра, климат здесь очень здоров. И наконец, проходящий через Барбакоас тракт, ведущий в Тукеррес, придает ему статус торгового центра.

Полковник Батлер и достойный его сообщник капитан Боб, прибыв в Барбакоас на два дня раньше наших друзей, отправились отсюда к колумбийско-эквадорской границе. Уже это одно заставило бы отважных французов покинуть прибрежную зону, чтобы ступить на ужасную, ведущую в горы дорогу, которая, пройдя через Тукеррес, спускается к Кито, не говоря уже о том, что данное направление совпадало в целом с намеченным ими маршрутом сухопутного путешествия в Жаккари-Мирим.

Жюльен, этот заядлый землепроходец, уже знал по собственному опыту о тех неслыханных трудностях, с которыми сталкивается путник в этом районе Кордильер, и поэтому прежде всего нанял четырех здоровенных носильщиков-индейцев, отличавшихся безбородыми лицами с мягкими, правильными чертами и стальными мускулами. Туземцы, занимающиеся подобной работой, переносят груз в тех местах, где вычюные животные пройти не могут. Двое краснокожих должны были тащить багаж, включая

провизию, и столько же — везти на себе самих путешественников.

Жак сначала воспротивился мысли ехать верхом на себе подобном, заявив при этом, что он не уступит в ходьбе индейцам: если моряк из него никудышный, то он с полным правом может гордиться собой как непревзойденным альпинистом. Жюльен молча улыбнулся в предвидении некоторых обстоятельств, которые в ближайшее же время вынудят его высокомерного друга пересмотреть свою точку зрения.

Первые тридцать километров, отделявшие Барбакоас от маленького местечка Пилькуан, были преодолены более или менее спокойно. Но вскоре дорога пошла резко на подъем, что стало серьезно сказываться на лодыжках любителя альпинизма. Переправившись через несколько небольших ущелий, чье дно усеивали острые камни, загромаждали стволы деревьев или перерезали водные потоки, таившие в себе смертельно опасные пучины, Жак понял наконец, сколь нелепым было его стремление следовать, даже налегке, за этими ни с кем не сравнимыми горцами. Удрученный данным фактом, он попросил одного из носильщиков на ломаном испанском взгромоздить его к себе на спину. Индеец, который молча шел все это время, не понимая, почему белый человек, заплатив за то, чтобы его несли, вышагивает вдруг пешком, остановился и, поставив на землю сиденье, предложил путешественнику устроиться на нем. Сооружение сие представляло собой крепко сбитый деревянный стул с довольно высокой спинкой и планкой для ног. Вместо веревок, используемых парижским лоточником, здесь это своеобразное кресло было схвачено с двух сторон широкими и прочными ремнями, один из которых упирался в лоб носильщику.

Только тут Жак понял, что именно из-за невероятно огромного физического напряжения, требующегося постоянно от людей, взбирающихся с тяжелейшей ношей на головокружительные кручи или спускающихся с них, идущих по краю пропастей, по остроугольным уступам и кажущимся непроходимыми тропам между округлыми скалами, мышцы у носильщиков приняли столь невероятные размеры, деформировавшие их шеи. И хотя перед ним маячил Жюльен, уже взгромоздившийся на спину «своего» индейца, он еще некоторое время колебался, прежде чем усесться на это оригинальное устройство в общем-то не очень внушающего доверия вида.

— Давай же! — поторопил его Жюльен. — Решай нако-

нец: или последуй моему примеру, или по-прежнему иди пешком.

— А эти краснокожие очень надежны?

— Да, и в моральном, и в физическом плане. Они не знают, что такое головокружение или упадок сил, и к тому же у них исключительно развито чувство долга. Мы ведь не первые путешественники, кто обратился к ним за помощью. Правда, один из европейцев, вместо того чтобы преисполниться к ним благодарности, вздумал над ними поиздеваться, но был наказан.

— И кто же он, этот, видимо, проклятый Богом и людьми человек, проявивший подобную безнравственность?

— Некий испанский офицер. Пересекая Киндио, он беспрестанно ругал своего носильщика за то, что тот, мол, слишком медленно идет, хотя индеец и так выбивался из сил. Чтобы заставить несчастного краснокожего двигаться еще быстрее, наглый европеец больно стиснул ногами его с боков. Индеец, не говоря ни слова, дождался, пока тропка не подошла к краю пропасти, и тогда, опершись на свой железный посох и резко нагнувшись, сбросил обидчика в ущелье. Все носильщики Киндио знают эту историю, и три года назад один из них во время моего первого путешествия по Колумбии показал мне то место, где нашел свою гибель заносчивый испанец.

— Нетрудно представить себе, какой кульбит проделал он, пока летел вниз,— произнес Жак, покорно сядя на стул.— Но с нами такого не случится: мне и в голову не придет подгонять моего дядьку — я уж лучше предложу ему неплохие чаевые, когда нас доставят по назначению.

— Насчет чаевых не беспокойся: я уже пообещал их в самом начале, сказав, что их самоотверженность будет оценена по достоинству.

Первые минуты были необычайно тяжелы для Жака Арно. Хотя он и не слишком нервничал, но приспособиться к ритму движения носильщика никак не мог. Инстинктивно пытаясь как бы вдавиться в сиденье, бывший супрефект раскачивался взад-вперед, то и дело испытывая сильные толчки. Так и сидел он в скованной позе, словно изваянная из камня скульптура. А дождь между тем все лил и лил, теплый и монотонный.

Вскоре Жак стал ощущать подташнивание и тяжесть в висках, какую испытывают люди, у которых вот-вот начнется морская болезнь.

Морская болезнь! Сама мысль об этом недуге привела Жака в ярость. Он готов был на собственном опыте познать все преимущества и неудобства избранного ими способа передвижения, но стать жертвой вышеупомянутой хвори не соглашался ни за что.

Жак сопротивлялся обрушившейся на него напасти — внутренне, конечно, так как он боялся даже шевельнуться, чтобы не нарушить устойчивость носильщика. И одержал победу! Головокружение и тошнота исчезли, напряжение, заставлявшее путешественника скрючиваться, спало, и он смог спокойно созерцать открывавшийся перед ним пейзаж.

Это передвижение на спинах людей продолжалось много дней, в течение коих отважные и стойкие носильщики не выказывали внешне ни малейших признаков усталости. Наконец маленький отряд, идя под не прекращавшимся ни на миг дождем, достиг Сан-Пабло, приозерной деревни с единственной улицей, покрытой липкой, черноватой грязью, принесенной водой с соседних гор, и представлявшей собой зловонную клоаку *. В этом населенном пункте, расположенном на высоте примерно тысячи трехсот метров над уровнем моря, путешественникам предстояло пересесть со спин себе подобных на мулов. Носильщики, щедро вознагражденные за их невероятно тяжелый труд, от всей души поблагодарили чужеземцев и отправились в обратный путь. Ну а наши друзья вверили свои судьбы совершенно истощенным, одряхлевшим с виду животным, которые, однако, проявили себя в дороге существами значительно более выносливыми, чем можно было предположить, глядя на них.

До Тукерреса французов сопровождал только проводник. Дорога, трудная, мало хоженная, была столь же безопасна, как и наши магистрали. Единственное, что могло угрожать им в пути, — это встреча с полковником Батлером, капитаном Бобом и матросами со шхуны, ступившими на ту же тропу, где легко можно было сломать себе шею, двумя днями раньше. Проводник, упомянув об их необычно большой для здешних краев численности, не преминул заметить:

* Клоака — здесь: грязное место (от первоначального смысла этого слова, означавшего в Древнем Риме подземный канал для стока нечистот).

— Сеньоры очень торопились, но заплатили хорошо. Покинув Сан-Пабло, небольшой отряд достиг через три часа потока Рио-Чуеннес, обходящего стороной Кумбаль. Неистовствовавшая далеко внизу река стала бы непреодолимым для путников препятствием, если бы не мост, перекинутый через ущелье, по дну которого она проложила свое русло. Впрочем, слово «мост» не совсем подходило к сооружению, открывшемуся взору французов.

— Нам ни за что тут не перейти! — воскликнул в ужасе Жак при виде примитивной конструкции, грозившей обрушиться в любой миг.

Чтобы понять овладевшие им чувства, представьте себе два грубо отесанных бревна, уложенных параллельно на два поперечных чурбака по обеим сторонам пропасти, удерживавшихся на месте кольями, закрепленными в выемках в скалах. Привычный настил заменяли удаленные друг от друга, как прутья железной лестницы, ветви, привязанные лианами к бревнам, а перила — жерди, соединенные с основанием моста теми же гибкими стеблями вьющихся растений. Опираясь на это хлипкое ограждение и со страхом поглядывая на бурлящий в глубине расщелины мутный поток, путник переставляет осторожно ноги с одной ветви на другую.

— Доверьтесь мулам, сеньор, — посоветовал гид в ответ на восклицание Жака. — Отпустите поводья и смотрите только вверх, если вы боитесь головокружения.

Друзья, последовав этому доброму совету, благополучно переправились через ущелье.

Миновав еще несколько потоков, куда более опасных, чем только что описанный нами, не раз изумляясь тому, что до сих пор не сломали себе шею, и без конца благословляя удивительный инстинкт мулов, наши герои достигли наконец Тукерреса, расположенного на высоте трех тысяч метров над уровнем моря и в восьми километрах к северо-востоку от вулкана Азифраль, над которым в этот день вился сероватый дым.

Само по себе это селение мало чем примечательно. Из-за возвышенного местоположения среднегодовая температура в нем составляет всего лишь десять градусов выше нуля. И путешественник, который совсем недавно изнемогал от жары, в этом населенном пункте буквально дрожит от холода, если находится без движения. Ну а если он вздумает вдруг пройти быстрым шагом по горбатым улочкам маленького колумбийского городка, то ему грозит

горная болезнь сороче * — крайне неприятный недуг, вызываемый разреженным воздухом. Пораженный этой напастью вынужден останавливаться каждые несколько шагов из-за одышки и минутами стоять неподвижно с зеленым лицом, ощущая, как у него подкашиваются ноги.

Опасаясь и простуды и сороче и к тому же стремясь как можно скорее добраться до Кито, Жак и Жюльен лишь ненадолго остановились в Тукерресе. Затем, одним махом одолев приблизительно двадцать два километра — расстояние, отделявшее их от эквадорской границы, они достигли знаменитого естественного моста Румичака на реке Рио-Карчи, отделяющей одну республику от другой.

Пройдя еще восемь километров, они оказались в Тулкане — первом городе Эквадора **, где их встретили, прямо скажем, очень радушно, — в значительной степени благодаря вознаграждениям, на которые наши герои не скупились. Здесь они впервые познакомились с эквадорской кроватью — *cuadro*, или *кадро*, представляющей собой крепко обтянутую вдоль и поперек кожаными ремнями раму на четырех ножках высотой в пятьдесят сантиметров. На этот лежак, довольно жесткий, кладется простыня — и постель готова!

Быстро, не задерживаясь нигде подолгу, то взбираясь вверх, то спускаясь вниз и испытывая в один и тот же день то адский зной, то холод, когда температура приближалась часто к точке замерзания воды, друзья упорно двигались на юг и в один прекрасный день подошли к долине реки Чота, или по-испански Рио-Чота, где их ожидало подлинное пекло.

Привольно раскинувшаяся и даже жутковатая на вид, эта обширная впадина являет собой такой редкий геологический феномен, как расщелина в гигантской горной цепи Анд, этого позвоночного столба Южной Америки.

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Завоевавшие Южную Америку испанцы, привыкнув сами к местным условиям, искренне удивляются плохому самочувствию посещающих эти края путешественников из других регионов земного шара, тогда как сами они, хотя и далеко не все, легко взбираются на самые высокие вершины Анд. Те же из них, кто ощущает в горах страшную усталость, полагают по наивности, что виной головных и сердечных болей являются обнаруженные в этих местах богатые месторождения сурьмяной руды, и поскольку сурьма именуется по-испански «сороче», то они тем же словом «сороче» назвали и хворь, от которой страдают».

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар счел нужным напомнить читателю, что название Эквадора происходит от испанского слова «*equator*» — «экватор».

В самом деле, если исключить чилийские Анды, изобилующие, как отмечает месье Эдуар Андре, теснинами, то в Кордильерах насчитывается лишь три места, где водные потоки свободно, подобно Дунаю, устремляющемуся в Железные Ворота * в Карпатах, пересекают горные громады: это долины рек Патиа, на юге Новой Гранады **, Чота и Гаябамба, или Рио-Гаябамба.

«Более глубокие и более узкие, чем долины Альп и Пиренеев,— говорит месье Гумбольдт, описывая эти места,— расселины Кордильер предлагают путешественнику тропы самые дикие, более других способные вызвать у вас одновременно и восхищение и ужас. Ущелья подчас так глубоки, что за их стенами могли бы надежно укрыться от постороннего взора Везувий *** и Дом ****. Средняя глубина горной впадины, в которой разместилась Ордесская долина, протянувшаяся от горы Перду, равняется девятистам метрам. Путешествуя по Андам, мы, месье де Бонплан и я, пересекли также знаменитую расселину Чота с каменными стенами высотой более полутора тысяч метров. Чтобы дать более яркое представление о величественности этих геологических феноменов, бесполезно отметить, что дно этих расселин расположено не менее высоко над уровнем моря, чем перевалы Сен-Готард ***** и Мон-Женис».

Рио-Чота,— а только она и владеет сейчас нашим вниманием,— несется по дну одной из самых значительных впадин земного шара. Если вершины восточной гряды Кордильер, прорезанной руслом этой реки, образовавшей долину глубиной от полутора тысяч до тысячи восьмисот метров, исчезают в ледяном тумане, то по берегам потока отлично произрастает сахарный тростник, замещаемый выше молочаем, алоэ и агава-

* Железные Ворота — теснина на реке Дунай, на границе Югославии и Румынии.

** Новая Гранада — с 1538 года — название испанских колоний в Южной Америке, с 1819-го, после провозглашения независимости от Испании бывших ее владений, и до 1863 года — современной территории Колумбии и Панама. В разное время в состав Новой Гранады включалась также территория современной Венесуэлы и Эквадора.

*** Высота Везувия — действующего вулкана на юге Италии — 1277 метров над уровнем моря.

**** Дом — гора в Центральном французском массиве высотой 1464 метра над уровнем моря.

***** Сент-Готард — перевал в Альпах, на юге Швейцарии, на высоте 2108 метров над уровнем моря.

ми — типичными представителями флоры негостеприимного каменистого плато Мексики и засушливых калифорнийских земель.

Спустившись по одному из труднейших для перехода склонов на широкую площадку, где из-за изгороди из алоэ проглядывал сахарный тростник, и не встретив на пути какого бы то ни было источника воды, двое наших друзей и их гид, измучившись сверх меры, мечтали всей душой о той минуте, когда они смогут наконец утолить жажду в реке, бежавшей внизу под ними на глубине свыше трехсот метров.

Бурдюки были уже давно пусты, и, кроме легкого алкогольного напитка, приготовленного из сахарного тростника и различных фруктов и предназначавшегося исключительно проводнику, у путешественников не было ни капли жидкости. Для того же, чтобы достигнуть потока, требовалось пройти еще не менее трех четвертей часа. И Жюльену, вполне естественно, пришла в голову мысль хотя бы частично утолить жажду, пососав стебель сахарного тростника.

Достав мачете, он с ловкостью индейца, привычного к тропическим чащобам, срубил несколько толстенных стволиков алоэ и, отскочив немного назад, подождал, пока срезанные растения с мясистыми листьями, обрамленными острыми шипами, способными серьезно поранить человека, не упали на землю, а затем осторожно протиснулся под образовавшийся в живой изгороди свод. Зная по опыту, что такие колючие заросли служат прибежищем многим тварям, стремящимся обрести здесь надежную защиту от своих врагов и укрыться от палящего солнца, он лихо размахивал во все стороны своим оружием, чтобы разогнать крабовых пауков*, сколопендр**, кайманов и змей, если бы таковые вздумали тут затаиться.

Потом Жюльен подошел к тростниковым посадкам, срезал несколько стеблей и опустился, чтобы их подобрать. Но едва коснулся левой рукой сочных зеленых листьев, как его указательный палец пронзила такая жгучая боль, что он не смог сдержать пронзительного вопля. Не думая уже больше о тростнике, наш герой поспешно

* Крабовые пауки, или пауки-бокоходы — пауки, не строящие ловчей сети и отличающиеся своей манерой бегать боком, как краб.

** Сколопендра — небольшое ядовитое животное из класса многоножек.

вскочил на ноги, полагая, что укололся о шип алоэ, и тут же убедился в том, что ошибся. Несмотря на всю свою отвагу и выдержку, он страшно побледнел и почувствовал, как у корней его волос выступил холодный пот, когда увидел, что в его палец вонзила острые зубки маленькая змея, немного толще ручки для письма и необычайно ярко-красной окраски.

Жак с проводником, услышав крик, кинулись в проделанный Жюльеном проход в живой изгороди и, перепрыгнув через лужицы густого сока, сочившегося из свежесрезанных стеблей и листьев тростника, подбежали к бедняге.

— Коралл!.. — завопил испуганно проводник. — Это коралл!.. Ах, сеньор!.. Сеньор!..

— Как? — пролепетал упавшим голосом Жак. — Это коралловая змея?! *

— Одно из самых ядовитых пресмыкающихся, — вновь обретя твердость духа, ответил Жюльен. — Ее укус не проходит даром...

— Но тогда... — потерянно произнес Жак, ощутив внезапно слабость во всем теле. — Но тогда... — Он не смог закончить фразы, грудь его сотряслась от горького рыдания.

— Мне осталось жить не более четырех часов... Если только...

— Если только? — спросил нетерпеливо Жак, цепляясь за мелькнувший было лучик надежды.

— Я вовремя не отрежу палец, по которому уже распространился яд.

С этими словами Жюльен одним взмахом холодного оружия сметнул змею, не желавшую добровольно отпустить свою жертву, схватил ремингтоновскую винтовку, положил на приклад палец, на конце которого виднелись две маленькие красные точки, и поднял мачете.

Жак в ужасе закрыл глаза и заткнул уши, чтобы не слышать удара, который искалечит его друга, но спасет его или нет, еще неизвестно.

* Этим названием в зарубежной литературе обозначаются по меньшей мере четыре вида змей. В данном случае речь скорее всего идет о коралловом аспиде — исключительно красивой, окрашенной в яркий киноварно-красный цвет змеи, достигающей в длину 60 — 70 сантиметров и обитающей в тропических лесах и, реже, в открытых местностях Южной Америки.

Своевременная помощь.— Средство от смертельного яда.— Плоды цедрона.— Знакомство белых с целебными свойствами священного дерева.— Город Ибарра.— Катастрофа шестнадцатого августа 1868 года.— Сорок тысяч жертв.— Президент Гарсиа Морено.— Железный человек.— У экватора.— Вулкан, извергающий тысячи рыб.— Каямбе — соперник Чимборасо.— Восторженные чувства Жюльена.— Кито.— Самобытный облик столицы Эквадора.— Единственная в своем роде панорама.— Сложная политическая обстановка в южноамериканских странах.

Решив отрубить себе палец, Жюльен, которого укусила змея, рассчитывал помешать таким образом смертельному яду распространиться по всему телу. Подобный героический и вместе с тем отчаянный поступок, требующий от человека, совершающего его, непоколебимого мужества, чреват серьезной опасностью, поскольку при такого рода ампутации в обстановке, ничего общего не имеющей с предписаниями современной хирургии, остаются открытыми артерии, которые могут закрыться лишь при условии, что рана будет обработана соответствующим образом. И кроме того, отсечь самому себе какую бы то ни было часть своего тела — разве это не ужасно?

Жюльен, намеренно стараясь не думать о новой боли, которую ему предстоит испытать, и о возможных последствиях подобной операции, собирался уже было опустить стальное лезвие на обреченный палец, ибо промедление в данной ситуации смерти подобно, как вдруг ему внезапно помешали.

Проводник, первым вышедший из оцепенения, успел перехватить руку Жюльена, уже занесшую вверх мачете.

— Зачем ты сделал это, мой друг? — спросил Жюльен, чуть ли не разгневанный неожиданным вмешательством, поскольку задуманное им требовало как быстроты, так и решимости.

— Надеемся, сеньор!.. Надеемся! — ответил метис своим тихим голосом. — И не надо отрубать палец. Видите ли, — добавил гид наивно, — он ведь не отрастет у вас заново.

— Хорошо сказать: надеяться!.. — пробормотал Жюльен. — Но на что?

— На выздоровление.

— Разве это возможно?

— Да, возможно: я спасу вас.

Раненый скептически повел плечами, проводник же с жаром продолжал:

— Послушайте, господин, в пятидесяти шагах отсюда растет дерево, которое снабдит вас безотказным целебным средством.

— А если ты ошибаешься?

— Я не ошибаюсь, господин, клянусь жизнью. Пусть ваш друг возьмет под прицел мою голову, если не верит в мою верность и думает, что я убегу, и пройдет со мной до дерева. И коли, приняв это снадобье, вы не поправитесь сегодня же вечером и не будете вновь в состоянии продолжить путь, он может убить меня.

— Хорошо, я верю тебе,— коротко ответил Жюльен.— Иди же скорее, а то мне совсем уже невмоготу.

Метис тотчас кинулся к дереву и вскарабкался на него с ловкостью обезьяны.

Жак, не услышав удара мачете, который возвестил бы о том, что друг его покалечен, открыл глаза, выражавшие ужас и скорбь. Когда же до его сознания, оупленного испытанным парижанином глубоким потрясением, дошел наконец смысл сказанного гидом, в нем вновь пробудилась надежда, и он начал нашептывать другу подбадривающие слова.

Жюльен, с трудом держась на ногах, с неслыханным хладнокровием анализировал появившиеся уже первые симптомы заражения. Его палец, опухший почти сразу же после укуса, приобрел мертвенно-бледный цвет.

— Теперь поздно от него избавляться,— произнес он спокойно.— Онемение достигло ладони, происходит посинение руки.

— Тебе очень больно? — спросил жалостливо Жак.

— Нет, не так, чтобы слишком... Немного кружится голова и подташнивает, но это ерунда.

— Надейтесь, сеньор!.. Надейтесь!..— послышался радостный голос проводника.

Метис подбежал, запыхавшись, с тремя налитыми плодами размером с гусиное яйцо, флягой с хмельным напитком, за которой ему пришлось сбегать специально, так как она находилась в клади, взваленной на спину мула, и с небольшим жестяным сосудом, похожим на кружки у наших солдат.

— Хозяин, вот это лекарство,— сказал он Жюльену, бросавшему на плоды, от которых зависела его жизнь, нетерпеливые, как нетрудно догадаться, и выражавшие надежду взгляды.

Подобного рода фрукты англичане называют словом «*drupe*», что означает «косточковый плод» *. У них довольно жесткая кожица, прикрывающая *endocarp* — эндокарпий, или внутриплодник, то есть, выражаясь общедоступным языком, внутреннюю часть плода.

Проводник быстро разломил один из плодов, извлек из беловатой мякоти косточку, расколол ее черенком ножа, достал оттуда пару круглых ядрышек, слипшихся друг с другом, и осторожно положил их в жестяную посуду. Прodelав моментально то же самое и с остальными двумя плодами, он растолок все шесть ядрышек, налил в кружку восемь — десять ложек хмельного напитка и заставил Жюльена выпить половину полученной таким образом микстуры. Затем вынул из кармана Жака торчавший наружу носовой платок, разорвал его на четыре части, завязал одним клочком большой палец и обильно смочил повязку остававшейся в жестянке жидкостью.

С тех пор как Жюльена укусила коралловая змея, столь же опасная, как и гремучая, прошло с четверть часа. Проводник вмешался вовремя: за те несколько минут, что он чистил плоды и обрабатывал палец, у Жюльена появилась одышка, его стало рвать, то есть налицо были безусловные признаки проникновения в кровь смертельного яда.

Жюльен, выпив жгучее, неприятное на вкус лекарство, ибо алкогольный напиток лишь слегка смягчил содержащуюся в ядрышках горечь, хотел было вытянуться во весь рост на земле, ожидая, когда скажется лечебный эффект эликсира. Однако гид отговорил его, убедив, что французу, наоборот, следует непрерывно ходить.

— Верьте мне, хозяин, отдых вам ни к чему, — сейчас по крайней мере. Если немножко походите, лекарство подействует быстрее.

— Хорошо. Пройдемся вместе: мне хотелось бы поближе разглядеть бесценное растение, которое должно спасти мне жизнь. Все же не ходить бесцельно взад-вперед.

Шли они медленно, так как Жюльен настолько обессилен, что передвигался с трудом. Добравшись до красивого дерева высотой в семь-восемь метров, со стройным, как

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар объясняет, что «*drupe*» — «ботанический термин, служащий для обозначения всякого мясистого плода, содержащего косточку, будь то вишня, слива или персик».

у пальмы, стволом и пышным убранством из огромных перистых листьев, они остановились. В богатой зеленой кроне виднелись одновременно и плоды, и свисавшие вниз метелкой цветы, имевшие по пять очень узких лепестков, матово-белых снаружи и темных и пушистых внутри. Что же касается плодов, то мы их только что описали.

— Как называется это дерево? — спросил Жак.

— Мы, местные, зовем его «цедрон» *, — ответил проводник. — Оно считается у нас священным.

Только счастливый случай открыл европейцам ценные, а точнее, бесценные свойства этого растения, о котором теперь знают повсюду. Использоваться в медицинских целях белыми цедрон (*Zimaba cedron*) стал сравнительно недавно, с 1828 года, после того как индейцы принесли несколько ядрышек, извлеченных из его плодов, в Картахену ** и заявили, что порошок из них или настойка из цветов этого дерева неизменно спасают людей и животных, ужаленных самыми что ни на есть ядовитыми змеями. В подтверждение своих слов индейцы не колеблясь дали укусить себя змеям, самым ядовитым в этом краю, и, приняв соответствующее снадобье, быстро выздоровели, в то время как ужаленные животные, не получившие лекарства, пали все до одного. Эти опыты произвели на белых столь большое впечатление, что у индейцев купили по цене один дублон *** — примерно восемьдесят три франка — за штуку все ядрышки, какие только у них были.

Однако долго еще это ценное растение использовалось лишь от случая к случаю, пока в 1869 году одному из наших соотечественников, бесстрашному путешественнику и медицинскому светиле, доктору Саффрэ не посчастливилось встретить цедрон во время его замечательной поездки по Новой Гранаде. Он глубоко исследовал его с ботанической точки зрения и стал регулярно применять изготовленные из его продуктов препараты в медицинской практике, — уже на серьезной научной основе. Ре-

* Речь идет о квассии цедроновой (*Quassia cedron*) — высокого дерева семейства симарубовых (*Simaroubaceae*). Дающееся ниже Л. А. Буссенаром латинское название этого растения в настоящее время в научной литературе не употребляется.

** Картахена — здесь: портовый город в Колумбии, на берегу Карибского моря.

*** Дублон — старинная золотая испанская монета, содержала около 7,5 грамма чистого золота.

зультаты превзошли все ожидания врача-энтузиаста. И впрямь, индейцы, которых считают нередко великими фантазерами, ничего не преувеличили, рассказывая о целебных свойствах цедры. Доктор Саффрэ назначал ядрышки цедры людям, у которых еще оставались на месте раны следы от зубов ядовитой змеи. Зная, что смерть наступает через несколько часов после змеиного укуса, он спасал всех без исключения своих пациентов, если только успевал вовремя ввести в их организм лекарство, причем выздоровление наступало всегда исключительно быстро. Мало того, он решил удостовериться также и в тонизирующих и жаропонижающих свойствах цедровых препаратов. Практика полностью подтвердила его догадку: эти лекарства оказались весьма эффективными в борьбе с эпидемией дизентерии, а также при лечении золотухи* и хлороза**. Но особенно поразительными были результаты, достигнутые при использовании цедровых препаратов для предупреждения или лечения перемежающихся нервных приступов. Применение указанных лекарственных средств против этого бича влажных и жарких стран дало больший эффект, чем хина: радикально вылечивая страдающих этим недугом, они в то же время не причиняли никакого вреда организму.

Впрочем, пора уже вернуться к основной сюжетной линии нашего повествования.

Прогулка к цедруне оказала на Жюльена положительное воздействие. Ходьба, которую посоветовал проводник, чтобы облегчить организму усвоение лекарства, явилась своего рода целительной процедурой, и вскоре, словно по мановению волшебной палочки, совершенно исчезли тревожные симптомы, которые с такой настойчивостью заявляли о неизбежном конце.

Это было похоже на воскресение. Жак столь бурно выражал радость по поводу удивительного спасения своего друга, что приводил в недоумение их спутника, у которого были свои представления о поведении белого человека. Жюльен, чувствуя, как силы постепенно вновь возвра-

* Золотуха — детская болезнь, одна из форм проявления туберкулеза — общее расстройство питания, сопровождающееся воспалением органов и тканей и характеризующееся сыпями, нарывами на теле и общим чахлым видом.

** Хлороз — бледная немочь, или болезненное малокровие.

щаются к нему, упивался счастьем ощущать себя живым.

Друзья всячески выражали проводнику свою искреннюю признательность, и хотя тот, как всегда, был сдержан и молчалив, на губах у него блуждала добрая улыбка, а черные глаза радостно светились при виде французов, громко изъяслявших восторг в связи с чудесным исцелением Жюльена благодаря его своевременному вмешательству.

Привал устроили неподалеку от благословенного дерева, а с зарей, захватив с собой, само собой разумеется, солидный запас стеблей сахарного тростника, небольшой отряд тронулся в путь. Жюльен, почти совсем окрепнув, весело ехал на муле.

По-прежнему двигаясь на юг, наши друзья пересекали долину Чоты, чуть не ставшую местом гибели одного из них, и в полдень уже входили в Ибарру, главный город провинции Имбабура.

Этот красивый город, некогда один из самых процветающих в Республике Эквадор, расположен на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря, почти у линии равноденствия*. Со здоровым климатом, прекрасно построенный, знаменитый историческими памятниками и насчитывавший двадцать пять тысяч жителей, занятых в промышленности, этот богатый населенный пункт, своего рода эквадорская жемчужина, казалось бы, обладал всем, чтобы и впредь пребывать в благополучии. Но, увы, за какую-то минуту славное селение превратилось в грудку камней. Шестнадцатого августа 1868 года чудовищной силы землетрясение вспучило почву, разрушило старинные строения и, по существу, полностью уничтожило этот веселый город. Под развалинами зданий погибли десять тысяч человек в самой Ибарре и тридцать тысяч в провинции. Те же, кто выжил, лишенные крова, съестных припасов и помощи, не осмеливались, на смерть напуганные грозным *tremblor***, двинуться с места, поесть или поспать. Думая, что пришел их последний час, они лишь жалобно всхлипывали, уповая на милость Всевышнего, в то время как мертвые оставались лежать непогребенными под обломками домов.

* Линия равноденствия — экватор, поскольку на экваторе день равен по протяженности ночи.

** Землетрясение (*исп.*).

Президентом республики был тогда Гарсиа Морено *, человек беспримерной энергии. Узнав в Кито о катастрофе и ужасной панике, охватившей население пострадавшего от землетрясения района, он сел на коня и одним махом домчался до Ибарры. И кстати: парализованные страхом люди могли просто задохнуться из-за дурного запаха, исходившего от трупов. Собрав народ на площади, Морено громким голосом приказал горожанам приступить к расчистке руин, извлечь оттуда мертвых и похоронить их. Никто не шелохнулся. Но президент был железным человеком и сумел найти выход из сложной ситуации. Он распорядился, чтобы солдаты, прибывшие вместе с ним из столицы, возвели три виселицы, и затем, приблизившись спокойно, с револьвером в руке, к бездействовавшим ибаррийцам, предъявил им ужасный ультиматум: работа или виселица! Толпа сдалась. Морено лично возглавил работающих, увлекая их собственным примером. Он поднимал камни, переносил трупы, копал могилы и сделал передышку лишь тогда, когда удостоверился, что вновь вернул к жизни людей, пострадавших от катастрофы.

Ибарра так и не оправилась от разрушительного удара, нанесенного ей жестокой стихией, и, когда двое друзей увидели это селение спустя одиннадцать лет после землетрясения, значительная часть его, несмотря на усилия муниципалитета, представляла собой руины. Правда, жилые дома кое-как восстановили, но было ясно, что эра процветания для Ибарры закончилась — и надолго.

Пробыв в городе только двенадцать часов, наши фран-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет со ссылкой на книгу Эдуара Андре «Экваториальная Америка»: «Президент Эквадора Гарсиа Морено, убитый в августе 1875 года, был человеком необычайно твердого духа, открытого характера, лояльным, великодушным и вместе с тем властным, не терпящим неповиновения. Он считал, что эквадорцы еще не созрели до полной свободы. Жизнь Гарсиа Морено вел чистую и возвышенную. Отчаянный храбрец и великий труженик, он отличался аскетизмом. Президент был исключительно требователен и к себе самому, и к другим. Если заслуживал наказания индеец, то Морено проявлял по отношению к нему большее великодушие, чем к провинившемуся чиновнику, занимавшему высокий пост. За опоздание на работу с рядового служащего взимался штраф в размере трех пиастров, а с начальствующего лица — сорока. Стоило только часам на монастырской башне неточно показывать время, как и монахам приходилось раскошелиться в пользу государственной казны. Когда же в одном городе начались волнения, президент незамедлительно проделал девяносто лье, загнав в пути трех лошадей, и неожиданно, словно бомба, ворвался в самую гущу мятежной толпы, полагавшей, что он находится в Кито»

цузы вновь двинулись в южном направлении и прошли всего лишь в пятнадцати километрах от вулкана Имбабуры. Давно потухший, он время от времени выбрасывает огромное количество грязи и различных органических веществ. Говорят даже, что его название состоит из двух слов: «имба», обозначающего у местных жителей маленькую черную рыбешку *Pimelodus cyclorim* *, и «бура» — «производить». И действительно, в 1691 году люди собрали несметное число выброшенных из чрева горы указанных выше крохотных существ, которые, по-видимому, кишмя кишели в некоем подземном водоеме.

Передвигаясь по немыслимым дорогам, путешественники прошли через местечки Тупигаче, Тобокундо и Качиуанго, прежде чем увидели слева от себя величественно возвышавшийся на пять тысяч девятьсот метров над уровнем моря великолепный вулкан Каямбе — по высоте вторую после Чимборасо ** вершину Эквадора.

Неожиданно остановившись, Жюльен протянул руку в сторону огромного конуса, увенчанного плотным слоем снега, сиявшего под лучами жаркого эквадорского солнца ослепительным блеском.

— Хочешь знать,— спросил он у своего друга,— в каком месте земного шара мы находимся сейчас?

— Догадываюсь,— ответил Жак, к которому после чудесного исцеления Жюльена, спасенного плодами цедрона, вновь вернулось хорошее настроение.— Мы оказались на той самой воображаемой линии, что делит землю на два полушария — северное и южное — и где полуденное солнце не дает тени и может своими прямыми лучами осветить дно глубокого колодца, а день и ночь составляют ровно по двенадцать часов... Короче, мы на экваторе, не так ли?

— Ты совершенно прав,— улыбнулся Жюльен.

— Вот ты улыбаешься... А хочешь, я скажу тебе — почему?

— Хочу.

— Ты вообразил, будто бы твой друг, канцелярская крыса из префектуры Сена, намеревается поздравить себя с тем, что добрался сюда, не пользуясь мачтой и парусом,

* Это латинское название носит один из видов мелких южноамериканских сомиков, известный также как «амарилло».

** Чимборасо — потухший вулкан на восточном склоне гор Западные Кордильеры Анд Эквадора, высота — 6267 метров над уровнем моря (высшая точка в указанной стране).

а также избежав знаменитого морского крещения на экваторе *.

— Вот как? Нет, ты ошибся. Просто, очутившись в таком месте, я чувствую себя счастливым, на седьмом небе **, и, когда гляжу на этого гиганта с шапкой снега наверху, мне приходят на память слова известного путешественника.

— А именно?

— Путешественник, которого я имею в виду,— это месье Гумбольдт. Если только память не изменяет мне, он закончил свое описание этого района следующими словами: «Здесь проходит эта идеальная *** линия, проведенная как бы самой природой через один из своих самых грандиозных памятников, с тем чтобы надвое разделить земной шар». Под памятником ученый подразумевал, понятно, вулкан Каямбе.

На следующее утро друзья были в Кито ****, расположенном на 0°13' южнее экватора.

Сколько бы ни было велико их желание как можно быстрее продвигаться по избранному пути, им пришлось все же задержаться на несколько дней в эквадорской столице. Выносливость человеческого организма имеет свои пределы, и небольшой отдых после тяжелой дороги и особенно тех волнений, которые пережили французы, когда Жюльена укусила змея, был вовсе не лишним. Кроме того, новости, полученные ими по прибытии в город, оказались настолько серьезными, что перед друзьями встала настоятельная необходимость углубленного изучения политической обстановки в странах, которые они намеревались посетить.

Им потребовалось полдня, чтобы получить представление об этом старинном ***** и во многом оригина-

* По старой традиции человека, впервые пересекающего экватор на корабле, погружают в море, или «крестят».

** Седьмое небо — согласно талмудистской (то есть основанной на талмуде — древнееврейском своде религиозных и некоторых других предписаний) литературе, высший небесный слой, где обитают Бог и наиболее высокопоставленные ангелы.

*** Идеальный — здесь: воображаемый.

**** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что в 1879 году, то есть в описываемое им время, официальных данных о численности населения Кито не существовало и что, по мнению одних, в нем проживало не более 55 тысяч человек, по подсчетам же других — 80 тысяч.

***** Кито был основан испанцами в 1534 году.

нальном городе, обосновавшемся на высоте две тысячи девятьсот метров над уровнем моря на плато Анд, у подножия вулкана Пичинча, чей кратер шириной в сто двадцать метров не знает покоя. Обладая удивительной способностью цепко удерживать в памяти наиболее интересное из увиденного ими даже при беглом осмотре достопримечательностей, наши землепроходцы совершили короткую экскурсию по крутым улицам, не знавшим такой роскоши, как автомобиль, и взобрались на окруженный городскими строениями холм Панасильо, с вершины которого были видны развалины храма Солнца и открывалась поразительная, единственная в своем роде панорама — вершины семи вулканов: Каямбе, Антизаны, Корасона, Синчулагуа, Иниса, Котопахи и Пичинча, — из коих два последних — действующие.

Вскоре путешественники вернулись к реальной действительности, а именно: сошли с холма на улицы города — это убогое местообитание козочек и лам — и нанесли визит французскому консулу, принявшему их с самой искренней сердечностью и милостиво предоставившему в их распоряжение целое собрание журналов за многие месяцы. Эта любезность была для друзей тем более бесценной, что они, практически изолированные от цивилизованного мира с тех пор, как покинули Мехико, абсолютно ничего не ведали о важных событиях, разыгравшихся в Перу, Боливии и Чили. Наконец, консул, будучи заранее осведомлен о маршруте своих соотечественников, предупредил их сперва о почти непреодолимых трудностях, которые их ожидают в пути, а затем подробнейшим образом обрисовал ситуацию, сложившуюся к тому времени в трех указанных выше странах и посвятил друзей в государственные тайны, с тем чтобы они смогли в случае, если не откажутся от своего смелого намерения, осознать, по крайней мере, суровую реальность и принять надлежащие меры с целью уменьшить риск.

Именно об этой обстановке в трех южноамериканских странах и пойдет речь в следующей главе.

Тихоокеанская война *.— Схватка между кровными родственниками.— Плачевное политическое, экономическое и финансовое положение в Перу и Боливии.— Процветание Чили.— *Trabajo é cordura* **.— Сокровища пустыни Атакама.— Предприимчивость чилийских тружеников.— Возмутительный грабеж.— Объявление войны.— Секретный договор.— Военно-морские силы Перу и Чили.— Блокада Икике.— Морское сражение.— Верность клятве.— Героизм моряков «Эсмеральды».— Поднятый флаг.— Поражение перуанцев.— Гибель «Индепенденции».

Начало октября 1879 года. Как уже известно читателю, три южноамериканские республики терзала жестокая война, продолжительность которой невозможно было заранее предугадать. Перу в союзе с Боливией схлестнулась с Чили. Схватка между государствами, возросшими из ствола одного и того же генетического дерева, долгое время в равной степени страдавшими от колониального рабства и населенными представителями одних и тех же рас и народов, являлась по своему характеру чуть ли не гражданской войной и оттого приняла исключительно яростные формы.

Мы не будем объяснять здесь в подробностях мотивы этого конфликта, весьма неприглядные, если говорить о Перу и Боливии, чьи государственные мужи, обанкротившись окончательно, в глубине души своей лелеяли мечту о войне, которая списала бы все их просчеты и принесла бы устроителям бойни ордена и состояния. Почва для вооруженного столкновения давно уже была подготовлена, особенно в Перу. Эта страна, лишившись былого величия и обратив свое название, служившее некогда синонимом процветания, в пустой звук, начала прибегать ко всякого рода уловкам, чтобы заявлять постоянно о своем существовании.

Как бы ни было строго это суждение, автор вышеска-

* Имеется в виду Тихоокеанская война 1879 — 1883 годов между Чили, с одной стороны, и Перу и Боливией — с другой, из-за месторождений селитры на территории Перу и Боливии, эксплуатировавшихся чилийцами. В результате этой войны к Чили, получившей поддержку Великобритании в обмен на предоставление ей монопольного права на вывоз селитры, перешли город Тарапака — навсегда и города Такна и Арика — на десять лет.

** Работа и здравый смысл (исп.).

занного, располагая соответствующими свидетельствами, взял себе за абсолютное правило прибегать к жесткости и беспристрастности в своих оценках описываемых им событий и, считая возможным ограничиться некоторыми фактами, решил привести в подтверждение своих слов следующий отрывок из выпущенной парижским издательством «Плон» книги дипломата высшего класса графа Шарля д'Юрселя «Южная Америка»:

«Пренебрегая своим будущим, эта страна (Перу 1876 года), владеющая несметными природными богатствами, которые видишь буквально на каждом шагу, давно уже впала в спячку. Всякое новое правительство поднимает наверх целую толпу своих фаворитов. Но при первых же политических переменах новых чиновников увольняют на пенсию, подчас очень высокую. В случае кончины такого бюрократа пенсией продолжают пользоваться его вдова и даже дети. В общем, многие граждане считают, будто государство обязано обеспечивать их всяческими благами, и посему казна, и без того истощенная, быстро скудеет в результате подобных политических перипетий. В 1868 году в Перу, когда президентом был полковник Балта, имела место целая серия авантюрных мероприятий, таких, как сооружение железных дорог, доков и памятников, явившееся для страны непомерным грузом и почти не принесшее ей доходов. По прошествии известных кровавых дней дон Мануэль Пардо, избранный в 1872 году президентом в результате некоторых манипуляций, постоянно ссылаясь на высшие интересы, полностью опустошил государственную казну и до основания разрушил систему общественного кредита. Лучшее тому доказательство — курс * перуанских ценных бумаг, упавший с семидесяти четырех франков четыре года назад до двенадцати в нынешнем, 1876 году. Бумажные деньги, единственные в обращении, день ото дня теряют в цене: я наблюдал падение цены соля ** до двадцати пяти центов, тогда как еще недавно за него давали сорок восемь!»

Такое положение вещей, естественно, наносит ощутимый урон торговле, резко сокращается импорт, и вполне вероятно, что, когда до конца будут исчерпаны все ресурсы, все возможности, республику Перу сотрясет один из

* Курс — здесь: цена, по которой продаются ценные бумаги или валюта.

** Соль — здесь: перуанский соль — основная денежная единица Перу.

тех ужасных кризисов, из которых любая страна выбирается лишь с огромным трудом».

Высказывание поистине пророческое, подтвержденное невероятно жестокими по своему характеру событиями, случившимися спустя три месяца после написания процитированных выше строк.

«Однако,— продолжает месье д'Юрсель,— не следует полагать, что в Лиме всех охватила протрация. Ситуация оригинальна: каждый мнит себя экономистом и предлагает через газеты новое средство спасения страны.

Что касается революции, то она уже близка, и любой претендент на высший пост, будь то реакционер или радикал, считает себя вправе, если представится случай, предать все огню и мечу исключительно во благо сограждан».

Не менее шатким было положение дел и в Боливии, где некое подобие правительства, послав ко всем чертям республиканский строй, не сочло нужным сохранить даже внешние его атрибуты.

«В Боливии,— говорит наш известный соотечественник Шарль Вьенер *,— парламент существует, так сказать, лишь как забытый параграф в национальной хартии. Двести заправил, известных под именем «первый батальон», назначают и отставляют президентов, причем тринадцать из четырнадцати граждан, занимавших сей высший государственный пост после основания республики **, или были убиты, или изгнаны из страны, или погибли сами».

Не сомневаемся, что данного короткого обзора вполне достаточно нашему читателю, чтобы понять, какова была внутренняя ситуация в этих двух странах-союзниках.

Еще одно слово, касающееся Перу или, скорее, ее вооруженных сил. В 1878 году — еще в мирное время — в этой сравнительно небольшой стране насчитывалось 4200 солдат, 3870 офицеров всех рангов, включая двадцать шесть генералов, и 5400 жандармов, или вооруженных полицейских, что составляет в общей сложности 13 470 человек — храбрецов, не знающих усталости, энергичных, собранных и без предрассудков.

Совершенно иным было положение в Чили. Освобо-

* В предисловии к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает: «Месье Вьенер был послан в Южную Америку с научной миссией французским правительством. Выдающийся литератор и необыкновенный эрудит, он написал книгу «Перу и Боливия» (Париж, издательство «Ашат») — работу, не знающую себе равных».

** Боливия была провозглашена республикой в 1824 году.

дившись в 1810 году от жестокого, ничего, кроме разорения, не принесшего ей владычества Испании, эта республика тружеников, вместо того чтобы заниматься политикой и говорильней, взялась за осуществление девиза, выраженного в двух словах — «trabajo» и «cordura», то есть «работа» и «здравый смысл». И вскоре она стала поражать всех непривычным для бывших испанских колоний в Америке и очень редким в остальных районах мира таким явлением, как легальная смена правительства: с 1830 года все главы исполнительной власти занимали свой пост строго в соответствии с законом, а не в результате революций. Естественно, такое положение вещей привело к процветанию страны.

Отвлечемся же от причин сего феномена и задумаемся в бесстрастные и вместе с тем красноречивые цифры. При испанском владычестве население Чили не превышало 500 тысяч человек, а ее доход едва достигал двух с половиной миллионов франков. Зато в 1879 году на территории этого государства проживало уже два миллиона 225 тысяч человек, национальный же доход составил 107 миллионов 470 тысяч франков. И это убеждает в достигнутых чилийцами успехах сильнее всяких слов.

Ну а что касается причин, приведших к процветанию страны, то отметим: «trabajo é cordura» — старый девиз. Здравый смысл диктовал всемерно добиваться достижения повсеместной всеобщей грамотности и развивать систему народного образования, а работа, в которую была вовлечена вся нация, позволила основать и содержать тысячу триста школ для девяноста тысяч учащихся обоих полов. Расходуя на образование восемь миллионов франков в год, Чили довольствуется армией в 3500 человек и милицией в 22 тысячи человек, содержание которых не стоит ни су. Так же решительно граждане этой республики отказались от галунов и султанов *, коими так красуются Перу и Боливия, поощряя это пышное, но разорительное разноцветье. И наконец, национальный долг Чили погашен полностью, в то время как ее соседи не знают, как покончить с внешней задолженностью.

И нет ничего удивительного в том, что такое процветание вызвало у вышеупомянутых соседей чувство зависти и неприязни, достаточное для того, чтобы, как только представится подходящий случай, вспыхнула война между

* Султан — здесь: украшение на головном уборе в виде пучка перьев.

Перу и Боливией, с одной стороны, и Чили — с другой. Нищета — плохой советчик, и именно она привела к кровавой схватке.

В течение многих лет границы между Чили и Боливией не были четко определены. Мало что значила и нейтральная зона, представлявшая собой лишь ужасную безводную пустынную местность, которую никто не осмеливался использовать в своих интересах вплоть до 1863 года. А в означенный год туда пришли отважные чилийцы и ценой неимоверно тяжкого труда, подвергаясь неслыханным опасностям, обнаружили там залежи гуано, меди и селитры. Вскоре вслед за первыми землепроходцами в пустыню Атакама прибыли промышленники и рабочие-чилийцы. Они заселили еще недавно бывший безлюдным район, в котором отныне воцарилось благоденствие.

Вот тогда-то Боливии и пришлось на ум предъявить свои претензии на эти земли, заявив, что, согласно *uti possidetis* * 1810 года, они входят в состав ее территории! Десятого августа 1866 года, после весьма жестких переговоров, во время которых дело несколько раз едва не дошло до пушек, стороны пришли к следующему: Чили ограничивала свое влияние на землях, находящихся на 24° южной широты, продукт же разработок ценных залежей и пошлина, взимаемая на таможне с вывозимых за рубеж минералов и органических удобрений, добытых на территории между 23° и 25°, должны были распределяться поровну между правительствами обеих стран, обязанными, в свою очередь, также поровну возместить частным лицам нанесенный им ущерб, оцененный в 80 тысяч пиастров ** (400 тысяч франков).

До 1873 года Чили неукоснительно соблюдала договор, Боливия же довольствовалась тем, что клала в свой карман всю причитающуюся ей сумму дохода, не выделяя при этом соседнему государству ни единого су в счет возмещения ущерба, причиненного частным лицам, и — вещь еще более неслыханная! — не позволяя второй договаривающейся стороне проверять счета межгосударственных платежей. Чили неоднократно вступала в переговоры с Боливией, настаивала на соблюдении ею условий соглашения,

* Признание прав воюющих сторон на занятые ими территории (буквально: поскольку вы владеете) (лат.).

** Пиастр — здесь: основная денежная единица Боливии — боливийское песо (в далеком прошлом пиастром назывались также, в частности, старинные испанские монеты песо).

но все было тщетно. Мало-помалу обстановка становилась невыносимой для чилийцев — как рабочих, так и предпринимателей.

В 1866 и 1868 годах двое граждан Чили открыли в этих же местах новые и весьма богатые месторождения селитры и буры *. Они добились от боливийского правительства концессии ** на разработку разведанных ими залежей при условии, что будут отчислять ему ежегодно 50 тысяч франков, соорудят за счет своих доходов мол у тогда еще пустынного берега Антофагасты ***, проложат в осваиваемом ими районе двадцать пять лье благоустроенных дорог и откоуют там постоянные дворы и стоянки с водой для путешественников. Созданное в Чили соответствующее акционерное общество не только скрупулезно выполнило все эти условия, но и проложило вместо грунтовой железную дорогу, израсходовав в общей сложности на строительные нужды 30 миллионов франков. Результатом подобной созидательной деятельности и явилось появление на тихоокеанском побережье Южной Америки нового порта Антофагаста.

Между тем еще один чилиец обнаружил в другом районе той же пустыни богатую серебряную жилу. Сколько же сокровищ хранила эта безлюдная земля, о существовании которых ненасытная Боливия даже не подозревала!

В любой иной стране эти бесстрашные труженики, занимавшиеся столь тяжелым трудом, чувствовали бы себя в безопасности. Но прежнее боливийское правительство было низвергнуто, новое же, придя к власти, не пожелало соблюдать достигнутую ранее договоренность о защите прав предпринимателей и произвольно обложило налогом чилийские компании, повысило арендную плату за эксплуатируемые ими месторождения и подняло сумму обязательных отчислений в свою казну до фантастических размеров.

Представитель Чили воззвал к совести соседей. Но

* Бурa — здесь: минерал из группы боратов, борнокислый натр, применяется в производстве эмалевой краски, фармацевтике (изготовление лечебных средств) и красильном деле.

** Концессия — здесь: договор, заключаемый государством с частными предпринимателями или иностранной фирмой на эксплуатацию промышленных предприятий, месторождений полезных ископаемых и земельных угодий.

*** Антофагаста — здесь: район на западном побережье Южной Америки, в настоящее время — провинция Чили с административным центром в портовом городе того же названия — Антофагаста.

Боливийское правительство ничего не хотело слышать и в ответ на требование чилийской стороны придерживаться условий договора приняло решение о конфискации чилийской собственности на спорных землях. Это означало крах для чилийской промышленности, которая разом лишалась имущества общей стоимостью в сорок миллионов франков, явившегося плодом двенадцатилетних непрерывных усилий. Кроме того, тысячи рабочих оказывались не только без хлеба, но и без крова, ибо за указом о конфискации немедленно последовал изданный четырнадцатого февраля 1879 года указ о выселении чилийцев с освоенных ими земель.

Тогда Чили решила принять свои меры — силой помешать грабителям претворить в жизнь их недостойные планы.

Аналогичным образом складывались и отношения между Чили и Перу. В Сантьяго * и Вальпараисо ** образовалось множество финансово-промышленных компаний по разработке перуанских месторождений селитры в Тарапаке. Как и на подконтрольной Боливии территории, ум и энергия чилийских тружеников в соединении с доверием, завоеванным предпринимателями мужественной маленькой республики на рынках двух частей света, привели к процветанию и освоенный чилийцами район в Перу.

Хотя граждане Чили понесли внушительные расходы, работа шла отлично, и их усилия окупались. Однако Перу, стоявшая, как мы уже говорили, на грани банкротства и вконец обнищавшая, — а нищета, еще раз отметим, — плохой советчик, — последовала примеру Боливии. Презрев прошлые договоры с компаниями-концессионерами, она обрушила на производство селитры несколько ударов. Обложив промышленников непомерными налогами, государство, оказавшись на грани развала, не удовлетворилось этим и возымело намерение монополизировать эту индустрию и объявить себя единственным неогоциантом, распоряжающимся в стране внешней торговлей. Назначив производителям фиксированную и довольно незначительную цену на их продукцию, всю торговую прибыль оно присваивало себе. Промышленники, устав вскоре от подобного положения вещей, при котором они практически ничего не получали, стали работать кое-как, лишь для отвода глаз,

* Сантьяго — столица Чили с 1818 года.

** Вальпараисо — портовый город в Чили, административный центр одноименной провинции — Вальпараисо.

и добыча селитры свелась почти к нулю. Таким образом, Перу по глупости убила курицу, что несла золотые яйца.

Обезумевшее от нехватки денег перуанское правительство решило тогда само заняться производством селитры. Но для этого надо было выкупить у частных предпринимателей рудники, заводы, оборудование и тому подобное. Выкупить!.. Перуанских государственных мужей такая малость ничуть не озаботила. Объявив себя покупателями, они заявили о своей готовности выплатить сорок миллионов за то, что стоило не менее ста миллионов. Однако и предложенная чиновниками сумма показалась им излишне большой, и они ограничились... выражением признательности. Республика Перу должна была приступить к разработкам месторождений селитры в установленный правительством срок. Но этот срок давным-давно истек, а дело не сдвинулось с места — в частности из-за того, что денежных вложений в данную промышленную отрасль оказалось явно недостаточно.

Описанные выше события происходили незадолго до принятого Республикой Чили решения силой воспрепятствовать расхищению Боливией богатств, коими славилась Антофагаста. Когда Чили объявила Боливии войну, Перу, крайне удивившись такому шагу, предпринятому страной, до сих пор проявлявшей изумительную выдержку и кротость, поспешила заключить с Боливией строго секретный договор о военном союзе.

Несмотря на все бахвальство с боливийской стороны, пятьсот чилийцев, высадившихся в Антофагасте, двадцать третьего марта 1879 года наголову разбили противника в городе Каламе. Это первое сражение, бывшее всего-навсего пробой сил, на некоторое время сломило военную мощь Боливии*.

Но Перу, уверенная в боевой силе своих войск, особенно на море, убежденная, что быстро справится с Чили, и надеясь на то, что удачно проведенная военная кампания мигом выведет ее из финансового кризиса, в котором она отчаянно барахталась, решила незамедлительно оказать вооруженную поддержку союзнику и предъявила

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар приводит следующие сведения: «Боливийская армия в мирное время насчитывала две тысячи двести солдат и тысячу офицеров, в том числе двадцать два генерала, сто тридцать пять полковников и только семьдесят два поручика. Один из батальонов, носивший имя главы государства и рассматривавшийся как элитарный, состоял из пятисот сорока человек, из которых лишь семьдесят три были простыми солдатами».

Чили ультиматум. Однако, увы, Перу с самого начала постигло горькое разочарование.

В то время как перуанское правительство, развив бешеную деятельность, формировало новые полки, обучало рекрутов, готовило к бою кавалерию, снаряжало артиллерию, снабжая ее боеприпасами, повозками, упряжью и в конце концов собрало таким образом настоящую армию из двадцати тысяч сорвиголов, Чили, демонстрируя подобную же активность на своей территории, намеревалась перво-наперво блокировать перуанский порт Икике *. И какими кораблями, Боже правый! Нужно было обладать немалым мужеством, чтобы бросить противнику вызов при столь огромной диспропорции в военно-морских силах. Ведь Перу владела восемнадцатью кораблями: фрегатом ** «Индепенденция», тремя мониторами *** — «Уаскар», «Атауальпа» и «Маско-Капак», двумя корветами **** и двенадцатью судами поменьше, из которых одно, так же, как и первые четыре корабля, было покрыто броней. Чилийский же флот насчитывал всего девять боевых единиц: два бронированных фрегата — «Бьянко Энкалада» и «Альмиранте Кочране», два деревянных корвета — «О'Хиггинс» и «Чекабико», одну деревянную канонерку — «Магеллан» и четыре маленьких, изветшалых судна, малопригодных для службы.

Чилийский адмирал Ребольедо, главнокомандующий эскадры, стоявшей напротив Икике, приказал шестнадцатого мая 1879 года подняться до Камья и дать бой перуанцам. На рейде остались лишь два корабля, неспособные участвовать в сражении из-за ужасного состояния, в котором находились их корпуса и машины: корвет «Эсмеральда», служивший флоту уже двадцать пять лет, и маленькая шхуна «Ковадонга», захваченная чилийцами у испанцев в 1826 году. Естественно, оба судна были сделаны из дерева. Первое, водоизмещением восемьсот пятьдесят тонн, располагало восемью пушками и машиной в двести лошадиных сил, второе, водоизмещением четыреста двенадцать тонн, — двумя пушками и машиной в сто сорок лошадиных сил.

* В настоящее время территория, на которой расположен этот портовый город, входит в состав Республики Чили.

** Фрегат — здесь: военный корабль для крейсерско-сторожевой службы.

*** Монитор — здесь: военный корабль с крупной артиллерией для действий против береговых объектов.

**** Корвет — здесь: трехмачтовый военный корабль с легкой артиллерией.

Спустя пять дней, двадцать первого мая, два мощных перуанских корабля, в коих вскоре узнали «Индепенденцию» и «Уаскара», подошли к Икике в полной уверенности, что им достаточно лишь показаться, чтобы сорвать блокаду и захватить маленькие чилийские суденышки. В подобном предположении не было ничего из ряда вон выходящего, поскольку бронированный фрегат «Индепенденция» водоизмещением две тысячи тонн имел машину в пятьсот пятьдесят лошадиных сил и восемнадцать крупных орудий «армстронг», а монитор «Уаскар», водоизмещением тысяча триста тонн,— машину в триста лошадиных сил, два орудия «армстронг», установленных во вращавшейся башне, и еще две пушки на палубе.

Однако дон Артуро Прат и дон Карлос Кандель, командовавшие соответственно «Эсмеральдой» и «Ковадонгой», придерживались иного мнения. Молодые, бесстрашные, верные своему долгу, они решили биться не на жизнь, а на смерть. И это не было пустым бахвальством.

«Уаскар» атаковал «Эсмеральду», чья астматическая машина буквально задыхалась, а «Индепенденция» — «Ковадонгу». Завязалась артиллерийская перестрелка.

Бронированные корабли вышли из нее целехонькими, деревянные же суда чилийцев получили сильные повреждения.

Убедившись, что предпринятая ими попытка запугать противника и заставить его капитулировать успехом не увенчалась, перуанцы вознамерились покончить со смельчаками.

Первой жертвой должен был стать корвет «Эсмеральда». Командир «Уаскара», взбешенный сопротивлением этой старой калоши, изрешеченной снарядами, но не сдававшейся, задумал продырявить ее корпус стальным тараном. «Эсмеральде» дважды удалось увернуться от столкновения с монитором. Но затем на какой-то миг оба судна сошлись вплотную и началась стрельба в упор. Снаряды рвали на куски дерево, осколки рикошетом отлетали от стальной брони.

Чилийский командир приказал поднять на главную мачту флаг. Морякам известно, что это означает: «Утонем, но не сдадимся!»

Получив новый удар в борт, корвет опять оказался бок о бок с монитором. Капитан Прат вместе с одним из офицеров и солдатом прыгнул с саблей в руке на палубу «Уаскара» и прокричал, обращаясь к своим, рвавшимся в бой матросам:

— На abordаж!

Но, к несчастью, корабли в этот момент стали расходиться, и чилийский экипаж не успел последовать за своим героем-командиром. Капитан сдержал данную им клятву сражаться до последнего: он и два его соратника погибли смертью храбрых на палубе монитора.

«Уаскар» снова понесся на «Эсмеральду» и на этот раз пропорол, словно железным клинком, ее борт. Корвет, с вышедшей из строя машиной, замер на некоторое время на месте, а затем стал погружаться в воду. Артиллеристы, воспользовавшись последним оставшимся у них мгновением, выпустили по вражескому кораблю еще один снаряд.

— Да здравствует Чили! — раздался крик с уходившей под воду палубы.

Через какой-то миг в морской пучине исчез и трехцветный чилийский флаг.

Так героически погибли корвет «Эсмеральда» и его доблестный экипаж.

Впрочем, не все моряки утонули: из ста восьмидесяти человек, находившихся на борту отважного судна, шестьдесят подобрали спущенные с «Уаскара» шлюпки. Почти все спасенные матросы были ранены и лишь чудом продержались на воде до подхода лодок с вражеского корабля.

Однако корвет и павшие в сражении члены его экипажа были вскоре отомщены.

Сколь неправдоподобным ни покажется этот факт, но бедная маленькая паровая шхуна «Ковадонга» мужественно выдерживала атаки «Индепенденции», в четыре раза превосходившей ее по боевой мощи. Насквозь пробитое снарядами, чилийское судно яростно отбивалось от могучего противника, противопоставляя его восемнадцати пушкам, обрушивавшим на «Ковадонгу» огненный шквал, всего два орудия. К счастью, машина шхуны не пострадала во время этой жаркой схватки.

«Индепенденция» решила поступить с бесстрашным маленьким кораблем точно так же, как это только что сделал «Уаскар» с «Эсмеральдой», то есть, попросту говоря, потопить его. Однако капитан Кандель, прекрасно знавший берег, развернул судно таким образом, чтобы у противника создалось мнение, будто его судно пытается спастись бегством. Воспользовавшись неглубокой осадкой шхуны, он смело повел ее над подводными рифами. Перуанский же фрегат, устремившийся за «Ковадонгой», сел на мель.

Хотя его судно получило несколько пробоин, Кандель повернул свою шхуну к «Индепенденции», открыл по ней артиллерийский огонь и покинул театр военных действий лишь после того, как убедился, что самого мощного корабля перуанского флота больше не существует.

В то время, как «Уаскар» подбирал потерпевших кораблекрушение моряков «Индепенденции», «Ковадонга», с трудом держась на поверхности вод, гордо приближалась к порту Антофагасты, где она намеревалась залечить свои раны...

Если при изложении политической и экономической обстановки, сложившейся в трех воюющих республиках, автор считал своим долгом в деталях рассказать о вышеописанном выдающемся факте военной истории, то им руководило желание не только обратить внимание читателя на героизм и патриотические действия чилийцев, но и показать, сколь упорно и остервенело одни испано-американцы истребляли других. Мало того, они собирались во все больших масштабах продолжить на земле и воде эту борьбу не на жизнь, а на смерть.

Однако вернемся к нашему повествованию.

Перу, испытывая нехватку оружия еще до начала боевых действий, заключила торговые сделки с несколькими заводами в Европе и Америке. Когда же она объявила Чили войну, торговые контрапартнеры Перу резко увеличили ей кредиты и заранее подсчитывали сумму, которую возьмут они с Чили в счет возмещения убытков, ибо никто, кроме, быть может, самих чилийцев, не предполагал, что это небольшое государство ожидает победа.

Поезда с предназначавшимися Перу оружием и снаряжением не переставая следовали один за другим по узкому Панамскому перешейку — пути сравнительно короткому и надежному. Напрасно чилийские дипломаты энергично возражали против этого вопиющего нарушения рядом государств нейтралитета. Их заявления не доходили до ушей соответствующих лиц, пока успех Чили не сбил спесь с Перу и не доказал далеко не беспристрастным «нейтральным» странам, что следовало бы считаться с республикой, расположенной на западном побережье Южной Америки.

Правительство Колумбии, не в силах более закрывать глаза на эти скандальные перевозки, приказало изучить все обстоятельства данного дела. Результаты расследования оказались весьма красноречивыми, и тогда пресса

Боготы *, желая дать объяснение недостойным, компрометирующим страну фактам, высказала мысль, что федеральное правительство Панама продалось за немалую сумму агентам Перу, причем это предположение так и не было никогда опровергнуто **.

Теперь становится ясной подоплека некоторых событий, изложенных в самом начале третьей части этого романа, когда мы рассказывали о том, как полковник Батлер, сумевший наладить поставку оружия, очутился вместе со своим компаньоном капитаном Бобом на берегу, где признал в двух французских путешественниках люто ненавидимых им людей.

ГЛАВА 9

*Дальнейший маршрут.— Очередной отказ Жака от плавания по морю.— Подготовка к путешествию в Андах.— Погонщик мулов.— Проводник-мажордом.— Тасаджо.— Сахар-сырец как основной продукт питания.— Край вулканов.— Тамбо.— Оптимистическое заявление Жака.— Чимборасо.— Горная тропы.— В преддверии Ареналя.— Ежедневный ураган в Андах.— Рычащий «король».— Вихрь.— Ужасный катаклизм ***.— Улучшение погоды.— Исчезновение проводника.— Зов о помощи.*

Несмотря на трудности, с которыми они, несомненно, должны были столкнуться, и опасности, подстерегавшие их, друзья решили все же пересечь Перу и Боливию.

Понимая, что обстоятельства смогут внести изменения в их планы, они тем не менее наметили дальнейший маршрут, первый этап которого пролегал через Куаякиль, маленький перуанский городок Тумбез, Трухильо, Лиму, Арекипу, Пуно, озеро Титикака и Чукисаку. Далее путешественникам предстояло подыскать наиболее удобное и эффективное средство передвижения по пустынным

* Богота — столица Колумбии.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что факт подкупа членов панамского правительства представителями Перу «подтверждается и таким чрезвычайно достойным писателем, как месье Диего Баррос Арана, автор книги «Война на Тихом океане» (Париж, Военное издательство Ш. Дюмена), — превосходного очерка о вооруженном столкновении между Чили и Перу».

*** Катаклизм — резкий перелом, разрушительный переворот (в природе, обществе).

районам Боливии, Республики Аргентины и Бразилии, с тем чтобы достичь наконец 49° западной долготы, считая от Парижского меридиана, и 21°50' южной широты, ибо здесь, в этой именно точке, и располагалась фазенда Жак-кари-Мирим.

Жюльен считал, и вполне резонно, что, хотя этот путь и проходил через воюющие страны, он, однако, не был столь тяжелым, как другой, пересекавший огромные безлюдные пространства вдоль Амазонки, и, кроме того, нашим друзьям, если они изберут его, не придется испытывать нужды в продуктах питания.

К тому же Перу и Боливия — цивилизованные государства, в то время как области к востоку от этих двух республик — бразильские только по имени: покрытые непроходимыми лесами и орошаемые полноводными притоками Амазонки, этой крупнейшей в мире реки, они населены в основном дикими племенами индейцев.

Подобно секретарю французской миссии в Мехико, французский консул в Кито тоже попытался уговорить Жака и Жюльена отказаться от путешествия по суше, сесть в Гуаякиле на корабль, добраться Тихим океаном до Магелланова пролива и, пройдя им, доплыть по морю до Рио-де-Жанейро.

— Таким образом,— убеждал он их,— вы сможете завершить свой вояж менее чем за двадцать пять дней. Ну а если вы все-таки пойдете сухопутным маршрутом, то затратите, заявляю я с полной ответственностью, уже не двадцать пять дней, а двадцать пять недель.

— Благодарим вас за вашу заботу о нас,— улыбнулся Жак.— Но при выборе пути мы исходили исключительно из соображений чести, поскольку, как я уже говорил вам, качка на море более не страшит меня. И вы как француз должны понять нас лучше, чем кто-либо другой, не так ли? Мы полны решимости и впредь, не делая себе уступок, упорно двигаться к намеченной нами цели и во что бы то ни стало достойно закончить наше путешествие из Парижа в Бразилию по суше.

Непоколебимые в своем намерении твердо придерживаться разработанного еще во Франции плана, друзья в последний раз обсудили маршрут и взялись за приготовления к путешествию.

Не так-то легко, поверьте, собрать и уложить надлежащим образом предметы, необходимые в подобном странствовании. Ведь в тех цивилизованных странах, через которые, как мы уже говорили, пролегал маршрут отваж-

ных парижан, города отстоят далеко друг от друга и соединяются между собой — а точнее, разъединяются, — практически непроходимыми дорогами. Сознывая, что населенные пункты будут встречаться в пути довольно редко, друзья обзавелись весьма внушительным багажом, для транспортировки которого потребовалось соответствующее число вьючных животных.

К счастью, у них были деньги, и Жюльен, знавший по опыту, как сложно нанимать мулов у предпринимателей, занимающихся перевозками грузов, принял мудрое решение купить дюжину этих животных.

Проводник, к которому французы крепко привязались после драматического эпизода с коралловой змеей, в свою очередь проникся к ним глубокой симпатией. И когда метис попросил у друзей позволения оставаться с ними и впредь, они с радостью согласились. Обладая огромным опытом, трудолюбием и смекалкой, он взял на себя покупку вьючных животных и вербовку погонщиков мулов.

Представитель этой профессии — лицо оригинальное. Повсюду в Андах — на севере ли, на юге или в центральных районах — он являет собою единый, колоритный * типаж. Одежда его — это своего рода униформа, состоящая из закатанных до колен тиковых ** панталон и клетчатой рубахи, короткой, ниспадающей на брюки и схваченной в талии поясом, с которого свисает длинное, внушительных размеров мачете. На плече, свернутое вдвое по длине, висит пончо, которым он может укрыться как одеялом. Бронзовое лицо и шею, задубевшие от дождя и солнца, защищает от дневного светила широкая соломенная шляпа, на которую сверху прочно насажена тыквенная тарелка, служащая ему и чашкой и миской. Погонщик редко позволяет себе роскошь иметь пару сандалий из кожи, а сапоги ему и вообще не ведомы. Обычно он ходит босиком, опираясь на регатон — *regaton*, как зовется здесь длинная палка с железным наконечником шириной в четыре или пять сантиметров, используемая для многих целей: ею расчищают дорогу и рыхлят почву на слишком скользком склоне, чтобы облегчить путь мулу, а когда приходится пробираться по краю пропасти, то вовремя воткнутый в землю шест спасает нагруженное животное от падения вниз. Наконец, в заключение крат-

* Колоритный — здесь: характерный, выделяющийся.

** Тиковый — здесь: сшитый из тика — плотной и прочной льняной или хлопчатобумажной ткани.

кой характеристики бесценного спутника путешественника в Андах, добавим, что он точен, собран, работающ и честен, причем исключения из этого правила крайне редки. Никто никогда не слышал, чтобы погонщик мулов украл тюк, а если ему поручат купить выючных животных, то он старается израсходовать на это как можно меньше вверенных ему денег.

Проводник-метис, этот мажордом, выторговав мулов и наняв людей для их сопровождения, занялся вкупе с Жюльеном покупкой съестных припасов и необходимого в пути снаряжения.

Поскольку высоко в горах бывает иногда довольно холодно, парижанин, зная, что тамбо* встречаются отнюдь не на каждом шагу, а лежать под открытым небом не так-то приятно, приобрел довольно легкую холщовую палатку, чтобы не отвлекаться на строительство шалашей из веток и листьев, как это приходится делать в случае отсутствия поблизости указанной выше придорожной гостиницы. Он также велел проводнику раздобыть несколько кусков энсерадо — просмоленной холстины, напоминающей наш брезент, но более легкой, чтобы прикрывать ими несомые мулами тюки для защиты груза от дождя или, с наступлением ночи, стелить их на земле вместо матраса. Позаботился Жюльен и о реджо — кожаных ремнях, медном сосуде для кипячения шоколада, железном горшке, топорах, мачете, тыквенных тарелках и мешках из растительного волокна, в которых держат провизию.

Что касается продуктов питания, то француз счел нужным обеспечить путников солидным запасом муки из поджаренных зерен маиса и фасоли, нарезанных тонкими ломтями печеных бананов, тасаджо, с которым мы познакомим читателя чуть позже, тростникового сахара-сырца, или панелы, шоколада, соли и кофе. Все это было упаковано в тыквенные миски или куски бамбуковых стволов, заткнутые с обеих сторон широкими листьями, уложено в толстый слой соломы и завернуто в непромокаемые холщовые полотна.

Только что упомянутое тасаджо — всего-навсего кусок мяса, разрезанный на тонкие ломти, посоленный и высушенный на солнце. Блюдо не слишком нежное, иногда

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что тамбо — это возводимые, как правило, в селах или городах легкие дома-гостиницы, несколько напоминающие мексиканские венты, но гораздо менее комфортабельные.

с сильным запахом, но зато обладающее тем преимуществом, что стоит недорого и быстро готовится, почему оно и получило в этих краях столь широкое распространение. Если его положить в петаку — нечто вроде коробки из кожи, то оно может храниться, не портясь, много месяцев.

Сахар-сырец панела — другой экзотический продукт — входит важной составной частью в рацион жителей Анд. Шахтер или фермер, например, потребляет его от трехсот до четырехсот граммов в день. Местные жители, направляясь на дальнейшее расстояние, часто берут с собой только маисовый хлеб и панелу. Погонщики мулов нередко питаются в дороге одним лишь сахаром, смоченным свежей водой, поскольку он помогает путнику наладить дыхание и поддерживает его энергию.

В общем, маис, наиболее богатый из всех злаковых азотом, какао, немного мяса и панела обеспечивают полноценное питание человека *.

Путешественник, заботясь о своем муле, не должен бояться нагрузить его лишними килограммами панелы: животные очень любят сахар-сырец и, время от времени лакомясь им, выказывают необычайную живость и проявляют исключительную выносливость, не чувствуя усталости при подъеме в горы.

Уложить в тюк описанные выше разнородные предметы, заключенные в различные, неправильной формы сосуды и прочие емкости, — дело весьма трудное, которое под силу лишь обладающим исключительной ловкостью погонщикам мулов. Тюки не должны иметь более восьмидесяти пяти сантиметров в длину, сорока пяти — в высоту и столько же — в ширину. Желательно также, чтобы вес их не превышал пятидесяти килограммов, шестьдесят же — это почти недостижимый предел. Правда, в обстоятельствах совершенно исключительных приходится порой взваливать на спину животного и куда более объемистый и тяжелый груз, но и в этом случае максимально допустимый вес — семьдесят пять — восемьдесят килограммов.

Чтобы предохранить ящики и тюки от ударов и дождя, следует, как мы уже говорили, обернуть кладь в толстый слой соломы и прикрыть ее сверху энсерадо.

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар счел нужным заметить с ссылкой на мнение доктора Саффрэ, что потребление сахара-сырца в большом количестве вызывает у европейца сперва раздражение внутренних органов, но затем он быстро привыкает к этому продукту, который вскоре становится просто необходимым.

Наконец все приготовления остались позади, и ранним утром второго ноября небольшой отряд, состоявший из двух французов, проводника-метиса, погонщика мулов, двух пастухов и двенадцати вьючных животных, покинул столицу Эквадора город Кито.

Двигаясь с севера на юг, по восемьдесят первому градусу западной долготы к первой параллели Южного полушария, путешественники пересекли удивительный в сейсмическом * отношении район, над которым вздымаются кратеры потухших вулканов Атакасом, Корасон, Иниса и Руминьяуи и где ворчит грозный Котопаху **, разрушивший два года назад окрестные поселения. По дороге, извивавшейся между пеплом и камнями, выброшенными во время яростного разгула этим эквадорским гигантом, отряд добрался до городка Токунья и, не задерживаясь в нем, продолжил свой путь, пока не оказался перед постоянным двором, где и было решено заночевать. Этот тамбо, возвышавшийся на берегу реки Рио-Амбат, выглядел просто роскошно по сравнению с теми, что встречались нашим друзьям до сих пор.

Подойдя к двустворчатым решетчатым воротам, призванным надежно удерживать скотину во дворе придорожной гостиницы, уставшие мулы выжидающе подняли головы. Проводник открыл ворота и, когда отряд оказался за оградой, окружавшей тамбо, бросился помогать своим товарищам в обустройстве бивуака ***. После того как снятые с мулов тюки разместили под навес, а животным задали корм, можно было подумать и об ужине.

Метис, как всегда неутомимый, принес в кожаном ведре, висевшем во дворе на стояке, воду. Его приятель, погонщик мулов, положил прутья в очаг, сооруженный из четырех обломков горных пород, и разжег трут из волокон агавы, и вскоре под горшком, содержавшим куски вяленого мяса — тасаджо — с порезанными на кружочки бананами, весело загудел огонь.

Через четверть часа сытная и, прямо скажем, довольно вкусная похлебка была готова. Путешественники дружно расселись у очага и с аппетитом, разыгравшимся на воздухе, особенно бодрящем на эквадорских плато, набросились на незатейливое блюдо, заслужив-

* Сейсмический — относящийся к явлениям землетрясения.

** Котопаху — действующий вулкан на западном склоне гор Восточные Кордильеры Анд Эквадора, высота — 5897 метров над уровнем моря.

*** Бивуак, или бивак — стоянка войск вне населенного пункта для ночлега или отдыха; в переносном смысле — лагерь, привал.

шее у них высшую похвалу. На второе они отведали по кусочку сахара-сырца, а на десерт — шоколад, смешанный с маисовой мукой.

Преисполненный оптимизма Жак не преминул возгласить, что все к лучшему в этом лучшем из миров, а ужин удался на славу. Однако Жюльен, чувствуя себя совершенно разбитым после ужасной верховой езды на муле, не разделял энтузиазма своего друга. Вытянувшись на своей просмоленной холстине и закутавшись в одеяло, он зажег сигару, которой, однако, насладиться ему так и не удалось: сон моментально овладел измученным трудным переходом французом.

Проснулись путники на заре, бодрые и освеженные. После столь же незатейливого, как ужин, завтрака сопровождавшие наших друзей слуги надели на животных упряжь и погрузили на них кладь. Проводник повесил кожаное ведро на место, аккуратно уложил в очаге головешки, с тем чтобы путешественники, которые остановятся здесь потом, смогли бы без особого труда разжечь огонь, и, выйдя со двора последним, тщательно закрыл за собой ворота.

Проделав нелегкий путь, отряд приблизился к возвышавшейся в виде усеченного конуса горе Кариуаяраю — потухшему еще в 1699 году вулкану, поднявшемуся на пять тысяч сто метров над уровнем моря и увенчанному вечными снегами. А спустя короткое время наши друзья имели удовольствие лицезреть и Чимборасо, именуемого местными жителями «королем» и вознесшего свою вершину необыкновенной белизны, оторвавшуюся от уровня моря на целых пять тысяч шестьсот метров *, в ярко-голубую поднебесную высь.

Неровная дорога, местами перегороженная огромными глыбами трахита **, выброшенного вулканом, вскоре перешла в узкую тропинку, извивавшуюся сперва между отвесными холмами, а затем заскользившую вдоль стены из вулканического туфа ***, на которой кое-где были начертаны имена прошедших тут ранее путников. Из проделанных в рыхлом материале отверстий выглядывали странные, гримасничавшие, оправленные черным шлаком

* Здесь Л. А. Буссенар допускает неточность (смотрите примечание к слову «Чимборасо» на с. 463).

** Трахит — зернистая изверженная порода из кристаллов полевого шпата, слюды, кварца и других минералов, применяется как строительный материал.

*** Вулканический туф — сцементированные рыхлые продукты вулканических извержений, используется как строительный материал.

человеческие черепа, лежавшие в окружении костей людей и животных.

Заметив недоумение Жака, погонщик мулов сказал:

— Ах, сеньор, не удивляйтесь: мы ведь находимся сейчас в самом страшном месте!

— Правда?

— Да, мы приближаемся к Ареналю.

— О, это та самая знаменитая песчаная площадка, по обе стороны которой располагаются страшные пропасти, извергающие ежедневно, после полудня, настоящие ураганные ветры, сокрушающие все на своем пути! — воскликнул Жюльен.

— Вы знаете Ареналь, сеньор? — изумился туземец.

— Да, черт подери, столь же хорошо, как и Кебрадуде-Тоторильяс, мимо которой нам предстоит пройти завтра, и как можно быстрее, а для этого мы должны поскорее миновать это проклятое место.

— Но все это отнюдь не объясняет, откуда здесь взялось столько костей, — не успокаивался Жак.

— Да это просто-напросто останки неосторожных путников и их животных, ставших жертвами бурь, беснующихся тут каждый день, — проговорил Жюльен.

— Ах, сеньор!.. Сеньор! — закричал вдруг испуганно проводник.

— Что случилось?

— Нам не добраться завтра до Тоторильяса... ибо на нас движется ураган.

— Не может быть!

— Взгляните на облака... Прислушайтесь, как воеет ветер... Смотрите, солнце скрывается!.. Ох, и «король» зарычал!.. Святая Мадонна, смилуйся!.. Мы погибли!

И впрямь, поднялась жуткая буря. Внезапно, как это часто случается в районе экватора, и бешено, словно смерч, закружились воздушные потоки, опровергая столь ужасным образом восклицание Жюльена: «Не может быть!»

Ни в одном другом районе мира нет ничего подобного тому, что можно наблюдать в некоторых областях Кордильер, где практически каждое утро или в послеполуденный час неистовствует самый настоящий ураган.

Не успел Жюльен найти объяснение этой аномалии в вулканической деятельности Чимборасо, как ужасающей мощи вихрь, в котором смешались воедино воздух, дождь и град, захватил его в свои цепкие объятия, швырнул наземь и покати к распластавшимся на тропе мулам: жаркий пояс, и особенно Эквадор — страна, где природа конвульсирует особенно часто, любит преподносить подобные сюрпризы путешественникам из стран с умерен-

ным климатом. Ослепленный, оглушенный, разбитый, не в силах шевельнуться, парижанин как бы перестал ощущать самого себя среди этого хаоса.

Раскаленное небо низвергало потоки пламени, разбивавшиеся о вулкан, впадины в горах словно выплевывали молнии, раскаты грома сотрясали все вокруг. Буря с ревом вырывала из почвы валуны, тут же скатывавшиеся в бездну. Град обрушивался на землю картечным шквалом. Все, что еще недавно двигалось, дышало, теперь словно бы перестало существовать.

Этот ужасный катаклизм продолжался два часа. А затем тучи, душившие гору, рассеялись, вой ветра постепенно стих, дождь прекратился, и солнечные лучи окрасили в пурпуровый цвет снежный купол, венчавший вулкан-исполн.

Поскольку мулы, руководствуясь инстинктом, вовремя разлеглись плашмя на земле, ураган не смог закрутить их и сбросить в бездну, словно соломинку.

Жюльен, вскочив на ноги, обнаружил, что друг его был прижат ветром к огромному камню. Жак издал радостный крик при виде товарища — целого и невредимого. Погонщики мулов, прятавшиеся от бури среди своих подопечных, поднялись и стали радостно перекликаться.

— А где же проводник?! — воскликнул вдруг Жюльен, не приметив своего спасителя.

И тут из пропасти раздалось жалобное стенание — отчаянный зов, в котором звучали и страх и боль:

— Ко мне, мэтр!.. Ко мне!.. Спасите своего слугу!..

ГЛАВА 10

Выступ в отвесной скале.— Смелый план спасения проводника.— Спор Жака с Жюльеном.— Жюльен в роли спасателя.— Головокружение у метиса.— Пернатый хищник.— Нападение грифа.— Тревожные мгновения.— Ярость француза.— Удар мачете.— Связанные поводья.— Спасение.— Удачный выстрел.— Трогательная признательность.— Всеобщее равенство.— Ареналь.— В долине.— Ламы.— В Гуаякиль.

Услышав душераздирающую мольбу слуги, Жак и Жюльен, не думая о возможном головокружении, склонились над пропастью, вглядываясь с тревогой в ее глубь. Первое, что они увидели, — это отвесную, уходившую почти вниз вертикально стену обрыва высотой метров в пятьсот, сложенную из сланца и вулканических пород. В результате геологической конвульсии склон был весь

в выступах и неровностях, покрытых тут и там листвою и цветами кальцеолярии * и коноплей, склонившейся над провалом.

Затем взор путешественников устремился к тому месту, откуда вновь раздались призывы о помощи. Оказалось, метис, подхваченный, словно перышко, ветром, упал благодаря чудесному случаю в заросли конопли. Во время бури проводник лежал неподвижно, не смея пошевелиться, на жалком выступе в стене пропасти и вздрагивал от ужаса всякий раз, когда чувствовал, как отрывались от камней хрупкие корни растений, за которые он цеплялся в отчаянии.

— Несчастный! — прошептал Жюльен с дрожью в голосе.

— Как нам спасти его? — спросил Жак, не менее взволнованный. — Ведь до него примерно метров пятьдесят.

— Сейчас придумаем, — коротко ответил Жюльен, в чьей голове уже начал созревать смелый план, и обратился к погонщику мулов: — Сколько у тебя свободных реджо?

— Всего три, хозяин, — промолвил тот, застыв от страха при виде ужасного положения, в котором оказался его товарищ.

— Каждый по десять метров, итого, если их соединить, получится тридцать. Надежны ли они?.. Выдержат человека?

— Даже двоих, хозяин, если будет нужно.

— Хорошо... Жак, я обвяжусь ремнем, вы же с ним возьметесь за свободный конец и будете потихоньку спускать меня в ущелье.

— Нет, — решительно возразил Жак. — Это же самая настоящая акробатика, то есть моя стихия, а потому спуститься должен я.

— Оставим ненужные дискуссии: время не ждет. Ты значительно тяжелее меня, так что позволь уж проделать этот трюк мне.

— Послушай, горе ты луковое, ведь три ремня, соединенные вместе, составляют всего тридцать метров! Что ты будешь делать, повиснув там, у тех кустов?

— Погляди-ка, видишь площадку шириной в метр, прямо над тем местом, где застрял бедный парень?

* Кальцеолярия — род трав, полукустарников или кустарников семейства норичниковых, насчитывающий около 400 видов, произрастающих главным образом в Южной и Центральной Америке.

— Да, конечно.

— Когда я встану на нее, вы сбросите мне эту своеобразную веревку из ремней, и я спущу один конец ее проводнику. Он привяжет себя к ремню, и я подниму его наверх, на свой выступ.

— А как мы вытянем вас обоих потом?

— Свяжете между собой поводья мулов и опустите полученный трос к нам в пропасть. Я привяжу к нему свободный конец реджо, и по моему сигналу вы поднимете нас. Все очень просто, не так ли?

— Просто-то просто, но...

— Ни слова больше, пора за дело!

Жюльен продел под мышки гибкий и весьма надежный кожаный ремень, который погонщик мулов обернул просмоленной холстиной, чтобы он не перетерся о камень. Затем бесстрашный француз молча повернулся спиной к пропасти и начал медленно спускаться. Жак и погонщик, крепко упершись ногами в землю, стали потихоньку отпускать ремни. По прошествии двух минут, которые показались им двумя веками, они перестали ощущать тяжесть.

— Бросайте веревку! — крикнул Жюльен, без особого труда достигнув площадки, и сказал проводнику, прекратившему свои вопли, как только увидел, что к нему пришла помощь: — Мужайся, ты спасен!

Жак кинул ремни. Жюльен развязал петлю на груди, лег плашмя на маленькую площадку и опустил веревку метису, находившемуся ниже его метров на пятнадцать.

— Ты сможешь взобраться по ней, или мне помочь тебе? — спросил он проводника.

— Нет, самому мне не подняться, — жалобно заскулил бедный малый. — У меня все тело разбито.

— Тогда обвяжись веревкой и ухватись за нее покрепче. Время не терпит, не правда ли?

Сохраняя удивительное хладнокровие, Жюльен, накинув конец веревки на острый камень, выступавший из скалы, закрепил его двумя морскими узлами.

— Ну, как там у тебя? Все в порядке?

— Да, — глухо ответил метис.

Напрягши мускулы, откинувшись назад и вдавив, образно говоря, свои подошвы в камни, Жюльен начал медленно, с бесконечными предосторожностями, вытаскивать метиса. Тот же почувствовал сильное головокружение и, ослепленный ярким светом, лившимся сверху, а также оглушенный таинственным гулом, поднимавшимся из глубины пропасти, бессильно повис на веревке над

бездной, не в состоянии помочь самому себе: все силы, которые у него были, ушли на то, чтобы удержаться на своей ненадежной опоре в течение двух долгих часов.

Жюльен, образец отваги и физической мощи, продолжал неспешно делать свое дело, хоть это и было довольно трудно из-за полной пассивности проводника, возможно, уже потерявшего сознание.

Французу удалось поднять метиса на десять метров. Еще две минуты, и жизнь его будет вне опасности.

Но тут раздались страшные вопли: это кричали Жак, погонщик мулов и два пастуха, внимательно следившие за ходом спасения. И в тот же миг Жюльен заметил огромную тень, накрывшую, словно облако, площадку, на которой он едва держался, а вслед за тем услышал громкий свист и шумное хлопанье крыльев. Чудовищная, как в восточных сказках, птица с черно-белым оперением, желтыми глазами, жестким, как у тигра, взглядом, с плоской, сплюснутой головой и крепкой, облезшей красной шеей, приблизилась к забредшим в ее края людям и неподвижно зависла над ними.

Это был гриф! Обитающий в Андах гигантский пернатый хищник, чьи крылья достигают в размахе четырех метров и чья сила равна его жестокости. Он нападает даже на крупных млекопитающих и не опасается встречи с самим человеком, особенно когда тот болен или безоружен.

С бесконечных высот, где любят парить эти птицы, из недоступного другим живым существам мира вечных снегов, где эти хищники, широко развернув крылья, как бы замирают в поднебесье на многие часы, стервятник, опьяненный пространством и светом, узрел человека, повисшего над пропастью и недвижимого, словно труп. Завороженный видом добычи, подстегиваемый постоянным чувством голода, которое он никогда не мог утолить,— ведь прожорливость этих птиц — факт общеизвестный*,— гриф устремился, или, вернее, стал падать, как камень, с дьявольской точностью именно туда, где находился объект его отвратительного вожделения, затем раскрыл свои ги-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Перуанцы, охотясь на грифов, применяют способ настолько же простой, насколько и оригинальный. Забив одного или нескольких быков, они дают этим птицам насытиться до отвала вожделенным мясом, и когда те наедаются до такой степени, что не могут даже взлететь, набрасываются на них с палками и веревками и без труда душат их или забивают».

гантские крылья, так что получилось нечто вроде парашюта, и, напрягши все силы, резко остановил головокружительное скольжение вниз, чтобы подготовиться к атаке на двух беспомощных, как полагал он, человек: одного — живого и другого — мертвого. И если даже первый и ускользнет от него, размышлял хищник, то уж второй-то наверняка будет принадлежать ему. А это — еда на целый день.

Выбросив вперед сернистого цвета лапы с острыми и твердыми, как железные скобы, когтями, вытянув в том же направлении плоскую голову, откинув назад крылья и поискав взглядом то место на теле своей будущей жертвы, куда лучше всего вонзить когти, чтобы крепче схватить добычу и вернее поразить своим огромным клювом сердце — этот главный орган любого живого создания, хищник ринулся на проводника.

Жюльен пронзительно закричал. Птица в замешательстве отпрянула в сторону от намеченной жертвы, успев, однако, ударить метиса своим мощным крылом.

Бесстрашный спасатель, понимая, что при данных обстоятельствах секунды равняются часам, изо всех своих сил тянул вверх ремни, и благодаря невероятному напряжению ему удалось подтянуть по-прежнему беспомощно висевшего на веревке бедолагу до уровня каменной площадки. Эх, если б тот сам мог зацепиться за выступ и хотя бы чуть-чуть помочь вконец изнемогшему Жюльену!

Гриф во второй раз обрушился на человека, возбуждавшего у него аппетит.

Француза охватил гнев. Как, столько усилий, и все напрасно?! Он пытался вытащить своего спутника из пасти смерти лишь для того, чтобы увидеть, как несчастного разорвет на части это мерзкое чудовище?

Из-за нависшей над метисом грозной опасности разъяренный Жюльен ощутил такой прилив сил, что решился на безумный, казавшийся безрассудным шаг.

Не думая о том, что может свалиться в бездну, он, повинувшись одному из неодолимых, всегда неожиданно возникающих импульсов, обернул кожаный ремень вокруг левого запястья, достал из чехла мачете и, склонившись над зияющей пустотой, лишь одной рукой удерживая в течение шести секунд тяжелую массу человека, со всего размаха ударил своим оружием грифа, который уже нацелился на горло метиса. Острый клинок с сухим треском опустился на голову крылатого разбойника и рассек ему череп.

Крылья хищника моментально свернулись, и он, обмякнув, полетел на дно пропасти — вслед за выскальзнувшим из руки Жюльена ножом, который, задевая при падении торчавшие из стены ущелья камни, издавал чистый металлический звон.

Метис открыл глаза, и тотчас до его сознания дошло, какую смелость проявил хозяин, спасая его. Инстинктивно уцепившись пальцами за край выступа, он хотя и не много, но все же помог Жюльену втащить себя на площадку. Однако сам француз лишился при этом последних сил и присел на минуту, боясь головокружения из-за прилива крови к голове. Но недомогания у таких людей столь же редки, сколь и кратковременны.

Сверху донесся голос Жака:

— Эй, Жюльен! Мы опускаем поводья. Наш конец надежно привязан к камню. Скрепи их с ремнями... Ну как, готово?

— Да...

— А теперь обвяжи приятеля: мы вытащим его первым.

— Давай!..

Жак с помощью погонщика мулов и двух пастухов — чем больше народу, тем лучше! — начал изо всех своих недюжинных сил тянуть веревку.

Метис, беспомощно раскачиваясь в воздухе, то и дело задевая за торчавшие из скалы острые камни, отчаянно вопил.

— Эй,— пытался успокоить его Жак,— ничего страшного! Путешествие будет недолгим, и я предпочитаю слушать эту твою музыку, чем видеть тебя полумертвым, каким ты только что был... А, гоп! — В тот момент, когда голова парня оказалась на уровне ног спасателей, француз ловко наклонился и легко, как ребенка, поднял метиса за воротник своей мускулистой рукой.— Ты весишь куда меньше, чем чугунная гиля мисс Леоноры!.. Ну а сейчас — твоя очередь, Жюльен!

Тому не пришлось повторять приглашение дважды. Уцепившись за узел на веревке, он дал сигнал и тотчас почувствовал, как его энергично поднимают вверх.

И вовремя! Новые грифы, напуганные было гибелью собрата, начали вдруг, широко раскинув крылья, описывать огромные круги над малочисленной группой людей, вознамерившись, по всей видимости, напасть на них. Но при всей своей жестокости эти птицы страшно трусливы и пока что лишь издавали яростные крики, не отважива-

ясь никак ринуться в атаку. И эта нерешительность предоставила Жюльену и его спасателям несколько минут, оказавшихся достаточными для того, чтобы отважный путешественник смог ступить на твердую землю.

Не обращая внимания ни на Жака, протянувшего к нему руки, ни на метиса, бросившегося к его ногам, Жюльен схватил лежавшую на тюке ремингтоновскую винтовку и, удостоверившись, что она заряжена, выстрелил в ближайшего хищника.

— Ага, досталось! — радостно закричал он, видя, как чудовище резко качнулось и грузно полетело вниз. — Вот тебе за тот страх, который я только что испытал из-за вас! — Затем, аккуратно положив оружие на место, ловкий стрелок протянул одну руку метису, другую — своему другу: — Жестокое испытание, не правда ли? Но, слава Богу, все благополучно закончилось!

— Знаешь, — произнес Жак, пораженный хладнокровием соотечественника, — с каждым днем ты удивляешь меня все больше и больше!

— О чем речь? Да я просто размял немного кости, только-то и всего!.. Впрочем, мне удалось отдать долг этому славному парню, которому я столь многим обязан! Но хватит слов! Место здесь опасное, и я предлагаю как можно быстрее его покинуть.

— Мэтр!.. Мэтр!.. — бормотал между тем слуга. — Я ведь всего-навсего бедный дикарь, полунегр-полуиндеец... Я приношу вам не только свою благодарность, но и жизнь мою, которой я вам обязан. Позвольте же мне всюду следовать за вами... Я буду вашей вещью... вашим рабом...

— Ну что ж, оставайся подле меня, дитя мое, раз ты этого хочешь! — важно молвил Жюльен. — Но не преувеличивай ничего. Я только исполнил свой долг, понимаешь? И не забывай, что ты спас мне жизнь.

— Но, спасая вашу жизнь, я не рисковал своей, как это сделали вы!.. Белый человек!.. Настоящий белый человек с голубой кровью, вы не побоялись пожертвовать собой ради спасения жалкого самбо! *

— В моей стране все люди равны, независимо от цвета их кожи. Равны как перед законом, так и в глазах общества. Этот принцип равенства и побуждает меня сделать все возможное для спасения своего ближнего, даже если

* Самбо — потомки от смешанных браков между неграми и индейцами, полунегры-полуиндейцы.

при этом под угрозой оказывается моя собственная жизнь.

Двинувшись снова в поход, отряд достиг к вечеру расположенного на высоте трех тысяч девятисот метров над уровнем моря Тототорильяса, не заслуживавшего того, чтобы называться даже селением, ибо он представлял собою простое скопище хижин, продуваемых насквозь ледяным ветром, из-за чего путешественники провели беспокойную ночь.

Выступив в путь рано утром, наши друзья через час были в уже известном нам Аренале, а к восьми часам подошли к холму, увенчанному крестом, возле которого проходящие мимо погонщики мулов имеют обыкновение класть по камню.

Ветер дул с такой силой, что затруднял передвижение по дороге, усеянной высохшими костями, указывавшими на то, что именно тут смерть настигла бедных животных, не выдержавших опасного перехода.

Однако наши путешественники стойко преодолели все преграды, что в послеполуденные часы было бы невозможно, ибо в указанное время из Анд как бы выплескивается неимоверной мощи ураган, которому ничто не в силах противостоять.

Пройдя через перевал, отряд спустился в славный городок Гуаранда, разместившийся в изумительной по красоте долине на высоте двух тысяч пятисот метров над уровнем моря, и здесь французы увидели чуть ли не целое стадо лам, используемых в качестве вьючного животного.

Теперь дорога шла все время вниз. Снова появились южные, теплолюбивые растения: восковые пальмы *, бамбук, эликония, цекропия **.

Переправившись через реку Рио-Чимбо, путешественники вышли к строящейся первой в Эквадоре железной дороге, которая прокладывалась до Ягуачи ***, куда они и прибыли благополучно спустя короткое время. Не задерживаясь в этом населенном пункте, коему суждено

* Восковая пальма, или цероксилон — род пальм, объединяющий более 15 видов, произрастающих в Андах в поясе туманов, на высоте более 1500 метров над уровнем моря; своим названием эти пальмы обязаны воску, покрывающему их стройные, колонновидные стволы высотой до 60 метров.

** Цекропия — род южноамериканских тропических растений семейства цекропиевых, напоминающих по виду пальмы и достигающих в высоту 24 метров.

*** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар указывает, что данный железнодорожный путь введен в эксплуатацию в 1881 году.

было благодаря стальной магистрали приобрести в ближайшем же будущем особое значение, отряд решительно двинулся дальше, по направлению к Гуаякилю и к вечеру следующего дня достиг реки Гуаякиль, вбирающей в себя воду таких крупных притоков, как, например, Гуаяс, Дауле, Бабайо или Ягуачи. Разбив лагерь там, где их застала ночь, путешественники рано утром взойшли на борт парохода, который должен был доставить их на другой берег реки, где широко раскинулся огромный эквадорский портовый город, в коем, впрочем, они не намеревались останавливаться слишком надолго.

ГЛАВА 11

В Гуаякиле.— Ярмарка головных уборов.— Во французском консульстве.— Лавинообразный поток корреспонденции.— Отчаяние друзей.— Два письма из Ричфилда.— Каллиграфия охотника на бизонов.— Трапперы-золотодобытчики.— Оптимизм Перро.— Представления канадца о жизни в свое удовольствие.— Проблемы с китайцами.— Настырные краснокожие.— Шевелюра в опасности.— Вооруженный отпор.— Смуна на прииске.— Полное благополучие, если не считать мелких неурядиц.— Работа ради славы.— Намерение Перро отправиться в Бразилию.— Решение Жака сесть на пароход.— Отказ Жюльена от путешествия по морю.

Как мы уже говорили, Жак и Жюльен решили не задерживаться особо в Гуаякиле. Они рассчитывали быстро выполнить кое-какие формальности, связанные с получением визы, забрать пришедшую на их имя корреспонденцию и тотчас же отправиться в путь по направлению к перуанской границе.

А что касается проводника, погонщика мулов и двух пастухов, то друзья рассудили, что их следует разместить в некоем подобии гостиницы, расположенном на берегу реки, где они не только нашли бы удивительно радушный прием, но и смогли бы пристроить вверенных их попечению животных.

Маленькое суденышко, трижды в день переправлявшее пассажиров с одного берега на другой, доставило их вскоре в город. Когда садились на этот паром, Жак привычно сделал недовольную мину, но плавание длилось столь мало времени, что выплеснуть наружу плохое настроение он так и не успел.

У противоположного берега царил живописный беспорядок, придающий особую прелесть портовым городам. Поражало взор многообразие судов, резко различавшихся и по конструкции, и по водоизмещению: рядом с гигантским пароходом стояла огромная пирога*, возле клипера**, обшитого медью, сновали легкие, как пробка***, бальсы****, сооруженные из дерева, также называемого «бальса»*****, оборудованные хижинкой, покрытой пальмовыми или банановыми листьями, и вызывавшие смех у наших друзей представляемым ими причудливым зрелищем той круговерти, которую устроили обезьяны, поросята и голые ребятишки, весело шмыгавшие между наваленными грудками ананасами, апельсинами, бананами и прочими дарами земли.

Неподалеку от причала, к которому пришвартовался пароход, выстроились дома с колоннадами, образовавшими крытые аркады*****, надежно защищавшие пешеходов от солнца и дождя. В большинстве своем построенные из бамбука, схваченного известковым раствором и крытые черепицей, эти одно- и двухэтажные здания в которых разместились магазины, выглядели опрятно и весело.

Друзья отправились исследовать набережную, протя-

* Пирога — узкая длинная лодка, обыкновенно выдалбливаемая или выжигаемая из целого древесного ствола, распространенная у народов тихоокеанских островов.

** Клипер — особо быстроходное парусное судно океанского плавания, существовавшее в основном до конца XIX века. В военной флоте клиперы использовались для дозорной и посыльной службы, в торговом — для перевозки с южных морей в Европу и Америку особенно ценных грузов (чая, пряностей и тому подобного).

*** Пробка — здесь: особо легкая наружная часть коры некоторых древесных растений (преимущественно так называемого пробкового дуба).

**** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает: «Бальсы — традиционное транспортное средство туземцев, используемое ими для доставки по реке на рынки Гуаякиля нежных фруктов с близлежащих плантаций, а также питьевой воды, которой в самом городе практически нет».

***** Бальса, или бальзовое дерево (*Ochroma lagopus*) — растение семейства бомбаксовых, произрастающее в Южной и Центральной Америке и отличающееся прочной, легкой древесиной, используемой для изготовления плотов и в самолетостроении как звуко- и теплоизоляционный материал. Из этого дерева был построен плот «Кон-Тики» норвежского ученого Тура Хейердала, проделавшего в 1947 году путь от Перу до Полинезии — одной из основных островных групп в центральной части Тихого океана.

***** Аркада — галерея из арок.

нувшуюся на целых три километра и являвшую собой самую красивую и самую оживленную улицу Гуаякиля, не в последнюю очередь привлекавшую к себе публику тем, что она была своего рода крупным по местным масштабам торговым центром.

Жюльен, уже посещавший во время своего предыдущего путешествия консульство Франции, расположившееся по соседству с городским колледжем, поделился с Жаком некоторыми сведениями, почерпнутыми им из этого учреждения и касавшимися города, второго по величине в Республике Эквадор, для которой он выполнял роль гигантской лавки, снабжавшей страну иноземными товарами.

— До завоевания Гуаякиль, полное название которого — Сантьяго-де-Гуаякиль, именовался Кулента. Испанцы окончательно подчинили себе этот район двадцать пятого июля тысяча пятьсот тридцать третьего года, в день Святого Якова, в честь которого сей город и был наречен Сантьяго. А Гуаясом — именем, присвоенным здешней реке, — звали одного попавшего в плен к захватчикам кацика * — Атауальпу...** В общем, этимология *** местных названий довольно интересна.

— Прекрасная вещь — эрудиция! — восхищенно улыбнулся Жак.

— Но это же известно всему свету, а не только географам!

— Ой, гляди-ка!.. Сколько головных уборов!.. Целые горы шляп!..

— Право же, настоящая ярмарка!.. Впрочем, в городе и его окрестностях развито производство панам и прочих головных уборов ****. Хотя Гуаякиль, насчитывающий двадцать пять тысяч жителей, процветает все же в основном благодаря каучуку, какао, плодам некоторых пальм и лечебным растениям, являющимся главными статьями

* Кацик, или касик — туземное наименование вождей и старейшин индейских племен во времена завоевания Америки.

** Атауальпа (1500 — 1533) — правитель Тауантинсуйу — государства, созданного индейским племенем инков на территории современного Перу, Боливии и Эквадора. В 1532 году был взят в плен испанскими колонизаторами и казнен, несмотря на уплату установленной испанцами колоссальной выкупа.

*** Этимология — здесь: происхождение слова.

**** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что при изготовлении головных уборов в Гуаякиле используются волокна, получаемые из листьев *Carludovica palmata*, или карлюдовики пальчатой, — растения семейства циклантовых, напоминающего по своему виду маленькую вееролистную пальму.

его экспорта... Но, мне кажется, я узнаю этот большой дом, обшитый кедром... В нем находится коллеж, а следом за ним, вон там, расположен и французский особнячок с широко открытой для нас дверью, где мы сможем почувствовать себя как дома.

Формальности заняли больше времени, чем предполагали наши французы,— не те, что касались визы, а связанные с получением поступившей на их имя корреспонденции.

Даже на Жюльена, не раз бывавшего в длительных походах, никогда не сваливалась такая груда почты, о Жаке же и говорить нечего. Накопленные за долгие месяцы брошюры, газеты, письма, открытки, телеграммы, проспекты, устаревшие уже пригласительные билеты — с тысячами печатей, с разноцветными марками, с адресами, зачеркнутыми, исправленными, надписанными внизу и с пометкой «Переслать адресату», — были доставлены сюда из Франции, Сибири, Калифорнии, Мексики разными путями — морскими и сухопутными. Двое друзей, странствуя по бескрайним просторам, рекомендовали всем, желавшим поддерживать с ними связь, писать в Гуаякиль, отсюда и хлынувшая на них бумажная лавина, приведшая в изумление даже привыкшего, казалось бы, ко всему консула.

На то, чтобы разложить по группам всю корреспонденцию, едва хватило бы дня, ну а на то, чтобы прочесть ее, потребовались бы многие недели. И Жак предложил пойти на решительный и вместе с тем отчаянный шаг:

— Поскольку меня не мучает, по крайней мере в данный момент, вопрос о том, что происходит под другими небесами, я склоняюсь к мнению, что из подобного бумажного изобилия следовало бы сделать фейерверк.

— Ну нет,— возразил Жюльен,— аутодафе* — это, пожалуй, слишком!

— Тогда давай потопим всю эту уйму: воды здесь хватает. Никак не пойму, что мы, черт возьми, сделали им всем такое, что они обрушили на нас подобную громаду!

— Не забывай, от некоторых наших корреспондентов мы ждем с нетерпением любую весточку.

— Да, ты прав!.. От Алексея, например.

— Или от Перро.

— Но что же тогда делать?

* Аутодафе — публичное сожжение еретиков и еретических сочинений по приговорам католической инквизиции в средние века.

— Тебе очень нравится в Гуаякиле?

— Мне?! Мы здесь всего два часа, но я бы хоть сейчас с радостью удрал отсюда.

— В таком случае все проще простого. Тем более что и мне тут тоже не очень-то нравится: оглушающий шум, адская жара, вредные испарения... Сложим в пачки этот бумажный ворох, погрузим все на пароход, переправимся на левый берег реки, где нас поджидают наши спутники, поставим палатку и проживем два-три дня вдали от грохота, исторгаемого этим экзотическим чудо-городом.

— Bravo! Твой план великолепен, и я предлагаю немедленно приступить к его осуществлению.

Сказано — сделано! И в тот же вечер двое друзей, комфортабельно устроившись в полотняном домике, разбирали при свете свечей, привезенных *ad hoc* * из Гуаякиля, манускрипты **, как выразился с иронией Жак.

Впрочем, ему вскоре повезло: порывшись в бумажной куче всего лишь четверть часа, он извлек из нее два больших, связанных тонкой бечевочкой, конверта.

— Из Ричфилда! — воскликнул Жак, разглядев печати.

— Одно письмо — от Алексея!.. Узнаю его почерк!

— Чудесно! А на остальное нам теперь наплевать.

— А другое письмо?

— Клянусь честью, мне незнакома эта потрясающая каллиграфия!

— Ну и буквы! Можно подумать, что адрес написан не ручкой, а веслом.

— Перро!.. Это же Перро! — произнес Жак, вскрыв конверт. — Сей достойный человек взялся за писанину только ради нас!

— Читай скорей...

Жак, любя удобства, сложил из почты некое подобие толстого матраса и, усевшись на него по-турецки, приступил к чтению:

— *«Дорогие месье де Клене и месье Арно!*

Я не без колебаний решился настроить это письмо — чтобы поведать вам о нашем житье-бытье.

Месье Алексей сообщил уже подробно в своем послании обо

* Для данного случая, для этой цели (лат.).

** Манускрипт — рукопись, преимущественно древняя; в данном контексте это слово употреблено в ироническом смысле.

всем, что может вас интересовать, и я не собираюсь вести с вами беседу лишь для того, чтобы добавить кое-что еще к рассказу человека, чье перо нанизывает слово на слово, как уста адвоката или проповедника.

Но месье Алексей считает, что вам доставит удовольствие узнать от меня некоторые касающиеся нас детали. Мой новый патрон — личность приятная во всех отношениях, но мне представляется, что он слишком снисходителен ко мне и что мое письмо наведет на вас зевоту.

Однако вы оба так добры, что не будете держать зла на вашего старого слугу, не способного выразить в словах всего того, что чувствует его сердце...

— Славный малый! — умилившись, прервал Жака Жюльен. — Но продолжай...

— «Скажу вам, что мы оставили, все трое, службу в американской «Пушиной компании» из Сен-Луи. Причем с одобрения месье Андерсона, буржуа из Нулато. А произошло это следующим образом.

Когда я прибыл в Ричфилд с китайцами и оборудованием, переданном мною в целостности и сохранности месье Алексею, то спросил обоих моих братьев, Эсташа и Малыша Андре:

— Ну как, ребята, нравится вам здесь?

— Что за вопрос! — ответили они. — Ты же прекрасно знаешь, что нам нелегко будет уйти отсюда.

— Ну что ж, в таком случае, — молвил я, — поеду-ка прямо сейчас к буржуа и заявлю ему, что мы хотим здесь остаться.

— Как, ты тоже не против того, чтобы распрощаться с ним?

— Конечно же, черт побери! Месье Алексею нужны служащие... И мы можем стать у него тремя старшими мастерами — шикарными, скажем без ложной скромности.

И только я собрался в путь-дорогу, как месье Алексей заверил меня в том, что берет все хлопоты на себя и что он не сомневается в положительном ответе нашего хозяина.

Все так и получилось. Спустя два месяца пришло письмо от месье Андерсона. Он в восторге от того, что месье Жак отлично справился с воздушным шаром. С нами же хозяин распрощался по-доброму и был настолько любезен, что пообещал: если мы вздумаем вдруг снова вернуться к нему, нам всегда найдется работа в компании.

И вот мы теперь — промышленники в золотоносном районе Карибу.

Работа — не бей лежачего, свободного времени навалом,

хотя иногда и приходится приналечь. Эти китайцы — люди весьма вялые, до такой степени, что когда надо поднять камень, весящий всего триста фунтов, они делают это вчетвером или впятером. Мы же с братьями кладем каждый свой кусок породы в вагонетку так легко, словно это лосиная нога. И так пять-шесть раз в день.

А потом гуляй — не хочу! Правда, за исключением тех дней, когда механик, горький пьянчуга, не в состоянии работать. случается, он так разогревает свою машину, что механизм сей, того и гляди, взлетит в воздух, а иногда двигатель у него словно засыпает, и тогда молотки останавливаются, а это нам ни к чему. Если он слишком напивается, то за дело берется Малыш Андре, — он ведь немного понимает в технике. В общем, это развлекает парня.

Случается также, что китайцы, когда у них кончается опиум, отказываются работать. Тогда необходимо на них поднажать. Любопытная вещь, они так же распекаются от отсутствия зелья, как петухи — от злоупотребления купоросом. Дело в конце концов налаживается, но часто — с большим скрипом. Раньше я позволял себе дать им пару-другую затрецин, но они в ответ совсем прекращали трудиться: надо полагать, рука у меня нелегкая.

Несколько раз к нам заявлялись краснокожие — купить виски. Так как расплачивались они лишь ужимками и гримасами, а у нас с провиантом — не слишком густо, мы стали отправлять их прогуляться. Они же в отместку начали покушаться на наши шевелюры. Но мы быстро навели порядок: несколько дюжин выстрелов из карабинов — и все встало на свои места.

Поскольку дело у нас спорилось, к нам повалили в надежде подзаработать несчастные рудокопы со всей округи: американцы, колумбийцы, мексиканцы, венесуэльцы, аргентинцы, европейцы из многих стран. Большинство их — проходимцы. Работать они работают, но в день получки творят черт знает что.

Как-то раз в одном из шурфов* вспыхнул скандал. Послышались крики, выстрелы из револьвера, стоны — ужас, да и только! Ни у моих двух братьев, ни у меня не было с собой оружия, что не очень-то предусмотрительно.

Оказалось, рабочие напали на самородок чистого золота, здоровенный, как тыква. Он весил двадцать пять килограммов и стоил семьдесят пять тысяч франков — ни больше ни

* Шурф — неглубокая вертикальная горная выработка для разведки ископаемых.

меньше. Вместо того чтобы передать находку тому, кто по праву должен был ею владеть, ребяташки решили оставить ее у себя, чтобы продать затем, а денежки прикарманить. Месье Алексей без крика, но достаточно твердо потребовал от них отдать ему то, что являлось по закону его собственностью. А эти жулики, не долго думая, решили швырнуть хозяина в колодезь шахты и грубо поволокли его.

Не помню точно, что и как произошло потом. Но, увидев нашего патрона в окружении орущей, разъяренной толпы, мы все трое — Эташ, Малыш Андре и я — втиснулись с огромными ломами в руках в середину этой беснующейся оравы.

— А ну-ка, детишки! — крикнул я братьям.

Не прошло и полминуты, как дюжина парней оказалась на земле. Сбитые с ног нашим грозным оружием, они, — те, кому посчастливилось остаться в живых, — тяжело дыша, стонали от боли. Остальные поневоле присмирели.

Тогда месье Алексей приказал смутьянам положить самородок к его ногам и распорядился немедленно выставить всех их за дверь.

Прогнав прочь наглых мародеров, мы перевязали раненых, закопали мертвых, и все пошло своим чередом. Впрочем, некоторые из этих лиходеев вернулись спустя некоторое время и попросили снова взять их на работу. Мятежников приняли — из жалости и, как говорится, «без права ношения оружия».

Кроме подобных, малозначимых инцидентов, ничто не нарушает нашей беззаботной жизни.

Рудник, по словам патрона, дает очень много золота. Мы от всей души радуемся за месье Алексея, потому что это позволит ему занять достойное место в цивилизованном мире.

Хочу добавить к вышеизложенному, что нам так и не удалось договориться с ним относительно размеров оплаты нашего труда. Мы ведь живем в свое удовольствие — кормимся и одеваемся, как и он, имеем вино, чай, сахар и табак. Чего же еще надо! В общем, мы ни в чем не испытываем нужды. Что же касается такого понятия, как «работать не покладая рук», то мы делаем не более того, что сами находим нужным, причем патрон частенько останавливает нас. Жалованье же он решил выдать нам такое, что нашего буржуа из Нулато, узнай он об этом, хватил бы удар, — столь оно было велико! И, ей-ей, мы от подобного вознаграждения отказались. Тогда хозяин, еще более упрямый, чем мы, стал настаивать, чтобы мы имели свою долю в общей прибыли».

— Черт побери, — прервал Жака Жюльен, — но это — единственно возможный способ обогатить наших славных

канадцев так, чтобы они даже не заподозрили ничего. Ребята как надо распорядятся своим состоянием.

Жак снова уткнулся в письмо:

— «Мы ни о чем таком и не помышляли,— ответил я-месье Алексею.— Поскольку скоро наступит на полгода мертвый сезон, когда из-за холодов работы на прииске будут приостановлены, я прошу вас разрешить нам втроем отправиться на это время в деревенский домишко месье Арно. В Бразилии будет теплее, ну а солнечного удара мы не боимся.

— Что ж, поезжайте! — ответил патрон, смеясь, что с ним бывает нечасто.

— А затем,— продолжил я,— если дела и впредь пойдут хорошо и принесут крупную прибыль, вы оплатите одному из нас путешествие во Францию, и мы — в расчете. Это такая радость — ступить на землю своих предков!

— Перро,— заявил мне тогда месье Алексей твердым тоном, не допускающим возражений,— мы оставим рудник с первыми холодами и все четвером отправимся в Бразилию. Месье де Клене, месье Арно и я сами определим причитающуюся вам долю, и в этом случае вы уже, надеюсь, не станете возражать: ведь эти господа — такие же ваши друзья, как и мои.

И я пообещал ему принять любые предложенные нам условия: поступить по-другому было бы просто невежливо.

Вот таковы наши дела.

Должен сказать, что, продолжая работать, как и раньше, мы с нетерпением ожидаем первых заморозков — с настоящим белым снегом. И тогда — в дорогу, в солнечный край!

В ожидании этого счастливого дня, когда мы отправимся наконец в путь, позвольте, месье, вашему старому слуге, как и его двум братьям, Эташу и Малышу Андре, выразить вам самые искренние, самые почтительные и дружеские чувства, испытываемые нами по отношению к вам обоим.

Перро, старший брат.

Карибу, 28 сентября 1879 года».

— Тысяча чертей! — воскликнул Жак.— Но сейчас уже двенадцатое ноября... Там, наверное, собачий холод... И не исключено, что они давно погрузились на пароход и прибудут в Жаккари-Мирим раньше нас.

— Вполне вероятно, так оно и будет,— согласился Жюльен.— Им ведь не приходится, как нам, избегать водной стихии.

— Знаешь что, Жюльен...

— Да?

— Вернемся-ка в Гуаякиль и сядем на корабль!

— И долго ты думал об этом?.. Поздно, дружище! Мы должны прибыть в пункт назначения по суше... Ты же сам этого хотел — преисполнившись, прямо скажем, героическими намерениями!

— Но, повторяю, они могут прибыть туда раньше, чем мы!

— Не велика беда!.. Гостеприимность тамошних жителей вошла в поговорку... И, поверь, управляющий помещением встретит их как нельзя лучше: они же — друзья его будущего хозяина. Так что успокойся — и в дорогу, в Перу!

ГЛАВА 12

*Нелегкий путь до Ламбеке.— Сорок пять лет по железной дороге.— Разговорчивый попутчик.— Воспоминание о капитане Бобе и полковнике Батлере.— Высадка пассажиров.— Английская семья.— Милорд среди тюков.— Амфитрита * в бочке.— В Трухильо.— Средневековый облик.— Монахи.— Западня.— В городской тюрьме.— Глава окружной полиции.— Жак и Жюльен в роли американцев.*

Двадцать второго ноября 1879 года, спустя десять дней после их отбытия из Гуаякиля, Жак и Жюльен оказались на набережной Салаверри, нового порта вблизи перуанского города Трухильо, выстроенного взамен порта Уанчаго, заброшенного в конце концов из-за многочисленных аварий и поломок судов, обусловленных яростным морским ветром, особо опасным, когда в гавани полностью подводных скал.

В пути им, прямо скажем, пришлось нелегко. До Тумбеса, на эквадорско-перуанской границе, они передвигались по ужасным дорогам, извивавшимся вдоль берега Тихого океана, а дальше и вовсе шли по бездорожью, отчего, впрочем, друзьям не стало труднее.

Пустыню с рассеянными по ней скалами, через которую пролегал теперь их путь, перерезали многочисленные

* Амфитрита — в древнегреческой мифологии — богиня морей, жена бога морей Посейдона.

реки, пересыхавшие летом и превращавшиеся в бурные потоки в сезон дождей, так что путнику там всегда грозит опасность или погибнуть от жажды, или утонуть в водной стремнине.

Далее небольшой отряд миновал мало чем примечательный городок Тура, перешел, не сделав привала, еще через одну пустыню — Сечуру и, наконец, после долгих мытарств, прибыл в Ламбеке, где берет начало железная дорога, ведущая в Трухильо, воспринимаемая путешественниками, изнуренными переходом по безлюдным местам, как подлинное чудо и соединяющая между собой два столь разнящихся друг от друга мира: скучную пустыню, где человек ощущает себя безмерно одиноким, и шумные города со всеми достижениями современной цивилизации, выросшие чуть ли не в одночасье, словно грибы, во многих точках Южноамериканского континента.

Преодолев пятьсот километров, отделявшие Гуаякиль от Ламбеке, французы отпустили погонщика мулов и пастухов. Поскольку они несли службу исключительно добросовестно, Жюльен, как всегда великодушный, щедро оплатил их труд и разделил между ними мулов.

Деньги и животные составили для этих славных ребят целое богатство, и они, отправляясь в обратный путь, в Кито, от всего сердца славили своих благодетелей. Ну а друзья в сопровождении гида, метиса Эстебана, сели спустя некоторое время в поезд, доставивший их с грехом пополам в Салаверри. Путешественникам, пресытившимся головокружительными подъемами и спусками в пустынных горах, где присутствие человека и его верного мула представляется лишенным всякого смысла, небольшая, протяженностью в сорок пять лье, поездка по едва достроенной перуанской железной дороге доставила неописуемое удовольствие.

Друзья заранее планировали остановиться на два дня в Салаверри, всего в двух километрах от Трухильо, расположившись лагерем на берегу реки Рио-Моче, в долине Чилу, и воспользовавшись свободным временем, чтобы раздобыть лошадей, на которых они намеревались проделать еще восемьдесят лье в том же, южном, направлении до самого Гуачо, откуда им предстояло проехать по железной дороге через Лиму в Йку. Однако в пути, уступив настойчивым советам и просьбам своего спутника, соседа по купе, они отказались от первоначального замысла. Вообще-то, относясь сдержанно к новым знакомствам, парижане не устояли перед радушием и сердечностью

путешественника, предложившего себя в полное распоряжение французов.

Их попутчик учился в Париже, превосходно говорил по-французски и, похоже, принадлежал к знати, хотя и был слишком уж обвешан драгоценностями, следуя привычке, столь милой сердцу испано-американцев, и обладал, как и они, естественной склонностью к болтовне. Кроме того, он, судя по всему, довольно хорошо знал этот край и, неустанно восхваляя его сказочно прекрасные ландшафты и достопримечательности, недвусмысленно давал понять, что друзья могут воспользоваться его гостеприимством, и они согласились не отвергать услуг бойкого приятеля.

Разговор как-то сам собой переключился потом на кровопролитную бойню между Чили и Перу, результаты коей, по мнению французов, были неблагоприятны для последней страны,— тема, понятная в данных условиях.

И тут незнакомец ощутил новый прилив красноречия. Никогда самый что ни на есть настоящий гасконец*, взнуздывающий своего гомерического** дромадера***, чтобы отправиться на нем на войну, не смог бы переговорить этого перуанца, который, предсказывая быстрый крах чилийцев, с наслаждением обрисовывал его в мельчайших деталях и при этом не проявлял ни намека на великодушие по отношению к противнику, находившемуся вовсе не в столь плачевном состоянии, как он живописал, а, скорее, в прямо противоположном. Преисполненный патриотическими чувствами, пассажир восхищался массовыми выступлениями народа в поддержку античилийской политики, восторгался героизмом милиции и энергичным поведением правительства, перечислял имевшиеся в распоряжении его отчизны ресурсы — оружие, людей, морские суда и деньги — и затронул вопрос о значении и объеме поставок в Перу военного снаряжения, бесперерывно отправляемого в эту страну из Европы и Америки.

Последний предмет, коего коснулся в своей пламенной речи оратор, вызвал у Жака и Жюльена, терпеливо слу-

* Гасконец — житель Гаскони, исторической области на юго-западе Франции. За гасконцами во французской литературе утвердился слава отчаянных хвастунов.

** Гомерический — здесь: огромный, необычайных размеров и силы (в данном случае это понятие употреблено иронически).

*** Дромадер — одногорбый верблюд (в данном контексте это слово употреблено иронически по отношению к лошади).

шавших его, воспоминание о мрачной драме, прологом к которой послужило кораблекрушение, предшествовавшее их заточению в лепрозорий. И Жюльен совершенно естественно заметил, что из-за захвата чилийскими крейсерами судов с контрабандным грузом, эмбарго *, наложенного нейтральными государствами на торговлю военным снаряжением, кораблекрушений и многих других, подчас непредвиденных обстоятельств перуанцы получают лишь небольшую часть того оружия, которое отправляют им их партнеры.

— Никак не могу согласиться с вами,— живо возразил французу попутчик.— Гибнет в пути или задерживается вражескими судами лишь малая толика тех кораблей, которые везут нам военное снаряжение. Да и в этом случае мы не терпим особого ущерба, поскольку оплачиваем груз лишь по его получении.

— Теперь мне понятна та ярость, что обуяла капитана Боба и его достойного сообщника полковника Батлера! — вмешался в беседу Жак.

— Как, вы знаете этих презренных типов?! — моментально отреагировал незнакомец.

— Увы, да!.. К своему несчастью,— ответил Жюльен и поведал ему вкратце об их с Жаком встрече с вышеупомянутыми проходимцами.

Перуанец весь обратился в слух: повествование настолько захватило его, что он, до этого болтавший без умолку чуть ли не все время после отбытия поезда из Ламбеке, ни разу не прервал рассказчика.

— Итак,— промолвил попутчик медленно, когда Жюльен закончил,— вы полагаете возможным утверждать, что кораблекрушение произошло случайно, и даже мысли не допускаете о том, что эти два янки могли умышленно разбить о скалы парусник с товаром, предназначенным нашей армии?

— Совершенно верно. Да и какой был смысл этим людям терять корабль, чей груз представлял для них целое состояние?

— А если они продались чилийцам?

— Подобное предположение исключено, поскольку потерпевшая крушение шхуна была обстреляна крейсером.

* Эмбарго — здесь: запрещение государственной властью ввоза в какую-либо страну или вывоза из какой-либо страны золотой валюты, товаров, ценностей и прочих предметов.

— Возможно, это было сделано нарочно, чтобы ответить от негодаев всяческие подозрения в измене.

— В таком случае крейсер захватил бы военное снаряжение, которое пригодились бы чилийским солдатам.

— Как бы то ни было,— задумчиво произнес перуанец,— этот необъяснимый случай нанес нам большой вред, поскольку задержал на две недели вооружение нескольких подразделений нашей милиции, и если когда-нибудь эти два типа, на которых я смотрю как на обыкновенных подлецов,— комитет спасения того же мнения,— вздумают ступить на перуанскую землю...

— То их выпорют хорошенько...

— Нет, сеньор, они погибнут смертью изменников: будут расстреляны в спину!

— В нас вы найдете людей, которые не пожалеют ни труда, ни времени, чтобы помочь вам схватить этих бандитов,— решительно заявил Жюльен,— ибо виноваты ли ходяи в измене вашей стране или нет, но они покушались на нашу жизнь, и за это им не будет от нас пощады!.. Однако боюсь, что мы едва ли встретим их когда-нибудь.

— *Quin sabe?* * — загадочно произнес перуанец с той неподражаемой интонацией, которая как нельзя лучше подходила к этим словам.

Поезд тем временем приближался к Салаверри. Незнакомец предложил французам временно устроиться в одном из тех заведений близ железнодорожного вокзала, что лишь для красного словца именуются отелями, хотя и могут — слава Богу! — предложить постояльцам кое-какие удобства.

Сам же он собирался отправиться в Трухильо, дабы позаботиться о том, чтобы разместить своих новых друзей в более комфортабельной гостинице.

Эти хлопоты должны были занять всего несколько часов, после чего он вышлет за ними экипаж, который доставит их, а также слугу и багаж в город.

На этом они и расстались — очень, заметим, сердечно. Друзья, сняв номер в отеле и оставив проводника-метиса, чтобы как-то убить время, отправились на набережную и стали наблюдать за только что причалившим к пристани пароходом.

Из-за слишком больших волн на перуанском побережье Тихого океана разгрузка судна и высадка пассажи-

* Как знать? (исп.)

ров — вещи, обычно столь простые в нормальной обстановке, — становятся крайне затруднены и даже опасны в портах, недостаточно хорошо защищенных от стихии или из-за особых природных условий, или из-за людской нерадивости.

Как замечает метко в первом томе своего сочинения месье Шарль Вьенер, мужественный путешественник, не знающий себе равных и занявший одно из первых мест среди самых знаменитых французских исследователей, разгружаться в этих местах не очень-то приятно. Огромный плот, подогнанный к пакетботу *, пританцовывает вместе с ним на волнах, то поднимаясь до уровня палубы, то опускаясь вниз на четыре метра. В стоящую вертикально бочку, обхваченную крепко цепью, помещают пассажира, скрипит судовая лебедка — и человек уже над плотом.

Моряки делают все от них зависящее, чтобы как можно мягче опустить этот «груз» на плот, для чего выбирается момент, когда сие транспортное средство находится на наинизшей отметке. Однако, несмотря на подобные ухищрения, как правило, бочка ударяется о плот с такой силой, что бедолагу, отважившегося залезть в столь ненадежную емкость, буквально выбрасывает из его персонального контейнера.

Когда все пассажиры оказываются на плоту, он вместе с нагруженным доверху тяжелым пакетботом направляется к берегу, раскачиваемый волнами, накатывающими на путешественников и на товары на борту корабля.

И судно, и бревенчатое сооружение, несущее на себе доверившихся ему людей, врезаются чуть ли не одновременно в песок. Моряки, тщетно пытавшиеся смягчить толчок, вежливо призывают пассажиров не волноваться. Но волны Тихого океана, никак не оправдывающего своего названия, подпихивают и подбрасывают и плот и пакетбот, так что уговоры тут не достигают своей цели.

Моряки бросают с обоих плавсредств грузчикам, уже ожидающим на берегу, огромные канаты, которые те тут же закручивают вокруг высоких каменных столбов, вбитых в землю на недостижимое для самого большого прилива расстояние. Затем на сцену выходят добры молодцы. У каждой пары — носилки с бочкой — вроде тех, что спускались с пассажирами с судна на плот. Богатыри почтительно приглашают путешественников снова занять свои места в цилиндрических сосудах, и те через пять

* Пакетбот — устарелое название почтово-пассажирского судна.

минут, вымокнув до костей, оказываются наконец на твердой земле — в Салаверри.

Примерно такие же сценки, красочно описанные месье Вьенером, лицезрели и наши друзья: Жюльен — с видом человека, и не такое видавшего, а Жак — с эгоистической радостью закоренелого сторонника путешествий по суше и убежденного гидрофоба, которому нечего опасаться подобных испытаний.

— Подумать только,— шептал противник водных прогулок с каждой волной, подкидывавшей плот,— что бы было, если бы я сел на пароход в Гуаякиле! Достаточно только поглядеть на этот спектакль, чтобы чувство неприязни к океану вспыхнуло во мне с прежней силой.

— Однако ты обещал мне, что мы вернемся в Европу морем,— напомнил с улыбкой Жюльен.

— Атлантический океан — не Тихий, и бразильское побережье не столь негостеприимно, как перуанское.

Между тем на корабле начало разыгрываться самое настоящее представление — благодаря появлению на палубе английской семьи, состоявшей из отца, матери, трех мисс и юноши примерно пятнадцати лет. Милорд, точь-в-точь фальстаф *, не способный держаться на ногах, свалился на спину да и остался так лежать, заблокированный тюками, спасавшими его от резких толчков. Миледи, высокая, стройная, изящная, одетая со вкусом, отличающим женщин по ту сторону Ла-Манша, соперничающих расцветкой своих нарядов с пестро окрашенными матерью-природой попугаями, жалобно кричала на англо-испанском наречии, называя обстановку, в которой они очутились, «просто отвратительной». Мисс, в нанковых ** одеяниях, с розовыми галстуками, голубыми головными уборами и зелеными зонтиками в руках, время от времени теряли равновесие, чем немало потешали зевак, стоявших на набережной небольшими группами или поодиночке. Рядом с девицами маячила фигура долговязого юноши на длинных паучьих ногах в не по возрасту коротких штанишках.

В общем, подобная, не поддающаяся описанию сцена пользовалась бы бешеным успехом на любых театральных подмостках.

* Фальстаф — здесь: полный, безмятежный человек (по имени Фальстафа — жизнерадостного и неразборчивого в средствах толстяка рыцаря, одного из персонажей пьес Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские проказницы»).

** Нанковый — здесь: сшитый из нанки — хлопчатобумажной ткани из толстой пряжи, обычно желтого цвета.

— Какого черта делают здесь эти англичане? Что они потеряли в сих местах? — не без резона заметил Жак.

— Англичане — это своего рода одна из статей британского экспорта, — ответил Жюльен. — Их находят в Китае и на берегах Нила, у водопадов и в кратерах вулканов...

— Но чтобы они оказались здесь, в Салаверри!.. Решительно, жизнь полна несуразностей!

Тут к друзьям подбежал метис Эстебан и сообщил, что обещанный сеньором экипаж уже прибыл и стоит у «Grand Hotel de la Patria, y de los extranjeros» *.

Друзья с сожалением покинули набережную в тот момент, когда миледи, в одеянии всех цветов радуги, осторожно опущенная матросами в бочку, двигалась, положась на лебедку, над сероватыми волнами, напоминая всем видом своим Амфитриту стиля барокко **, стоящую на плечах четырех тритонов *** с эбеновыми **** торсами, лохматыми шевелюрами и зубами кайманов.

— Мне бы очень хотелось досмотреть картину, — не удержался Жак, садясь в экипаж, который вскоре понесла на рысях пара крепких коней чилийской породы.

Четверть часа спустя повозка уже въезжала в Трухильо *****; административный центр провинции Либертад, тихий, чистенький городок, в облик которого сохранилось немало черт средневековья.

Лошади немного попридержали свой бег, и коляска плавно вкатилась на просторную улицу, протянувшуюся между двумя высокими стенами — без единого выступа или оконца, но с видневшимися то здесь, то там дверьми в грозных панцирях из гвоздей.

* «Гранд-отель» для соотечественников и иностранцев (исп.).

** Барокко — стиль в европейском искусстве конца XVI — конца XVIII веков, отличался декоративной пышностью и вычурностью форм. Наиболее яркое выражение барокко получило в архитектуре.

*** Тритон — в древнегреческой мифологии — сын Посейдона и Амфитриты, морской бог с человеческим туловищем и рыбьим хвостом.

**** Эбеновый — здесь: сделанный из древесины тропического черного дерева и родственных ему пород.

***** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар счел нужным сообщить читателю следующие сведения: «Трухильо расположен на 8°5' южной широты и 81°30' западной долготы, в 580 километрах к северу от Лимы. Основанный в 1535 году Писарро, давшим ему имя своего родного города, он насчитывает примерно 15 тысяч жителей». Писарро Франсиско (между 1470 и 1475 — 1541) — испанский конкистадор (завоеватель), участвовал в завоевании Панама и Перу, разграбил и уничтожил государство инков — Туантинсуйу, основал город Лима, погиб в борьбе с другими конкистадорами.

За подобными оградами обычно укрываются монастыри, которых в Трухильо бесчисленное множество, о чем можно судить хотя бы по толпам монахов, красочно описанных Шарлем Вьенером: «Брюнеты и блондины, с черными, голубыми или цвета речной воды глазами, босоногие, бритоголовые, святые отцы, восседая на осликах, шествующих важной поступью и покорно повинующихся своим хозяевам с требником* в руках и зонтиком от солнца, приветливо улыбаются женщинам, благословляют детей и собирают подаваемые им прихожанами толстые медные и небольшие серебряные монеты, а также птицу, овощи, фрукты. Деньги они прячут в рукавах, а все остальное — в огромных тюках». Весь этот живописный католицизм, не известный французам, придает архаическую окраску стране и накладывает самобытный отпечаток на общество, в котором кишмя кишат иностранцы, принадлежащие к самым различным социальным слоям и придерживающиеся подчас диаметрально противоположных взглядов по вопросам нравственности и морали.

Затем экипаж шагом пересек довольно многолюдную и весьма привлекательную на вид улицу с домами под низкими плоскими крышами, с верандами и балконами и с маленькой фигуркой святого в нише у самой двери или в простенке между окнами, проехал по площади и, поднявшись по боковому проулку вверх, на что ушло еще несколько минут, нырнул под свод ворот, вделанных в глухую, как у монастырей, и столь же мрачную стену. Ворота закрылись за французами в тот самый миг, когда они увидели спешившего к ним навстречу своего друга-перуанца, объявившего им с улыбкой, что апартаменты для них уже готовы. И не успели наши путешественники и слова сказать, как к ним по знаку хозяина подошел атлетического сложения негр, одетый в нечто вроде ливреи, и друзья, сопровождаемые верным метисом, прошествовали за ним следом по длинному коридору в достаточно просторную, с побеленными известью стенами комнату, с толстыми коврами на полу и с одним-единственным окном, помещенным по странному капризу архитектора под самый потолок и забранным мощной решеткой. Через проемы во внутренних стенах из твердых пород дерева помещение соединялось с двумя другими, но меньшего размера.

* Требник — книга с молитвами для треб — богослужебных обрядов, совершаемых по просьбе самих верующих (например, крестины, брак или панихида).

— Квартира их высочеств сеньоров! — глухим голосом отрапортовал негр и тотчас исчез, захлопнув с шумом за собой огромную дверь, тут же из излишней осторожности закрытую им снаружи на засов.

Жак и Жюльен, решив, что это какая-то мистификация*, и найдя, что подобная шутка — плохого вкуса, забарабанили в дверь, громогласно требуя немедленно же отпереть их.

Маленькое окошко в двери приоткрылось, и друзья разглядели в нем своего попутчика, попросившего их не устраивать попусту шума.

— Будьте любезны сообщить, — вскричал Жюльен с негодованием, — где мы и что вообще означает эта ловушка, в которую вы так подло заманили нас?

— Никакой ловушки тут нет. Просто вы в городской тюрьме. Страна, находясь в состоянии войны, вынуждена защищать себя поелику возможно от различных авантюристов, пытающихся подорвать ее мощь...

— Но вам хорошо известно, что мы — французские путешественники и держимся в стороне от политики...

— Как бы не так! Хватит лгать! Хотя вы и великолепно говорите по-французски, но не пытайтесь больше убедить меня в том, что вы французы.

— Клянусь честью, мой друг, стоящий вот здесь, рядом со мной, — не кто иной, как месье Жак Арно, а я — граф де Клене... Но вы, по всей видимости, полицейский и как таковой не можете верить на слово, и если я поклянусь даже своей честью, то это также мало что будет значить для вас, ибо вы не признаете такого понятия, как честь.

— Насчет того, что я полицейский, вы угадали! Глава окружной полиции к вашим услугам, полковник Батлер и капитан Боб!

— Как вы сказали?! — промолвил ошеломленно Жюльен.

— Я говорю, что вы, присвоивший себе имя графа де Клене, в действительности — полковник Батлер, янки, вор, а достойный вас ваш приятель — капитан Боб, попавший в так называемое кораблекрушение моряк! Ну, что вы сможете заявить в связи с этим?

— Лишь то, что для шефа полиции вы ведете себя слишком опрометчиво!

— Итак, признаете, что вы американцы?..

* Мистификация — обман, намеренное введение кого-либо в заблуждение.

— Черт вас подери, соблаговолите сперва заглянуть в наши паспорта!..

— В паспортах можно написать что угодно... К тому же они у вас фальшивые.

— С чего вы это взяли?

— А с того, что ровно неделю тому назад я, как шеф полиции, поставил выездную визу на паспорта месье де Клене и Арно, французских путешественников, прибывших к нам из Кито и севших в Трухильо на корабль, который должен был доставить их в Бразилию. Эти месье, не делая никакой тайны из цели своего странствования, уезжали отсюда в сопровождении большой свиты, чтобы получить в наследство поместье вблизи Рио-де-Жанейро, известное под именем Жаккари-Мирим. Кстати, в подтверждение своих слов они показали мне письмо завещателя, с коим я имел удовольствие ознакомиться. Вы видите теперь, что ваша выдумка столь груба, что на нее не поймаешься бы даже ребенок. А теперь — до свидания, месье, до скорого. И не забывайте, изменников и шпионов убивают у нас выстрелом в спину!

ГЛАВА 13

В тюрьме.— Воспоминание о вторжении немцев во Францию.— Шпиономания.— Сложная ситуация, в которой оказались друзья.— Недоумение Жака по поводу возведения его в ранг капитана корабля.— Судебный зал.— Опереточные генералы.— Перуанские солдаты.— Обвинение.— «Смерть иностранцам!» — Жажда крови.— Вызов, брошенный Жюльеном судьям.— Настоятельное требование Жюльена.— Обещание председателя суда.— Недоумение начальника полиции.— Подлый замысел.

Апартаменты, в которых, словно львы в клетке, расхаживали в ярости злополучные путешественники, не являли собой ничего отталкивающего, как мог бы подумать читатель, зная о их предназначении. Конечно, не роскошные, они тем не менее предоставляли своим обитателям определенный комфорт, и не один путешественник, любящий удобства, охотно воспользовался бы ими, не находясь эта своего рода трехкомнатная квартира в мрачном заведении, именуемом городской тюрьмой.

В общем, обстановка простая, но вполне терпимая. Все, что потребовалось бы для отдыха, имелось налицо.

Постельное белье на кроватях было безупречно чистым.

Беглый обзор места заключения убедил Жака и Жюльена, что всякая попытка бегства бесполезна.

После первых минут вполне естественного в подобных обстоятельствах ступора* и последовавшего затем взрыва гнева друзья призвали на помощь все свое хладнокровие и спокойно проанализировали ситуацию, столь же опасную, сколь и непредвиденную, в которой они оказались.

Жак, придерживаясь более оптимистического взгляда на сложившееся положение вещей, нежели Жюльен, и уверенный в благополучном разрешении всех их проблем, заявил, что рассчитывает на добрую волю перуанских властей, которые не смогут, ознакомившись повнимательнее с паспортами, усомниться в их подлинности и будут в конце концов вынуждены признать невинность французов.

Жюльен с сомнением покачал головой, не разделяя радужных надежд своего друга:

— Обратимся-ка лучше к ура-патриотическому и вместе с тем благодушному умонастроению практически всех французов, даже наименее внушаемых, накануне вторжения немцев**. А потом мы были буквально потрясены тем, как неожиданно все обернулось, дрожали от стыда и горя при виде поруганной нашей земли и не понимали, почему это вдруг наша армия, которая еще недавно считалась непобедимой, все отступает и отступает, проигрывая одно сражение за другим и теряя в бесславных боях отважных сынов отчизны. Нам хотели объяснить эти бедствия причинами, щадящими наше самолюбие и уменьшающими заслуги немецких тактиков. Взять хотя бы тот же шпионаж. Перейдя от беспредельной доверчивости к повальному недоверию, мы везде стали видеть вражеских лазутчиков. Если кто-то выделялся своей походкой или костюмом или говорил по-французски с легким акцентом, непривычным в данном районе, на него тотчас же навешивали ярлык «шпион». Между тем вспомни-ка, часто ли приходилось тебе читать в газетах об обнаружении подлинных шпионов, засланных во Францию немецким военным командованием для несения не пользующейся

* Ступор — угнетенное состояние, доводящее человека до полной неподвижности и молчаливости.

** Имеется в виду франко-прусская война 1870 — 1871 годов.

у нас особым почетом службы, бывшей, однако, в таком фаворе * по другую сторону Рейна? **

— Не часто, но что ты хочешь этим сказать?

— А вот что: Перу сейчас находится в ситуации, аналогичной той, в которой оказалась тогда Франция. Ее государственные мужи, мало чем отличаясь от наших, полагали, что эта безумная война выльется всего-навсего в победоносный марш их войск и завершится молниеносно немалым выигрышем для Перу. Но случилось обратное: горе-воителей, вознамерившихся в мгновение ока покончить с противником, бьют на каждом шагу — как на суше, так и на море. Чилийцы продвигаются вперед на всех фронтах, вопреки хвастливым реляциям ***, публикуемым в прессе их врагом и производящим довольно странное впечатление на непредубежденного читателя, ибо получается, если сопоставить данные донесения с дислокацией **** войск сражающихся сторон, что победители все время отходят назад, а терпящие поражение за поражением наступают и, если дела пойдут так и дальше, то не позже чем через полгода окажутся у Лимы. В общем, перуанцы не желают признавать своего поражения. Проявляя еще большую нервозность и претенциозность, чем это делали в свое время мы, французы, они менее, чем наша нация когда-то, достойны победы. Обанкротившиеся политики сваливают свои беды на всех и вся, кроме самих себя. Обвиняя в неудачах Бога, дьявола и чилийцев, они судорожно изыскивают всяческие, подчас весьма наивные, объяснения якобы не зависевших от них провалов и стремятся сделать козлом отпущения потомков вторгшихся сюда соратников Франсиско Писарро. В итоге именно тех, в чьих жилах бродит кровь их воинственных предков, всех этих жителей погруженных в атмосферу средневековья каменных громад — городов, куда не проник еще дух современности, и предполагается вознести на жертвенный алтарь. Злосчастная судьбы швырнула нас в это осиное гнездо...

— И все же вполне возможно, что власти спокойно разберутся во всем, что касается нас.

— Как ты можешь надеяться на что-то? Ведь только

* Фавор — покровительство, благоволение, расположение; быть в фаворе — пользоваться благорасположением.

** Один из участков этой реки служит естественной границей между Францией и Германией.

*** Реляция — письменное донесение о действиях войск.

**** Дислокация — здесь: расположение.

и слышишь, как эти полудикари вопят истошно: «Да здравствует тот-то!» или «Долой того-то!».

— Согласен с тобой, Жюльен, положение наше действительно очень серьезно.

— Тем более что два подлеца-американца вовремя заявили в этот город в нашем обличье и поставили нас тем самым в крайне сложную ситуацию...

— Значит, перед тем как бросить нас в лепрозорий, они украли у меня бумажник с завещанием моего дяди, я же думал, что потерял их.

— Ловкие мошенники, ничего не скажешь! План их прост: сойти на берег в Рио, отправиться на фазенду Жаккари-Мирим и, само собой, войти во владение помещьем вместо тебя.

— И какой только умной голове пришла мысль сделать из полковника Батлера графа де Клене — из этого неотесанного янки, жующего табак и разгуливающего по комнатам в своих сапожищах!

— А из капитана Боба — Жака Арно!..

— Но особенно экстравагантно * то, что во мне увидели капитана-торговца, хотя я всегда боялся ступить на борт корабля!.. Чтобы провозгласить меня главарем пиратов!..

Глазок на двери приоткрылся, и раздался глухой голос негра, приведшего друзей в сей каземат:

— Прошу вас, сеньоры, приготовиться предстать перед военным советом!

— Уже! — произнес Жак. — Эти судьи никак не дадут посидеть спокойно своим пленникам! Если я правильно понял тарабарщину этого черномазого, нам придется иметь дело с трибуналом.

— Понятно, коль скоро перуанская территория находится на осадном положении.

— Кстати, револьвер у тебя с собой?

— Конечно. Но почему ты спросил об этом?

— А вот почему: мы люди решительные, не размазни какие-то и не слишком дорожим своей шкурой, а потому с помощью дюжины выстрелов сможем попытаться в нужный момент повлиять на решение судилища.

— Не говорю — «нет», но на подобную крайнюю меру я не возлагаю особых надежд, поскольку вокруг нас будет полно людей, да и в городе как-никак пятнадцать тысяч жителей.

В эту минуту послышалось равномерное пощелкива-

* Экстравагантно — причудливо, необычайно.

ние, какое обычно производит лебедка, боковая стена комнаты, в которой вели беседу наши друзья, покачнулась, а затем медленно поднялась, словно театральный занавес, и взору узников открылась крепкая железная решетка, отделявшая их от просторной, хорошо освещенной залы, в коей разместились несколько групп, заслуживающих нашего внимания.

Прежде всего, за длинным столом, установленном на небольшом возвышении и накрытом зеленой скатертью, сидели пятеро членов военного совета — напыщенные, в новых, сияющих регалиях * мундирах, скопированных, увы, с униформы французской армии. С первого взгляда на данных субъектов в чине генералов, выставлявших напоказ галуны, становилось ясным, что «военные» в действительности — люди сугубо штатские, не имеющие никакого отношения к подлинно воинской службе: не чувствовалось в них соответствующей выправки, и им не были свойственны сдержанность и скупость в жестах, которые вырабатываются привычкой к дисциплине.

Чуть в стороне, за отдельным столиком, восседал его превосходительство начальник полиции собственной персоной, одетый в полковничий мундир, а по обеим сторонам от него устроились секретарь суда и протоколист: первый — толстый, апоплексического ** вида каноник ***, с узким лбом, надутыми, готовыми лопнуть щеками, маленькими зелеными глазками с пронизывающим взглядом и в высоком головном уборе, смахивавшем на черный корабль, обвешанный веревками и помпонами; второй, прямая противоположность только что представленного нами типа, был монахом, столь же сухим, как и его писчее перо из кости, с редкими волосами на голове, без бороды и с очами, опущенными долу.

Слева и справа от возвышения разместился взвод солдат. В куртках артиллеристов, кепи пехотинцев и панталонах на любой вкус, а то и просто с патронташем поверх рубахи, эти вояки, обутые и одетые кто во что горазд, могли показаться поверхностному наблюдателю всего-навсего разношерстной толпой, в то время как в действительности они являли собой испытанных в сражениях бойцов.

* Регалия — здесь: знак отличия.

** Апоплексический — связанный с апоплексией — параличом тела или отдельных его частей вследствие кровоизлияния в мозг

*** Каноник — здесь: католический священник.

В минуты бездействия сии брUNETы с угольно-черными бровями, с расхлябанной походкой и с меланхолической внешностью действительно выглядят в своей карикатурной амуниции весьма гротесково. Но в пылу схватки, когда звучит горн, в воздухе стоит запах пороха, а на поле брани царит невообразимый шум, темно-карие глаза загораются, бронзовые лица искажаются в свирепой гримасе, и горячится кровь воинов. Страшные в своем ожесточении, они, пренебрегая опасностью, бросаются на врага и бьются с ним с ожесточением дикарей.

При виде пленников солдаты вскочили и поставили ружья к ноге, чтобы в случае опасности грудью защитить опереточных героев-генералов, которые осмелились приступить к допросу, лишь защитив себя предварительно от подсудимых надежной решеткой.

Предложив сеньорам-арестантам сесть и попросив их соблаговолить отвечать на вопросы членов военного совета, генерал, выполнявший роль председателя суда, начал допрос с выяснения таких чисто формальных сведений, как имя, возраст и национальность злосчастных иноземцев.

Секретарь, у которого, судя по мрачному выражению его лица, плохо варил желудок, устроился поудобнее в надежде вздремнуть, предоставив протоколисту полную свободу записывать вопросы и ответы как Бог на душу положит.

Его превосходительство председатель суда, перелистав рапорт, наспех составленный его превосходительством начальником полиции, пересказал содержание сего труда, выданного им за исключительно достоверный источник информации, и поддержал тем самым абсурдную выдумку, превратившую французских путешественников в американских авантюристов. Произведя затем длинные и нудные выкладки, он в заключение предложил пленникам сделать исчерпывающие признания и подписать протокол.

Жюльен, до глубины души возмущенный столь странной процедурой ведения судопроизводства, обратился к господам генералам с гневной речью:

— Я полагал, что люди, считающие себя благоразумными, не поддадутся сей явной лжи и положат конец недоразумению, вольному или невольному, жертвой коего мы стали. Но, как вижу, никто из всех вас пятерых, граждан цивилизованной страны, в высоких воинских чинах и наделенных, в силу обстоятельств, безмерными

юридическими правами и обязанностями, даже не покраснел, бросив в лицо беззащитных путешественников обвинение столь же нелепое, сколь и подлое! Вы отказываете иностранцам в такой скромной просьбе, как заглянуть для установления их личности в паспорта, подписанные консулами...

— Вам уже было сказано, сеньор,— прервал Жюльена начальник полиции,— что в паспорт можно вписать все что угодно... Да и как мы узнаем, что они и в самом деле ваши, а не украдены... или просто найдены вами? Что касается меня лично, то я не имею никаких оснований подозревать в преступных намерениях тех уважаемых особ, чьи имена вы присвоили себе.

— Не скажете ли, месье полицейский,— презрительно парировал отважный француз,— сколько вам заплатили те два страшных типа, что проследовали через ваш город неделю назад?.. Я говорю о подлинных Бобе и Батлере, которым вы помогли, естественно, не бесплатно, стать месье Жаком Арно и месье де Клене. Судя по тому, как вы с нами сейчас обращаетесь, им это стоило немало!

Полицейский побледнел, закрипел зубами и выйдя из себя завопил:

— Ты клеветешь на меня, иноземная собака!

— Вот теперь-то вы и раскрыли свое лицо. «Иноземная собака!» — не правда ли, здорово сказано? Теперь вам недостает только признаться, что это,— то есть наша принадлежность к иностранцам,— и есть главный пункт обвинения против нас. К тому же вы, должно быть, получили плохие вести с театра военных действий и теперь, желая хоть чем-то компенсировать отсутствие побед и заодно удовлетворить звериные инстинкты толпы, решили по всем правилам юриспруденции * прикончить двух ни в чем не повинных граждан. «Эти иностранцы — шпионы!.. Из-за них мы терпим поражение»,— заявляете вы, чтобы скрыть истинные причины своих неудач. «Смерть иностранцам!» — кричите вы, чтобы представить их кровь взамен несуществующих сводок о славных свершениях перуанской армии!

С улицы послышался многоголосый шум, накатывавшийся на стены тюрьмы, как приливная волна на скалы, и затем стали различимы грозные слова, как бы эхом воспроизведшие и даже расширившие восклицание Жюльена:

* Юриспруденция — правоведение, совокупность наук о праве.

— Смерть иностранцам!.. Смерть изменникам!..

— Как видите, я говорил не зря,— произнес, усмехнувшись, Жюльен, в то время как члены совета озадаченно молчали.— Мне хорошо известны эти штучки! Вы сознательно подыгрываете народу, разжигая его низменные страсти. Но вы не на тех напали: вам не удастся сделать из нас жертв вашей шпиономании!

— Смерть лазутчикам!.. Смерть! — раздалось совсем близко, и массивная дверь в помещение, в котором заточили бедных французов, задрожала от глухих ударов.

— Что же вы молчите?! Не выносите своего приговора?! Ведь неплохое зрелище получилось бы для толпы, не хуже боя быков!.. Вы не осудите нас, я знаю. И только потому, что просто не осмелитесь пойти на сей шаг!

Генералы от комической оперы издали возмущенный ропот, разбудивший секретаря-каноника.

— Нет! — продолжал Жюльен.— Вы не осмелитесь сделать это, повторяю я, ибо вы все убедились в том, что мы — французы... Среди вас нет никого, кроме господина полицейского, кто говорил бы на нашем языке, но вы не можете смешать наш благородный говор с экзотической белибердой тех двух американцев, с которыми вы нас перепутали! Впрочем, произнося «вы», я не имел в виду начальника полиции, поскольку он ничего не перепутал, а сознательно совершил подтасовку. Неужели вы столь наивны, что полагаете, будто мы подпишем объемистый пасквиль *, сочиненный этим продажным типом? Пусть сей гнусный документ остается на вашей совести! Мы не боимся вас, устроителей безобразного спектакля, для коих законы не писаны! Вам не сломить нашей воли! И, помимо всего прочего, вы не сможете уничтожить нас незаметно, так чтобы об этом не стало известно нашим дипломатам: они прекрасно знают, где мы находимся в данный момент. Или вы полагаете, что после Гуаякиля наш след затерялся? В общем, я настаиваю на немедленном предоставлении нам свободы, если только вы не желаете себе неприятностей.

— Но, сеньор,— ответил смущенный и даже немного напуганный этим выпадом подсудимого председатель,— я как раз и желаю получить доказательства вашей невиновности. Вы должны понять, в какой ситуации мы оказались. Неделя назад два путешественника-иностранца сели

* Пасквиль — произведение оскорбительного, клеветнического характера.

в Трухильо на пароход, отправлявшийся в Бразилию. У них, как вы утверждаете, ваши имена и соответствующие бумаги, подтверждающие, что они — граждане Франции. Их, естественно, пропустили через территорию нашей страны, поскольку на них распространяются все законы в защиту человека, коими могли бы пользоваться и вы, не будь одного обстоятельства, которое вы должны принять во внимание. Дело в том, что вышеупомянутые лица в разговоре с его превосходительством начальником полиции так же, как и вы, упоминали о печальном эпизоде — о гибели шхуны с оружием и боеприпасами. И они дополнили свой рассказ подробностями, касавшимися одного из владельцев груза и капитана корабля, назвали их имена и страну, откуда те родом... Все это слово в слово совпадает с тем, что поведали и вы нам!

— О дьяволы! — прорычал Жак сквозь стиснутые зубы.

— В этих условиях, — лицемерно продолжал его превосходительство председатель суда, — нам оставалось только арестовать вас, поскольку, не довольствуясь ущербом, нанесенным нашей армии потерей боевого снаряжения, вы, присвоив себе чужие имена, собираете сведения, которыми поделились бы с нашими врагами, если бы не бдительность его превосходительства начальника полиции.

Французы были потрясены, увидев, сколь изощренно действовали полковник Батлер и капитан Боб: предвидя возможность побега своих жертв из лепрозория, они заранее позаботились о том, чтобы перуанские власти, в случае чего, приняли французов за агентов враждебной страны.

Придя немного в себя, Жюльен снова попытался воздействовать на суд.

— Довольно! — жестко оборвал он председателя, произносившего панегирик * во хвалу полицейскому. — Существуют у вас законы или нет? Солдаты вы или убийцы?

— Что вы хотите этим сказать?

— В Лиме располагается посольство Франции с полномочным его представителем и главой флота адмиралом Дюперрей. Я лично знаком с обоими. Прикажите послать к ним курьера с письмом от меня... Вот все, что я требую от вас именем закона и взывая к вашей воинской чести!

— Хорошо, сеньор, ваша просьба будет удовлетворена: курьер отбудет завтра утром... Достопочтенные господа, на этом заседание суда объявляю закрытым!

Стена начала медленно опускаться, мало-помалу скры-

* Панегирик — ораторская речь хвалебного содержания, восторженный отзыв о ком-то, восторженная и неумеренная похвала.

вая от взора узников решетку и находившихся за нею членов военного совета.

В зале послышалось оживленное перешептывание в связи с уступкой, сделанной французам председателем суда.

— Как, ваше превосходительство,— произнес ошеломленный этим неожиданным поворотом дела начальник полиции,— вы действительно пошлете курьера?

— Конечно!

— И он поедет в Лиму?

— Да. Необходимо, чтобы посол Франции и адмирал получили письмо от арестантов: в этом наше спасение.

— Я отказываюсь понимать... Если они невиновны, то в каком ужасном положении окажемся мы!.. Что подумают о нас другие?

— Они не невиновны!.. Впрочем, сие уже не имеет значения.

— Почему?

— Слышите вой толпы? Народ жаждет крови, и он ее получит!

— Да, но... что вы хотите этим сказать?

— До Лимы сто пятьдесят лье, так что курьер доберется туда не ранее чем через десять дней. А за это время узники, виновны они или нет, отойдут в мир иной.

— Вы уверены в том?

— Абсолютно! — заявил председатель, обнажив в жестокой ухмылке белые зубы.

ГЛАВА 14

Освобождение Эстебана.— Письмо послу Франции и адмиралу.— Потомок дяди Тома.— Желе из цедры, варенье из кокосового молока, пастила из гуайявы и ананасовый компот.— Безумная жажда.— Изошренное истязание.— Пять дней ужасных страданий.— Упадок сил.— Беспамятство Жака.— Самоотверженный поступок Жюльена.— Пушечный выстрел.— Военный совет в составе одного человека.— Приступ безрассудной ярости.— Приказ начальника полиции.— Захват в плен перуанских солдат.*

После окончания судебного заседания уже знакомый нам негр — он же тюремный надзиратель — принес чернила, перья и бумагу и сообщил французам о решении

* Цедра — размельченная (натертая) или высушенная апельсиновая или лимонная корка.

военного совета, которым ему предписывалось выпустить на свободу в тот же вечер метиса Эстебана: согласно непререкаемым правилам, узники этого мрачного заведения не могли пользоваться услугами близких им лиц.

— Очень хорошо,— спокойно произнес Жюльен, ничем не выдавая охвативших его чувств.

Когда страж исчез, верный спутник наших друзей разразился стенаниями и плачем: его разлучали с людьми, ради которых он готов был пойти на все! Но добрая улыбка, осветившая лицо Жюльена, осушила слезы славного молодого человека.

— Глупцы! — тихо сказал Жюльен Жаку.— Они, конечно, хотят превратить наше затворничество в сущий ад, лишить нас всяческой возможности общаться с внешним миром...

— Не исключено также и то, что наши «опекуны» просто решили удалить нежелательного свидетеля на случай, если им вздумается совершить над нами акт насилия,— вполне резонно заметил тот.

— Пожалуй, ты прав...

— Ну что ж, воспользуемся постановлением военного совета в своих целях. Хотя в любом случае местным властям придется связаться с послом, а уж он найдет, к кому обратиться с требованием освободить нас.

— Так что не все потеряно!

— Надо сделать так, чтобы Эстебан тоже отправился в Лиму, но один, а не с курьером, посланным нашими врагами: у нас есть все основания не доверять гонцу, хотя люди, снарядившие его, заинтересованы в том, чтобы мои письма попали в руки представителей нашей страны.

Спустя два часа, во время которых Жюльен написал письма послу Франции в Перу и адмиралу, чья флотилия располагалась в Кальяо, самым тщательным образом проинструктировал метиса и вручил ему конверт, с тем чтобы слуга доставил его во французское посольство, вернулся негр с двумя закрытыми салфеткой блюдами,— вероятно, с едой для узников.

— Возьмите корреспонденцию,— проговорил холодно Жюльен, протягивая послания черному стражу, и затем обратился к молодому человеку: — Ну, иди!.. Тебе посчастливилось — ты на свободе! Прощай же!

— Прощайте, хозяин! — рыдая, промолвил метис.— Ваш слуга никогда не забудет, как вы были добры к нему!

— Раб,— проворчал негр, высокомерно пожимая плечами и подталкивая метиса к двери.

— Смотрите-ка,— заметил Жак довольно кстати, когда они с Жюльеном остались одни,— потомок дяди Тома * неплохо устроился!.. Но шутки в сторону: у меня в желудке бурчит от голода. Сейчас самый раз, чтобы познакомиться с рационом этого дома.

Открыв одно из блюд, он не смог сдержать недовольной гримасы при виде густого желеобразного месива с воткнутой в него деревянной ложкой.

— Ба!..

— Что там такое?

— Да это какое-то яство. Именно — сладкое! И, я бы добавил, довольно изысканное!

— И впрямь изысканное,— ответил Жюльен, отведав содержимое второго блюда.— Но этим не насытишься.

— Еще бы! Десерт, заменивший нам и завтрак и обед!

— Однако, поскольку потомок дяди Тома ничего другого не собирается предложить своим подопечным, возблагодарим судьбу и за то, что есть, и вспомним в связи с этим, что сахар в соединении с другими растительными субстанциями может в крайнем случае заменять в течение какого-то времени остальные продукты.

Насытившись студенистой массой, друзья ощутили вдруг дикую жажду и вспомнили, что с тех пор, как их поместили в камеру, у них не было ни капли во рту.

Они забыли о воде! — сказал Жак то ли со смехом, то ли сердито.— Как, тюрьма без классического кувшина!.. Это не видано!

— Они стали звать сторожа, громко стуча в дверь ногой и кулаком. Но бесполезно: мрачная темница была нема как могила. Выбившись из сил, узники бросились на свои кровати и заснули с жгучей сухостью в гортани, закусив простыни в надежде вызвать хоть какое-то отделение слюны, дабы смочить распухший язык и потрескавшиеся губы.

Ночь была нескончаемо длинной, а сон — плохим.

На заре вновь появился сторож с такими же, как и накануне, блюдами.

— Воды!.. Воды!..— в один голос прокричали изнывавшие от жажды заключенные.— Как, опять сладкое месиво?! Еще раз?!

* Имеется в виду негр-раб дядя Том — один из персонажей романа американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811 — 1896) «Хижина дяди Тома» (1852), вскрывающего бесчеловечный характер рабовладения в Америке.

— О! — проговорил черный с любезным видом.— Ваши светлости должны бы заметить, что это вовсе не та еда, что вчера...

— Как же, палач, не такая?.. Ты что, смеешься над нами?!

— Вчера их превосходительствам давали желе из цедры, а сейчас я принес варенье из кокосового молока.

— А где вода?!

— Заключенным ее не положено,— сказал, осклабясь, надзиратель, открыв в жестокой усмешке два ряда зубов, которым позавидовал бы и волк.

— Как это так, негодяй?! Что это значит: не положено воды?.. Вы хотите, чтобы мы сошли здесь с ума от жажды? Хорошо же, ты заплатишься за это!

Негр поспешил ретироваться.

Жак, в бешенстве набросившись на дверь, закрывшуюся за стражем, начал выкрикивать проклятия,— увы, столь же бессмысленные, как и удары, которыми он награждал ни в чем не повинную деревянную преграду.

— Успокойся! — сказал Жюльен, более владевший собой.— Если ты будешь вот так бесцельно расходовать энергию, то лишь еще больше захочешь пить.

— Ты прав... Но что же, в конце концов, они задумали сделать с нами?

— Э, мой бедный друг, я знаю об этом не больше, чем ты!

— Послушай-ка, а сколько дней живут без еды? Шесть дней... восемь... или, может, десять?..

— Что ты хочешь сказать этим?

— А то, что нам лучше перейти на голодную диету, чем поглощать это мерзкое месиво, от которого жжет в животе.

— И впрямь, попробуем отказаться от еды.

— Но мне хотелось бы вознаградить себя за наши муки. Пока я еще крепко стою на ногах, покажу-ка проклятому негру — этой дряни, несущей недостойную службу пособника палача,— почем фунт лиха! Двину как следует по его атлетическому торсу, чтобы снять с себя нервное напряжение. И тогда черт с ней, с жаждой!

— Ты сошел с ума! Эти негодяи под предлогом законной самозащиты немедленно расстреляют нас прямо здесь, в тюрьме! Хотя и не осмелились нас осудить: возможно, чувство стыда еще не окончательно утеряно ими или, скорее всего, их страшит спасительное для нас вмешательство посла Франции и... Черт подери,

а ведь наши тюремщики действительно очень рискуют!

Но вот снова наступил вечер, отличавшийся от вчерашнего лишь тем, что друзья испытывали еще большие страдания, чем накануне. Огромная дверь отворилась, и перед двумя белыми горделиво предстал их страж.

Подоплека этой непонятной буффонады * тут же разъяснилась: за спиной негра стояла дюжина солдат с прикнутыми к винтовкам штыками, чтобы урезонить строптивых арестантов, если те вздумают протестовать и против третьей трапезы.

— Паста из гуайявы! — объявил негр, раздражаясь животным смехом. — А завтра утром получите ананасовый компот... На воду же не рассчитывайте!..

Жак и Жюльен не удостоили негодя даже взглядом: так было лучше.

Прошло два дня, три, четыре. Муки, которые терпели наши друзья, могли бы сломить хоть кого.

Напрасно друзья пытались полностью отказаться от еды: несмотря на все усиливающееся чувство жажды, узники, чтобы вконец не ослабеть, вопреки принятому ранее решению, стали понемногу есть подаваемые им сладкие блюда, ощущая при этом временное облегчение своих страданий. Однако чем больше поддавались они искушению, тем сильнее испытывали потребность в воде. Именно на этой понятной человеческой слабости строили свой расчет изощренные истязатели, прибегнувшие к сей необычной и крайне жестокой пытке **, уже позволявшей им не раз одерживать верх над своими жертвами, как бы ни была велика воля последних и как бы ни был крепок их организм.

Пошел пятый день заключения Жака и Жюльена. Французам вновь принесли адское кушанье. Но тюремщик, увидев, что заключенные буквально не в себе, не осмелился войти в камеру, несмотря на присутствие отряда солдат, и удовольствовался тем, что, слегка приоткрыв дверь, — ровно настолько, насколько позволяла цепочка, — поставил сосуды с едой на пол и втолкнул их внутрь.

Теперь узникам был предложен ананасовый компот! Вид ломтей хлеба, пропитанных сиропом, густым, как

* Буффонада — здесь: шутовство, паясничанье.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что описание данного эпизода из жизни Жака и Жюльена основано на подлинных, имевших место в действительности фактах.

клей, исторг из груди Жака град проклятий. Издававшие им короткие, глухие звуки напоминали скорее вой волка, нежели человеческий голос. Неимоверная жестокость перуанцев и так уже принесла друзьям столько страданий, и теперь терпению одного из них пришел конец.

Неумолимое желание пить, ни на минуту не оставлявшее бедных мучеников, выворачивало у них внутренности, обжигало глотку, лишало их голоса, а временами мутило рассудок. В этих призраках с посиневшими губами, запавшими, в темных кругах глазами, мертвенно-бледными лицами и приоткрытым ртом, из которого вырывалось лишь хриплое, прерывистое дыхание, с трудом можно было узнать бесстрашных французов-путешественников.

Из-за ужасной жары, отсутствия воды и полноценной пищи друзья столь быстро теряли силы, что у них невольно возник вопрос, уж не добавляют ли им в пищу яд. Однако им было не до рассуждений: все их помыслы, все желания сводились к одному — к воде!

Они жевали кожу кобуры, а затем, чтобы вызвать слюноотделение, время от времени клали на язык несколько крупинок пороха. Эти меры позволили в той или иной мере перенести пытки один день, может быть, два. Но потом кровь сгустилась и перестала выполнять свои функции.

— Что делать?! Что придумать?! — в сотый раз вопрошал, — нет, рычал, — Жюльен, в то время как Жак катался в беспамятстве по простыне, издавая в бреду несвязные звуки. А ведь прошло лишь пять дней!

Жюльен заметил, что Жак задыхается, бормоча что-то жалобно.

— Тысяча чертей, он же умрет!.. Жак, Жак, послушай!..

— А! А! Воды... воды!..

— Воды нет, но погоди, за неимением лучшего ты выпьешь вот это!..

Закатав рукав рубашки до локтя, Жюльен с силой стянул руку своим галстуком, достал из кармана перочинный нож и вскрыл себе вздувшуюся вену. Теплая, черноватая струя крови едва не ударила Жаку прямо в лицо.

Жюльен, не желая терять ни капли драгоценной жидкости, от которой зависела жизнь их обоих, пригнул голову друга к ране. Жак сделал бессознательно несколько глотков и внезапно ожил. Открыв глаза, он понял, какой

мужественный и самоотверженный поступок совершил Жюльен.

— Ты дал мне свою кровь! — пробормотал он. — Но ты же можешь погибнуть!

— Что ты, сие небольшое кровопускание пошло мне лишь на пользу! — отвечал Жюльен, пытаясь подобной возвышенной ложью скрыть головокружение. — Если я и умру, то не от этого. Помогни мне только завязать рану... Так, хорошо! Нельзя терять ни капли: крови у меня хватит еще на два-три раза.

— Что ты!.. Неужели ты думаешь, что, будучи в сознании, я согласился бы на такое? Ведь это было бы с моей стороны непростительным преступлением по отношению к тебе!

— Не говори глупостей: хоть у тебя мышцы и сильнее, чем у меня, но перед голодом и жаждой ты по сравнению со мной более незащищен. В конце концов, если и я в свою очередь свалюсь, то ты дашь свою кровь мне...

Внезапно донесся грохот — откуда-то издалека, со стороны моря.

— Это пушка, — произнес Жак, почувствовавший себя лучше после «возлияния».

— Только бы не бомбили этот проклятый город, а то мы окажемся еще, ко всему прочему, и погребенными под развалинами нашей тюрьмы!

— Хорошо, если бы это был военный французский корабль, пришедший из Лимы.

— Ты же прекрасно знаешь, что такое невозможно: наш славный метис едва ли проделал полпути.

— Слышишь крики горожан?.. И барабанную дробь?.. Ну и гвалт поднялся! Надо же, как забегали наши тюремщики!.. Должно быть, что-то стряслось!..

Заскрежетала, поднимаясь, деревянная стена-перегородка, и, как и пять дней назад, взору пленников предстала зала, в которой в прошлый раз заседал военный совет. По другую сторону решетки по-прежнему размещался гротесковый взвод солдат, однако судей не было видно. Уж не отправились ли эти герои на поля сражений, чтобы, пренебрегая риском порвать свои великолепные мундиры, защитить матушку-отчизну от неистовых чилийцев? Или же они попросту удрали в панике, что частенько случается с подобного сорта генералами?..

Лишь начальник полиции да еще писарь-протоколист восседали на своих местах, словно вздумали заменить собою военный совет. Судя по всему, его превосходитель-

ство полицеймейстер * намеревался председательствовать, обвинять, защищать, если потребуется,— поскольку до сих пор никто не позаботился о том, чтобы дать обвиняемым защитника,— и конечно же судить. В общем, получался на редкость единодушный военный совет!

Жюльен, до сих пор призывавший Жака к терпению, при виде виновника их мучений потерял контроль над собой. Его мозг охватило горячее ** возбуждение, лишившее отважного француза обычной для него ясности ума. Всегда корректный, выдержанный и хладнокровный человек на какое-то мгновение уступил место ослепленному гневом безумцу, не способному мыслить здраво и утратившему даже инстинкт самосохранения: голод, а еще более — жажда, достигшие предела, часто вызывают подобные приступы безрассудной ярости. Бледный, в полубредовом состоянии, с блуждающим взглядом, он бросился с истошным воплем к решетке и, просунув сквозь железные прутья руку с револьвером, прицелился в полицейского. Все это произошло столь молниеносно, что Жак не успел остановить друга, способного на самый что ни на есть отчаянный поступок, чреватый для них обоих ужасными последствиями.

Его превосходительство начальник полиции, нырнув с искаженным от страха лицом за спинку скамьи, крикнул из своего убежища:

— Огонь по ним обоим!

Солдаты с шумом вскинули винтовки. И в это время раздался оглушительный гром, потрясший тюрьму до самого основания — так что с потолка посыпалась известка, а по толстым каменным стенам расползлись в разных направлениях глубокие трещины.

Жак, убедившись, что ему не под силу оттащить Жюльена от решетки, в которую тот вцепился свободной рукой, гордо встал рядом с ним, чтобы погибнуть вместе с другом. Увидев, что взрыв не причинил им ни малейшего вреда, французы радостно вскрикнули.

К счастью, солдаты, не менее удивленные, чем узники, но гораздо более напуганные, чем они, не успели разрядить свои ружья. В смятении носились они по залу, пока всеми ими не овладела мрачная оторопь.

* Полицеймейстер — начальник городской полиции.

** Горячный — характерный для горячки, как называли в старину лихорадку, а также другие заболевания, сопровождаемые высокой температурой и жаром.

Прогремел еще один взрыв, и тотчас в коридоре слышались быстрые, но размеренные шаги, а затем — произносившиеся на иностранном языке одна за другой короткие команды, сопровождаемые бряцанием металла.

Дверь в залу с шумом распахнулась, и до заключенных ясно донесся отдававший команды голос, не заглушаемый теперь стенами и громко звучащий в просторной зале, где стояли испуганные насмерть солдаты и сидели на своих местах парализованные ужасом начальник полиции и писарь-протоколист.

Жак и Жюльен не поверили своим ушам, когда услышали отданный на чистейшем английском языке приказ, которому было бы бессмысленно сопротивляться:

— Бросай оружие! Вы взяты в плен! Каждый, кто не подчинится моему распоряжению, будет расстрелян на месте!

ГЛАВА 15

Преступные замыслы правителей, оказавшихся в затруднительном положении.— В поисках агентств пароходных компаний.— Участливый консул.— Под защитой английского флага.— Письмо государственного секретаря.— Решительность официального представителя Англии.— Пароход «Шотландия».— Консул ее величества королевы Великобритании — в бочке! — Командир корвета.— Приготовления к бою.— Ультиматум.— Власть в замешательстве.— Десятиминутная отсрочка.— Пушечный выстрел.— Закрытые ворота.— Динамит.— Вовремя отданный приказ.*

Военное командование, призванное защищать Трухильо, но не способное в силу ряда причин выполнить свой долг, чувствуя, что вот-вот вспыхнет бунт, и не имея ничего, чем можно было бы смягчить горечь, содержащуюся в печальных известиях с театра военных действий, решило, если вы помните, покончить с двумя французами вне зависимости от того, виновны они или нет. Обвиненные разъяренным народом в некомпетентности, следствием чего явились бесконечные поражения, горе-

* Ультиматум — здесь: в международных отношениях — последнее, категорическое требование, предъявляемое одним государством другому под угрозой, в случае невыполнения, немедленного применения определенных мер воздействия (вплоть до войны).

полководцы, понимая, что под сомнение ставится их честь и что занимаемое ими высокое положение день ото дня становится все более шатким, вознамерились, отдав на суд толпы так называемых шпионов, разрядить обстановку и вернуть себе былой авторитет. Для особ, охотно эксплуатирующих чужие предрассудки, это был наиболее простой и к тому же безопасный шаг, позволявший, за неимением лучшего, обратиться к соотечественникам со следующими словами: «Теперь вы сами видите, как мы печемся о вас и что наше чутье, никогда не подводящее нас, блестяще служит отчизне!.. Отныне каждому ясно, сколь глубоко вы в нас ошибались!» Короче, экзекуция, превращенная в грандиозный спектакль, была для сих военачальников равносильна победе на поле боя, хотя и не наносила ни малейшего ущерба чилийцам.

Однако эти лицедеи * не были настолько безрассудны, чтобы полностью исключить возможность того, что в не столь отдаленном будущем им придется ответить за свое преступление. Стремясь всячески сохранить мундиры незапятнанными и не испытывая при этом ни малейшего желания оплачивать в случае провала гнусного замысла разбитые горшки, они задались целью заставить сознаться французских путешественников если и не в их виновности, то, по крайней мере, в своем американском происхождении. Стоило бы графу де Клене и Жаку Арно, в груди которых все горело от непереносимой жажды, согласиться признать за стакан воды, что они — янки, как им сразу бы отказали в свидании с официальными представителями Франции и тотчас же произвели новое расследование с заранее известным результатом: смерть — и без промедления! Поскольку же, как говорится, цель оправдывает средства, негодяи не преминули прибегнуть к столь рас пространенной в испано-американских республиках попытке — безобидной и нелепой на первый взгляд, но в действительности крайне мучительной.

Пока разыгрывался этот безобразный фарс **, в Лиму был отправлен сухопутным путем курьер с тем расчетом, что, когда он прибудет в место назначения, дело уже завершится, и если даже представители Франции приложат все необходимые усилия и для спасения своих сооте-

* Лицедей — здесь: притворщик (первоначальное значение этого слова — актер).

** Фарс — здесь: нечто лицемерное, постыдное по своей циничности (первоначальное значение этого слова — театральная пьеса легкого, игрового, пошлого содержания).

чественников пошлют вооруженный корабль, они не найдут и следов их трупов. Конечно, от местного руководства потребуют объяснения. Однако перуанские власти, сославшись на признание обвиняемых, ответят:

«Эти люди — американские авантюристы, а вовсе не французы: взгляните на их заявление».

Примерно в таком духе размышлял Жюльен, когда он узнал о том, что их лишают слуги, и, исходя из этих предположений, он, воспользовавшись освобождением Эстебана, проинструктировал его, каким образом тот смог бы помочь им расстроить козни злоумышленников. Первое, что должен был сделать метис, — это сесть в Трухильо на корабль и морем добраться до Лимы: если всадник сможет достичь столицы Перу не меньше чем за неделю, то пассажиру парохода достаточно для этого двадцати восьми часов, тем более что между двумя указанными городами регулярно курсируют суда двух компаний — французской трансатлантической и американской.

Эстебан, преданный своим хозяевам, немедленно отправился в Салаверри, служивший для Трухильо портом, и приступил там к поискам пароходных агентств. Город находился в процессе застройки, и метис увидел больше фанерных бараков, нежели обычных домов. Естественно, взгляд его задержался на здании, стоявшем у реки и выгодно отличавшемся от остальных. Негры только что водрузили над ним довольно высокую мачту с развевавшимся на ней флагом, похожим на те, что, как помнилось верному слуге, он видел на консульствах в Кито и Гуаякиле. Зная, что служащие этих учреждений выполняют иногда и функции агентов морских компаний, молодой человек смело вошел через широко открытую дверь в помещение, никем не охраняемое.

За столом, заваленным бумагами, сидел в рубашке с закатанными рукавами внушительного сложения человек, покуривая сигару с приятным запахом и потягивая через соломинку какой-то напиток.

— Что вам угодно, юноша? — спросил он с тем веселым добродушием, которое обычно являет собой счастливую привилегию лишь людей полных.

— Мне нужно отправиться французским или американским пароходом в Лиму, — робко ответил метис.

— В таком случае вы ошиблись домом, дорогой мой... Это не морское агентство, а английское консульство... обосновавшееся здесь только вчера.

Эстебан вежливо извинился, толстяк же продолжал:

— Ничего страшного... Скажите-ка, а вы очень спешите в Лиму?

— Да, господин, очень!

— Эх, приятель, вам так не повезло! Американский пакетбот ушел позавчера, а французский пароход придет не раньше чем через две недели.

На лице метиса было написано такое горе, что толстяк, проникшись к нему состраданием, вместо того чтобы выводить его, спросил молодого человека, не смог бы он хоть чем-то помочь бедняге.

— Ах, господин,— разразился рыданиями славный малый,— мои хозяева погибли!

— Ваши хозяева?..

— Да, господин, два французских путешественника... Перуанцы держат моих хозяев в тюрьме, где их ждет верная смерть!

— Так-так!.. Французы, значит... Расскажите-ка мне о них: хоть я и англичанин, но меня это заинтересовало — не только с чисто человеческих позиций, но и с точки зрения соблюдения цивилизованными нациями международного права.

Эстебан подробно поведал участливому консулу об истории своих взаимоотношений с Жаком Арно и Жюльеном де Клене, о цели совершаемого его хозяевами путешествия, об их встрече в поезде с полицейским, об аресте французов по ошибке или же по злему умыслу и о той миссии, с которой он был послан в Лиму.

Англичанин слушал его не прерывая, потягивая напиток и покуривая ароматическую сигару.

— Это все? — спросил он, когда метис закончил.

— Да, господин, все.

— У вас с собой письма, предназначенные его превосходительству послу Франции и его превосходительству адмиралу?

— Да, господин.

— Позвольте мне, как представителю его превосходительства посла Великобритании, а также полномочному и единственному официальному представителю европейских интересов в Трухильо, ознакомиться с ними.

— Но, ваше превосходительство...

— Я понимаю вашу щепетильность, однако,— добавил он, с гордостью показывая на флаг, развевающийся на мачте,— не забывайте, что доверенная вам корреспонденция находится под защитой английского знамени!

— Я верю вам, ваше превосходительство,— прогово-

рил Эстебан, на которого произвели сильное впечатление энергичное поведение англичанина и не менее энергичные слова, столь контрастировавшие с благодушной внешностью толстяка.— Вот эти письма, господин.

Консул взял конверт, прочел надпись на нем и радостно воскликнул:

— Вы умеете читать?

— Немного.

— Так поглядите на этот адрес.

— Я не понимаю по-английски.

— Это по-французски.

— Французский тоже не знаю.

— Здесь написано: «Его превосходительству послу Франции в Перу, а в случае его отсутствия — его превосходительству управляющему английской миссией». Поскольку я представляю здесь его превосходительство посла Великобритании, я вправе ознакомиться с содержанием письма, адресованного не только послу Франции, но и английскому дипломату, тем более что время не ждет.

Консул вскрыл конверт и вынул оттуда несколько листов. Его взгляд упал на один из них, надписанный по-английски и с большой печатью внизу. Развернув бумагу и быстро пробежав содержавшийся в ней текст сверху донизу, до подписи, он вздрогнул, словно от удара электрическим током.

— Дорогой юноша, вы принесли документ, которого нет ни у кого!.. Одного его достаточно, чтобы взлетел на воздух город и была разрушена целая провинция!

Затем, не веря своим глазам, консул громко прочел, словно желая взять в свидетели Эстебана:

«Министрам, консулам и военачальникам ее величества королевы Великобритании — в Европе, Азии, Африке и обеих Америках

Господа!

Граф Жюльен де Клене, гражданин Франции, которому я вручаю это письмо,— ученый, посещающий с научными целями самые разные точки земного шара.

Прошу оказывать ему всяческое содействие, как если бы он был подданным ее величества королевы Англии. Буду благодарен вам за все, что вы сделаете для него.

*Лорд Б.,
государственный секретарь»*

— Понимаете? — взволнованно произнес англичанин. — Чем не повод, чтобы подвергнуть город бомбардировке? Дорогой мой юноша, мы спасем ваших хозяев!

— Ах, господин! — воскликнул славный метис, плача, но теперь уже от радости. — Как вы добры! Да снизойдет на вас милость Божия!

— Тут дело не в доброте, а в чувстве долга... Я обязан по приказу свыше немедленно оказать именем правительства ее величества королевы Англии помощь вашим хозяевам. Вы останетесь здесь, пока я буду принимать необходимые меры, сводящиеся к одному — к требованию их освобождения из-под ареста.

— А если, господин, вам вдруг откажут?

— Мне, представителю ее величества королевы? Да никогда!

— Однако они могут осуществить свой замысел, и не отказывая вам: найдут какой-нибудь повод выиграть время, затем, как знать, возьмут да и отравят моих хозяев. Месье де Клене советовал мне не впадать в панику, но быть готовым ко всему.

— Быть готовым ко всему, — повторил консул со своей добродушной улыбкой. — Месье де Клене как нельзя более прав... Менее чем через неделю мы сможем приступить к активным действиям, ибо я не ошибусь, в чем вы вскоре убедитесь, если скажу, что самое большее через четыре-пять дней сюда прибудет военный корабль ее величества королевы.

И действительно, пятый день был на исходе, когда Эстебан, которого и день и ночь грызла неотвязная тревога, сбежал с верхушки скалы, где он поджидал английское судно, и пулей влетел в консульство.

— Идет!.. Пароход!

— Под чьим флагом? — спросил консул.

— Не знаю... Кажется, на мачте — флаг ее величества королевы.

Из-за гряды скал, протянувшейся вдоль берега, выглянул искусно оснащенный корабль и медленно пополз в поисках места, где можно было бы пристать. Над ним курился легкий дымок, на гафеле * бизань-мачты ** гордо развевался английский военный стяг...

* Гафель — здесь: легкое рангоутное (то есть служащее для несения парусов) дерево, одним (нижним) концом упирающееся в мачту (сзади нее), а другим подвешенное к ней под углом, служит для растягивания верхнего края (шкаторины) косога четырехугольного паруса.

** Бизань-мачта, или бизань — самая задняя мачта.

— Ур-ра Англии! — звонким голосом воскликнул консул. — Именно этого судна я и ждал — корвета «Шотландия», ведомого сэром Колином Кэмпбеллом! Вы можете вместе со мной кричать «ура», дорогой юноша: я совершенно уверен, что ваши хозяева теперь спасены!

В то время, как на корабле с точностью, свойственной военным морякам, совершались многочисленные операции, чтобы пришвартоваться, консул, трижды приспустив флаг, сообщил соотечественникам о своем присутствии, положил аккуратно полученные от Эстебана бумаги в жестяную, герметически закрывающуюся коробку и в сопровождении юноши отправился на пристань с намерением подняться на борт судна.

— Придется воспользоваться спинами людей, ведь иначе ничего не выйдет, — прошептал он с комическим отчаянием. — Явиться на корабль вымоченным до костей из-за пребывания на этом проклятом плоту, где тебя черт знает как толкает и с которого, не ровен час, ты можешь быть в любой момент смыт волною, — все это выглядит со стороны довольно смешно. И в самом деле — официальный представитель ее величества королевы, и вдруг — в бочке! Однако долг превыше всего.

Трагикомическая картина, которую наблюдали шесть дней тому назад Жак и Жюльен, повторилась — с той лишь разницей, что море на сей раз было более спокойно, и крупного телосложения англичанину не пришлось поэтому забиваться в свое вместилище столь глубоко, как тогдашним пассажирам. Но он все равно вымок с головы до ног, и, когда ступил на палубу, вокруг него образовалась лужа, что, впрочем, не мешало ему сохранять вид важный и преисполненный достоинства.

Приблизившись к еще довольно молодому человеку в морской форме, стройному, высокому, светловолосому, голубоглазому, с лицом холодным, бесстрастным и бледным, консул радушно приветствовал его:

— Имею честь засвидетельствовать сэру Колину Кэмпбеллу мое почтение!

Это и был командир корабля.

— Рад вас видеть, мистер Говит! С удовлетворением отмечаю, что вы уже освоились в этом негостеприимном краю.

— В более негостеприимном, чем вы могли себе представить, сэр Колин! Я рассчитывал встретить здесь людей более или менее цивилизованных, а очутился среди дикарей.

— Надеюсь, вам оказывали все же должное внимание, на которое вы вправе рассчитывать как английский подданный и представитель ее величества королевы Великобритании?

— Несомненно... Однако... я был бы рад услышать, как рычат ваши пушки, и увидеть на берегу ваших моряков.

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду,— произнес ровным тоном капитан, однако в глубине его голубых глаз сверкнули молнии.

— Я был бы вам очень обязан, если бы, прежде чем представить вам полный отчет, смог ознакомить вас с одной из бумаг, полученных мною шесть дней назад от славного юноши, поднявшегося вместе со мной на борт вашего судна.

— Хорошо, сообразовалите дать мне ее.

Командир «Шотландии», хотя и ничем не выказал охвативших его чувств, испытал при чтении письма, подписанного государственным секретарем, глубокое волнение: подобные документы бывают крайне редки и посему приобретают особо большую значимость в глазах людей избранных, коим они адресованы.

— И этот джентльмен,— спросил сэр Колин Кэмпбелл, чьи бледные скулы слегка покраснели,— просит английского вмешательства, не так ли?

— Да, командир. Находясь в отчаянном положении, как и его товарищ, он надеется на нашу помощь.

— Ну что же, мистер Говит, через три часа они будут на свободе, если даже мне потребуется для этого сжечь город и погresti всех его жителей под обломками зданий!.. Черт подери, мне давно уже хочется преподать урок этим пустословам, которые за полгода прожужжали мне уши своей похвальбой и ложью. Я буду тем более счастлив ударить по перуанцам, что нам надо свести с ними старые счеты: они — наши должники еще с тысяча восемьсот шестьдесят шестого года... * А теперь, поскольку время не терпит, а береговая охрана как будто не торопится проверить мою документацию, я немедленно приступаю к подготовке к военным действиям. Если выдастся свободное время, вы сможете рассказать мне о чудовищном злоключении, выпавшем на долю того джентльмена... Лейтенант,

* Имеются в виду события, связанные с Тихоокеанской войной 1864 — 1866 годов между Испанией, стремившейся восстановить свое господство в странах Латинской Америки, и южноамериканскими республиками — Перу, Чили, Эквадором и Боливией.

выставьте знаки оповещения о наших далеко не мирных намерениях!.. Подайте сигнал боевой тревоги!.. Канониры * — по местам!.. Сорок морских пехотинцев — к высадке!.. На каждого — по двести патронов!

— Но, командир, это же самое настоящее развязывание войны, без предварительного объявления ее!

— Вы сами отнесете в город и вручите перуанским властям уведомление о возможности объявления им войны. Затем возвращайтесь в консульство, и, как только вы опустите ваш флаг, я открою огонь.

— Ол райт!

— А теперь рассказывайте, что там произошло с тем беднягой.

Беседа длилась пять-шесть минут.

На судне между тем царило оживление, всегда предшествующее бою, и спустя короткое время корабль был приведен в состояние боевой готовности.

Сэр Колин Кэмпбелл спустился к себе в каюту, где оставался с четверть часа. Когда же он снова поднялся на палубу, в руке у него было только что составленное послание, тотчас переданное им на предмет прочтения мистеру Говиту.

Это был документ ультимативного содержания:

«Я, нижеподписавшийся, командир корвета «Шотландия», принадлежащего ее величеству королеве Великобритании и Ирландии, императрице Индии, уведомляю через консула ее величества королевь перуанские власти в Трухильо (Перу) о следующем:

*Если месье граф де Клене и Жак Арно, беспричинно арестованные вышеназванными перуанскими властями, не будут доставлены на борт моего корабля в течение ближайших трех часов, то есть до пяти часов по хронометру ** корвета, то я, под чьим покровительством находятся подданные ее величества королевы Великобритании и кто призван защищать международные права представителей цивилизованных наций, предприму все меры для освобождения вышепоименованных господ, даже если мне придется применить для этого силу. Сия акция будет проведена мною без требований возмещения ущерба и выплаты репараций *** потерпевшей стороной.*

* Канонир — здесь: артиллерист.

** Хронометр — здесь: переносные точные астрономические пружинные часы в специальном ящике с подвесами, употребляются главным образом в экспедициях и мореплавании.

*** Репарация — полное или частичное возмещение убытков, нанесенных войной, выплачиваемое победителю страной, потерпевшей поражение.

Писано на борту корвета «Шотландия» 16 ноября 1879 года.

*Командир корвета
сэр Колин КЭМПБЕЛЛ**

— А теперь, дорогой мой Говит, дело за вами. Мои люди под командованием второго лейтенанта будут сопровождать вас. Слуга французских джентльменов покажет вам, где находится тюрьма — на тот случай, если власти не решат вопрос миром. Идите же, вам дается карт-бланш *

Морские пехотинцы, в восторге от этой вылазки, предоставлявшей, как им казалось, возможность поучаствовать в потасовке, бодро шагали вперед. Консулу не потребовалось много времени на то, чтобы заглянуть в свое учреждение и натянуть на себя форму, и через полтора часа после того, как он покинул корабль, англичане подошли к окраине Трухильо.

Бравая группа людей в нарядном обмундировании, шествовавшая по улицам города с воинственным видом, несмотря на свою малочисленность, произвела на прохожих сильное впечатление, повергая их в страх.

Узнав, что выдачи арестованных требовали англичане, прибывшие на военном корабле, отцы города, охваченные паникой, исчезли один за другим, так что найти их не представлялось возможным, и консул, тщетно пытавшийся собрать военачальников, дабы довести до их сведения ультиматум сэра Кэмпбелла, вынужден был ограничиться обществом начальника полиции, который, по всеобщему мнению, был не последняя спица в колеснице.

Сей же служилый, личность ловкая и изворотливая, сославшись на то, что он не полномочен решать такие дела, попросил на раздумье полчаса, дабы выиграть время.

Мистер Говит великодушно предоставил ему десять минут, остававшиеся до пяти часов.

— Десять минут!.. Ну что ж, десять так десять! — коротко сказал полицейский и исчез из здания городского управления, где застал его представитель Англии.

Эстебан, у которого все это время были ушки на макушке, увидел, что коварный перуанец направился в сторону тюрьмы.

— Господин,— обратился он к консулу,— этот человек что-то замыслил, как бы не причинил он зла моим хозяевам.

* Карт-бланш — здесь: неограниченные полномочия.

— Ваши опасения не лишены основания: у этого негодяя — лицо злодея. Однако кто мешает и нам пойти к тюрьме? Что вы скажете на это, лейтенант?

— Полностью разделяю ваше мнение! — ответил офицер.

Когда отряд морских пехотинцев подошел к массивным воротам мрачного здания, на городских часах пробило пять.

Лейтенант с силой постучал в ворота рукоятью сабли, но тщетно.

— Бесполезно, — сделал он вывод. — Их нам не откроют!

— Пять часов! — вскричал мистер Говит. — Сэр Колин, наверное, заждался!

И тут раздался грохот от пушечного выстрела, от которого содрогнулись все деревянные строения.

— Командир — сама пунктуальность! — воскликнул консул. — А вот мы запаздываем что-то. Как бы нам сокрушить побыстрее дверь в крепость?

— Это дело полминуты, — взглянув на часы, которые он держал в руке, произнес уверенным тоном лейтенант и подозвал одного из своих людей. Тот вытащил из ранца снабженный фитилем некий цилиндрический предмет сантиметров тридцати длиной и толщиной с кулак и передал его офицеру.

Лейтенант велел всем отойти подальше, подложил цилиндр под дверь, зажег сигаретой фитиль и сказал мистеру Говиту, с интересом наблюдавшему за этими манипуляциями:

— Сейчас увидите, что ничего не стоит превратить в крошево даже такие мощные ворота, коли есть динамит.

Страшный взрыв разнес толстые деревянные створы в щепки. Путь был открыт.

Пехотинцы, с лейтенантом во главе, бросились в зияющий проем, а затем, следуя за Эстебаном, направились к камере, где вынесли столько страданий ни в чем не повинные узники. Вот тогда-то офицер, услышав внезапно шум, поднятый перуанскими солдатами, готовившимися расстрелять французов прямо через решетку, кинулся в сопровождении своих моряков в зал судилища.

— Бросай оружие! Вы взяты в плен! Каждый, кто не подчинится моему распоряжению, будет расстрелян на месте! — крикнул он громогласно. И вовремя!

ГЛАВА 16

Тюремщик под конвоем.— Освобождение узников.— Утоление жажды.— Торжественная церемония.— Рассказ мистера Говита о передвижении в бочке.— Реквизиция экипажа.— Триумфальное шествие.— Два часа на поиски багажа.— На борту корвета.— Обед.— Бешеный успех Жака Арно.— Многочисленные тосты.— Ночь на корабле.— Из Франции в Бразилию по морю.— Бортовая качка.— Освобождение от недуга.— Энтузиазм Жака.— И снова: из Парижа в Бразилию по суше.— Оставшаяся тысяча лье.*

Лейтенант немедленно разоружил перуанских солдат, которые, ошеломленные внезапным появлением английского десанта, и не думали сопротивляться.

Начальник полиции, а заодно и монах — этот явный еретик, исполнявший обязанности писаря, — были взяты под стражу.

— Пока мы не освободим наших французов, — сказал офицер, — эти двое побудут у нас в заложниках.

— Ол райт! — важно отвечивал мистер Говит.

Во время этой драматической сцены оба узника, протягивая сквозь прутья решетки ослабевшие руки, хриплыми, едва слышными голосами просили своих освободителей:

— Воды!.. Воды!..

— Откройте дверь в их камеру, — распорядился лейтенант, и морские пехотинцы тотчас кинулись выполнять его приказ.

На другом конце коридора послышались яростные ругательства.

Это был Эстебан: отобрав бесцеремонно ружье у одного из перуанских вояк, он пустился на поиски черного тюремщика и, найдя его в глубине двора, повел, приставив штык к спине, к «апартаментам», в которых томились его хозяева. Надзиратель, обезумев от ужаса, с посеревшим лицом и вытаращенными глазами, передвигался с большим трудом, ибо страх парализовал его ноги. Метис же, полагая, что негр притворяется, подгонял его бранью и показыванием штыком.

— Открывай дверь, дрянь паршивая, а не то я пригвозжу тебя к стене! — скомандовал Эстебан, когда они подошли к камере.

* Реквизиция — принудительное отчуждение за плату или временное изъятие государством имущества, принадлежащего частным лицам или организациям.

Видя, что мерзкий палач из-за дрожи в руках не в состоянии справиться с этим заданием, проводник вырвал у него связку ключей, отпер дверь и с шумом отворил ее.

— Воды!.. Воды!..— стонали несчастные французы.

Два солдата бросились во двор, наполнили фляги водой из фонтана и бегом вернулись к заключенным. Жак и Жюльен, вырвавшись наконец из мучительного плена и с трудом произнеся одно лишь слово «спасибо!», с жадностью припали к сосудам с бесценной жидкостью, которую пили с неистовством диких животных, кое-как добравшихся во время засухи до вожаемого источника.

Чем ужаснее испытанные страдания от жажды, тем быстрее сказывается живительная сила воды. И узники быстро пришли в себя под воздействием целительной влаги.

— Спасибо!.. Спасибо нашим спасителям! — повторяли они, узнав английские мундиры.

А затем последовал весьма типичный для англичан эпизод, подтвердивший лишний раз, что и в чрезвычайных обстоятельствах они остаются приверженцами соблюдения положенных формальностей. Словно не замечая драматичности обстановки, лейтенант молча вынул из ножен саблю и, почтительно склонившись перед Жаком и Жюльеном, указал церемониально на затянутого в мундир консула:

— Мистер Ричард Говит, консул ее величества королевы Великобритании!

Друзья поприветствовали его.

— Сэр Эдмонд Брайтон, второй лейтенант корвета «Шотландия»! — произнес с уважением консул, повернувшись к офицеру.

Жак и Жюльен поклонились и моряку, после чего поочередно, столь же торжественно, представили друг друга.

По окончании ритуала все четверо обменялись энергичными рукопожатиями, причем англичане, как всегда в таких случаях, проявили столько сердечной теплоты, что у французов кровь прилила к рукам.

— Мистер Говит,— молвил растроганно Жюльен, пожимая толстяку руку,— нам и не снилось, что нас так вот быстро освободит английский десант! Мы слов не находим, чтобы выразить вам свою благодарность.

— О! — воскликнул, широко улыбаясь, толстяк.— Если бы вы только видели, как я выглядел в бочке, когда

отправился на корвет! Право же, это было смешно! Понятно, моя супруга, миссис Говит, нашла бы подобный способ передвижения шокирующим, но зато обе наших мисс забавлялись бы от души, лицезрея своего отца в столь необычном положении! Да я и сам бы не прочь был полюбоваться собой в тот момент со стороны!

Только тут наши друзья поняли, что это над семьей мистера Говита потешались они в тот раз, когда, стоя на пристани, наблюдали за разгрузкой судна.

— Пора уходить, джентльмены! — заявил офицер, не в силах удержать улыбку при воспоминании о том, как и ему пришлось таким же точно экзотическим образом перебираться с судна на берег.

Отряд тронулся в путь. Французы, чудом вырвавшиеся из чудовищного кошмара, идя в окружении моряков, едва передвигали ноги, ослабевшие за эти ужасные, преисполненные физическими и душевными муками дни.

Фортуна * была обязана вознаградить друзей за перенесенные ими страдания, и она не замедлила выполнить то, что ей было положено. Едва бывшие узники со своими спасителями покинули стены тюрьмы, как их взору предстал роскошный открытый пароконный ** экипаж, в котором восседал его превосходительство начальник полиции, разодетый, как на парад.

— Черт побери! — воскликнул офицер. — Это как раз то, что нам нужно! — И предложил его превосходительству тоном человека из high life ***, который, находясь в завоеванной стране, не желает ждать: — Эй вы, слезайте!

Его превосходительство полицеймейстер попробовал было, продолжая сидеть в коляске, отделаться от англичанина, ссылаясь на права человека вообще и собственника в частности, но лейтенант сделал знак своим людям, и его превосходительство, поднятое двумя парами сильных рук, беспомощно плюхнулось в дорожную пыль.

Эстебан, решив внести свою лепту в общее дело, подскочил к экипажу и, дернув кучера за ногу, помог ему совершить великолепный кульбит, после чего, без церемоний заняв его место, взялся за вожжи с апломбом человека, который всю жизнь правил лошадьми. Сэр Брайтон, мистер Говит, Жак и Жюльен тотчас устроились, не мудр-

* Фортуна — здесь: судьба.

** Пароконный — запряженный парой лошадей.

*** Высшее общество, высший свет, аристократия (англ.).

ствуя лукаво, в коляске и, торжествуя в душе, взяли курс на Салаверри, в то время как жители Трухильо, напуганные появлением в их городе англичан, коих они сразу же узнали по мундирам, и боясь, что их постигнет участь начальника полиции и писаря, шествовавших с жалким видом в арьергарде * процессии, забаррикадировались в своих жилищах.

Когда отряд подходил к зданию консульства, с моря донеслось мощное «ура!» — такое, какое могут исторгнуть из себя лишь громогласные английские глотки. Корвет, оставшийся под парами, развернулся к берегу бортом, оцетинившимся стволами артиллерийских орудий, нацеленных на город. Экипаж, приготовившийся к битве, испытывал некоторое сожаление в связи с относительно мирным разрешением конфликта.

— Итак, месье, вам также предстоит побывать в бочке,— произнес, заразительно смеясь, мистер Говит, обращаясь к французам.— Ибо, я полагаю, вы захотите пожать руку командиру корвета сэру Колину Кэмпбеллу!

— Но мы одеты скорее как разбойники, а не как честные, порядочные заключенные!

— Не будем тратить лишних слов, господа, поскольку я твердо намерен незамедлительно доставить вас на судно: сэр Колин не простит мне ни минуты задержки. Однако где же он... ваш багаж?...— Переведя взгляд на шефа полиции, бледного от испытанного им позора и дрожащего от страха, который стоял в окружении четверых вооруженных людей, он жестко произнес: — Вы должны знать, где их багаж, коль скоро этих джентльменов арестовали по вашему распоряжению!

— Но, ваше превосходительство,— пробормотал перуанец,— я не знаю этого...

— Не знаете?! Даю вам два часа на то, чтобы выяснить, где их вещи. Если же по прошествии указанного времени вы не разыщете багажа и не доставите его в целости и сохранности — вы слышите: в целости и сохранности! — то на город будет наложена контрибуция **, и вы лично будете нести ответственность за ее выплату! И не пытайтесь скрыться: я из-под земли вас достану! В следующий раз вы будете знать, как следует обращаться с воисти-

* Арьергард — буквально: часть войск, находящихся позади главных сил; в переносном смысле — отстающая от основного отряда группа.

** Контрибуция — здесь: принудительные денежные поборы с населения, производимые неприятелем.

ну культурными людьми, коли сами похваляетесь принадлежностью к культурному слою населения. Идите же, вы и ваш компаньон: я освобождаю вас из-под стражи. И не забывайте главного: мудрость начинается с трепетного уважения к английскому флагу!

В порту между тем носильщики готовили бочки и плоты для доставки своих «клиентов» на борт корабля. Погода стояла хорошая, и волны не бились о берег с той неистовой силой, которая обычно весьма затрудняет транспортировку пассажиров. Менее чем в пять минут первый плот, на котором находились Жак, Жюльен, лейтенант, мистер Говит и четвертая часть отряда, подошел к трапу*, спущенному с корвета.

Мистер Говит устремился на корабль первым, сбросив макинтош, который он прихватил на ходу в консульстве, дабы уберечь мундир от сюрпризов моря. За ним последовали Жак и Жюльен, и уже потом — лейтенант. Офицер, дежуривший у трапа, провел их на корму к командиру судна. Капитан, завидев гостей, направился к ним на встречу.

— Месье граф де Клене!.. Месье Арно!.. — произнес мистер Говит с предписываемой правилами этикета торжественностью и с сознанием важности выполняемого им долга.

— Командир, — сказал Жюльен с отличавшим его достоинством истинного джентльмена, — прошу вас не сомневаться в безграничной благодарности двух французов, к чьей судьбе вы проявили такое участие, словно они были вашими соотечественниками...

— Не будем говорить об этом, месье, — тепло прервал Жюльена капитан. — В этом краю, населенном полудикарями, все европейцы — соотечественники. Кроме того, имеется еще письмо лорда Б., содержание коего равносильно признанию вас английскими подданными... Но вы, конечно, очень устали... Сейчас вас отведут в ваши каюты, а затем, после отдыха, советую вам воздать должное ожидающему вас обеду.

Слова эти были как нельзя более кстати: друзья буквально с ног валились после столь длительной пытки голодом и особенно жаждой и отсутствием настоящего, полноценного сна в ночные часы.

Судовой врач, знавший об условиях, в которых содер-

* Трап — здесь: веревочная лестница на судне.

жались друзья в тюрьме на протяжении недели, прописал лечение, предусматривающее вкусные супы, перемежающиеся стаканами хереса.

По прошествии часа наши французы почувствовали, как к ним возвращаются силы, и проществовали в кают-компанию, куда капитан пригласил на обед в их честь весь командный состав. Офицеры говорили по-французски чисто, и Жак менее, чем Жюльен, искушенный в английском, смог свободно поддерживать беседу — впервые в своей жизни с моряками и к тому же на военном корабле.

Обед продолжался невероятно долго, и Жак, вновь обретший прежнюю живость, имел бешеный успех, когда поведал об их одиссее, начиная с отъезда из Парижа и кончая тем моментом, когда они были подлым образом взяты под стражу и брошены в тюрьму перуанским полицейским.

Засим последовала бесконечная череда тостов. Пили за ее величество королеву, за президента Французской Республики, за Англию, за содружество народов, за английский флот, за командира Кэмпбелла, за мистера Говита, за экипаж корвета... Тосты прерывались звонкими «ура!», к которым примешивалось «виват!» моряков и солдат: им выдали тройную порцию бренди, и они славили теперь на полубак* освобожденных ими французов.

В заключение Жак предложил поднять тост за предшественника отважных французов — лорда Кошрана, путешественника по суше, рассказ о котором вызвал настоящий ураган «ура!».

Затем все разбегались по своим каютам.

Жак под мерное покачивание корабля заснул в один миг. Ему снилось, что он совершает путешествие из Франции в Бразилию... по морю, но почему-то через Суэцкий канал и Индийский океан. Преодолев, лежа на койке в каюте корвета «Шотландия», Тихий океан, он обогнул мыс Горн и после трехмесячного плавания был уже недалеко от Рио-де-Жанейро. С того момента, как судно вышло из Суэцкого канала, Жак ни разу не видел земли и, что еще более удивительно, совершенно не страдал от морской болезни.

Когда он проснулся на следующее утро, то ощутил себя бодрым и здоровым. Оглядев каюту морского офицера, в которой провел ночь, он тотчас вспомнил все события

* Полубак — надстройка в носовой части палубы.

минувшего дня: освобождение из тюрьмы, веселую трапезу, дружеские тосты...

В это время в дверях появился Жюльен — в цивильном * костюме, с отдохнувшим лицом, таким свежим, как если бы он выходил из своей квартиры на бульваре Гумана.

— О, ты великолепен! — восторженно вскричал Жак.

— Наши чемоданы доставили на судно еще вчера, когда мы обедали, и я решил немного привести себя в порядок перед завтраком.

— Ха, мы и впрямь сегодня завтракаем!

— Отъедемся и отопьемся за все дни заключения!

— Слушай, Жюльен, знаешь, о чем я сейчас думаю?

— Признáюсь, что нет.

— Мы стоим на якоре, не правда ли?

— Ну да: корвет находится примерно в четырехстах метрах от берега.

— То покачивание, которое я испытывал время от времени, лежа на койке, причем ноги порой поднимались аж выше головы,— это что, бортовая качка?

— Без сомнения. Поскольку волна здесь сильная, то судно раскачивается.

— В таком случае у меня должна была бы начаться морская болезнь.

— Не думаю, что это так уж обязательно.

— В общем, я не ощущаю ни малейших признаков морской болезни. Не знаю почему — то ли из-за сладких блюд в течение целой недели, то ли благодаря вчерашним тостам,— но только я освободился от этой хвори... Гип-гип, ура!..

— Ты прямо обезумел от радости!

— Еще бы! И знаешь что?

— Да?

— Я был дьявольски глуп, что не отправился морем прямехонько из Бордо в Рио!

— Это признание несколько запоздало.

— Как славно, наверное, плыть на корабле!

— Согласен, действительно — славно...

— Только что мною было во сне совершено чуть ли не кругосветное путешествие морем, и никогда я не был так счастлив, как в тот момент...

— Но что мешает нам погрузиться здесь на судно, идущее в Сан-Франциско, а затем перебраться на пароход,

* Цивильный — гражданский.

совершающий рейс до островов Фиджи * и Австралии? По прибытии в Мельбурн ** мы пересядем на другой корабль и за короткое время пересечем Индийское и Красное моря, Суэцкий канал, Средиземное море и, одолев Атлантический океан, спокойно войдем в порт Рио-де-Жанейро.

— Я как раз об этом и мечтал: проделать весь наш маршрут в противоположном направлении.

— С чего это у тебя?

— Самому неясно... Кажется, я начинаю понимать любовь моряков к соленой воде, хотя считал ранее подобную привязанность показной и противостественной.

— Только вчера ты поднимал тост в честь лорда Кошрана, пешего путешественника, а сегодня уже гредишь об океанских просторах!.. Друг мой Жак, вспомни, как еще совсем недавно тебе, непоколебимому стороннику оседлого образа жизни, мои дальние походы представлялись какой-то несуразицей... Но кто хоть раз вкусил радость путешествий, тем навсегда овладевает страсть к перемене мест... И неизвестно, что еще ожидает тебя впереди после этого первого в твоей жизни странствования...

— Ну а пока что мы идем из Парижа в Бразилию пешком, и это уже само по себе довольно мило... Кстати, сколько нам еще добираться до Жаккари-Мирим?

— Немногим более четырех тысяч километров.

— Тысячу лье. На это потребуется три месяца.

— Однако желательно проделать сей путь побыстрее.

— А посему пора собираться в дорогу.

— Мы можем отправиться сразу же после обеда, если не возражаешь. Попрощаемся с командиром корвета сэром Колином Кэмпбеллом, мистером Говитом и лейтенантом Брайтоном. Эти славные люди поймут нас и не станут сетовать на то, что нам пришлось так скоро отказаться от их гостеприимства.

— Ты прав, время торопит. Тем более что Батлер со своим Бобом придут в Жаккари-Мирим гораздо раньше, чем мы. Признаюсь, мне не по душе, что эти негодяи без стеснения расположатся в моих апартаментах, улягутся в мою кровать и будут есть из моей посуды — после того, как они осмелятся, что особенно отвратительно, выдать себя за нас!

* Фиджи — здесь: острова в юго-западной части Тихого океана.

** Мельбурн — город в Австралии.

*Прощание с друзьями-англичанами.— В Лиме.— Собор как место казни.— Каннибализм * в наши дни.— В отсутствие посла.— Трансандская железная дорога.— Мост из соломы. — Один из притоков Амазонки.— Озеро Титикака.— Оригинальное топливо для паровых машин.— Влияние пищеварения домашних животных на качество пищи.— На высоте четырех тысяч метров над уровнем моря.— Победа над морской болезнью.— Десагуадеро.— Прибытие в Чукисаку**.*

Придерживаясь намеченной ими программы, друзья в тот же день покинули «Шотландию», несмотря на дружеские увещания капитана сэра Колина Кэмпбелла, который уговаривал их провести на судне еще хотя бы несколько дней. Однако, как сказал Жак, они не могли терять ни минуты, и офицер, человек достойный, видя, что решение французов непоколебимо, пожелал, насколько это было в его власти, облегчить отважным людям их путь до Лимы. Конечно, его корвет мог бы доставить путешественников в указанный город за двадцать четыре часа, но в таком случае их странствование лишилось бы в какой-то мере героического ореола, обусловленного передвижением по суше. И поскольку сэр Кэмпбелл был слишком англичанином, чтобы поставить под сомнение сие оригинальное предприятие, заменив сто двадцать пять лье по трактам и тропам плаванием на морском судне, он ограничился тем, что подарил Жаку и Жюльену три чрезвычайно быстрых лошадки, якобы в возмещение понесенного ими ущерба, вооружил обоих землепроходцев, как и их слугу, до зубов и пожелал им доброго пути.

Кроме того, моряк объявил перуанским властям, что на них лежит ответственность за безопасность троих людей и что, если с ними что-либо случится в дороге, соответствующие меры не заставят себя ждать.

И три всадника, оставив на корвете слишком обременительный багаж, доставленный начальником полиции, и захватив с собой лишь самое необходимое, уложенное в чемоданы, устремились налегке в Лиму.

* Каннибализм — здесь: людоедство.

** Здесь Л. А. Буссенар допускает неточность: в 1839 году, то есть за несколько десятилетий до описываемых в романе событий, город Чукисака был переименован в Сукре и под этим названием обозначается на картах по сей день.

Через пять дней упорного продвижения вперед по невероятно трудной дороге, пересекавшейся многочисленными реками, которые приходилось переходить вброд, а еще чаще переплывать, отряд достиг без особых происшествий столицы Перу.

Поскольку друзья прибыли сюда не для того, чтобы восхищаться слишком уж часто воспеваемыми красотами этого города с населением в девяносто тысяч человек, с улицами, неизменно неуклюже обрывающимися под прямым углом, с памятниками, довольно интересными, когда на них смотришь издалека, но слишком перегруженными деталями сомнительного вкуса, то они не откладывая стали собираться в дальнейший путь — в Боливию.

Однако, несмотря на поверхностное знакомство с Лимой, наши землепроходцы заметили все же, что город, обычно спокойный, охвачен волнением как следствие того, что вести, приходившие с фронтов, были малоутешительны. Чилийцы, продолжая наступать, подходили все ближе и ближе, и, чтобы хоть как-то поддержать себя, горделивые столичные жители, разглагольствуя у своих низеньких домиков с плоскими крышами, упиваясь собственными словами, загораясь от лживых измышлений, распространяемых газетами, находившимися на службе у диктатора Никола Пьерола, распускали слухи о воображаемых успехах перуанского оружия и убеждали друг друга не более не менее как в близком разгроме врага под стенами их родного города!

Слыша подобные пустые речи, Жюльен лишь пожимал плечами. Он хорошо знал чилийцев, а о перуанцах говорил Жаку: «Это народ легко возбудимый, болтливый и хвастливый, приводящий меня в отчаяние своим глупым тщеславием. Вместо того чтобы с достоинством воспринять жестокий урок, преподанный им чилийцами, откровенно заявить о причинах этих следующих одно за другим поражений, вполне закономерных, перестроить, уже на ином фундаменте, здание своей государственности, подтачиваемое их институтами власти, перуанцы горланят, вопят и грозят кулаком невидимому врагу, уподобляясь наказанным детям, которые орут и показывают язык — им, мол, ничего не страшно! — тому, кто задал им трепку. Или я здорово ошибаюсь, или они в скором времени потерпят такой крах, который будет означать конец определенной эпохе в жизни этого народа, обреченного на

полную гибель, если только он не откажется от своих заблуждений».

То были поистине пророческие слова, правоту коих вскоре подтвердили осада, а затем и захват Лимы после ожесточенных боев и постыдного бегства диктатора Пьерола, этого законченного образца фанфаронства и естественного порождения старой испано-американской школы.

По пути в посольство Франции друзья прошли мимо знаменитого собора — величественного памятника культуры длиной в сто пятьдесят метров, увенчанного двумя башнями высотой в пятьдесят метров и обрамленного портиками * с многочисленными украшениями.

— Знаешь,— сказал Жюльен,— вид этих двух башен напомнил мне одну страшную историю, которая после нашего с тобой заключения в Трухильо лишь подкрепит вынесенное нами впечатление, что эти неуравновешенные люди, делающие все с чрезмерным пылом, способны дойти до абсурда. Я буду краток. Президент Республики Перу Балта был только что убит двумя узурпаторами — братьями Гутьерез. Народ схватил этих безумцев и повесил их... Догадайся-ка, на чем?

— Ну, думаю, на каком-нибудь фонарном столбе — классическом атрибуте подобного сорта операций.

— Ты плохо знаешь перуанцев. Их вздернули на шпилях этих башен.

— Для людей, которые стремились показать себя, обратить на себя внимание,— место не столь уж неудачное!

— Это еще не все,— продолжал Жюльен, не задерживаясь на этом довольно мрачном комментарии.— После того как убийцы отдали Богу душу, веревки обрезами, и трупы распластались на церковной площади.

— Бессмысленная жестокость!

— Дослушай до конца... Обезумевшая толпа, разъяренная, опьяневшая от насилия, накинулась на обезображенные останки и растерзала их на куски... А затем горожане поджарили и обглодали человеческое мясо до костей!.. Старые негритянки сварили и затем высушили то, что ускользнуло от зубов этих каннибалов, и щепотки праха продали как сувениры в память об экзекуции, выполненной народным «правосудием» в Перу.

* Порттик — навес, поддерживаемый колоннадой, открытая галерея, обычно примыкающая к зданию.

— Ну и историю поведал ты мне! Это же просто антропофаги * какие-то,— произнес с отвращением Жак.

— И этими антропофагами были вон те кабальеры, что прогуливаются сейчас в пончо, мягких сапогах и широкополых шляпах, а то и вовсе в европейской одежде!

— Но со времени завоевания этого края испанцами прошло... три сотни лет...

— Та же ужасная сцена произошла двадцать шестого июля тысяча восемьсот семьдесят второго года... Всего лишь семь с половиной лет тому назад.

— Бр-р!.. У меня мурашки по коже побежали... То, как они кормили нас сладкими блюдами,— это еще цветочки!

Вывод, сделанный Жаком, подвел черту под столь мрачной темой, тем более что друзья уже ступили на территорию посольства.

Посла на месте не оказалось — они всегда отсутствуют, когда их ищешь, в чем автор сих строк не раз убеждался на собственном примере,— и посему их принял первый секретарь. Дипломат немало удивился, узнав о невероятном насилии, коему подверглись два его соотечественника.

— Как?! — удивился Жюльен.— Вы не получили письма, которые должны были доставить вам из Трухильо?!

— Впервые слышу о них.

— Вот как!.. Тогда тем более мы должны благословлять сэра Колина Кэмпбелла, пришедшего нам на выручку... Но не стоит больше об этом говорить: главное — мы свободны... Мы рассчитываем уехать сегодня же, время нас поджимает. Но, перед тем как покинуть Лиму, нам хотелось бы проинформировать вас о попрании в этой стране прав человека — не столько для того, чтобы выразить свое возмущение, сколько для предотвращения повторения подобных случаев и в надежде на то, что полномочные представители Франции сумеют заставить перуанские власти с уважением относиться к чести и достоинству наших сограждан.

В тот же вечер друзья сели в Орое в поезд — знаменитый трансандский экспресс, который, поднявшись сперва в Кордильеры на высоту в пятнадцать тысяч английских футов ** над уровнем моря, движется затем все время под уклоном и, пройдя примерно через тридцать мостов, возведенных над глубочайшими пропастями, и через сорок туннелей, проложенных сквозь сланец и кварц, заканчива-

* Антропофаг — то же, что и каннибал, или людоед.

** То есть около четырех с половиной тысяч метров.

ет свой путь в городах Тарма и Хауха, чье значение, благодаря железной дороге, значительно возросло.

В Тарме за умеренную цену путешественники купили у одного погонщика мулов трех животных под седло и одно — под поклажу. Друзья договорились с ним также, что он проводит их до Куско, километрах в пятистах от Тармы.

Путешественники довольно быстро пересекли красивый маленький городок Тарму, расположенный на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря и являющийся одним из наиболее известных мест во всем мире, поскольку пребывание в нем рекомендовано больным чахоткой. В результате редкого и потому особенно ценного стечения обстоятельств довольно часто случается так, что больные, разьедаемые этой ужасной болезнью, выздоравливают, хотя недуг достиг уже второй и даже третьей степени. Согласно выводам известного медика доктора Журдане, который практиковал долгое время на высоких плато Кордильер и наблюдал многих больных, — а они живут в этом раю по два, а иногда и по три года, — смертельные исходы здесь носят единичный характер.

Прибыв в Уанкайо, где кончается долина Харха, друзья отправились на следующий день в Алкучо, чудесный город с двадцатитысячным населением и обилием примечательных памятников: у его жителей какая-то непонятная любовь к скульптуре.

На третий день путешественники перешли через речку Пампас, один из притоков Апуримака, по оригинальному навесному мосту — с настилом из огромной «скатерти», сплетенной из соломенных кос, переночевали в Андоуайласе и не мешкая продолжили нелегкий путь: поднялись вверх по реке Пачачака — другому притоку Апуримака — и переправились на противоположный берег по великолепному каменному мосту, увенчанному аркой, построенной испанцами.

А спустя еще какое-то время им пришлось пробираться по узким тропинкам, проложенным самым причудливым образом по скалам, подмываемым снизу бурным, с грохотом несшимся через встававшие на его пути каменные глыбы потоком, спешившим влить свои воды в мощную Укаяли — один из наиболее крупных притоков Амазонки. То был Апуримак, который, как сообщил Жюльен Жаку, многие знаменитые географы считают верховьем великой Амазонки: сии ученые мужи полагают, и не без основания, что созерцаемую в данный момент нашими друзьями реку,

превосходящую по протяженности Мараньон * и зарождающуюся в окрестностях Гуанако **, следует рассматривать как начальный участок водного гиганта, удлиняющегося в результате этого на целых двести лье.

Через два дня, первого декабря, небольшой отряд уже входил в Куско. Каким бы ни было происхождение этого довольно оригинального на вид города, построенного из гранита, песчаника, порфира *** и других пород, отличающихся серым, черным или голубым, и столь метко окрещенного месье Шарлем Вьенером Римом Южной Америки ****, французы решили здесь не останавливаться.

Железная дорога, соединяющая сегодня Куско с Пуно, на берегу озера Титикака, тогда только строилась. Но, поскольку прокладка пути близилась к завершению, друзья возлагали определенные надежды на рабочие поезда, везущие материалы. Однако в тот день таковых не оказалось, и им пришлось воспользоваться, выложив довольно круглую сумму и ссылаясь на то, что они иностранцы и к тому же французы, тендером ***** , который должен был отвезти одного инженера в Сикуани, расположенный на полпути, в ста двадцати километрах от Пуно.

Пока все шло очень хорошо, и путешественники решили, добравшись до Сикуани безо всяких злоключений, и впредь нигде особенно не задерживаясь, столь же энергично продвигаться вперед, к конечной цели.

Жюльен, распорядившись финансами, предложил инженеру проехать до Хулиаки, откуда более или менее регулярно ходили железнодорожные поезда в Пуно. Инженер живописал невероятные трудности, которые ожидают их в пути, но, благодаря солидной горсти серебряных монет, именуемых пиастрами, все в конце концов

* Мараньон — название верхнего течения Амазонки.

** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что Гуанако расположен приблизительно в восьмистах километрах к северу от того места, где находятся в данный момент Жак с Жюльеном.

*** Порфир — вулканическая горная порода с крупными кристаллами, вкрапленными в основную массу, применяется как строительный камень.

**** В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар пишет: «Куско — третий по величине город Перу, насчитывающий пятьдесят тысяч жителей, из коих семь восьмых — чистокровные индейцы».

***** Тендер — здесь: особой конструкции вагон, прицепляемый непосредственно к паровозу и предназначенный для помещения в нем запасов воды и топлива, а также смазочных и обтирочных материалов и инструментов.

уладилось, и через три часа после прибытия в Хулиаку путешественники оказались в Пуно — крупном порту на озере Титикака.

— Ну, дружок,— заявил Жюльен,— дальше мы поплывем!

— Понятно... Просто смешно: плыть по какому-то озеру!..

— Зато подобное короткое плавание не приносит практически никаких изменений в наш сухопутный маршрут.

— Когда отправляемся?

— Ну... через минуту... Если я не ошибаюсь, вот-вот подаст свой голос корабль, которому суждено переправить нас в Боливию.

— Скажи, а как высоко мы поднялись?

— Коли мне не изменяет память, это место расположено на высоте четыре тысячи метров над уровнем моря.

— А... эти пароходы надежны?

— Конечно. По озеру постоянно курсируют два драгоценных, изящных, как игрушки, судна-близнеца мощностью по десять лошадиных сил: «Явари» и «Япура».

— Их здесь строили или они — пришельцы с Луны?

— Корабли доставили сюда на мулах в разобранном виде североамериканские судостроители. Все детали были пронумерованы, чтобы не перепутать их, и вот теперь пароходы преспокойно плавают по Титикаке, облегчая связь между Перу и Боливией.

— А уголь?.. Его тоже доставляют на мулах? Если так, то он должен стоить чертовски дорого!

Жюльен рассмеялся.

— Что здесь смешного?

— Смех у меня вызвал вовсе не твой вопрос, вполне резонный. Просто я подумал о топливе для этих судов, по меньшей мере странном. Догадываешься, о чем я говорю?

— Нет.

— Я имею в виду высохшие экскременты * вигони, овец и лам, используемые в качестве топлива на высоких, лишенных древесной растительности плато.

— Должно быть, оно очень эффективно?

— Да, к тому же этот продукт нетрудно транспортировать, поскольку весит он немного.

— Но ведь для этого необходимо иметь огромные стада упомянутых тобою животных и многочисленный

* Экскременты — испражнения.

персонал для сбора экскрементов, которых может оказаться и недостаточно для нужд пароходства.

— Тут ты прав. Действительно, порой такого топлива не хватает. И однажды некий путник, которому предложили плохой обед, сославшись на то, что не на чем было приготовить еду, воскликнул: «Проклятая страна, где люди, чтобы поесть, должны ждать, когда скотина переварит пищу!»

«Япура» прервал своим гудком беседу двух друзей, и те прошли на прелестный пароходик, причем Жак выглядел при этом совершенно безмятежно.

Озеро, водная поверхность которого вспучивается порой довольно высокими волнами, на сей раз было сравнительно спокойно. Однако из-за ветров, дующих в Кордильерах, суденышко ввиду незначительных его размеров и легкости швыряло из стороны в сторону и то и дело подбрасывало вверх. На Жаке, впервые после своей неудачной попытки совершить водную прогулку из Гавра в Кан добровольно ступившем на борт корабля,— мы не упоминаем здесь кратковременное пребывание его на корвете «Шотландия», стоявшем на якоре,— постепенно стало сказываться совместное действие бортовой и килевой качки. Он побледнел, в висках застучало, к горлу подступила еле сдерживаемая тошнота, и затем... его вырвало.

— Черт! — воскликнул он с юмором и одновременно сердито.— Кажется, мне никогда не избавиться от этой дурацкой болезни! Ну да ладно, поживем — увидим!

Он начал переступать с ноги на ногу и потом зашагал взад-вперед по палубе,— насколько позволяли ее размеры. Его усилия увенчались успехом: недуг почти отпустил его. Голова, правда, болела, но других неприятных ощущений он не испытывал. И нетрудно представить себе, с какой гордостью и триумфом путешественник по суше, закоренелый гидрофоб, одержавший победу над хворью, высадился вечером того же дня в маленьком прибрежном городишке Десагуадеро, неподалеку от моста через реку с тем же названием, служащую естественной границей между Перу и Боливией.

— Bravo! — поздравил Жака Жюльен, энергично пожимая ему руку.— Ты теперь окончательно сбросил с себя старую шкуру и блестяще дебютировал * в роли морского волка!

* Дебютировать — впервые выступать публично на сцене, на новом поприще

— Ах, дружище, если бы ты только знал, чего это мне стоило! Однако, сам посуди, какова была бы мне цена, коли проклятая болезнь вновь сломила бы меня, и не где-нибудь, а в этом мини-океане и на борту игрушечного кораблика! Я во что бы то ни стало должен был выдержать схватку со своим старым недугом.

— Ты просто молодец! Особенно если учесть, что мы находимся на высоте четыре тысячи метров над уровнем моря и, следовательно, дышим разреженным воздухом.

После ночи, проведенной в приозерном селении, друзья пустились в дальнейший путь в сопровождении индейцев, которые согласились за умеренную плату провезти всех троих — французов и метиса Эстебана — на плоту из переплетенных древесных ветвей — *totoга* — вниз по течению Десагуадеро, вытекающего из озера Титикака и теряющегося в другом озере — Аульясас. Эта река, протяженностью триста километров, широкая и глубокая, бежит с севера на юго-восток со скоростью чуть ли не восьми километров в час.

Добравшись за два дня и одну ночь до Аульясаса, путешественники пересекли его на суденышке с северо-запада на юго-восток, и еще через двое суток, пятого декабря 1879 года, прибыли, уже по суше, в Чукисаку.

ГЛАВА 18

Жак — сторонник плавания по рекам. — Густая речная сеть. — Путешествие по суше. — Из Чукисаки до реки Тукубака. — Переход через границу Бразилии. — Форт Албукерке. — Реки Парагвай и Парана. — Прибытие в Жаккари-Мирим. — Действительность, превзошедшая ожидания. — Управляющий в отъезде. — Причины, заставившие сеньора Кристобана отправиться во Францию. — В курительной комнате. — Встреча Жака со своим двойником. — Желание Жака во что бы то ни стало вычеркнуть имя полковника Батлера из списка живых. — Появление управляющего.

Между Чукисакой, расположенной на 67°50' западной долготы и 19°2' южной широты, и фазендой Жаккари-Мирим, раскинувшейся по берегам реки того же названия, примерно на 49° западной долготы и 21°50' южной широты, на территории двух бразильских провинций — Минас-Жераис и Сан-Паулу, по прямой — тысяча девятьсот кило-

метров. Однако, если учесть разные повороты и обходные дороги, обусловленные местным рельефом, это расстояние увеличивается на пятьсот километров, и, таким образом, нашим путешественникам в общей сложности предстояло пройти две тысячи четыреста километров.

— Если у тебя крепкие ноги, верный глаз, отважное сердце и ты выносишь и испытываешь трудности с деньгами, без коих невозможны ни войны, ни путешествия, то тебе волей-неволей, вне зависимости от твоего местонахождения, придется покрывать за день не менее сорока километров,— заявил Жюльен.

— Несомненно! — с важным видом подтвердил Жак.

— А это значит, что мы будем проходить в день по десять лье.

— Даже больше, если удастся!

— Согласен! Десять лье — это минимум.

— Сегодня у нас пятое декабря, следовательно, мы должны, если произведем простые арифметические подсчеты и абстрагируемся от крайних случаев, прибыть в мое будущее поместье шестого февраля тысяча восемьсот восьмидесятого года.

— Совершенно верно. С учетом же непредвиденных обстоятельств, которые могут задержать нас в пути, мы окажемся там самое позднее двадцать первого того же месяца.

— «Ол райт!», как говорят наши друзья-англичане... Кстати, ты уже до конца продумал маршрут последнего отрезка нашего пути? Ведь это вопрос очень важный!

— Да, все дело теперь за твоим одобрением.

— Ты же знаешь, я заранее голосую обеими руками «за»!

— И тем не менее было бы совсем неплохо, если б ты ознакомился с моими планами.

— Слушаю тебя.

— Поскольку реки — это своего рода магистрали, которые сами несут путешественника, я предполагаю, насколько возможно, воспользоваться теми из них, которые текут в нужном нам направлении, тем более что дороги и тропы имеют там неприятную привычку то и дело петлять, заставляя несчастного землепроходца отмеривать лишние километры.

— Ты здорово придумал! Молодец! Заставить реки нести нас к заданной цели — разве не замечательно!

— В данном отношении сей регион исключительно благоприятен для нас: страны, через которые пролегает наш путь, обладают густой речной сетью, что позволит сократить приходящийся на сушу отрезок маршрута до немногим более пятисот пятидесяти километров.

— Bravo!

— И наконец, чтобы счастье было совсем полным, эти пятьсот пятьдесят с небольшим километров мы пройдем в самом начале маршрута и без всяких помех. Таким образом, когда мы подойдем к первому водному пути, то сможем отослать наших помощников и мулов и уже одним отправиться в путешествие по рекам, сообщающимся между собой.

— А большой эскорт будет сопровождать нас?

— Да нет: слишком много людей — тоже плохо. Мы захватим с собой небольшую подвижную группу, способную преодолеть любые препятствия. Многочисленный отряд, к тому же состоящий из особ недисциплинированных, с которыми ты никак не можешь управиться, лишь вызывает тревогу и недовольство у местных жителей. Ну а несколько миролюбивых путешественников могут пройти где угодно, не возбуждая недоверия или чувства страха.

— Полностью разделяю твое мнение.

— Это обстоятельство тем более необходимо иметь в виду, что примерно в пятидесяти лье от Чукисаки мы вступаем на территорию большого индейского племени из группы гуарани *. Представители этого этноса вежливы, приветливы, трудолюбивы. Они обрабатывают землю и продвинулись далеко вперед по пути цивилизации. Так что с их стороны нам нечего опасаться. Я даже подумываю, а не обойтись ли нам двумя сопровождающими, которые, кстати, будут присматривать и за животными. Наше вооружение, — надеюсь, оно нам не понадобится, — состоит из трех великолепных карабинов-винчестеров и револьверов смит-вессон, подаренных нам сэром Кэмпбеллом. Походного снаряжения у нас вполне достаточно, провизии — тоже. Короче, нас ничто здесь не удерживает.

— Тогда — в дорогу!

* Гуарани — группа индейских племен Южной Америки, являющаяся важнейшим этническим элементом в формировании современных парагвайцев, говорят на языке гуарани.

Шестого декабря рано утром друзья покинули столицу Боливии — Чукисаку *, даже не познакомившись с этим красивейшим городом, как он того заслуживает со всех точек зрения. Но ими владела лишь одна мысль — идти вперед во что бы то ни стало!

Мы не будем следовать за ними шаг за шагом по этому обширному региону, куда они устремились со свойственной им энергией. Сопровождать их нам тем более ни к чему, что все дни походили один на другой. Отважные французы проходили километр за километром, и ничто не нарушало заданного ими самим себе монотонного ритма.

Встав утром на заре, они сразу же выступали в поход и шли без остановок до десяти часов. С десяти до двух — привал, во время которого путешественники завтракали и отдыхали. С двух часов и до сумерек — снова дорога. А вечером они готовили ужин, стараясь при этом как можно экономнее расходовать запасы провизии.

На ночлег наши землепроходцы обычно останавливались в небольшой индейской деревушке, состоявшей из нескольких хижин, а иногда и в поселке. Но порой, хотя и редко, им приходилось спать под открытым небом, а это не так-то весело в сезон дождей. В этом случае кроватью служил гамак, подвешенный между двумя деревьями, а крышей — кусок брезента, который до этого был приторочен свернутым в рулон к седлу мула, а теперь растягивался на веревках над походным ложем. В общем, получалось великолепное убежище, надежно защищавшее путников от легендарных тропических ливней.

Покинув столицу Боливии, друзья прошли через городки Такопая и Пескада и деревни Акито и Сайпура и очутились в краю Чиригуано, жители которого — гуарани — оказались именно такими, как их обрисовал Жюльен.

На девятый день наши французы вышли к болотцам, образуемым во время разливов реки Паранити, и, благополучно миновав эту опасную зону благодаря индейцу,

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает: «Чукисака уже в течение нескольких лет не является больше столицей Боливии, ибо этим статусом наделен теперь город Пас». Это замечание писателя нуждается в некотором уточнении. Город Сукре (у Буссенара — Чукисака) и поныне (с 1825 г.) является официальной столицей Боливии, хотя функции фактической столицы с 1898 года выполняет город Ла-Пас (в примечании Буссенара — Пас), расположенный в Андах, на высоте 3660 метров над уровнем моря.

проведшему их тропами, которые были известны лишь ему да его соплеменникам, на двенадцатый день достигли деревеньки Ротиха, расположившейся на берегу Тукубаки.

На этом на какое-то время путешествие по суше закончилось.

В среднем наши герои проходили немногим более сорока километров в день, так что за эти одиннадцать дней они одолели пятьсот семьдесят пять километров, отделяющих Чукисаку от первой судоходной реки.

Французам удалось договориться с индейцами племени чикито, людьми веселыми, гостеприимными и приятными в общении, что те доставят их на своих лодках до старинной миссии Олидера у места впадения в Тукубаку ее притока Сан-Лоренцо.

Верный Эстебан оказал своим хозяевам неоценимые услуги, выступив во время переговоров переводчиком, ибо он блестяще владел *lingua geral* — «основным языком», а точнее, одним из южноамериканских диалектов, на котором говорит большая часть индейцев, и особенно гуарани.

Плавание, во время которого было пройдено триста километров, длилось неполных шесть дней, причем индейцы, ведшие свои утлые суденышки с лихостью заправских мореплавателей, не выказывали ни малейших признаков усталости.

В Олидере наши путешественники распрощались с Тукубакой и прошли затем пятьдесят километров пешком — в сопровождении индейцев, которые, обратившись в добровольных носильщиков, привели их в Курумбу, первую встретившуюся им в дороге бразильскую деревню, расположенную на берегу Сан-Лоренцо на 60° западной долготы. Таким образом, на то, чтобы достичь границы Бразилии, друзьям потребовалось семнадцать дней.

Они узнали от одного из проводников, где можно пополнить запасы продовольствия. Речь шла о форте Албукерке, в шестидесяти километрах к югу, там, где сливаются реки Сан-Лоренцо и Акидауана и несет свои воды Парагвай.

Новые провожатые привели путешественников в бразильскую крепость. Комендант форта встретил их как нельзя лучше. Заметив удивление на лицах гостей при виде предложенного им щедрого угощения, столь неожиданного в этих диких краях, хозяин объяснил им любезно,

что таким изобилием продуктов гарнизон обязан относительно близости Куябы*.

Согласимся, и впрямь относительной, ибо до указанного пункта — около пятисот километров. Этот город — столица провинции Матто-Гроссо, насчитывающая тридцать тысяч жителей, — представляет собой странный экономический феномен, поскольку является центром оживленной торговли, хотя и расположен в четырехстах лье от ближайшего порта и связан с морским берегом лишь караванами, тратящими на путешествие туда и обратно около десяти месяцев. Однако, начиная от этого селения, река Куяба судоходна, по ней ходят небольшие пароходы и канонерки**. И поэтому бразильское правительство сочло возможным разместить здесь небольшой гарнизон.

Счастье, улыбнувшееся наконец нашим друзьям после стольких трудных переходов, не поддается описанию. Дело в том, что комендант форта Албукерке собирался отправить на следующий день курьера, который круглый год доставляет в Рио-де-Жанейро корреспонденцию и золотую продукцию горнопромышленного округа Куябы. Это лицо, ввиду исключительного характера выполняемой им миссии, сопровождают двадцать солдат во главе с офицером. Отряд поднимается на пароходе вверх по течению Акидауны до местечка Сан-Жано, расположенного у истока этой реки. Там вся группа покидает судно и пешком преодолевает расстояние в сорок километров. Оставив позади бассейн Парагвая и перевалив через горную гряду, отделяющую его от бассейна реки Парана, солдаты с курьером прибывают в Порто-Кашоейра на берегу реки Аньянду-Уассу, где их уже ожидает суденышко. Кораблик спускается вниз по течению до Параны, а затем поднимается по ней до Рио-Гранде, берущей начало высоко в горах, затем по Рио-Пардо добирается до Мужа-Уасси, где начинается железная дорога, идущая в Рио-де-Жанейро через Сан-Паулу.

Отметим попутно, что в пятидесяти пяти километрах от Мужа-Уасси в Рио-Пардо впадает справа река Жакка-

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что «в Бразилии многие населенные пункты называются Куяба, Кашоейра или Шакокра, что означает в переводе «каскад» или «стремнина».

** Канонерка — относительно небольшой, бронированный, неглубоко сидящий военный корабль с преимущественно военным снаряжением, предназначается для действий у берегов и в мелководье (на морях или реках).

ри-Мирим. Чтобы достичь места слияния двух водных потоков, нужно преодолеть от Албукерке примерно тысячу триста пятьдесят километров.

Комендант крепости предложил Жаку, Жюльену и их слуге присоединиться к отряду, так что предстоявшее плавание на правительственном судне представлялось французам детской забавой.

В сухое время года судоходство на бразильских реках нередко прерывается из-за их обмеления. Но друзьям повезло: обильные ливни на этих широтах не так давно наполнили реки, так что теперь они стали доступны для судов за исключением тех редких участков, где, как и на реках Канады, лодки и прочие легкие плавсредства приходится тащить волоком.

Спустя месяц после отъезда из форта путешественники входили на небольшом баркасе * в русло реки, называвшейся так же, как и фазенда, — Жаккари-Мирим, готовые со свойственным им мужеством к борьбе как заключительному аккорду ** грандиозной эпопеи ***

Еще через два дня герои этого романа уже находились в двух километрах от фазенды. Таким образом, они проделали свой маршрут на тринадцать дней раньше, чем было намечено.

Поместье представляло собой своего рода огромный муравейник, где сновали туда-сюда шумные, озабоченные группы черных, краснокожих и метисов — потомков от смешанных браков между неграми и индейцами, и реже — китайцы, молчаливые, часто перебивавшие при ходьбе ногами и с тяжелой ношей на спине.

Впереди, насколько хватало глаз, протянулись просторные строения — galpones, с бамбуковыми стенами и крышами из листьев прекрасного маисового оттенка. Это складские помещения для хранения многочисленных тюков, доставленных сюда по железной дороге.

Между строениями произрастали капустные пальмы **** с тонкими и крепкими, как металлические балки,

* Баркас — здесь: большая гребная шлюпка.

** Аккорд — сочетание нескольких одновременно звучащих музыкальных тонов; заключительный аккорд — в переносном значении: заключительное действие, конец.

*** Эпопея — здесь: ряд крупных, значительных событий, образующих собою одно целое.

**** Капустная пальма — вид пальмы (*Euterpe oleracea*), листовые почки которой употребляются в пищу вместо капусты.

стволами, и великолепные банановые деревья, отягощенные спелыми плодами. Тут же стояло множество бочонков, полных сахара-сырца, ожидавшего дальнейшей обработки.

Чуть поодаль расположились в один ряд чистенькие домики, окруженные садами, полными цветов, где с радостными криками носилась детвора, не обращая внимания на жгучее солнце, опалявшее своими лучами каждого независимо от цвета его кожи. Здесь, несомненно, проживали рабочие.

А еще дальше вздымались ввысь заводские трубы, выбрасывавшие время от времени облака дыма. Металлические устройства — мудрые творения рук человеческих — рычали, ревели, выли, твкали, энергично перерабатывая дары земли.

И наконец взору наших друзей предстало огромное здание — настоящий дворец, выстроенный в европейском стиле, но с учетом особенностей местного климата. Этот образец бразильского зодчества стоял на небольшой возвышенности, откуда видно было все поместье.

Хотя Жак и Жюльен не отличались особой впечатлительностью и уже перевидали немало диковинок, тем не менее действительность настолько превзошла все ожидания, что они не находили слов, чтобы выразить свое восхищение. К охватившему путников изумлению примешивались и подчас горькие, а порой и дорогие их сердцу воспоминания о пройденных километрах, о нескончаемом переходе через сибирские снега, ледяные пустыни Аляски, залитые ослепительно ярким солнцем равнины Мексики, непролазные чащобы Колумбии, знойное побережье Тихого океана, негостеприимные Кордильеры, бескрайние пампасы, о перенесенных ими страданиях и тревогах и о нечеловеческих усилиях, в результате которых была достигнута цель.

К отважным французам подошел какой-то человек и вернул их к действительности. Мамалюка, как называют тут метисов — полуиндейцев-полупортугальцев, в европейском одеянии, обвешанный цепями и драгоценностями, с кольцами на каждом пальце, приветливо улыбнулся им, прячась от солнца под зонтом: как только он узнал в незнакомцах европейцев, от его высокомерия не осталось и следа, а черты лица смягчились. Метис предложил

путешественникам проводить их к одному из домов, где они смогли бы отдохнуть с дороги.

— Вы управляющий? — спросил Жак.

— Нет, ваше превосходительство. Сеньор Кристобан, управляющий, путешествует, я же его помощник. Но здесь хозяин...

— Хозяин, вы сказали? Уж не ошиблись ли мы? Это действительно фазенда * Жаккари-Мирим, еще недавно принадлежавшая одному французу по имени Леонар Вуазен?

— Да, ваше превосходительство, вы не ошиблись.

— Он еще завещал все, чем владел, своему племяннику...

— Да, вы правы, ваше превосходительство... Как раз из-за этого-то наследства и пустился в путь управляющий сеньор Кристобан.

— То есть как?

— А так: его превосходительство хозяин наш, дон Леонардо, оставил письмо, которое управляющий должен был вскрыть спустя год после его кончины — в том случае, если бы наследник не объявился. И поскольку наследник так и не объявился, письмо было вскрыто в означенный день. Оно предписывало управляющему отправиться на пароходе во Францию и во что бы то ни стало разыскать там племянника хозяина. И сеньор Кристобан отбыл с первым же судном.

— Однако сейчас уже двадцать четвертое января тысяча восемьсот восьмидесятого года...

— Мы и ждем его с часу на час. А между тем, пока он отсутствует, сюда приехал три недели тому назад, чтобы вступить во владение фазендой, дон Жак Арно. У него на руках завещание, по которому поместье должно перейти к нему, он выполнил все требования, предъявляемые в таком случае к лицу, претендующему на получение наследства, властями как в его стране, так и в Бразилии, и, кроме того, его сопровождал наделенный верховной властью судья. Ну и в результате всего этого он был признан законным наследником.

— Прекрасно! — холодно ответил Жак. — Пусть нас к нему проводят.

* В примечании к парижскому изданию этого романа Л. А. Буссенар сообщает, что в Бразилии фазенду называют также асьендой.

— Для меня будет честью самому проводить ваши превосходительства!

Двойник Жака предавался послеполуденному отдыху в великолепной курительной комнате, открытой с той стороны, откуда дул бриз. Ловко соскочив с гамака, он направился навстречу посетителям.

— Ага, полковник Батлер! — воскликнул громко Жак, не в силах сдерживаться. — Вы все время стоите на моем пути!.. Но сегодня, негодяй, вам не улизнуть от меня! Вы заплатите за все то зло, что причинили нам!

Американец, на какой-то миг ошарашенный появлением двух французов, которые, как считал он, навеки погребены в лепрозории Бурро, вскоре вновь обрел хладнокровие. Этот человек крепкого сложения, сухой и желчный янки, всю свою энергию затрачивал на каждодневную битву с превратностями судьбы и посему привык к самым неожиданным ситуациям.

— Не понимаю, — произнес он, притворяясь, будто впервые видит этих людей, — по какому праву осмеливаетесь вы являться сюда и к тому же еще оскорблять меня!.. Мигель, почему вы привели ко мне иностранцев, вооруженных как бандиты?

— Но, ваше...

— Довольно! Я вас выгоняю...

— А я, — весьма кстати прервал американца Жак, — беру вас к себе на службу, так что вы ничего не потеряете... Что же касается вас, месье янки, вор, убийца и мошенник, то я поклялся при первой же встрече убить вас как бешеную собаку!.. Я дал эту клятву, сидя в мерзкой клоаке вместе с прокаженными... И вот пришло время исполнить ее. И когда я вычеркну ваше имя из списка живых, совесть моя будет чиста. Власти же этой страны лишь преисполнятся чувством благодарности ко мне, узнав, кто вы такой!

— Ко мне! — заревел янки, не на шутку испугавшись, ибо Жак, смертельно бледный, уже начал заряжать карабин.

В доме послышались крики, затем с улицы донесся топот копыт, смолкнувший у крыльца. Всадник, соскочив с коня, одним прыжком перемахнул через ступеньки и, влетев в курительную комнату, окинул взором всю сцену.

— Бросайте оружие! — приказал он зычным голосом. — Я — управляющий Кристобан!

Двое претендентов на наследство.— Появление капитана Боба.— Увесистая пощечина.— Тревожные чувства полковника Батлера.— Бандиты капитана Боба.— Преступный замысел янки.— Домик на холме.— Трогательное воспоминание.— Дом в Монлуи.— Поразительное сходство.— Призыв к нападению.— Внезапный налет.— Четыре выстрела.— Неожиданная встреча.— Алексей и канадцы.— Сострадание к поверженному врагу.— Жажда.— Раскаяние и мольба о прощении.

Управляющий, доверенное лицо покойного хозяина фазенды и исполнитель его последней воли, появился в момент поистине драматический. При виде Жака — настоящего — он радостно вскрикнул:

— Это вы — племянник моего хозяина, месье Жак Арно?

— Да, я,— степенно ответил Жак, чья ярость тут же улетучилась.

— Не верьте ему! — возразил американец, успокоившийся благодаря присутствию любопытствующих слуг, теснившихся в дверном проеме.— Это авантюрист, которого никто здесь не знает... Бандит или сумасшедший... Разве вы не признаете меня прямым и законным наследником, согласно завещанию моего дяди, к тому же уже вступившим во владение в соответствии с решением властей этой страны?

— Мне бы хотелось верить, месье, что вы тот, за кого себя выдаете, но ваша манера произносить французские слова по меньшей мере странна: выходцы с берегов Луары так не говорят...

— Молчать, презренный! — оборвал его американец.— Вы здесь для того, чтобы исполнять мои приказы, а не обсуждать мой акцент!

Управляющий побледнел, в его черных глазах сверкнули молнии.

— Я — свободный человек, европеец по происхождению,— с достоинством произнес он,— и сейчас докажу это. Я представляю здесь того, кого больше нет в живых. Я был слугой лишь у него, у человека, удостоившего меня своей дружбы, и я сумею исполнить его последнюю волю...

— Повторяю: молчать!.. Я — единственный тут хозяин!.. Прочь все отсюда, или я велю вас вышвырнуть!

Тяжелые шаги в коридоре сотрясли заскрипевший паркет, задняя дверь отворилась, и в комнату ввалился гигант, одетый по-мавритански, с непокрытой головой и расстегнутым воротом.

— Чуму на вас!.. Сайр... Жак... Поспать спокойно чашок не даете!.. Так расшумелись, что даже не стало слышно гомона обезьян!..

Но тут, увидев Жака и Жюльена, он застыл как вкопанный, не в силах произнести ни слова.

Жюльен, подойдя к нему, слегка коснулся его рукой:

— Признавайтесь-ка, капитан Боб, раз ваш достойный компаньон, сэр Батлер, настаивает на том, чтобы называться Жаком Арно, то и вы, наверное, не прочь были бы влезть в мою шкуру?..

— В вашу шкуру?! — произнес, не двигаясь с места, великан. — В вашу шкуру?! Да я возьму и изничтожу ее!

— Достойное джентльмена выражение! — невозмутимо заметил Жюльен. — Ладно, продолжаю. Вы конечно же величаете себя графом де Клене, не так ли?

— Именно так! — зарычал гигант. — Здесь только один граф де Клене... И это — я! А тот, кто посмеет утверждать противоположное, он просто жалкий лгун!

Едва пират произнес последнее слово, как получил увесистую пощечину.

— Грабьте меня!.. Обворовывайте!.. Убивайте!.. Бросайте в зловонную клоаку, где гниют прокаженные!.. Делайте со мной что хотите, но не порочьте моего имени, слышите вы, мерзавцы?! Иначе я убью вас, как взбесившееся животное!

— Вы мне сейчас заплатите за это! — взревел бандит.

— Я с радостью заплачу и за это, и за многое другое!

— Но что тут в конце концов происходит?! И кто эти наглецы, осмелившиеся возвышать голос и оскорблять нас в нашем же доме?!

— Дело в том, — повернулся к капитану Бобу полковник Батлер, — что у нас хотят отобрать то, чем мы по праву владеем...

— Кто?

— Вот эти два авантюриста...

— Ах, так? Да их надо просто вышвырнуть отсюда!.. Что, или у нас мало людей?.. Сила ведь на нашей стороне!

— Речь идет не о силе, месье, а о праве, понятно? — оборвал морского волка управляющий. — Наследование

имущества, принадлежавшего моему покойному и глубоко почитаемому мною хозяину,— дело весьма важное, и посему необходимо знать, кто именно имеет все основания стать правопреемником бывшего владельца поместья.

— Что вы хотите этим сказать? — все еще высокомерно, но уже с оттенком беспокойства, спросил полковник.

— А то, что нужно пройти последнее испытание, очень серьезное, из которого, я не сомневаюсь, месье выйдет с честью,— сказал сеньор Кристобан, указывая на Жака, которого он пожирал глазами.

— Пусть так! — согласился янки.— Я подчиняюсь вашим требованиям, представляющимся мне по меньшей мере странными, исключительно ради выявления истины и для посрамления этих лжецов... Что вы собираетесь делать?

— Обратиться за помощью к усопшему.

— К чему эти мрачные шутки?..

— Я не шучу, поскольку речь идет о человеке, который любил меня как родного сына и чья воля для меня столь же священна, как если б она исходила от моего отца!

— Вы взываете к воле ныне покойного человека, память о котором дорога и мне. Я так же, как и вы, с уважением отношусь к его решению. И посему делайте, как сочтете нужным!

— В таком случае прошу всех пройти со мной на берег реки. Это недалеко, в пятистах метрах отсюда.

— Охотно! — заявил Батлер, все более и более нервничая, так как понимал, что одной смелости или наглости может оказаться недостаточно. Оттеснив в угол капитана Боба, он шепнул: — Ваши молодцы уже здесь?

— Да... Все до единого... Но они, как всегда, пьяны...

— Тем лучше: не станут мешкать!.. Вооружите их до зубов... и следуйте за нами украдкой... А затем, по моему знаку, прикончите всех троих — и этих французов, и управляющего... Они должны исчезнуть... Да так, чтобы и следа от них не осталось, а не то мы погибли... Действуйте же! Все теперь зависит от вас... Этот сеньор Кристобан, может, и не догадался бы ни о чем, если бы не проклятые французы. По тому, как он смотрит на истинного Арно, чувствуется, что ему все ясно.

— Можете рассчитывать на меня и моих храбрецов: провернем дельце как надо!

— Отправляйтесь же,— сказал Батлер.

— Мигуэль, прихватите с собой одного из ваших товарищей и идите вместе с нами, чтобы быть свидетелем того, что произойдет,— попросил управляющий своего помощника.

Шестеро человек тронулись в путь двумя группами: первая состояла из Жака, Жюльена и управляющего, вторая — из полковника с двумя слугами по бокам. Шли они довольно быстро — сперва по мягко спускавшейся вниз аллее, затем — по благоухавшему цветами подлеску, где широко раскинули свои ветви пышные тропические растения, и через несколько минут оказались на берегу реки, омывавшей невысокий холм с покрытыми худосочным кустарником склонами. На самом верху возвышенности красовался хорошенький домик, построенный на европейский лад, — с зелеными ставнями, голубятней, незатейливым колодцем и двориком, в котором произрастали жимолость и тюльпаны.

Жака охватило неописуемое волнение, тотчас разделенное с ним Жюльеном, не удержавшимся от крика удивления и радости.

— Тише, умоляю вас! Это в ваших же интересах! — шепнул ему управляющий и затем обратился к американцу: — Месье, что вы можете сказать об этом здании?

— Только то, что это хижина, за которую я не дал бы и пятисот долларов... Я не разделяю фантазии того, кто ее построил.

— Сей дом... вам ничего не напоминает?

— Сегодня — нет. Но завтра он напомнит мне о том, что сюда следует прислать рабочих, которые моментально снесут его.

— Снести этот дом! — возмутился Жак. — Дом, который так похож на тот, на берегу Луары, в Монлуи, где выросли моя мать и мой дядя и где... протекало мое счастливое детство!.. Где я провел лучшие часы моей жизни!.. Мой дядя построил его в этом месте потому, что пригорок напоминает наш, на родине, и река у холма такая же капризная, как Луара... Здание — таких же размеров и из тех же материалов, что и тот... Глядя на него, дядя вспоминал о своей отчизне и своих близких...

— И он почил здесь вечным сном,— изменившимся голосом произнес управляющий.— Именно тут покоится его прах, под цветами, за которыми, увы, никто не ухаживал с тех пор, как я уехал... А он так любил их, еще с тех пор, когда жил в Европе!

— И каково теперь ваше решение? — грубо прервал его американец.

— Пока я не принимаю никакого решения, а просто констатирую, что, хотя вы и выдаете себя за племянника месье Леонара Вуазена, родившегося во Франции, в Монлуи, департамент Эндр-и-Луара, в доме, как две капли воды похожем на этот, вы тем не менее не знаете ни Эндр-и-Луару, ни Монлуи, ни тот дом. Я отмечаю также, что вопреки предписанию, содержащемуся в письме человека, чьим наследником вы себя выставляете, вы почему-то не отдали должного его могиле. Но это еще не все. В маленьком домике, что вы видите перед собой, есть портрет, выполненный большим мастером, изобразившим моего покойного хозяина во весь рост еще в то время, когда ему было примерно столько же лет, сколько и этому месье,— указал сеньор Кристобан на Жака.— Месье так походит обликом на моего хозяина, каким запечатлел его художник на холсте, словно это с него писали картину.

— Так вот что вы имели в виду, когда сказали, что собираетесь обратиться за помощью к усопшему! — иронично молвил американец.

— Да, именно это... Точнее и не скажешь, ибо, как бы ни были вы наглы, вам не найти подтверждений своих лживых заверений!

В густом кустарнике послышался шорох.

— Мне наплевать на вас!.. Ибо обманщики и их пособник, которых я вижу перед собой, не смогут более помочь вам ни живыми, ни усопшими! — заявил американец и раскатисто закричал: — Ко мне, Боб!.. Ко мне, морячки!.. Прикончите их!.. Смерть им всем!.. Смерть!

Кусты зашевелились, и из них выскочили под предводительством старого пирата с дюжину головорезов, накинувшихся тотчас, как бешеные собаки, на четверку людей, из коих двое были безоружны. Нападение было столь внезапным, что французы не успели даже подготовиться к защите. Жак сразу же совершил грубейшую ошибку, швырнув в ноги капитана Боба свой карабин, в ответ на что морской волк, воздев вверх свою мощную длань *, направил на противника опаснейшее оружие — огромный knife **. Жюльен тем временем отчаянно отбивался от четверых насевших на него бандитов.

* Длань — рука, ладонь.

** Нож (англ.).

Дела наших друзей были как нельзя хуже, но тут со стороны дома раздалось четыре мощных выстрела, и над кущей садовых растений взвился легкий дымок.

Капитан Боб, пораженный пулей, попавшей ему между глаз, тяжело повалился на Жака. Полковник Батлер сделал, шатаясь, четыре шага, потом упал на колени и попытался сдержать рукой кровь, фонтаном бившую из его груди. Двое из четырех пиратов, напавших на Жюльена, рухнули один на другого.

— Мы уже три недели гоняемся за вами, мерзавцы! — раздалась громоподобная французская речь, и из зарослей вынырнул огромного роста мужчина, а следом за ним — еще два богатыря и некий человек далеко не столь могучего сложения.

— Заряжайте ружья, ребята!.. Малыш Андре, не мешай!

Эти четверо, как гром с неба, обрушились на перепуганных до смерти злодеев, растерявшихся при виде гибели своих предводителей.

— Бросайте оружие, разбойники, если не хотите на себе испытать, чего стоят две пары добрых канадских карабинов! — гаркнул гигант.

— Перро! — изумился Жюльен, кидаясь навстречу канадцу.

— Рады служить вам, месье! И от всего сердца...

— И Алексей! — воскликнул Жюльен, узнав русского, который подбежал к ним, запыхавшись.

— Месье Жак жив и здоров, — произнес Перро. — Уверен в этом: я вовремя всадил пулю куда надо... Этот боров осмелился навалиться на него!

Подняв за ногу одной рукой тело капитана, он брезгливо швырнул его на середину дороги.

Жак, освобожденный от прижавшей его к земле туши, под которой он буквально задыхался, радостно вскрикнул, узнав канадца.

— Ау, славный мой Перро, я снова спасен вами! — бросился он в объятия бывшего траппера.

— Да что вы, месье!.. Это пустяки... Эй, Эсташ!.. Эй, Малыш Андре!.. Эти мерзавцы оставили оружие, перед тем как удрать?

— Да, брат.

— Вот и отлично! А теперь, когда главное — позади, поздоровайтесь с господами.

Жалобный стон, вырвавшийся из груди полковника Батлера, прервал восторженные возгласы.

— Сразу видно, не я стрелял, а месье Алексей,— проворчал Перро.— В конце концов, это, может, и к лучшему.— И затем добавил: — Бедняга! Он был неплохим воякой, ей-богу!.. Черт возьми, не могу видеть, как он мучается! Эй, месье... месье... Это я, Перро Жозеф... Могу я что-нибудь сделать для вас?

— Пить!..— прохрипел раненый затухающим голосом.

Перро бросился к реке, а Жак и Жюльен, приподняв полковника, прислонили его к дереву. У несчастного появилась на устах легкая улыбка, в которой смешались ирония и мягкость: за ним ухаживали люди, которые имели все основания смертельно ненавидеть его.

— Вы очень добры,— пробормотал он.— У меня же никогда не было времени на проявление подобных чувств.

— Вам нельзя говорить,— тихо сказал ему Жюльен,— вы должны беречь силы.

— Зачем? Я уже свел счеты с жизнью. Для меня все кончено... Важно лишь, что... я ничего не украл... Пить...

Тут как раз вернулся Перро с кожаной флягой, полной воды:

— Возьмите, месье, и не держите ни на кого зла.

Янки жадно припал к фляге.

— Спасибо,— произнес он, не убирая с груди руку, закрывавшую рану.— А как Боб?

— Он мертв,— ответил Жак.

— Тем хуже... Я собирался просить вас проявить к нему милосердие... Поскольку его нет в живых, мне теперь уже ничто не мешает признаться, что я лгал управляющему... Я знаю, вы во благо употребите принадлежащее вам по праву наследство... Кажется, мне полегчало от этого признания... Я понял, что люди не так уж плохи, как думалось мне до сего дня... Месье де Клене!.. Месье Арно!.. Жизнь уходит от меня... Я не боюсь смерти... Но если вы скажете, что не питаете больше к нам, несчастным, ненависти из-за... лепрозория...— это было мерзко... не правда ли?..— мне будет легче умереть...

— И я лично, и друг мой Жак прощаем вас! — торжественно молвил Жюльен.

— Благодарю! — прошептал раненый. Его дыхание прервалось, взгляд остыл, рот открылся.

— Все кончено,— констатировал Перро.

— Да покоится он в мире! — обнажая голову, произнес Жак.

*Разгадка неожиданного появления на фазенде четверых друзей.— Горнопромышленники из Карибу.— Претворение в жизнь решения Алексея Богданова и братьев-канадцев отправиться в Жаккари-Мирым.— Усиленное наблюдение за бандитами.— Беспокойство Перро.— Афоризм * Жака.— Огромное состояние.— Управляющий имением как член семьи.— Сладкая жизнь.— Тоска по родине.— Отъезд в Европу.— Отношение Жака к воляжу через океан.— Волчий аппетит вместо морской болезни.— Буря.— Прибытие в Гавр.— В Париже два года спустя.— Посещение «Английского кафе», становящееся традицией.— Воспоминание Жака о начальном этапе странствования по суше.*

Каким бы неожиданным ни выглядело появление трех канадцев и русского в тот драматический момент, когда бандиты обрушились на наших друзей и управляющего имением, в действительности в нем не было ничего сверхъестественного или загадочного: вспомним о письмах Перро и Алексея, полученных в Кито Жаком и Жюльеном и извещавших французов о намерении горнопромышленников Карибу провести вчетвером зиму в Жаккари-Мирым.

Когда из-за холодов работы на приисках приостановились, золотодобытчики решили привести в исполнение свой план. Покинув Британскую Колумбию, они сели в Нью-Вестминстере на первый же корабль, отправлявшийся в Сан-Франциско, а там пересели на судно, следовавшее в Рио-де-Жанейро. Этот американский пароход заходил во все порты на западном побережье Соединенных Штатов, Мексики и Южной Америки и, оставив позади Магелланов пролив, направлялся на север к столице Бразильской империи.

Он останавливался, конечно же, и в Салаверри, в этом порту Трухильо, и представьте себе изумление Перро при виде полковника Батлера и его закадычного дружка капитана Боба, собиравшихся сесть на то же судно. Сразу же заподозрив благодаря своему нюху старого траппера что-то неладное, некий дьявольский умысел, канадец решил не показываться на глаза американцам, что было сделать

* Афоризм — краткое выразительное изречение.

совсем нетрудно: эти огромные лайнеры* являются, по сути, многолюдными плавающими городами. Однако Алексею, Эсташу и Малышу Андре, не знакомым лично с пройдохами-янки, не было никакой необходимости вести затворническую жизнь, которая вскоре осточертела бывалому охотнику.

Когда пароход покидал Салаверри, Алексей узнал от дежурного на борту, что американцы направлялись туда же, куда и они,— в Рио-де-Жанейро. Известие об этом не на шутку встревожило Перро.

«Какого черта понесло в Бразилию этих двух висельников? — не переставая спрашивал самого себя Перро, все более и более волнуясь.— Как знать, не собираются ли они расставить ловушку месье Арно и месье де Клене, когда те прибудут туда на заключительном этапе своего путешествия?»

Но особое беспокойство благородный канадец французского происхождения ощутил после того, как по прошествии двух дней Алексей сообщил ему потрясающую новость: эти два новых попутчика заявили, будто их зовут месье Арно и месье де Клене.

Посовещавшись, все четверо решили, что над янки необходимо установить неусыпный надзор, который, впрочем, мало что дал.

Негодяи из предосторожности тщательно следили за каждым своим шагом. Хотя порой они и принимались разглагольствовать с таким апломбом, что невольно вызывали к себе уважительное отношение со стороны других пассажиров, в целом же их поведение можно было бы охарактеризовать как довольно скромное, что позволяло им не привлекать к себе особого внимания.

Правда, янки не утерпели и намекнули одному-другому на огромное наследство, ожидающее «месье Арно» в Бразилии. Поскольку же в подробности Боб и Батлер не вдавались, цель их плаванья оставалась для остальных покрытой целой тайной, проникнуть в которую не дозволено никому.

После долгих размышлений Алексей и братья-канадцы сделали, казалось бы, единственно возможный в данных обстоятельствах вывод, сводившийся к тому, что фальшивый наследник и его компаньон, представляя себе пример-

* Лайнер — здесь: крупный быстроходный океанский товаро-пассажирский пароход, совершающий рейсы на определенной линии по расписанию.

но маршрут Жака и Жюльена, задумали опередить их, воспользовавшись морским путем, чтобы, прибыв в Жаккари-Мирим, попытаться войти в доверие к исполнителю завещания и, вступив в наикратчайший срок в права наследования, продать имение и скрыться с вырученными деньгами до появления в поместье настоящего наследника. Однако и русский и канадцы допустили в своих расчетах грубую ошибку: они не учли того, что, по мнению бандитов, законный претендент на наследство вместе со своим другом навсегда исчезли за страшными стенами лепрозория Бурро.

Спустя четыре дня после отплытия судна из Салаверри четверо друзей оказались в Рио-де-Жанейро, завершив, таким образом, свое путешествие по морю, показавшееся им бесконечно долгим. Особенно тягостным оно было для Перро, вынужденного просидеть все это время в каюте, где он по несколько раз на день посылал ко всем чертям проклятых янки, ставших невольного его тюремщиками.

Как стало известно друзьям, проходимцы обнаглели до такой степени, что похвалялись перед бразильскими властями обладанием документом, долженствующим ввести их во владение огромным состоянием. Как мы уже знаем, лиходеи и в самом деле сумели соблюсти все формальности и, ловко обеда в вокруг пальца чиновников, спокойно, не скрываясь более ни от кого, расположились в Жаккари-Мирим в качестве новых его хозяев.

Алексей и братья-канадцы решили наблюдать незаметно за имением, пока туда не придут Жак и Жюльен, а этого ждать уже оставалось недолго, даже если принять во внимание возможные задержки в пути по тем или иным причинам. Устроившись прямо в лесу, друзья стали жить жизнью дикарей, невидимые для постороннего глаза, но сами не упускающие ничего важного. Затем спустя короткое время они перенесли свой наблюдательный пункт поближе к домику в европейском стиле: туда никто никогда не заходил, с холма же было видно далеко вокруг и отлично просматривался причал, к которому в любой момент могла подойти лодка с французами. Друзья рассудили, что, как только в Жаккари-Мирим придут Жак с Жюльеном, они сразу же вступят в схватку с мошенниками, и тут внезапная помощь им со стороны четырех их товарищей могла бы оказаться весьма кстати. Последующие события показали, что все произошло именно так, как и предполагали Алексей и братья-канадцы, и что лишь их

своевременное вмешательство предотвратило гибель французов и управляющего имением.

Читателю и самому нетрудно догадаться, что последовало за поражением бандитов. Сколь бы ни любили драматурги счастливую развязку сочиненных ими хитросплетений, в жизни все же благополучное, ко всеобщей радости, завершение наисложнейших перипетий случается куда чаще, чем на сцене театра.

Действительность вновь подтвердила истинность слов, заключенных в излюбленном афоризме Жака Арно, ставшем его девизом, суть которого сводилась к тому, что нет ничего невозможного.

После предсмертных признаний полковника Батлера Жак безо всяких проволочек вступил в права наследования имением Жаккари-Мирим. Управляющий Кристобан передал ему вместе с соответствующими документами, удостоверяющими права Жака как собственника, счета, которые были в столь абсолютном порядке, что к ним не смог бы придраться самый что ни на есть строгий бухгалтер.

Жак стал миллионером. Причем миллионером, не знавшим, как распорядиться своим огромным состоянием. Свалившееся на него несметное богатство ни в коей мере не отразилось на его образе жизни. Человек непритязательный, противник всяческой роскоши и показухи и не любивший шума толпы, он поселился вскоре в домике на холме, напоминавшем ему точно такой же домишко на берегу Луары.

Выбор подобного места для проживания был обусловлен в первую очередь тем, что именно здесь его дядя провел лучшие дни своей жизни, здесь же скончался и здесь нашла успокоение его душа. Само собой разумеется, половину своей новой обители Жак предложил Жюльену.

Нет нужды говорить, что управляющий Кристобан, как и прежде, добросовестно исполнял роль *deus ex machina* * не только в центральной усадьбе, но и в других владениях Жаккари-Мирим.

Старый хозяин любил его, словно родного сына,— и,

* Буквально: «бог из машины» (лат.). Данное выражение, применяемое по отношению к человеку, играющему решающую роль в каком-либо деле, обязано своим происхождением тому обстоятельству, что в античной трагедии развязка наступала иногда благодаря вмешательству одного из мифических богов, появлявшегося на сцене при помощи механического приспособления.

как вы убедились сами, не без оснований,— и новый, протянув по-дружески верному служащему руку, понятно, сказал:

— Считайте себя, как и раньше, членом нашей семьи!

Большого этому славному человеку и не нужно было.

После стольких наисложнейших перипетий потянулись безмятежные дни, когда все вокруг было напоено ничем не нарушаемым покоем, смягчающим понемногу память о былых страданиях и уравновешивающим взлеты и падения в жизни человека до такой степени, что тот начинает спрашивать себя в недоумении: «Неужто это я находился там-то в такой-то день и в таких-то условиях?»

Жак буквально наслаждался непривычной для него сладкой жизнью, протекавшей на фоне чудесной тропической растительности. Обилие воздуха и солнца, приятный отдых в удобных, хорошо проветриваемых помещениях, дальние поездки по равнине и прогулки по таинственному девственному лесу преисполняли радостью владельца фазенды.

Месяцы быстро следовали друг за другом. Оптимизм Жака, обаятельность Жюльена, благожелательность канадцев и исключительная эрудиция Алексея придавали особую прелесть совместному проживанию шестерых друзей.

Однако в конце концов настало время, когда золотопромышленникам пора было возвращаться в Карибу. Дав слово снова посетить фазенду в следующем году, они сели в Рио на пароход, следовавший с заходом в порты Пернамбуку, Пара и Демерара в Колон, откуда поезд доставил их в Сан-Франциско.

Расставание с Алексеем и братьями-канадцами было первым огорчением, испытанным Жаком и Жюльеном после того, как они обосновались в имении, и по отбытии «горных дел мастеров» французы ощутили одиночество.

Прошли апрель, май, июнь, и Жак, покинувший Европу почти два года тому назад, стал поговаривать о дорогой его сердце отчизне и о родном Париже.

— Признавайся-ка уж сразу,— улыбнулся Жюльен,— что тобой овладела ностальгия!

— Это не совсем так, однако мне очень хотелось бы вновь увидеть великий город, в котором я жил как круглый дурак, будучи заурядным чинушей... Париж, истинный Париж — он куда мне милее, чем здешний девственный лес!

— Город вскоре надоел бы тебе...

— Может быть... И тем не менее я не прочь бы сорваться с насиженного места, встряхнуться немного и поразмять свои кости, одревеневшие от долгого пребывания в тропиках. А затем, насладившись переменами, вновь вернуться сюда.

— Будь по-твоему, в добрый час! Сегодня у нас восьмое июля, сможем же мы сесть на пароход лишь пятнадцатого августа. Тебя не смущает встреча с морской водой?

— Я готов с нею свидеться хоть сейчас!

— Ну что ж, в таком случае через пять недель отправляемся в путь!

Жак не изменил своего решения. В назначенный день они с Жюльеном ступили на борт одного из великолепнейших кораблей трансатлантической пароходной компании, и пока Жак мужественно ждал отплытия, Жюльен занимался отправкой телеграмм в разные страны мира.

Проревел гудок, гигантское судно качнулось, и Жак, с беспокоеством наблюдавший за собой, почувствовал первые признаки морской болезни: в животе у него слегка заскребло, и он объявил... что умирает от голода.

— Bravo! — сказал Жюльен, удивляясь столь странно-му проявлению недуга, и спустился с другом в ресторанный зал.

Жак, демонстрируя зверский аппетит, проглатывал буквально все и, соответственно, воздавал должное и напиткам. Затем, насытившись сверх всякой меры, проследовал в свою каюту без малейшего намека на тошноту, лег на койку и проспал двенадцать часов подряд. Разбудило же его чувство голода.

Хотя корабль испытывал в открытом море и бортовую и килевую качку, подобные вещи уже не волновали Жака, как бы сделавшегося частью самого судна, и он, спокойно, словно был на земле, совершив тот же гастрономический подвиг, что и накануне, принялся расхаживать по каюте.

Исцеление от недуга, от коего обычно страдают восемь десятых пассажиров, было полным и окончательным.

Когда океан разбушевался, да так, что судно, следовавшее к берегам Африки, поневоле сбавило ход, не в силах противостоять ураганному ветру и высокой волне, большинство находившихся на борту людей вынуждены были запереться в своих каютах из-за сильного приступа морской болезни и даже у Жюльена началась мигрень, Жак по-прежнему сохранял ничем не омрачаемую невозмутимость человека, который ест и пьет в свое удовольствие, не испытывая при этом никаких проблем с пищеварением.

Буря продолжалась двенадцать дней и двенадцать ночей, и ни разу за все это время вестибулярный аппарат * не подвел молодого человека.

Пятнадцатого сентября, с опозданием на четверо суток, корабль прибыл наконец в Гавр, и в восемь часов вечера того же дня, через два года после начала их довольно беспокойного кругосветного путешествия, друзья сошли с поезда в Париже, на вокзале «Сен-Лазар».

— И куда мы теперь отправимся? — спросил Жак.— В «Гранд-отель» или ко мне, в мою скромную обитель на улице Дюрантен?

— Пошли в «Английское кафе», если ты не против!

— Не возражаю, тем более что это становится у нас как бы традицией! Мы вволю посмеемся там над тем, как ловко осуществил ты мое похищение и впихнул меня два года назад, после роскошного обеда, в поезд, следовавший в Берлин. А заодно вспомним также, сколь нелегко дался нам начальный этап странствования по суше.

Конец третьей части

* Вестибулярный аппарат — орган чувств (у человека и позвоночных животных — часть уха), воспринимающий изменения положения головы и тела в пространстве, а также направление движения.

Эпилог

Если и есть на свете что-нибудь особо неприятное, так это металлический рык будильника, грубо нарушающий ваш сон. Неумный, надрывный, мучительный трезвон буквально раздирает мозг и гонит прочь сладкую грезу, тут же замещаемую кошмарной прозой жизни со столь совершенно протiwоестественным проявлением ее, как принудительное пробуждение.

Примерно так размышлял Жак Арно, когда, проснувшись поутру в своей квартирке на улице Дюрантен, он вновь увидел вокруг себя всевозможные, такие привычные и родные вещицы, расставленные в незыблемом порядке с придирчивой тщательностью, свойственной чинуше и закоренелому холостяку, и услышал хорошо знакомый настырный голос, в то время как заботливая женская рука протягивала ему ужасное питье из цикория и парижского молока.

— Кофе для месье!

— Подумать только! Но где же я?.. Как, тысяча бочек грома, это вы, Женевьева?.. Выходит, я действительно на улице Дюрантен?..

— Да, месье,— подтвердила старая гувернантка*.

— А какой у нас сегодня день?

— Шестнадцатое сентября, месье.

* Гувернантка — воспитательница в буржуазных и дворянских семьях.

— А вчера, значит...

— Было пятнадцатое.

— Я не то хочу сказать... У меня все в голове перепуталось... Вчера я высадился в Гавре!.. А приехал из Бразилии... Шестнадцатое сентября!..

Взгляд его упал на отрывной календарь, на котором красовалась выделенная крупным шрифтом цифра «15». Жак, не заботясь о присутствии Женевьевы, одним прыжком подскочил к календарю и голосом, полным неподдельного отчаяния, воскликнул:

— Шестнадцатое сентября тысяча восемьсот семьдесят восьмого года!.. Шестнадцатое сентября... тысяча восемьсот семьдесят восьмого года!.. То есть я за одну ночь как бы прожил два года... — Он начал торопливо одеваться. — В общем, мне лишь приснилось, будто я совершил грандиозное путешествие. Я же по-прежнему — канцелярская крыса, которая вот-вот вспрыгнет сейчас на империал* омнибуса, следующего до площади Пигаль, чтобы не опоздать в свою контору?.. Странствование вокруг света, арестантская колонна в Сибири, лагерь во льдах Хандыги, гостеприимный чум в стойбище чукчей, встреча с профессором Норденшельдом, схватка у островов Диомида, перелет на воздушном шаре через Аляску, золотые копи Карибу, братья-канадцы, Калифорния, полковник Батлер, знаменитый удар кулаком, Мексика, Панама, лепрозорий, Эквадор, Перу, капитан английского военного корабля, плавание по озеру Титикака, прибытие в Жаккари-Мирим и смертный бой, завершивший нашу одиссею, — неужели все это мне только пригрезилось?.. Нет, такого не может быть!... И все же я на улице Дюрантен... А Женевьева, как всегда, приносит мне кофе с молоком именно в ту минуту, когда этот глупый инструмент, именуемый будильником, закончил наконец трезвонить... Но если то и в самом деле был сон, тогда почему же я помню все так отчетливо, в мельчайших деталях?.. Да и разве ощутил бы я, провалявшись всю ночь в кровати, тот заряд энергии, который буквально переполняет меня и может быть получен лишь тем, кто достаточно поболтался по морю и суше... Но факт остается фактом: сегодня у нас — шестнадцатое сентября...

— Тысяча восемьсот восьмидесятого года! — закончил за него хорошо знакомый голос, прозвучавший у бесшум-

* Империал — здесь: второй этаж с сиденьями для пассажиров в дилижансах и омнибусах — многоместных каретах, следующих по определенному маршруту.

но открывшейся двери.— Добрый день, путешественник! — продолжал весело Жюльен, пропуская вперед высокого старика с правильными чертами лица и великолепной выправкой, хотя и чувствовалось, что невероятные страдания надломили его и посему он как бы нес на себе печать неизгладимой тоски.— Мне не нужно представлять вас друг другу: вы познакомились при столь драматических обстоятельствах, которых ни за что не забыть...

Жак с радостным криком бросился в объятия старца: — Полковник Михайлов!.. Наш спаситель!.. Я и мечтать не смел о таком!.. Слава Богу, вы свободны!.. Вы свободны!..

— Не совсем так: я ведь изгнанник, — ответил старик.— Свобода вдали от родины — это тюремное заключение, хотя и в облегченном варианте.

— А вы знаете, полковник, что Алексей?.. — произнес Жак, но закончить фразу не успел.

— Он перед вами! — воскликнул звонкий голос, и в комнату вошел молодой русский.

— О! — воскликнул Жак, ошавший от счастья.— Вы тоже здесь! Я думал, вы в Карибу, и вдруг вижу вас перед собой... Как это здорово!.. Теперь не хватает только братьев-канадцев!

— Нет ничего невозможного, месье! И если вы хотите лицезреть людей, испытывающих дикий восторг от сознания того, что они ступили наконец на землю своих предков, то вот они — из плоти и крови!

Тяжелые шаги протопали по полу, и Жак, все более изумляясь, увидел всех трех Перро, цветущих, жизнерадостных, в новых костюмах, делавших их похожими на преуспевающих фермеров из Нижней Нормандии.

— Но ты созвал не всех наших друзей, — заметил Жюльену Жак, чье изумление сменилось вскоре бурной веселостью.— Не видно почему-то мистера Андерсона, буржуа из Нулато. Или он, может, прячется в данный момент в прихожей?

— Вот письмо, в котором он дал мне знать, что ледоход на Юконе задержался в этом году из-за ужасных морозов на целый месяц. И так как у него не было воздушного шара, он не смог, следуя твоему примеру, переправиться через реку. А иначе он тоже был бы вместе с нами. Что же касается капитана «Шотландии», то сэр Колин Кэмпбелл прислал телеграмму, в которой приносит извинения за то, что не может присутствовать на дьявольски роскошном обеде, который ты закаташь сегодня. Я только что получил ее из Австралии.

— Теперь мне все понятно! Вчера вечером ты воссоздал все, что предшествовало моему отъезду, но в противоположном порядке, ибо после обильной трапезы в «Английском кафе»... ты доставил меня не на вокзал, а ко мне на квартиру...

— Где тебя целых два года ждала верная гувернантка.

— Забавная шутка, сотворенная с помощью снотворного!.. Признаюсь, пробудившись, я испытал своего рода шок, когда представил вдруг, что я снова — канцелярская крыса! У меня голова пошла кругом, и я готов был отдать от огорчения Богу душу. К счастью, ты вовремя прибыл сюда с нашими друзьями — свидетелями того, что наше путешествие из Парижа в Бразилию по суше действительно состоялось!

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Из Парижа в Бразилию по суше. Роман

Часть 1. Через Европу и Азию. Перевод Т. Балашовой	7
Часть 2. По Северной Америке. Перевод Е. Морозовой	187
Часть 3. По Южной Америке. Перевод Р. Родиной	396
Эпилог . .	.581

БУССЕНАР Л.

Б92 Собрание романов.— Серия 2. Т. 1: **Из Парижа в Бразилию по суше.** Роман: Пер. с фр. (Художник А. Махов.— М.: Ладомир, 1994. — 592 с., ил.

ISBN 5-86218-083-4 (Серия 2, т. 1)

ISBN 5-86218-002-8

В первый том второй серии Собрания романов популярного французского писателя Луи Буссенара (1847—1910) вошел впервые полностью переведенный на русский язык роман «Из Парижа в Бразилию по суше» открывающий трилогию, которую составили также романы «Адское ущелье» и «Канадские охотники».

Б 4703010100-004 Без объявления
593(03)-94

ББК 84.4 Фр

ЛУИ БУССЕНАР

Собрание романов

Серия 2

Том 1

Редактор Маслов Ю. Н.

Технический редактор Суровцева С. И.

Корректор Наренкова О. Г.

Сдано в набор 25.11.93. Подписано в печать 20.01.94.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Баскервиль».
Печать высокая. Печ. л. 18,5. Тираж 60 000 экз. Заказ № 1822. С-7.

Научно-издательский центр «ЛАДОМИР» при содействии ТОО «ВРС»
103617, Москва, К-617, корп. 1435.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Мининформпечати Российской Федерации.
127018, Москва. Сущевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЛАДОМИР»

предлагает Вашему вниманию

СТРАБОН
«ГЕОГРАФИЯ»

Сочинение знаменитого греческого географа и историка Страбона (64/63 г. до н. э. — 23/24 г. до н. э.) содержит уникальнейший материал по географии, истории, религии, топографии Европы, Азии и Африки времен образования Римской империи.

Несколько суховатая манера изложения фактов, присущая жанру «памятных записок», искупается исключительно подробным и полным описанием всех происходящих событий.

Сообщая важные сведения о великих системах Эратосфена, Полибия и Посидония, «География» воскрешает целый мир, который без этой книги остался бы для человечества в значительной мере непознанным.

Перевод, статьи и комментарии
Г. А. Стратановского.

Объем книги 944 стр.
Формат 70×90¹/₁₆, тв. п., офс. № 1, репринт.

В 1994 г.

НИЦ «ЛАДОМИР»

предполагает опубликовать в серии

«Литературные памятники»

Российской Академии наук

перевод «МЕМУАРОВ»

Кардинала РЕЦА.

Мемуары Поля де Гонди, кардинала Реца (1613—1679), одного из вождей Фронды,— интереснейший исторический документ, важный памятник политической мысли и в то же время выдающееся художественное произведение. Рец подробно и ярко, хотя и не без предвзятости, описывает бурное и сложное время в истории Франции. Произведение Реца — блестящий образец классической прозы, не уступающий в смысле мастерства «Максимум» Ларошфуко и «Мемуарам» герцога Сен-Симона. Написанное мощным и выразительным языком, оно изобилует меткими и беспощадными характеристиками-портретами государственных деятелей. Вместе с тем в мемуарах Реца нашла отражение и своеобразная романтическая сторона французской действительности — в авантюрном и психологическом аспекте. Рец прожил исключительно бурную жизнь. Этот аристократ, против собственной воли ставший церковным деятелем, пользовался расположением светских красавиц, дрался на дуэлях, снаряжал воинские отряды, плел сеть сложных политических интриг, выхлопотал себе кардинальское звание, был близок к захвату власти над страной, затем был брошен в тюрьму, бежал из заключения, скитался по Европе и сохранил политическое влияние. Перед читателем проходит преисполненная драматизма судьба выдающейся личности, осмелившейся вступить в отчаянно смелое и обреченное на трагическую неудачу единоборство с монархом, Людовиком XIV. Привлекают ясность и откровенность, с которыми Рец рисует свои идеалы и чаяния, анализирует себя и свои поступки.

Научно-издательский центр «Ладомир»

предлагает Вашему вниманию
собрание сочинений
популярнейшего американского рассказчика-юмориста

О. ГЕНРИ
(1862—1893)

в трех томах

В литературном наследии О. Генри насчитывается свыше 250 веселых, увлекательных, динамичных рассказов с обаятельными героями и ошеломляющей развязкой.

В предлагаемое вашему вниманию издание вошли сборники рассказов «Короли и капуста», «Четыре миллиона», «Сердце Запада», «Коловращение», «Деловые люди», «Всего понемножку», «Под лежачий камень», «Остатки», «Горящий светильник», «Голос большого города», «Благородный жулик», «Дороги судьбы», «На выбор».

Средний объем томов — 500 с., прекрасное оформление, иллюстрации, твердый переплет, шитье блоков нитками, белая бумага.

Все издание выйдет в свет в 1994 году.

На территории России индивидуальная подписка проводится Центральным рознично-подписным агентством в районных отделениях связи и магазинах «Роспечать».

По вопросам оптовых заказов обращаться по адресу:
103617, г. Москва, К-617, Зеленоград, корп. 1435, НИЦ
«Ладомир».

Телефон для справок: (095) 530-47-42 (факс).

